

Археологические вести

— 39 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Памяти Александра Ивановича Саксы

Archaeological news

39
(2023)

Saint Petersburg
2023

Археологические вести

**39
(2023)**

Санкт-Петербург
2023

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

Н. В. Хвощинская, П. А. Миляев

Издательская группа:

А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева, Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 39 / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2023. — 332 с.: ил.

Очередной номер журнала «Археологические вести» посвящен памяти Александра Ивановича Саксы — известного ученого в области средневековой археологии Финляндии и сопредельных территорий, внесшего огромный научный и научно-организационный вклад в развитие российско-финляндского сотрудничества в области археологии. В мемориальной части собраны воспоминания друзей и коллег и библиография работ. В основные разделы включены статьи, связанные с широким кругом вопросов и проблем, разрабатываемых А. И. Саксой. Среди авторов журнала — исследователи из различных археологических центров России, а также из Финляндии и Франции.

The current issue of the “Archaeological News” is dedicated to the memory of Alexander Ivanovich Saksa — a well-known scholar in mediaeval archaeology of Finland and neighboring territories, who made a great scientific and organizational contribution to the development of Russian-Finnish cooperation in the field of archaeology. The memorial section unites reminiscences of his friends and colleagues and a bibliography of his published works. The main sections include articles related to a wide range of issues and problems developed by A. I. Saksa. The authors are represented by researchers from different archaeological centers in Russia, as well as from Finland and France.

ISSN 1817-6976

Первая и четвертая страницы обложки — подвеска (местонахождение Кумсручей, Республика Карелия).
First and fourth pages of cover — pendant (Kumsruchey “hoard”, Karelia).

Авантитул — фотография Е. Головача, фотографа Выборгского замка.
On the title is a photo of E. Golovach — a photographer of the Vyborg castle.

Содержание

Творил добро с любовью к людям (Н. В. Хвоцинская)	9
---	---

AD MEMORIAM

В. Я. Шумкин. Наш друг и коллега Саша Сакса	11
П. Уйно, К. Карпелан. Александр Сакса — взгляд из Финляндии: добрый коллега, душа научного сотрудничества, дорогой друг	26
А. А. Выборнов. О Саше	35
С. И. Кочкуркина, М. И. Петрова. Светлой памяти Александра Ивановича Саксы посвящается	38
Библиография работ А. И. Саксы (Составитель Л. М. Всевиов)	40

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. В. Герасимов. Новейшая история полевых исследований каменного века Карельского перешейка: попытка анализа результатов	48
Ю.-П. Таавитсайнен, А. И. Сакса (†). Керамика эпохи раннего металла из Тиверского городка	57
М. М. Казанский. Скандинавские находки эпохи Великого переселения народов с острова Большой Тютерс	66
В. Н. Кузнецова. Пермский орнитоморфный след в землях Восточно-Балтийского региона в эпоху средневековья	75
А. Ю. Кононович. Металлические нательные кресты с растительными мотивами в древнерусской культуре	86
А. Ю. Щедрина. Деталь меча с карельского городища Паасонвуори (Паасо)	98
С. И. Кочкуркина, А. Ю. Тарасов. Средневековые ювелирные изделия в Северной Карелии (местонахождение Кумсручей)	112
А. В. Курбатов. Карельский след в продукции новгородских кожевников	116
А. В. Плохов. Стекланные сосуды «группы Алдревандино» из раскопок в Великом Новгороде	122
А. Ю. Городилов, Е. Ю. Кононович. Коллекция фибул из погребений грунтового могильника с каменными обкладками у деревни Коваши	139
С. В. Бельский. Результаты археологических исследований в восточной части позднесредневекового Выборга: к истории одного городского квартала	150
В. К. Сингх, А. М. Степанов. Западноевропейская текстильная пломба XVI в. из раскопок в Новгороде	161
С. А. Салмин, Е. В. Салмина. Археологическое изучение Немецкого-Шведского гостиного двора на Завеличье Пскова в 2019–2020 гг.	171
Ст. А. Васильев, Н. В. Григорьева, С. А. Семенов. Культурный слой крепости Корела в исследованиях А. Н. Кирпичникова и А. И. Саксы	179

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>А. Ю. Городилов.</i> За миг до шнуровой: гребенчатая керамика юго-восточного берега Финского залива в конце IV тыс. до н. э.	195
<i>Н. В. Хвоцинская.</i> Этногенез и историческая судьба води	204
<i>И. В. Стасюк.</i> Могильники с кремациями эпохи викингов между Нарвой и Волховом (к вопросу о предкурганной культуре X–XI вв. и происхождении води)	220
<i>К. А. Михайлов.</i> Археология катастрофы: реконструкция штурма и гибели древнерусского города XIII в. (по материалам исследований М. К. Каргера Большого Шепетовского городища)	243

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>С. С. Зозуля, В. Н. Седых.</i> История исследования курганного могильника у деревни Большое Тимерёво. К 150-летию изучения памятника	267
<i>А. И. Мурашкин.</i> Исследование средневековых и постсредневековых древностей на Кольском Севере: современное состояние	279
<i>Е. Г. Застрожнова, И. Л. Тихонов, И. С. Тихомиров, С. Н. Быковский:</i> от красного командира до заместителя председателя ГАИМК (новые материалы к биографии)	292
<i>М. В. Медведева, В. Ю. Соболев.</i> Новгородское (Рюриково) городище и Сиверсов канал	311
Список сокращений	329

Contents

He did good with love for people (<i>N. V. Khvoshchinskaya</i>)	9
---	---

AD MEMORIAM

<i>V. Ya. Shumkin</i> . Our friend and colleague Sasha Saksa	11
<i>Pirjo Uino, Christian Carpelan</i> . Aleksandr Saksa from a Finnish perspective — good colleague, key person of the co-operation, dear friend	26
<i>A. A. Vybornov</i> . About Sasha	35
<i>S. I. Kochkurkina, M. I. Petrova</i> . In memory of Alexandr Ivanovich Saksa	38
Bibliography of the works of A. I. Saksa (<i>Compiled by L. M. Vsevirov</i>)	40

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>D. V. Gerasimov</i> . The modern history of Stone Age field studies in the Karelian Isthmus: an attempt to analyze the results	48
<i>Ju.-P. Taavitsainen, A. I. Saksa</i> (†). Pottery of the Early Metal Age from Tiversky Gorodok	57
<i>M. M. Kazanski</i> . Scandinavian finds of the Great Migration Period from Bolshoy Tyuters Island	66
<i>V. N. Kuznetsova</i> . The Perm ornitomorphic trace in the lands of the East Baltic region of the Mediaeval Age	75
<i>A. Yu. Kononovich</i> . Metal cross-pendants with plant motifs in the Old-Russian culture	86
<i>A. Yu. Shchedrina</i> . A sword fragment from the Karelian fortified site of Paasonvuori (Paaso)	98
<i>S. I. Kochkurkina, A. Yu. Tarasov</i> . Medieval jewellery in northern Karelia (location of Kumsruchey “hoard”)	112
<i>A. V. Kurbatov</i> . The Karelian trace in products of Novgorod leatherworkers	116
<i>A. V. Plokhov</i> . Glass ware of the “Aldrevandin Group” from excavations in Veliky Novgorod	122
<i>A. Yu. Gorodilov, E. Yu. Kononovich</i> . Collection of brooches from interments of the flat-grave cemetery with stone fences near the village of Kovashi	139
<i>S. V. Belskiy</i> . Results of archaeological investigations in the eastern part of Late Mediaeval Vyborg: the history of one urban block	150
<i>V. K. Singkh, A. M. Stepanov</i> . West European textile seal of the 16 th century from excavations in Novgorod	161
<i>S. A. Salmin, E. V. Salmina</i> . Archaeological investigation of the German-Swedish Gostiny Dvor at Pskov Zavelichye in 2019–2020	171
<i>St. A. Vasilyev, N. V. Grigoreva, S. A. Semenov</i> . The cultural layer of the fortress of Korela in investigations by A. N. Kirpichnikov and A. I. Saksa	179

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

A. Yu. Gorodilov. At a moment before the Corded ware: comb ware from the south-eastern coast of the Gulf of Finland in the late 4 th millennium BC	195
N. V. Khvoshchinskaya. Ethnogenesis and the historical fate of the Vod'	204
I. V. Stasyuk. Burial grounds with cremations of the Viking Age between the Narva and Volkhov Rivers (to the question of the pre-Kurgan culture of the 10 th –11 th centuries and the origin of the Vod')	220
K. A. Mikhaylov. An archaeology of catastrophe: Reconstruction of the assault and fall of an Old-Russian town of the 13 th century (after the results of M. K. Karger's investigations of the Large Shepetovka fortified settlement)	243

HISTORY OF SCIENCE

S. S. Zozulya, V. N. Sedykh. The history of investigation of the kurgan burial ground near the village of Bolshoye Timerevo. To the 150 th anniversary of the studies at the site	267
A. I. Murashkin. Studies of mediaeval and post-mediaeval antiquities on the Kola North: current status	279
E. G. Zastrozhnova, I. L. Tikhonov, I. S. Tikhomirov. Sergey N. Bykovskiy: from a red commander to the assistant chairman of GAIMK (new material for the biography)	292
M. V. Medvedeva, V. Yu. Sobolev. Novgorod fortified site (Ryurik Gorodishche) and Siversov Channel	311
List of abbreviations	330

Творил добро с любовью к людям

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-9-10

Полтора года назад Александр Иванович Сакса — ведущий научный сотрудник ИИМК РАН, доктор исторических наук, крупнейший специалист по средневековым древностям Карелии, Финляндии и Прибалтики отпраздновал свой 70-летний юбилей. Несмотря на определенные проблемы со здоровьем, он был полон творческих идей и планов, смотрел в будущее, на перспективу возможных дальнейших исследований Выборга, подготовки новых публикаций и развития исследовательских проектов с финскими коллегами. В августе 2022 г. он хотел посетить нашу экспедицию на Рюриковом городище, поэтому, когда в разгар полевого сезона пришло ошеломляющее печальное известие о его смерти, трудно было поверить в реальность случившегося.

Саша родился в семье ингерманландских финнов. Он сам признавался, что до пяти лет говорил в основном по-фински и всегда с большой теплотой вспоминал свое детство и старенький отчий дом в деревне Горки (по-фински Коркка) в Воловском районе Ленинградской области. Саша был третьим ребенком в семье, и, по его словам, к нему с особой любовью и заботой относились не только родители, но и старшие сестры. Да и сам он всегда с большой гордостью и пиететом рассказывал о них. Саша старался постоянно навещать свое родовое гнездо и по возможности поддерживать там порядок — косил траву, сажал картошку, что-то выращивал на огороде и, конечно, топил баню, построенную по старым финским традициям по черному. Со знанием дела он рассказывал, как отец учил его подбирать определенного типа валуны для печки-каменки, чтобы они давали жар и дольше не прогорали. Именно атмосфера родного дома заложила в простого деревенского парнишку те удивительные человеческие качества — доброту к людям, искренность, внутреннюю застенчивость и интеллигентность, которые сопровождали его всю жизнь.

В 1974 г., благодаря инициативе и усилиям А. Н. Кирпичникова, группа славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР была преобразована

в самостоятельное подразделение — сектор славяно-финской археологии. В его состав были включены молодые сотрудники с целью разработки тем, связанных с археологическими памятниками Северо-Запада. В их число в 1978 г. после окончания университета влился и Саша. За плечами были не только годы учебы, но и служба в армии, которую он проходил в Таллине, в подразделении Балтийского военно-морского флота. А. И. Сакса оказался желанным приобретением для отдела. Его научной вотчиной стала Карельская земля. Выбор темы для молодого специалиста был вполне объясним. Сейчас ареал расселения карел охватывает территорию как современной России, так и Финляндии, но долгое время эти земли находились в границах Финляндии, и изучение археологических памятников до Второй мировой войны здесь проводили финские ученые, так что для анализа и обобщения всего накопленного материала необходим был исследователь со знанием финского языка.

Свои полевые работы в Карелии А. И. Сакса начал с поиска могильников и синхронных им средневековых поселений, уже попадавших в орбиту внимания финских ученых. Образно этот этап в научной биографии молодого исследователя можно было бы назвать «по следам Теодора Швиндта», так как основными объектами поиска и изучения были могильники, открытые в конце XIX — начале XX в. Т. Швиндтом. Успешные полевые археологические исследования, проведенные в начале 1980-х гг., позволили создать обновленную археологическую карту Карельского перешейка, открыть и изучить серии погребальных памятников древних карел, выделить средневековые поселенческие центры, выявить и рассмотреть древности более ранних эпох. Эти исследования легли в основу кандидатской диссертации «Карельская земля в XII–XIV вв. (по археологическим данным)», которую он защитил в 1984 г. Научные достижения А. И. Саксы получили признание не только в России, но и в Финляндии. В 1998 г. прошла защита его диссертации на соискание степени

доктора философии в Университете Йоэнсуу. Тогда же вышла и первая монография — Rautakautinen Karjala. Muinais-Karjalansynty ja varhaiskehitys (Studia Carelica Humanistica II. Joensuu, 1998) (на финском языке). В переработанном виде данная работа в 2007 г. была защищена в качестве докторской диссертации и в стенах родного института, так что друзья шутя звали Александра Ивановича «доктором в квадрате», а позже, в 2010 г., опубликована в качестве монографии.

На основе привлечения широкого круга источников в работе рассматривалась история развития Карельской земли во второй половине I тыс. н. э. — первой половине II тыс. н. э., проводился анализ условий формирования поселенческих центров древней Карелии в период расцвета карельской культуры, который пришелся на конец XII — начало XIV в., и прослеживался характер существующих между ними социальных и экономических связей. Изучение материальной культуры с опорой на такой яркий этнический компонент, как комплекс женских украшений, позволило А. И. Саксе разработать детальную хронологию карельских древностей, показать динамику внутреннего развития карельского общества и проследить импульсы внешних связей.

Начиная с 1998 г. особое научное внимание А. И. Саксы было обращено на историю Выборга. Он возглавил архитектурно-археологическую экспедицию по изучению этого уникального средневекового города. Проведенные в Выборге в последние десятилетия раскопки дали новые данные по исторической топографии города: были открыты остатки карельских поселений дошведского периода, выявлены особенности застройки в условиях неровности рельефа, рассмотрен характер домостроительства в различные исторические периоды. По результатам многолетних работ в 2020 г. вышла книга «Из истории одного выборгского средневекового дома».

Значительное место в жизни А. И. Саксы занимала работа по охране памятников истории и культуры, прежде всего на территории Карельского перешейка и в Выборге, где под его руководством постоянно проводился археологический надзор в зонах нового строительства. Он всячески поддерживал инициативу организации местных музеев, активно пропагандировал важность исторических знаний, особенно среди молодежи, широко привлекая ее к участию в раскопках.

Нельзя не отметить важную роль А. И. Саксы в развитии российско-финляндских отношений.

А. Н. Кирпичников, будучи заведующим отделом славяно-финской археологии, в котором особое место занимала финно-угорская тематика, стал инициатором налаживания отношений с финскими и прибалтийскими коллегами, что было весьма непростой задачей в советский период. Только неумная энергия А. Н. Кирпичникова способна была пробить разрешения сквозь табу административных и партийных организаций, а главное, органов госбезопасности. В результате в 1976 г. в Ленинграде состоялся Первый международный советско-финляндский симпозиум в области археологии. И хотя А. И. Сакса тогда еще не был сотрудником института, огромная организаторская и прежде всего переводческая работа легла на его плечи. Да и сам он был рад живому общению с финскими коллегами. Как-то при случае он поинтересовался у своих собеседников: «Как я говорю по-фински?». Улыбнувшись, ему ответили: «Саша, ты очень хорошо говоришь по-фински, но на языке наших бабушек и дедушек!». Так что в дальнейшем ему пришлось совершенствовать свой финский.

Благодаря его исключительным человеческим качествам со многими финскими специалистами сложились близкие дружеские отношения, что очень помогло вести совместные работы. Так, в частности, А. И. Сакса стал участником нескольких международных проектов, в рамках которых проводились исследования по археологии и ландшафтной истории Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья. Он являлся членом ряда финских обществ: археологического, литературного, по изучению церковной истории, «Калевала» и др.

Я неоднократно бывала с Сашей в Финляндии, с ним было очень просто и легко. Финские коллеги с большой теплотой относились к нему, памятуя горькую судьбу финских народов (а как мы знаем, и не только финских) в период сталинских репрессий. Семья А. И. Саксы также была выселена из родных мест, и Саша родился в бараке Петрозаводска. Но вот что примечательно: несмотря на многократно возникавшие возможности переехать жить в Финляндию, будучи коренным финном, тем не менее он оставался патриотом России и своей малой родины в деревне Горки.

Когда вспоминаешь Александра Ивановича, перед глазами встает образ стройного, импозантного, всегда подтянутого человека с доброй улыбкой на лице, который навсегда останется в памяти всех, кто его знал.

*От редакции журнала «Археологические вести»
главный редактор Н. В. Хвоцинская*

AD MEMORIAM

Наш друг и коллега Саша Сакса¹

В. Я. Шумкин²

Аннотация. *Статья посвящена делам и поступкам Александра Ивановича Саксы, известного своим неизменным благородством и дружеским расположением к коллегам. Описывается жизненный и научный путь этого замечательного человека, всецело преданного своей ингерманландской родине. Помимо великолепных трудов по истории и археологии средневековой Карелии Александр Иванович внес, благодаря своим знаниям, обаянию и отзывчивости, решающий вклад в установление плодотворного научного сотрудничества между археологами России и Финляндии, организацию и проведение многочисленных российско-финских археологических семинаров (Ленинград/Санкт-Петербург — Хельсинки).*

Ключевые слова: *Петрозаводск, Ингерманландия, Карелия, Финляндия, Куркийоки, Кольский полуостров, Выборг, Горки, Губаницы, Санкт-Петербург, Новгород.*

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-11-25

Озаглавить так этот очерк мне позволили почти 50-летнее знакомство и многолетняя тесная дружба с Александром Ивановичем Саксой.

Родился он 11 августа 1951 г. в семье ингерманландских финнов, живших тогда в Петрозаводске, в которой он с детства в совершенстве овладел и финским, и русским языком. Как он рассказывал, еще в начальной школе познакомился с однокашниками, ставшими впоследствии известными дипломатами и видными карельскими государственными деятелями. Затем семья вернулась в родовое гнездо — дом в маленькой деревне Горки (Губаницкого, с 2019 г. — Клопицкого, сельского поселения) Волосовского района Ленинградской области. Саша всегда относился к этому месту, к старенькому дому, построенному еще дедом, с особым пиететом, не раз возил нас туда с Володей Назаренко, торжественно показывал семейную финскую баню по-черному, и по-особому, используя лишь несколько березовых тщательно выбранных поленьев, топил ее для нас. Познакомил нас со своими милыми старшими сестрами, к которым относился с любовью и гордостью за них, а они ему отвечали тем же. Рассказывал об истории местности, своего рода, культуре и обычаях ингерманландцев. Так мы впервые

узнали, что камни для очага годятся не все подряд, а только особые. Объяснял, какие именно, и потом мы вместе ходили по пашням и искали их. Вообще Саша всегда был доброжелательно словоохотлив, недаром финны его ласково, в шутку, называли «самым молчаливым финном», отмечая эту его черту. Из дедовского дома он и был призван в армию, попав во флот.

Полностью отслужив свой срок во флоте, получив там звание старшины 2-й статьи, окончив рабфак и поработав в экспедиции ЛОИА АН СССР на раскопках курганов в Галично (Ленинградская область, 1973 г.) под руководством В. А. Назаренко, где мы и познакомились, поступил на кафедру археологии ЛГУ. Еще на первом курсе наш общий учитель А. Д. Столяр, узнав, что юноша в совершенстве владеет финским языком, посоветовал ему специализироваться на раннем средневековье Северо-Запада, что откроет ему прямую дорогу в сектор славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР, о чем Саша и сам подумывал. Профессор даже переговорил по этому поводу с заведующим сектором А. Н. Кирпичниковым, чем его очень обрадовал, так как подразделение давно уже остро нуждалось в специалисте со знанием финского языка. Так и произошло.

В 1978 г. после защиты диплома молодой археолог был принят на работу именно в этот сектор. Ходили даже шутливые байки, что в честь появления в ЛОИА АН СССР аспиранта

¹ ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: shumkinv@yandex.ru.

© Шумкин В. Я., 2023

Рис. 1. А. Сакса в один из первых своих выездов в Финляндию. Конец 1970-х гг.

Fig. 1. Sasha (Aleksandr) Saksa during one of his first visits to Finland. Late 1970s

Саксы группу славяно-русской археологии и переименовали в сектор славяно-финской археологии. Правда, это произошло на четыре года раньше, в 1974 г.², но то, что Сакса появился в секторе, было, несомненно, значимым событием, так как пришел молодой археолог, имеющий средневековую специализацию, да еще по Северо-Западу, и свободно изъясняющийся на финском языке.

В 1984 г. А. И. Сакса защитил кандидатскую диссертацию на тему «Карельская земля в XII–XIV вв. (по археологическим данным)», а его

² Искренне признателен ст. науч. сотруднику отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, канд. ист. наук Анне Анисимовне Песковой за предоставление подлинной информации о времени переименования группы славяно-русской археологии в сектор славяно-финской археологии.

научным руководителем стал А. Н. Кирпичников. Саша всегда очень внимательно, с особой тщательностью относился к своим работам, их смысловому содержанию и стилистическому воплощению. Помню, уже на стадии завершения диссертационного текста он не раз приносил нам с Володей Назаренко главы своей работы и просил проверить научную аргументацию, считая нас более опытными коллегами, так как мы давно уже работали в институте, неоднократно присутствовали на защитах диссертаций и, как он считал, могли поправить шероховатости его русского языка. По первой позиции мы иногда еще что-то советовали, в большей степени, конечно, Назаренко как более сведущий в этой теме и недавно успешно прошедший подобную процедуру. А по стилистике замечаний практически не было. На простодушный Сашин вопрос: «Не перехваливаем ли мы его по части русского языка, он ведь у меня не родной, даже акцент имеется?», — отвечали, что все очень хорошо, а акцент настолько неуловим, что если и есть, то очень приятен, ощущается лишь при смягчении звука «л», но на правописание никак не влияет.

Еще во время учебы в ЛГУ Саша успешно выступал в качестве переводчика при приеме финских туристических и деловых групп. Позднее, оценив его блестящие способности к синхронному переводу вкупе с прекрасным владением русским, стали приглашать синхронистом на очень значимые политические и экономические встречи. Саша не раз рассказывал нам про случающиеся при этом забавные ситуации, но никогда не говорил о сути разговоров. Поскольку у переводчика во время встреч плотный график работы и нет возможности отвлечься даже в ходе заключительного банкета, заботливые финны помимо причитающейся денежной оплаты вручали Саше еще и две объемистые сумки с продуктами и элитным алкоголем. Деньги и продукты шли в семью, а уж спиртное частенько перепало и нам, его друзьям. Он не был абсолютным бессеребренником, но накопительство и скарденность были всем нам чужды.

Саша, пожалуй, ранее нас, его друзей, проторил дорогу в буржуазную, тогда очень дружественную Финляндию (рис. 1). Там он благодаря своей общительности вскоре обрел много друзей из разных сфер деятельности, не только археологической.

Особенно плодотворной стала встреча с финским археологом Юсси-Пеккой Таавитсайненом. Она вскоре переросла в дружбу, а потом и в почти родственные отношения.

Рис. 2. «Названные братья» Александр Сакса и Юсси-Пекка Таавитсайнен. Хельсинки, конец 1970-х гг. Из архива Ю.-П. Таавитсайнена

Fig. 2. The “sworn brothers” Aleksandr Saksa and Jussi-Pekka Taavitsainen. Helsinki, late 1970s.

From Ju.-P. Taavitsainen’s personal archives

Рис. 3. На новоселье в семье Саксы. Александр, его первая супруга и В. Я. Шумкин с их дочерью Катей на руках. 1980-е гг.

Fig. 3. At house-warming party in Saksa’s family. Aleksandra, his first spouse, and V. Ya. Shumkin with their daughter Katya on the arms. 1980s

Общность интересов, схожесть характеров привели к тому, что Саша даже именовал его названным братом (рис. 2). Позднее, когда мы стали близко общаться не только на работе, но и в семейном кругу (рис. 3), такого доброго, родственного и ко многому обязывающего «титула» удостоился и я.

В 1987 г. Александр плотно занялся изучением района Куркийоки на западном берегу Ладожского озера (рис. 4, 1, 2), а поскольку он раскапывал интересное поселение эпохи раннего металла с асбестовой керамикой, то пригласил в команду и меня как специалиста по этому периоду. Помимо раскопок он так организовал работу в экспедиции, что мы в свободное время помогали, чем могли (продуктами, содействием в домашних и прочих делах, лекциями), местным жителям, и они, оценив нашу заботу, в свою очередь окружили нас вниманием (выделяли наиболее удобные помещения для проживания сотрудников, безвозмездно предоставляли лодки, в магазине старались обеспечить нас товарами и продуктами хорошего качества). В этом — весь Сакса. Он умел найти подход к простым людям, внимательно их выслушивал и не просил ничего, они сами откликнулись на его доброту и отзывчивость. Помню, как даже первоначально грозный рыбинспектор по прозвищу «Малек» (рис. 4, 3), выпытывающий у нас, не браконьерничаем ли мы, после разговора с Сашей стал частенько приносить нам по целому ведру свежей ладожской рыбы и вечерами подолгу засиживался

у нас, слушая рассказы, пел с нами песни и потчевал своими рыбацкими историями, коих у него было великое множество.

Кроме того, по вечерам Саша устраивал нам экскурсии по окрестностям с демонстрацией расположенных поблизости городищ XII–XIV вв. Хямеенлахти, Ранталиннамяки (Корписаари), Лопотти, Ямяяки, сопровождая это лекциями о том, кто из финских археологов их нашел и изучал. К этим экскурсиям нередко присоединялись и местные жители, и неудивительно, что именно здесь в 1999 г. возник и до сих пор работает единственный расположенный в сельской местности Республики Карелия муниципальный «Куркийёкский краеведческий центр».

В конце экспедиции, когда уже все стали разъезжаться, Саша предпринял еще одну, уже дальнюю экскурсию, предложив наиболее отличившимся участникам — математикам Люсе Пивень и Мише Мевшу (рис. 5), а также филологу, писателю и поэту Сергею Носову (младшему брату археолога Евгения Носова) — посетить наскальные изображения на Онежском озере (Бесов нос). Он все продумал, договорился о транспорте для транзита Куркийоки — Петрозаводск — Шала — Бесов нос, а поскольку сам там еще не был, в отличие от меня, пять лет назад открывшего первые петроглифы на Кольском полуострове³ и хорошо

³ Шумкин В. Я. Отчет о работе Понойской группы КАЭ ЛОИА АН СССР в 1973 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 40. 24 с.

Рис. 4. Куркийоки, 1987 г. 1, 2 — А. И. Сакса в экспедиции; 3 — сотрудники и помощники Куркийокской экспедиции. Первый слева — «Малёк»; второй слева — А. И. Сакса; первый справа — В. Я. Шумкин; второй справа — М. Мевш; женщина во втором ряду — Л. Пивень

Fig. 4. Kurkijoki, 1987. 1, 2 — A. I. Saksa at the expedition; 3 — workers and assistants of the Kurkijoki expedition. The first from the left — "Malyok"; second from the left — A. I. Saksa; first from the right — V. Ya. Shumkin; second from the right — M. Mevsh; the woman in the second row — L. Piven'

знакомому с этой темой, то предложил мне быть гидом в этой поездке, на что я, конечно, согласился. И вот там, на скалах Бесова носа, я дал обещание, что на будущий год возьму в свою экспедицию на Кольский полуостров всю эту четверку, если у них будет такое желание.

Обещание удалось сдержать. Даже первоначальный путь на теплоходе «Клавдия Еланская» к месту работ в тот год был не совсем обычен. Не успели мы выйти из Мурманска и пройти Кольский залив, как на пороге нашей каюты появился бравый матрос и отчеканил: «Командующий базой Гремиха контр-адмирал просит начальника экспедиции явиться к нему». На вопросы «Что? Зачем? Куда?» бодро рапортовал: «Не могу знать», добавив «Приказано проводить». Пришли в каюту (люкс над верхней палубой), из которой море во всю ширь видно. Оказывается, командующий возвращался с несколькими старшими офицерами из отпуска, и ему наш старый друг капитан лайнера Пашков шепнул, что на борту команда археологов, которая будет работать на побережье, в 30 км к северу от Гремихи, и посоветовал познакомиться. Познакомились, потом начались расспросы, откуда, что мы будем делать... Удивление, неужели здесь жили люди еще до нашей эры. Все, как обычно, и, конечно, пресловутое «шило», так моряки, и не только, называют спирт, но в мизерных дозах. И тут аккуратный стук в дверь каюты, и на зычный возглас адмирала «Войдите!» дверь распахивается, и на пороге появляется Саша Сакса, да еще в каком обличии — в своей форменной морской тужурке (припас, знал, что будем на корабле!), еще и у кого-то кепчонку выпросил! И, приставив руку к голове в приветствии, доложил: «Старшина 2-й статьи Сакса прибыл». На что адмирал, усмехнувшись, поднялся и отдал честь, то же сделали и остальные офицеры. Закончив ритуал, командующий произнес: «Прошу к столу». И приняли его как своего, восхищаясь, что и через 15 лет после службы флотским старшиной Саша сохраняет форменную одежду, да еще и в очень приличном состоянии.

Потом Саша надевал форму и на раскопе, когда было прохладно (рис. 5). Но и в теплые дни его одежда отличалась от остальных. Только он работал в безрукавке или жилетке поверх белой рубашки (рис. 6). Вообще я всегда отмечал его природный вкус в одежде: всегда по фигуре, ничего лишнего, все подобрано в тон. А еще аккуратность: например, он мог так присесть на не очень чистое бревно, что все поднялись с него перепачканными, а Саша — без единого пятнышка.

Много лет спустя, мы с Володей Назаренко, Женей Колпаковым и Сашей Саксой, проводя на автомашине ГАЗ-66 археологический мониторинг

Рис. 5. Кольская археологическая экспедиция. Побережье Баренцева моря. Раскопки поселения неолита — раннего металла (эпохи бронзы) Маяк 2. В центре А. И. Сакса, справа С. Н. Носов. 1988 г.

Fig. 5. Kola archaeological expedition. Coast of the Barents Sea. Excavation of a Neolithic and Early Palaeometal (Bronze Age) site Mayak 2.

A. I. Saksa in the centre, S. N. Nosov on the right, 1988

на Вепсовской возвышенности, на границе Ленинградской и Вологодской областей, полностью «сели» по кардан в какой-то промоине. Осень, темнеет, кругом болото. Поняли, что предстоит долго и тяжело выкапывать. Нужно поужинать и заночевать, а воды нет. Вот Володя дает ведро Саше и говорит: «Только ты с крестьянской смекалкой найдешь воду, не перепачкаешься в болоте и сам не утонешь». Значит, и он заметил такие способности Саксы. И ведь принес, и ужин был, а утром и машину откопали, вытащили.

Уже став кандидатами исторических наук (защитились с ним в один год), мы бывали вместе на конференциях разного уровня (рис. 7), выставках и других мероприятиях. А весной 1991 г. Сашу пригласили участвовать в раскопках на территории Финляндии. Там он успел даже сняться в документальном фильме, посвященном археологии, в одной из ведущих ролей, комментируя процесс раскопок, но главное — уговорил начальника экспедиции, уже своего названного брата Ю.-П. Таавитсайнена, пригласить туда в качестве специалистов и нас с Назаренко. Это случилось осенью того же года. Приняли очень хорошо, познакомились

Рис. 6. Кольская археологическая экспедиция. Побережье Баренцева моря. Раскопки поселения неолита — раннего металла Маяк 2. Крайний слева А. И. Сакса, далее — Л. Пивень и М. Мевш. 1988 г.

Fig. 6. Kola archaeological expedition. Coast of the Barents Sea. Excavation of a Neolithic and Early Palaeometal (Bronze Age) site Mayak 2. The last from the left is A. I. Saksa, further — L. Piven' and M. Mevsh. 1988

Рис. 7. 1 — на археологическом съезде в Суздале: слева направо А. И. Сакса, Е. М. Колпаков, В. Я. Шумкин (1990 г., фото В. А. Назаренко); 2 — на выставке в секторе славяно-финской археологии ИИМК РАН: слева направо — В. Я. Шумкин, А. А. Хлевов, В. Пойкалайнен, А. И. Сакса, А. Мазуркевич. 1991 г.

Fig. 7. 1 — at an archaeological congress in Suzdal: from left to right A. I. Saksa, E. M. Kolpakov, V. Ya. Shumkin (1990, photo by V. A. Nazarenko); 2 — at an exhibition in the Sector of Slavic and Finnic Archaeology of IHMC RAS: from left to right — V. Ya. Shumkin, A. A. Khlevov, V. Pojkalainen, A. I. Saksa and A. Mazurkevich. 1991

Рис. 8. Российско-норвежско-финская Кольская археологическая экспедиция. Высадка международного руководящего состава в эстуарии р. Дроздовки (Нокуевский залив Баренцева моря). Слева направо академик геолог М. Саарнисто (Хельсинки), далее археологи В. Я. Шумкин, профессора Ю.-П. Таавитсайнен (Хельсинки) и К. Хельскуг (Тромсо), А. И. Сакса. 1996 г.

Fig. 8. Russian-Norwegian-Finnish Kola Archaeological Expedition. Debarkation of the international management in the estuary of the Drozdovka River (Gulf of Nokuyev of the Barents Sea). From left to right: Academician, geologist M. Saarnisto (Helsinki); next, archaeologists V. Ya. Shumkin, Profs. Ju.-P. Taavitsainen (Helsinki) and K. Helskug (Tromsø), A. I. Saksa. 1996

с ведущим финским геологом Матти Саарнисто, с которым Саша уже встречался и подружился ранее. Увидев сноровку и ощутив научный потенциал этого уже немолодого профессора, я осмелился пригласить его вместе с Таавитсайненом в свою экспедицию на Кольский полуостров с уже побывавшими там Саксой и Назаренко. Это удалось осуществить только в 1996 г. (рис. 8), когда сложился экспедиционный «альянс» университетов Тромсо (Норвегия), Хельсинки (Финляндия) и ИИМК РАН (Россия) для проведения раскопок первого на Кольском полуострове жилища типа Грессбаккен (эпохи бронзы). Удачей и, считаю, нашей заслугой было и то, что во время этой совместной работы удалось подружить маститых финских и норвежских профессоров, да и мы смогли показать свои профессиональные навыки уже на родной земле⁴.

⁴ Hood B. C., Helsing K., Shumkin V. Ya. Stone Age houses on the northern of Europe. Arctic Norway and

Надо отметить, что и работа 1991 г. в средней Финляндии (Keski-Suomi) была интересная и очень необычная. Раскапывали болотистый участок, куда в средневековье на больших лодках с севера приезжали саамы со своим товаром, а в начале зимы, закончив торговлю, разбирали водный транспорт и делали из него сухопутный (типа саней-кережек) для возвращения к себе домой уже по снегу. Поскольку болото прекрасно сохранило дерево, то мы находили брошенные весла, разные детали лодок, конструкционные элементы и такелаж, что было важно для реконструкций. Сложность была в откачке воды. Помпы не было, да она при таком размере болота была бы бесполезна, а наши самодельные

the Kola Peninsula of Russia // More than Shelter from the Storm: Hunter-gatherer homes and artificial environments / Eds. B. N. Andrews, D. A. MacDonald. University of Florida Press, 2022. P. 83–107.

Рис. 9. На террасе фермы. Слева направо «Кулак», В. А. Назаренко, А. И. Сакса. Финляндия, 1991 г.

Fig. 9. On a farm's terrace. From left to right "Kulak", V. A. Nazarenko, A. I. Saksa. Finland, 1991

отводные траншеи были малопродуктивны. Помощь появилась, откуда не ждали. За нами несколько дней пристально наблюдал местный фермер, которого наш начальник называл «Кулак». Не знаю, откуда он знал этот «руссизм», но он отлично подходил данному человеку, конечно, в хорошем его значении. Насмотревшись на наши мучения с подтоплением, он пригнал свой мини-экскаватор с ковшом треугольной формы и, переговорив с нашим начальником, за полчаса прорыл там, где это и надо (недаром он так долго изучал ситуацию), несколько траншей с ровными, заглаженными бортами, через которые уже на следующий день вода ушла из раскопа. Спустя неделю он нас всех пригласил к себе на ферму (рис. 9), где мы убедились в точности термина Таавитсайнена. У фермера было два деревянных дома, в одном, двухэтажном, жил он сам с двумя взрослыми дочерьми, а в другом устроил музей крестьянского быта с массой всяких старых сельскохозяйственных орудий. Больше всего нас поразили машинный парк фермера, где было даже электромеханическое приспособление для одновременной рубки дров на небольшие чурки и раскалывания их на ровные шесть полешек. Фермер имел большие земельные угодья и лесные участки, но занимался только лесом: чистил его от мусора, хвороста и

упавшего сухостоя. Так как в Финляндии в то время было перепроизводство сельхозпродукции, то правительство платило ему за то, чтобы он не обрабатывал и не засеивал поля, видимо, неплохо и регулярно, судя по тому, как он нас принимал в доме, а потом и в роскошно оборудованной баньке с выходом прямо в озеро, в которой не стыдно было бы «ублажить» и делегацию самого высокого ранга. По окончании работ во второй половине августа Юсси-Пекка отправил российских участников, поскольку еще оставались неиспользованные дни финской визы, на дачу к своему отцу, тогда профессору, а в молодости — адъютанту самого Густава Маннергейма. За долгими вечерними застольями пожилой плечистый стройный профессор рассказывал нам интересные и необычные истории о знаменитом маршале, бывшем генерале царской армии. Саша, как обычно, нам все переводил. Чтобы хоть чем-то отблагодарить старого профессора за теплый прием и удивительные рассказы и не чувствовать себя совсем уж нахлебниками, мы пытались пособить по хозяйству. Наконец-то такая возможность представилась: приехала специальная машина с досками, в кузове которой стоял станок, моментально превращавший этот материал в идеальную вагонку для облицовки стен дачи. Мы дружно включились

Рис. 10. На даче у профессора К. Таавитсайнена. Слева направо: А. И. Сакса, В. А. Назаренко, В. Я. Шумкин, К. Таавитсайнен. Август 1991 г.

Fig. 10. At Prof. K. Taavitsainen's dacha. From left to right: A. I. Saksa, V. A. Nazarenko, V. Ya. Shumkin and K. Taavitsainen. August 1991

в работу, да так, что хозяину оставалось только руководить (рис. 10). За один день управились, и уже вечером стены старенькой дачи «облачились» в новые белые одежды.

Последние дни отдыха на даче запомнились нам на всю жизнь. Рано утром 19 августа без всякого стука (что уже было странно) в нашу комнату буквально влетел всегда такой спокойный и деликатный профессор, одной рукой прижимая к себе переносной телевизор, а другой размахивая в воздухе и одновременно судорожно пытаясь его подключить, и выкрикивая какие-то непонятные одиночные слова. Мы с Володей оторопело посмотрели в сторону Саша, ища у него разъяснения происходящему, а он, всегда так быстро и уверенно переводивший любые финские тексты, явно находился в смятении. Наконец он пришел в себя и выдавил: «Дома переворот». А на экране уже появились трясущиеся от неуверенности лица путчистов. Послушав уже русскую речь, Саша стал переводить ее смысл профессору, который узнал об этом из короткого сообщения Хельсинского телевидения, но понял всю грозную трагичность происходящего и поспешил нас скорее об этом оповестить. Первые мысли были, что сейчас закроют границы и нам не удастся вернуться домой.

Следующие «путчистские» дни мы тревожно провели у телевизора, смотря попеременно русские и финские новостные программы и пытаясь понять суть происходящего. Через два дня профессор повторил ранний подъем и торжественно провозгласил, что все кончилось благополучно, но есть жертвы. А потом весь небольшой дачный поселок поздравлял нас с окончанием неурядиц в России, с победой сил демократии, сопровождая это необычно длинными (для финнов) тостами. Мы, кроме Саксы, не все понимали, но настрой и радостное возбуждение финских дачников чувствовали без перевода.

Вернувшись домой, каждый из нас занялся своими делами, но при встречах не раз вспоминали тревожные дачные дни августа 1991 г., проведенные вдали от Родины. Страна становилось другой, наука нужна была все меньше и меньше. Но Саша упорно продолжал вместе с А. Н. Кирпичниковым налаживать угасшие с конца 1930-х гг. российско-финские связи. Именно они были и душой, и двигателем организации и проведения знаменитых совместных симпозиумов, успешно проходящих на российской и финской территориях поочередно. Если Анатолий Николаевич больше занимался привлечением знаковых российских ученых и

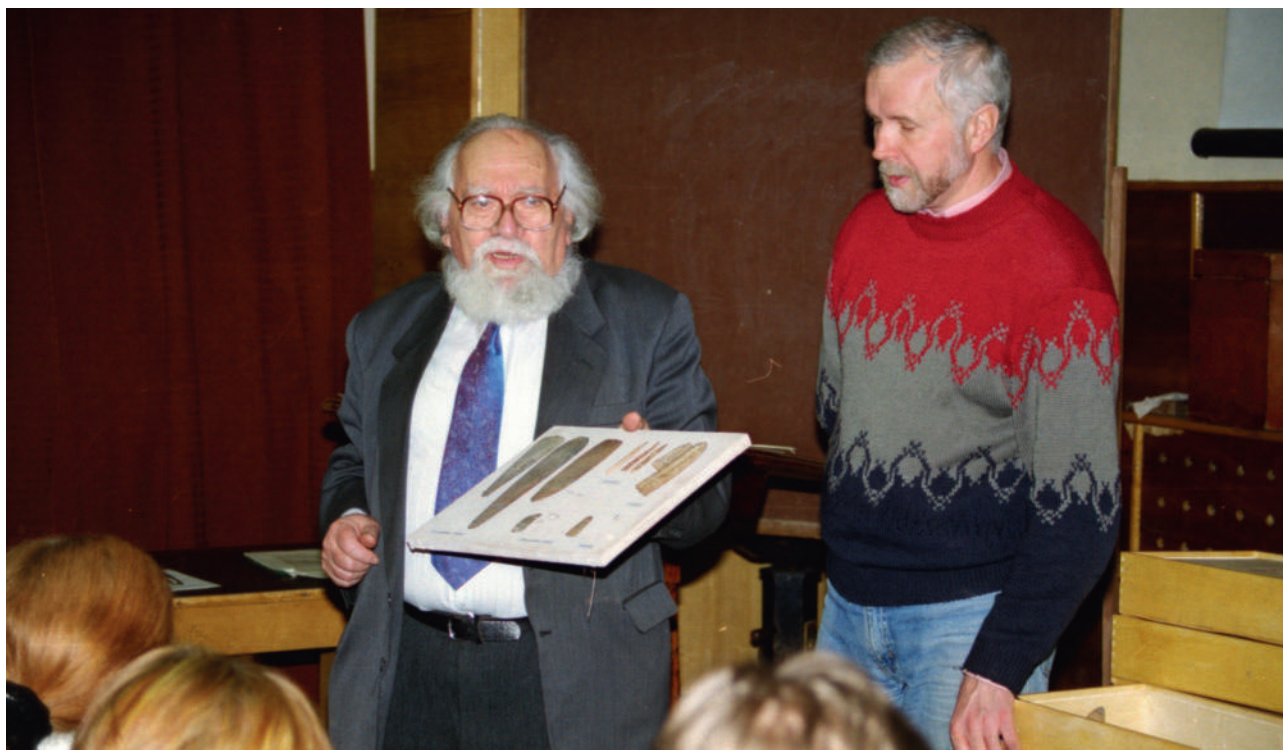

Рис. 11. А. Д. Столяр и А. И. Сакса на лекции для финской делегации на историческом факультете СПбГУ. 1998 г.

Fig. 11. A. D. Stolyar and A. I. Saksa at a lecture for a Finnish delegation at the Historical Faculty of the St. Petersburg State University. 1998

отечественной финансовой поддержкой, то на Александра Ивановича ложились переговоры с финнами, ВСЕ синхронные переводы и культурно-хозяйственное сопровождение встреч.

О переводческой деятельности, которую, без сомнения, можно назвать подвижнической, нужно рассказать особо. Начав ее со студенческих лет, набравшись опыта и достигнув высокого мастерства, он продолжал выполнять эту миссию и позднее, почти до самой своей кончины. К нему обращались с этим младшие и старшие коллеги, друзья, университетская профессура (рис. 11; 12), серьезные деловые и даже правительственные организации. Саша никому не отказывал, эти просьбы выполнял охотно, внешне легко, виртуозно, никогда заранее не оговаривая оплату, часто и без нее, а если она и была, то принимал ее достойно, не пересчитывая денежные купюры и не придавая им особого значения (рис. 13).

Вообще-то, честно говоря, использовали его по этой части на износ, а во время симпозиумов даже до изнеможения. Как-то раз, на очередном таком затянувшемся заседании в Финляндии, Александр целый день синхронно переводил доклады русских участников на финский, а финских — на русский, а когда дело дошло до его собственного сообщения, сделал его по-фински,

затем стал переводить на русский, и у него пошла носом кровь. Вызвали врача, еле остановили кровотечение, а ведь могло кончиться и трагически.

В 1998 г. А. И. Сакса успешно защитил свою вторую диссертацию в финском университете Йоэнсуу (рис. 14) и получил степень доктора философии. Не знаю, соблюдал ли он все парадные (фрак, котелок) формальные церемонии при защите, думаю, пришлось, но вот покупать положенную при этом церемониальную шпагу, которую диссертант должен сам приобрести, Саша точно не стал, поскольку финские друзья заказали и вручили ему отлично выполненную полно-размерную копию средневекового меча. Ему удалось привезти этот подарок в Россию, и он мне с гордостью демонстрировал его при встрече у себя дома. От боевого оружия меч отличался лишь отсутствием заточки по длинным сторонам лезвия.

В 2007 г. Сакса блестяще защитил третью диссертацию, опять в родном институте, уже на степень доктора исторических наук, по теме «Древняя Карелия во второй половине I — первой половине II тыс. н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли» и перешел в разряд ведущего научного сотрудника отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН.

Рис. 12. Экскурсия в Кронштадт для финской делегации. Справа А. И. Сакса. 1998 г.

Fig. 12. Excursion to Kronstadt with a Finnish delegation. A. I. Saksa on the right. 1998

Рис. 13. В кафе на бывшей ул. Желябова. Слева направо норвежский археолог Брайан Хууд, А. И. Сакса, В. А. Назаренко, В. Я. Шумкин. 1998 г.

Fig. 13. In a café in the former Zhelyabova Str. From left to right: the Norwegian archaeologist Brian Hood, A. I. Saksa, V. A. Nazarenko, V. Ya. Shumkin. 1998

Рис. 14. Профессор Ю.-П. Таавитсайнен, доктор философии А. И. Сакса и академик М. Саарнисто (слева направо) в хранилище университета Йоэнсуу. 1998 г.

Fig. 14. Prof. Ju.-P. Taavitsainen, A. I. Saksa, PhD, and Academician M. Saarnisto (from left to right) in the depository of the University of Joensuu. 1998

Мы часто встречались по разным поводам, а по такому случаю, как день рождения нашего любимого учителя Абрама Давидовича Столяра, — непременно, обязательно и ежегодно. Так было и в его последний именинный день на этой земле. Со свойственной Абраму Давидовичу обстоятельностью и предусмотрительностью он решил собрать в этот раз только тех, кого желал бы видеть, причем по списку, и только девять человек (он сам был десятым), поручив мне их уведомить и провести эту встречу, впрочем, как это уже не раз бывало, у меня в квартире, так как считал, что его жилье, которое он называл логовом, не очень, по его мнению, для этого подходит. Встреча была удивительная, и, конечно, никто не предполагал, что она станет последней, не считая, конечно, похорон нашего учителя в апреле 2014 г.

Более 20 лет Сакса возглавлял Выборгскую археологическую экспедицию (рис. 15). Он по-особенному, со страстью, любил этот город, знал все его закоулки. Когда я приезжал к нему в гости

или участвовал там в раскопках, то он обязательно торжественно показывал свои «потаенные» места, с гордостью водил по библиотеке, построенной знаменитым финским архитектором Алваром Аалто, по Выборгскому замку и его башням. Помимо участия в работе многих международных конгрессов и симпозиумов, проходящих в Швеции, Финляндии, Норвегии, Венгрии, странах Балтии, а также всесоюзных, всероссийских и региональных конференций на территории России, он с удовольствием и часто читал лекции по истории Выборга.

Археологические работы в стране финансировались плохо, и тогда на помощь приходили финские друзья. Не знаю, как им удавалось собирать средства, но, думаю, это было не так сложно. По словам Александра, почти половина финского населения считают Виипури (так они называют наш Выборг) своей родиной, и они охотно делились личными сбережениями, зная, что те попадут в честные руки (я сам слышал от некоторых финнов удивительное признание, что Саксу у них каждый знает), да и финские власти не раз выделяли средства, чтобы этот старинный город был как можно лучше изучен с точки зрения археологии и истории. И Сакса оправдывал ожидания и их, и современных местных жителей. Многие его статьи (а всего их более 120) и даже книга «Из истории одного выборгского средневекового дома» (рис. 16) посвящены этому городу, его восьмивековой сложной истории⁵.

Поскольку А. И. Сакса был еще и членом Ленинградского областного совета ВООПИК, то с душой и энергией, как, впрочем, и все, что он делал, отстаивал неприкосновенность археологических памятников региона. Особенно много пришлось заниматься сохранением найденного им еще в молодые годы и много лет изучаемого культового археологического объекта железного века у деревни Ольховка в Приозерском районе Ленинградской области, признанного памятником археологии с единым ландшафтно-культурным комплексом (рис. 17).

Александр Иванович состоял членом многих общественных и научных организаций, причем трех стран (России, Финляндии и Эстонии): рабочей группы по сотрудничеству между Россией и Финляндией в области археологии; финского археологического общества; финского общества изучения церковной истории; финского литературного общества и общества «Калевала»; эстонско-финского общества изучения первобытного

⁵ Сакса А. И. Из истории одного выборгского средневекового дома. СПб.: Арка, 2020. 280 с.

Рис. 15. Выборгская археологическая команда А.И. Саксы. 2020 г.

Fig. 15. Vyborg archaeological team of A. I. Saksa. 2020

искусства. В ИИМК РАН он входил в ученый и диссертационный советы.

Последние годы Саша жил в Великом Новгороде. Он, конечно, любил этот город, а как к нему еще можно относиться, особенно если ты историк и археолог, но все же Выборг был ему роднее, уютнее и милее. Тут еще добавились и возрастные болезни, появились проблемы с ногами. Удивительно, но всех нас троих, Саксу, Назаренко и меня, настиг, правда, в разной степени, один и тот же недуг. Так, Саше пришлось «поменять» на имплант сначала один, а затем и второй тазобедренные суставы. Ходить стало труднее, да и добираться до Выборга или Петербурга, где он должен был присутствовать на заседаниях отдела, ученого и диссертационного советов, да еще и навещать любимых сестер, дочек и внучку, было

Рис. 16. Презентация последней книги А. И. Саксы (сидит) «Из истории одного выборгского средневекового дома». Слева — его многолетний помощник по экспедиции, ныне директор Историко-архитектурного и природного музея-заповедника «Парк Монрепо» А. Смирнов. Выборгский замок, 2021 г.

Fig. 16. Presentation of “From the history of one Vyborg mediaeval house” — the last book by A. I. Saksa (sitting). On the left — his many-year expedition’s assistant, now the Director of the Historico-Architectural and Nature Museum-Preserve “Monrepos Park” A. Smirnov. Vyborg Castle, 2021

1

2

Рис. 17. Ольховка, 2021 г.: 1 — А. И. Сакса ведет группу для осмотра неправомерного действия строительных организаций на месте археологического комплекса; 2 — родные камни Ольховки

Fig. 17. Olkhovka, 2021: 1 — A. I. Saksa leading a group for examination of illegal activities of building companies at an archaeological site; 2 — the home stones of Olkhovka

непросто. Пришлось к тому же тяжело переболеть COVID-19. Да и я серьезно обезножил. Так что последние лет пять мы почти не встречались. Но не реже раза в неделю обязательно разговаривали по телефону. Саша, как всегда, был предельно откровенен. Рассказывал, что стал тяжелее писать (ссылаясь на последствия COVID-19), информировал, сколько удалось пройти по маршруту без остановки (радовался, если расстояние составляло более 150 м). Не раз сетовал на сложные, а порой и невыносимые отношения со второй супругой. Часто говорил о решении переехать в Выборг, где ему предлагают жилплощадь и полставки и откуда ближе и проще добираться до Питера, а главное — там есть, где приложить свои знания и оставшиеся силы. На мой вопрос, что же мешает осуществить это, отвечал, что не может переехать без своей библиотеки, а с этим пока не решено по разным семейным обстоятельствам. Кстати, судьба библиотеки так до сих пор и не определена, а в ней Сашей собраны и тщательно подобраны издания (многие на финском и немецком языках), которых больше нет не только в Петербурге, но и во всей России и которым бы самое место в знаменитой археологической библиотеке ИИМК.

Реальность и точность содержания наших телефонных разговоров и не совсем достойное положение для Александра Ивановича Саксы по месту проживания в Великом Новгороде подтвердила и наша давняя знакомая (еще с Куркий-ок) математик Люся Пивень, навестившая Сашу

вместе с дочерью Анной в начале августа 2022 г. Они поговорили, Саша, не таясь, присев аккуратно на краешек скамейки во дворе дома (так, как только он умел, поскольку специально вышли на улицу), описал ей всю свою нынешнюю ситуацию.

Последний наш телефонный разговор я не забуду никогда. Он позвонил рано утром во вторник 9 августа 2022 г. (я запомнил это число, так как сказал Саше, что сегодня 70-й день лета, а мы, к сожалению, не в поле). С удовольствием слушал его необычно радостный голос, которым он сообщил, что в его родных Губаницах в конце этого месяца будет местный юбилей, и его как одного из своих, которым они гордятся, да еще и прямого наследника рода основателей, официально приглашают на предстоящее торжество. И Саша добавил, что ответил им положительно, что обязательно возьмет такси и приедет, давно уже там не был, не считая визита прошлым летом, когда даже сумел выкосить траву рядом со стареньким их домом. Он и мне переслал это приглашение, чтобы я за него порадовался. Получил, прочитал, порадовался, но, к сожалению, не сохранил. Если бы знать... 11 августа, как обычно, написал и отправил ему свое поздравление с днем рождения, но так и не знаю, успел ли он прочитать эту мою последнюю весточку.

А поездку в Губаницы Саша, как и обещал, все же совершил, но не так, как планировал, не на такси, радостный и живой, пусть и с тростью в руке, а на траурной специальной машине.

Об этом позаботилась Лютеранская церковь Ингрии совместно с администрацией ИИМК РАН, организовавшие 19 августа 2022 г. перевозку тела усопшего из Выборга сперва в церковь Св. Марии в Санкт-Петербурге на Большой Конюшенной, 8 (прихожанином которой он был), где прошло прощание, а потом уже и к месту последнего упокоения на кладбище тех самых Губаниц.

Так, на 72-м году жизни, в родной ингерманландской земле завершился земной путь талантливого, благородного, доброго, честного и всегда отзывчивого человека, нашего коллеги, замечательного археолога и верного друга Александра Ивановича Саксы. Остались добрые дела, которых на его счету немало, книги и статьи, которые, без сомнения, будут читать и изучать последующие поколения отечественных и зарубежных историков, археологов, краеведов, остались друзья, родственники и близкие, для которых память о Саше священна и не имеет срока давности⁶. А вот неправедного, подленького или какой-либо иной пакости за ним никогда не водилось. Подрастает и внучка Маруся, так похожая на молодого Сашу.

Мы все будем его помнить и поминать добрыми словами, ведь пока люди человека помнят, он для них жив.

⁶ Памяти А. И. Саксы посвящена подборка фотографий и двух фрагментов документальных фильмов с его участием, доступная по ссылке: URL: <https://disk.yandex.ru/d/06gTE3vo0edRKw>.

Our friend and colleague Sasha Saksa

V. Ya. Shumkin⁷

Keywords: Petrozavodsk, Ingermanland, Karelia, Findyandia, Kurkijoki, Kola Peninsula, Vyborg, Gorki, Gubanitsy, St. Petersburg, Novgorod.

The article is devoted to the deeds and deeds of Alexander Ivanovich Saksa, known for his constant nobility and friendly disposition to colleagues. According to personal impressions, on the basis of long-term, almost kinship relationships, it is narrated what a life and scientific path this wonderful man passed, completely devoted to his Ingermanland homeland. In addition to his excellent works on the history and archeology of medieval Karelia, Alexander Ivanovich made, thanks to his knowledge, charm and responsiveness, an invaluable, fundamental contribution to the establishment of fruitful scientific cooperation between archaeologists of Russia and Finland, the organization and holding of numerous Russian-Finnish archaeological seminars (Leningrad/St. Petersburg — Helsinki).

⁷ Vladimir Ya. Shumkin — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: shumkinv@yandex.ru.

Александр Сакса — взгляд из Финляндии: добрый коллега, душа научного сотрудничества, дорогой друг

П. Уйно, К. Карпелан¹

Аннотация. В статье рассматривается развитие научного сотрудничества между финскими и российскими учеными-археологами с конца 1970-х гг. по настоящее время. Ведущая роль в становлении и укреплении этих взаимоотношений принадлежала Александру Ивановичу Саксе, который стал для финских коллег добрым и надежным другом.

Ключевые слова: Финляндия и Россия, сотрудничество, археология, совместные проекты, роль А. И. Саксы.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-26-34

Александр Иванович Сакса, более известный в Финляндии среди своих друзей и коллег как Александери, Сантту или Сантери, а также Саша, получил у нас признание в конце 1970-х гг. Знакомство с ним было связано с сотрудничеством в области финско-советской археологии, научным обменом и совместными симпозиумами.

Первая памятная встреча состоялась, когда я (Кристиан Карпелан. — *Примеч. ред.*) и Матти Хурре посетили Советский Союз в конце ноября 1979 г. Мы отправились в Ленинград (ныне Санкт-Петербург) поездом, и Александр Сакса встретил нас на железнодорожном вокзале. Разумеется, он приветствовал нас по-фински и отвез в гостиницу «Москва», отсюда — в Институт археологии², расположенный в бывшем великокняжеском дворце на набережной Невы. Рядом с институтом в Доме ученых находилось небольшое кафе, где мы познакомились с видными археологами института А. Н. Кирпичниковым и Е. Н. Носовым. Это была интереснейшая и очень плодотворная встреча с беседой о взглядах на археологию ленинградских ученых и исследователей из Хельсинки. В течение недели, проведенной

в Ленинграде, вместе с А. Саксой мы посетили различные учреждения, связанные с археологией, где познакомились с их сотрудниками. Всю неделю Саша был нашим гидом и переводчиком.

Также он пригласил нас к себе домой, где мы встретились с его женой и маленькой дочкой. Из Ленинграда Матти и я продолжили путь в Петрозаводск и пробыли там еще неделю, но это уже совсем другая история.

В начале были курганы

Александр Иванович Сакса родился 11 августа 1951 г. в Петрозаводске. Финскоговорящая семья Саксы принадлежала к финнам родом из Ингерманландии (подгруппа *Fi. savakot*). Их дом в селе Горки (Korkka) в Губаницком муниципальном образовании (Kupanitsa) и тихий дворик со старой сауной были для него любимыми родными местами. Во время осмотра деревянных ингерманландских построек группой финских архитекторов в 1990-х гг. бревенчатая сауна Саксы была внесена в инвентаризационную опись как строение особого типа с оригинальной печью (Pre VERNA-DOC 1997..., 2018. S. 74–81).

Сам А. Сакса в своем предисловии к тезисам финской докторской диссертации (Saksa, 1998) писал о своем раннем увлечении археологией: «Мой интерес к археологии зародился, когда мы, школьники из села Коркка в ингерманландской Купанице, во время наших летних каникул, где-то в середине 1960-х, решили раскопать курган или погребальную насыпь рядом с деревней,

¹ Пирьо Уйно — Университет Хельсинки; Финляндия; e-mail: pirjo.Uino@kolumbus.fi; pirjo.Uino@helsinki.fi. Кристиан Карпелан — отставной профессор Университета Хельсинки, Финляндия; e-mail: christian.carpelan@kolumbus.fi.

© Pirjo Uino, Christian Carpelan, 2023

² Так здесь и далее финские коллеги называют Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.

по преданию принадлежавшую „шведскому воину“. Нашей целью было раздобыть настоящий меч, так как оружие времен Второй мировой войны, которое находили во множестве в лесных местах боев, уже не удовлетворяло интерес мальчишек. В кургане ничего не было найдено, но сама по себе эта тема продолжала меня волновать. Позднее, когда я стал студентом [кафедры] археологии в Ленинградском государственном университете, я выбрал курганы Ингерманландии в качестве своей первой курсовой работы. В то время я уже знал, что это были не „шведские захоронения“, а погребальные насыпи языческих времен».

В 1973 г. А. Сакса начал учиться на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ. Среди его учителей были такие выдающиеся ученые, как Абрам Давидович Столяр, Глеб Сергеевич Лебедев и Анатолий Николаевич Кирпичников. Еще студентом А. И. Сакса участвовал в археологических раскопках крепости Какисалми (*швед.* Kexholm, *рус.* Корела) под руководством А. Н. Кирпичникова. Ученые из Института археологии в начале 1970-х гг. начали раскопки на Карельском перешейке, где после Второй мировой войны археологические исследования почти не велись. Древности железного века и эпохи крестовых походов из района Какисалми (ныне Приозерска) стали темой исследований А. И. Саксы, когда в 1978 г. он поступил в аспирантуру при Ленинградском отделении Института археологии АН СССР (ЛОИА АН СССР, теперь ИИМК РАН).

А. И. Сакса был доброжелательно встречен в Институте археологии как талантливый двуязычный молодой археолог. Советско-финская археологическая рабочая группа сформировалась в 1969 г. в рамках Комитета по сотрудничеству между СССР и Финляндией в области науки и технологии. В 1976 г. был организован первый международный археологический симпозиум и начался «обмен учеными». Благодаря блестящему знанию финского языка молодой исследователь стал движущей силой двустороннего научного сотрудничества. Его мастерство в переводах в формате русский–финский–русский стало ключевым фактором и обеспечило наше взаимопонимание и разрешение различных непростых ситуаций, где не лишними оказывались и дипломатические способности (рис. 1).

Первые успехи на Карельском перешейке

Бывшая финская Карелия, в 1945 г. перешедшая к СССР, оказалась в центре исследовательских интересов А. И. Саксы. Сначала он следовал

методологии Теодора Швиндта (1851–1917) — «отца карельской археологии». Целью А. Саксы было обнаружить и заново осмотреть древние памятники — поселения и городища железного века и раннего средневековья, которые исследовались финскими археологами много десятилетий назад. Важной архивной базой для него стало Национальное бюро древностей Финляндии (сейчас Финское агентство наследия) в Хельсинки. Копии старых отчетов о раскопках финских археологов прошлого поколения оказались существенным подспорьем в его полевых изысканиях.

Уже в результате первых разведок 1978 г. ему удалось локализовать ряд памятников железного века, известных по литературным источникам в приходах Каукола (Севастьяново), Ряйсяля (Мельниково) и Саккола (Громово), а также в сельском муниципальном образовании Какисалми (Приозерск). После многообещающего начала А. Сакса расширил поле исследований до Приладожской Карелии, прибрежных районов Хиитола и Куркийоки. Также он обнаружил и ранее неизвестные древности: поселения эпохи крестовых походов и раннего средневековья, чашечные камни и другие объекты археологии. В 1984 г. А. И. Сакса закончил работу над своей кандидатской диссертацией по истории Карелии.

Два десятилетия (1978–1997) он руководил Приозерской археологической экспедицией (отрядом) и проводил раскопки и археологические разведки в Ленинградской области на поселениях железного века и раннесредневековых памятниках в Сакколе (Лапинлахти, Ольховка), Ряйсяля (Ховинсаари, Большой полуостров) и Куркийоки в Республике Карелия (рис. 2; 3).

Археологический памятник Кууппала в Куркийоки дал массу новой информации о железном веке средневековой Карелии, а также о каменном веке и эпохе раннего металла. Экспедиция А. Саксы также исследовала древние крепости в Куркийоки (в том числе Лопотти, Хямеенлахти, Ранталиннамяки).

Совместные проекты на Карельском перешейке

На Карельском перешейке и в Приладожской Карелии после Второй мировой войны археологические исследования были крайне редки. Из-за «железного занавеса» посещение сельской местности в бывшей финской Карелии для неграждан СССР было затруднено. Однако благодаря перестройке и гласности Карелия стала доступна для финских исследователей. Так, в 1988 г. двое

Рис. 1. Общее собрание рабочих археологических групп в рамках Комитета по сотрудничеству в сфере науки и технологии. Ленинград, 1984. Слева направо за столом: Элла Грёнхольм, Торстен Едгрэн, Паула Пурхонен, Александр Сакса и Нина Гурина. Фото А. Н. Кирпичникова

Fig. 1. A joint meeting of the working groups for archaeology, within the framework of the Committee for Cooperation in the Fields of Science and Technology, in Leningrad 1984. From left to right: Ella Grönholm, Torsten Edgren, Paula Purhonen, Aleksandr Saksa and Nina Gurina at the table. Photo A. N. Kirpichnikov

ученых впервые смогли участвовать в раскопках и посетить важнейшие археологические памятники на этой территории.

Первым из таких мест стал район Тонтинмяки в Ряйсяля Ховинсаари. Палаточная жизнь и вечерние костры, сопровождаемые музыкой и пением под гитару, оставили незабываемые воспоминания. Запоминающиеся совместные с А. Саксой экскурсии, раскопки и разведки произвели сильное впечатление на финских коллег. А. Сакса, со своей стороны, был счастлив и горд возможностью показать легендарные археологические памятники и старые карельские деревни.

В советскую эпоху на Карельском перешейке сохранялось множество каменных фундаментов старых финских домов и амбаров. Пейзаж был прекрасен подобно древней земле, заснувшей как в сказке о спящей красавице. Мы восхищались заброшенными фермами и деревьями на старинных дворах. Как выразился А. Сакса, «финские

дома несокрушимы даже в развалинах». Огромные территории были нетронутыми и идиллическими как своего рода большие археологические памятники. Возможности полевых исследований в этих «ничейных землях» были весьма многообещающими.

В последние годы советской эпохи раскопки проводились на двусторонней советско-финской основе. Под руководством А. И. Саксы велись комплексные исследования крепости Какисалми (1989-1990, 1992-1993 гг.) и могильника Суотниemi (Яркое) в бывшем сельском образовании Какисалми (1991 г.). Эти исследования включали также широкое применение различных естественнонаучных методов (геологии, палеоэкологии, ботаники, дендрохронологии, ¹⁴C-датирования). На укрепленном острове Какисалми древнейшие деревянные постройки датировались началом XIII в. Наличие артефактов викингского и меровингского периодов показывало, что освоение

Рис. 2. Александр Сакса совершает символическое возлияние хлебной водкой на чашечном камне в Лапинлахти (Ольховка). Июль 1988 г. Фото П. Уйно

Fig. 2. Aleksandr Saksa sacrifices wheat vodka on the cup stone in Lapinlahti (Ольховка) in July 1988. Photo P. Uino

острова происходило еще до постройки крепости (Uino, 1997; Saksa, 1998; Сакса, 2010). В 1990-х гг. в этих раскопках смогли принять участие уже несколько финских археологов и студентов. То, что до этого времени было лишь редкой возможностью для сотрудничества, вскоре приобрело характер нормальной повседневной работы и сформировало основу для последующих совместных исследовательских проектов.

В свое время следы поселений железного века были обнаружены вокруг территории широко известного могильника Суотниemi периода крестовых походов, раскопанного Швиндтом в 1885 г. Во время разведок и раскопок 1991 г. были найдены остатки поселений позднемеровингского и викингского периодов, то есть на несколько столетий более ранних, чем знаменитый могильник. Также были обнаружены два чашечных

Рис. 3. Александр Сакса осматривает керамику в крепости Кякисалми рядом с каменной оборонительной стеной. Лето 1990 г. Фото П. Уйно

Fig. 3. Aleksandr Saksa looks at ceramics, found in the Käkisalmi Fortress next to the stone wall in summer 1990. Photo P. Uino

Рис. 4. А. Сакса (справа) на защите докторской диссертации в Университете Йоэнсуу в 1998 г. Оппоненты (слева направо) — профессора Нейкки Киркинен и Эвальд Тыниссон, куратор Антеро Хейккинен. Фото П. Уйно

Fig. 4. Aleksandr Saksa (on right) defended his doctoral thesis at the University of Joensuu in 1998. Professors Heikki Kirkinen and Evald Tõnisson were opponents, with Antero Heikkinen as custodian. Photo P. Uino

камня, о которых имелись сведения в Финляндии, но информация о которых была утеряна в советский период (или она была неизвестна российским исследователям?) (Uino, 2021).

В рамках междисциплинарного проекта ряд финских исследователей принял участие в лабораторных исследованиях. Уже через несколько лет после начала более активного сотрудничества финские археологи и студенты стали участвовать в полевых работах в крепости Кякисалми. Когда финским туристическим группам было разрешено посещать Карельский перешеек, на краю раскопа порой скапливалась толпа туристов, многие из которых были невероятно изумлены тем, что им давали пояснения на финском языке.

Новые совместные проекты были начаты в 1990-х гг. уже в суверенной Российской Федерации, и роль А. И. Саксы в обеспечении бесперебойного сотрудничества была чрезвычайно велика. После развала Советского Союза А. Сакса получил место в аспирантуре Университета Йоэнсуу в Восточной Финляндии. Он закончил учебу и в 1998 г. защитил свою докторскую диссертацию по истории железного века Карелии (Saksa, 1998). Его оппонентами были почетные профессора Нейкки Киркинен

из Финляндии и Эвальд Тыниссон из Эстонии (рис. 4). Вскоре после защиты диссертации он занял должность адъюнкт-профессора в Йоэнсуу (теперь Отдел истории и географии Восточно-финского университета). Были также составлены предварительные планы учебной программы по археологии, но они не были реализованы.

В 1998–2003 гг. сотрудничество с Александром Саксой было крайне важно для Хельсинкского университета. Без его досконального знания Карельского перешейка планирование любых проектов было бы нереалистично. Первая полевая поездка состоялась летом 1998 г., и А. Сакса взял на себя роль гида. С российской стороны к отряду присоединились новые исследователи из Санкт-Петербурга. Результаты нескольких разведок и учебных раскопок опубликованы в *Iskos 16 (Karelian Isthmus...)*, 2008). Кроме того, А. Сакса был приглашен для участия в научно-исследовательских проектах Музея Лахти, связанных с памятниками Карельского перешейка.

Последний проект А. И. Саксы с финскими учеными планировался по теме «Europeanisation of Finland and the Karelian Isthmus AD 1100–1600 (Европеизация Финляндии и Карельский

перешеек в 1100–1600 гг. н. э.)» при финансовой поддержке Академии наук Финляндии. В сложившихся обстоятельствах исследовательская часть проекта, касающаяся памятников, расположенных на российской территории, будет базироваться на использовании в основном ранее опубликованных материалов (*Uino et al.*, 2022. S. 142).

Исследования раннего Выборга

Новое поле исследований открылось для А. И. Саксы с его назначением начальником Выборгской археологической экспедиции. Под его руководством в 1998–2015 гг. были проведены археологические раскопки средневекового города. Эти исследования финансировались Фондом поддержки карельской культуры (*Karjalaisen Kulttuurin Edistämissäätiö*) в Йозенсуу. С российской стороны основным источником финансирования стала компания «Газпромнефть». В течение многих лет важным партнером Саксы был Отдел археологии Университета Турку.

Обнаружение относительно мощного культурного слоя в Выборге открыло новые перспективы для изучения древней истории старого города. Части разрушенной городской стены, хорошо сохранившиеся остатки построек и других деревянных конструкций, улица и канализационная сеть, а также полученная во время раскопок богатая коллекция находок значительно обогатили наши представления о жизни города в пределах стен XV в. и о его развитии в более ранний период. Найденный средневековый материал был весьма разнообразен: железные ножи, стеклянные сосуды для питья, кожаная обувь, деревянная и глиняная посуда, рыболовные снасти и различные костяные и металлические изделия. Серебряные и медные монеты, а также находки, характерные для городов Балтийского региона, подчеркивают торговую роль Выборга и доказывают существование средневековой гавани в Выборгском заливе. Кроме изучения культурного слоя средневекового города несколько полевых сезонов были посвящены исследованию руин старинного кафедрального собора, в том числе и поискам могилы Микаэля Агриколы. Большая часть коллекции находок из раскопок А. Саксы представлена на экспозиции археологической выставки музейного центра «Эрмитаж–Выборг», открытой в 2013 г. в бастионе Панцерлак.

Значительные усилия А. Саксы были направлены на охрану археологического и культурного наследия Карельского перешейка и Выборга. Его дипломатические способности часто приносили

успешные плоды даже в условиях конфликта интересов с властями или строительными компаниями. Благодаря живым и увлеченным выступлениям, ему удавалось вызвать интерес к археологии как у общественности, так и у администрации. А. Сакса активно приглашал местную молодежь работать на раскопках, так как считал чрезвычайно важным, чтобы жители Выборга знали историю своего города. Финские студенты тоже время от времени участвовали в этих полевых изысканиях.

Опыт и эрудиция Саксы были востребованы во многих областях гуманитарных знаний. Вместе с экспедицией Русского географического общества он часто бывал на удаленных островах Финского залива (Лавансаари, Мощный и Большой Тютерс), где ему также удалось провести небольшие археологические работы.

Душа научного сотрудничества

Ингрский (ижорский) финский язык, родной язык его детства, открывал для А. Саксы двери в финскую культуру и одновременно в научное сообщество, поэтому Сакса стал центральной фигурой в сфере археологического сотрудничества.

Финская докторская степень А. Саксы официально не признавалась согласно стандартам Российской академии наук, поэтому он защитил свою вторую докторскую диссертацию на русском языке в 2007 г. в Санкт-Петербурге (*Сакса*, 2010). Три монографии и около 150 статей Саксы свидетельствуют о высочайшей квалификации автора как исследователя ранней истории Карелии и средневекового Выборга. А. И. Сакса участвовал в нескольких совместных публикациях и издательских проектах также и в Финляндии. Одна из последних совместных работ Саксы была опубликована в «Городском атласе истории Выборга» (*Saksa et al.*, 2020) — издании международного масштаба. Последней монографией Саксы стало подробное описание и интерпретация истории городского участка на Выборгской улице, 8, в Выборге (*Сакса*, 2020).

А. Сакса являлся ведущим научным сотрудником Института истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН) в Санкт-Петербурге, членом научных советов РАН и членом президиума регионального (Санкт-Петербург) отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). Он неустанно боролся за сохранность древних памятников на Карельском перешейке и в Выборге.

Рис. 5. Александр Сакса с Кристианом Карпеланом и Пирьо Уйно в мае 2002 г. на экскурсии группы участников финско-русского симпозиума. Осматриваемый памятник — многослойное поселение Яйтсаари (каменный век — железный век) в Руоколаhti, Восточная Финляндия. Неизвестный фотограф

Fig. 5. Aleksandr Saksa in May 2002 on the excursion of the Finnish-Russian archaeological symposium, with Christian Carpelan and Pirjo Uino. The site is a multiperiod settlement Äitsaari (Stone Age — Iron Age) in Ruokolahti, in Eastern Finland. Photographer unknown

Финское общество древностей (Suomen Muinaismuistoyhdistys) высоко оценило его заслуги и в 2015 г. пригласило стать иностранным членом. Кроме того, А. Сакса состоял членом Финского литературного общества, Финского общества церковной истории и Общества Калевалы. Он также неоднократно посещал Карельскую ассоциацию в Хельсинки в качестве специалиста по международным делам и был авторитетным экскурсоводом автобусных туров, организованных различными финскими учреждениями (рис. 5). В 2001 г. Карельская ассоциация наградила Александра Ивановича Саксу почетным знаком «Pro Carelia». Подлинным другом его считали и несколько других региональных обществ карельской культуры.

Несколько десятилетий А. И. Сакса состоял членом рабочей группы в области советско/

российско-финской археологии, был многократным участником научных и других событий и проектов в Финляндии, где всегда являлся ключевой фигурой благодаря своей компетентности и переводческому мастерству (рис. 6). Его переводы всегда отличались дипломатической гибкостью, учитывали общественный контекст текущей ситуации. В этом качестве он часто встречал финских коллег на Финляндском вокзале Ленинграда, а затем Санкт-Петербурга, сопровождая гостей в гостиницу и организовывая посещение музеев, архивов, местной администрации и пр. Зарубежный исследователь всегда мог чувствовать, что он или она находится под надежной опекой. А. Сакса проявлял себя как истинный джентльмен, помогая коллегам-женщинам безопасно пересечь загруженную транспортом улицу или покупая букет в гостиничный номер.

Добрый товарищ, дорогой друг

Благодаря своей вдохновляющей манере изложения Сакса был популярным ведущим и уважаемым экспертом как в научном сообществе, так и за его пределами. Он был общительным, дружелюбным, доброжелательным и всегда готовым помочь. А. Сакса откликался на любую просьбу, ему трудно было сказать «нет», даже если сложившиеся обстоятельства доставляли ему неудобства. Дружба с финскими коллегами с каждым годом все больше укреплялась.

Насыщенная жизнь А. Саксы никогда не обходилась без сюрпризов. Но его юмор и оптимизм разряжали атмосферу в различных непростых ситуациях, вызванных условностями советской жизни. Он с легкостью справлялся с возникавшими проблемами. Для него было делом чести независимо от трудностей реализовать намеченные планы. «Это любопытно, — говорил он. — Давайте-ка посмотрим, как можно решить эту проблему». И в самом деле, все практические вопросы как-то разрешались. Когда в Советском Союзе в 1990 г. был дефицит бензина, мы отправились на прием к мэру Приозерска и получили специальное разрешение на покупку бензина для экспедиционных нужд. Администрация доброжелательно относилась к Саксе, да и он сам умел устанавливать добрые и доверительные отношения с властями. Вот почему с ним мы всегда чувствовали себя в безопасности даже в сложных ситуациях. Его искренний оптимистический настрой всегда приводил к успеху.

А. Сакса был экстравертом, поэтому он без труда находил общий язык с местными жителями и устанавливал с ними тесные контакты. Он был очень светлым и легким человеком. В то же время в его рассуждениях и мыслях всегда звучали философские нотки. Стоило появиться А. Саксе, и любая беседа становилась интересной и содержательной. Его манера рассказывать о прошлом и анализировать текущие события была уникальной и сопровождалась остроумными анекдотами. Он поистине был полон энтузиазма в отношении к своим археологическим открытиям и был готов поделиться своими результатами с любым, даже если это был случайный водитель такси в Ленинграде.

Когда 15 августа 2022 г. в России отмечался День археолога, пришло неожиданное и печальное известие: знаток древней истории Карелии

Рис. 6. Александр Сакса докладывает об итогах раскопок в Выборге, финско-российский археологический симпозиум в Хельсинкском доме культуры, 2014 г. Фото К. Карпелана

Fig. 6. Aleksandr Saksa presents results of the Vyborg excavations, the Finnish-Russian archaeological symposium at Helsinki House of Culture in 2014. Photo C. Carpelan

Александр Сакса ушел из жизни. Он скончался 14 августа, всего через несколько дней после своего 71-летия. Еще в июле мы обменялись с ним письмами по электронной почте, и он прислал несколько личных фотографий. За несколько дней до своего дня рождения он выслал программу к 375-летию Губаницкого прихода, празднование которого намечалось в августе, и письмо с ингрскими пейзажами — символами самых дорогих для него мест. В конце августа все изменилось.

К сожалению, в связи с нынешними политическими событиями в России финские коллеги Александра Саксы не смогли присутствовать на прощании с ним в Санкт-Петербурге и на кладбище в Губаницах. В своих письмах мы выразили наше соболезнование и почтили память нашего дорогого коллеги и друга. Нам поистине его не хватает.

- Saksa*, 2010 — *Saksa A. I.* Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э.: происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 398 с.
- Saksa*, 2020 — *Saksa A.* Из истории одного выборгского средневекового дома. СПб.: Арка, 2020. 280 с.
- Karelian Isthmus...*, 2008 — *Karelian Isthmus: Stone Age Studies in 1998–2003.* Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 2008 (Iskos; Vol. 16). 328 s.
- Pre VERNADOC 1997...*, 2018 — *Pre VERNADOC 1997: inkerinsuomalaiset. Kurkolanniemen Vipiä ja Hakaja, Kupanitsan Korkka / Ed. M. Mattila.* CIAV/Suomen ICOMOS. Helsinki, 2018. 132 s.
- Saksa*, 1998 — *Saksa A.* Rautakautinen Karjala: Muinais-Karjalan synty ja varhaiskehitys. Joensuu: Joensuun yliopiston humanistinen tiedekunta, 1998 (Studia Carelica Humanistica; Vol. 11). 258 s.
- Saksa et al.*, 2020 — *Saksa A., Suhonen M., Uino P.* Viipuri maan alla — keskiaikainen karttakuva ja arkeologinen aineisto. Vyborg underground — Medieval Map Image and Archaeological Finds // Viipuri — Vyborg. Historiallinen kaupunkikartasto — Historic Town Atlas. Scandinavian Atlas of Historic Towns. New Series, No 3, Suomi-Finland / Eds. K. Katajala, M. Hietala, M. Niemi, P. Uino, M. Helminen, A. Härkönen, H. Hirvonen. Helsinki: AtlasArt, 2020. S. 12–37.
- Uino*, 1997 — *Uino P.* Muinais-Karjala: Arkeologisia tutkimuksia. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1997 (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja; Vol. 104). T. 1. Ancient Karelia: Archaeological studies. 426 s.
- Uino*, 2021 — *Uino P.* Olipa kerran Suotniemi — muinaiskylän arkeologiaa // Kotikylämme Suotniemi / Ed. Merja Uotila. Suotniemeläiset. Lahti, 2021. P. 18–56.
- Uino*, 2022 — *Uino P.* In memoriam — Arkeologi Aleksandr Ivanovitš Saksa (1951–2022). Available at: <https://kalmistopiiri.fi/2022/10/03/in-memoriam-arkeologi-Aleksandr-ivanovits-Saksa-1951-2022> (accessed 3.10.2022).
- Uino et al.*, 2022 — *Uino P., Lavento M., Suhonen M.* In memoriam: Aleksandr Ivanovich Saksa (11 AUG 1951–14 AUG 2022) // Fennoscandia archaeologica. Helsinki, 2022. Vol. XXXIX. S. 139–143.

Aleksandr Saksa from a Finnish perspective — good colleague, key person of the cooperation, dear friend

Pirjo Uino, Christian Carpelan³

Keywords: Finland and Russia, cooperation, archaeology, joint projects, the role of A. I. Saksa.

Aleksandr Saksa was a key person in Finnish-Russian cooperation in the field of archaeology since the 1970s. He successfully promoted Finnish-Russian scientific relations for more than 40 years. The friendships with many Finns were firm and warm. The following text is — with minor additions — a compilation of two obituaries of Aleksandr Saksa, published in Finland (*Uino*, 2022; *Uino et al.*, 2022).

³ Pirjo Uino — Dr Phil, Associate professor of archaeology, University of Helsinki, Finland; e-mail: pirjo.Uino@kolumbus.fi; pirjo.Uino@helsinki.fi; Christian Carpelan — Dr Phil, h. c., retired from University of Helsinki, Finland; e-mail: christian.carpelan@kolumbus.fi.

О Саше

А. А. Выборнов

Аннотация. Публикация посвящена воспоминаниям о знакомстве с Александром Ивановичем Саксой, начиная со студенческих лет. Анализируется та роль, которую он сыграл в жизни автора. Характеризуются профессиональные и личностные качества Саши.

Ключевые слова: Карелия, Выборг, студенчество, профессионал.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-35-37

Мы не были близкими друзьями, но когда пришло скорбное известие, за ночь выкурил весь запас табака...

Наше знакомство состоялось в сентябре 1975 г., когда я начал учиться на кафедре археологии ЛГУ. Сначала настроение было двояким — очень мало знакомых, забавное общежитие на «Мытне», полгода точно не самарская. Саша был старше меня не только по возрасту, но и по жизненному опыту. Видимо, и он чувствовал мой пессимизм. Стал часто общаться на перерывах, во время которых он знакомил меня с другими студентами кафедры, и младше, и старше меня. Саша совмещал в себе некоторую застенчивость и открытость. Его доброжелательность была естественной. И я, посещая занятия с вечерниками, расширял свой круг общения и, незаметно для себя, уже через короткое время не испытывал дискомфорта.

В день стипендии, на посиделках, мы мужской частью археологической фракции курса заводили довольно жаркие споры, заканчивающиеся далеко за полночь. На одной из таких встреч я рассказал, что участвовал в раскопках стоянки Сунгирь, но по просьбе Отто Николаевича Бадера вместо работы на интереснейшем палеолитическом памятнике мне пришлось без особой радости помогать сотрудникам музея в полевом исследовании средневекового города. Тогда Саша ненавязчиво, но увлекательно начал рассказывать о Старой Ладоге, Рюриковом городище и др. Именно он привил

мне истинный интерес к истории древнерусского города. И когда через четверть века я вновь оказался во Владимире и Суздале, то совсем по-другому начал смотреть на такие шедевры древнерусской архитектуры, как Успенский собор и церковь Покрова на Нерли. И тут я понял, что Саша помог раскрыть мне чувства, которые таились в глубине моей души, но о которых я не догадывался.

Не каждому дано быть хорошим слушателем, а он был. Вспоминаю споры с ним о камском неолите, как он пытался получить от меня достоверные доказательства, что носителями этих неолитических культур являлись финноязычные племена. Я приводил аргументы, что именно культура ямочно-гребенчатой керамики продвинулась из Волго-Окского междуречья в Карелию и Финляндию, на что Саша спокойно парировал отсутствием радиоуглеродных дат. Он имел особый дар «завести» собеседника, тем самым подталкивая его еще глубже погрузиться в тему дискуссии. Тогда я и не подозревал, насколько это мне пригодится в дальнейшем.

Наступило время сборов на военной кафедре, было очень печально от потери полевого археологического сезона. В электричке Саша, за плечами которого была служба во флоте, умело провел со мной психологический тренинг, так что я вполне адаптировался к неизбежному и восторженно маршировал по плацу, по ночам чистил картошку и пр. За то, что я был дальномерщиком и каждый день носил увесистый прибор на позиции и обратно, он пристроил меня по пятницам на бластную должность банщика. Однажды мы сидели на скамейке рядом с баней, а мимо нас шла старенькая бабушка в странной одежде. По ней

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет; ул. М. Горького, 65/67, Самара, 443099, Россия; e-mail: vibornov_kin@mail.ru.

© Выборнов А. А., 2023

Рис. 1. А. А. Выборнов и А. И. Сакса. Хельсинки, август 2012 г.

Fig. 1. A. A. Vybornov and A. I. Saksa. Helsinki, August 2012

Саша определил, что она финка. Я было ринулся задержать нарушителя границы, но Карацупы из меня не получилось. Он заговорил с ней на непонятном мне певучем мелодичном языке, я забыл про бдительность и не решился прервать их задумчивый разговор. После чего Саша просветил меня, что эта территория раньше принадлежала Финляндии, и старушка ходит на погост, который оказался на нашей стороне. Так я узнал про советско-финскую войну, про которую в те времена старались не говорить.

Окончание вуза развело нас. Телефонов не было, но мы встречались, так как я стал соискателем в секторе палеолита и дважды в год приезжал с отчетами.

А потом начались 1990-е... Стало не до поездов. Когда в 2000-е ситуация стабилизировалась, я вновь стал приезжать в Санкт-Петербург, и судьба подарила мне новые встречи с Сашей. Я искренне гордился тем, что хорошо знаком с ним как с профессионалом с большой буквы. Беседы касались в основном его дел в Великом Новгороде, семьи, но в них стали проскальзывать грустные нотки.

Новый эпизод нашего общения связан с конференцией Европейской ассоциации археологов

в конце августа 2012 г., которая проходила в Хельсинки (рис. 1). Здесь он познакомил меня с местными неолитчиками, сотрудничество с которыми помогло ответить на мои студенческие вопросы и о камской, и о льяловской культуре. А еще, несмотря на сильную занятость и неудобства (уже тогда ходил с палочкой), провел меня по наиболее интересным местам старого города. И опять сумел меня влюбить уже в этот финский город!

Осенью того же года был юбилей российской государственности, который отмечался весьма широко. Меня попросили пригласить в Самару кого-то из серьезных специалистов, и я сразу позвонил Саше. Он сделал все возможное и невозможное, чтобы к нам приехал А. Н. Кирпичников. И это стало значительным событием для самарской исторической общественности и студенчества.

В октябре 2019 г. мне посчастливилось участвовать в симпозиуме в Хямеэнлинне (рис. 2). К обоюдной радости, нас поселили в одном номере, и мы всю ночь напролет предавались воспоминаниям. Разговоры чередовались интереснейшими историческими фактами, такими деталями Невской битвы и Ледового побоища, которые я не встречал даже в специальных изданиях. Заснули под утро. Для меня это было не столь важно (хотя разница в часовых поясах давала о себе знать), а он отвечал за многие организационные вопросы. Несмотря на это, Саша с раннего утра был в отличной форме. Как и все, я искренне радовался его бодрости и постоянной улыбке. А ведь знал, что ночью он не спал не только из-за наших воспоминаний, но и из-за разного рода болезней, которые терзали его. Тогда и понял, что я со своими артрозом и остеохондрозом по сравнению с ним весьма здоровый человек. Но и во вторую ночь мы вернулись на 45 лет назад... И, как в студенческие годы, я расспрашивал его про крестовый поход на Северо-Запад Руси, а он выяснял у меня, где в Волго-Камье встречаются топоры русско-карельского типа. Ну, а потом — «за жизнь»... Как будто чувствовали, что больше такой возможности никогда не представится. Но и этих наших встреч достаточно, чтобы вспоминать Сашу, Александра Ивановича Саксу, с самыми добрыми чувствами.

Новой любовью для него стал Выборг, и он опять сумел меня увлечь этим необыкновенным средневековым городом. К моменту, когда стало известно, что очередной российско-финский симпозиум пройдет там, я уже знал почти все и о раскопках, и о достопримечательностях.

Рис. 2. Выступление А. И. Саксы на симпозиуме. Хямеэнлинна, октябрь 2019 г.

Fig. 2. Speech by A. I. Saksa at the Symposium. Nameenlinna, October 2019

Александр Иванович как один из организаторов предлагал обсудить видоизмененный формат этого форума. Планировалось расширить его хронологические рамки. Понятно, что наше общение

по телефону стало регулярным. Коронавирус переречкнул почти все.

Но судьба дала нам две ночи в Хямеэнлинне. Спасибо и за это!

About Sasha

A. A. Vybornov²

Keywords: Karelia, Vyborg, student, professional.

The paper is dedicated to memories of acquaintance with Alexandr Ivanovich Saksa, starting from student years. The role he played in the author's life is analyzed. Sasha's professional and personal qualities are characterized.

² Alexandr A. Vybornov — Samara State Socio-Pedagogical University; 65/67 Ul. M. Gorky, Samara, 443099, Russia; e-mail: vibornov_kin@mail.ru.

Светлой памяти Александра Ивановича Саксы посвящается

С. И. Кочкуркина, М. И. Петрова¹

Аннотация. Заметка посвящена памяти А. И. Саксы и его вкладу в исследования по средневековой археологии Карелии.

Ключевые слова: А. И. Сакса, археология Карелии.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-38-39

Этнокультурная история древних карелов, вепсов, саамов и русских, издревле проживающих на территории Карелии и в приграничье с Финляндией в тесном контакте друг с другом, изучается в течение длительного времени археологами как Финляндии, так и России.

В России по средневековой археологии Карелии и Карельского перешейка систематически ведутся исследования с 70-х гг. XX в. Изучены укрепленные поселения XII–XV вв., получен богатейший материал, позволяющий охарактеризовать планировочную структуру поселений, дома с печами-каменками и хозяйственные постройки, ремесла, сельское хозяйство и домашние промыслы, охоту и рыболовство, военное дело.

Большой вклад в создание базы источников Северо-Западного Приладожья внес А. И. Сакса. Наиболее результативные полевые исследования осуществлены им в Кууппала-Калмистомяки в 1985–1987, 1995 гг. (вскрыто более 500 кв. м). На исследованной территории выявлены культурные слои эпохи неолита и раннего металла, 25 погребений X–XV вв., а также предметы из разрушенных захоронений. На городище Хямеенлахти А. И. Сакса в 1986–1987 гг. исследовал средневековый слой на площади около 70 кв. м. Им раскопан также комплекс Ольховка (169 кв. м), состоящий из селища, ритуальных куч и жертвенных камней. При археологических раскопках древней крепости Корела на рубеже 80–90-х гг. XX в. (раскопки А. И. Саксы и

П. Уйно) обнаружены строительные остатки, существовавшие на острове до возведения крепостных сооружений, и, предположительно, следы разрушенных погребений VIII–XIII вв., которые позднее были уничтожены при строительных работах.

Итоги многолетних полевых и научных исследований А. И. Сакса опубликовал в 1998 г. на финском языке в диссертации на соискание степени доктора философии “Rautakautinen karjala”, защищенной в Финляндии. В 2007 г. А. И. Сакса успешно защитил докторскую диссертацию в ИИМК РАН (С. И. Кочкуркина выступила официальным оппонентом), в 2010 г. опубликовал книгу «Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли» (СПб.: Нестор-История, 2010. 400 с.).

Более 20 лет А. И. Сакса исследовал территорию Выборга. В процессе археологических раскопок им выявлены слои, предшествующие городу, а также культурные слои шведского, русского и финского периодов функционирования города. Изучены фортификационные сооружения Замкового острова, городского парка; исследованы башня Ратуши и городская оборонительная стена («Каменный город») XV в.; вскрыты жилые постройки, хозяйственные сооружения. В итоге получены новые ценные данные о ранней истории средневекового Выборга, развитии городской структуры, оборонительных сооружениях, хозяйственной деятельности населения и т. д.

А. И. Сакса запомнился коллегам как один из организаторов науки. Начиная с 1976 г. каждые 2–3 года в СССР и Финляндии поочередно проходили советско-финские симпозиумы. Знание

¹ ИЯЛИ Карельского НЦ РАН; ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, 185910, Республика Карелия, Россия; e-mail: svetlana.kochkurkina@mail.ru.

© Кочкуркина С. И., Петрова М. И., 2023

финского языка сыграло решающую роль. Научная программа, доклады, экскурсии, фуршеты не могли обойтись без Саксы-переводчика. Финские коллеги его ценили, приглашали читать лекции, участвовать в научных проектах и т. д.

Археологические экспедиции в пос. Куркиёки и окрестностях, которыми руководил А. И. Сакса, оставили добрую память об этом дружелюбном и открытом человеке. Александр Иванович всегда бережно и уважительно относился к местным жителям, завязывал многочисленные знакомства, вникал в бытовые проблемы и старался помочь по мере своих возможностей. Как-то само собой получалось, что и школьники, и работники совхоза постепенно вовлекались в жизнь экспедиций. Всегда находились люди, которым была интересна древняя история Приладожья. Многие годы все с улыбкой и по-доброму вспоминали Сашу (так его называли). Председатель сельского совета Галина Алексеевна Ситар, директор школы Лидия Алексеевна Бокунова, заведующая столовой РайПО Кима Ильинична Червопа, главный врач больницы Павел Севастьянович Цайдер,

школьные учителя, ученики — все в той или иной степени помогали экспедиции. У Александра Ивановича была великолепная память. Он до мелочей помнил и экспедиционные события, и местных жителей, с которыми общался и всегда помогал — кому-то колот дрова, кому-то привозил из города продукты. И все это в промежутках между насыщенной полевой работой.

В последние годы мы встречались на конференциях, семинарах, тематических экскурсиях в Великом Новгороде и Приозерске. Александр Иванович ратовал за развитие музеев в небольших поселках и всегда поддерживал начинания Куркиёкского краеведческого центра по исследованию родного края в проведении конференций и организации экспозиций. В залах центра демонстрируются документальные фильмы с участием А. И. Саксы.

Коллектив Института археологии РАН *In memoriam* отметил: «Александр Иванович был дорог нам как надежный товарищ, умеющий слышать и сотрудничать, человек, несущий в себе обаяние севера и тепло человеческих отношений».

In memory of Alexandr Ivanovich Saksa

S. I. Kochkurkina, M. I. Petrova²

Keywords: A. I. Saksa, archaeology of Karelia.

The note is dedicated to the memory of A. I. Saksa and his contribution to research on medieval archaeology in Karelia.

²Svetlana I. Kochkurkina, Marina I. Petrova — Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences; 11 Pushkinskaya ul., Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russia; e-mail: svetlana.kochkurkina@mail.ru.

Библиография работ А. И. Саксы

Составитель Л. М. Всевиов

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-40-47

1979

Древности Карельского перешейка XII–XIV вв. по археологическим данным // Вопросы финно-угроведения: Тез. докл. Всесоюз. конф. финно-угроведов. Ч. 2 / Ред. Г. Г. Бараксанов. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР. С. 75–76.

1980

Разведочные работы Приозерского отряда // АО 1979 г. С. 30–31.

1981

Древности карельского перешейка (по материалам Карельских могильников) // КСИА. Вып. 166. С. 51–56; карт.

Исследования средневековых памятников на Карельском перешейке // АО 1980 г. С. 30.

1982

Археологические памятники Карельского перешейка конца I — начала II тыс. н. э. // Тез. докл. 9-й Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Ч. 1 / Отв. ред. Х. А. Пийримя. Тарту: Тартуский ун-т. С. 194–195.

1984

Карельская земля в XII–XIV вв. (по археологическим данным): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / АН СССР. ЛОИА. Л.: б. и. 20 с.

Комплекс археологических памятников у д. Ольховки (Лапинлахти) // Новое в археологии СССР и Финляндии: Докл. III Сов.-финлянд. симпозиума по вопросам археологии (11–15 мая 1981 г.) / Под ред. Б. А. Рыбакова. Л.: Наука. С. 112–117; ил.

Medieval Karelia on European trade routes // ISKOS. Helsinki: Vammalan kirjapaino Oy. № 4. P. 93–97.

1985

Древности карел на современном этапе исследования // Новое в археологии Прибалтики и соседних

территорий: Сб. ст. / Ред. Ю. Я. Селиранд. Таллин: АН ЭССР. С. 108–118.

Исследование новых средневековых памятников на Карельском перешейке // Новое в археологии Северо-Запада СССР: Сб. ст. / Отв. ред. В. М. Масон. Л.: Наука. С. 81–84.

Работы Приозерского отряда // АО 1983 г. С. 29–30. The medieval Korala (the question of the origins and formation of the ethnic community) // VI Междунар. конгресс финно-угроведов. Т. 4: Этнография. Археология. Антропология / Отв. ред. Э. Л. Савельева. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР. С. 157.

Results and perspectives of archaeological studies on the Karelien Isthmus // Fennoscandia Archaeologica. Vol. II. P. 37–49; ил., map.

1987

Исследования археологических памятников Северо-Западного Приладожья и пути его интенсификации // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. / Отв. ред. В. П. Шилов. М.: Наука. С. 224–225.

1988

Исследования Ленинградской областной экспедиции // АО 1986 г. С. 24–26. (В соавторстве с В. А. Лапшиным, С. Л. Кузьминым, С. М. Черновым.)

1989

Средневековая корела (к вопросу о происхождении этнической общности) // Материалы VI Междунар. конгресса финно-угроведов. Т. 1 / Отв. ред. Э. Л. Савельева. М.: Наука. С. 94–97.

Финляндия в позднем железном веке // XI Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Ч. 1 / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Институт истории СССР АН СССР. С. 172–173.

1990

- Корела // Финны в Европе VI–XV века. Вып. 2 / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин. М.: ИА АН СССР. С. 68–82. (В соавторстве с В. А. Тюленевым.)
- Приполярная Финляндия на рубеже I и II тысячелетия н. э. // КСИА. Вып. 200. С. 83–88: карт.
- 100 лет археологического изучения корелы // Современное финно-угроведение: Опыт и проблемы / Отв. ред. О. М. Фишман. Л.: Российский этнографический музей. С. 22–30.
- Финляндия и Карелия в позднем железном веке // Congressus Septimus internationalis. Fenno-ugriarum: Summaria dissertationum / Ed. L. Kereztes. Debrecen. S. 200.
- Kakisalmen linna 1200-luvulta // Geologi. No. 42. S. 65–68. (Co-authored T. Kankainen, M. Saarnisto и J.-P. Taavitsainen).
- On the study of ancient Karelian craft centres // ISKOS. Helsinki: Vammalan kirjapaino Oy. No. 9. P. 69–73.

1992

- Из истории древнего населения области по данным археологии // Мы живем на одной земле: Население Ленинградской области / Ред. К. А. Орлова. СПб.: Лениздат. С. 61–72.
- Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование // Древности славян и финно-угров / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин. СПб. С. 64–74: ил., карт. (В соавторстве с А. Н. Кирпичниковым, В. А. Назренко, В. Я. Шумкиным.)
- Arkeologiset tutkimukset Kannaksella ja Karjalassa // Karjalainen viesti. No. 2. Joensuu. S. 7–10.
- Kakisalmen maasta esiin kaivettu historia // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. No. 10. Lahti: Etelä-Saimaan Kustannus Oy. S. 5–17.
- Karelia and the West Finnish cultural area in the Late Iron Age // Cultural heritage of the Finno-Ugrians and Slavs / Eds. J. Selirand, V. Lang. Tallinn: Varpak. P. 96–105.
- Karjala ennen kolmatta ristiretkä // Suomen varhaishistoria. Studia historica septentrionalia. No. 21. Rovaniemi. S. 468–479.
- On the factors influencing the formation and development of Karelian culture between the eleventh and thirteenth centuries // Fenno-ugri et Slavi. Helsinki. S. 98–104.
- The Pollen and macrofossil data the wooden fortress of Käkisalme dated to about AD 1200–1700 // Annales Botanici Fennici. No. 29/3. P. 187–196: ил., карт. (Co-authored I. Vuorela, T. Lempiäinen, M. Saarnisto.)

1993

- Древняя Ладога и человек на ее берегах // Шерген — академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. К 200-летию со дня рождения: Тез.

докл. ежегодных российско-финляндских гуманитарных чтений / Отв. ред. К. В. Чистов. СПб.: Фонд им. М. В. Ломоносова. С. 27–29. (В соавторстве с М. Саарнисто и Ю.-П. Таавитсайненом.)

- Karjala ennen kolmatta ristiretkä // Oulun yliopista historian iaitos. Erikoispainossarja. № 317. S. 468–479: ил., карт.
- Results and perspectives of archaeological investigations at the castle of Kakksalmi/Kexholm // Castella Maris Baltici / Ed. K. Drake. Stockholm: Almqvist & Wiksell International. P. 213–217: ил., карт. (Co-authored P. Uino.)

1994

- В. И. Равдоникас и Финляндия — забытые страницы сотрудничества // Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В. И. Равдоникаса: Тез. докл. / Науч. ред. Г. В. Вилинбахов. СПб.: Гос. Эрмитаж; СПбГУ; ИИМК РАН. С. 5–8. (В соавторстве с Ю.-П. Таавитсайненом.)
- Древние жители Куупалы — свидетели этапов истории Ладоги // Вопросы геологии и археологии: Тез. докл. междунар. симпозиума, посвящ. 150-летию А. А. Иностранцева / Отв. ред. В. Н. Прозоровский и др. СПб.: СПбГУ. С. 75–77. (В соавторстве с М. Саарнисто, Ю.-П. Таавитсайненом.)
- Корела — Какисалми как этап освоения реки Вуоксы // Приозерск — Кексгольм — Какисалми в истории России и Финляндии: к 700-летию основания города: Тез. докл. российско-финляндских гуманитарных чтений. СПб.: Европейский Дом. С. 8–10.
- Международные исследования на Карельском перешейке и в Приладожской Карелии // Изучение древних культур и цивилизаций / Отв. ред. В. М. Масон. СПб.: ИИМК РАН (Археологические изыскания; Вып. 14). С. 101–104.
- Северная (Финская) Карелия: формирование этнокультурного ареала // Духовная культура: проблемы и тенденции развития: Тез. докл. Всерос. науч. конф. (11–14 мая 1994 г.). Вып. 3 (секции 7–9) / Отв. ред. А. А. Максимова. Сыктывкар: Сыктывкарский ГУ. С. 63–65.
- On early agriculture in the archipelago of lake Ladoga // Fennoscandia Archaeologica. Vol. XI. P. 29–39: ил., карт. (Co-authored J.-P. Taavitsainen, L. Ikonen.)
- On the factors influencing the formation and development of Kareilian culture between the 11th and 13th centuries // Finno-ugri et slavi 1992 / Ed. P. Purhonen. Helsinki: National Board of Antiquities. P. 92–104.
- Rautakautinen Karjala — Kajalan synty // Studia Carelica Humanistica. Vol. 5. Tampere: Tammer-Paino Oy. P. 29–45: ил.

1995

- Палеоэкологическое и археологическое исследование истории окружающей среды и земледелия

- на Карельском перешейке и в Ладожской Карелии // VIII International Congress Fenno-Ugristicum. P. II / Ed. Lescinen. Jyväskylä. P. 314–316.
- Северные прибалтийско-финские племена в эпоху Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха: исследования и материалы: Сб. ст. / Под ред. Ю. К. Бегунова, А. Н. Кирпичникова. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 114–122: карт.
- The early history of the fortress of Käkisalmi, Russian Karelia: Archaeological and radiocarbon evidence // *Fennoscandia Archaeologica*. Vol. XII. S. 41–47. (Co-authored T. Kankainen, P. Uino.)
- The early history of the fortress of Kakiealmi, Russian Karelia, as evidenced by new dendrochronological dating results // *Fennoscandia Archaeologica*. Vol. XII. S. 215–220. (Co-authored P. Zetterberg, P. Uino.)
- 1996**
- А. М. Тальгрэн и российская археология (по материалам переписки А. М. Тальгрэна) // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. / Ред. С. Б. Коренева. СПб.: Европейский Дом. С. 27–34. (В соавторстве с Ю.-П. Таавитсайненом.)
- Исследования на северо-западном побережье Ладожского озера // Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: ИИМК РАН (Археологические изыскания; Вып. 31). С. 52–55. (В соавторстве с В. И. Тимофеевым.)
- Карелия и Ладожская область в I и начале II тыс. н. э. // Ладога и Северная Европа: II чтения памяти Анны Мачинской / Науч. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Староладожский ист.-архит. и археол. музей-заповедник. С. 15–17.
- Свинцовые печати из раскопок в Кореле // ННЗИА. Вып. 10. С. 187–194: ил. (В соавторстве с В. Л. Яниным.)
- Ancient history of the population of the present-day Leningrad Region // *Karelia and St. Petersburg* / Eds. E. Varis, S. Porter. Joensuu: Joensuu University Press. P. 27–37: map.
- The history of environment and development of agriculture on the Karelian Isthmus and NW Ladoga region: a palaeoecological and archaeological study // *Congressus octavus internationalis fenno-ugristarum*. Pars VII. Jyväskylä. S. 371–376 (Co-authored E. Grönlund, H. Simola, J.-P. Taavitsainen, L. Kivinen, K. Tolonen.)
- Karjalaiset ja inkeroiset — laheisia sukulaiskansoja? // *Historia Fenn-Ugrica* / Ed. K. Julku. Oulu: Societas Historicae Fenn-Ugricae. P. 513–518. (Co-authored O. I. Kon'kovoy.)
- Late and postglacial history of lakes of the Karelian Isthmus // *Hydrobiologia*. No. 322. P. 199–204. (Co-authored N. N. Davydova, Kh. A. Arslanov, V. I. Khomutova, I. I. Krasnov, D. B. Malakhovsky, M. Saarnisto, D. A. Subbetto.)
- 1997**
- Город Корела — центр Приладожской Карелии (по археологическим данным) // Славяне и финно-угры: Археология, история, культура / Под ред. А. Н. Кирпичникова и др. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 179–184: карт.
- Древняя Карелия в IX–XIII веках // Современность и археология: Тез. докл. Междунар. чтений, посвящ. 25-летию Староладожской археологической экспедиции / Под ред. А. Н. Кирпичникова и др. СПб.: Вести. С. 95–96.
- Первые русско-финские города // Восточный путь. Таллин. № 3. С. 27–29: ил. (В соавторстве с А. Н. Кирпичниковым.)
- Русь и Карела // Памятники старины: Концепции. Открытия. Версии / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.; Псков.: ИИМК РАН. С. 225–232.
- Kronikan taustat // *Savolainen M. Inkerinmaa: Joka on, mutta jota ei ole*. Jyväskylä: Atena. С. 11–13.
- Palaeoecological studies of three small lakes in western Lake Ladoga region: Holocene vegetation dynamics, history of agriculture and effects of vegetation and land-use change on aquatic ecosystems // *Proceedings of the 2nd Lake Ladoga Symposium*. University of Joensuu. Joensuu. (Publication of Karelian Institute; 117). S. 391–395. (Co-authored E. Grönlund, H. Simola, T. Alenius, J. Lahtinen, J. Miettinen, L. Kivinen, N. Davydova, J.-P. Taavitsainen, K. Tolonen.)
- Uudemat arkeologiset tutkimukset Kurrijoella: Laatokan Karjalassa // *Karjalainen Viesti*. No. 2. Joensuu. С. 1–7.
- 1998**
- Археологическое наследие древней Корелы // Культурное наследие Российского государства / Сост. А. Н. Кирпичников. СПб.: Вести. С. 64–72: ил., карт.
- К вопросу о заселении Приладожской Карелии в позднем железном веке // Ладога и эпоха викингов: IV чтения памяти А. Мачинской / Науч. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Староладожский ист.-архит. и археол. музей-заповедник. С. 20–25: карт.
- Памяти Вячеслава Альбертовича Тюленева // Изучение памятников морской археологии. Вып. 3. С. 226–227.
- Памяти Вячеслава Альбертовича Тюленева (1947–1996) // АВ. Вып. 5. С. 398–399.
- Поселенческие центры как фактор расцвета Карелии в XII–XIV вв. // Поселения: среда, культура, социум: Материалы тематической науч. конф. / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 157–160.
- Rautakautinen Karjala: Muinais-Karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys. Joensuu: Joensuu univ., Faculty of humanities. 258 s.: ил., map. (*Studia Carelica Humanistica*; 11.)

1999

Итоги изучения карельских крепостей эпохи средневековья // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН. С. 192–205.

The Finnish Population of the medieval Cities of Northern Russia // *Fenno-Ugri et Slavi*. No. 8. P. 23–28. (Co-authored A. N. Kirpichnikov.)

2000

Археологическое наследие древней Корелы // Культурное наследие Российского государства. Вып. 2 / Сост. А. Н. Кирпичников; ред. Е. Н. Носов, В. С. Пономарев. СПб. С. 121–129; ил., карт.

Формирование культуры карел железного века — хронология процесса и факторы воздействия // VI World Congress for Central and East European studies: Abstracts / Ed. P. Sinisalo-Katajista. Tampere: Oy Edita Ab. P. 368–369.

Paleoecological reflection of rapid land use change in the northern Lake Ladoga region // *Proceeding of the III International Lake Ladoga Symposium* / Eds. A. Peltonen et al. Joensuu. S. 504–507. (Co-authored H. Simola, J. Miettinen, E. Grönlund.)

2001

История населения Приладожской Карелии и области Саво с древнейших времен и до XIV в. // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / Под ред. А. Г. Герда, Г. С. Лебедева. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 257–271; карт.

Новые исследования средневековых мечей из собрания Национального музея Финляндии // Тез. докл. XIV конф. по изучению скандинавских стран и Финляндии / Редкол. В. Н. Барышников и др. М.; Архангельск: Поморский ГУ. С. 140–141. (В соавторстве с А. Н. Кирпичниковым, Л. Томантерей.)

Средневековая корела: формирование этнической и культурной общности (Корельская земля новгородских летописей) // Вуокса. Вып. 2, т. 1. С. 95–112; ил., карт.

An archaeological field survey of Stone Age and Early Metal period settlement at Kaukola (Sevastyanovo) and Räisälä (Melnikovo) on Karelian Isthmus in 1999 // *Fennoscandia Archaeologica*. Vol. XVIII. P. 3–25; ил., map. (Co-authored M. Lavento, P. Halinen, V. I. Timofeev, D. Gerasimov.)

Pollen analytical evidence of Late Medieval establishment of arable field cultivation in environs of the Svir Monastery, eastern Lake Ladoga coast // *Climate and Environment during the Last Deglaciation and Holocene in NW Russia and around the Baltic: Abstract Volume* / Ed. D. A. Subetto. СПб.: Ин-т лимнологии РАН. P. 21. (Co-authored E. Gröniund, H. Simola, S. I. Kotchurkina.)

Viipurin kaupunkikaivaukset 1999–2000 // *Hiidenkivi*. No. 2. Helsinki. S. 26–29.

2002

Выборг — город четырех исторических традиций (итоги исследований 1996–2000 гг.) // Культурное наследие Российского государства. Вып. III / Сост. и отв. ред. А. Н. Кирпичников. С. 150–164; ил.

Выборг и Карельская земля // Культура, образование, история Ленинградской области: Тез. докл. науч.-практ. конф. / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Вести. С. 76–79.

Древняя Карелия и Новгород // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья: Сб. ст. / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН. С. 88–92.

Средневековая Корела: формирование этнической и культурной общности // Программы спец. курсов по археологии / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 80–84.

Финское население в составе северо-русских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси: Сб. ст. / Отв. ред. Е. Н. Носов, Г. И. Смирнова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 134–144; ил. (В соавторстве с А. Н. Кирпичниковым.)

Kaupunkiarkeologia Viipurissa // *Suomen keskiajan arkeologian seura*. Turku. № 2. S. 4–10; ил. (Co-authored St. V. Belsky, M. Suhonen.)

New archaeological excavations in Vjipuri: Results of field investigations of the 1998–2001 seasons and current research problems of urban history // *Fennoscandia Archaeologica*. Vol. XIX. P. 37–64; ил., map. (Co-authored St. V. Belsky, A. V. Kurbatov, N. Polyakova, M. Suhonen.)

2003

Выборг — первые века истории (некоторые итоги исследований 1998–2001 гг.) // Проблемы балтийской археологии: Сб. науч. трудов. Калининград: Изд-во Калининградского ГУ (Terra Baltica; № 2). С. 129–140. (В соавторстве с Ст. В. Бельским, А. В. Курбатовым, Н. Ю. Поляковой.)

1200-luvun Lopun radiohiliajoitus Viipurista // *Suomen keskiajan arkeologian seura* (SKAS). Turku. С. 15–20; ил. (Co-authored M. Saarnisto, J.-P. Taavitsainen.)

Ristiretkiaika 1100–1300 jKr // *Karjalan synty. Viipurin läänin historia I* / Ed. M. Saarnisto. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy. S. 383–473; ил. (Co-authored P. Uino, V. Hiekkänen.)

Stadsarkeologi i Viborg // *Medeltidsarkeologisk Tidskrift*. Lund. № 1. S. 14–30; ил., map. (Co-authored St. V. Belsky, M. Suhonen.)

2004

Новые данные по ранней истории средневекового Выборга (предварительные итоги исследований)

- 1998–2000 гг.) // Страницы выборгской истории. Кн. 2 / Сост. А. Абдуллина. Выборг: Европейский Дом. С. 569–584.
- Archaeological chronology of medieval Vyborg: Preliminary results of the excavations of 1998–2000 // *Fenno-Ugri et Slavi* 2002. P. 98–109: ил., map.
- Land-use history of Riekkalansaari Island in the northern archipelago of Lake Ladoga, Karelian Republic, Russia // *Vegetation History and Archaeobotany*. No. 13. Helsinki. S. 23–31 (Co-authored T. Alenius, E. Grönlund, H. Simola.)
- New studies of Viking Age and Medieval swords from the Collection of the National Museum of Finland // *Fenno-Ugri et Slavi* 2002. P. 28–35: ил. (Co-authored A. N. Kirpichnikov, L. Tomanträ.)
- Radiocarbon dates from archaeological excavations in Viipuri — the corner site of former Uudenportinkatu and Etelävalli // *Fennoscandia Archaeologica*. Vol. XXI. P. 37–42: ил. (Co-authored M. Saarnisto.)
- 2006**
- Древняя Карелия в эпоху железного века (к вопросу о происхождении летописной карелы) // *IN SITU: К 85-летию профессора А. Д. Столяра* / Отв. ред. А. А. Никонова. СПб.: Изд-во СПбГУ. С. 282–307: ил., карт.
- Карелия и Саво: к вопросу о происхождении населения Саволакского погоста // *Славяне и финно-угры: контактные зоны и взаимодействие культур: Докл. Российско-Финляндского симпозиума по вопросам археологии и истории (Пушкинские Горы, 7–10 октября 2004 г.)* / Под ред. А. Н. Кирпичникова и др. СПб.: Нестор-История; ИИМК РАН. С. 141–152: карт.
- Карельский перешеек: формирование природного и историко-географического ландшафта // *Археология, этнография и антропология Евразии*. Новосибирск. № 2. С. 35–44: карт.
- Мечи средневековой Карелии // *Славяне и финно-угры: Контактные зоны и взаимодействие культур...* С. 41–72: ил., карт. (В соавторстве с А. Н. Кирпичниковым, Л. Томантерья.)
- Новгород, Карелия и Ижорская земля в эпоху средневековья // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы науч. конф. 15–17 ноября 2005 г. Новгород: Изд-во Новгородского ГУ, 2006. С. 15–28.*
- Хозяйство и ремесло населения Карельской земли в средние века // *РА*. № 3. С. 63–74: ил., карт.
- 2007**
- Древняя Карелия во второй половине I — первой половине II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной карельской земли: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: ИИМК РАН. 42 с.
- Древняя Карелия во второй половине I — первой половине II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной карельской земли: Дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 — Археология. СПб.: ИИМК РАН. 562 с.
- Карелы в системе международной торговли в Восточной Прибалтике в средние века // *У истоков русской государственности* / Отв. ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 332–342: ил., карт.
- Население Карельской земли в эпоху средневековья (по материалам карельских грунтовых могил) // *Труды по русской истории* / Сост. В. Н. Седых и др. М.: Изд. дом «ПАРАД». С. 183–205: карт.
- 2008**
- Древний Выборг: становление средневекового города // *Труды II (XVIII) Всерос. археологического съезда. Т. 2* / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 510–514: ил.
- Древняя Карелия и ижорская земля // *Археологическое наследие СПб. Вып. 2. С. 128–146: ил.*
- Viipuri (sw. Viborg, ru. Vyborg) // *Universitetet i Bergen Arkeologiske Skrifter (UBAS)*. Bergen. № 5. P. 393–400: ил.
- 2009**
- Исследования средневековых мечей из собрания Национального музея Финляндии // *Великий Новгород и Средневековая Русь: Сб. ст. к 80-летию В. Л. Янина* / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Памятники исторической мысли. С. 365–370: ил. (В соавторстве с А. Н. Кирпичниковым, Л. Томантерья.)
- Раскоп на улице Южный Вал в Выборге: Стратиграфия культурных напластований средневекового города // *Хорошие дни: Памяти А. С. Хорошева* / Ред.-сост. А. Е. Мусин. Великий Новгород: Леоп-Арт. С. 473–484: ил.
- Средневековый Выборг: начало городской истории (по итогам раскопок 1999–2006 гг.) // *Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье* / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Нестор-История. С. 139–146.
- Baugeschichte und kulturhistorische Stratigraphie des mittelalterlichen Wyborg (nach Materialien der Ausgrabungen 1999–2008) // *The Hansa town Riga as mediator between east and west* / Eds. F. Caune, I. Ose. Riga: Institut the History of Latvia Publishers. P. 152–162: ил., map.
- Kaupunkiarkeologia Vipurissa: Kaupungen alkuvaiheen ongelma // *Maasta, kivistä ja hengestä: Markus Hiekkänen Festschrift* / Ed. H.-M. Pellinen. Saarijärvi. S. 226–239: ил.
- 2010**
- Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э.: происхождение, история и культура

- населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История. 398 с.: ил., карт.
- Новые данные по городской стене Выборга 1470-х гг. // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: Сб. ст. Т. 2 / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. М.: Ломоносовъ. С. 238–252.
- Поселенческие центры летописной Карельской земли: структура и внутренние межобщинные связи // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова / Отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвошинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 379–395: ил., карт.
- Viippuri 1500–1600-luvulla arkeologisten kaivausten valossa // Viipurin läänin historia. III, Suomenlahdelta Laatokalle / Ed. Y. Kaukainen. Lappeenranta: Karjalan kiejpaine. S. 34–35.
- 2011**
- Кякисалми–Корела–Кексгольм — к истории старой крепости // АИППЗ. № 27 (57). С. 147–153: ил.
- Лапшин В. А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб., 2009 [Рецензия] // РА. № 4. С. 167–169. (В соавторстве с А. В. Курбатовым.)
- Приладожская (новгородская) корела: опыт успешного социально-экономического и культурного развития // Тверской археологический сборник. Вып. 8, т. 2. С. 214–227: ил., карт.
- Раскоп на ул. Выборгская 8: к проблеме истории средневекового Выборга // АИППЗ. Вып. 26 (56). С. 105–113: ил.
- Современное состояние археологических исследований в Выборге: результаты и проблемы // Труды III (XIX) Всерос. археологического съезда. Т. 2 / Отв. ред. Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН. С. 257–258.
- Muinais-Karjalan kulttuurin kehitys varhaismetallikaudesta keskiaikaan // Siirilahti aikojen saatossa. Saarijärvi: Surlanden koulupiirin kylätoimikunta. S. 32–47.
- On the history of the Old Castle of Käkisalme // Times, Things and Places: 36 Essays for Jussi-Pekka Taavitsainen / Eds. J. Harjula et al. Raisio. P. 297–307: il.
- 2012**
- А. М. Тальгрэн и российская археология: Опыт сотрудничества российских и западных археологов // Stratum plus. № 5. С. 353–358.
- Археологические исследования в городе и формирование толерантного отношения к различным культурно-историческим традициям (на примере Выборга Ленинградской области) // ННЗИА. Вып. 26. С. 392–396.
- Население Приладожской Карелии и Восточной Финляндии в середине и второй половине I тысячелетия: долгое наступление новой эры // Истоки славянства и Руси: X чтения памяти Анны Мачинской / Науч. ред. Д. А. Мачинский. СПб.: Нестор-История. С. 211–220: карт.
- Vyborg new evidence of the fortifications of the city // Archaeologia Medii Aevi Finlandiae. Saarijärvi. Vol. 18. P. 161–172: il.
- 2013**
- Археологические исследования средневекового Выборга в 2011–2012 гг. // Бюллетень ИИМК. № 3. С. 145–152: ил. (В соавторстве с А. М. Смирновым.)
- Археология Выборга [Буклет] / Выставочный центр Эрмитаж-Выборг. Выборг: Мактон. 22 с.: ил. (В соавторстве с А. И. Костенко, А. М. Смирновым и др.)
- Развитие городской структуры средневекового Выборга (по материалам раскопок 2004–2007 гг.) // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в средневековье: Докл. Российско-Литовского семинара / Ред.-сост. Г. Вайткавичюс. Вильнюс: Ин-т истории Литвы. С. 35–41.
- 2014**
- Археологические раскопки в Выборге: исследование средневекового межевого участка на улице Выборгская, 8 («дом купеческой гильдии» начала XVII века) // Труды IV (XX) Всерос. археологического съезда / Отв. ред. А. Г. Ситдииков, А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. Казань: ИА АН Республики Татарстан. С. 323–327.
- Карельские украшения в Новгороде (о связях Новгорода с отдельными районами Карелии) // ННЗИА. Вып. 28. С. 280–289: ил., карт.
- Острова восточной части Финского залива в контексте археологических памятников Эстонии, Финляндии и Карельского перешейка // Бюллетень ИИМК. № 4. С. 287–292: ил.
- От племенного «городка» карел к административному центру Новгородской земли (Кякисалми–Корела в XIII–XIV вв.) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 4. С. 117–130: ил., карт.
- Отдельные статьи // Древняя Русь в средневековом мире: Энциклопедия / Под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир.
- Старый кафедральный собор в Выборге — уникальный объект культурного наследия // Stratum plus. № 6. С. 261–270: ил.
- Столяр Абрам Давидович (In memoriam) // РА. № 4. С. 181–183. (В соавторстве с Е. Н. Носовым, И. Л. Тихоновым, А. Ю. Алексеевым и др.)
- Karelian strongholds on the Vuoksi River as a factor of the rise of Karelian Land // Munasaja Teadus. Tartu. Vol. 24. P. 257–291: il., map.

Swords of medieval Karelia // *Waffen- und Kostüm-kunde*. Dresden. Bd. 56, Heft. 2. S. 235–272: il. (Co-authored A. N. Kirpichnikov, L. Tomanterä.)

2015

Могильник Лапинлахти и проблема происхождения «корелы» русских летописей // *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья*. Вып. 5. С. 227–244: ил., карт.

Средневековый Выборг как восточное продолжение городской цивилизации побережья Балтики // *Города и веси средневековой Руси: Археология, история, культура* / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера. С. 256–271: ил.

Украшения летописной корелы как иллюстрация связей между поселенческими центрами // *АИППЗ*. № 30 (60). С. 294–308: карт.

Этика и археология // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани* / Ред.-сост. Х. М. Абдуллин; отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдинов. Казань: Отечество. С. 324–345. (В соавторстве с Л. А. Беляевым, В. А. Кореняко, А. Н. Хохловым, А. В. Энговатовой, В. В. Сидоровым, И. В. Болдиным, А. В. Чернецовым, Р. Х. Храмченковой, Н. В. Федоровой, В. А. Ивановым, С. И. Валиулиной, Е. Р. Михайловой, А. В. Выборновым, Е. В. Салминой, К. Л. Панченко, С. А. Салминым, С. Н. Коренским.)

2016

Выборг и новгородская торговля на Балтике во второй половине XIV — XV в. // *ННЗИА*. Вып. 30. С. 232–238.

Каменные насыпи древней Карелии: от погребальных сооружений к ритуальным каменным кучам // *Археология сакральных мест России: Сб. тез. докл. науч. конф. с междунар. участием* / Отв. ред. А. Я. Мартынов. Соловки: Соловецкий музей-заповедник. С. 87–91.

The early stages of the history of Vyborg: the results of archaeological research 1998–2012 // *ISKOS*. Vol. 21. P. 246–261: il.

2017

Архитектурно-археологические загадки старого Кафедрального собора в Выборге: Некоторые результаты исследований 2013 г. // *Вопросы всеобщей истории архитектуры*. Вып. 8. С. 167–189: ил. (В соавторстве с А. А. Липатовым, А. М. Смирновым.)

«Дом купеческой гильдии» (Гильдия Святого Духа) в Выборге: к вопросу о локализации // *В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь А. Песковой* / Отв. ред. А. Е. Мусин. СПб.: Невская Книжная Типография (Труды ИИМК РАН; Т. 48). С. 511–524: ил.

Средневековый Выборг: восточная часть города по археологическим данным (по материалам раскопок 2000–2002 гг.) // *ННЗИА*. Вып. 31. С. 66–80: ил.
New finds of cup-marked stones near the village of Ol'khovka (Sakkola Lapinlahti) on the Karelian Isthmus in 2016 // *Fennoscandia Archaeologica*. Vol. XXXIV. S. 139–145. (Co-authored S. V. Bel'skiy, V. G. Mizin).

2018

Археологические исследования в Выборге как фактор формирования исторического сознания горожан и возобновляемый ресурс развития туризма // *Культурное наследие Российского государства*. Вып. 7. С. 371–376: ил.

Выборг в конце эпохи средневековья — начале нового времени // *Нескончаемое лето: Сб. в честь Е. А. Рыбиной* / Отв. ред. В. К. Сингх. М.; Великий Новгород: Любавич. С. 198–213: ил.

Выборг в первой половине — середине XVI в., или Каким был город во время Микаеля Агриколы (к 500-летию Реформации) // *ЗИИМК*. № 18. С. 139–148: ил.

Выборг, строительная история межевого участка у дома 8 по ул. Выборгской // *ЗИИМК*. № 19. С. 173–190: ил.

Карельская торговля пушниной в Средние века и европейские рынки // *Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: Сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием. В 2 ч. / Отв. ред. В. А. Лапшин (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; Вып. 7)*. Ч. 1. С. 213–228: ил.

Новые находки чашечных камней у д. Ольховка Приозерского района Ленинградской области // *КСИА*. Вып. 251. С. 249–259: ил., карт. (В соавторстве с Ст. В. Бельским, В. Г. Мизиним.)

Новые подходы к изучению культурного процесса в Восточной Европе [Рецензия на книгу «*Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.*» / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб., 2017] // *АВ*. Вып. 24. С. 321–324.

Проблемы выделения дневной поверхности в строительных горизонтах/ярусах с «мокрым» культурным слоем (на примере Выборга Ленинградской области) // *Труды Исторического факультета МГУ. Серия 2*. № 83. С. 137–138.

2019

Выборг — город на перекрестке истории // *Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической науки)* / Отв. ред. Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев,

К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 348–378: ил.
«Выборгский гром» 1495 г. — легенда или действительность? Иван III и «Балтийский вопрос» конца XV в. // Земля наша велика и обильна...: 90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается: Сб. ст. / Отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.: Невская Книжная Типография. С. 343–357: ил.
Новые материалы о культовых камнях Восточной Европы [Рецензия на книгу «Культовые камни Восточной Европы: Беларусь, Латвия, Литва, Россия» / Под общ. ред. В. Г. Мизина. СПб., 2018] // АВ. Вып. 25. С. 267–272.

2020

Древний Выборг — строительство города в условиях сложного северного скального рельефа // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. Т. 2 / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т. С. 268–270.
Из истории одного выборгского средневекового дома. Археологические исследования в Выборге у дома купеческой гильдии в 2004–2012 годах. СПб.: Арка. 280 с.: ил.

2021

Средневековый Выборг — город, построенный на скале // АВ. Вып. 31. С. 354–358: ил.
Archaeological discovery of medieval Vyborg: The town development in the 15th–17th centuries according to the materials obtained during the archaeological excavations in 1998–2012 // ISKOS. Vol. 24. P. 146–160: il.

2022

Кякисалми — Корела (Карельский город): этапы истории // АВ. Вып. 36. С. 220–232: ил.
История изучения средневековой карельской культуры // Сокровища земли карельской: Каталог выставки / Сост. С. В. Бельский, М. С. Светоч; под ред. А. В. Мельнова. Выборг: Выборгский объединенный музей-заповедник; ИИМК РАН. С. 8–10.

Литература о А. И. Саксе

Лапшин В. А. Александр Иванович Сакса (11 августа 1951 — 14 августа 2022) // АВ. Вып. 37. С. 294–295.
Бельский С. В. Сакса Александр Иванович (11.08.1951–14.08.2022) // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2022. № 7. С. 439–441.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Новейшая история полевых исследований каменного века Карельского перешейка: попытка анализа результатов

Д. В. Герасимов¹

Аннотация. Анализ топографии 462 локализованных памятников каменного века Карельского перешейка показал, что она отражает не столько распределение населения в древности, сколько стратегию полевых работ в рамках научных проектов. Определены перспективные зоны для поиска новых памятников.

Ключевые слова: Карельский перешеек, мезолит, неолит, каменный век, археологические разведки, археологическая карта.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-48-56

Археологические изыскания по каменному веку на Карельском перешейке (рис. 1) ведутся уже около полутора столетий. Этой теме посвящено значительное количество историографических обзоров (Гурина, 1961; Тимофеев, 1993; Uitto, 1997; 2003; Герасимов, 2003; 2006; и др.). Уже в первой половине XX в. северная часть региона была весьма хорошо изучена археологически благодаря активному сельскохозяйственному освоению, большому интересу к древней истории в финском обществе и систематическим полевым исследованиям, проводившимся ведущими финскими археологами — Аарне Талльгреном, Теодором Швиндтом, Саккари Пяльси и Аарне Европеусом-Айряпяя. Полученные в тот период данные были обобщены в публикациях, которые теперь являются классическими (Ailio, 1909; Pälsi, 1915; Äyräpää-Europaetus, 1930; и др.). В южной части перешейка, вблизи Санкт-Петербурга, археологические исследования осуществлялись в основном силами местных краеведческих объединений, но в их работе активно принимали участие и известные ученые — геологи и археологи (Б. Ф. Земляков, Г. П. Сосновский и др.).

После Второй мировой войны северная часть Карельского перешейка оказалась в пограничной зоне, и вплоть до 1990-х гг. исследования

каменного века там не велись. В центральной и южной частях указанной территории отдельные работы проводились в 1960–1980-х гг. Н. Н. Гуриной, С. И. Руденко, А. Н. Румянцевым, И. В. Верещагиной, В. М. Соколовым (Гурина, 1961; Верещагина, 2003). Значительный вклад в изучение древностей каменного века Карельского перешейка внес В. И. Тимофеев (Тимофеев, 1993). Именно под его руководством осуществлялись полевые исследования в ходе международных проектов начала 2000-х гг.

А. И. Сакса, светлой памяти которого посвящается эта статья, известен как выдающийся исследователь древностей раннего железного века и средневековья. Но с его именем неразрывно связана и новейшая история изучения каменного века Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья. В 1992–1993 гг. под руководством А. И. Саксы были проведены раскопки средневекового могильника Куркиёки Куппала. Поскольку оказалось, что некрополь находится на месте поселения каменного века, к работам был привлечен В. И. Тимофеев. В исследованиях участвовали финские коллеги — профессора М. Саарнисто и Т. Таавитсайнен (Саарнисто и др., 1994). В значительной степени благодаря контактам А. И. Саксы на рубеже тысячелетий были организованы российско-финляндские полевые археологические проекты. С финляндской стороны инициаторами и руководителями проектов были профессор М. Лавенто, доктор П. Халинен и К. Карпелан

¹ Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук; Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: dger@kunstkamera.ru.

© Герасимов Д. В., 2023

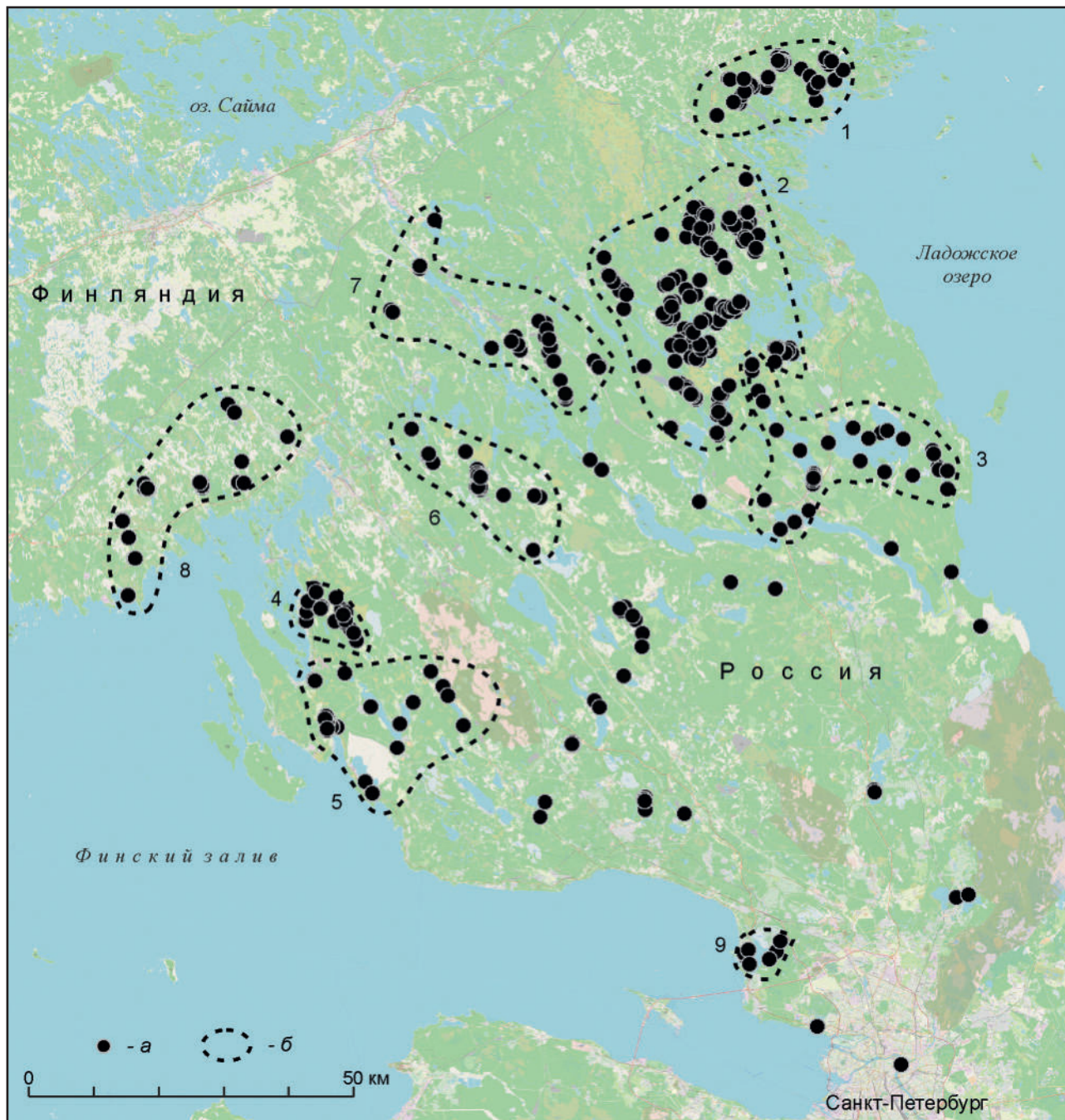

Рис. 1. Памятники каменного века (а) и археологические микрорегионы (б) Карельского перешейка: 1 — Куркийоки (Kurkijoki); 2 — Мельниково (Kaukola — Räisälä -Kirvu); 3 — Отрадное (Pyhäjärvi); 4 — Советский (Johannes); 5 — Ермилово (Koivisto — Kuolemajärvi); 6 — Вещево (Heinijoki); 7 — Каменногорск (Antrea — Jääski); 8 — Кондратьево (Säkkijärvi); 9 — Сестрорецк

Fig. 1. Sites of Stone Age (a) and archaeological micro-regions (b) of the Karelian Isthmus: 1 — Kurkijoki; 2 — Melnikovo (Kaukola — Räisälä -Kirvu); 3 — Otradnoye (Pyhäjärvi); 4 — Sovetsky (Johannes); 5 — Ermilovo (Koivisto — Kuolemajärvi); 6 — Veshchevo (Heinijoki); 7 — Kamennogorsk (Antrea — Jääski); 8 — Kondratyev (Säkkijärvi); 9 — Sestroretsk

из Хельсинкского университета и профессор П. Уйно из Национальной службы древностей Финляндии (*фин.* Museovirasto). А. И. Сакса являлся одним из основных участников полевых работ в 1999–2002 гг. Продолжением этих исследований стала реализация в 2000-е гг. серии научных проектов при поддержке российских и зарубежных научных фондов. Они во многом определили современную проблематику исследований каменного века региона. Помимо уже упомянутых коллег в разные годы в исследованиях принимали участие специалисты из Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (С. В. Бельский, Д. В. Герасимов), ИИМК РАН (С. Н. Астахов, М. А. Кулькова, С. Н. Лисицын, В. А. Назаренко), Института озероведения РАН (Д. Д. Кузнецов, А. В. Лудикова, Т. В. Сапелко, Д. А. Субетто), СПбГУ (А. М. Кульков, В. Ю. Соболев), Хельсинкского (К. Нордквист, О. Сейтсонен, С. Путтонен (ныне Сейтсонен), Т. Мёккёнен) и Тартуского (А. Крийска) университетов.

Важнейшими достижениями этих проектов можно считать интеграцию научно-методических подходов российской и финской археологических школ, привлечение тогдашних студентов и молодых специалистов к изучению каменного века Карельского перешейка и формирование международного исследовательского коллектива, объединенного не только научными интересами, но и дружескими связями. Полученные результаты легли в основу значительного количества опубликованных работ и нескольких защищенных диссертаций (Mökkönen, 2011; Герасимов, 2012; Nordqvist, 2018), и сохраняют огромный потенциал для дальнейших научных исследований.

Наступление XXI в. можно условно считать началом нового этапа изучения эпохи камня Карельского перешейка. Это утверждение, вероятно, справедливо и для других археологических периодов, и для других территорий — и не только российских. Этому есть вполне объективные причины. Все более широкое использование компьютерной техники, цифровой фотоаппаратуры, высокоточного геодезического оборудования и прочих высокотехнологичных инструментов вывело полевые и камеральные археологические работы на качественно новый уровень. Важнейшую роль в развитии археологических исследований сыграл подъем международного научного сотрудничества, активизировавший обмен идеями, методическими и теоретическими наработками. Рост международного экономического содействия породил бурное развитие инфраструктуры в приграничных

регионах, что повлекло за собой масштабные работы по их археологическому обследованию.

За последнюю четверть века на Карельском перешейке было выявлено множество новых и точно локализовано значительное количество известных ранее памятников мезолита–неолита. На ряде стоянок проведены археологические раскопки согласно современным методическим требованиям и с детальной фиксацией результатов. Активное использование методов естественных наук существенно увеличило объем и разнообразие данных, получаемых как в ходе раскопок, так и при изучении коллекций, в том числе составленных много десятилетий назад. Полученные результаты позволили существенно скорректировать и детализировать имевшиеся прежде представления об археологии каменного века восточной части региона Финского залива и в целом Восточной Фенноскандии.

Настоящая работа является попыткой систематизации сведений о полевых исследованиях каменного века Карельского перешейка последних десятилетий, содержащихся в многочисленных публикациях и полевых отчетах разных авторов (табл. 1). Предлагаемый обзор не содержит перечня памятников каменного века указанной территории из-за объема. Материалы к археологической карте по каменному веку Карельского перешейка опубликованы на русском языке в коллективной монографии 2003 г. (*Герасимов и др.*, 2003). Наиболее полный список археологических памятников каменного века северной части данной области представлен в публикации 2008 г. (*Nordqvist et al.*, 2008). С тех пор количество известных памятников каменного века на Карельском перешейке возросло. В настоящее время полевые археологические работы в этом регионе ведутся достаточно активно разными организациями, выполняются программы инвентаризации объектов, выявленных в предыдущие десятилетия. Каждый год приносит находки новых памятников археологии, в том числе каменного века, и введение их в научный оборот требует некоторого времени. Тем не менее объем имеющихся данных позволяет получить достаточно достоверную картину изученности мезолита–неолита Карельского перешейка. Хочется надеяться, что эта статья отчасти актуализирует опубликованные сведения и будет полезна коллегам, в том числе готовящим программы полевых работ.

В работе учтены сведения о 462 локализованных памятниках каменного века Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья.

Таблица 1. Сведения о полевых исследованиях по каменному веку на Карельском перешейке в рамках научных проектов 2000-х гг.

Table 1. Data on Stone Age field studies, conducted within research projects of 2000s in the Karelian Isthmus

Микрорегион (бывш. финский приход)	Год работ	Вид работ	Автор и год отчета	Основные публикации
Республика Карелия				
Куркиёки (Kurkijoki)	2000	Разведки	—	<i>Герасимов, Кулькова, 2006</i> <i>Seitsonen, Gerasimov, 2008</i>
	2003	Разведки	Д. В. Герасимов, 2004	
Приозерский район Ленинградской области				
Мельниково (Kaukola — Räisälä — Kirvu)	1999	Разведки	В. И. Тимофеев, 2000	<i>Lavento et al., 2001</i> <i>Тимофеев и др., 2003</i> <i>Герасимов, Кулькова, 2003</i> <i>Герасимов и др., 2006б</i> <i>Halinen et al., 2008</i> <i>Halinen, Mökkönen, 2009</i>
	2002	Раскопки Б. Заветное 4	В. И. Тимофеев, 2003	
	2004	Разведки	Д. В. Герасимов, 2005	
	2005	Разведки	Д. В. Герасимов, 2006	
	2012	Раскопки Козлово 1	Д. В. Герасимов, 2013	
	2013	Разведки	Д. В. Герасимов, 2014	
Отрадное (Puhjärvi)	2005	Разведки	Д. В. Герасимов, 2006	<i>Герасимов и др., 2007б</i> <i>Герасимов и др., 2008</i> <i>Seitsonen et al., 2009</i>
	2006	Разведки	—	
	2007	Раскопки Комсомольское 3	Д. В. Герасимов, 2007	
	2008	Разведки	Д. В. Герасимов, 2009	
Выборгский район Ленинградской области				
Советский (Johannes)	2001	Раскопки Токарево 1	С. Н. Лисицын, 2002	<i>Лисицын, 2003</i> <i>Герасимов и др., 2006а</i>
	2002	Разведки	С. Н. Лисицын, 2003	
	2013	Разведки	Д. В. Герасимов, 2014	
Ермилово (Koivisto — Kuolemajärvi)	2003	Разведки	С. Н. Лисицын, 2004	<i>Nordqvist, Seitsonen, 2008</i>
	2005	Разведки	—	
	2005	Раскопки Ермилово 1, Ермилово 3	С. Н. Лисицын, 2006	
	2018	Разведки	М. А. Холкина, 2019	
Вещево (Heinijoki)	2000	Разведки	В. И. Тимофеев, 2001	<i>Тимофеев, Герасимов, 2003</i> <i>Герасимов и др., 2007а</i> <i>Сапелко и др., 2008</i>
	2002	Раскопки Вещево 1, разведки	В. И. Тимофеев, 2003	
	2003	Разведки	С. Н. Лисицын, 2004	
	2005	Разведки	С. Н. Лисицын, 2006	
	2006	Раскопки Озёрное 1–5, Гвардейское 1	Д. В. Герасимов, 2007	
	2007	Раскопки Гвардейское 1	С. В. Бельский, 2008	
Каменногорск (Antrea — Jääski)	2003	Разведки	—	<i>Takala, 2004</i> <i>Лисицын, Герасимов, 2008</i> <i>Лисицын и др., 2015</i>
	2005	Разведки	С. Н. Лисицын, 2006	
	2012	Раскопки Боровское 2	А. А. Бессуднов, 2011	
Кондратьево (Säkkijärvi)	2005	Разведки	—	—
	2006	Разведки	С. Н. Лисицын, 2006	
	2006	Раскопки Холмогорское 1–3	Д. В. Герасимов, 2007	
Санкт-Петербург				
Сестрорецк	2012	Разведки	С. Н. Лисицын, 2013	<i>Гусенцова, Кулькова, 2016</i>
	2013	Раскопки Сосновая Гора	Т. М. Гусенцова, 2014	

Следует отметить, что достаточно много местонахождений, выявленных в прошлые десятилетия и известных по литературе и архивным источникам, не были локализованы современными полевыми работами и потому не учитывались. Это памятники, зафиксированные как до Второй мировой войны финскими исследователями и краеведами, так и после работами А. Н. Румянцева, Ю. Н. Урбана и В. М. Соколова.

Подавляющая часть памятников каменного века сосредоточена в северной части перешейка (рис. 1). Это вполне может объясняться объективными причинами. В северной части перешейка находился Хейнийокский пролив, соединявший Ладожское озеро и Финский залив до образования реки Невы около 1300 лет до н. э. (*Saarnisto, 2008*). Здесь было множество шхер и островов, удобных для расположения поселений и стоянок. Кроме того, из-за неравномерного изостатического подъема Фенноскандии прибрежные памятники каменного века в южной части перешейка во время трансгрессивных стадий Балтики и Ладоги могли быть затоплены и перекрыты водными отложениями — как ранние слои на памятнике Охта 1 в Санкт-Петербурге (*Гусеницова и др., 2014*).

В то же время на карте (рис. 1) хорошо прослеживается концентрация памятников, обусловленная методологией полевых исследований, проводившихся в рамках научных проектов 1990–2000-х гг. Эти проекты реализовывали стратегию, соответствующую принципам археологической географии и методу секвенционных микрорегиональных исследований по А. М. Микляеву (*Микляев, 1984*). Планово проводились интенсивные систематические археологические разведки в отдельных микрорегионах, направленные на выявление разновозрастных объектов каменного века. Полевым работам предшествовал анализ имеющихся археологических и палеогеографических данных, моделирование на этой основе и с использованием ГИС-технологий системы ландшафтной приуроченности археологических памятников разных этапов каменного века для конкретного изучаемого района. Таким образом, полевые работы верифицировали разрабатываемую модель, которая, в свою очередь, корректировалась по результатам экспедиционных исследований.

В ходе разведок проводилось сплошное обследование древних береговых линий разного возраста. Вследствие неравномерного изостатического подъема в разных микрорегионах Карельского

перешейка древние береговые линии одного возраста расположены в настоящее время на разной высоте (*Герасимов, Субетто, 2009*), но в целом прибрежные памятники каменного века в северной части перешейка находятся в диапазоне 15–30, в южной — 6–12 м над уровнем моря. Разведочные работы были сосредоточены на древних террасах, расположенных в указанных высотных интервалах. Размеры исследуемых микрорегионов варьировали в зависимости от масштабов и логики работ, количества участников. Они могли включать территорию одного или нескольких бывших финских приходов, приблизительно соответствующих современным волостям.

Всего можно выделить восемь микрорегионов, в которых были сосредоточены полевые работы в рамках отдельных проектов или их этапов (табл. 1, рис. 1). Еще один археологический микрорегион — Сестрорецкий — выделен вокруг озера Сестрорецкий Разлив, поскольку концентрация выявленных памятников каменного века здесь возникла также в результате целенаправленных археологических изысканий в начале XX в., а в 2012–2013 гг. здесь проводились археологические разведки в рамках научного проекта по изучению древних лагунных систем (*Гусеницова, Кулькова, 2016*).

Примечательно, что все памятники каменного века, обнаруженные в ходе археологических обследований участков хозяйственного освоения и учтенные в настоящей работе, расположены в пределах археологических микрорегионов, определенных систематическими полевыми изысканиями по каменному веку в рамках научных проектов. Исключением можно считать памятники Озерное 1–5 и Гвардейское, найденные в 2005 г. при обследовании трассы проектируемого газопровода. Они расположены вблизи куста памятников у пос. Вещево и были зафиксированы в ходе целенаправленного обследования древних береговых линий, расположенных на соответствующих высотных отметках. Это позволяет включить данные археологические объекты в микрорегион Вещево.

Большинство памятников каменного века, расположенных за пределами выделенных микрорегионов (рис. 1), было выявлено на внутренних озерах Карельского перешейка краеведами начала XX в. и работами археологического кружка под руководством В. М. Соколова в 1970–1980-х гг. Несколько объектов в окрестностях пос. Сосново было зафиксировано в 2004 г. С. В. Бельским. Группа памятников каменного века

на Правдинском озере была локализована в ходе археологических раскопок на стоянке Силино в 2000–2001 гг. (*Takala, Sirviö, 2003*). Все они хоть и образуют небольшие концентрации, но не формируют крупных скоплений.

Таким образом, распределение памятников каменного века на карте Карельского перешейка в первую очередь отражает территории, на которых проводились интенсивные систематические археологические разведки по смоделированным древним береговым линиям. Следует, однако, отметить, что выбор микрорегионов для проведения указанных исследований основывался в значительной степени на сведениях о находках каменного века прошлых десятилетий, известных по публикациям и архивным материалам — в первую очередь о местонахождениях, выявленных до Второй мировой войны.

Концентрация памятников мезолита–неолита в обследованных микрорегионах различна. В целом наблюдаемое распределение может быть объяснено объективными причинами — районы с большей концентрацией памятников расположены в устьевых частях Хейнийокского пролива, вблизи моря и Ладожского озера, где в древности были архипелаги со множеством островов и заливов. Меньшее количество памятников прослеживается для микрорегионов, расположенных в центральной части Хейнийокского пролива, вблизи порога стока (Вещево) и по долине р. Вуоксы (Каменногорск).

В то же время продемонстрированная картина распределения памятников, вероятно, может быть обусловлена не столько объективными причинами, сколько масштабами, логистикой и количеством участников работ, продолжительностью исследований в конкретном микрорегионе (ср. рис. 1 и табл. 1). Вполне показательна в этом отношении разница между микрорегионами Советский и Кондратьево у побережья Финского залива или между Мельниково и Куркиёки, с одной стороны, и Отрадное — с другой.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что имеющаяся археологическая карта памятников каменного века Карельского перешейка отражает не столько распределение населения в древности, сколько стратегию и тактику научных проектов по его изучению. Это вовсе не означает недостоверность всего комплекса существующих научных представлений о каменном веке Карельского перешейка. Реализация единой научной стратегии в серии проектов позволила разработать хорошо обоснованную и обеспеченную надежной хронологией модель социально-культурных процессов на этой территории в древности. Однако несомненно, что потенциал рассматриваемого региона для выявления новых памятников каменного века очень велик. Конечно же, очень перспективна зона Хейнийокского пролива как на необследованных участках, так и в пределах уже изучавшихся микрорегионов. Обнаруженные в последние два десятилетия на территории Финляндии вблизи российской границы памятники раннего мезолита также указывают на перспективность поиска таких объектов в северо-западной части Карельского перешейка. Перспективны для их поисков и древние береговые линии по краям Приневской низменности, древние лагуны в южной части перешейка вблизи Ладоги и Финского залива, но здесь они с высокой вероятностью перекрыты водными наносами. Мало обследована центральная возвышенная часть Карельского перешейка. Между тем следы пребывания древнего человека выявлены практически на каждом внутреннем озере, где были тщательно проведены археологические разведки.

Все вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что реализация новых программ систематических полевых изысканий по каменному веку на Карельском перешейке с учетом имеющегося опыта изменит сложившиеся представления об освоенности этой территории в доисторическое время.

Верещагина, 2003 — *Верещагина И. В.* Поселение Хепо-Ярви в южной части Карельского перешейка // Неолит–энеолит юга и неолит севера Восточной Европы: Сб ст. / Сост. и отв. ред. В. И. Тимофеев. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 140–151.

Герасимов, 2003 — *Герасимов Д. В.* История изучения, хронология и периодизация памятников эпохи неолита юга Карельского перешейка // Археологическое наследие Санкт-Петербурга: Вып. 1 / Ред. П. Е. Сорокин. СПб.: ИИМК РАН; Северо-Западный институт Наследия, 2003. С. 12–24.

Герасимов, 2006 — *Герасимов Д. В.* Каменный век Карельского перешейка в материалах МАЭ (Кунсткамеры) РАН // Свод археологических источников Кунсткамеры. Т. 1 / Ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 109–188.

Герасимов, 2012 — *Герасимов Д. В.* Динамика каменных индустрий мезолита–неолита Карельского перешейка: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 — Археология / ИИМК РАН. СПб., 2012. 29 с.

- Герасимов, Кулькова, 2003* — Герасимов Д. В., Кулькова М. А. Хронологическая атрибуция археологических комплексов многослойных памятников Силино и Большое Заветное 4 на Карельском перешейке по геохимическим данным // Неолит–энеолит юга и неолит севера Восточной Европы: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. В. И. Тимофеев. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 181–192.
- Герасимов, Кулькова, 2006* — Герасимов Д. В., Кулькова М. А. Опыт реконструкции взаимодействия человека и окружающей среды в каменном веке на материалах Северо-Западного Приладожья (по данным археологии, геохимии и палеогеографии) // «Первобытная история и культура Европейского Севера. Проблемы изучения и научной реконструкции»: Междунар. научно-практ. конф.: Сб. науч. ст. и докл. / Ред. А. Я. Мартынов. Соловки: Соловецкий музей-заповедник, 2006. С. 321–336.
- Герасимов, Субетто, 2009* — Герасимов Д. В., Субетто Д. А. История Ладожского озера в свете археологических данных // Известия РГПУ им. Герцена. 2009. № 106. С. 37–49.
- Герасимов и др., 2003* — Герасимов Д. В., Лисицын С. Н., Тимофеев В. И. Материалы к археологической карте Карельского перешейка. СПб.: ИИМК РАН, 2003. 68 с.
- Герасимов и др., 2006а* — Герасимов Д. В., Лисицын С. Н., Карпелан К., Лавенто М., Уйно П. Изучение стоянок каменного века в районе поселков Советский — Токарево под Выборгом на Карельском перешейке (Опыт исследования микрорегиона картографическим методом) // ТАС. Тверь: Триада, 2006. Вып. 6, т. 1 / Ред. И. Н. Черных. С. 148–154.
- Герасимов и др., 2006б* — Герасимов Д. В., Лавенто М., Мекконен Т., Нордквист К., Путтонен С., Сейтсонен О., Халинен П. Археологические изыскания по каменному веку — эпохе раннего металла в северо-восточной части Карельского перешейка // Радловские чтения 2006: Тез. докл. / Отв. ред. Ю. К. Чистов, Е. А. Михайлова. СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 247–253.
- Герасимов и др., 2007а* — Герасимов Д. В., Бельский С. В., Лисицын С. Н. Археологические памятники Хейнийокского пролива: исследования Карельского археологического отряда МАЭ РАН в 2006 г. // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. / Отв. ред. Ю. К. Чистов, Е. А. Михайлова. СПб.: МАЭ РАН, 2007. С. 176–183.
- Герасимов и др., 2007б* — Герасимов Д. В., Нордквист К., Сейтсонен О., Субетто Д. А. Комплексное изучение памятников каменного века в микрорегионе Отрадное на Карельском перешейке. Предварительные итоги и перспективы исследований // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2007. Вып. 7. С. 79–103.
- Герасимов и др., 2008* — Герасимов Д. В., Сейтсонен О., Нордквист К. «Береговая хронология» и история Ладоги в свете результатов раскопок археологического комплекса Комсомольское 3 в 2007 г. // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. / Отв. ред. Ю. К. Чистов, М. А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 188–193.
- Гурина, 1961* — Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР. М.; Л.: АН СССР, 1961 (МИА; № 87). 588 с.
- Гусенцова, Кулькова, 2016* — Гусенцова Т. М., Кулькова М. А. Радиоуглеродное датирование стоянок Подолье 1, 3 (Южное Приладожье), Сосновая гора 1 (восточное побережье Финского залива) // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э.: коллект. монография / Сост. Г. И. Зайцева, О. В. Лозовская, А. А. Выборнов, А. Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 388–396.
- Гусенцова и др., 2014* — Гусенцова Т. М., Кулькова М. А., Рябчук Д. В., Сергеев А. Ю., Холкина М. А. Геоархеология памятников первобытной эпохи Приневского региона // Геология, геоэкология, эволюционная география. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2014. Т. XII. С. 189–197.
- Лисицын, 2003* — Лисицын С. Н. Стоянка Токарево 1 на северо-западе Карельского перешейка // Неолит–энеолит юга и неолит севера Восточной Европы: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. В. И. Тимофеев. СПб.: ИИМК РАН, 2003. С. 152–161.
- Лисицын, Герасимов, 2008* — Лисицын С. Н., Герасимов Д. В. Окружающая среда и человек в раннем голоцене Юго-Восточной Фенноскандии // Путь на север. Окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики: Материалы междунар. конф. / Отв. ред. А. А. Величко, С. А. Васильев. М.: Ин-т географии РАН, 2008. С. 134–151.
- Лисицын и др., 2015* — Лисицын С. Н., Тарасов А. Ю., Цветкова Н. А., Бельский С. В., Бессуднов А. А. Стоянки раннего мезолита вблизи озера Боровское на Карельском перешейке // ТАС. Тверь: Триада, 2015. Вып. 10, т. 1 / Ред. И. Н. Черных. С. 91–108.
- Микляев, 1984* — Микляев А. М. Археологическая география: предмет, задача, метод // АСГЭ. Л.: Искусство, 1984. Вып. 25: Контакты и взаимодействие культур Евразии. С. 127–130.
- Саарнисто и др., 1994* — Саарнисто М., Сакса А., Таавитсайнен Ю.-П. Древние жители Куппалы — свидетели этапов истории Ладоги // Вопросы геологии и археологии: Тез. докл. междунар. симпозиума, посвящ. 150-летию А. А. Иностранцева /

- Ред. В. А. Прозоровский и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. С. 75–77.
- Сапелко и др., 2008 — Сапелко Т. В., Лудикова А. В., Кулькова М. А., Кузнецов Д. Д., Герасимов Д. В., Субетто Д. А. Реконструкция среды обитания человека на территории Карельского перешейка (по материалам исследования многослойного поселения Озерное 3) // Хронология, периодизация и кросскультурные связи в каменном веке / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Наука, 2008 (Замятнинский сборник; Вып. 1). С. 149–164.
- Тимофеев, 1993 — Тимофеев В. И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе балтийских культур каменного века // Древности Северо-Запада: Сб. ст. / Под ред. В. М. Массона, Е. Н. Носова, Е. А. Рябикина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. С. 8–33.
- Тимофеев, Герасимов, 2003 — Тимофеев В. И., Герасимов Д. В. Работы на памятниках каменного века — периода раннего металла в северной части Карельского перешейка (Ленинградская обл.) // АО 2002 года. М.: ИА РАН, 2003. С. 63–64.
- Тимофеев и др., 2003 — Тимофеев В. И., Герасимов Д. В., Лисицын С. Н., Халинин П., Лавенто М. Исследования стоянок каменного века на озере Большое Заветное // АО 2002 года. М.: ИА РАН, 2003. С. 64–66.
- Ailio, 1909 — Ailio J. Die Steinzeitlichen Wohnplätze in Finland. Teil I, II. Helsingfors: Kommission bei der Akademischen Buchhandlung, 1909. 420 s.
- Äyräpää-Europaëus, 1930 — Äyräpää-Europaëus A. Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finland // Acta Archaeologica. 1930. Vol. 1, fasc. 2. S. 165–190; Vol. 1, fasc. 3. S. 205–220.
- Halinen, Mökkönen, 2009 — Halinen P., Mökkönen T. Between Lake and Sea — Stone Age Settlement by Ancient Ladoga on the Karelian Isthmus // FA. Helsinki: The Archaeological Society of Finland, 2009. Vol. XXVI. P. 107–132.
- Halinen et al., 2008 — Halinen P., Seitsonen O., Seitsonen S., Nordqvist K. Excavations at the Juoksemajärvi Westend Stone Age dwelling site in 2002 // Karelian Isthmus — Stone Age studies in 1998–2003 / Ed. M. Lavento. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2008 (Iskos; Vol. 16). P. 235–265.
- Lavento et al., 2001 — Lavento M., Halinen P., Тимофеев В. И., Герасимов Д. В., Saksa A. I. An Archaeological field survey of Stone Age and Early Metal period settlement at Kaukola (Sevastyanovo) and Raisala (Melnikovo) on Karelian Isthmus in 1999 // FA. Helsinki: The Archaeological Society of Finland, 2001. Vol. XVIII. P. 3–25.
- Mökkönen, 2011 — Mökkönen T. Studies on Stone Age housepits in Fennoscandia (4000–2000 CAL BC). Changes in ground plan, site location, and degree of sedentism. Helsinki: Unigrafia, 2011. 86 P.
- Nordqvist, 2018 — Nordqvist K. The Stone Age of North-Eastern Europe 5500–1800 cal. BC. Bridging the Gap between the East and the West. Oulu: University of Oulu, 2018. 168 p.
- Nordqvist, Seitsonen, 2008 — Nordqvist K., Seitsonen O. Archaeological research in Koivisto and Kuolemajärvi parishes in 2003: results and observations // Karelian Isthmus. Stone Age studies in 1998–2003 / Ed. M. Lavento. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2008 (Iskos; Vol. 16). P. 215–234.
- Nordqvist et al., 2008 — Nordqvist K., Seitsonen O., Uino P. Appendix 1. Stone Age and Early Metal Period sites in the studied municipalities // Karelian Isthmus. Stone Age studies in 1998–2003 / Ed. M. Lavento. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2008 (Iskos; Vol. 16). P. 291–328.
- Pälsi, 1915 — Pälsi S. Riukjarven ja Piiskunsalmen kivikautiset asuinpaikat Kaukolassa // SMYA. 1915. Bd. XXVIII: 1. S. 7–181.
- Saarnisto, 2008 — Saarnisto M. Emergence history of the Karelian Isthmus // Karelian Isthmus. Stone Age studies in 1998–2003 / Ed. M. Lavento. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2008 (Iskos; Vol. 16). P. 128–139.
- Seitsonen, Gerasimov, 2008 — Seitsonen O., Gerasimov D. V. Archaeological research in the Kurkijoki area in 2001 and 2003: a preliminary study of the Stone Age settlement patterns in southern Ladoga Karelia // Karelian Isthmus. Stone Age studies in 1998–2003 / Ed. M. Lavento. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2008 (Iskos; Vol. 16). P. 164–184.
- Seitsonen et al., 2009 — Seitsonen O., Nordqvist K., Gerasimov D. Recent archaeological research in Lake Pyhäjärvi micro-region, Karelian Isthmus, Russia: The multi-period site of Pyhäjärvi Kunnianniemi and new Early Combed Ware period finds // FA. Helsinki: The Archaeological Society of Finland, 2009. Vol. XXVI. P. 163–171.
- Takala, 2004 — Takala H. The Ristola site in Lahti and the earliest postglacial settlement of South Finland. Helsinki: Jyvaskyla, 2004. 198 s.
- Takala, Sirviö, 2003 — Takala H., Sirviö T. Telkkälä, Muolaa — a multi-period dwelling site on the Karelian Isthmus // FA. Helsinki: The Archaeological Society of Finland, 2003. Vol. XX. P. 55–77.
- Uino, 1997 — Uino P. Ancient Karelia. Archaeological studies. Helsinki: Muinais-Karjala; Arkeologisia tutkimuksia, 1997 (SMYA; Bd. 104). 426 p.
- Uino, 2003 — Uino P. Karjalan arkeologiaa 150 vuotta // Karjalan synty. Viipurin läänin historia 1 / Ed. M. Saarnisto. Helsinki: Karjalaisen Kulttuurin Edistämissäätiö, Karjalan Kirjapaino Oy, 2003. P. 117–150.

The modern history of Stone Age field studies in the Karelian Isthmus: an attempt to analyze the results

D. V. Gerasimov²

Keywords: Karelian Isthmus, Mesolithic, Neolithic, Stone Age, archaeological survey, archaeological map.

This paper is an attempt to combine data about the last decades field investigations on Stone Age of the Karelian Isthmus, that were spread in numerous publications and field reports by different authors. During the last 25 years big amount of new Mesolithic and Neolithic sites was found, and many previously known sites were precisely localized. 462 Stone Age sites in the Karelian Isthmus and North-West Ladoga coast were taken in consideration for the study (Fig. 1).

The performed analyses shows that up-to date archaeological map of the Stone Age sites reflects better the strategy and tactic of research projects aimed to the Mesolithic–Neolithic studies, then spatial distribution of population in the past. Distribution of the sites in the first hand shows the territories where intensive systematic archaeological surveys along the modeled ancient shorelines were conducted. Fieldworks within the conducted research projects were concentrated in nine microregions. It worth to mention that all the Stone Age sites that were found during archaeological surveys for construction projects and listed in this study locate within the microregions, which were defined by systematic research Stone Age field surveys.

Potential of the region for discovering new Stone Age sites is obviously huge. Realization of new programs of systematic field Stone Age surveys in the Karelian Isthmus, based on the obtained experience, will change the existing view on peopling of this territory in the prehistoric past.

² Dmitriy V. Gerasimov — MAE RAS; 3 Universitetskaya Nab., St. Petersburg, 199034, Russia; e-mail: dger@kunst-kamera.ru.

Керамика эпохи раннего металла из Тиверского городка¹

Ю.-П. Таавитсайнен², А. И. Сакса (†)

Аннотация. Статья посвящена изучению фрагментов керамических сосудов, относящихся к периоду раннего металла (рубеж I и II тыс. н. э. — первая половина II тыс. н. э.), найденных при раскопках Тиверского городка на р. Вуоксе. Вполне вероятно, что на острове на рубеже I и II тыс. н. э. существовало поселение. Возможно, это была стоянка рыбаков, поскольку речные пороги, окружавшие остров, были очень удобны для ловли лосося и других пород рыб. Примеры подобного рода памятников известны и в других местах на современной территории Финляндии.

Ключевые слова: эпоха раннего металла, Тиверский городок, керамика, радиоуглеродное датирование.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-57-65

В свое время Отдел истории Музейного ведомства (*Museovirasto*, Хельсинки, Финляндия) находился в здании Ритарихуоне (*Ritarihuone*), в подвале которого хранились археологические коллекции. В их числе были находки, обнаруженные при раскопках Крепостного острова Тиури (*Tiuri Linnasaari*), или Тиверского городка, в Ряйсяля (*Räisälä*) (в окрестностях современного пос. Мельниково Приозерского района Ленинградской области). Внимание одного из авторов настоящей статьи (Ю.-П. Таавитсайнена. — *Примеч. ред.*), писавшего в конце 1980-х гг. диссертацию о городищах Финляндии, привлекло большое количество фрагментов керамики из этой коллекции (KM 2612: 1, 4–9; *Appelgren*, 1891. S. 105, 106, kuv. 46). Они не были похожи на фрагменты средневековой посуды, а относились к гораздо более древней эпохе. Далее мы будем называть эту группу керамики ранней (рис. 1), а прочие фрагменты — поздней.

Тиверский городок является исключением среди древних крепостей Финляндии и Карелии. В историографии утвердилось мнение, что он являлся торговым и ремесленным центром. Укрепленный остров называли городом уже

в письменных источниках (*Taavitsainen*, 1990. P. 249, 250). Как исторический памятник он сыграл важную роль в развитии национального самосознания народа Финляндии. Известный писатель и офицер Аарно Каримо (*Aarno Karimo*) посвятил Тиверскому городку особую главу в произведении «Оночи на холмах» (*Kumpujen yöstä*) 1929 г. (*Karimo*, 1931) (рис. 2). Эта популярная серия книг, посвященная истории Финляндии, была бестселлером в 1930-е гг. Она неоднократно переиздавалась также в 1950-е и даже в 1980-е гг. Однако в послевоенные годы произведение не вышло в первоначальном объеме. В 1950-е гг. его переиздали в трех частях, а в 1980-е — вообще одной книгой. Но и в последних изданиях по-прежнему имелись изображения Тиверского городка.

Микко Уола (*Mikko Uola*) точно охарактеризовал произведение А. Каримо: «Здесь доисторическое и историческое развитие финского народа мы видим как мистическое событие, расцветившее национальным самосознанием, сильным выражением переплетенных между собой изображений и слов» (*Uola*, 2004. S. 816). Эти книги также использовались как учебники. Кроме этого, А. Каримо составлял учебные пособия в виде плакатов для школ Финляндии, на которых были изображены события прошлого, иллюстрировавшие текст учебника. Среди них есть плакат с изображением Тиверского городка (рис. 3).

В 1944–1947 гг., в так называемые годы опасности, в Финляндии действовала Союзная

¹ Публикация подготовлена С. В. Бельским — Музей антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого; Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: belstass@yandex.ru.

² Turun yliopisto; 10 Henrikinkatu Turku, 20500, Finland; e-mail: justaa@utu.fi.

© Jussi-Pekka Taavitsainen, 2023

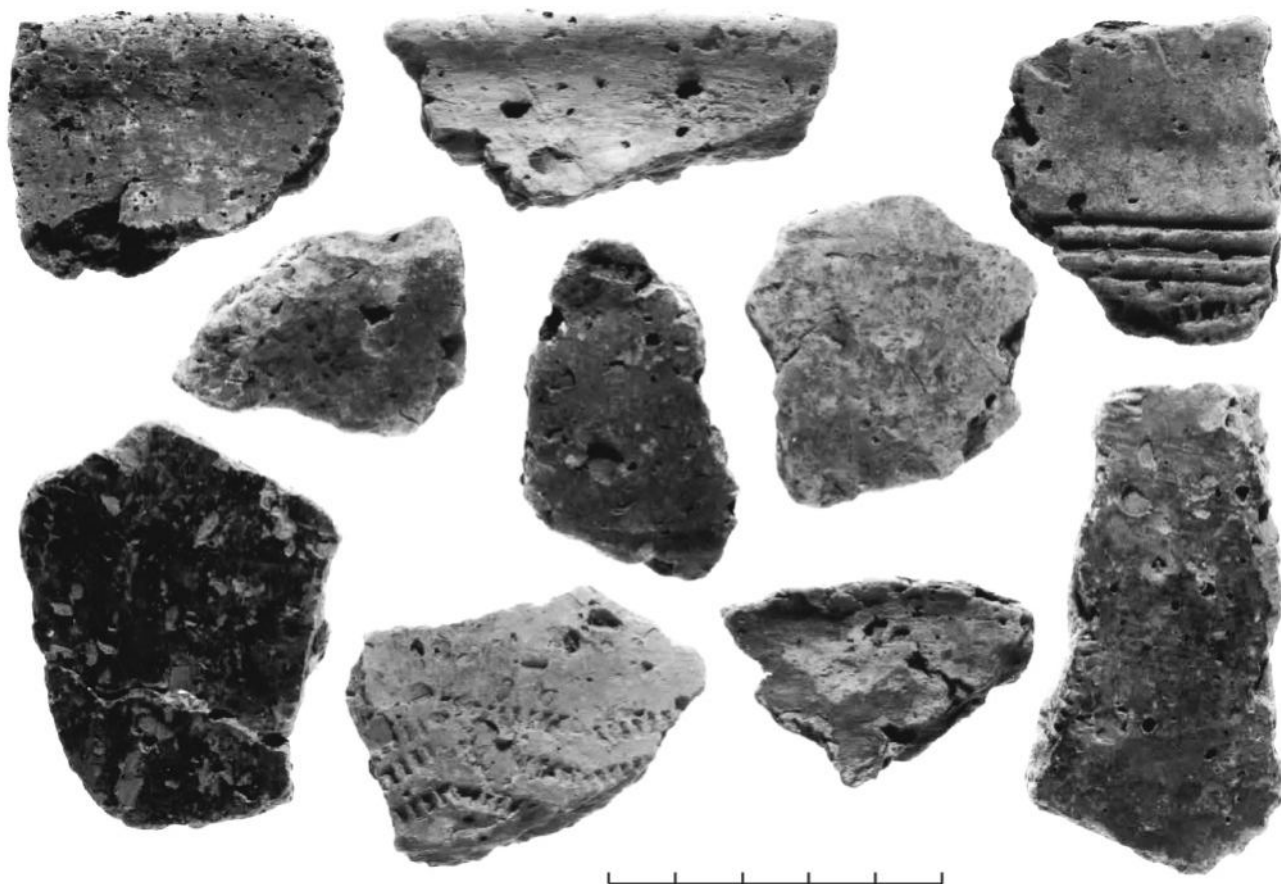

Рис. 1. Керамика периода раннего металла. Фото: Музейное ведомство (Museovirasto), Хельсинки, Финляндия
Fig. 1. Pottery of the Early Metal Age. Photo: Museum Office (Museovirasto), Helsinki, Finland

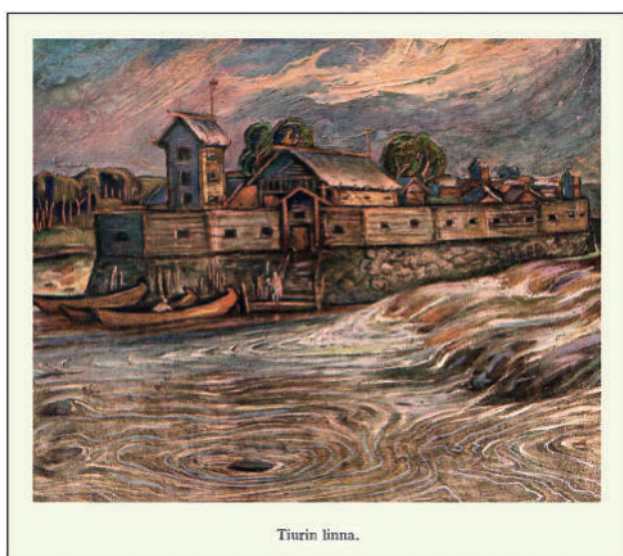

Рис. 2. «Тиверский городок» (Tiurin linna), рисунок из книги А. Каримо «О ночи на холмах» (Karimo, 1931. S. 239)
Fig. 2. “Tiversky Gorodok” (Tiurin linna), figure from the book by A. Karimo “Nights on the Hills” (Karimo, 1931. S. 239)

Рис. 3. Учебный плакат Аарно Каримо с изображением Тиверского городка. Финский Исторический фонд иллюстраций (Suomen historiallinen kuvasto № 6. Laakapaino WSOY, 1934)
Fig. 3. An educational poster by Aarno Karimo with a representation of Tiversky Gorodok. Finnish Historical Illustrations Foundation (Suomen historiallinen kuvasto № 6. Laakapaino WSOY, 1934)

контрольная комиссия (под председательством члена Политбюро ЦК ВКП(б), первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) А. А. Жданова. — *Примеч. ред.*). В ее задачу входил контроль за исполнением договора о перемирии от 25 сентября 1944 г. Комиссией было рекомендовано убрать из библиотек литературу, приносящую вред отношениям между Финляндией и СССР. Государственное библиотечное ведомство неоднократно и настойчиво рассылало библиотекам циркуляры касательно таких произведений. Но четких инструкций не было, изъятие произведений производилось по усмотрению руководства каждой библиотеки. Всего из библиотек тогда было изъято более 1700 наименований книг, примерно 30 000 томов (*Eckholm*, 2000). В их числе было много произведений А. Каримо, в частности, и «О ночи на холмах». Известно, что это произведение было запрещено в 16 муниципалитетах (*Ibid.* S. 248).

В первоначальной книжной серии вопросы, касающиеся национального самосознания, были рассмотрены в первых главах. Это привело, по мнению историка Пяйвио Томмила (*Päiviö Tommila*), к хронологическому дисбалансу структуры произведения. В послевоенных версиях была проведена коррекция и сокращение этих глав (*Tommila*, 1983. S. IX). Вполне вероятно, что это было требованием комиссии, а возможно, и самоцензурой.

Крепость Тиури

В изучении комплекса Тиверского крепостного острова, или городка, многие вопросы до сих пор остаются открытыми (*Appelgren*, 1891. S. 98–106; *Schwindt*, 1892. S. 85–90, 93, 94; *Кочкуркина*, 1981. С. 30–62; *Кирпичников*, 1984. С. 144–149; *Taavitsainen*, 1990. P. 239, 240; *Uino*, 1997. P. 297–300; *Сакса*, 2010. С. 191–203; *Бельский*, 2018): какие поселения и какого возраста существовали на острове до возведения крепости; размещалось ли здесь кладбище; в какой период начали возводить земляной вал южной части и каменную стену северной части; каковы были этапы ее строительства? Под кладбищем мы не подразумеваем 28 могил, в основном не содержащих находок, которые были обнаружены при раскопках С. И. Кочкуркиной и которые она связывала с уничтожением крепости в 1411 г. (*Кочкуркина*, 1981. С. 56–58).

В 2000 г. С. Г. Попов провел охранные работы на крепостном острове в связи с расширением дороги. Раскопав три небольших участка, он не нашел там ничего значительного, однако, насколько нам известно, описания результатов исследований не существует.

В 2017 г. на территории крепости были осуществлены археологические исследования под руководством С. В. Бельского. Раскопки проводились на восточном краю южной части земляного вала городища. Целью являлось выяснение времени начала возведения вала и этапов его строительства и ремонта. В процессе этих раскопок под валом был обнаружен культурный слой, содержащий угли и кальцинированные кости, фрагменты керамики, а также два кремневых изделия. По углю был произведен радиоуглеродный анализ (GIN-15710). Возраст культурного слоя ^{14}C оказался $990 \pm 60 \text{ BP}$, с калибровкой (с вероятностью 95,4 %) — 900 (22,7 %) 923 и 948 (92,7 %) 1185 cal AD (*Bronk Ramsey*, 2017). С. В. Бельский предполагал, что эта дата связана со следами поселения конца эпохи викингов — начала средневековья (*Бельский*, 2018. С. 106).

Поскольку датирование было произведено по углю, надо помнить о проблемах определения его возраста: идет ли речь о высохшем на корню дереве, была ли это внешняя или внутренняя часть ствола дерева и так далее, то есть результатом может быть средний возраст годовых колец образца, который не дает однозначного ответа о времени сожжения данного фрагмента. Зачастую время сожжения оказывается в некоторой степени моложе, чем откалиброванный возраст. В связи с этим культурный слой может относиться к периоду крестовых походов, а не к эпохе викингов. Этому особо не противоречат и находки из культурного слоя: разделитель ремня и стеклянная глазчатая бусина. Они относятся к тем типам предметов, использование которых началось с эпохи викингов и продолжалось в период крестовых походов; в частности, аналогичные глазчатые бусы встречались и позднее, вплоть до 1200-х гг. (*Ruohonen, Väinänen*, 2016).

В данной статье мы не будем дискутировать относительно датировки вала Тиверского городка, а сосредоточимся только на керамике, называемой нами ранней, и прежде всего на определении ее возраста.

Ранняя керамика Тиверского городка

Гладкая и содержащая в тесте органические вещества керамика с декорированной верхней частью была обнаружена при раскопках Хьялмара Аппельгрена (*Hjalmar Appelgreen*) в 1889 г. при исследовании четырехугольного земляного холмика, расположенного в северной части острова. По мнению руководителя раскопок, это был фундамент некоего строения. Здесь Х. Аппельгрэн

заложили четыре траншеи, в одной из которых были найдены «славянская» керамика, железный стержень и десять обломков глиняной посуды, являющихся объектом нашего изучения (*Appelgren*, 1891. S. 103, 104).

В результате исследования Кристиан Карпелан (*Christian Carpelan*) выделил основные признаки для данной группы керамики. Глиняная масса содержала органические вещества, которые при обжиге исчезли, оставив после себя пустоты. Край венчика закруглен, сам венчик имеет плавную S-видную форму, стенки сосудов округлые. Фрагментов, указывающих на форму донца, не сохранилось. Поверхность залощена, первоначально, возможно, почти до блеска. Цвет в изломе частично светло-, частично темно-коричневый. Орнаментирована была, вероятнее всего, только верхняя часть сосуда. Декор был выполнен при помощи двух приспособлений: трезубым инструментом был нанесен горизонтальный ряд вдавлений, под которым под углом были сделаны три ряда вдавлений при помощи штампа с девятью зубцами. Зубцы имели прямоугольную форму (*Carpelan*, 1997).

Найдя загадочные обломки глиняной посуды в подвале Ритарихуоне и сделав их объектом внимания, один из авторов статьи (Ю.-П. Таавитсайнен. — *Примеч. ред.*) предположил, что данные фрагменты родственны ранней керамике Лууконсаари (*Luukonsaari*) (*Taavitsainen*, 1990. P. 240).

Ранняя керамика из раскопок Тиверского городка рассматривалась также и в работах других исследователей. Пирьо Уйно (*Pirjo Uino*) упоминает в своей диссертации керамику эпохи раннего металла и относит ее к варианту керамической традиции Лууконсаари (*Uino*, 1997. P. 105, 106, fig. 4, 3, 4; 298, 395). В приложении к ее диссертации дается детальный анализ этих находок, проведенный К. Карпеланом (*Carpelan*, 1997. P. 401, 402). Он, ссылаясь на М. Г. Косменко, характеризует фрагменты глиняной посуды как поздний олонецкий вариант керамической традиции Лууконсаари, в котором прослеживается влияние позднекаргопольской керамической традиции. К. Карпелан считает очевидными олонецкие корни керамики, особенно зону Сямозера — Западного побережья Онежского озера. По возрасту вариант относится к более позднему времени, возможно, даже к раннему железному веку. П. Уйно датирует его довольно широко: 500 г. до н. э. — 300 г. н. э. (*Uino*, 1997. P. 105). В свою очередь М. Г. Косменко считает, что керамика Лууконсаари восходит к более позднему периоду — около 500 г. н. э. (*Косменко*, 1992. С. 183–192).

Свое мнение о керамике Тиверского городка высказал Мика Лавенто (*Mika Lavento*) в первой части истории Выборгской губернии (*Karjalan Synty*) в разделе об эпохе бронзы — раннего металла. Он отмечал, что она представляет позднюю керамику Лууконсаари и напоминает позднюю текстильную керамику, которая относится к среднему периоду железного века (*Lavento*, 2003. P. 264). В своем электронном письме, адресованном Ю.-П. Таавитсайнену³, М. Лавенто отмечал, что напоминающие керамику Лууконсаари фрагменты глиняной посуды являются либо поздними образцами этого типа, либо «еще более молодыми». Он ссылается на мнение российских специалистов и предполагает, что керамика Лууконсаари могла использоваться еще по крайней мере в IV в. н. э.

Несколько позже Ю.-П. Таавитсайнену удалось получить более точные данные по интересующему вопросу, отправив в конце 1990 г. запрос А. М. Спиридонову с просьбой прокомментировать находки. К посланию была приложена фотография керамики. В письме было высказано предположение, что данные фрагменты глиняной посуды относятся к позднему варианту текстильной керамики типа Калмистомяки (*Kalmistomäki*), а также просьба прислать изображение находок керамики типа Лууконсаари для сравнения⁴ (рис. 4). В феврале 1991 г. пришел подробный ответ на письмо со ссылками на литературу. А. М. Спиридонов показал фотографию своему коллеге М. Г. Косменко, по мнению которого изображенные на ней черепки не имели ничего общего с текстильной керамикой группы Сарса-Томица. С его точки зрения она напоминала керамику Лууконсаари, найденную им при раскопках в Южной Карелии. Мнения М. Г. Косменко и К. Карпелана оказались схожими.

Возраст «ранних» фрагментов глиняных сосудов из раскопок Тиверского городка продолжал интересовать авторов данного исследования. Во время поездки А. И. Саксы с целью инвентаризации памятников в 1996 г. на Карельский перешеек мы вместе с Янне Вилкуна (*Janne Vilkuuna*) и Харри Салми (*Harri Salmi*) заложили разведочный раскоп 2 × 2 м с внутренней стороны вала, на месте раскопок С. И. Кочкуркиной (раскоп XI), примерно в 10 м на север от погребя (рис. 5). В раскопе

³ Электронное письмо Мика Лавенто от 19.09.2003 находится в распоряжении Ю.-П. Таавитсайнена.

⁴ Копия письма Андрею Спиридонову от 25.11.1990 имеется в распоряжении Ю.-П. Таавитсайнена.

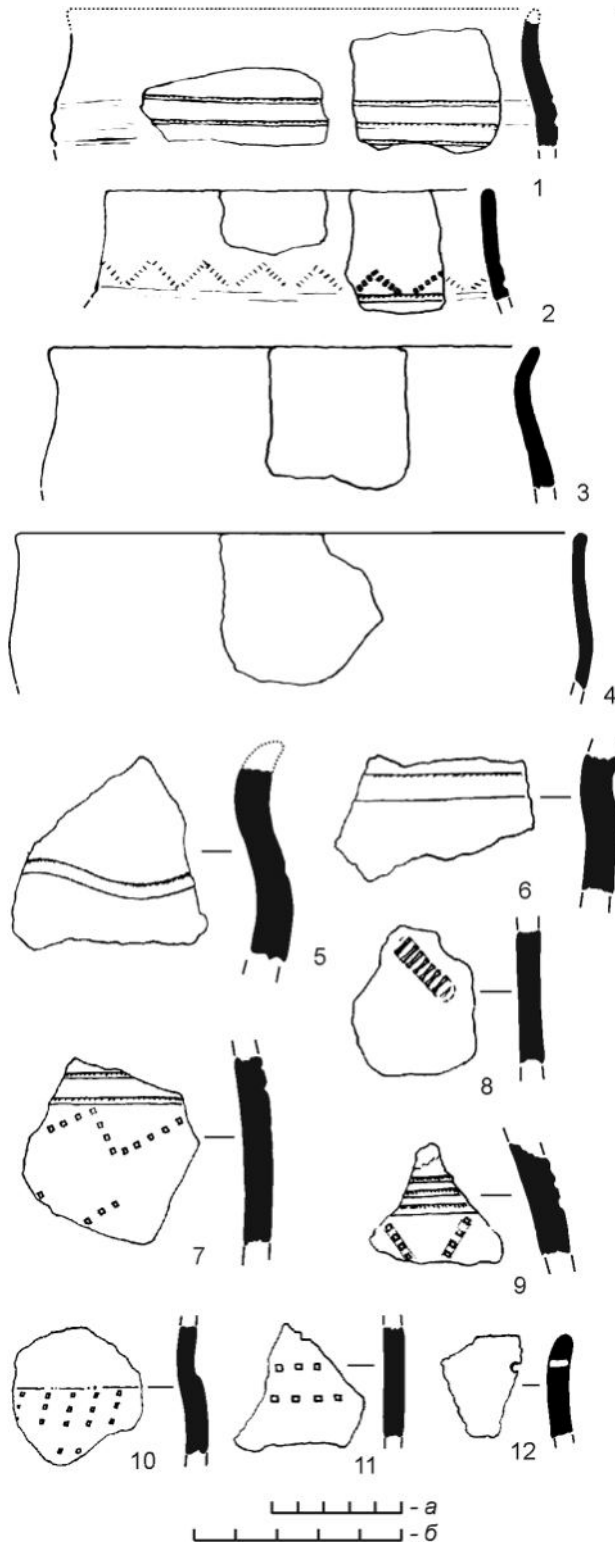

Рис. 4. Керамика эпохи раннего металла из раскопок С. И. Кочкуркиной 1970-х гг. (рисунок А. М. Спиридонова). Масштаб: а — для 1-4; б — для 5-12

Fig. 4. Pottery of the Early Metal Age from S. I. Kochkurkina's excavations of the 1970s (drawing by A. M. Spiridonov). Scale: a — in 1-4; b — in 5-12

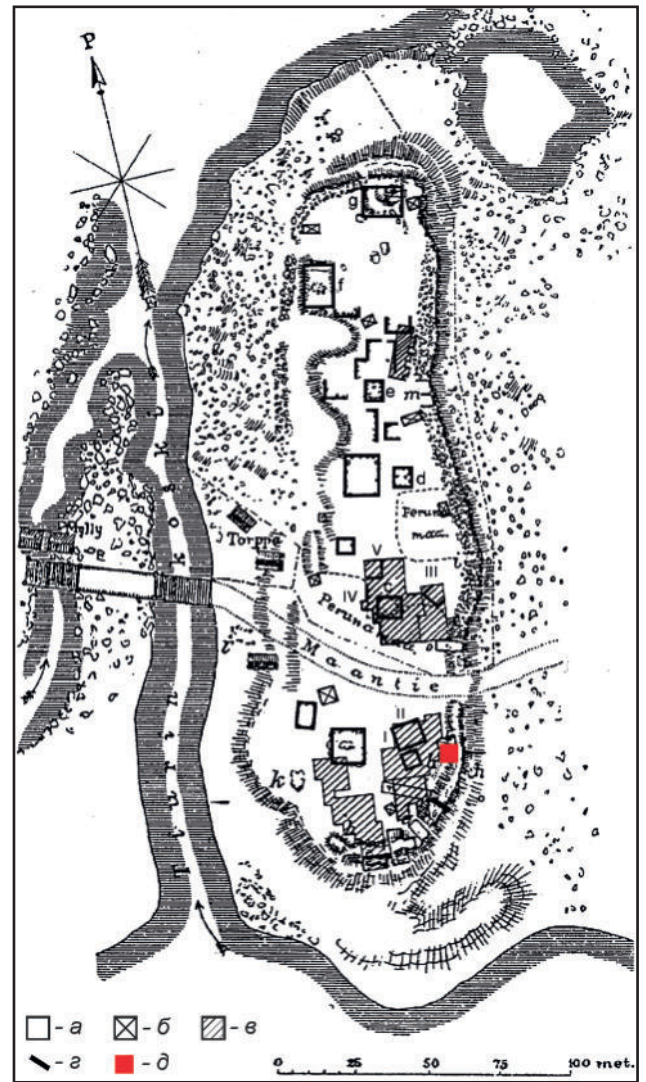

Рис. 5. Городище «Тиверский городок». Топографический план Х. Аппельгрена (*Appelgren*, 1891. S. 98-106) с дополнениями П. Уйно, А. И. Саксы и С. В. Бельского (раскопы: а — Х. Аппельгрена и Т. Швиндта; б — А. Н. Кирпичникова; в — С. И. Кочкуркиной; з — С. В. Бельского, 2017; д — шурф А. И. Сакса, 1996 г.)

Fig. 5. Site of "Tiversky Gorodok". Topographic plan by H. Appelgren (*Appelgren*, 1891. S. 98-106) with addenda by P. Uino, A. I. Saksa and S. V. Belskiy (excavations: a — by H. Appelgren and Th. Schwindt; б — by A. N. Kirpichnikov; в — by S. I. Kochkurkina; з — by S. V. Belskiy, 2017; д — exploratory trench by A. I. Saksa, 1996)

Рис. 6. Крепость Корела. Разведочный шурф А. И. Саксы, 1996 г. Каменная кладка (фото Ю.-П. Таавитсайнена)

Fig. 6. Korela fortress. Exploration pit A. I. Saksa, 1996. Stonework (photo by Ju.-P. Taavitsainen)

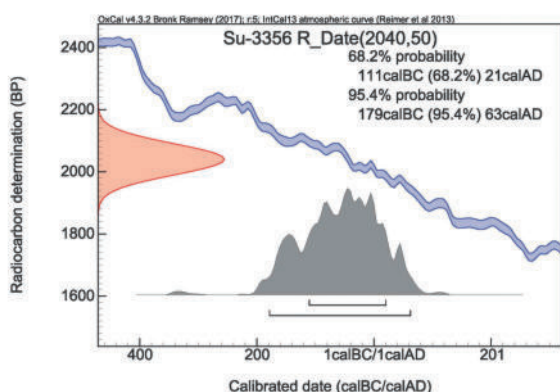

Рис. 7. Крепость Корела. Разведочный шурф А. И. Саксы, 1996 г. Результат радиоуглеродного датирования образца угля

Fig. 6. Korela fortress. Exploration pit A. I. Saksa, 1996. The result of radiocarbon coal sample dating

обнаружилась построенная поверх культурного слоя стена из трех рядов камней примерно метровой высоты, перекрытая слоем земли (Saksa, 1998. S. 92, 93) (рис. 6).

На поверхности культурного слоя были обнаружены наконечник стрелы, шлак и разорвавшаяся гильза. В самом культурном слое кроме шлака были найдены поздняя керамика и обломок еще одного наконечника стрелы. В основании вала зафиксированы четыре больших камня, под которыми также находился культурный слой. Под нижними камнями четко прослеживалось скопление

углей. Из этого слоя был взят образец для определения возраста. Он был проанализирован в радиоуглеродной лаборатории Исследовательского центра геологии в 2000 г. (рис. 7). В результате была получена дата 2040 ± 50 BP (SU-3356), после калибровки 179 BC (95,4 %) 63 AD (Bronk Ramsey, 2017). Можно предположить, что здесь схожая ситуация с датировкой, полученной по образцу из раскопок С. В. Бельского: собственный возраст древесины моложе, чем результат датирования.

В ранее упомянутом письме А. М. Спиридонов также сообщил дополнительную информацию, связанную с материалами из раскопок С. И. Кочкуркиной. Из коллекции керамики он отобрал около ста определимых фрагментов, относящихся к рассматриваемой группе керамики. Они происходят, по его мнению, от более чем 30 сосудов. Керамика была рассеяна по площади раскопов, и никаких скоплений замечено не было.

Если при исследованиях Х. Аппельгрена ранняя керамика была обнаружена с западной стороны северной части острова, то раскопки С. И. Кочкуркиной находились в его южной и центральной частях. Лишь один раскоп располагался в северной части острова, на его восточном крае. К сожалению, у нас не было планиграфического распределения керамики, составленного А. М. Спиридоновым. Таким образом, мы не располагаем сведениями, были ли находки ранних типов керамики в раскопе III С. И. Кочкуркиной, в непосредственной близости от которого мы заложили свой разведочный шурф. Мы не знаем, но, возможно, ранняя керамика, как и поздняя, была распространена по всему острову.

Радиоуглеродный анализ слоя под валом не позволяет однозначно датировать раннюю группу керамики. К сожалению, на внутренней поверхности обломков не сохранилось нагара, по которому можно было бы получить более точную дату. Мы также не смогли исследовать керамику, хранящуюся в Петрозаводске. Хотя радиоуглеродный метод дает нам относительную хронологию и не позволяет точно определить временные границы, мы можем утверждать, что на рубеже эр остров был обитаем. Возможно, при широких исследованиях здесь нашлись бы фрагменты посуды и других групп эпохи раннего металла.

Неудивительно, что территория Тиверского городка была заселена в столь раннюю эпоху. Первоначально остров находился посреди бурных порогов р. Вуоксы, но строительство канала через перешеек Кивиниеми в 1857 г. совершенно изменило ландшафт. Омывавшие его протоки

пересохли. Сейчас мы можем только реконструировать природную ситуацию в период существования ранней группы керамики, поскольку остров стал частью материка.

Неслучайно, что на островах известны находки разных эпох, особенно на участках, расположенных в окружении порогов и протоков с сильным течением. Подобные места, которых на Вуоксе в разветвлении порогов и стремнин было много, являлись идеальными для рыболовства, особенно для ловли лосося при его подъеме на нерест. Рыбаки приходили сюда с довольно больших территорий и на длительный период. В любом случае Крепостной остров являлся и после рождения Невы примерно в 1350 г. до н. э. идеальным местом для рыболовства (Saarnisto, 2003. S. 75–77).

В исторических источниках о рыболовстве на Вуоксе сохранилась информация, свидетельствующая о его важном значении. Благодаря им можно получить некоторое представление об объемах уловов до углубления русла порога в Кивиниеми (*Kiviniemi*) (современный поселок Лосево). Примечательно, что население крепости Кякисалми (*Käkisalmi*) (современный г. Приозерск Ленинградской области) стремилось забрать под свой контроль лучшие рыбные тони уже нижнего течения Вуоксы, к которым относился и порог Тиури. Улов сига и леща рыболовной артели из девяти рыбаков из ближайшей округи составлял в 1612–1617 гг. 47,5 бочек, то есть 5320 кг (Seppovaara, 1984. S. 42–43).

Сравним Тиверский городок на острове с другими поселениями, имеющими сходное расположение. Например, с укрепленным островом в бассейне р. Кокемяэньйоки (*Kokemäenjoki*), где также известны находки керамики эпохи раннего металла.

Крепость на небольшом острове Валкеакоски (*Valkeakoski*), основанная в 1200 г., расположена примерно в 1 км от верховья порога Валкеакоски на северо-восток посреди р. Апианвирта (*Apianvirta*), вытекающей из оз. Малласвеси (*Mallassvesi*) и впадающей в оз. Ванаявеси (*Vanajavesi*), к юго-востоку от города Тампере. Здесь также кроме средневековых находок был обнаружен фрагмент текстильной керамики группы Сарса-Томица. Он относится к тому же периоду, что и ранняя группа из Тиверского городка, и определен как олонецкий вариант керамики Лууконсаари (*Taavitsainen*, 1990. P. 227, 228).

Вторым примером является остров Хиуккасари (*Hiukkasaari*) близ Ваммала (*Vammala*) (к западу от города Тампере). При его археологическом

исследовании находили предметы, относящиеся к разным доисторическим эпохам, начиная с ранней гребенчатой керамики, а также фрагменты посуды, сходные с ранней керамикой Тиверского городка, происходящие из того же временного горизонта, что и керамика Лууконсаари (Salo, 2008. S. 118–121).

В бассейне р. Кюмийоки (*Kymijoki*) расположен остров Котасаари (*Kotasaari*) близ Асиккала (*Asikkala*), на котором существовало долговременное поселение. В составе находок из культурного слоя присутствует типичная гребенчатая и поздненеолитическая керамика, а также обломки формы для отливки. Наиболее многочисленную группу находок составляет текстильная керамика эпохи раннего металла, но среди прочего есть еще и два сосуда, представляющие типичную керамику железного века (*Lavento*, 2001. P. 256, 257).

Через пороги Тиури восточный рукав Вуоксы впадал в Ладогу. В раннем железном веке и позднее это был прекрасный путь для прохода в Кякисалми и на Ладогу (Saarnisto, 2003. S. 77). На восточном побережье Ладоги, на противоположной Кякисалми стороне озера, находился Олонец. Мы знаем из исторических источников 1551 г., что новгородцы бывали на рыбной ловле на Вуоксе, а шведская корона взимала с них плату за рыболовство (Seppovaara, 1984. S. 39). Возможно, уже в раннем железном веке прекрасная лососевая тоня привлекала людей с обширной территории вплоть до Олонца? При этом появлялась возможность для поддержания социальных контактов. Вполне вероятно, что остров уже в ранние времена стал обладать социально-ритуальным значением.

По словам Х. Асплунда, острова заволаживают, у них есть свой потенциал, раскрывая его, можно достичь чего-то значительного и непреходящего (Asplund, 2008).

* * *

Завершая статью, нельзя не упомянуть о частности острова-крепости Тиури к военной истории XX в. 17 августа 1941 г. произошел ожесточенный бой у Тиуринкоски, в результате которого младший лейтенант Пентти Исало (*Pentti Isalo*) был награжден Крестом Маннергейма (*Lisalo*, 1987. S. 1, 12; Airo, 1952. № 16).

К 1944 г. относится и последнее сообщение о Тиури от финского археолога (Nordqvist, 2016. S. 147, 151, 155, 166). Сакари Пялси (*Sakari Pälsi*) провел три дня, раскапывая поселение эпохи неолита, найденное в связи с активными фортификационными работами у деревни Синтола (*Sintola*) на территории муниципалитета Вуоксенранта

(*Vuoksenranta*, современный пос. Озерское Выборгского района Ленинградской области). Эти исследования были исключительными, потому что это, вероятно, единственные археологические раскопки, проводившиеся на линии фронта во время Второй мировой войны. Во время раскопок 24 августа 1944 г. он совершил инспекционную поездку в Тиури. В кратком рукописном отчете С. Пялси говорится, что территория древнего городища Тиури была почти полностью заминирована и, таким образом, в то время «защищена» от несанкционированных раскопок. Невысокие деревья и кусты были вырублены, остались стоять только большие березы. С. Пялси отметил, что военно-инженерные раскопки не повредили древний памятник, а наоборот, сделали ландшафт более явным. Бастионы выделялись четче, чем

раньше, казались еще выше и целее. Редкие высокие березы придавали этому месту праздничный парковый вид. В итоге С. Пялси заявлял, что тщательная уборка, несомненно, принесет пользу и другим старинным крепостям.

Благодарности

Выражаем благодарность Харри Салми как за помощь на раскопках, так и за предоставление автомашины для экспедиции; Андрею Спиридонову — за информацию, касающуюся керамики; Юхе Руохонену (*Juha Ruohonen*) и Вилле Лааксо (*Ville Laakso*) — за комментарии по датировке находок, а также за калибровку дат посредством новейших программ; Каю Экхолму (*Kai Ekholm*) — за сообщения касательно запрещенных книг.

Бельский, 2018 — Бельский С. В. Тиверский городок на Вуоксе. Результаты исследований Приладожской археологической экспедиции МАЭ РАН // Кунсткамера. СПб., 2018. № 1. С. 97–108.

Кирпичников, 1984 — Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 289 с.

Кочуркина, 1981 — Кочуркина С. И. Археологические памятники корелы V–XV вв. Л.: Наука, 1981. 159 с.

Косменко, 1992 — Косменко М. Г. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1992. 222 с.

Сакса, 2010 — Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 398 с.

Airo, 1952 — Airo A. F. Mannerheim-ristin ritarit. Helsinki: Tuli Oy, 1952. 441 s.

Appelgren, 1891 — Appelgren H. Suomen muinaislinnat. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XII. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1891. 223 s.

Asplund, 2008 — Asplund H. Kymittäe. Sites, Centrality and Long-Term Settlement Change in the Kemiön-saari Region in SW Finland. Turku: Turun yliopisto, 2008. 584 p.

Bronk Ramsey, 2017 — Bronk Ramsey Ch. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets // Radiocarbon. 2017. 59 (2). P. 1809–1833.

Carpelan, 1997 — Carpelan Ch. Keramiikkaa Räisälän Tiurinlinnasta // Uino P. Ancient Karelia: Archaeological studies. Helsinki, 1997 (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja; 104). P. 401–402.

Ekholm, 2000 — Ekholm K. Kielletyt kirjat 1944–1946. Yleisten kirjastojen kirjastoistot vuosina 1944–1946. Jyväskylä: Jyväskylän yliopiston kirjasto, 2000. 300 s.

Iisalo, 1987 — Iisalo P. Tiurinkosken raju mottitaistelu // Räisäläinen. 1987. 1. S. 1–12.

Karimo, 1931 — Karimo A. Kumpujen yöstä I. Muinaiskansaa. Helsinki: WSOY, 1931. 306 s.

Lavento, 2001 — Lavento M. Textile Ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus. Nine Variations and Fugue on a Theme of C.F. Meinander. Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy, 2001 (SMYA; 109). 410 p.

Lavento, 2003 — Lavento M. Viipurin läänin pronssikausi ja varhaismetallikausi // Viipurin läänin historia 1. *Karjalan synty*. Joensuu: Karjalan kirjapaino, 2003. S. 245–290.

Nordqvist, 2016 — Nordqvist K. “Sekä muinaistutkimuksen hahmottelemaa luustoa että kansatieteen liittelemää lihaksistoa.” Sakari Pälsi ja Karjalankannaksen arkeologia // Sakari Pälsi — elämä ja työt. Helsinki: Sakari Pälsin seura, 2016. S. 148–166.

Ruohonen, Väänänen, 2016 — Ruohonen J., Väänänen A. Punatukkainen tyttö ja 31 helmeä. Helminauha Ravattulan Ristimäen haudasta 1/2015 // *Arkeologia Nyt*. 2016. No. 1. S. 34–36.

Saarnisto, 2003 — Saarnisto M. Karjalan geologia. Karjalan luonnonmaiseman synty // Viipurin läänin historia 1. *Karjalan synty*. Joensuu: Karjalan kirjapaino, 2003. S. 21–80.

Saksa, 1998 — Saksa A. Rautakautinen Karjala. Muinais-Karjalan asutuksen synty ja varhaiskehitys. Joensuu: Joensuun yliopiston humanistinen tiedekunta, 1998 (*Studia Carelica Humanistica*; 11). 258 s.

Salo, 2008 — Salo U. Ajan ammoisen oloista. Satakunnan ja naapurimaakuntien esihistoriaa. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2008. 427 s.

Schwindt, 1892 — Schwindt Th. Tietoja Karjalan rautakaudesta ja sitä seuraavilta ajoilta Käkisalmen

- kihlakunnan alalta saatujen löytöjen mukaan. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjapainossa, 1892. 206 s.
- Seppovaara*, 1984 — *Seppovaara O.* Vuoksi. Luonto ja ihminen vesistön muovaajina. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1984. 164 s.
- Taavitsainen*, 1990 — *Taavitsainen J.-P.* Ancient Hillforts of Finland. Problems of analysis, chronology and interpretation with special reference to the hillfort of Kuhmoinen. Helsinki, 1990 (SMYA; 94). 294 p.
- Tommila*, 1983 — *Tommila P.* Taiteilija ja hänen teoksensa. Aarno Karimo, Kumpujen yöstä. Suomalaisten vaiheita, tekoja ja oloja kivikaudesta nykyaikaan. Porvoo: WSOY, 1983. 455 s.
- Uino*, 1997 — *Uino P.* Ancient Karelia: Archaeological studies — Muinais-Karjala: Arkeologisia tutkimuksia. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1997 (SMYA; 104). 426 p.
- Uola*, 2004 — *Uola M.* Karimo, Aarno. Suomen kansallisbiografia 4. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. S. 816–817.

Pottery of the Early Metal Age from Tiversky Gorodok⁵

Ju.-P. Taavitsainen⁶, A. I. Saksa (†)

Keywords: Early Metal Age, Tiversky Gorodok, pottery, radiocarbon dating.

This article is devoted to studies of fragmentary ceramic ware dating from the Early Metal Age (boundary between the 1st and 2nd millennium AD and the first half of the 1st millennium AD) discovered during the excavations of Tiversky Gorodok (Finnish Tiurinlinna) on the Vuoksi River (Fig. 1; 4). This site is located near the modern urban settlement of Melnikovo (Finnish Räisälä), Priozersk District, Leningrad Oblast.

As a historical monument, it played an important role in the development of the national self-consciousness of the people of Finland. The well-known writer and officer Aarno Karimo devoted in 1929 to Tiversky Gorodok a special chapter in his work “Nights on the islands” (Kumpujen yöstä) (Fig. 2; 3). This is a popular series of books concerned with the history of Finland. It was a bestseller in the 1930s; in 1945–1948, this writing was prohibited and extracted from libraries.

Since the late 20th until the early 21st cen., archaeological investigations not once were carried out in the area of Tiversky Gorodok (Fig. 5). However many questions so far remain open. In particular, of importance is the problem of the presence of the initial settlement on the island surviving until the time of building of the early mediaeval fortifications.

The smooth pottery containing organic substances in the clay and with a decorated upper body was discovered during Hjalmar Appelgreen’s excavations in 1889. The clay mass included organics which vanished during the baking having left voids after it. The edge of the rim is rounded and the rim itself is of a gentle S-formed profile; the walls of the vessels are rounded. No fragments suggesting the shape of the bottom are preserved. The surface is polished, perhaps, initially to lustre. The colour is partly light brown and partly dark brown in the break. The decoration, initially applied probably only on the upper body of the ware, was executed using two appliances: a horizontal row of impressions was made with a trident tool and three rows of impressions were applied at an angle beneath it by means of a stamp with nine dents. The prongs of the combs were rectangular. The examined fragments reminded the pottery from Luukonsaari known from excavation of sites in Southern Karelia.

The presumable age of the site on the island of Tiuri was defined through the results of radiocarbon dating using a sample (charcoal) from a 1996 test pit from a layer under the bank of the fortified settlement: date 2040 ± 50 BP (SU-3356), after calibration — 179 BC (95,4 %) 63 AD (Fig. 6; 7). However it is not related with the pottery proper and so far there are no dates identified from the charcoal crust on the vessel walls. Nevertheless it is clear that there existed a settlement on the island at the turn between the 1st and 2nd millennium AD. Possibly, it was a temporary fishing station since the river rapids surrounding the island were very convenient for fishing of salmon and other fishes. Examples of sites of this kind are known in other places in the territory of modern Finland.

⁵ The publication was prepared by Stanislav V. Belsky — Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences; 3 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; e-mail: belstass@yandex.ru.

⁶ Jussi-Pekka Taavitsainen — Turun yliopisto; 10 Henrikinkatu, Turku, 20500, Finland; e-mail: justaa@utu.fi.

Скандинавские находки эпохи Великого переселения народов с острова Большой Тютерс

М. М. Казанский¹

Аннотация. На острове Большой Тютерс в восточной части Финского залива были обнаружены скандинавские вещи (фибула и детали ременной гарнитуры), относящиеся к первой половине VI в. Эти предметы имеют параллели в Средней Швеции и, вероятно, были изготовлены в мастерских Хельгё. Находка этих вещей на Тютерсе свидетельствует о проникновении скандинавов в восточную часть Финского залива в эпоху переселения народов.

Ключевые слова: эпоха переселения народов, остров Большой Тютерс, скандинавские вещи.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39- 66-74

Данная работа посвящена следам присутствия скандинавов в восточной части Финского залива, освоенной еще в допарусную эпоху (Svenning, 1967. S. 18; Лебедев, 2005. С. 267–269), в поздней фазе эпохи Великого переселения народов. Мне уже приходилось обращаться к этой теме (Казанский, 2010; 2018), здесь хотелось бы детализовать некоторые результаты предыдущих исследований.

Следует напомнить, что острова восточной части Финского залива занимают важную стратегическую позицию на водных путях региона. Судя по документам XIII в., морской путь из Скандинавии на восток проходил от Упланда вдоль южной кромки Аландских островов и собственно финляндского побережья до мыса Порккала-Удд, затем он поворачивал на юг, до Таллинской бухты, очень удобного места корабельных стоянок, и шел далее на восток, вдоль южного берега Финского залива и далее в Неву (Шаскольский, 1954; Корпела, 2006. С. 77; Носов, Хвоцинская, 2007. С. 14, 15). При этом через интересующие нас острова проходил путь не только с запада на восток, но и с юга на север. В финском языке эстонцы получили название *Virolainen*, то есть жители Вирумаа, Северо-Восточной Эстонии (Попов, 1973. С. 74). Эти языковые данные позволяют предположить, что традиционно контакты

населения Финляндии с Эстонией осуществлялись через Вирумаа и далее через восточную часть Финского залива. О таких контактах уже в античное время свидетельствуют находки в Финляндии вещей римского времени, происходящих из Северо-Восточной Эстонии (Шмидехельм, 1955. С. 222).

Проникновение скандинавов в восточную часть Финского залива, откуда начинается система речных путей Восточной Европы (рис. 1) или, по крайней мере, контакты этого региона со Скандинавией зафиксированы археологически с первой половины VI в. (см.: Казанский, 2010; 2018, там же библиография). В первую очередь привлекают внимание находки на острове Большой Тютерс (Tytärsaari), занимающем важное стратегическое положение в коммуникациях Финского залива.

На Большом Тютерсе находки происходят из урочища Каунисмяки (Kaunismäki) в бухте на восточном берегу острова у северного края дюны, с участка почти 1 км в длину и 400–500 м в ширину. Место находки удалено от берега примерно на 300 м. В свое время на этом месте рос лес, после вырубki которого все занесло песком. В 1896 г. после шторма на галечнике у песчаной дюны была найдена равноплечная рельефная позолоченная фибула со звериным узором (рис. 2, б). В 1909 г. в Каунисмяки рядом с местом обнаружения фибулы встречены черепки глиняных сосудов, пережженные кости, уголь и обожженные камни. Эти находки сделаны около небольших слегка возвышающихся куч песка. Здесь А. Хакман и

¹ Centre National de la Recherche Scientifique, UMR 8167 "Orient et Méditerranée"; 52, rue du cardinal Lemoine, 75005-Paris, France; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com.
© Michel Kazanski, 2023

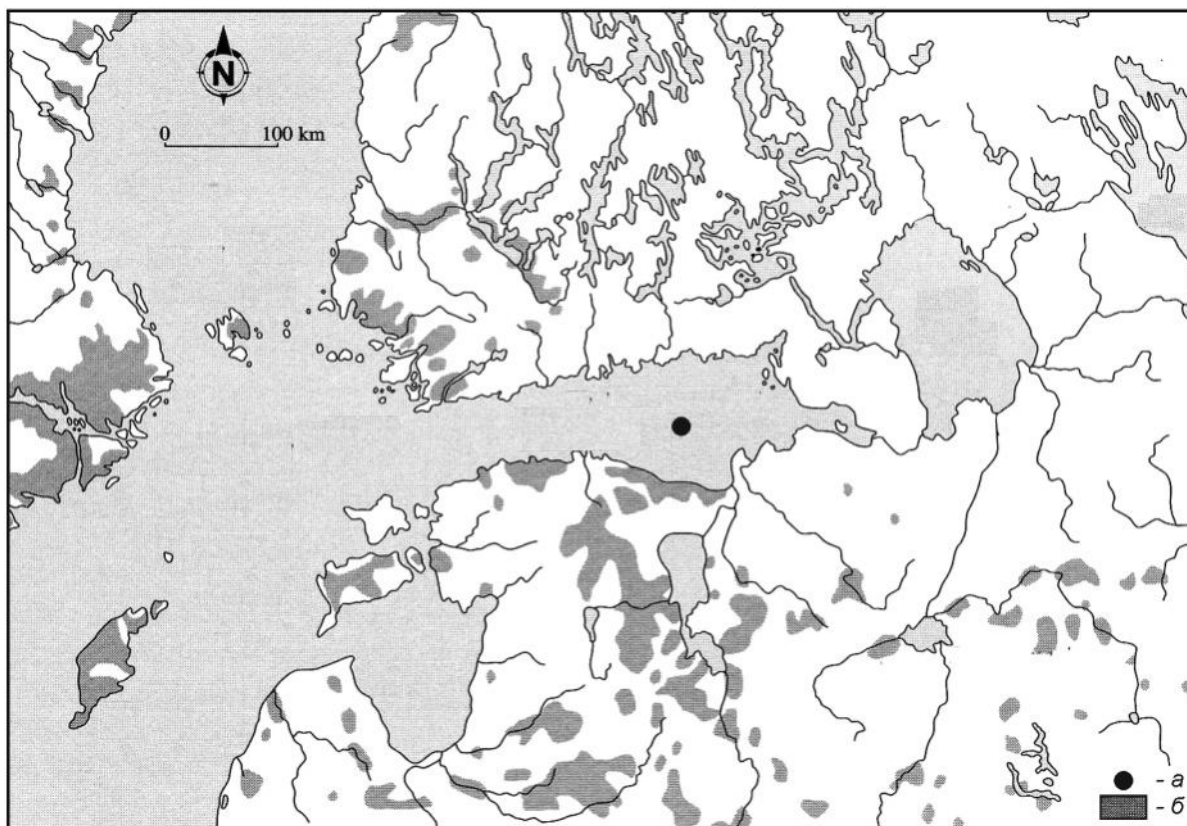

Рис. 1. Местоположение острова Большой Тютерс (а) в Финском заливе и места концентрации населения в VI–VII вв. (б) (Callmer, 2000)

Fig. 1. Situation of Bolshoy Tyuters Island (a) in the Gulf of Finland and sites of the densely concentrated population of the 6th–7th centuries (б) (Callmer, 2000)

А. Европеус сняли план местности, а также исследовали участок размерами примерно $7,0 \times 4,5\text{--}5,5$ м. Были зафиксированы два залегающих друг над другом слоя угля. Находки в основном встречались в различных местах и состояли из керамических фрагментов, обожженных костей и углей. А. Хакман и А. Европеус также исследовали одну песчаную кучу, в которой горелый слой был только на вершине, в остальном эта куча состояла из чистого песка. Таким образом, песчаные насыпи курганами не являются. В 1926 г. в песке, примерно в 160 м к северу от находки фибулы, были обнаружены бронзовые ременные накладки и пряжки (рис. 2, 1–5), а также их фрагменты и обломки костей. А. Хакман посетил остров в 1927 г. и на следующий год провел раскопки на месте обнаружения вещей. Он встретил слой сажи и обгорелых камней, перекрытых кучей песка. Находки в этот раз составили глиняные черепки и жженные кости (Uino, 1997. S. 340; Carpelan, Uino, 2003). Предполагается, что здесь находился некрополь с погребениями-кремациями (Erä-Esko, 1965. P. 116; Лебедев, 2005. С. 268).

Фибула. Это серебряная симметричная фибула первого германского звериного стиля, со следами позолоты и черни (рис. 2, б) (Erä-Esko, 1965. No. 35, Pl. 10; Kivikoski, 1973. Taf. 28, 229; Carpelan, Uino, 2003. S. 76, 77). Она относится к довольно значительной серии рельефных равноплечих застежек эпохи Великого переселения народов, варианту 1, с вытянутыми, скругленными на конце пластинами языковидной формы, с наибольшим расширением у дужки (Magnus, 1999; 2007; Røstad, 2021. P. 121). Такие равноплечие фибулы распространены в Свеаланде, Норрланде, Остерботнии. Их особая концентрация наблюдается в Средней Швеции и южной части Норрланда, при этом большая часть из них — 13 из 15 — относится к варианту 1 равноплечих застежек (Magnus, 2007; Røstad, 2021. P. 163, 164, Map 4.35) (рис. 3). Местом их производства, возможно, были широко известные мастерские Хельгё (Helgö) в Уппланде, на озере Мелар, где найдены фрагменты литейных форм для производства подобных застежек (Holmqvist, 1972. P. 248, 249, fig. 112, 115–117).

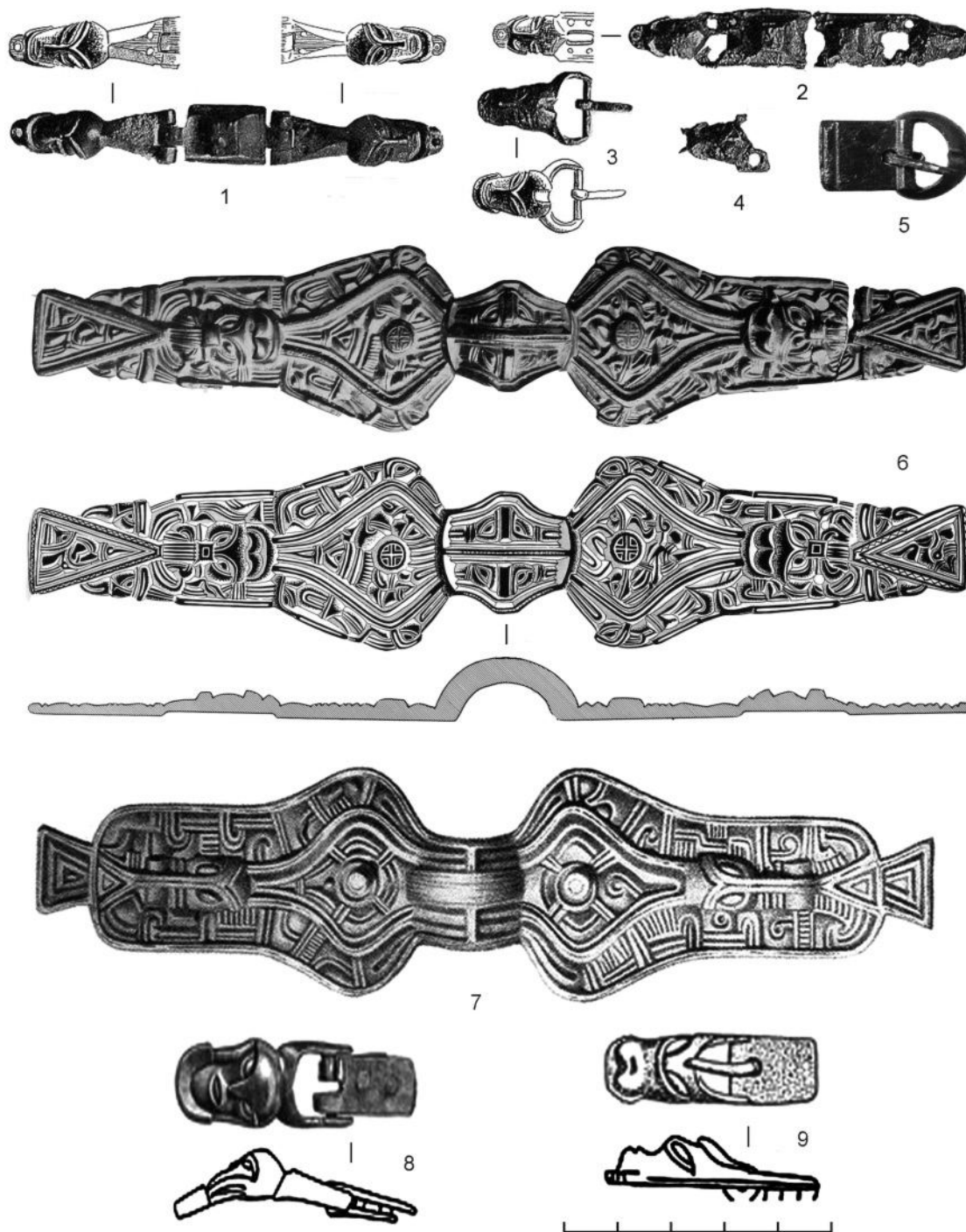

Рис. 2. Скандинавские вещи с острова Большой Тютерс (1–6) и их шведские параллели (7–9): 1–6 — Большой Тютерс (1–4, 6 — *Erä-Esko*, 1965. Pl. IX, X; 5 — *Carpelan, Uino*, 2003. Fig. 3); 7 — Хаде (*Røstad*, 2021. Fig. 4.47.b); 8 — Экерё (*Franzén*, 2007. Fig. 11); 9 — Ромфартуна (*Franzén*, 2007. Fig. 12). Бронзовый сплав, серебро

Fig. 2. Scandinavian objects from Bolshoy Tyuters Island (1–6) and their Swedish parallels (7–9): 1–6 — Bolshoy Tyuters (1–4, 6 — *Erä-Esko*, 1965. Pl. IX, X; 5 — *Carpelan, Uino*, 2003. Fig. 3); 7 — Hade (*Røstad*, 2021. Fig. 4.47.b); 8 — Ekerö (*Franzén*, 2007. Fig. 11); 9 — Romfartuna (*Franzén*, 2007. Fig. 12). Bronze alloy, silver

Это торгово-ремесленное поселение функционировало особенно активно, судя по основной массе находок, в 400/500–700/800 гг. (Stenberger, 1977. S. 407–412; Лебедев, 2005. С. 153–155).

Единичные находки таких фибул вне зоны основного ареала, помимо Финского залива, есть в Сконе и далеко на юге, в гепидском контексте в Восточной Венгрии, в женском погребении 84 могильника Сцентеш-Надьхедь (Szentcs-Nagyhegy). Предполагается, что данная могила принадлежит женщине скандинавского происхождения довольно высокого социального статуса (например, жрице) и демонстрирует межрегиональные семейные связи внутри германского мира (Magnus, 2007; Nagy, 2007. S. 86, 87, Taf. 46, 47).

Фибулы с Тютерса и из карпатской котловины принадлежат варианту 1, как и большинство шведских и норвежских фибул, в то время как застежки из Остерботнии в Финляндии принадлежат варианту 2 (Magnus, 2007. S. 180–183). Последнее обстоятельство позволяет предположить для находок варианта 1 на Финском заливе прямой импорт из Средней Швеции.

Для датировки этих фибул важна застежка из уппландского некрополя Хаде (Hade) (рис. 2, 7), найденная в характерном контексте и отнесенная к узкому отрезку времени в середине VI в. (Magnus, 1999. P. 120, fig. 7, 3; 7, 4). По мнению Б. Магнус, фибулы данного типа появляются, видимо, около 500 г. и используются в течение жизни двух-трех поколений (Magnus, 2007. S. 190). Похожую дату (период D2b норвежской хронологии периода Великого переселения народов) предлагают и другие исследователи (Rostad, 2021. P. 163). Вероятно, в пределах первой половины — середины VI в. и надо датировать фибулу с Тютерса.

Пряжка. Другие вещи, найденные на Тютерсе в 1926 г., в 160 м к северу от места обнаружения фибулы вместе с лепной керамикой, — пряжки, накладки и трехчастная бронзовая деталь ременной гарнитуры первого звериного стиля (рис. 2, 1–5) (Erä-Esko, 1965. Pl. 10, No. 36–39; Kivikoski, 1973. S. 55, Taf. 39, 334; Carpelan, Uino, 2003. S. 79, 80; Казанский, 2010. С. 77–79; 2018), также принадлежат скандинавской традиции и имеют параллели в Средней Швеции (Franzén, 2007. Fig. 11–13). Пряжка имеет сходство с группой малых балтийских пряжек, у которых передняя часть рамки также переходит в рельефное зооморфное или антропоморфное изображение. Это находки из Экерё (Ekerö), погребение 12, в Средней Швеции (Urpland) (рис. 2, 8) и Ромфар-

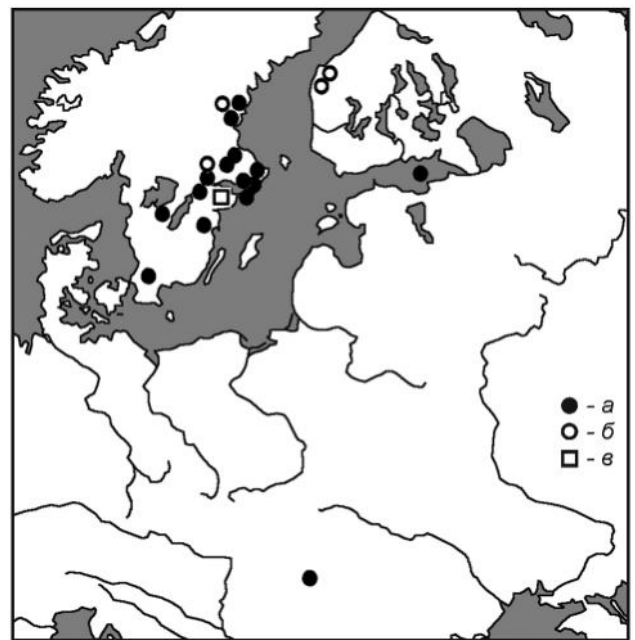

Рис. 3. Распространение равноплечих рельефных фибул (Rostad, 2021. Map 4.35; Magnus, 2007. Abb. 4): а — вариант 1; б — вариант 2; в — мастерская в Хельгё
Fig. 3. Distribution of equal-armed relief fibulae (Rostad, 2021. Map 4.35; Magnus, 2007. Abb. 4): а — variant 1; б — variant 2; в — workshop on Helgö

туна (Romfartuna), погребение 2, также в Средней Швеции (Södermanland) (рис. 2, 9). Надо отметить, что похожая пряжка опубликована Д. Квастом как происходящая из Константинополя (Quast, 2003. Abb. 4, 2).

В целом контакты между Балтийским бассейном и Византией фиксируются рядом находок северо-европейского происхождения на Нижнем Дунае и Северных Балканах. Это, например, фибула скандинавской традиции из Касиодола в Северном Иллирикуме (Северная Сербия) (рис. 4, 5), восходящая к скандинавским прототипам середины V — первой четверти VI в., а также их дериваты из крепости Augusta (Калето) (рис. 4, 6) и из Хасково (Болгария) (рис. 4, 8), а также из Виминациума (Сербия) (рис. 4, 3, 4). Имеются находки скандинавского облика и в Южной Сербии, на территории Косова. Это женская могила в Грачанице с парой типичных скандинавских фибул с прямоугольной головкой середины — второй половины VI в. (рис. 4, 1, 2). Находку связывают с присутствием скандинавов, служивших в византийской армии, вернее, членов их семей. Большой интерес представляет и находка в Удовице, также

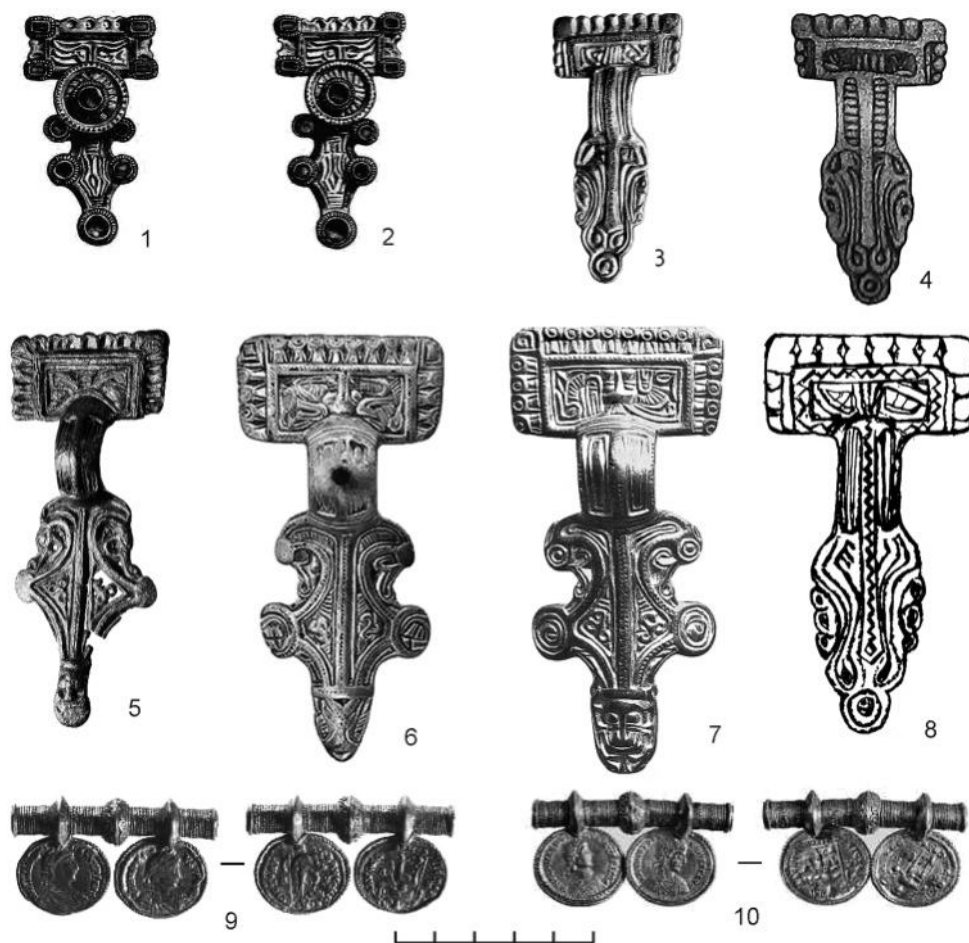

Рис. 4. Вещи скандинавской традиции на Дунае и Балканах (Казанский, 2018. С. 160, рис. 6): 1, 2 — Грачаница; 3 — Виминачиум, погребение 133; 4 — Виминачиум, погребение 138; 5 — Касиодол; 6 — Augusta (Калето); 7 — Сольнок-Санда; 8 — Хасково; 9, 10 — Удовице. 1–8 — бронзовый сплав; 9, 10 — золото

Fig. 4. Objects in the Scandinavian tradition on the Danube and Balkans (Казанский, 2018. С. 160, рис. 6): 1, 2 — Gračanica; 3 — Viminacium, burial 133; 4 — Viminacium, burial 138; 5 — Kasiodol; 6 — Augusta (Kaleto); 7 — Szolnok-Szanda; 8 — Khaskovo; 9, 10 — Udovice. 1–8 — bronze alloy; 9, 10 — gold

в Северном Иллирикуме, в 20 км к востоку от Белграда (рис. 4, 9, 10). Это золотое ожерелье с медальонами позднего V — VI в. Важно отметить, что по времени эти находки совпадают с наплывом византийских солидов из Восточно-Римской империи в Скандинавию. В целом археологические и нумизматические материалы подтверждают сообщения древних авторов о византийско-скандинавских контактах (подробнее см.: Казанский, 2018. С. 157–161, там же библиография).

По мнению некоторых исследователей, скандинавские вещи показывают, что Большой Тютерс в эпоху переселения народов не позднее первой половины VI в. превратился в базу торговцев или пиратов (Vierck, 1970. S. 388), возможно, скандинавского происхождения, активность которых была направлена на эстонское побережье и устье

Нарвы (Kivikoski, 1967. P. 89). Однако предложена и иная трактовка находок на Тютерсе. Показательно, что в Каунисмяки была найдена лепная керамика финского облика (рис. 5), имеющая аналоги для эпохи переселения народов, согласно Э. Кивикоски, в Сатакунде (Urjala-Niemumäki: Kivikoski, 1973. S. 60, Taf. 42, 392). В целом такая посуда типична как для Эстонии, так и для Финляндии в эпоху бронзы и железа, что указывает на прибалтийско-финский характер островного населения (Carpelan, Uino, 2003. S. 81, 82) и ставит под сомнение его скандинавское происхождение, тем более что скандинавские украшения в эпоху переселения народов получили довольно широкое распространение у финского населения Финляндии и Эстонии (подробнее см.: Казанский, 2010. С. 52–55, 65–69).

Из урочища Каунисмяки происходит и остеологический материал: определены кости зайца, тюленя, свиньи, овцы/козы. Такой набор более характерен для поселения, чем для некрополя. Итак, население Тютерса занималось, скорее, морским промыслом, охотой и скотоводством, чем пиратством и торговлей (Carpelan, Uino, 2003. S. 84). Одно, впрочем, не исключает другого. Стоит также подчеркнуть, что керамические находки и костные остатки на Тютерсе могут принадлежать не только эпохе переселения народов, но и более раннему времени (*Ibid.* S. 85).

Следы древнего финского населения зафиксированы и на острове Мощном (Лавенсаари, фин. Lavensaari). Здесь известны 32 кургана, три из которых были раскопаны в 1930 г. Это небольшие округлые и овальные сооружения, два из них — с каменными кругами нерегулярной кладки (Edgren, 1992. Kuva 2–7), содержавшие погребения по обряду кремации. Финские исследователи с помощью радиоуглеродного анализа датировали эти захоронения доримским и римским железным веком и соотнесли их с морскими охотниками Финского залива (*Ibid.*). Однако в 1999 г. один из курганов с сожжениями, раскопанный А. И. Саксой, по данным радиоуглеродного анализа был отнесен к VI в. (устное сообщение А. И. Саксы), что позволяет говорить о присутствии населения на Мощном (Лавенсаари) в интересующую нас эпоху. Каменные кладки, явно связанные с древним финским населением, но пока не имеющие хронологической привязки, имеются и на острове Готланд (наблюдения Г. С. Лебедева и К. В. Шмелева). В целом можно сделать вывод, что по археологическим данным в рассматриваемый период вся восточная часть Финского залива была занята финским населением (Михайлова, 2016; Mikhaylova, 2016).

В любом случае появление скандинавских вещей на Большом Тютерсе свидетельствует о контактах между Скандинавией и восточной частью Финского залива, где начинались водные пути северной части Восточной Европы. Видимо, с этого момента и можно говорить о скандинавском присутствии на восточноевропейских речных дорогах.

Надо напомнить, что в течение V–VI вв. меняется география экономических отношений и центров власти на Балтике. До 476/477 гг., судя по количеству находок золотых монет, лидирует Эланд, а потом, видимо, в результате какой-то катастрофы² активность вплоть до 550–560 гг. перехваты-

² О военном стрессе на Эланде в этот период свидетельствуют и раскопки укрепленного поселения конца

Рис. 5. Лепная керамика с острова Большой Тютерс, пункт Б (Carpelan, Uino, 2003. Fig. 5)

Fig. 5. Handmade pottery from Bolshoy Tyuters Island, point B (Carpelan, Uino, 2003. Fig. 5)

вают Готланд и Уппланд³ (подробнее о ситуации V–VI вв. на Балтике см.: Казанский, 2010, там же библиография; Fischer, Victor, 2012. P. 423–425.).

Показательно, что как раз для этого времени — начало — первая половина VI в. — появляются первые документальные свидетельства о меховой торговле, связывающей скандинавский народ суэханс (*Suehans*) со Средиземноморьем (Иордан, *Getica* 21)⁴. Источником меха, поступавшего на средиземноморский рынок от суэханс, была Северная Фенноскандия (подробнее см.:

V — начала VI в. Сандбю Борг (Sandby Borg), где засвидетельствованы следы вражеского нападения, с последующим уничтожением жителей: *Alfsdotter et al.*, 2018; 2019; *Viberg et al.*, 2014.

³ В середине VI в. в Балтийском бассейне происходят какие-то важные изменения, выразившиеся, в частности, в «выпадении» кладов золотых вещей. На этот период в Европе приходится эпидемия чумы, холодные зимы, частые солнечные затмения, неурожай, голодовки. Свою роль, видимо, сыграла и природная мировая катастрофа 536–537 гг.; о ней и ее последствиях для Северной Европы см.: *Baillie*, 1994; *Axboe*, 1999; *Gunn*, 2000; *Löwenborg*, 2012; *Arrhenius*, 2013; *Филозофов*, 2011. С. 65–69; *Tvauri*, 2014; *Büntgen et al.*, 2016.

⁴ В суэханс обоснованно видят потомков свионов, упоминавшихся Тацитом в I в. н. э. и предков средневековых свеев (см.: *Svennung*, 1974. S. 81–132).

- Казанский, 2010. С. 29–33, там же библиография). С большой долей вероятности можно предположить, что появление скандинавов на островах Финского залива отражает их попытку расширить зону, откуда им поступал дорогой меховой товар.
- Иордан, *Getica* — Иордан. О происхождении и деяниях готы. *Getica*. Латинский текст, перевод и комментарии Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2000. 505 с.
- Казанский, 2010 — Казанский М. М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // *Stratum plus*. 2010. № 4: Рим и варвары: от Августа до Августула. С. 17–127.
- Казанский, 2018 — Казанский М. М. Зооморфные и антропоморфные пряжки и контакты Восточной Прибалтики с Византией в эпоху переселения народов // *АВ*. 2018. Вып. 24. С. 153–168.
- Корнела, 2006 — Корнела Ю. Емь и Ладога // *Славяне и финно-угры. Контактные зоны и взаимодействие культур: Доклады Российско-Финляндского симпозиума по вопросам археологии и истории (Пушкинские Горы, 7–10 октября 2004 г.)* / Отв. ред. А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов, А. И. Сакса. СПб.: Нестор-История; ИИМК РАН, 2006. С. 73–81.
- Лебедев, 2005 — Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
- Михайлова, 2016 — Михайлова Е. Р. Древности второй половины I тысячелетия вокруг Финского залива: к предыстории пути из варяг в греки // *Новгородский исторический сборник. Великий Новгород: б. и., 2016. Вып. 16 (26). С. 4–32.*
- Носов, Хвоцинская, 2007 — Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В. Связи населения центрального Приильменья с Западной Финляндией и Эстонией в контексте международной торговли в регионе Балтики в IX–X вв. // *Северная Русь и народы Балтики: Сб. ст.* / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин; ИИМК РАН, 2007. С. 6–17.
- Попов, 1973 — Попов А. И. Названия народов СССР. Л.: Наука, 1973. 170 с.
- Философов, 2011 — Философов И. Ю. Климатическая катастрофа 536–537 годов, «возвращение герулов» и миф о Рагнареке // *Известия Саратовского университета*. 2011. Серия: История. Вып. 11–1. С. 65–69.
- Шаскольский, 1954 — Шаскольский И. П. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX–XIII вв. // *Географический сборник*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Вып. 3: История географических знаний и географических открытий. С. 146–159.
- Кстати, уже упоминавшееся поселение в Хельгё, где была произведена равноплечая рельефная фибула с Тютерса, было одним из основных центров торговли пушниной, что уже отмечалось исследователями (*Vierck*, 1970, S. 388; *Arrhenius*, 1994).
- Шмидехельм, 1955 — Шмидехельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на Северо-Востоке Эстонии. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1955. 272 с.
- Alfisdotter et al.*, 2018 — *Alfisdotter C., Papmehl-Dufay L., Victor H.* A moment frozen in time: evidence of a late fifth-century massacre at Sandby borg // *Antiquity*. 2018. Vol. 92. P. 421–436.
- Alfisdotter et al.*, 2019 — *Alfisdotter C., Kjellström A.* The Sandby Borg Massacre: Interpersonal Violence and the Demography of the Dead // *European Journal of Archaeology*. 2019. P. 1–22.
- Arrhenius*, 1994 — *Arrhenius B.* Aspects of Barter Trade exemplified at Helgö and Birka // *The Archaeology of Gudme and Lundeberg* / Eds. P. O. Nielsen, K. Randsborg, H. Thrane. København: Akademisk Forlag, 1994. P. 189–194.
- Arrhenius*, 2013 — *Arrhenius B.* Helgö in the shadow of the dust veil 536–537 // *Journal of Archaeology and Ancient History*. 2013. Vol. 5. P. 1–14.
- Axboe*, 1999 — *Axboe M.* The year 536 and the Scandinavian Gold Hoards // *Medieval Archaeology*. 1999. Vol. 43. P. 186–188.
- Baillie*, 1994 — *Baillie M. G. L.* Dendrochronology raises questions about the nature of the AD 536 dust-veil event // *The Holocene*. 1994. 4–2. P. 212–217.
- Büntgen et al.*, 2016 — *Büntgen U., Myglan V. S., Ljungqvist F., McCormick M., Di Cosmo N., Sigl M., Jungclauss J., Wagner S., Krusic P. J., Esper J., Kaplan J. O., de Vaan M. A. C., Lutterbacher J., Wacker L., Tegel W., Kirilyanov A. V.* Cooling and societal change during the Late Antique Little Ice Age from 536 to around 660 AD // *Nature Geoscience*. 2016. 9. P. 231–236.
- Callmer*, 2000 — *Callmer J.* From West to East. The Penetration of Scandinavians into Eastern Europe ca. 500–900 // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient* / Dir. M. Kazanski, A. Nercis-sian, C. Zuckerman. Paris: Lethielleux, 2000. P. 45–94.
- Carpelan, Uino*, 2003 — *Carpelan C., Uino P.* Between Estonia and Finland — A Reassessment of old Finds from Tytärsaari Island // *Arheoloogiga Läänemere-maades: uurimusi Jüri Seliranna auks* / Eds. V. Lang, U. Tamla. Tallin; Tartu: Ajaloo Instituut, arheoloogia-osakond, Tartu Ülikool, arheoloogia õppetool, 2003. P. 75–93.

- Edgren*, 1992 — *Edgren T.* Lavansaaren Suursuonmäen røykkiöhaudat // Suomen Museo. 1992. T. 99. S. 5–20.
- Erä-Esko*, 1965 — *Erä-Esko A.* Germanic Animal Art of Salin's Style I in Finland. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, 1965. 120 p.
- Fischer, Victor*, 2012 — *Fischer S., Victor H.* À propos de chambres funéraires (IVe –VIe s.) découvertes récemment en Suède: chronologie et interprétation sociale // Le bois dans l'architecture et l'aménagement de la tombe: quelles approches? Actes de la table ronde d'Auxerre, 15–17 octobre 2009 / Dir. F. Carré, F. Henrion. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, 2012. P. 419–426.
- Franzén*, 2007 — *Franzén R.* Om folkvandringstida masksöljor med anledning av ett fynd från Ösmo // Fornvännen. 2007. No. 102. P. 153–167.
- Gunn*, 2000 — *Gunn J. D.* AD 536 and its 300 — year aftermath // The Years Without Summer, Tracing A.D. 536 and its Aftermath / Ed. J. D. Gunn. Oxford: B.A.R., 2000 (BAR International Series; 872). P. 5–20.
- Holmqvist*, 1972 — *Holmqvist W.* Relief brooches. Comparative analysis of the A-B-C elements at the Helgö workshop // Excavations at Helgö IV. Workshop. Part I / Ed. W. Holmqvist. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1972. P. 230–255.
- Kivikoski*, 1967 — *Kivikoski E.* Finland. London: Thames and Hudson, 1967. 160 p.
- Kivikoski*, 1973 — *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki: Weilin+Göös AB, 1973. 150 S.
- Löwenborg*, 2012 — *Löwenborg D. X.* An Iron Age Shock Doctrine — Did the AD 536–7 event trigger large-scale social changes in the Mälaren valley area? // Archaeology and Ancient History. 2012. Vol. 4. P. 3–29.
- Magnus*, 1999 — *Magnus B.* The assemblage from Hade in Gästrikland and its relevance for the chronology of the late Migration Period in eastern Sweden // The Peace of Change. Studies in Early–Medieval Chronology / Eds. J. Hines, K. Høilund Nielsen, F. Siegmund. Oxford: Oxbow, 1999. P. 115–125.
- Magnus*, 2007 — *Magnus B.* Die Frau aus Grab 84 von Szentes-Nagyhegy und die Gleicharmigen Relieffibeln der Völkerwanderungszeit // Communicationes Archaeologicae Hungariae. 2007. S. 175–193.
- Mikhaylova*, 2016 — *Mikhaylova E. R.* The Population of the Southeast Shore of the Gulf of Finland and its Contacts with Regions of the Baltic Sea in the First Millennium A. D. // Archaeologia Baltica. 2016. T. 23. P. 181–198.
- Nagy*, 2007 — *Nagy M.* Tierdarstellungen und der Germanische Tierstil I im Gebiet der Mittleren Donau (3.–6. Jahrhunderten n. Chr.). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2007. 210 S.
- Quast*, 2003 — *Quast D.* Childerichs Schwertgut. Ein neuer Rekonstruktionvorschlag // Archäologisches Korrespondenzblatt. 2003. Bd. 33/4. S. 597–614.
- Røstad*, 2021 — *Røstad I. M.* The Language of Jewellery. Dress-accessories and Negotiations of Identity in Scandinavia, c. AD 400–650/700. Oslo: Cappelen Damm Akademisk, 2021 (Norske Oldfunn; Vol. XXXII). 392 p.
- Stenberger*, 1977 — *Stenberger M.* Vorgeschichte Schwedens. Berlin: Akademie-Verlag, 1977. 544 S.
- Svennung*, 1967 — *Svennung J.* Jordanes und Scandia. Kritisch-exegetische Studien. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1967. 260 S.
- Svennung*, 1974 — *Svennung J.* Scandinavien bei Plinius und Ptolemaios. Kritisch-exegetische Forschungen zu den ältesten nordlichen Sprachdenkmälern. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1974. 245 S.
- Tvauri*, 2014 — *Tvauri A.* The Impact of the Climate Catastrophe of 536–537 AD in Estonia and Neighbouring Areas // Estonian Journal of Archaeology. 2014. Vol. 18–1. P. 30–56.
- Uino*, 1997 — *Uino P.* Ancient Karelia. Archaeological studies. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1997. 426 p.
- Viberg et al.*, 2014 — *Viberg A., Victor H., Fischer S., Lidén K., Andrén A.* The Ringfort by the Sea: Archaeological Geophysical Prospection and Excavations at Sanfby Borg (Öland) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 2014. 44/3. P. 413–428.
- Vierck*, 1970 — *Vierck H.* Zum Fernverkehr über See im 6. Jahrhundert angesichts angelsächsischer Fibelsätze in Thüringen. Eine Problemskizze // Hauck K. Goldbrakteaten aus Sievern. München: Wilhelm Fink Verlag, 1970. S. 355–395.

Scandinavian finds of the Great Migration Period from Bolshoy Tyuters Island

M. M. Kazanski⁵

Keywords: Great Migration Period, Tyuters Island, Scandinavian objects.

This work is devoted to the traces of the presence of Scandinavians at the eastern area of the Gulf of Finland during the later phase of the Great Migration Period. Penetration by the Scandinavians of the eastern area of the Gulf of Finland, from where the system of riverine routes in East Europe begins, is recorded archaeologically since the first half of the 6th cen. Firstly, notable are finds from the island of Bolshoy Tyuters (Tytärsaari) which held an important strategic position on communications of the Gulf of Finland.

These finds include primarily a silver symmetric fibula in the first Germanic animal style. It belongs to a rather considerable series of the first variant relief “equal-arm” clasps from the Great Migration Period with elongated tongue-like plates rounded at the ends and with the maximum expansion near the bow. These artefacts are dating from the period within the first half — middle of the 6th cen. The equal-arm fibulae are widely distributed in Svealand, Norrland and Ostrobothnia. They are particularly concentrated in Middle Sweden and in the southern part of Norrland. The widely known workshops of Helgö in Middle Sweden were possibly the place of their manufacture.

The other artefacts found on Tyuters — buckles, mounts and a three-part bronze element of belt fittings in the first animal style, also belong to the Scandinavian tradition having parallels in Middle Sweden.

In the opinion of some researchers, the Scandinavian objects demonstrate that Bolshoy Tyuters during the Great Migration Period, not later than the first half of the 6th cen., became a base of merchants or pirates, possibly of Scandinavian origin. However, also another interpretation of the finds from Tyuters has been proposed. It is of significance that in Kaunismäki, handmade pottery has been found of the Finnish type usual both for Estonia and Finland in the Bronze and Iron Ages. These finds suggest a Baltic-Finnic character of the insular population being at variance with the latter's Scandinavian provenance. Anyway, the appearance of Scandinavian objects on Bolshoy Tyuters indicates contacts between Scandinavia and the eastern part of the Gulf of Finland where the water routes via the northern region of East Europe began. It is apparently from that moment that we can speak about the Scandinavian presence on East-European riverine routes.

⁵ Michel Kazanski — Centre National de la Recherche Scientifique, UMR 8167 “Orient et Méditerranée”; 52, rue du cardinal Lemoine, 75005-Paris, France; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com.

Пермский орнитоморфный след в землях Восточно-Балтийского региона в эпоху средневековья¹

В. Н. Кузнецова²

Аннотация. В статье рассматриваются орнитоморфные изделия Прикамья, обнаруженные на территории Северо-Запада России и Финляндии: единичные находки блях пермского звериного стиля VIII–IX вв. и более массовые — полых подвесок X–XIII вв. Находки маркируют контакты между Восточно-Балтийским регионом и уральскими землями, а также симбиоз изобразительных традиций в эпоху средневековья. На основе импортных блях и подвесок возникли новые разновидности изделий.

Ключевые слова: орнитоморфные изделия, зооморфные подвески, пермский звериный стиль, Древняя Русь, финно-угры, импорт.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-75-85

На Северо-Западе Руси и на территории Фенноскандии были встречены разнообразные импортные изделия, характеризующие их связи с весьма удаленными землями. Материалы, маркирующие контакты с Прикамьем, представлены преимущественно украшениями и деталями костюма, среди которых особенно выделяются образцы зооморфной пластики (Кузнецова, Григорьева, 2017. С. 61, 62; Кузнецова, Стасюк, 2021. С. 228, 230). Биконьковые подвески, подвески-всадники включались в убор древнерусского населения, а также становились своего рода прототипами для создания новых разновидностей подвесок, в которых объединялись местные и инокультурные изобразительные традиции (Кузнецова, 2018б).

Наиболее редкими для восточно-балтийских земель являются образцы литья, традиционно считающегося культовым. Тем не менее находки блях так называемого пермского, или уралосибирского, звериного стиля были обнаружены

на Северо-Западе России и в Финляндии. Оригинальные импортные изделия, известные автору данной статьи на сегодняшний день, входят в состав собрания Национального музея Финляндии. В каждом из них так или иначе запечатлен орнитоморфный образ.

Одно из изделий — бляха, изображающая хищную птицу, — было обнаружено крестьянами в Старой Ладогге на берегу Волхова, «в том месте, где находится Земляное городище и его культурные слои оползают и размываются водой» (Кирпичников, Сакса, 2002. С. 137) (рис. 1, 1). В дальнейшем В. И. Равдоникас подарил изделие А. М. Тальгрону, который в свою очередь передал находку в Национальный музей Финляндии (*Там же*). Говорить о точной датировке как данного изделия, так и в целом многих произведений пермского звериного стиля довольно сложно. Наиболее близкие аналогии датируются VIII–X вв., среди них можно отметить находки из Усть-Сысольского уезда (Спицын, 1906. Рис. 436) и из дер. Большие Долды Чердынского уезда (Кулябина, 2013. Кат. 132; Спицын, 1906. Рис. 298).

Фрагмент изделия пермского звериного стиля происходит из Юпайоки Сааярви (Kivikoski, 1973. Abb. 596, s. 84)³. Изначально бляху венчали

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: valentkuznets@mail.ru.

© Кузнецова В. Н., 2023

³ KM7881:1 (URL: <https://www.finna.fi/Record/museovirasto.AB5F940AD2C9AFC4EB9185EFF4F43443?sid=2903848951>, дата обращения: 06.03.2023).

Рис. 1. Бляхи в пермском зверином стиле (без масштаба): 1 — Старая Ладога (Tallgren, 1931. Fig. 4); 2 — Усть-Сысольский уезд (Спицын, 1906. Рис. 436); 3, 5–7 — коллекция Теплоуховых, Пермский край (3 — дер. Большие Долды, ПКМ 19766, 102 × 86 мм (Кулябина, 2013. Кат. 132); 5 — дер. Корчя, ПКМ 19763, 52 × 104 мм (Там же. Кат. 128); 6 — Гайнский район, ПКМ 11302/1 (Там же. Кат. 127); 7 — дер. Красильниково, ПКМ 19761, 54 × 48 мм); 4 — Юпайоки Сааярви, КМ7881:1, 59 × 72 мм (URL: <https://www.finna.fi/Record/museovirasto.AB5F940AD2C9AFC4EB9185EFF4F43443?sid=2903848951>, дата обращения: 06.03.2023)

Fig. 1. Plaques in the Perm animal style (without scale): 1 — Staraya Ladoga (Tallgren, 1931. Fig. 4); 2 — Ust-Sysol Uyezd (Спицын, 1906. Рис. 436); 3, 5–7 — Teploukhovs' collection, Perm Kray (3 — village of Bolshiye Doldy, ПКМ (Perm Museum of Local Lore) 19766, 102 × 86 mm (Кулябина, 2013. Кат. 132); 5 — village of Korcheya, ПКМ 19763, 52 × 104 mm (Ibid. Кат. 128); 6 — Gaynsky District, ПКМ 11302/1 (Ibid. Кат. 127); 7 — Krasilnikovo village, ПКМ 19761, 54 × 48 m); 4 — Jupajoki Saajarvi, КМ7881:1, 59 × 72 mm (Available at: <https://www.finna.fi/Record/museovirasto.AB5F940AD2C9AFC4EB9185EFF4F43443?sid=2903848951>, accessed 06.03.2023)

три орнитоморфные головы, однако одна из них была утрачена. Исходя из иконографии урало-сибирского литья, даже по имеющемуся фрагменту можно заключить, что «птица» изображалась с распростертыми крыльями, а ее хвост имел трапециевидную форму. Аналогии для подобной композиции известны, впрочем, все они не являются абсолютно идентичными. Трехглавые птицевидные «идолы» представлены в коллекциях А. Е. и Ф. А. Теплоуховых и М. Н. Зеликмана. Одно из изделий, датированное в каталоге Н. В. Кулябиной VIII–IX вв., происходит из дер. Корчя, согласно современному административному делению относящейся к Кочевскому району Коми-Пермяцкого округа (Кулябина, 2013. Кат. 128). Другая находка VI–VIII вв., отмеченная также Э. Кивикоски в качестве аналогии (Kivikoski, 1973. Abb. 596, s. 84), была обнаружена в Верхнем Прикамье (в бывшем Чердынском уезде) (Кулябина, 2013. Кат. 125)⁴. Главным элементом сходства являются собственно три головы хищной птицы, все остальные элементы отличаются. Орнамент, заполняющий фон, представляет собой рельефные линии. Аналогичным образом решено оперение на птицевидных изображениях из деревень Большие Долды, Красильниково, Данино и на ряде других находок (Кулябина, 2013. Кат. 132–137, 144).

В контексте историографии любопытна встречающаяся в работах финских исследователей отсылка к греческому мифу о Ганимеде, похищенном орлом. Такая интерпретация, безусловно, некорректна, но примечательна с точки зрения истории науки: традиции, в рамках которых исследователи пытаются интерпретировать финно-угорские изделия через общеевропейский культурный код, тянутся с конца XIX в. Так, например, В. Н. Ястребов, описывая материалы мордовских могильников, приводил ряд аналогий из разных эпох, «начиная с классической и кончая современной», и, пытаясь «угадать смысловые соотношения форм, указать формы первичные и производные», делал неоднократно отсылку к античным материалам (Ястребов, 1893. С. 53).

Еще одна находка из собрания Национального музея Финляндии также представляет собой трехглавое птицевидное изображение, дополненное шумящими привесками трапециевидной формы (рис. 2, 1). На внутренней стороне показаны когти лап (вероятно, поджатых в полете) и

выделена петля для крепления (в центре фигуры). На крыльях и хвосте — массивные рельефные линии с насечками, расположенные таким образом, что на спине получается подквадратная фигура. Изделие было найдено в 2015 г. на острове Похдонсаари в муниципалитете Весилахти. К сожалению, находка является бесконтекстной и была обнаружена в результате металлопоиска⁵.

Наиболее близкая аналогия происходит из Удмуртии — из Кузьминского могильника (Иванова, 1992. Рис. 14, 1; 54, 4) (рис. 2, 2). Важно, что данная находка имеет наиболее обоснованную датировку, так как происходит из захоронения. М. Г. Иванова отмечала, что «по инвентарю погребения и <...> расположению на плане» погребальный комплекс может относиться к XI — началу XII в. (Там же. С. 44).

Нельзя не обратить внимание на ряд существенных отличий между двумя изделиями. Так, удмуртский экземпляр представляет собой изображение одноглавого (а не трехглавого) орнитоморфного существа с распростертыми крыльями. На находке из Финляндии шумящие привески закреплены в отверстиях, расположенных на крыльях и хвосте, а на изделии из Удмуртии — в петлях, расположенных на крыльях и хвосте. Привески на находке из Кузьминского могильника пятипалые. Аналогичные детали часто дополняют разнообразные шумящие украшения Северо-Восточной Руси (Кузнецова, 2018а. С. 14, 16; 2020. Рис. 3, 7, 9) (рис. 2, 9).

Говоря о параллелях с другими разновидностями металлопластики, стоит обратить внимание на орнамент изделий. Корпусы трехглавой птицы из Похдонсаари и одноглавой из Кузьминского могильника покрыты массивными рельефными поясками с насечками. Аналогичный декоративный прием встречается и на других украшениях родановской и чепецкой культур (Спицын, 1902. Табл. X, 1–4, 6, 7, 9, 10, 23, 25). Однако в XII–XIII вв. в древнерусской металлопластике также получают распространение подвески, обильно декорированные жгутами с насечками. Очевидно, что данная тенденция является общей для лесной зоны Восточной Европы, хоть и проявляется на изделиях, отличающихся региональным своеобразием (рис. 2, 8, 9). Не обошла она и поздние образцы пермского звериного стиля.

⁴ Безусловно, два отмеченных изделия — отнюдь не единственные трехглавые аналогии, ряд изделий, к сожалению, происходит из частных коллекций.

⁵ KM40913:1 (URL: <https://www.finna.fi/Record/museovirasto.F0EA003C2E2951F394B5111CB6C75AD9?imgid=1>, дата обращения: 06.03.2023).

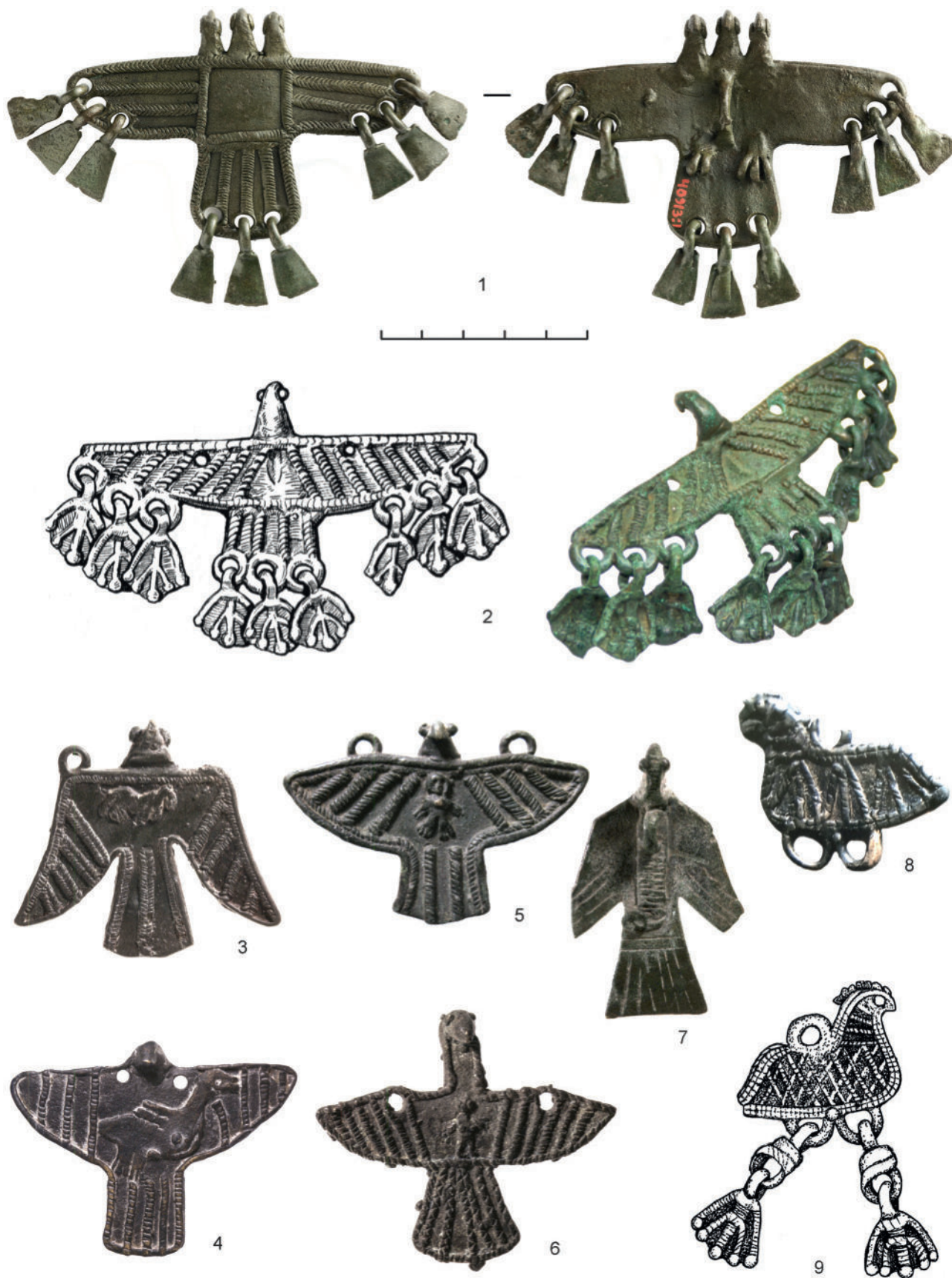

Рис. 2. Орнитоморфные подвески: находка с острова Похдонсаари и композиционные и орнаментальные аналогии: 1 — Похдонсаари, КМ40913:1, 63 × 92 × 11 мм (URL: <https://www.finna.fi/Record/museovirasto.F0EA003C2E2951F394B5111CB6C75AD9?imgid=1>, дата обращения: 06.03.2023); 2 — Кузьминский могильник, погребение 133 (Иванова, 1992. Рис. 14, 1) (URL: <https://иднакар.рф/rubriki/otkrytyj-eksponat/ptitsevidnaya-podveska/>, дата обращения: 06.03.2023); 3–7 — коллекция Теплоуховых, Пермский край (3 — дер. Галюкова, ПКМ 19770, 46 × 53 мм (Кулябина, 2013. Кат. 142); 4 — дер. Базуево, ПКМ 11355/8, 44 × 59 мм (Там же. Кат. 143); 5, 6 — Гайнский район: 5 — ПКМ 11302/5, 42 × 66 мм; 6 — ПКМ 11302/4, 49 × 59 (Там же. Кат. 138, 139); 7 — дер. Харино (Там же. Кат. 128)); 8 — Софпорог (Кочкуркина, 2017. Рис. 68, 1); 9 — Гоменка (КМЗ КОК-15467/10, рисунок В. Н. Кузнецовой). 1, 3–7 — без масштаба

Fig. 2. Ornitomorphic pendants: finds from Pohdonsaari Island and their compositional and ornamentation parallels: 1 — Pohdonsaari, КМ40913:1, 63 × 92 × 11 мм (Available at: <https://www.finna.fi/Record/museovirasto.F0EA003C2E2951F394B5111CB6C75AD9?imgid=1>, accessed 06.03.2023); 2 — Kuzminsky cemetery 133 (Иванова, 1992. Рис. 14, 1) (Available at: <https://иднакар.рф/rubriki/otkrytyj-eksponat/ptitsevidnaya-podveska/>, accessed 06.03.2023); 3–7 — Teploukhovs' collection, Perm Krai (3 — Galyukova village, ПКМ 19770, 46 × 53 mm (Кулябина, 2013. Кат. 142); 4 — village of Bazuyevo, ПКМ 11355/8, 44 × 59 mm (Ibid. Кат. 143); 5, 6 — Gaynsky District: 5 — ПКМ 11302/5, 42 × 66 mm; 6 — ПКМ 11302/4, 49 × 59 (Ibid. Кат. 138, 139); 7 — Kharino village (Ibid. Кат. 128)); 8 — Sofporog (Кочкуркина, 2017. Рис. 68, 1); 9 — Gomenka (КМЗ (Kostroma Museum Reserve) КОК-15467/10, drawing by V. N. Kuznetsova). 1, 3–7 — without scale

Помимо наиболее близкой аналогии из Кузьминского могильника можно отметить целый ряд изделий с территории Верхнего Прикамья, в той или иной степени схожих с находкой из Похдонсаари (рис. 2, 3–6). Впрочем, все они также представляют собой одноглавые фигуры. Общей чертой являются схематичные головы с глазами, переданными округлыми выступами. Насечка «елочка», представленная на жгутах находки из Финляндии, также присутствует на изделии из дер. Галюкова (Кулябина, 2013. Кат. 142). В основном изображения летящих птиц оснащены парными отверстиями или петлями для подвешивания, которые располагаются на крыльях изделий. На изделии из дер. Харино петля расположена на спине изделия (Там же. Кат. 148) (рис. 2, 7). Аналогии расположению петли на груди, как на изделии с Похдонсаари, автору данной статьи на сегодняшний день неизвестны.

Важной особенностью является и то, как ориентировано изображение. Большинство орнитоморфных блях пермского звериного стиля обращены к условному зрителю грудью. Некоторые поздние изображения XI–XII вв., в частности изделия из Похдонсаари и Кузьминского могильника, обращены к нам спиной — фактически средневековый литейщик предлагает взгляд сверху на летящую птицу.

Это же композиционное решение представлено в двух уникальных на сегодняшний день находках, в которых, несомненно, читается «пермская» вуаль. Обе находки являются случайными (рис. 3). Первая была обнаружена в 1893 г.

в Ухтуа и находится в собрании Национального музея Финляндии⁶ (Ruohonen, 2010. S. 85; Suomen..., 1982. S. 59). Другое изделие происходит с территории Карельского перешейка и входит в состав коллекций Выборгского музея-заповедника (Сокровища..., 2022. С. 122, 123)⁷.

Специфические черты — практически плоскостное туловище и объемная голова — дают серьезные основания связывать изображения с традициями урало-сибирской металлопластики. Однако орнаментальное решение изделия вызывает ассоциации с северо-западными украшениями.

Птица из Ухтуа неоднократно публиковалась. Еще в первой половине XX в. на нее обратили внимание видные исследователи североευропейских древностей Д. Европеус, К. А. Нордман и А. М. Тальгрэн, которые отмечали синкретичный облик находки. Глядя на необычное для уральских земель оформление, К. А. Нордман отмечал, что растительный орнамент хвоста мог возникнуть только в карельских землях, с которыми он связывал происхождение и самого изделия (Tallgren, 1928. P. 82; 1931. P. 113). А. М. Тальгрэн считал, что для искусства пермского звериного стиля чужда детализация в передаче «натуры» и характерно весьма замысловатое формообразование.

⁶ КМ8767:1 (URL: <https://www.finna.fi/Record/museovirasto.D3945FB02C7A97ED6FE494F66013D333>, дата обращения: 06.03.2023).

⁷ Номер в Гос. каталоге 38540082. ВЗ КП-15150 А-583 (URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=38763195>, дата обращения: 06.03.2023).

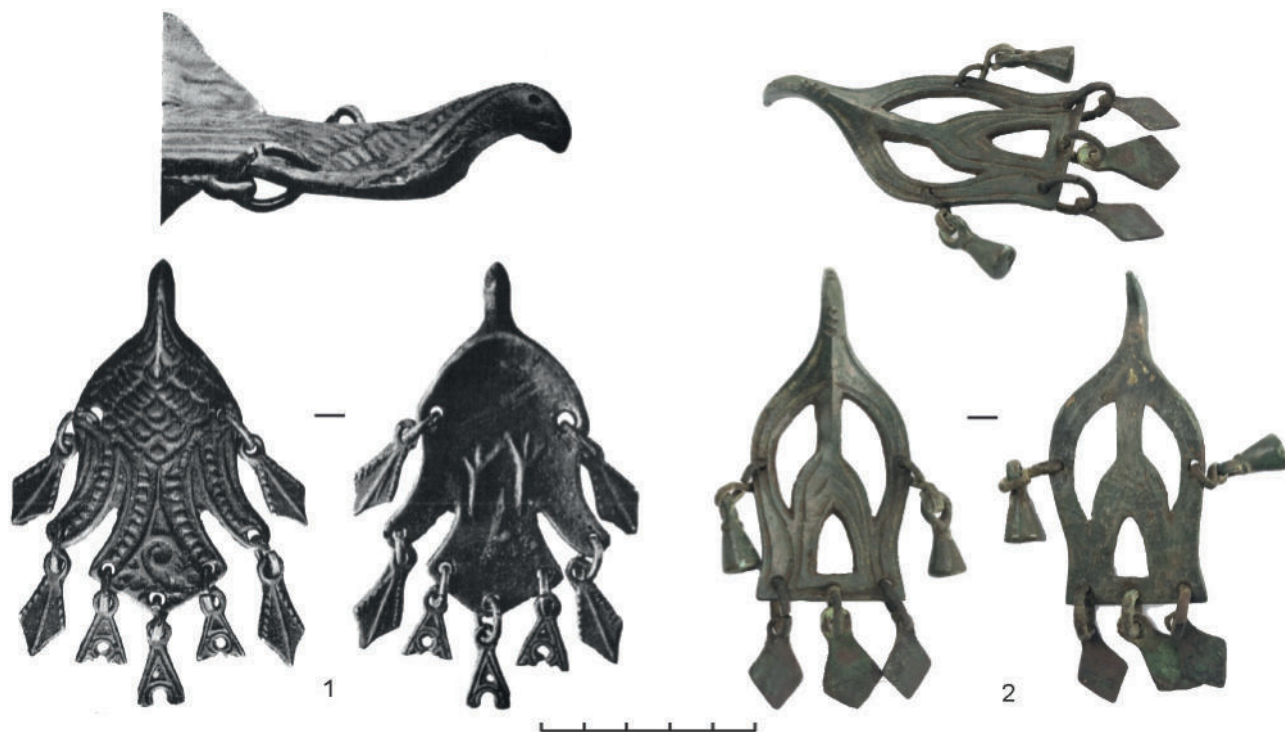

Рис. 3. Орнитоморфные бляхи: 1 — Ухтуа (Tallgren, 1931. Fig. 3); 2 — Карельский перешеек (105 × 50 × 25 мм). Номер в Гос. каталоге 38540082. ВЗ КП-15150 А-583 (URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=38763195>, дата обращения: 06.03.2023)

Fig. 3. Ornithomorphic plaques: 1 — Uhtua (Tallgren, 1931. Fig. 3); 2 — Karelian Isthmus (105 × 50 × 25 mm). Number in Public Catalogue 38540082. ВЗ КП-15150 А-583 (Available at: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=38763195>, accessed 06.03.2023)

На примере птицы из Ухтуа он отмечал, что пермские мотивы оказываются очень устойчивыми и узнаваемыми даже при том, что при копировании местный мастер дополнил изделие натуралистичными чертами⁸ (Tallgren, 1928. P. 82). Продолжая тему «натуралистичности», отмечу, что финскими исследователями птица из Ухтуа была интерпретирована как изображение самки глухаря (Ruohonen, 2010. S. 85). Кроме того, ее изображения в качестве эмблемы используют общественные организации Северной Карелии, а публикации о находке встречаются в газетах и журналах, освещающих и популяризирующих различные аспекты карельской и финской культур (Ahava, 2008; Wessman, 2009).

Говоря о сходстве орнаментального решения птицы из Ухтуа и западно-финских изделий, стоит

⁸ Копируя какой-нибудь пермский мотив даже в самых отдаленных северных глухих местах, где искусство охотника всегда было натуралистичным, мастер придавал, скажем, схематичной птице с распростертыми крыльями черты, которые были совершенно натуралистичными (перевод автора) (Tallgren, 1928. P. 82).

отметить, что различные завитковые и полукруглые элементы, которыми передано «оперение», встречаются в декоре овально-выпуклых фибул, копоушек, рукоятей и наверший (см.: Kivikoski, 1973. Abb. 1056, 1057, 1061, 1063, 1064, 1213, 1215, 1224, 1226). Примечательно, что аналогии есть и у шумящих привесок, которые дополняют орнитоморфное изображение, — подобные шумящие детали встречаются, например, на Ф-образных пронизках (Kivikoski, 1973. Abb. 1118; Кочкуркина, 2017. Рис. 30, 1).

Птица из собрания Выборгского музея-заповедника оформлена более лаконично. Впрочем, наполнение прикамской формы северо-западными изобразительными приемами здесь представлено не менее выразительно. В отличие от уже рассмотренных изделий, данное украшение выполнено в иной стилистической манере — это ажурная бляха, на корпусе которой расположены три отверстия: два изогнутых сегментовидных по бокам в области крыльев, одно подтреугольное в нижней части пластины в области хвоста.

Ажурный корпус с фигурными прорезями, изображающими крылья или же просто

декоративными, — характерная особенность северо-западных зооморфных изделий (Рябинин, 1981. Табл. I–II), равно как и заглубленные линии, подчеркивающие пластику украшений (Кузнецова, 2017. С. 292, рис. 1, 20).

Оба предмета олицетворяют собой симбиоз изобразительных традиций; вероятно, они были изготовлены на Северо-Западе (возможно, на территории Карелии) по мотивам импортных пермских изделий⁹.

Еще одна находка, также связанная с уральским импульсом, происходит из Великого Новгорода (рис. 4, 1)¹⁰. Небольшая орнитоморфная фигура с плоским корпусом и скульптурной головой входит в состав коллекции, полученной в результате исследований на Михаило-Архангельском раскопе. В Государственном каталоге музейного фонда РФ обозначена широкая дата: XI–XIV вв. Интересным фактом является то, что на этом раскопе была найдена берестяная грамота № 724, датируемая 1161–1167 гг., автором которой являлся Савва, отвечавший за сбор дани на севере новгородских владений. Эта грамота часто приводится как свидетельство взаимодействия Новгорода и Югры и борьбы новгородцев за богатые северные ресурсы (Археология..., 2018. С. 52, 160, 161, 192, 362).

На находке из Михаило-Архангельского раскопа отсутствует орнамент, раскинутые крылья и хвост имеют подтреугольную форму. В центре корпуса находится отверстие для крепления. За счет нарочитого схематизма и отсутствия иных атрибутов прикамской изобразительной традиции — кроме собственно композиции — можно было бы принять изделие за выполненное на Северо-Западе подражание уральской металлопластике. Однако среди прикамских материалов имеются весьма близкие аналогии находке. Наиболее схожее изделие происходит из собрания А. Е. и Ф. А. Теплоуховых (Кулябина, 2013. Кат. 147) (рис. 4, 2). Аналогичным схематизмом отличается находка из дер. Усть-Чикурья (Там же. Кат. 149), с той лишь разницей, что это украшение дополнено шумящими привесками. Особенностью уральских изделий по сравнению с новгородской

Рис. 4. Орнитоморфные подвески: 1 — Новгород (НГМ 40961/987 А-164/987. Номер в Гос. каталоге 7376130 НГМ КП 40961/987. А-164/987 (URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7515917>, дата обращения: 06.03.2023); 2 — коллекция Теплоуховых, Верхнее Прикамье. ПКМ 21125/21 (Кулябина, 2013. Кат. 143)

Fig. 4. Ornithomorphic pendants: 1 — Novgorod (НГМ 40961/987 А-164/987. Number in Public Catalogue 7376130 НГМ КП 40961/987. А-164/987 (Available at: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7515917>, accessed 06.03.2023); 2 — Teploukhovs' collection, Upper Kama region. ПКМ 21125/21 (Кулябина, 2013. Cat. 143)

находкой является то, что у них на корпусе располагаются два отверстия для крепления.

Помимо уникальных несерийных изделий уральская орнитоморфная пластика на древнерусских землях известна в форме украшений — полых подвесок. Ранее в работе в соавторстве с И. В. Стасюком мы отмечали находку-«уточку» из памятника Илекса V в Карелии (Кузнецова, Стасюк, 2021. С. 228), датированного С. И. Кочкуркиной X–XI вв. по фрагментам лепной керамики (Кочкуркина, 2017. С. 93, рис. 66, 1) (рис. 5, 1). Орнамент в виде углубленных насечек на корпусе, длинный нос, форма звеньев свидетельствуют о том, что изделие относится к прикамской традиции. Ближайшие аналогии изображению происходят из дер. Мальцева (Спицын, 1902. Табл. VI, 5), Висимского, Плесинского (Голдина, 1985. С. 231, табл. XXIII, 12), Урьинского (Голдина, 1970. Табл. 51, 17) могильников и в целом датируются IX в. Аналогичное изделие было найдено на Верхней Волге в постройке XIII Поповского городища на р. Унже (Леонтьев, 1989. С. 82, рис. 19, 1) (рис. 5, 2–5).

⁹ Возможно, аналогичную контаминацию /похожее смешение/ изобразительных традиций также иллюстрирует находка из Вологодской губернии, однако она известна автору статьи лишь по схематичному рисунку в публикации А. М. Таллгрена (Tallgren, 1931. Fig. 5).

¹⁰ Номер в Гос. каталоге 7376130. НГМ КП 40961/987. А-164/987 (URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7515917>, дата обращения: 06.03.2023).

Рис. 5. Полые орнитоморфные подвески: 1 — Илекса (Археологический музей ИЯЛИ Карельского НЦ РАН 1060/2113); 2 — Поповское городище (Леонтьев, 1989. Рис. 19, 1); 3 — дер. Мальцева (Спицын, 1902. Табл. VI, 5); 4 — Плесинский могильник (Голдина, 1985. С. 231, табл. XXIII, 12); 5 — Урынский могильник (Голдина, 1970. Табл. 51, 17); 6 — Карлуха (Рябинин, 1981. Табл. XVIII, 1); 7 — Новгород (Покровская, Тянина, 2019. Рис. 1, 1); 8 — Шангеничи-лес (Кочкуркина, Сумманен, 2021. Рис. 25, 8); 9 — дер. Иванчино (Спицын, 1902. Табл. VI, 18); 10 — могильник Амбор (Кулябина, 2013. Кат. 163); 11 — могильник Степаново Плотбище (Там же. Кат. 1643); 12 — могильник Вар-Кур (Турова, 2020. Рис. 1, 12)

Fig. 5. Hollow Ornitomorphic pendants: 1 — Ilekxa (Archaeological Museum of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Scientific Centre RAS 1060/2113); 2 — hillfort of Popovskoye (Леонтьев, 1989. Рис. 19, 1); 3 — Maltseva village (Спицын, 1902. Табл. VI, 5); 4 — Plesinsky burial ground (Голдина, 1985. С. 231, табл. XXIII, 12); 5 — Uryinsky burial ground (Голдина, 1970. Табл. 51, 17); 6 — Karlukha (Рябинин, 1981. Табл. XVIII, 1); 7 — Novgorod (Покровская, Тянина, 2019. Рис. 1, 1); 8 — Shangenichi-les (Кочкуркина, Сумманен, 2021. Рис. 25, 8); 9 — village of Ivanchino (Спицын, 1902. Табл. VI, 18); 10 — cemetery of Ambor (Кулябина, 2013. Кат. 163); 11 — burial ground of Stepanovo Plotbishche (Ibid. Кат. 1643); 12 — burial ground of Var-Kur (Турова, 2020. Рис. 1, 12)

В рамках изучения уральских орнитоморфных изделий стоит остановиться и на полых подвесках с приземистым удлинненным туловищем и небольшой крючковатой головкой (рис. 5, 6–12). Хронологические рамки бытования данного типа украшений определяются второй половиной X — началом XI в. Долгое время считалось, что основным ареалом его распространения являлось Юго-Восточное Приладожье. В монографии 1981 г. Е. А. Рябинин отмечал, что «из 20 амулетов, зафиксированных в северорусских землях, 18 найдено в Юго-Восточном Приладожье, один — в Северном Прионежье и один — в Новгороде... За пределами рассматриваемой территории аналогичное изделие обнаружено в Верхнем Прикамье» (Рябинин, 1981. С. 34–36). Автор данной статьи также ранее полагала, что находки приземистых «уточек» в Прикамье являются импортами с территории Северо-Запада Руси. Однако на сегодняшний день возросло количество находок на Северо-Западе¹¹ и

¹¹ В числе не вошедших в монографию Е. А. Рябинина можно отметить подвески из могильника Шугозеро (номера по Гос. каталогу: URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections>, дата обращения: 13.02.2023):

Северо-Востоке Древней Руси¹². Отдельные экземпляры встречены на территории Казанского Поволжья, Поветлужья (Никитина, 2017. Рис. 2, 1–3, 6), бассейна р. Чепцы¹³. В Пермском Предуралье известна уже не одна находка, происходящая из коллекции А. Е. и Ф. А. Теплоуховых: подобные изделия были обнаружены в могильниках Рождественском, Степаново Плотбище и Амбор (Кузнецова, 2018в. С. 185, 186). Кроме того, аналогичные подвески-«уточка» зафиксированы в памятниках Печорского Приуралья (Мурыгин,

10838169. ТМ КП-3092/58; 10838211. ТМ КП-3092/59; 10641153. ТМ КП-3091/213; 10641156. ТМ КП-3091/211; 10641100. ТМ КП-3091/209; 10641155. ТМ КП-3091/210; 10641162. ТМ КП-3091/212.

¹² Приземистые «уточка» найдены в Ярославском и Костромском Поволжье, в бассейне Шексны (номера по Гос. каталогу: URL: <http://goskatalog.ru/portal/#/collections>, дата обращения: 13.02.2023): 11534502. РБМ-31915. А-6222; 25808521. КМЗ ОФ-2662/10; 10557780. ЧерМО-14034/65.

¹³ Номер в Гос. каталоге 28696661. МЗИ-120/380. А-30/380 (URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=28858151>, дата обращения: 06.03.2023).

1992. Рис. 42, 1), Юганского Приобья (Семенова, 2001. Табл. 48, 3) и Тюменского Притоболья (Турова, 2020. С. 212, рис. 1, 12).

Хотя количественно находки Волго-Камья и Западной Сибири не превосходят материалы Приладожья, все же вопрос о происхождении этой формы украшений на сегодняшний день представляется спорным. На восточных землях не были найдены иные разновидности ранней древнерусской зооморфной металлопластики — пластинчатые «олени/лоси» и «уточки» (см.: Рябинин, 1981. Табл. I, 1–9; X, 3–8), в то время как на Северо-Западе Древней Руси были выявлены различные зооморфные украшения Прикамья наряду с другими категориями ювелирных изделий (Кузнецова, Стасюк, 2021). Вполне допустимо рассматривать полые подвески в форме приземистых водоплавающих птиц в качестве импортов с территории Приуралья вместе с биконьковыми украшениями и подвесками-всадниками, появление которых на территории Древней Руси простимулировало возникновение новых разновидностей металлопластики (Кузнецова, 2018б).

В дальнейшем полые зооморфные подвески на Руси становятся более вариативными, в отношении как декора корпуса, так и запечатленного образа (Кузнецова, 2018в. С. 186, 187).

Полые прикамские подвески более позднего периода, XI–XIII вв., также встречены на территории Северо-Запада Древней Руси. Их отличают массивный декор, включающий обилие жгутов с насечками, и размещение привесок на щитковых звеньях на переднем крае корпуса. Подобные изделия были найдены в Новгороде и в кургане у дер. Дубровно (Кузнецова, Стасюк, 2021. С. 234).

В археологических памятниках Северо-Запада России и Финляндии представлены различные формы уральской орнитоморфной металлопластики: как единичные бляхи пермского звериного стиля VIII–IX вв., так и более массовые находки полых подвесок второй половины X — XIII в. Все эти украшения не только маркируют контакты между Восточно-Балтийским регионом и уральскими землями, но и отражают симбиоз изобразительных традиций.

Археология..., 2018 — Археология Севера России: Югра — волость Новгорода Великого в XI–XV вв. Свод источников и исследований: Сб. материалов Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Сургут; 1–5 октября 2018 г.). В 2 ч. / Отв. ред. В. А. Лапшин. Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2018. Ч. I. 500 с.

Голдина, 1970 — Голдина Р. Д. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // Вопросы археологии Урала. 1970. Вып. 9. С. 57–112.

Голдина, 1985 — Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. 280 с.

Иванова, 1992 — Иванова М. Г. Погребальные памятники северных удмуртов. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, 1992. 184 с.

Кирпичников, Сакса, 2002 — Кирпичников А. Н., Сакса А. И. Финское население в составе северорусских средневековых городов // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси / Отв. ред. Е. Н. Носов, Г. И. Смирнова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 134–144.

Кочуркина, 2017 — Кочуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. 280 с.

Кочуркина, Сумманен, 2021 — Кочуркина С. И., Сумманен И. М. Средневековые древности: Ката-

лог археологических коллекций ИЯЛИ Карельского НЦ РАН (памятники Юго-Восточного Приладожья, бассейнов Онежского озера и Белого моря). Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2021. 296 с.

Кузнецова, 2017 — Кузнецова В. Н. Прибалтийский компонент в зооморфных украшениях Древней Руси // АИППЗ. М.: ИА РАН, 2018. Вып. 32. С. 287–295.

Кузнецова, 2018а — Кузнецова В. Н. Зооморфные подвески Верхнего Поволжья первой трети II тыс. н. э. // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 2018. Вып. 11. С. 12–22.

Кузнецова, 2018б — Кузнецова В. Н. Изобразительные традиции Севера Руси и Прикамья в зооморфных подвесках XI–XIII веков // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2018. Вып. 8. С. 610–621.

Кузнецова, 2018в — Кузнецова В. Н. Полые орнитоморфные подвески лесной зоны Восточной Европы X–XIII вв. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь: ПГГПУ, 2018. Вып. XIV: Средневековая археология Евразии: от Ямала до Карпат: Сб. науч. трудов к 60-летию юбилею А. М. Белавина. С. 183–198.

Кузнецова, 2020 — Кузнецова В. Н. Находки редких разновидностей «цеперазделителей» с территории Севера Руси и Волго-Камья // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. 2020. Вып. 13. С. 54–62.

- Кузнецова, Григорьева, 2017 — Кузнецова В. Н., Григорьева Н. В. Украшения Волго-Камья на Северо-Западе Руси // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь: ПГГПУ, 2017. Вып. XII: Средневековая археология Евразии: от Камы до Дуная: Сб. науч. трудов к 50-летию юбилею Н. Б. Крыласовой. С. 60–73.
- Кузнецова, Стасюк, 2021 — Кузнецова В. Н., Стасюк И. В. Средневековые ювелирные изделия Волго-Камья на территории Восточно-Балтийского региона // АВ. 2021. Вып. 31. С. 227–251.
- Кулябина, 2013 — Кулябина Н. В. Наследие камской чуди из собрания Пермского краеведческого музея. Пермский звериный стиль: Каталог / Под ред. Г. Н. Чагина. Пермь: Пермский краеведческий музей, 2013. 268 с.
- Леонтьев, 1989 — Леонтьев А. Е. Поповское городище (результаты раскопок 1980–1984) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья (материалы работ Волго-Окской экспедиции) / Отв. ред. В. В. Седов. М.: ИА РАН, 1989. С. 5–105.
- Мурыгин, 1992 — Мурыгин А. М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М.: Наука, 1992. 182 с.
- Никитина, 2017 — Никитина Т. Б. Орнитоморфные изделия и изображения в погребально-поминальном инвентаре могильников Ветлужско-Вятского междуречья // Stratum Plus. 2017. № 5: «Сумма технологий». По наставлениям пресвитера Теофила. С. 289–306.
- Покровская, Тянина, 2019 — Покровская Л. В., Тянина Е. А. Полые зооморфные привески Средневекового Новгорода // РА. 2019. № 1. С. 146–160.
- Рябинин, 1981 — Рябинин Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука, 1981 (САИ; Вып. Е1-60). 124 с.
- Семенова, 2001 — Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.
- Сокровища..., 2022 — Сокровища земли карельской: Каталог выставки / Сост. С. В. Бельский, М. С. Светоч; под ред. А. В. Мельнова. Выборг: Выборгский объединенный музей-заповедник; ИИМК РАН, 2022. 240 с.
- Спицын, 1902 — Спицын А. А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1902 (МАР; № 26). 70 с.
- Спицын, 1906 — Спицын А. А. Шаманские изображения // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1906. Т. VIII, вып. 1. С. 29–145.
- Турова, 2020 — Турова Н. П. Орнитоморфные изображения в металлопластике средневекового могильника Вар-Кур // Сибирский сборник. 2020. Вып. 5. С. 210–218.
- Ястребов, 1893 — Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1893 (МАР; № 10). 63 с.
- Ahava, 2008 — Ahava P. Hongan Juurelta löytui Uhtuan lintu // Karjalan Seimo. 2008. № 9–10. S. 130–131.
- Kivikoski, 1973 — Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki: Weilin+Göös AB OY, 1973. 150 s., 147 taf.
- Ruuhonen, 2010 — Ruuhonen J. Juvan Lintu ja Muita Myöhäisrautakautisia Linturiipuksia // Aurinkopeura. 2010. 5 (Suomen Muinaistaideseura). S. 82–99.
- Suomen..., 1982 — Suomen ja maailman taide: 1. Suomen taide. Varhaiskaudet / Markku Valkonen, Olli Valkonen. Porvoo: Söderström, 1982. 271 s.
- Tallgren, 1928 — Tallgren A. M. Permian Studies // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1928. No. 3. P. 63–92.
- Tallgren, 1931 — Tallgren A. M. Biarmia // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1931. No. 6. P. 100–120.
- Wessman, 2009 — Wessman A. Uhtuanlinturiipus // Pirta: Kalevalaisten naisten liiton jäsenlehti. 2009. № 48 (3). S. 34.

The Perm ornitomorph trace in the lands of the East Baltic region of the Mediaeval Age

V. N. Kuznetsova¹⁴

Keywords: ornitomorph objects, zoomorphic pendants, Perm animal style, Early Rus', Finno-Ugrians, import.

In the area of the North-Western Russia and Finland, diverse objects have been encountered marking contacts with the Kama region. Among these artefacts, of special note are examples of zoomorphic plastic art, namely: single

¹⁴ Valentina N. Kuznetsova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: valentkuznets@mail.ru.

finds of plaques in the Perm animal style of the 8th–9th cen. and more numerous hollow pendants of the 10th–13th cen. These finds illustrate not only the connections between the East Baltic region and Ural areas but also a symbiosis of the visual arts traditions in the Mediaeval Age. Basing on imported plaques and pendants, new varieties of objects arose. The reconsidering of the ornitomorphic plaques manifested itself in the appearance of single unique objects. By now, two finds of this kind provenient from Uhtua on the Karelian Isthmus are known. Their specific features with the practically planar body and a relief head are serious grounds to connect their representations with the traditions of the Ural-Siberian metalloplastics. However the decorative design of the objects provokes associations also with North-Western ornaments.

The earliest variant of hollow pendants from the Kama region in North-Western Russia is represented by a find from the site of Ileksa V. It is worth to consider the hollow pendants with a squat elongated body and a rather small hooked head. The chronological frame of the use of this variety is defined as the second half of the 10th — early 11th cen. This variant was believed to have been concentrated in the South-Eastern Ladoga region. Now, the number of finds of this type has increased throughout the Volga-Kama region and West Siberia. Possibly, they turned to be found in Rus' as imports from the territory of the Urals along with the double-horse ornaments and pendants-riders. The form of the hollow pendants was adapted to the local north-western traditions and had served as the basis for the emergence of diverse Old-Russian hollow ornitomorphic ornaments.

Металлические нательные кресты с растительными мотивами в древнерусской культуре

А. Ю. Кононович¹

Аннотация. В работе анализируются древнерусские металлические нательные кресты, украшенные растительным мотивом в виде крина. Отобранные по этому признаку предметы разделены на группы, выделены типы по форме окончания лопастей. Также в статье представлены хронология рассматриваемых крестов, территория их распространения, археологический контекст наиболее информативных находок.

Ключевые слова: древняя Русь, нательные кресты, растительный декор, крин.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-86-97

Растительные, или флоральные, мотивы — основная тема узора в древнерусском декоративно-прикладном искусстве. Встречается такой декор и на предметах личного благочестия. В данной работе будут подробно рассмотрены нательные кресты с изображением крина. Исследователями выделяются разновидности растительных элементов в декоре: пальметта, акант, виноградная лоза и крин (Жилина, 2020. С. 37–41). В археологической литературе эти виды растительного узора смешиваются, а нательные кресты, лопасти которых напоминают формой растительные побеги, называются либо пальметтообразными, либо криновидными (Жилина, 2018. С. 34). Четкие критерии выделения и наименования типов таких изделий отсутствуют.

Крин, или лилия, по определению Н. В. Жилиной — простой мотив из трех-пяти лепестков, очерченных параллельно изгибающимися кривыми с возвышающимся центральным лепестком (Там же. С. 33). Как элемент узора крин происходит от изображения сирийской красной полевой лилии и распространяется в Византии к началу XI в. (Там же. С. 34).

Среди древнерусских нательных крестов с флоральными мотивами выделяются пластинчатые изделия с литым узором и ажурные прорезные с пальметтообразными лопастями. Последние здесь не будут анализироваться,

поскольку требуют отдельного специального исследования². Рассмотрим только пластинчатые кресты, декорированные растительным мотивом, которые по форме лопастей делятся на криноконечные, с треугольными завершениями лопастей, с формой лопастей в виде сердцевидной фигуры (или с сердцевидными медальонами на концах), овальноконечные. Эти разнотипные предметы объединены в одну группу на основе присутствия растительного мотива, тогда как другие признаки и технологические особенности варьируются. Они чаще других получают у исследователей не вполне корректную атрибуцию и потому требуют детального анализа, включая определение характера растительного декора и установление хронологических и территориальных рамок бытования, насколько это возможно.

Рассматриваемые в статье кресты — пластинчатые, с различными по форме расширяющимися лопастями, украшенные литой композицией, включающей изображение крина, дополненной в ряде случаев чернью или эмалью. Известны односторонние и двусторонние находки, изготовленные из сплавов на основе меди, исключительно редко встречаются отлитые из белого металла.

¹ Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: kononovich.a.u@gmail.com.

© Кононович А. Ю., 2023

² Имеются в виду ажурные кресты с пальметтообразными лопастями, встречающиеся в Карелии, Прибалтике, редко на территории древней Руси (Mugurevičs, 1974. Att. 1, 12–18; Purhonen, 1998. S. 81, kuva 85–89; Staecker, 1999. S. 115, 198, 558, karte 16, Typ 1.4.4; Мусин, 2002. С. 182, 183, рис. 111, 3, 4).

Кресты криноконечные (рис. 1, 1, 2)

Их расширяющиеся лопасти имеют форму крина с широким округлым центральным ростком и парными остролистными выступами по сторонам, которые образуют дуги в средокрестии. Размеры — 3,3 × 2,4 см. Односторонний узор выполнен углубленными линиями в литом рельефе, в центре помещено изображение креста, вписанного в ромб, и отходящие от него выпуклые прямоугольники и кружки, на концах ветвей — изображение крина, представленное в двух вариантах.

Вариант 1 (рис. 1, 1). Крин с вытянутой развитой центральной почкой и двумя отогнутыми боковыми листьями обращен вершиной к центру креста, от его основания отходят дополнительные боковые ответвления с раздвоенными листьями на концах, служащие крину своеобразным обрамлением и создающие тем самым незамкнутый медальон. Такая композиция очень напоминает процветший крест — декоративный элемент, часто встречающийся в произведениях христианского искусства. Близкой параллелью являются изображения на медальонах одной группы черневых древнерусских крестов-энколпионов (Пескова, Корзухина, 2003. С. 149, 150, кат. IV.4.1, табл. 89).

Вариант 2 (рис. 1, 2). Крин со скругленной слабо развитой центральной почкой и двумя сильно загнутыми боковыми листьями изображен на коротком изогнутом черешке, как бы вырастающем из основного стебля, который служит обрамлением всей композиции. В боковых медальонах крины направлены вершиной к центру креста, в нижнем — от центра, в верхнем — от центра и с небольшим отклонением вправо. В целом изображение представляет собой фрагмент орнаментальной полосы, построенной на основе вьющегося стебля, широко применявшегося во многих областях древнерусского искусства.

Находки крестов с изображениями крина обоих вариантов зафиксированы при раскопках поселений и могильников на обширной территории как на севере, так и на юге Древней Руси (учтено более 30 экз.). В кургане 300 у дер. Городище Владимирской области в ходе работ гр. Уварова кресты с разными вариантами крина были найдены в одном комплексе (по данным описи: ГИМ, Оп. В 57 а/391, а/392). Среди рассматриваемых находок абсолютно преобладают экземпляры, изготовленные из медных сплавов, у одного из них углубленные линии узора были заполнены чернью (Ханенко Б., Ханенко В., 1900. Табл. XXI, 243), у другого — инкрустированы серебром

(Византийский Херсон..., 1991. С. 184, № 195). Известен единственный экземпляр, отлитый из серебра, с частично сохранившейся чернью (Прищепа, 2011. С. 81, 86, рис. 89). Один крест, найденный на западном пограничье южнорусских земель, в летописном Червене (Польша), представлял собой грубую отливку, очевидно, незавершенное изделие со слившимися боковыми выступами лопастей (Czerwień..., 2012. Tabl. II.4.5).

Для датировки древнерусских крестов особенно важны находки из культурного слоя Великого Новгорода, где на сегодняшний день известны четыре таких креста, три из которых были обнаружены на Троицком раскопе в контексте усадеб в слоях второй половины XI — начала XII в. (Покровская и др., 2017. С. 470, 471, рис. 4, 1–3). В кургане 46 могильника Залахтовые такой крест входил в погребальный комплекс, отнесенный к XI в. (Хвоцинская, 2004. С. 77, 78). Два однотипных экземпляра были найдены в одном из самых ранних захоронений грунтового могильника Нефедьево, в погребении 24, датированном второй половиной XI — началом XII в. (Макаров, 1997. С. 152, табл. 131, 17, 18; 154, 12, 13). Весьма узкую дату имеет и серебряный с чернью крест из Дорогобужа на Волини, обнаруженный в яме LVI постройки 22, которую относят ко второму строительному горизонту конца X — третьей четверти XI в. (Прищепа, 2011. С. 80, 81, 207, рис. 89).

Более позднюю датировку имеет крест, найденный в Херсонесе, в застройке XIII в. квартала VIII в северной части города. Однако автор раскопок отмечает возможность существования на этом месте более ранних построек, уничтоженных застройкой следующего периода. Там же отмечается наличие керамических блюд XI–XII вв., что не исключает возможности и более ранней датировки креста (Наследие..., 2011. С. 245, 530, № 206; Рыжов, 2001. С. 290–292).

За пределами древнерусской территории девять экземпляров рассматриваемых предметов обнаружены в составе погребальных комплексов и на городищах Латвии, в низовьях Даугавы, семь из них проанализированы Э. С. Мугуревичем (Mugurevičs, 1974. L. 229, att. 2, 23). Ранние кресты, происходящие из могильника Долес Вмпениешу (Рижский район) и Талсинского городища, датированы XI–XII вв. Э. С. Мугуревич считал, что они привезены в регион с территории Руси по Днепру еще в XI в. и продолжали использоваться здесь в дальнейшем (*Ibid.* L. 229, att. 2, 23). Позднее стали известны еще два креста, происходящие из детских погребений могильника Огресгала

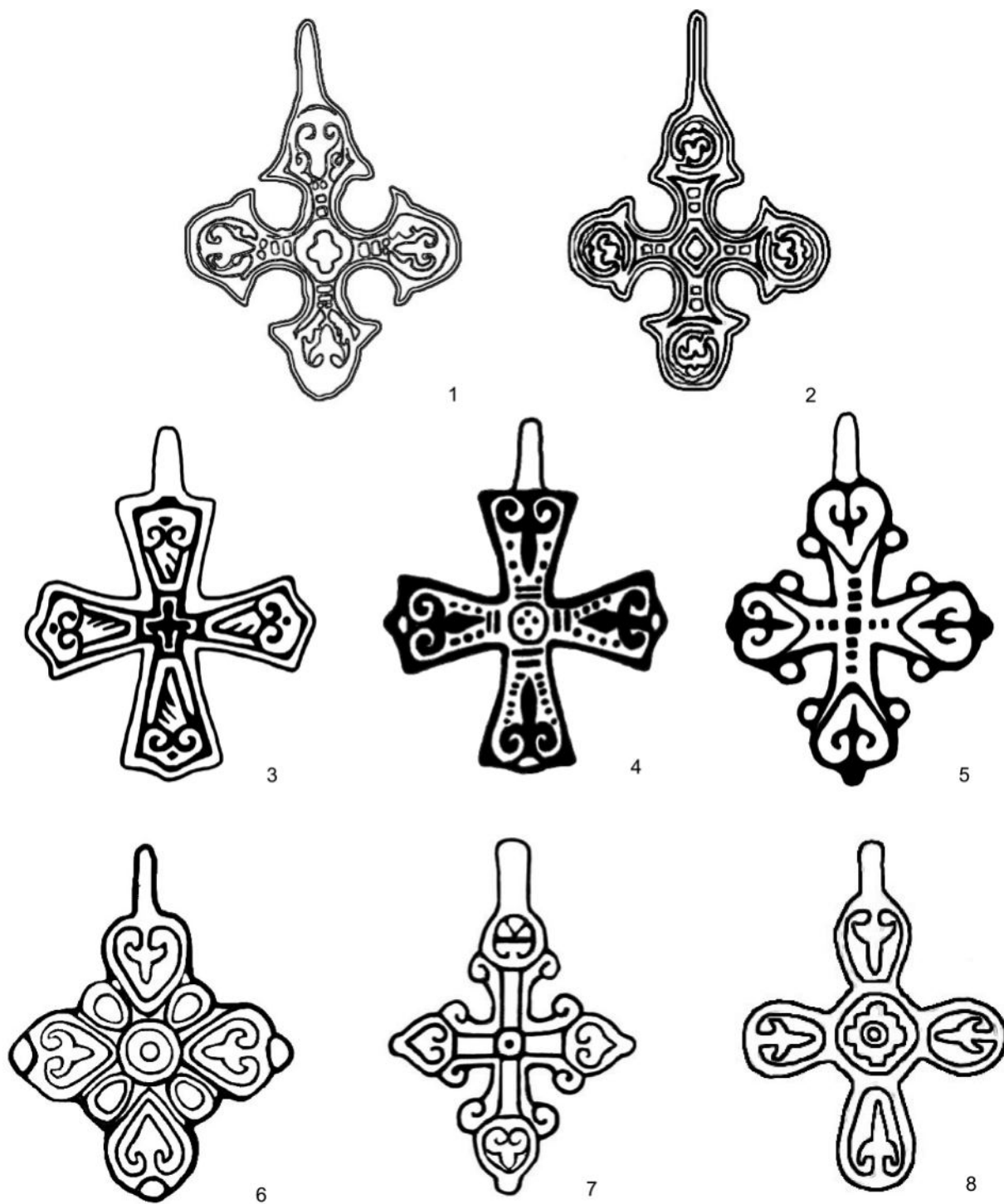

Рис. 1. Кресты с декором в виде крина (схема типовых форм и изображений): 1, 2 — криноконечные; 3, 4 — с треугольными окончаниями лопастей; 5–7 — с сердцевидными окончаниями лопастей; 8 — с овалоко-
нечными лопастями

Fig. 1. Crosses with a lily-shaped (*krin*) decoration (scheme of type forms and representations): 1, 2 — with lily-shaped ends; 3, 4 — with triangular ends of the arms; 5–7 — with heart-shaped ends of the arms; 8 — with oval ends of the arms

Чабас, сопровождающихся монетами первой половины XI в.; автор исследования относит такие находки к изделиям с растительным узором, распространенным у ливов (*Спиргис*, 2009. Рис. 11, 1; 2013. Рис. 1, 1; 2015. С. 288, 289)³.

Другое место локализации группы рассматриваемых изделий — Балкано-Дунайский регион. Пять древнеболгарских находок крестов (четыре из медных сплавов и один из сплава на основе серебра) происходят из Варны и средневековых некрополей в Силистре и Карасуре; Л. Дончева-Петкова относит их к типу 1.4.11 и датирует XII–XIII вв. (*Дончева-Петкова*, 2011. С. 196, 237–239, 477, 717, табл. СХСІ, № 1194–1198). На территории Румынии в нижнем течении Дуная один такой предмет обнаружен в крепости Диногедия (у с. Гарвэн) и относится к XI–XII вв. (*Barnea*, 1967. P. 357, 358, fig. 192, 5).

Таким образом, время начала бытования криноконечных крестов с изображением крина на Руси можно уверенно относить ко второй половине XI в., основное время распространения — к XI–XII вв., а аналогичные находки в Балкано-Дунайском регионе и на некоторых памятниках южных территорий Руси указывают на возможность их продолжительного бытования — вплоть до XIII в.

Кресты с треугольными окончаниями лопастей (рис. 1, 3, 4)

Такие находки имеют резко расширяющиеся лопасти с треугольными окончаниями и острые углы средокрестия, украшены в центре равноконечным крестом или круговой композицией, на лопастях — кринами усложненного рисунка, обращенными вершиной к центру изделия, углубленные линии декора в отдельных случаях заполнены чернью. Размеры — 3,8 × 3,1 см.

На древнерусской территории крестов с треугольными окончаниями лопастей, украшенных отчетливым мотивом крина и происходящих из археологических раскопок, пока найти не удалось. Но выявлено несколько находок такой же формы, на которых геометризованное изображение крина деформировано, но еще читается, как, например, на кресте из погребения 74 Деревяницкого могильника под Новгородом (рис. 2) и некоторых других (Меч и златник..., 2012. С. 124, № 338)⁴.

³ Благодарю Р. Спиргиса за консультацию и любезно предоставленную необходимую литературу.

⁴ Аналогичный крест был найден в Новгороде, но он не имеет привязки к стратиграфии (раскоп Нутный-IV, ГК № 25588024).

Рис. 2. Крест с треугольными окончаниями лопастей в составе комплекта подвесок к игольнику. Деревяницкий могильник, погребение 74 (Меч и златник..., 2012. № 338)

Fig. 2. Cross with triangular ends of the arms from the assemblage of pendants for a needle case. Derevyanitsy cemetery, burial 74 (Меч и златник ..., 2012. № 338)

Полное представление об изначальном их облике можно составить по предмету из раскопок поселения в Диногедии, отнесенному к первой половине XI в. (*Barnea*, 1967. P. 357, fig. 191, 17; 192, 4), кресту, найденному на территории древнего Снепорода в Полтавской области Украины (*Моргунов*, 2012. С. 249, рис. 137, 6 и фото на вкладке, без пагинации), а также по экземплярам из частных коллекций в России и Украине (*Кайль, Нечитайло*, 2006. № 592, 593 (оба с чернью); *Кутасов, Селезнев*, 2010. Кат. № 65, 66).

Кресты с геометризованным крином, происходящие из Новгородской земли, Верхневолжья (курганый могильник Избрижье) (*Степанова*, 2014. С. 288, рис. 1, 8) и Днепровского Левобережья (городище Липлява) (*Шинаков*, 1980. Табл. СХІV, 12)⁵, схожи размерами (max 3,7 × 3,0 см), но более грубого изготовления, без черни.

Для датировки рассматриваемых предметов важны находки, сделанные в Диногедии (первая половина XI в.) и Деревяницком могильнике.

⁵ Благодарю Е. А. Шинакова за возможность ознакомиться с диссертацией.

Крест из женского погребения 74 Деревяницкого могильника входил в многосоставной комплекс привесок к игольнику (Меч и златник..., 2012. С. 124, № 338) (рис. 2). В данном захоронении были найдены головной венчик из кожаной основы с ромбошитковыми и перстнеобразными височными кольцами, а в районе правого плеча погребенной находился игольник с подвешенными к нему фибулой, крестом и клыком, там же обнаружены золотостеклянные бусы и нож (Конецкий, 1984. С. 62, 67, 68, 219). Футляр для игл относится к горизонтальным, типу 1, по Голубевой, и датируется X–XI вв.; отмечается, что такой тип игольников пришел на территорию Руси из стран Прибалтики и Скандинавии (Голубева, 1978. С. 202). К нему подвешена подковообразная орнаментированная фибула с маковидными головками, которая датируется XI — началом XII в.; распространены такие фибулы в основном на территории Прибалтики (в Литве известно их наибольшее количество) (Хвоцинская, 2004. С. 81, 82). Все это позволяет определить возможное время бытования крестов подобного облика XI–XII вв.

Кресты с сердцевидным оформлением лопастей (рис. 1, 5–7)

Группа включает в себя изделия с сердцевидными медальонами в лопастях и с сердцевидными окончаниями. В публикациях те и другие рассматриваются то как самостоятельные типы, то обобщенно.

Кресты с вписанными в расширяющиеся лопасти сердцевидными медальонами (рис. 1, 5). Их лопасти имеют парные выступы — завитки по бокам и «капельки» на завершениях, геометрически острые углы средокрестия сглажены. Размеры — 3,2 × 2,6 см. Сердцевидные медальоны украшены трехлепестковым крином, обращенным вершиной к центру, средокрестие и частично ветви декорированы крестообразно расположенными выпуклыми прямоугольниками; контуры предмета подчеркнуты гладким рельефным бортиком. Известны кресты, выполненные как с применением эмали, так и без нее.

На территории древней Руси археологические находки этого типа немногочисленны, однако каталоги и сайты коллекционеров и кладоискателей изобилуют подобными предметами (Кайль, Нечитайло, 2006. № 180, 183; Кутасов, Селезнев, 2010. № 311–313; и др.). На данный момент учтено пять крестов. Первый, украшенный эмалью, — из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича 1890 г. в Таврической губернии (ГИМ, Оп. Б 114/3,

инв. № 25750). Второй, без эмали, был найден на месте распаханых курганов X–XII вв. у дер. Нисимковичи (Гомельская область, Беларусь) (Башков, 2011. С. 23, № 131, рис. 6, 7). Третий, с эмалью, входит в состав коллекции В. В. Тарновского в Черниговском историческом музее (Сытая, 2010. С. 418, рис. 5, 2). Еще один крест (четвертый), хранящийся в том же музее, что и предыдущий, возможно, происходит из раскопанного С. А. Гатцуком курганного могильника в Черниговской губернии (Черненко, 2007. С. 26, рис. 6, 12). Пятый найден на территории летописного Червена (около с. Чермно, Польша), конец X — XIII в. (Czerwień..., 2012. Tabl. II.4.6). Датированных находок среди них нет, поэтому судить об их хронологии и территории распространения на данном этапе не представляется возможным.

На сопредельной территории в нижнем течении Даугавы Э. С. Мугуревичем было учтено шесть аналогичных находок на поселениях и в погребальных комплексах XII–XIII вв., все без эмали (Mugurevičs, 1974. L. 221, att. 1, 9, 10)⁶. Отметим крест из детского погребения 493 на прицерковном кладбище в Икшкилес, который несет на себе явные следы брака, получившегося при отливке изделия. В состав погребального инвентаря входила монета-имитация Кельнского денария, отчеканенная в Вестфалии в XI или начале XII в. (Spīrģis, 2006. Att. 17, 1; Dūstane, 2015. P. 42).

Кресты с сердцевидными лопастями (рис. 1, 6). У таких предметов лопасти в виде сердцевидной фигуры с «капельками» на окончаниях, украшенные обращенными вершиной к центру кринами, примыкают непосредственно к круглому средокрестию. Размеры — 3,6 × 2,5 см. У большинства крестов между лопастями к средокрестию примыкают миндалевидные «лучи», известны также две находки упрощенной формы — без «лучей» в средокрестии. Контур подчеркнуты гладким рельефным бортиком, углубленный фон литого узора украшен эмалью или оставлен без эмали, встречаются как односторонние кресты, так и двусторонние.

На древнерусской территории выявлено 10 таких находок (пять из них учтены в статье В. А. Мальм: Мальм, 1968. С. 114, 115), которые небольшими группами локализуются в трех местах. В южнорусских землях известны на поселениях Среднего Поднепровья в Киевской губернии (?)

⁶ Места находок: Циемалде Капулауска (в среднем течении р. Лиелупе), Галгаускас Тицены, Икшкилес капсетас, Айзкраукле, Букмуйжас Нипери, Саласпилс Лаукскола (Mugurevičs, 1974. L. 221).

(Ханенко Б., Ханенко В., 1900. Табл. XXI, 244), у с. Липява в Полтавской губернии (ГК № 30435722), у с. Горица в Черниговском Полесье Украины (*Веремейчик*, 2010. С. 347, рис. 3, 8), а также в кургане у с. Казаричи Брянской области (*Спицын*, 1896. С. 99, Табл. III, 18). В верховьях Волги встречены в курганных древностях у с. Песочня Тверской губернии (*Гатиук*, 1904. С. 48), у дер. Обабково (Абабково) Ивановской области (*Рябинин*, 1986. С. 74, 75, табл. IV, 25) и на поселении Усть-Шексна Ярославской области (*Рыкунов, Рыкунова*, 2020. С. 170, рис. 4, 40); один крест хранится в Тверском областном государственном музее (ГК № 23390055). Упоминавшиеся выше две находки упрощенной формы без «лучей» (целый и фрагмент) обнаружены на северо-западе древней Руси в Лодейном Поле (Ленинградская область) (*Станюкович и др.*, 2003. С. 149, № 37) и на юго-востоке — в с. Лопушь Брянской области (*Новожеев, Брешков*, 2012. С. 20, рис. 12, 16), обе находки без контекста.

Исследователи датируют такие кресты по-разному, в основном домонгольским периодом, уточнить дату их появления на Руси позволяет находка, сделанная в кургане 63 у дер. Казаричи Брянской области (раскопки П. М. Еременко), где крест входил в состав погребального инвентаря вместе с дирхемом 913–914 гг. и предметами, бытование которых в основном приходится на XI — первую половину XII в. (бусы золотостеклянные, семилучевые височные кольца и др.) (*Спицын*, 1896. С. 93–95; *Равдина*, 1988. С. 66, 67).

На территории Латвии, по данным Э. С. Мугуревича, на поселениях и в погребальных комплексах XII–XIII вв. обнаружены пять аналогичных крестов, все без эмали (*Mugurevičs*, 1974. L. 221, att. 1, 8)⁷. В более поздней публикации автор рассматривал совместно два типа таких находок с сердцевидным оформлением лопастей, называя одни пальметтовыми, другие — с закругленными концами, и нанес на карту 13 таких крестов, датируя их XII–XIII вв. (*Mugurevičs*, 1998. L. 87, Abb. 7, 1, 2).

Кресты с круглыми медальонами в лопастях (рис. 1, 7). В расширяющиеся лопасти вписаны круглые медальоны с парными выступами — завитками по бокам и «капелькой» на окончании, придающей форме некоторое сходство с сердцем. Геометрически острые углы средокрестия сглажены. Изображение крина, трехлепесткового в боковых и пятилепесткового, напоминающего цветков,

в верхнем и нижнем медальонах обращено вершиной к окончаниям лопастей, что отличает такие кресты от остальных. В средокрестии углубленной линией нанесен круг с точкой в центре; контуры изделия подчеркнуты гладким рельефным бортиком. Кресты односторонние, размерами 3,3 × 2,3 см.

По форме и размерам они довольно близки находкам с сердцевидными медальонами, вписанными в расширяющиеся лопасти, не говоря уже об изображениях на них крина.

На сегодняшний день выявлено три таких креста, происходящих с территории Верхневолжья, все без эмали. Первый — из подъемного материала, собранного при археологических работах в Суздальском Ополе на поселении Крапивье-6, датируемом XI — первой половиной XII в. (*Макаров, Зайцева*, 2020. С. 56, рис. 3, 6); фрагмент второго происходит с поселения Усть-Шексна (*Рыкунов, Рыкунова*, 2020. С. 170, рис. 4, 28; ГК № 13331446); третий хранится в фонде Ростово-Ярославского музея-заповедника, происхождение пока неизвестно (ГК № 18934660).

Кресты с овальными лопастями (рис. 1, 8)

Они имеют расширяющиеся овалоконечные лопасти, примыкающие к ромбовидному средокрестию, известны двусторонние. Размеры — 4,1 × 3,1 см. На одной из плоскостей лопасти украшены пятилепестковым крином, вписанным в окончание и направленным вершиной к центру; средокрестие декорировано четырехконечным крестом. На другой стороне центральная часть лопастей украшена рельефной линией, повторяющей их внешний контур; в средокрестии — четырехконечный крест, дополненный остроконечными «лучами».

На территории древней Руси известен фрагмент двустороннего крестика, происходящий из подъемного материала, собранного при археологических исследованиях в Белоозере (*Захаров*, 2004. С. 162, рис. 337, 7; Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, ГК № 12511671). Другой фрагмент аналогичного предмета, но с упрощенным схематичным изображением крина, обнаружен на территории летописных Червенских городов (*Kokowsky E., Kokowsky A.*, 2003. S. 21, 23, rys. 14). В каталогах частных собраний овалоконечные кресты встречаются чаще, что позволяет судить об их разновидностях и декоре, иногда весьма упрощенном. Среди них известны двусторонние и односторонние экземпляры, с различными

⁷ Места находок: Ерсика, Тервете, Даугмале, Саласпилс Лаукскола, Айзраукле (*Mugurevičs*, 1974. L. 221).

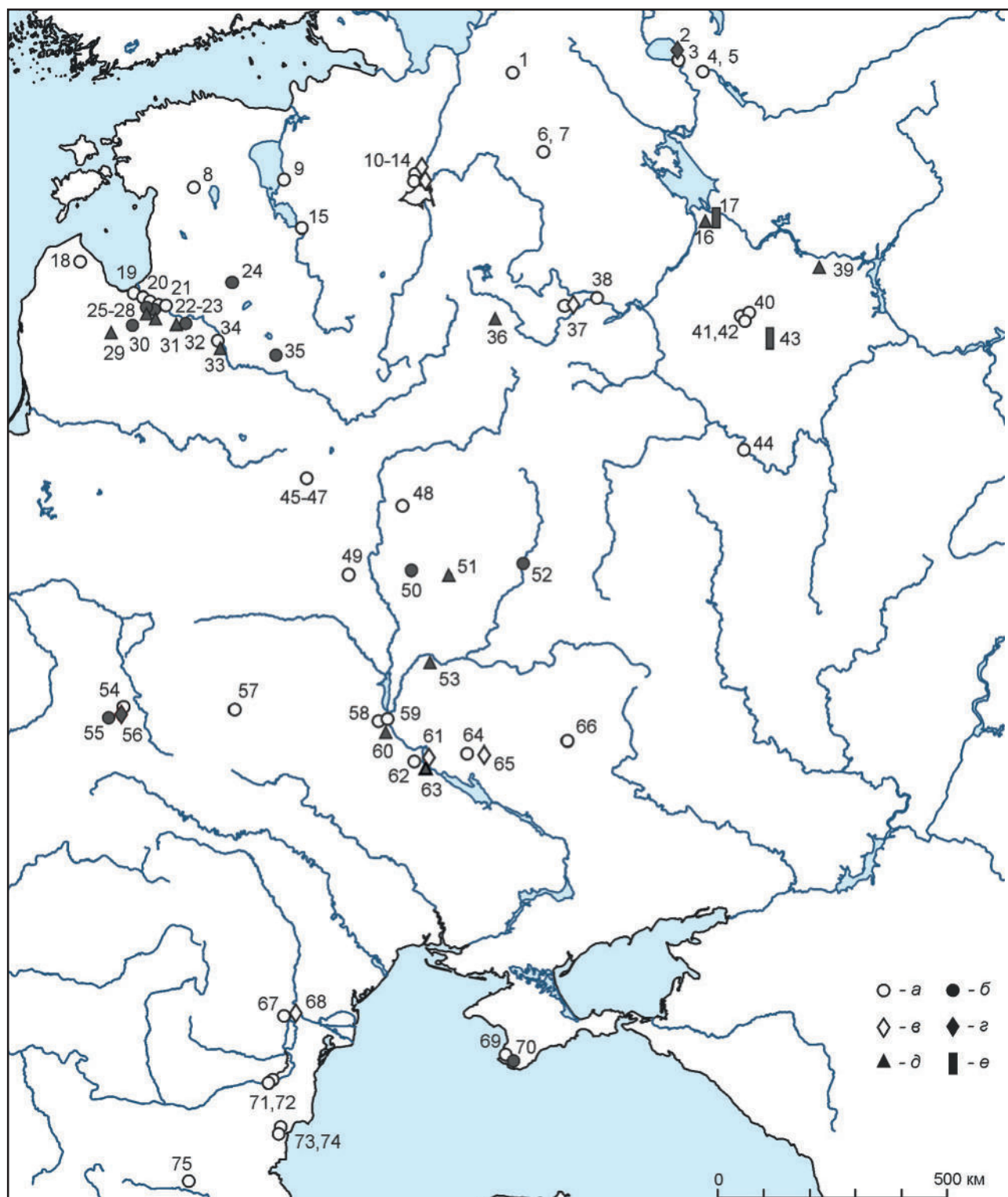

Рис. 3. Распространение крестов с декором в виде крины в Восточной Европе (а — кресты криноконечные; б — кресты с сердцевидными медальонами, вписанными в расширяющиеся лопасти; в — кресты с треугольными окончаниями лопастей; г — кресты с овальными лопастями; д — кресты с круглыми медальонами в лопастях; е — кресты с сердцевидными лопастями): 1 — Ганьково-3, к. м. (ГМИ СПб, ГК № 33443219); 2 — Крохинские Пески, г. м. (Макаров, 1991. Рис. 1, 6); 3 — Белоозеро, п. м., (Захаров, 2004. Рис. 337, 7); 4 — Нефедьево, г. м. (Макаров, 1997. Табл. 131, 17; ГК № 15450740); 5 — Нефедьево, г. м. (Там же. Табл. 131, 18); 6, 7 — Бельково, м., пахота (Петров, 2006. Рис. 4, 4, 5); 8 — Мустивере, сл. н. (Kuriso, 2013. Р. 60, lisa 3, 23); 9 — Залахтовье, к. м. (Хвощинская,

2004. Табл. СХІ, 9); 10 — Новгород, Тр.-XIII, усадьба «Ж» (*Покровская и др.*, 2017. Рис. 4, 2); 11 — Новгород, Тр.-XIV, усадьба «У» (*Там же*. Рис. 4, 3); 12 — Новгород, Десят.-2 (ГК № 33306111); 13 — Новгород, Нут.-IV (ГК № 25588024); 14 — Деревяницы, к. м. (Меч и златник..., 2012. № 338); 15 — ПГОИАиХМЗ (ГК № 26284736); 16 — Усть-Шексна, п. (*Рыкунов, Рыкунова*, 2020. Рис. 4, 40); 17 — Усть-Шексна, п. (*Там же*. Рис. 4, 28; ГК № 13331446); 18 — Талсу, гр. (*Mugurevičs*, 1974. L. 229); 19 — Саласпилс Лаукскола, м. (*Ibid.* L. 229); 20 — Даугмале, гр. (*Ibid.* L. 229); 21 — Огресгала Чабас, к. м. (*Спиргис*, 2013. Рис. 1, 1); 22 — Долес Вампениешу, м. (*Mugurevičs*, 1974. L. 229); 23 — Рауши, м. (*Ibid.* L. 229); 24 — Галгаускас Тицены, м. (*Ibid.* L. 221); 25, 26 — Саласпилс Лаукскола, п. (*Ibid.*); 27 — Даугмале, гр. (*Ibid.*); 28 — Икшкилес капсетас, гр. (*Ibid.*); 29 — Тервете, гр. (*Ibid.*); 30 — Циемалде, м. (*Ibid.*); 31, 32 — Айзкраукле, к. м. (*Ibid.*); 33 — Ерсика, гр. (*Ibid.*); 34 — Ерсика, гр. (*Ibid.* L. 229); 35 — Букмулжас Нипери, м. (*Ibid.* L. 221); 36 — Песочня, к. м. (*Гатицук*, 1904. Табл. IV, 6); 37 — Избрижье, к. м. (*Степанова*, 2014. Рис. 1, 8); 38 — ТГОМ (ГК № 32927002); 39 — Абабково, к. м. (*Рябинин*, 1986. Табл. IV, 25); 40 — Григорово-1, с., п. м. (*Макаров и др.*, 2018. Рис. 8, 18); 41, 42 — Городище, к. м. (ГИМ, Оп. В 57, а/391, а/392); 43 — Крапивье 6, п., п. м. (*Макаров, Зайцева*, 2020. Рис. 3, 6); 44 — РИАМЗ (ГК № 30551898); 45–47 — Борисовский у., п. м. (*Поболь*, 1979. Рис. 125, 2); 48 — Чаусы, с. (*Башков*, 2011. Рис. 6, 11); 49 — Прудок, сл. н. (*Там же*. Рис. 6, 10); 50 — Нисимковичи, к. м. (*Там же*. Рис. 6, 7); 51 — Казаричи, к. м. (*Спицын*, 1896. Табл. III, 18); 52 — Лопушь, гр., п. м. (*Новожеев, Брешков*, 2012. Рис. 12, 16); 53 — Горица, п. (*Веремейчик*, 2010. Рис. 3, 8); 54 — Червень, (*Czerwień...*, 2012. Табл. II.4.5); 55 — Червенские города (*Kokowsky E., Kokowsky A.*, 2003. Rys. 14); 56 — Червень (*Czerwień...*, 2012. Табл. II.4.6); 57 — Дорогобуж, гр. (*Прищепина*, 2011. Рис. 89); 58 — Киевская губерния, сл. н. (*Ханенко Б., Ханенко В.*, 1900. Табл. XXI, 243); 59 — Киев (*Ивакин и др.*, 2018. Ил. 7); 60 — Киев, сл. н. (*Ханенко Б., Ханенко В.*, 1900. С. 244); 61 — Липлява, к. м. (ГЭ 741/348); 62 — Липлява, п. м. (ГЭ 824/12); 63 — Липлява, к. м. (ГЭ 741/343); 64, 65 — Снепород, п. м. (*Моргунов*, 2012. Рис. 137, 6, 12); 66 — Городное, п. м. (*Колода*, 2009. Рис. 4, 2); 67, 68 — Диногетия, кр. (*Varnea*, 1967. P. 357, 358, fig. 192, 4, 5); 69 — Херсонес, Северный район, квартал VIII (Византийский Херсон..., 1991. № 195); 70 — Таврическая губерния (ГИМ, Оп. Б 114/3, инв. № 25750); 71, 72 — Силистра, м. (*Дончева-Петкова*, 2011. Табло СХСІ, № 1197, 1198); 73, 74 — Варна, Римские термы (*Там же*. Табло СХСІ, № 1194, 1195); 75 — Карасура, м. (*Там же*. Табло СХСІ, № 1196). 1–7, 9–17, 36–44, 51, 52, 69, 70 — Россия; 8 — Эстония; 18–35 — Латвия; 45–50 — Беларусь; 54–56 — Польша; 53, 57–66 — Украина; 67, 68 — Румыния; 71–75 — Болгария. *Принятые сокращения*: гр. — городище; г. м. — грунтовый могильник; к. м. — курганный могильник; кр. — крепость; м. — могильник; п. — поселение; п. м. — подъемный материал; сл. н. — случайная находка; с. — селище

Fig. 3. Distribution of crosses with a decoration in the form of a lily (*krin*) throughout East Europe (*a* — crosses with lily-shaped ends; *b* — crosses with heart-shaped medallions inscribed into flaring arms; *v* — crosses with triangular ends of the arms; *z* — crosses with oval ends of the arms; *d* — crosses with round medallions at the arms; *e* — crosses with heart-shaped ends of the arms): 1 — Gankovo-3, к. м. (ГМИ СПб, ГК № 33443219); 2 — Krokhinskiye Peski, г. м. (*Макаров*, 1991. Рис. 1, 6); 3 — Beloozero, п. м. (*Захаров*, 2004. Рис. 337, 7); 4 — Nefedyevo, г. м. (*Макаров*, 1997. Pl. 131, 17; ГК № 15450740); 5 — Nefedyevo, г. м. (*Ibid.* Pl. 131, 18); 6, 7 — Belkovo, м., tillage (Петров, 2006. Рис. 4, 4, 5); 8 — Mustivere, сл. н. (*Kuriso*, 2013. P. 60, lisa 3, 23); 9 — Zalakhtovye, к. м. (*Хвоцинская*, 2004. Pl. СХІ, 9); 10 — Novgorod, Тр.-XIII, urban property «Ж» (*Покровская и др.*, 2017. Рис. 4, 2); 11 — Novgorod, Тр.-XIV, urban property «У» (*Ibid.*, Рис. 4, 3); 12 — Novgorod, Desyat.-2 (ГК № 33306111); 13 — Novgorod, Nug.-IV (ГК № 25588024); 14 — Derevyanitsy, к. м. (Меч и златник..., 2012. № 338); 15 — ПГОИАиХМЗ (ГК № 26284736); 16 — Ust-Sheksna, п. (Рыкунов, Рыкунова, 2020. Рис. 4, 40); 17 — Ust-Sheksna, п. (*Ibid.* Рис. 4, 28; ГК № 13331446); 18 — Talsu, гр. (*Mugurevičs*, 1974. L. 229); 19 — Salaspils Laukskola, м. (*Ibid.* L. 229); 20 — Daugmale, гр. (*Ibid.* L. 229); 21 — Ogresgala Čabas, к. м. (*Спиргис*, 2013. Fig. 1, 1); 22 — Doles Vampeniēši, м. (*Mugurevičs*, 1974. L. 229); 23 — Rauši, м. (*Ibid.* L. 229); 24 — Galgauskas Ticēni, м. (*Ibid.* L. 221); 25, 26 — Salaspils Laukskola, п. (*Ibid.*); 27 — Daugmale, гр. (*Ibid.*); 28 — Ikšķiles kapsētās, гр. (*Ibid.*); 29 — Tērvete, гр. (*Ibid.*); 30 — Ciemalde, м. (*Ibid.*); 31, 32 — Aizkraukle, к. м. (*Ibid.*); 33 — Jersica, гр. (*Ibid.*); 34 — Jersica, гр. (*Ibid.* L. 229); 35 — Bukmuižas Niperi, м. (*Ibid.* L. 221); 36 — Pesochnya, к. м. (*Гатицук*, 1904. Pl. IV, 6); 37 — Izbrizhye, к. м. (*Степанова*, 2014. Fig. 1, 8); 38 — ТГОМ (ГК № 32927002); 39 — Ababkovo, к. м. (*Рябинин*, 1986. Pl. IV, 25); 40 — Grigorovo-1, с., п. м. (*Макаров и др.*, 2018. Рис. 8, 18); 41, 42 — Gorodishche, к. м. (ГИМ, Оп. В 57, а/391, а/392); 43 — Крапивье 6, п., п. м. (*Макаров, Зайцева*, 2020. Рис. 3, 6); 44 — РИАМЗ (ГК № 30551898); 45–47 — Borisov Uyezd, п. м. (*Поболь*, 1979. Рис. 125, 2); 48 — Chausy, с. (*Башков*, 2011. Рис. 6, 11); 49 — Prudok, сл. н. (*Ibid.* Рис. 6, 10); 50 — Nisimkovichi, к. м. (*Ibid.* Рис. 6, 7); 51 — Kazarichi, к. м. (*Спицын*, 1896. Pl. III, 18); 52 — Lopush, гр., п. м. (*Новожеев, Брешков*, 2012. Рис. 12, 16); 53 — Goritsa, п. (*Веремейчик*, 2010. Рис. 3, 8); 54 — Czerwień, (*Czerwień...*, 2012. Табл. II.4.5); 55 — Czerwień towns (*Kokowsky E., Kokowsky A.*, 2003. Rys. 14); 56 — Czerwień (*Czerwień...*, 2012. Табл. II.4.6); 57 — Dorogobuzh, гр. (*Прищепина*, 2011. Рис. 89); 58 — Kiev Province, сл. н. (*Ханенко Б., Ханенко В.*, 1900. Pl. XXI, 243); 59 — Kiev (*Ивакин и др.*, 2018. Ил. 7); 60 — Киев, сл. н. (*Ханенко Б., Ханенко В.*, 1900. С. 244); 61 — Liplava, к. м. (ГЭ 741/348); 62 — Liplava, п. м. (ГЭ 824/12); 63 — Liplava, к. м. (ГЭ 741/343); 64, 65 — Sneporod, п. м. (*Моргунов*, 2012. Рис. 137, 6, 12); 66 — Gorodnoye, п. м. (*Колода*, 2009. Рис. 4, 2); 67, 68 — Dinogetia, кр. (*Varnea*, 1967. P. 357, 358, fig. 192, 4, 5); 69 — Chersonesus, Northern Quarter, living block VIII (Византийский Херсон..., 1991. № 195); 70 — Tauric Province (ГИМ, Оп. Б 114/3, inv. № 25750); 71, 72 — Silistra, м. (*Дончева-Петкова*, 2011. Табло СХСІ, № 1197, 1198); 73, 74 — Varna, Roman Therms (*Ibid.* Табло СХСІ, № 1194, 1195); 75 — Karasura, м. (*Ibid.* Табло СХСІ, № 1196). 1–7, 9–17, 36–44, 51, 52, 69, 70 — Russia; 8 — Estonia; 18–35 — Latvia; 45–50 — Belarus; 54–56 — Poland; 53, 57–66 — Ukraine; 67, 68 — Romania; 71–75 — Bulgaria. *Abbreviations*: гр. — fortified site; г. м. — flat grave cemetery; к. м. — kurgan cemetery; кр. — fortress; м. — burial ground; п. — settlement; п. м. — surface find; сл. н. — stray find; с. — unfortified settlement

вариантами узора в средокрестии, декорированные эмалью (*Кайль, Нечитайло*, 2006. № 193, 194, 197; *Кутасов, Селезнев*, 2010. № 304). Все перечисленные предметы являются случайными находками, что не позволяет пока судить об их датировке.

Предварительные выводы

Рассмотренные выше кресты с изображением крина на лопастях, найденные на территории древней Руси, делятся на две группы по технологическим и стилистическим признакам (композиции декора и способу его нанесения). В первую входят кресты, растительный узор на которых образуется благодаря углубленным линиям в рельефе; они могут быть украшены чернью по типу инкрустации (криноконечные и с треугольными окончаниями лопастей) (рис. 2; 3 (*а, в*)). Вторую группу составляют кресты с сердцевидными композициями в оформлении лопастей, а также овалоконечные, у которых декор лопастей выполнен в рельефе на углубленном фоне, заполненном эмалью, или аналогичных типов без таковой (рис. 3 (*б, г-е*)). Самой многочисленной является первая группа, датировать ее можно преимущественно XI–XII вв. (кроме находки из Херсонеса —

XIII в.), вторую группу — в основном XII–XIII вв., не исключая их появление в конце XI в. (находка из могильника Казаричи).

Картографирование находок показало, что наибольшее количество концентрируется на территории древней Руси, однако перечисленные группы имеют широкий ареал бытования и встречаются за ее пределами — в Прибалтике (первая и вторая группы) и Балкано-Дунайском регионе (первая группа). Нижнедунайские находки могли бы указывать на возможное возникновение этой группы на территории византийской провинции, однако большая часть находок в этом регионе имеет более позднюю датировку (XII–XIII вв.) по сравнению с аналогичными древнерусскими (XI–XII вв.). Для группы с треугольными окончаниями лопастей такое предположение в качестве рабочей гипотезы пока нельзя исключать, имея в виду находку из Диногетии, памятника первой половины XI в.

Представленный выше обзор крестов с изображением крина на лопастях базируется на опубликованных материалах, известных на момент написания статьи, и может пополняться. Большая выборка рассматриваемых находок позволит уточнить предварительные выводы.

Башков, 2011 — *Башков А. А.* Христианские древности Беларуси конца X — XIV в. (предметы христианского культа индивидуального использования). Минск: И. П. Логвинов, 2011. 192 с.

Веремейчик, 2010 — *Веремейчик Е. М.* Предметы христианского культа XI–XIII вв. на сельских поселениях Черниговского Полесья // *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной* / Ред. А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Е. Мусин. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 344–354.

Византийский Херсон..., 1991 — *Византийский Херсон: Каталог выставки* / Отв. ред. И. С. Чичуров. М.: Наука, 1991. 256 с.

Гатицук, 1904 — *Гатицук С. А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1902 г. в Тверской губернии (с 2 табл.) // *Известия ИАК*. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1904. Вып. 6. С. 32–49.

Голубева, 1978 — *Голубева Л. А.* Игольники восточно-европейского Севера X–XIV вв. // *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы: Сб. ст.* / Отв. ред. В. И. Козенкова, Ю. А. Краснов, И. Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1978. С. 199–204.

Дончева-Петкова, 2011 — *Дончева-Петкова Л.* Средновековни кръстове-енколпиони от България (IX–XIV в.). София: Проф. Марин Дринов, 2011. 736 с.

Жилина, 2018 — *Жилина Н. В.* Ранние формы византийского растительного орнамента и их роль в христианском искусстве // *III Свято-Владимирские чтения: Материалы междунар. науч. конф., посв. 1030-летию Крещения Руси* / Ред.-сост. В. В. Майко, Т. Ю. Яшаева. Севастополь: Гос. историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», 2018. С. 32–35.

Жилина, 2020 — *Жилина Н. В.* Классификация византийского растительного орнамента // *Христианство в археологических и письменных источниках: Материалы IX междунар. науч. конф. по церковной археологии* / Ред.-сост. В. В. Майко, Э. А. Хайрединова, Т. Ю. Яшаева. Симферополь: Антиква, 2020. С. 37–41.

Захаров, 2004 — *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

Ивакин и др., 2018 — *Ивакин Г. Ю., Ивакин В. Г., Баранов В. И., Бибииков Д. В.* Научно-спасательные исследования на Киевском подоле и Старокиевской горе в 2016 г. // *Научно-практический семинар*

- по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия им. А. Г. Векслера: Сб. материалов / Отв. ред. Л. В. Кондрашов. М.: Департамент культурного наследия города Москвы, 2018. С. 91–105.
- Кайль, Нечитайло*, 2006 — *Кайль В. А., Нечитайло В. В.* Каталог нательных христианских крестов периода Киевской Руси X–XIII ст. Луганск: ПЦ Максим, 2006. 187 с.
- Колода*, 2009 — *Колода В. В.* Христианские древности Слобожанщины // Слобожанське культурне надбання / Ред. В. В. Колода. Харків: Курсор, 2009. Вип. 2. С. 102–107.
- Конецкий*, 1984 — *Конецкий В. Я.* Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э.: Рукопись дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984. 236 с.: ил. URSL: <https://search.rsl.ru/record/01004027797> (дата обращения 19.08.22).
- Кутасов, Селезнев*, 2010 — *Кутасов С. Н., Селезнев А. Б.* Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески. М.: Группа «ИскательИ», 2010. 320 с.
- Макаров*, 1991 — *Макаров Н. А.* К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья) // КСИА. 1991. № 205. С. 11–21.
- Макаров*, 1997 — *Макаров Н. А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий, 1997. 386 с.
- Макаров, Зайцева*, 2020 — *Макаров Н. А., Зайцева И. Е.* Кресты на селищах: репрезентация христианства в Суздальской земле в XI–XV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М.: Индрик, 2020. № 3 (81). С. 52–67.
- Макаров и др.*, 2018 — *Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В.* Большие поселения X–XI вв. и структуры расселения XII–XIII вв. в Суздальском Ополе: проблемы преемственности // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2018. Вып. 8. С. 7–25.
- Мальм*, 1968 — *Мальм В. А.* Крестики с эмалью // Славяне и Русь. К 60-летию академика Б. А. Рыбакова: Сб. ст. / Ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1968. С. 113–117.
- Меч и златник...*, 2012 — *Меч и златник: к 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки / Отв. ред. Д. В. Журавлев, В. В. Мурашева.* М.: Кучково поле; Мастерская Зарубина, 2012. 320 с.
- Моргунов*, 2012 — *Моргунов Ю. Ю.* Летописный город Снепород и его округа X–XIII вв. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 252 с.
- Мусин*, 2002 — *Мусин А. Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002 (Тр. ИИМК РАН; Т. V). 272 с.
- Наследие...*, 2011 — *Наследие византийского Херсона / Авт.-сост. Т. Яшаева, Е. Денисова, Н. Гинькут, В. Залеская, Д. Журавлев.* Севастополь: Телескоп; Остин; ИКА Техасского ун-та, 2011. 708 с.
- Новожеев, Брешков*, 2012 — *Новожеев Р. В., Брешков Р. В.* Древности села Лопушь. Материальная культура деревни среднего Подесенья в XI–XVII веках: Историко-археологические очерки. Брянск: Изд-во Брянской гос. сельскохозяйственной академии, 2012. 80 с.
- Пескова, Корзухина*, 2003 — *Пескова А. А., Корзухина Г. В.* Древнерусские энколпионы: нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003 (Тр. ИИМК РАН; Т. VII). 432 с.
- Петров*, 2006 — *Петров Н. И.* Древности эпохи раннего средневековья в среднем течении Кушаверы: опыт культурной стратиграфии // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2006. Вып. 20. С. 155–170.
- Поболь*, 1979 — *Поболь Л. Д.* Древности Белоруссии в музеях Польши. Минск: Наука и техника, 1979. 213 с.
- Покровская и др.*, 2017 — *Покровская Л. В., Степанов А. М., Сингх В. К.* Нательные кресты, крестовидные и крестовключенные привески XI — начала XII в. (по материалам Троицких XII–XIV раскопов) // В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь А. Песковой / Отв. ред. А. Е. Мусин. СПб.: Невская Книжная Типография, 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLVIII). С. 467–474.
- Прищепя*, 2011 — *Прищепя Б. А.* Дорогобуж на Горині у X–XIII ст. Рівне: ПП ДМ, 2011. 250 с.
- Равдина*, 1988 — *Равдина Т. В.* Погребения X–XI вв. с монетами на территории древней Руси: Каталог. М.: Наука, 1988. 152 с.
- Рыжов*, 2001 — *Рыжов С. Г.* Средневековые жилые кварталы X–XIII вв. в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. Симферополь: б. и., 2001. Вып. VIII. С. 290–311.
- Рыкунов, Рыкунова*, 2020 — *Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н.* Новые находки предметов христианского культа средневековой Усть-Шексны // Археология: история и перспективы: Девятая межрегиональная конференция: Сб. ст. / Ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль: ИА РАН; Ярославский гос. историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2020. С. 161–171.
- Рябинин*, 1986 — *Рябинин Е. А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986. 160 с.

- Спиргис*, 2009 — *Спиргис Р.* Овальные фибулы ливов // Балтия в контексте северного пространства от средневековья до 40-х годов XX века. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 11–54.
- Спиргис*, 2013 — *Спиргис Р.* Археологические свидетельства распространения христианства на землях даугавских ливов в XI–XII вв. // АИППЗ. Вып. 28. М.: ИА РАН, 2013 (Семинар им. акад. В. В. Седова; Материалы 58-го заседания). С. 370–380.
- Спиргис*, 2015 — *Спиргис Р.* Новые данные о погребальном обряде даугавских ливов в XII–XIII вв. по материалам раскопок могильника Огресгала Чабас 2007–2008 гг. // АИППЗ. Вып. 30. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История, 2015 (Семинар им. акад. В. В. Седова; Материалы 60-го заседания). С. 286–293.
- Спицын*, 1896 — *Спицын А. А.* Вещи из раскопок П. М. Еременко в курганах Новозыбковского и Суражского уездов // Записки Императорского русского археологического общества. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1896. Т. 8, вып. I–II. С. 93–95.
- Станюкович и др.*, 2003 — *Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М.* Тысячелетие креста: произведения русской христианской металлопластики X–XX веков из частных собраний. М.: б. и., 2003. 62 с.
- Степанова*, 2014 — *Степанова Ю. В.* Кресты в составе древнерусского костюма Верхневолжья по материалам погребальных памятников // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст. В 2 т. / Ред. Л. В. Татаурова, В. А. Борзунов. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 288–292.
- Сытая*, 2010 — *Сытая Л. Ф.* Кресты из коллекции В. В. Тарновского // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной / Ред. А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Е. Мусин. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 411–419.
- Ханенко Б., Ханенко В.*, 1900 — *Ханенко Б. И., Ханенко В. Н.* Древности Русские. Кресты и образки. Собрание Б. И. и В. Н. Ханенко. Киев: Фототипия и типография С. В. Кульженко, 1900. Вып. 2, VI. 25 с., 16 л. ил.
- Хвоцинская*, 2004 — *Хвоцинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. (Тр. ИИМК РАН; Т. VI). 428 с.
- Черненко*, 2007 — *Черненко Е. Е.* Археологічна колекція Чернігівського історичного музею імені В. В. Тарновського (1896–1948 рр.). Чернігів: б. и., 2007 (Скарбниця української культури: Збірник наукових праць / Ред. О. Коваленко. Вип. 9, Спецвипуск 1). 136 с.
- Шинаков*, 1980 — *Шинаков Е. А.* Население между-речья Десны и Ворсклы в конце X — первой половины XIII века: Рукопись дис. ... канд. ист. наук. М., 1980 // РГБ.
- Barnea*, 1967 — *Barnea I.* Obiecte de cult. In: Ștefan Gh., Barnea I., Comșa M., Comșa E. Dînoșeția. Vol. 1: Așezarea feudală timpurie de la Bisericiuța-Garvăn. București: Ed. Acad. Republicii Socialiste România, 1967 (Biblioteca de arheologie; Vol. 13). P. 357–366.
- Czerwień...*, 2012 — *Czerwień* — gród między Wschodem a Zachodem. Katalog wystawy / Red. I. Bagińska, M. Piotrowski, M. Wołoszyn. Tomaszów; Lubelski; Leipzig; Lublin; Rzeszów, 2012. 20 s.
- Ducmane*, 2015 — *Ducmane K.* Seno monētu atradumi Ikšķiles novadā un daži atmiņu uzplaukumi no izrakumu vasarām Ikšķiles arheoloģiskajā kompleksā (viduslaiku pils, baznīca, kapsēta, lībiešu ciema teritorija) // Ikšķiles almanahs 5. Ikšķile: Ikšķiles novada pašvaldība, 2015. Lpp. 21–56.
- Kokowscy E., Kokowscy A.*, 2003 — *Kokowscy E., Kokowscy A.* Enkolpioni-relikwiare oraz kryże zawieszki — znaki nowej epoki // Początki chrześcijaństwa na Lubelszczyźnie. Katalog wystawy / Red. A. Kokowski. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2003. S. 19–25.
- Kuriso*, 2013 — *Kuriso T.* Hilisrauaaegsed ristripatsid ja. Ristimärgiga rinnalehed eestis. Magistritöö. Juhendajad: Marge Konsa, Tõnno Jonuks. Tartu: Tartu Ülikool Filosoofiateaduskond Ajaloo ja arheoloogia instituut, 2013. 135 l.
- Mugurevičs*, 1974 — *Mugurevičs Ē.* Krustiņveida piekariņi Latvijā laikā nuo 11. līdz 15. gs. // Archeologia un etnografija. Rīga: Zinātne, 1974. № XI. L. 220–239.
- Mugurevičs*, 1998 — *Mugurevičs Ē.* Die Verbreitung des Christentums in Lettland vom 11. Jahrhundert bis zum Anfang des 13. Jahrhunderts // Rom und Byzanz im Norden. Teil 2: Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts / Hrsg. von M. Müller-Wille. Mainz; Stuttgart: Steiner, 1998. S. 81–96.
- Purhonen*, 1998 — *Purhonen P.* Kristinuskon saapumisesta Suomeen: uskon-toarkeologinen tutkimus. Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1998 (SMYA; Vol. 106). 261 s.
- Spirģis*, 2006 — *Spirģis R.* Daugavas lībiešu 10.–13. gs. krūšu važiņrotas arbrunrupuču saktām (tipoloģiska analīze). Rīga: LVI apģāds, 2006. 200 lpp.
- Staecker*, 1999 — *Staecker J.* Rex regum et dominus minorum: die wikingerzeitlichen Kreuzund Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdanemark und Schweden. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1999 (Lund Studies in Medieval Archaeology; Vol. 23). 621 s.

Metal cross-pendants with plant motifs in the Old-Russian culture

A. Yu. Kononovich⁸

Keywords: Old Rus, cross-pendants, plant decoration, lily (*krin*) ornament.

This paper analyses the cast sheet crosses decorated with a plant motif. In terms of the shape of the arms, they are subdivided into *krin*-ended crosses with triangular terminals of the arms, crosses with the arms in the form of a heart-like figure and oval-armed crosses. The crosses of different types are united by the presence of a vegetative motif while through their technological features they are subdivided into two groups. Mapping of the findspots showed that the majority of crosses with a plant motif were reported from the territory of mediaeval Rus, however the mentioned groups are distributed over an expansive area and are found also beyond its limits — in the Baltic region (crosses of the first and second group) and in the Balkan-Danubian area (crosses of the first group). The first group is the most numerous; crosses of this type were used predominantly in the 11th–12th cen., partly also in the 13th cen.; crosses from the second group are dated mostly to the 12th–13th cen. not excluding their appearance in the late 11th cen.

⁸ Aleksandra Yu. Kononovich — State Hermitage Museum; 34 Dvortsovaya nab.; St. Petersburg, 190000, Russia; kononovich.a.u@gmail.com.

Деталь меча с карельского городища Паасонвуори (Паасо)

А. Ю. Щедрина¹

Аннотация. Статья посвящена головке навершия меча с древнекарельского городища Паасонвуори (Паасо). Уточнена типологическая принадлежность предмета: он относится к финско-эстонскому типу мечей с посеребрёнными рукоятями эпохи крестовых походов. Рассмотрены география распространения, хронология, орнаментальные и технологические особенности мечей данного типа.

Ключевые слова: Карелия, раннее средневековье, эпоха крестовых походов, меч.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-98-111

Городище Паасо, расположенное на скальной возвышенности Паасонвуори между г. Сортавала и пос. Хелюля — классический древнекарельский поселенческий памятник эпохи средневековья. Памятник исследовался археологическими экспедициями Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН) под руководством С. И. Кочкуркиной в 1974–1975, 1978–1980, 2005–2006 гг. (Кочкуркина, 1981. С. 73–87; 2010. С. 109–126; Сакса, 2010. С. 272–276).

Основной материал городища позволяет датировать его XII–XIII вв., то есть эпохой крестовых походов, возможно, с заходом в XIV в. (Кочкуркина, 2010. С. 126; Сакса, 2010. С. 277). Вопрос о времени начала существования поселения остается открытым, поскольку в переотложенных слоях найдены отдельные предметы, датированные X–XI вв. Всего на территории возвышенности Паасонвуори С. И. Кочкуркина выделила пять таких местонахождений. Находки, отнесенные исследовательницей к ранним (рис. 1), представлены сердоликовыми и пастовой бусинами, медносплавной бусиной-«флакончиком», тремя ременными бляшками, тремя равноплечими и двумя подковообразными фибулами, тремя фрагментами полых браслетов, тремя железными бритвами, калачевидным кресалом, а также предметами вооружения — головкой навершия меча,

фрагментом наконечника копья и боевым топором (Кочкуркина, 2010. С. 120). Изначально С. И. Кочкуркина интерпретировала эти находки как остатки трупосожжений X–XI вв. (Кочкуркина, 1981. С. 76), однако по результатам дальнейших исследований отказалась от этой версии в пользу существования на Паасонвуори в X–XII вв. временного неукрепленного поселения (Кочкуркина, 2010. С. 120, 121, 125). По мнению А. И. Саксы, вопрос о характере первоначального этапа истории Паасонвуори остается еще в достаточной степени открытым, а версия о наличии на возвышенности могильника эпохи викингов вполне приемлема. Также исследователь не исключал использования древних вещей в качестве лома цветного металла в период существования городища (Сакса, 2010. С. 276, 277). При этом А. И. Сакса особо отметил, что головка навершия меча (на тот момент относимая исследователями к типу «S», по Я. Петерсену) является наиболее ранней находкой и «единственной надежно датированной X в. вещью», найденной на городище Паасо (остальные предметы относятся преимущественно ко второй половине эпохи викингов и XI в.) (Там же. С. 276). Таким образом, более детальное рассмотрение данного предмета, пересмотр его типологической принадлежности и датировки могут помочь в уточнении нижней хронологической границы всего памятника.

Находка навершия меча была сделана в ходе раскопок 1978 г. в раскопе I, на квадрате 39 между фрагментом кладки и фундаментом V в интенсивном углистом слое с большим количеством кальцинированных костей и кусочками глиняной

¹ Научно-исследовательский центр «Военная археология», при поддержке ИА РАН и Музея-заповедника «Куликово поле»; г. Тула, пр. Ленина, 47, 300041, Россия; e-mail: shedr.aleks@gmail.com.

© Щедрина А. Ю., 2023

Рис. 1. Городище Паасо, «ранние» находки: 1 — фрагмент наконечника копья; 2 — топор; 3, 4 — ремные бляшки; 5, 6 — подковообразные фибулы; 7–9 — равноплечие фибулы; 10–12 — фрагменты браслетов. 1, 2 — железо; 3–12 — медный сплав. 7–12 — без масштаба

Fig. 1. Settlement of Paaso, "early" finds: 1 — fragment of spearhead; 2 — axe; 3, 4 — belt plates; 5, 6 — horseshoe fibulae; 7–9 — equal-armed fibulae; 10–12 — fragments of signet-rings. 1, 2 — iron; 3–12 — copper alloy. 7–12 — no scale

обмазки (Кочкуркина, 1978. Л. 18). Другие вещевые находки из слоя представлены фрагментом равноплечей фибулы (рис. 1, 8) и железной бритвой; на следующий год в соседних квадратах были найдены боевой топор с инкрустацией на шейке, фрагмент наконечника копья, еще две железные бритвы, фрагменты двух полых бронзовых массивных браслетов и желтая пастовая бусина (рис. 1, 1, 2, 11, 12) (Кочкуркина, 1979. Л. 11, 12).

Деталь меча и остальные находки из раскопок Паасо хранятся в археологической коллекции ИЯЛИ Карельского НЦ РАН².

Головка наверхия имеет трехчастную форму с ярко выраженным рельефом и двумя

² Благодарю С. И. Кочкуркину за предоставленную возможность ознакомиться с коллекцией и исследовать предмет.

Рис. 2. Головка наверхия меча с городища Паасо
Fig. 2. Sword pommel from the settlement of Paaso

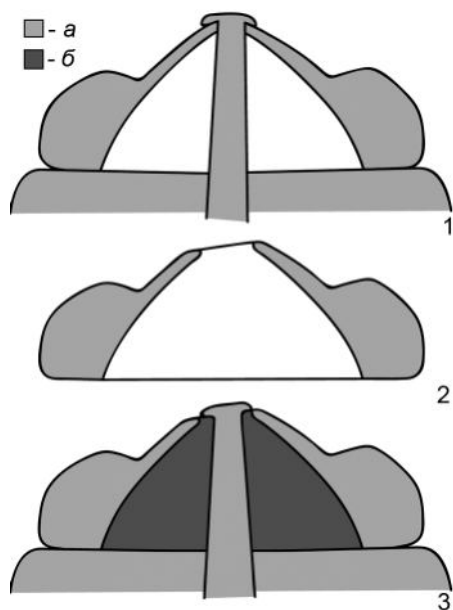

Рис. 3. Реконструкция этапов использования головки наверхия из Паасо (схема в разрезе): 1 — изначальная сборка; 2 — деталь после демонтажа; 3 — вторичная сборка; а — железо; б — свинцово-оловянный сплав

Fig. 3. Reconstruction of the stages of the use of the sword pommel from Paaso (scheme in section): 1 — initial assemblage; 2 — the detail after dismantling; 3 — secondary assemblage; a — iron, б — tin-lead alloy

диагональными разделительными канавками (рис. 2). Общая длина детали составляет 6,5 см, ширина — 2,5 см, высота — 2,4 см. Центральная часть головки наверхия высокая, с крутыми спусками — изначально она, вероятно, имела подтреугольную форму с закругленной вершиной. Боковые части невысокие (по 1,7 см), имеют собственные вершины и более округлые спуски по краям. Нижний торец детали узкий (ширина по центру 1,6 см), эллипсовидной формы. В профиль центральная часть головки наверхия заметно расширяется кверху, в то время как боковые, напротив, сужаются — поэтому на виде сверху деталь имеет Ф-образную форму с округлым расширением посередине.

При осмотре предмета обнаружились интересные конструктивные и технологические особенности, свидетельствующие о его ремонте и повторном использовании (рис. 3). Деталь изготовлена из железа и изначально была пустотелой, с толщиной стенок от 4 до 10 мм. Головка наверхия крепилась к мечу посредством черена клинка, проходившего через все детали рукояти насквозь и расклепанного на ее вершине. Видимо, в какой-то момент возникла необходимость разобрать меч (вероятно, вследствие его поломки) и установить детали рукояти на другой клинок. Для этого верхушка наверхия была грубо сточена вместе с расклепанной частью черена клинка. Поскольку деталь была пустотелой, в ней образовалось большое отверстие, которое позволило разобрать меч, однако сделало невозможным повторное использование головки наверхия. Предприимчивый мастер залил всю внутреннюю полость детали свинцово-оловянным сплавом³, оставив либо затем проделав в ней канал прямоугольной формы (размеры отверстия наверху — 5,5 × 4,0 мм, внизу — 8,0 × 4,5 мм), подходящий для монтажа на черен нового клинка. Такое вмешательство увеличило вес детали (в настоящее время он составляет 125 г) и несколько сместило баланс клинка в сторону рукояти.

Целесообразность всех действий, осуществленных при повторном монтаже деталей рукояти, объясняется их высокой ценностью и красотой. Вся видимая поверхность головки наверхия была покрыта слоем серебра и украшена гравированным узором. Серебряное⁴ покрытие сохра-

³ Элементный состав: Sn — 54 %, Pb — 46 %. Анализы выполнены на спектрометре M1 Mistral (Bruker).

⁴ Элементный состав: Au — 96,6 %, Cu — 1,6 %, Pb — 0,7 %, незначительные примеси других элементов.

нилось фрагментарно (рис. 4). На большей части поверхности детали видны лишь заполненные серебром насечки плотностью около 30 шт./см, нарезанные на железе в основном в вертикальном направлении, но на некоторых участках дополнительно по диагонали. Остатки сплошного покрытия и узора присутствуют лишь на отдельных участках. Внизу центральной части головки навершия на одной из сторон различима линия, оконтуривающая деталь, а также большая дуга. На левой боковой части в ближайшем к центру углу просматривается мотив спирали, а на правой, ближе к краю, — фрагмент ленты из двух параллельных линий. Обратная сторона детали сохранилась хуже, но на углах боковых частей также читаются остатки спирального узора. Вся остальная орнаментация, к сожалению, утрачена.

Как упоминалось, ранее исследователи ошибочно полагали, что головка навершия из Паасо относится к мечу типа «S», по Я. Петерсену, датируемому второй половиной X — началом XI в. (Петерсен, 2005. С. 173–178; Кирпичников, 1966. С. 27, 28; Андросчук, 2013. С. 69, 70). В действительности же, несмотря на определенное сходство формы детали с головками наверший мечей типа «S», она имеет значительно меньшие размеры (длина всего 6,5 см, у мечей типа «S» — обычно в пределах 8–9 см), отличную морфологию и характер орнаментации. Эти признаки позволяют уверенно установить принадлежность данной детали мечу более позднего типа, характерного для Финляндии и Эстонии и получившего в зарубежной литературе название *посеребренного*, или *покрытого серебром* (*silver-plated type*).

Полный комплект деталей рукояти мечей *финско-эстонского посеребренного типа* (как мы будем называть его далее) включает головку навершия, основание навершия, трубку, образующую хват рукояти, и перекрестие (рис. 5). Монтаж деталей всегда сквозной, черен клинка проходит через них насквозь и расклепан сверху. Головка навершия выражено трехчастная с высокой центральной частью, перекрестие и основание навершия почти прямые или незначительно изогнутые, с закругленными и слегка скошенными в сторону от рукояти краями, трубка рукояти часто имеет незначительное сужение в центре. Все указанные детали, включая трубку, у этого типа мечей изготовлены из железа, полностью покрыты серебром и украшены животными и растительными мотивами, как правило, в стиле Урнес. Орнамент нанесен на серебряное покрытие в виде гравированных линий, заполненных чернью. На некоторых мечях участки

покрытия внутри контуров бывают позолочены.

География находок мечей посеребренного типа достаточно узка (рис. 6): она включает область на юго-западе Финляндии, где найдено не менее 18 целых мечей посеребренного типа и их деталей⁵ (рис. 7), а также северную часть Эстонии и о. Сааремаа, откуда происходит 25 экземпляров⁶ (рис. 8). Лишь три находки на территории Европы выбиваются из этого ареала и почти равноудалены от него: это два меча, найденных в Турайда Путели (Turaida Pütelei) в Латвии⁷ (рис. 9, 1, 2),

⁵ Каарина Кирккомяки (Kaarina-Kirkkomäki), Лието Хулккунанмяки (Lieto-Hulkkunanmäki), Лието Хаймионмяки (Lieto-Haimionmäki), Маария Коройнен (Maaria-Koroinen), Маария Таскула (Maaria Taskula) — два экземпляра, Эура Кёулиё (Eura-Köyliö), Кокемяки Лейккимяки (Kokemäki-Leikkimäki), Сяаксмьяки Рапола (Sääksmäki-Rapola), Хямеэнлинна Карлберг (Hämeenlinna-Karlberg), Мессукюля Вилусенхарью (Messukylä-Vilusenharju) — три экземпляра, Кангасала Яухия (Kangasala-Jauhia), Падасйоки Верхо (Padasjoki-Verho), Миккола Юлоярви (Mikkola-Ylojärvi), Нусианен Мюлломьяки (Nousianen-Myllymäki), Лемпяала Хеннери (Lempäälä-Henneri) (Leppäaho, 1964. P. 74, 75; Kivikoski, 1973. P. 114, abb. 843; Jets, 2013. P. 107, 108, tab. 3; Moilanen, 2015. P. 265–268).

⁶ Кулламаа Майдла V (Kullamaa Maidla V), Кулламаа Майдла VI (Kullamaa Maidla VI), Люганузе Майдла (Lüganuse Maidla), Кихельконна Куревере (Kihelkonna Kurevere), Харью-Яани Кивилоо (Harju-Jaani Kiviloo), Ханила Кымси (Hanila Kõmsi), Марьямаа Люманду (Märjamaa Lümandu), Пёйдэ Вильтина (Põide Viltina) — три экземпляра, Каарма Удувере (Kaarma Uduvere) — два экземпляра, Каарма Тахула (Kaarma Tahula), Пеэтри Пяйнурме (Peetri Päinurme), о. Сааремаа (точное место неизвестно), Пюха Илпла (Püha Ilpla), Пёйде Рандвере (Põide Randvere) — два экземпляра, Ляэне-Нигула Уугла (Lääne-Nigula Uugla), Карья Пярсамаа (Karja Pärsamaa), Пайде Тарбья (Paide Tarbja), Харью-Мадизе Линнаксе (Harju-Madise Linnakse), Харью-Мадизе Раазику Ыхкласемяэ (Harju-Madise Raasiku Õhklasemäe) — два экземпляра (Jets, 2013. P. 97–105, tab. 2).

⁷ Мечи хранятся в Музее Армии в Париже (Musée de l'Armée) под инвентарными номерами J. Po. 2256, 2258 (Reverseau, 1982. P. 18, fig. 4; 6). Происхождение предметов установлено по фотоснимку из архива Национального музея истории Латвии (Jets, 2013. P. 108; Tomsons, 2018. P. 56, 57, att. 21, 7, 8; 61, 62, att. 28). А. Томсон не выделил посеребренные мечи в отдельный тип, а приписал их к типам «S» и «T/Z», по Я. Петерсену; среди других мечей, объединенных исследователем в тип «Т», есть несколько очень плохо сохранившихся экземпляров с железными трубками рукоятей,

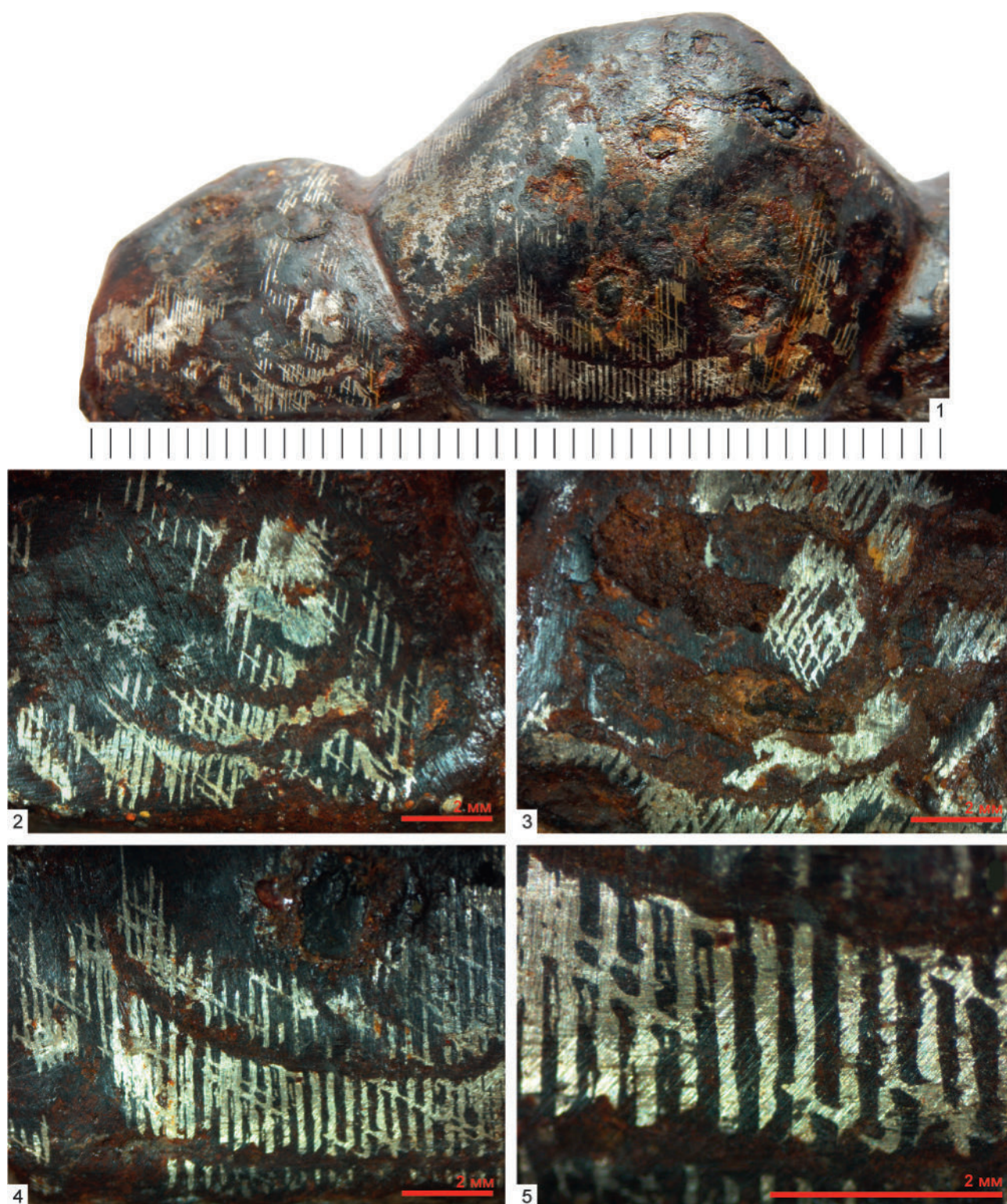

Рис. 4. Остатки серебряного покрытия на головке навершия с Паасо: 1 — макрофото; 2-5 — микрофото
Fig. 4. Remains of the silver plating on the pommel from Paaso: 1 — macrophoto; 2-5 — microphoto

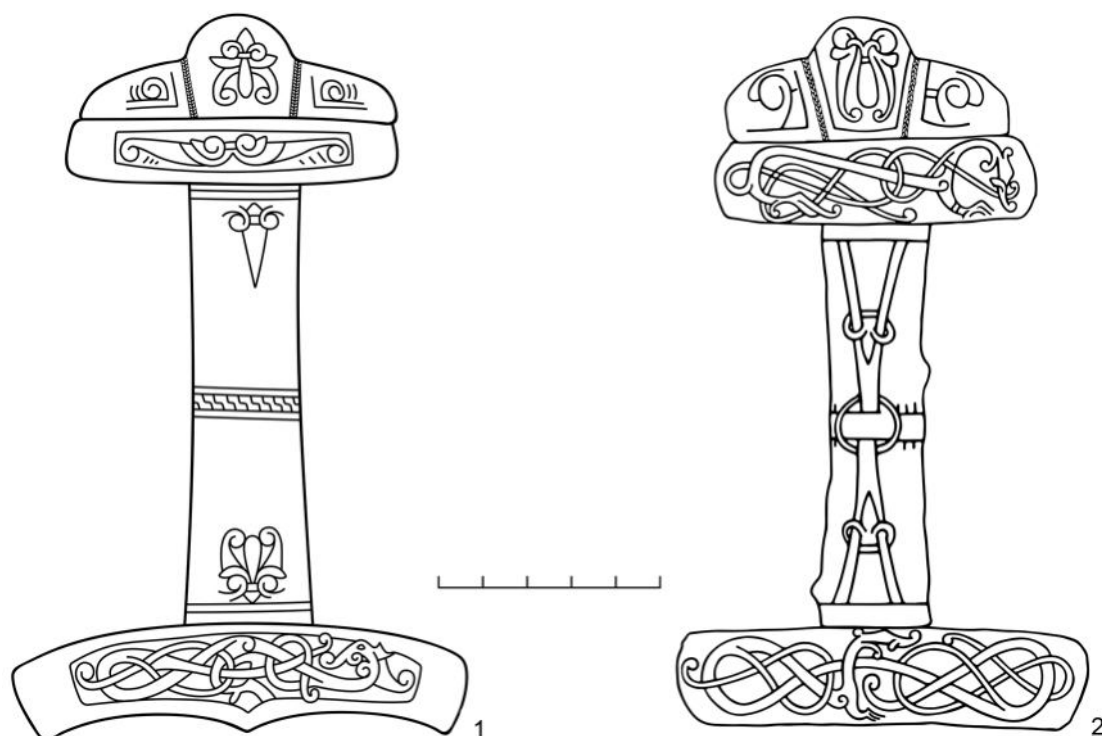

Рис. 5. Варианты мечей финско-эстонского посеребренного типа: 1 — с выступом на перекрестии и растительным орнаментом (Лието Хулккунанмяки, Финляндия); 2 — с плетеным звериным орнаментом (Кулламаа Майдла V, Эстония)

Fig. 5. Variants of silver-plated swords of the Finnish-Estonian type: 1 — with a ledge on the cross-guard and a plant design (Lieto–Hulkkunanmäki, Finland); 2 — with an animal guilloche pattern (Kullamaa–Maidla V, Estonia)

и рассматриваемая в настоящей статье головка наверхия из Паасонвуори в Карелии⁸.

Нельзя не упомянуть еще один меч рассматриваемого типа, найденный далеко за пределами региона их бытования — в Западной Сибири. Уникальная находка сделана у с. Старые Карачи Новосибирской области при раскопках В. И. Молодина в 1975 г. (Молодин, 1976; Дрбоглав,

которые также могли относиться к рассматриваемому типу, однако на сегодняшний день установить их реальную типологическую принадлежность не представляется возможным (Tomsons, 2018. P. 59–61, att. 27).

⁸ М. Мойланен упоминал также одну находку из Норвегии (Moilanen, 2015. P. 266), однако по нашему мнению данный меч, из деталей рукояти которого сохранилось только перекрестие, относится к более раннему скандинавскому типу «Т-1» (хотя и не имеет характерной ячеистой орнаментации) либо к некому гибриднему варианту, синхронному мечам этого типа, — об этом говорит крупный размер перекрестия и орнаментация в стиле Маммен. При личном обсуждении М. Мойланен признался, что имел дело с некачественной прорисовкой предмета и согласился с нами.

Кирпичников, 1981). Меч был найден целым, вне археологического контекста — сразу под дерном, и породил множество ярких гипотез о своей судьбе: от древнерусского импорта через Югру или военного трофея кыпчаков до попадания на берега р. Оми с отрядами Ермака (Соловьев, 2003. С. 193; Зыков, 2011. С. 133–135). К сожалению, к настоящему моменту отделка деталей рукояти цветным металлом сохранилась плохо, поэтому наиболее информативен фотоснимок, сделанный сразу после реставрации (рис. 9, 3).

Вариативность формы рукоятей мечей финско-эстонского посеребренного типа выражается в первую очередь в разных пропорциях деталей (более массивные с выпуклыми поверхностями и более тонкие с менее выраженным рельефом). Также имеются некоторые различия в морфологии головок наверхий: центральная часть может иметь как совершенно округлую, так и закругленно-коническую форму; боковые части в некоторых случаях округлые и выпуклые, в других — покаты без собственных вершин.

Отличительной особенностью нескольких мечей, выделенных М. Мойланеном в особый

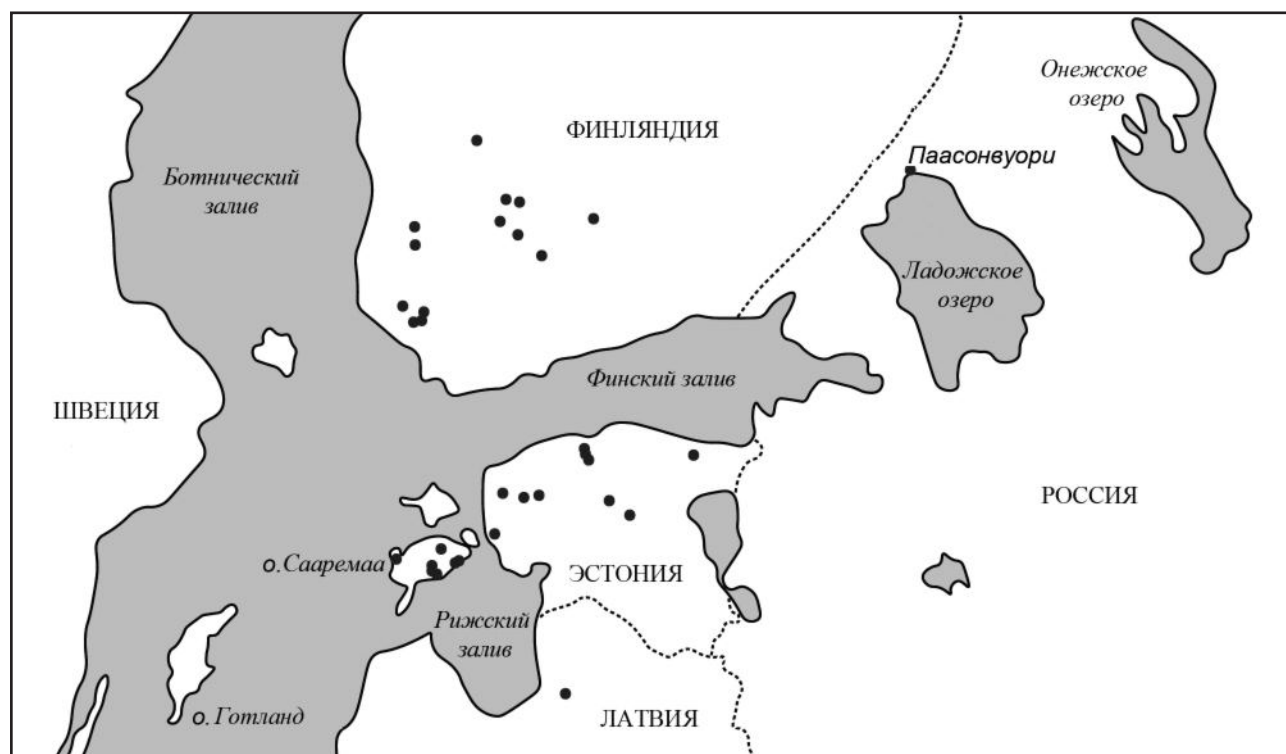

Рис. 6. География находок мечей финско-эстонского посеребренного типа

Fig. 6. Geography of finds of Finnish-Estonian silver-plated swords

вариант посеребренного типа, является заостренный, направленный в сторону клинка выступ в центре перекрестия (Moilanen, 2015. P. 266, 267), характерный для мечей типа «Z», по Я. Петерсену, и некоторых особых типов конца эпохи викингов (Петерсен, 2005. С. 202–205; Андрощук, 2013. С. 78–80, 85–88). Такую форму перекрестия имеют экземпляры из Лието и Маариа в Финляндии, а также из Турайды в Латвии (рис. 5, 1; 7, 1; 9, 1). Основание и головка навершия у мечей этого варианта достаточно низкие и соответствуют наименее массивным рукоятям основного варианта посеребренного типа. Одно из перекрестий с выступом — на мече из Маариа — отличается от остальных большей длиной (Leppäaho, 1964. P. 74, 75, taf. 1, 3).

По характеру орнамента детали рукоятей посеребренного типа можно разделить на два основных варианта: с растительным орнаментом (пальметтой) и с животными (ленточными) плетеными мотивами⁹. При этом в большинстве случаев детали рукояти одного меча орнаментированы

⁹ Наиболее подробно разновидности и стилистические особенности орнамента деталей рукоятей мечей посеребренного типа рассмотрел в своей диссертации эстонский исследователь Индрек Етс (Jets, 2013. P. 93–131).

разными мотивами, и рукоять в сборе нельзя отнести к варианту только с животной или только с растительной орнаментацией, можно говорить лишь о преобладании того или другого компонента (рис. 5). Причины, по которым рукояти мечей посеребренного типа укомплектовывались деталями с разным характером декора, не вполне ясны. Если для других типов мечей такая ситуация обычно указывает на вынужденную вторичную пересборку, то для этого типа она, видимо, являлась производственной нормой. При этом совмещение деталей с разным характером орнамента подчиняется некоторым закономерностям. Так, для головок наверший наиболее характерен растительный орнамент, на основаниях наверший растительный и плетеный встречаются одинаково часто, на трубках рукояти чаще встречается ленточный орнамент, и он же характерен для всех без исключения перекрестий. Наблюдаются также региональные тенденции: для мечей из Финляндии (рис. 7) более характерен растительный, а для мечей из Эстонии (рис. 8) — плетеный орнамент, однако эта разница выражена нечетко, так как везде преобладают комбинированные варианты.

Головки наверший (рис. 10) содержат упомянутые варианты орнамента на центральной

Рис. 7. Мечи посеребренного типа из Финляндии: 1 — Лието Хулккунанмяки; 2, 6а, 6б — Кокемяки Лейккимяки; 3 — Маария Таскула; 4 — Мессукюля Вилусенхарью; 5 — Эура Кёулиё

Fig. 7. Silver-plated swords from Finland: 1 — Lieto-Hulkkunanmäki; 2, 6a, 6b — Kokemäki-Leikkimäki; 3 — Maaria-Taskula; 4 — Messukylä-Vilusenharju; 5 — Eura-Köyliö

части. У деталей с растительной орнаментацией (рис. 10, 1–4) здесь изображена пальметта с каплевидным стержнем, перехваченным поперечной лентой, расходящимися в разные стороны завитками и опущенными вниз листьями. У головок на вершней другого варианта (рис. 10, 7–10) централь-

ная часть украшена симметричным плетеным мотивом из лент, переходящим с одной стороны на другую через вершину. Встречаются сильно упрощенные варианты орнаментации — например, близкие к геометрическим мотивы на деталях из Эуры в Финляндии (рис. 7, 5; 10, 6) и Ууглы

Рис. 8. Мечи посеребренного типа из Эстонии: 1 — Кулламаа Майдла V; 2a, 2б — Кихельконна Куревере (2a — фото, 2б — прорисовка); 3a, 3б — Люганузе Майдла (3a — фото, 3б — прорисовка); 4 — Кулламаа Майдла VI; 5 — Харью-Мадисе Линнаксе; 6a, 6б — Ляэне-Нигула Уугла (6a — общий вид, 6б — декор). Масштаб: а — для 1-5; б — для 6

Fig. 8. Silver-plated swords from Estonia: 1 — Kullamaa Maidla V; 2a, 2b — Kihelkonna Kurevere (2a — photo, 2b — drawing); 3a, 3b — Lügänuze Maidla (3a — photo, 3b — drawing); 4 — Kullamaa Maidla VI; 5 — Harju-Madise Linnakse; 6a, 6b — Lääne-Nigula Uugla (6a — general view, 6b — decoration). Scale: a — for 1-5; b — for 6

в Эстонии (рис. 8, 6a, 6б; 10, 5) лишь отдаленно напоминают пальметты. На боковых частях головок наверхий чаще всего изображены спиралевидные завитки с лентами-перемычками, реже — каплевидные фигуры, напоминающие птичьи клювы (обычно у деталей, в центральной части украшенных плетеными лентами). У находки из Маариа Таскула боковые части головки наверхия с разных сторон украшены по-разному (рис. 7, 6a, 6б; 10, 8). На мечах из Эстонии головки наверхий с ленточным орнаментом и пальметтой встречаются

одинаково часто, в то время как на головках наверхий из Финляндии в подавляющем большинстве случаев изображены пальметты. По остаткам отделки, сохранившейся на центральной части головки наверхия из Паасонвуори, очевидно, что эта деталь была украшена плетеным орнаментом, а боковые ее части — завитками (рис. 10, 11). Таким образом, карельская находка более близка не финским, а эстонским мечам посеребренного типа.

Основания наверхий по своей орнаментации также делятся на два варианта (рис. 5, 1, 2).

Рис. 9. Мечи финско-эстонского посеребренного типа, найденные за пределами ареала: 1, 2 — Турайда Путели, Латвия (без масштаба); 3 — Старые Карачи, Западная Сибирь, Россия

Fig. 9. Finnish-Estonian silver-plated swords found outside the limits of their area: 1, 2 — Turaida Puteli, Latvia (without scale); 3 — Starye Karachi, West Siberia, Russia

Растительный мотив на этих деталях состоит из двух листьев с закрученными концами, соединенных лентой в центре, и напоминает растянутую вширь пальметту. На основании и головке навершия из Эуры в Финляндии растительный орнамент сильно упрощен (рис. 7, 5). Плетеные же мотивы на основаниях наверший отличаются большим разнообразием: это может быть животное, свернувшееся в виде квазисимметричных восьмерковидных фигур с головой в центре или на одном из краев; животное с переплетением в виде неправильных узлов и отдельными хаотично расположенными частями тела; животное с нескрученным туловищем, просто стоящее на ногах, — в этом случае плетение образуют его хвост и грива. На основании навершия и перекрестии из Майдлы (рис. 8, 3а, 3б) плетеный орнамент содержит растительные компоненты — пальметты в центре деталей, хотя в остальном он напоминает квазисимметричные изображения переплетенных животных. Варианты орнамента на основаниях наверший имеют выраженное региональное распределение: для финских мечей характерен растительный, а для эстонских — плетеный орнамент.

Орнаментация трубок рукоятей, как и других описанных выше деталей, представляет собой два варианта (рис. 5, 1, 2). Первый включает тонкие поперечные пояски по краям и в центре детали, а также две пальметты у нижнего и верхнего поясков. Второй вариант представляет собой композицию из лент, сходящихся от краев к центру детали, обозначенному пояском, и образующих треугольные поля. Между лентами могут быть вплетены поперечные перемычки с петлями, а посередине — кольцо. Ближе к краям внутри треугольных полей на некоторых трубках рукояти этого варианта изображены каплевидные фигуры с завитками — вероятно, представляющие собой упрощенные варианты пальметт.

Все известные перекрестия мечей посеребренного типа содержат плетеные орнаменты, как правило, в виде драконоподобного животного с длинным лентовидным туловищем, переплетенным хвостом и гривой с завитками. Как и в основаниях наверший, композиция орнамента, степень симметрии плетения и детализация частей тела животных у разных экземпляров сильно различается. Перекрестия с выступом снизу не являются исключением: плетеный орнамент здесь вписан

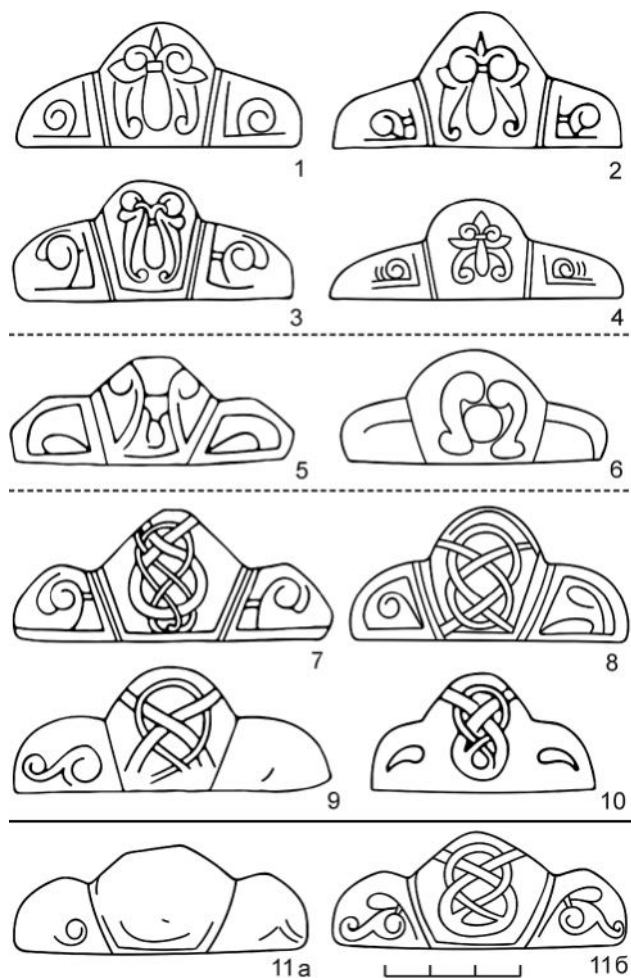

Рис. 10. Орнаментация головок наверший мечей посеребренного типа: 1–4 — с растительным мотивом (1 — Маария, Финляндия, 2 — Майдла, Эстония, 3 — Куревере, Эстония, 4 — Лието, Финляндия); 5, 6 — с упрощенным мотивом (5 — Уугла, Эстония, 6 — Эура, Финляндия); 7–10 — с плетеным мотивом (7 — Вильтина, Эстония; 8 — Кокемяки, Финляндия; 9 — Удувере, Эстония; 10 — Майдла, Эстония); 11a, 11b — Паасонвуори (11a — сохранившийся орнамент, 11b — реконструкция). 1–10 — без масштаба

Fig. 10. Ornamentation of silver-plated sword pommels: 1–4 — with a plant motif (1 — Maaria, Finland, 2 — Maidla, Estonia, 3 — Kurevere, Estonia; 4 — Lieto, Finland); 5, 6 — with a simplified motif (5 — Uugla, Estonia, 6 — Eura, Finland); 7–10 — with a guilloche motif (7 — Viltina, Estonia, 8 — Kokemäki, Finland, 9 — Uduvere, Estonia, 10 — Maidla, Estonia); 11a, 11b — Paasonvuori (11a — preserved design, 11b — reconstruction). 1–10 — no scale

в рамку, повторяющую форму детали (рис. 5, 1). Для перекрестий мечей из Эстонии более характерен квазисимметричный вариант орнамента, на перекрестиях из Финляндии он встречается редко.

Технология декора деталей рукоятей мечей финско-эстонского типа отличается от традиционного для эпохи викингов способа покрытия — инкрустации железной поверхности всечкой или насечкой проволоки из цветного металла. Поверхность этих деталей покрыта нарезками в одном или реже нескольких направлениях с плотностью 28–32 шт./см (Moilanen, 2015. P. 267). Однако в данном случае покрытие представляет собой сплошной слой, не состоящий из отдельных набитых проволочек. Способ такого серебрения до конца неясен — высказывались версии об амальгамном, термическом, механическом или термо-механическом методах (Jets, 2013. P. 214, 215). Применение ртутной амальгамы кажется нам маловероятным, поскольку при этом способе покрытия нет необходимости в создании на поверхности железа насечек. По итогам обсуждения с практикующими ремесленниками¹⁰ наиболее вероятным способом видится насечка очень тонкого серебряного листа, вероятно — на горячую либо с частыми отжигами. По серебряному покрытию наносилась гравировка, в некоторых случаях прорезающая железо через серебряный слой (тогда рисунок остается видимым даже при полной утрате серебряной отделки), а в некоторых — достаточно поверхностная. Гравированные канавки заполнялись чернью. Некоторые мечи посеребренного типа имеют полихромную орнаментацию: в этих случаях для части поверхности, ограниченной гравированными контурами, применялось золочение (рис. 7, 3; 8, 4, 6). На хорошо сохранившихся деталях видно, что позолоченные участки иногда имеют размытые, как у акварели, края — свидетельство того, что позолота наносилась методом жидкой ртутной амальгамы. Золотились обычно толстые ленты плетеного рисунка и пальметты, а фон и второстепенные контуры оставались серебряными. По серии хорошо сохранившихся рукоятей можно предположить, что мечей с позолотой было меньше, чем просто посеребренных, однако для деталей с плохой сохранностью установить наличие или отсутствие позолоты не представляется возможным. Интересно, что золочение не всегда соответствует высокому художественному уровню изготовления деталей —

¹⁰ Благодарю за консультации М. Мойланена, Д. В. Храмцова и А. Р. Малахова.

например, головка навершия из Ууглы (рис. 8, б) имеет неаккуратный упрощенный рисунок, но при этом частично позолочена.

Орнаменты на деталях мечей посеребренного типа относятся к стилю Урнес и повторяют мотивы скандинавских рунических камней. По предположению И. Етса, мастера из Прибалтийского региона не обязательно копировали узоры с готовых импортных скандинавских изделий. Они могли обучаться искусству стиля Урнес в Скандинавии, а образцы рисунков перевозить на носителях из кожи, дерева или кости. Некоторые из них впоследствии научились создавать собственные искусные вариации мотива, оставаясь в рамках стиля. Ошибки и нестыковки орнамента на некоторых деталях мечей позволяют предположить наличие трафаретов, по которым сложный рисунок копировался менее опытными мастерами (*Jets*, 2013. Р. 216). Качественные изделия и упрощенные подражания не имеют региональной зависимости — обе категории находок присутствуют как в Эстонии, так и в Финляндии.

И. Етсом была предпринята попытка продвигнуться в вопросе выявления среди мечей посеребренного типа продукции отдельных мастеров или мастерских. По его заключению, некоторые характерные приемы, линии и детали позволяют с определенной степенью вероятности выявить изготовленные в одно время произведения одного ремесленника, однако проследить развитие им своего мастерства и стиля или локализовать место производства на данный момент не представляется возможным. Исследователю удалось выделить несколько пар рукоятей и их деталей со схожими техникой и стилем орнаментации, а также, что немаловажно, несколько случаев соответствующего сходства рукоятей мечей с наконечниками копий типов «М» и «G», по Я. Петерсену, с посеребренными по аналогичной технологии втулками (*Jets*, 2013. Р. 217–220). Это сходство отмечалось исследователями и ранее, а наличие находок копий этих типов и рунических камней на острове Готланд породило предположение о производстве посеребренных рукоятей мечей готландскими мастерами на территории острова или за его пределами, например, в Финляндии (*Kivikoski*, 1973. Р. 114; *Lehtosalo-Hilander*, 1985. Р. 29, 30; *Moilanen*, 2015. Р. 267, 268). На наш взгляд, нет оснований предполагать, что центры производства мечей рассматриваемого типа находились за пределами ареала их распространения, включающего Север Эстонии и Юг Финляндии.

Датировки финских мечей посеребренного типа, предложенные разными исследователями,

собрал и обобщил в своей работе М. Мойланен (*Moilanen*, 2015. Р. 266). Так, Й. Леппяхо датировал их 1040–1060-ми гг. (*Leppäaho*, 1936), Э. Кивикоски — XI в., в основном его серединой и концом (*Kivikoski*, 1973. Р. 114, Abb. 843), Л. Томантеря — 1050–1110-ми гг. (*Tomanterä*, 1978), П.-Л. Лехтосало-Хиландер — второй половиной XI в. (*Lehtosalo-Hilander*, 1985. Р. 8), Й. Ряты — 1000–1100-ми гг. (*Räty*, 1983. Р. 148). Таким образом, наиболее широкой датировкой финских находок является XI — начало XII в., наиболее вероятной — середина — вторая половина XI в. Эстонские мечи посеребренного типа М. Мандель датировал второй половиной XI — началом XII в., опираясь на находку из погребения в Куревере (*Mandel*, 1991. Р. 118). По результатам анализа стилистических особенностей орнаментации деталей рукояти И. Етс пришел к заключению, что их можно датировать периодом с середины XI по начало — первую половину XII в. (*Jets*, 2013. Р. 248, 249). Наиболее ранними образцами, по мнению исследователя, могут быть рукояти из Майдлы V, Куревере и Вильтины, имеющие архаичные для стиля Урнес элементы орнамента — линии с выступающими перпендикулярными черточками, характерными для стилей Ринегрике и Маммен (*Ibid.* Р. 124).

Итак, меч финско-эстонского посеребренного типа, головка навершия которого найдена на городище Паасо, можно уверенно датировать второй половиной XI — началом XII в. С учетом переделки, ремонта и повторного использования детали ее попадание в культурный слой могло произойти и значительно позднее. Таким образом, данная находка вряд ли выпадает из контекста существования на Паасонвуори укрепленного древнекарельского поселения в XII в. Находка детали дорогостоящего боевого оружия свидетельствует о проживании на городище Паасо профессиональных воинов и подчеркивает важную роль этого поселения не только как торгово-ремесленного центра, но и в качестве военно-административной единицы средневековой Карелии.

Возвращаясь к контексту находки — так называемому скоплению ранних предметов, видимо, по результатам уточнения типологической принадлежности головки навершия меча из их датировки следует исключить X в. Можно высказать предположение о том, что история поселения на Паасонвуори не была выражено двухэтапной (периоды X–XI и XII–XIII вв.), а имела непрерывное развитие начиная с XI в. и на протяжении всей эпохи крестовых походов.

- Андрощук, 2013 — Андрощук Ф. Мечи викингов. Київ: Простір, 2013. 709 с.
- Дрбоглав, Кирпичников, 1981 — Дрбоглав Д. А., Кирпичников А. Н. Европейский средневековый меч, найденный в Западной Сибири // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. Л.: Наука, 1980. С. 528–533.
- Зыков, 2011 — Зыков А. П. Находки европейских средневековых мечей восточнее Уральских гор // Уральский исторический вестник. Екатеринбург: Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, 2011. № 1. С. 131–140.
- Кирпичников, 1966 — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1-36). 181 с.
- Кочуркина, 1978 — Кочуркина С. И. Отчет о работе Приладожской археологической экспедиции за 1978 г. // Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 50. № 202.
- Кочуркина, 1979 — Кочуркина С. И. Отчет о работе Приладожской археологической экспедиции за 1979 г. // Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 50. № 365.
- Кочуркина, 1981 — Кочуркина С. И. Археологические памятники корелы, V–XV вв. Л.: Наука, 1981. 160 с.
- Кочуркина, 2010 — Кочуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. 262 с.
- Молодин, 1976 — Молодин В. И. Находка меча из Западной Сибири (предварительное сообщение) // Известия Сибирского отд. АН СССР. Новосибирск, 1976 (Серия обществ. наук; № 11). Вып. 3. С. 125–127.
- Петерсен, 2005 — Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб.: Альфарет, 2005. 335 с.
- Сакса, 2010 — Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 400 с.
- Соловьев, 2003 — Соловьев А. И. Оружие и доспехи: сибирское вооружение от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-Пресс, 2003. 224 с.
- Jets, 2013 — Jets I. Lahingu maod: Skandinaavia 9.–11. sajandi kunstistiilid Eesti arheoloogilistel leidudel. Tallinn: Tallinna Ülikool, 2013. 333 p.
- Kivikoski, 1973 — Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki: Weilin & Göös, 1973. 153 s.
- Lehtosalo-Hilander, 1985 — Lehtosalo-Hilander P.-L. Viikinkiajan aseista: leikkejä luvuilla ja lohikäärmeillä. Helsinki, 1985 (Suomen Museo; Vol. 92). P. 5–36.
- Leppäaho, 1936 — Leppäaho J. Suomen hopeakoristeiset aseet 1000–1200-luvuilla. Laudaturkirjoitus. Helsinki, 1936. 180 p.
- Leppäaho, 1964 — Leppäaho J. Späteisenzeitliche Waffen aus Finnland: Schwertinschriften und Waffenverzierung des 9.–12. Jahrhunderts. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys, 1964 (SMYA; Vol. 61). 131 s.
- Mandel, 1991 — Mandel M. Eesti 8.–13. sajandi mõõkade tüpoloogiast ja dateerimisest // Arheoloogiline kogumik / Eds. L. Jaanits, V. Lang. Tallinn: Agu, 1991. P. 101–133.
- Moilanen, 2015 — Moilanen M. Marks of Fire, Value and Faith. Swords with Ferrous Inlays in Finland during the Late Iron Age (ca. 700–1200 AD). Turku: Turku Suomen Keskiajan Arkeologian Seura, 2015 (Archaeologia Medii Aevi Finlandiae; Vol. XXI). 463 p.
- Räty, 1983 — Räty J. Karolingimiekoista romaanisiin miekkoihin: viikinkiajan miekat Suomessa. Pro Gradututkielma Suomen ja Skandinavian arkeologiassa. Helsinki: Helsingin yliopiston arkeologian laitos, 1983.
- Reverseau, 1982 — Reverseau J.-P. Musée de L'Armée Paris: Les Armes et la Vie. Paris: Dargaud Editeur, 1982. 168 p.
- Tomanterä, 1978 — Tomanterä L. Kaksi Köyliön miekkahautaa: Vanhankartanon C.kalmiston haudat XVI ja XVII. Arkeologian Pro gradu-tutkielma. Helsinki: Helsingin yliopiston arkeologian laitos, 1978. 145 lk.
- Tomsons, 2018 — Tomsons A. Zobenī Latvijas teritorijā 7.–16. gs. Rīga: Latvijas nacionālais vēstures muzejs, 2018. 348 p.

A sword fragment from the Karelian fortified site of Paasonvuori (Paaso)

A. Yu. Shchedrina¹¹

Keywords: Karelia, Early Middle Ages, Crusades Age, sword.

The fortified site of Paasonvuori (Paaso) near the town of Sortavala in Karelia is a classic settlement of mediaeval Karelia. It was investigated by S. I. Kochkurkina in the 1970–1980s and 2000s. The main finds from the site are dated to the 12th–13th cen., however older objects, presumably from the 10th–11th cen., were found in the redeposited layers (Fig. 1).

¹¹ Alexahdra Yu. Shchedrina — Archaeologia Militaris Scientific Workshop at the Institute of Archaeology under the Russian Academy of Sciences and State Museum-Reserve “Kulikovo Field”; 47 Lenina pr., Tula, 300041, Russia; e-mail: shedr.aleks@gmail.com.

Of these, the most notable and well-dated is a sword pommel (Fig. 2). It is made of iron and has a poorly preserved silver ornamental plating (Fig. 4). A detailed examination of the pommel showed that it had been subjected to repairs. During the secondary mounting onto the new blade, the inner cavity was filled with a tin-lead alloy (Fig. 3). It has been established that this part belongs to a sword of the silver-plated type (Fig. 5) instead of type “S” after Jan Petersen as had been believed before. The geography of finds of this type is fairly narrow (Fig. 6): it comprises an area in south-western Finland where at least 18 complete swords and their fragments have been found (Fig. 7) and also the northern part of Estonia and the Saaremaa island which have yielded 25 items (Fig. 8). In addition, two swords were found in Turaida Pütleji in Latvia (Fig. 9, 1, 2) and still another was far beyond the limits of the area of their use — in West Siberia in Russia (Fig. 9, 3). The handles of the swords of this type include an iron grip tube. The details of the grips are completely plated with silver and decorated with an engraved niello-filled pattern in the Urnes style. On some swords, the silver plating is partly gilded. These swords differ somewhat from each other in the shape of the grip and the type of the ornamentation. The latter occurs sometimes with an animal guilloche pattern and sometimes with plant palmettes (Fig. 5). Judging from the remains of the decoration, the sword pommel from Paaso was decorated with a pattern in the form of braided ribbons (Fig. 10). Swords of the silver-plated type are dated to the second half of the 11th — first half of the 12th cen. Thus the find from Paaso really belongs to the Crusades Age and does not deviate from the general dating of the site.

Средневековые ювелирные изделия в Северной Карелии (местонахождение Кумсручей)¹

С. И. Кочкуркина, А. Ю. Тарасов²

Аннотация. Археологические памятники средневековья представлены в Карелии поселениями, могильниками, кладами, курганами, селищами, расположенными в южной части региона, в то время как на северных территориях они почти неизвестны. В статье рассмотрены результаты исследования открытого в 2022 г. в Северной Карелии местонахождения Кумсручей. В нем выявлены 12 ювелирных украшений XII–XIII вв., характерных для прибалтийско-финского населения Северо-Запада России. Находки ценны как археологические маркеры продвижения средневекового населения в северном направлении.

Ключевые слова: Карелия, местонахождение, средневековый комплекс, датировка, ареалы, культурная принадлежность.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-112-115

Введение

Эпоха средневековья в Карелии представлена археологическими памятниками в трех этнокультурных областях. В Северо-Западном Приладожье на территории летописной корелы известны грунтовые могильники, поселения, городища, клады XII–XV вв.

На Онежско-Ладожском водоразделе (реки Олонка, Тулокса, Видлица) изучены погребальные памятники, которые являются северным ответвлением Приладожской курганной культуры. На северном побережье Онежского озера они выявлены в Кокорино, а также у Чёлмужей, где в непосредственной близости от насыпей изучено одновременное им селище — для ареала курганной культуры весьма редкое событие. Памятники датированы X — началом XIII в.

Средневековые древности бассейна Онежского озера и Белого моря исследованы пока мало. Известно, что средневековое население занималось охотой, рыболовством, выплавкой железа в примитивных горнах, поддерживало торговые

культурные связи с ближайшими соседями. Об этом свидетельствуют случайные находки средневековых изделий в Икшозере, Софпороге (Кочкуркина, Сумманен, 2021. С. 97, 98) и новые находки в Вирме (Кумсручей) (рис. 1).

Итоги полевых исследований

Местонахождение Кумсручей зафиксировано в 4,4 км к северо-западу от с. Вирма, на правом берегу Кумсручья, в 0,8 км от автомобильного и в 0,7 км к юго-востоку от железнодорожного моста через ручей, в 2,5 км к востоку от места впадения ручья в Белое море (рис. 2).

Средневековые украшения обнаружены на площадке первой береговой террасы на высоте около 2 м над уровнем воды в ручье, в 20 м от него. На этой территории жителем г. Беломорска и участником поискового движения С. С. Гадариным были найдены средневековые ювелирные изделия. На месте находок А. Ю. Тарасовым проведены археологические работы, в результате которых тип объекта определен как местонахождение. С высокой степенью вероятности можно утверждать, что местонахождение полностью исследовано (Тарасов, 2023. С. 54–57).

Ювелирные изделия

В процессе археологических раскопок выявлено 12 бронзовых изделий и их фрагментов, три

¹ Работа выполнена в ходе выполнения государственного задания в рамках плановой темы сектора археологии ИЯЛИ Карельского НЦ РАН.

² ИЯЛИ Карельского НЦ РАН; ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, 185910, Республика Карелия, Россия; e-mail: svetlana.kochkurkina@mail.ru, taleksej@mail.ru.

© Кочкуркина С. И., Тарасов А. Ю., 2023

из которых были найдены С. С. Гагариным, и девять — в шурфе площадью 6 кв. м, заложенном на месте обнаружения первых предметов. Среди них полая подвеска «конек-птица» с пятью колоколообразными привесками, которые крепились к петлям корпуса восьмеркообразными звеньями (рис. 3, 1). Тулово украшено волнисто-зигзаговой орнаментацией. Головка изделия напоминает птицу с четко выраженным клювом и тремя металлическими рельефными жгутами на шее. Таким приемом мастер-ювелир подчеркнул отличие окраса оперения головы и шеи от окраса туловища у диких гусей и уток. В верхней части тулова есть отверстие для шнура-ремешка для подвешивания. В комплексе также находилось похожее, но меньшее по размеру украшение (рис. 3, 2). В общих чертах близка первым двум и миниатюрная плохо сохранившаяся подвеска (рис. 3, 3). Украшения изготовлены по восковой модели.

Такие изделия, в научной литературе имеющие название «коньки-птицы» или «барашки», встречаются на огромной территории Восточноевропейского Севера. Большинство выявлено в Костромском Поволжье, в меньшем количестве они найдены также в Вологодской области. По материалам Приладожья они датируются XII–XIII вв. (Кочкуркина, 1973. С. 37, 38). Обычно данные украшения использовались в качестве поясных (Рябинин, 1981. С. 38, 39). За пределами указанного ареала находки птицевидных шумящих подвесок редки. Можно указать лишь единичные украшения, зафиксированные в могильнике в центральной части Финляндии (Kivikoski, 1973. Abb. 1135), в погребении на Карельском перешейке (Schwindt, 1893. К. 341) и на городище Паасо (Кочкуркина, 2010. Табл. 57, 17).

Рис. 1. Археологические памятники средневековой Карелии: 1 — Икшозеро; 2 — Кумсручей; 3 — Софпорог

Fig. 1. Archaeological monuments of medieval Karelia: 1 — Ikshozero; 2 — Kumsruchey; 3 — Sofporog

В комплексе украшений из Кумсручья тремя экземплярами представлены треугольные ложнопроволочные украшения с подвешенными утиными лапками (рис. 3, 4–6). Аналогичная подвеска происходит из кургана Горка 3. Она имеет орнамент из «городков» по внешним сторонам треугольника и большое число колоколообразных привесок. Данный вид украшений близок к костромским и чепецким. Надо сказать, что треугольные подвески весьма характерны для костюма мери. Они пришли с востока — из Прикамья, а возможно, и Приобья (Горюнова, 1961. С. 235).

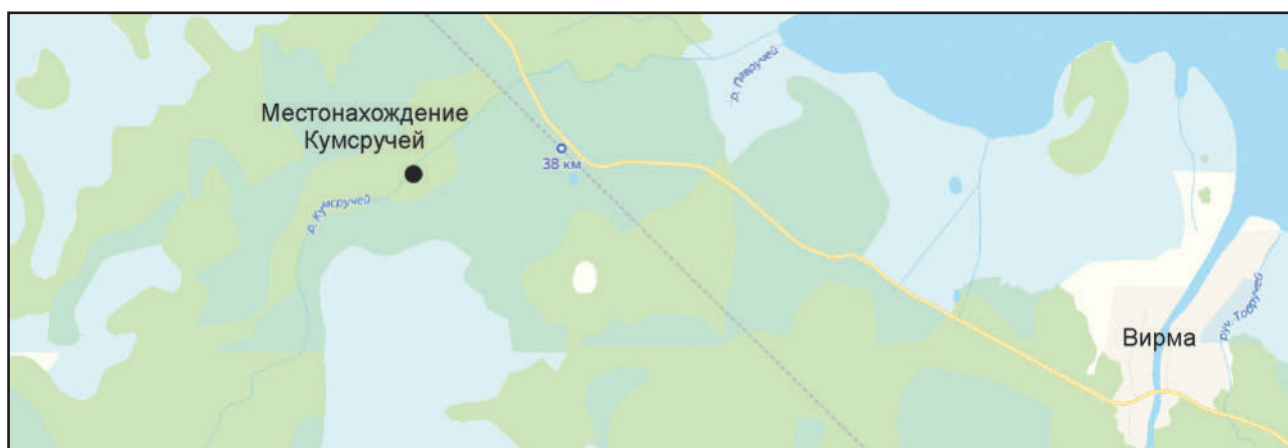

Рис. 2. Местонахождение Кумсручей

Fig. 2. Location of the Kumsruchey “hoard”

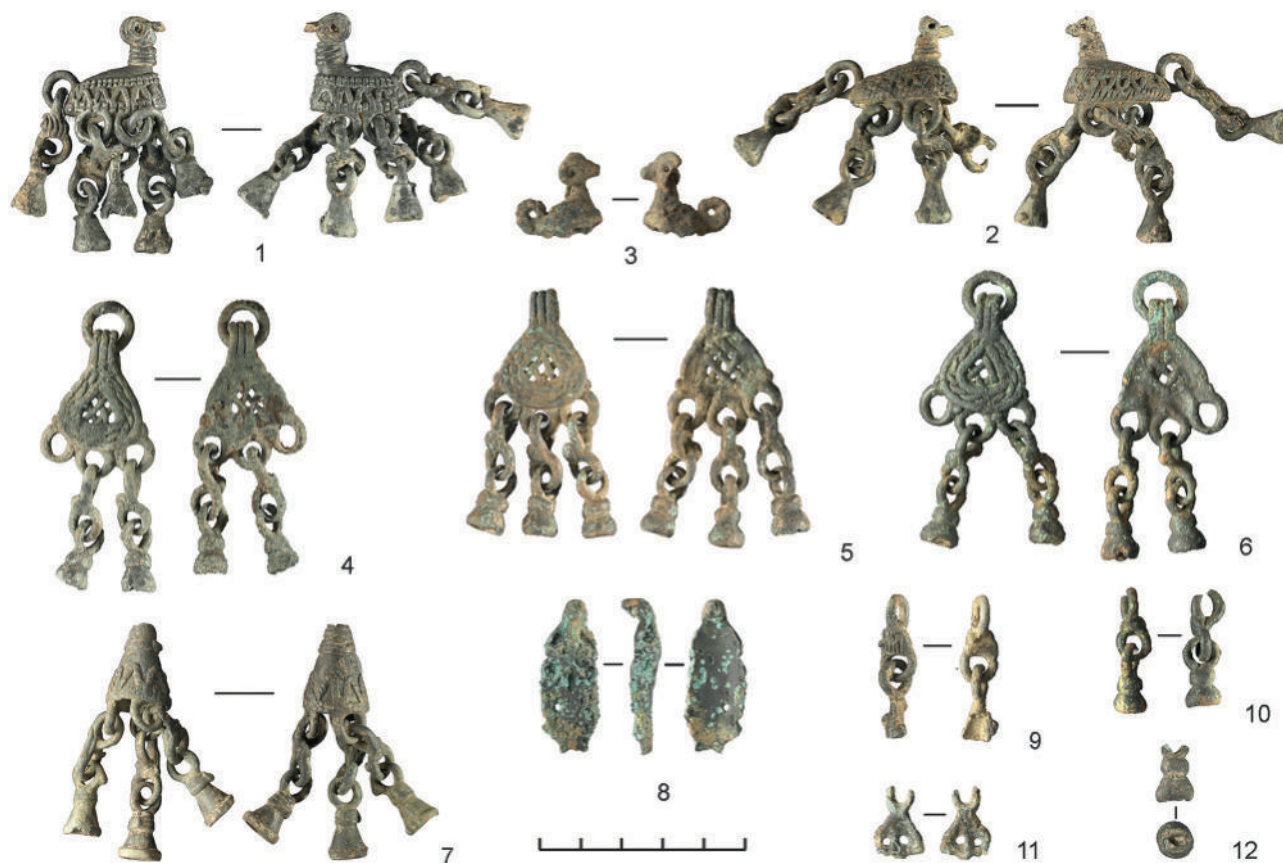

Рис. 3. Кумсручей. Ювелирные изделия
Fig. 3. Jewellery from the Kumsruchey "hoard"

В состав комплекса находок из Кумсручья входят также конические шумящие подвески (рис. 3, 7), имеющие широкие аналогии. Подобные украшения в приладожских курганах датируются XI–XII вв. (Кочуркина, 1973. С. 40). Данный тип подвесок хорошо известен на финно-угорских территориях в XII–XIII вв. Наибольшее их число представлено в Костромском Поволжье (Рябинин, 1986. С. 78).

Кроме того, среди находок из Кумсручья встречен предмет, не имеющий прямых аналогий. Это слегка выпуклое пластинчатое изделие (рис. 3, 8), на одном конце которого имеется обращенное внутрь утолщение, другой коней обломан. Поверхность шершавая, похожая на оперение птицы или шерсть животного, присутствует одно неровное отверстие. Внутренняя сторона гладкая. Наряду с целыми изделиями в комплексе найдены фрагменты подвесок к шумящим украшениям (рис. 3, 10–12).

Заключение. Этнокультурный экскурс

Территории бассейна Онежского озера и Белого моря в XII–XIV вв., вероятно, были заселены предками карелов, вепсов и русскими, создавшими

сложную диалектно-топонимическую картину, детали которой требуют дальнейшего исследования.

Ареал русских топонимов фиксирует водный путь, по которому русские продвигались в Карелию — по р. Свири в Онежское озеро, затем по р. Водле на восток или через Выгозеро и р. Выг в Поморье. Вдоль этих путей сформировались этнолокальные группы русских: поморы, заонежане, водлозеры, выгозеры, которые при всей своей общности отличались особенностями материальной культуры и языка (Захарова и др., 2016. С. 7–29). Однако сохранение здесь мощного прибалтийско-финского компонента на всех языковых уровнях, а также в топонимии свидетельствует о том, что традиционное русское население Карелии сложилось в значительной степени в результате обрусения местных вепсов и карелов. В эту этнокультурную картину закономерно вписываются и топоним Вирма (саам. *virma* — «рыболовная сеть») (Керт, 1960. С. 90), и Кумсручей, который, по мнению специалистов-ономастов ИЯЛИ Карельского НЦ РАН, происходит, возможно, от карельского *kumsa* — «таймень, ручьевая

форель», при этом в карельский язык слово могло прийти от саамского *gıw'za* с тем же значением — «кумжа».

Вопрос о появлении таких местонахождений, как Икшозеро, Софпорог, Кумсручей, пока не может считаться решенным. Появление икшозерского клада на почти незаселенной территории между водлозерской озерно-речной системой и верховьем р. Выг, вероятно, связано с реальными опасностями передвижения в этой местности (*Герман, Кочкуркина, 2020*).

Пути освоения северных территорий отмечены находками на севере Карелии в Чупе и Софпороге предметов XII–XIII вв., характерных как для памятников северных финно-угорских

территорий, так и для приладожских курганов. Видимо, находки сохранились от небольшого кратковременного поселения, игравшего роль пропускного пункта на важном промысловом, по добыче пушнины, озерно-речном пути на север и северо-запад, к северным берегам Ботнического залива, в Северную Лапландию (*Кочкуркина, 2008*). Местонахождение Кумсручей можно считать кладом ювелирных изделий из цветного металла, имеющих в XII–XIII вв. определенную ценность для владельца.

Благодарности. Авторы выражают признательность С. С. Гагарину за информацию о сделанных им находках и содействие в проведении исследований на местонахождении Кумсручей.

Герман, Кочкуркина, 2020 — Герман К. Э., Кочкуркина С. И. Новые находки в юго-восточной Кпелии: свидетельства этнокультурных контактов средневековых культур (по материалам поселения Икшозеро I) // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 36–42.

Горюнова, 1961 — Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 264 с.

Захарова и др., 2016 — Захарова Е. В., Макарова А. А., Муллонен И. И. В поисках топонимических границ в Белозерье // Вопросы ономастики. Екатеринбург, 2016. № 1 (20). С. 7–29.

Керт, 1960 — Керт Г. М. Некоторые саамские географические названия на территории Карелии // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 90.

Кочкуркина, 1973 — Кочкуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973. 150 с.

Кочкуркина, 2008 — Кочкуркина С. И. Новые археологические находки эпохи Средневековья в северной Карелии // РА. 2008. № 4. С. 146–147.

Кочкуркина, 2010 — Кочкуркина С. И. Древнекарельские городища эпохи Средневековья. Петрозаводск; СПб.: Карельский НЦ РАН; ЗАО «Взлет», 2010. 264 с.

Кочкуркина, Сумманен, 2021 — Кочкуркина С. И., Сумманен И. М. Средневековые древности: Каталог археологических коллекций ИЯЛИ КарНЦ РАН. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2021. 296 с.

Рябинин, 1981 — Рябинин Е. А. Зооморфные украшения древней Руси X–XIV вв. Л., 1981 (САИ; Вып. Е1-60). С. 38–39.

Рябинин, 1986 — Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. 161 с.

Тарасов, 2023 — Тарасов А. Ю. Отчет об археологических разведочных работах на территории Беломорского и Прионежского районов Республики Карелия в 2022 г. Петрозаводск, 2023 // Архив ИА РАН.

Kivikoski, 1973 — Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki, 1973. Abb. 1135.

Schwindt, 1893 — Schwindt T. Tietoja Karjalan rautakaudesta. 1893 (SMYA; No. 13). 206 s.

Medieval jewellery in northern Karelia (location of Kumsruchey “hoard”)

S. I. Kochkurkina, A. Yu. Tarasov³

Keywords: Karelia, hoard, medieval complex, dating, areas, cultural affiliation.

Archaeological monuments of the Middle Ages in Karelia are represented by settlements, burial grounds, treasures, mounds, settlements located in the southern part of the region, while they are almost unknown in the northern territories. The article presets the finds from the Kumsruchey “hoard” discovered in 2022 in Northern Karelia. It contained 12 ornaments of the 12th–13th cen., typical of the Baltic-Finnish population of the North-West of Russia. Artifacts are significant as archaeological markers of the advance of the medieval population deep into the northern direction.

³ Svetlana I. Kochkurkina, Aleksey Yu. Tarasov — Institute of Language, Literature and History of the Karelian Scientific Center RAS; 11 Pushkinskaya ul., Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russia; e-mail: svetlana.kochkurkina@mail.ru, taleksej@mail.ru

Карельский след в продукции новгородских кожевников¹

А. В. Курбатов²

Аннотация. В археологических памятниках эпохи расцвета древней Карелии в XII–XIV вв. есть группа специфических чехлов для ножей, относящихся к комплексу вещей «карельского типа». В Новгороде встречаются металлические оковки ножен «карельского типа». Здесь же имеется серия кожаных чехлов для ножей с расшивкой металлической вальцованной нитью по боковой стороне, которые можно считать упрощенным декором вещей «карельского типа».

Ключевые слова: кожаные ножны с прошивкой бронзовой проволокой, новгородское ремесло, торговля древнерусских городов.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-116-121

В материальной культуре средневековой народности корела археологи выделяют комплекс соответствующих этнокультурных признаков. Среди прочего в археологических памятниках эпохи расцвета древней Карелии в XII–XIV вв. имеется группа специфических чехлов для ножей, которые А. И. Сакса назвал характерным и непременным предметом женского убора. Их особенность — широкие орнаментированные оковки из листа медного сплава, покрывающие всю поверхность ножен. Разработанная типология разделяет изделия по форме бронзовых деталей, а их варианты — по орнаментации. В основе декора лежат гравированные S-видные завитки, сплетенные линии, стилизованные листья аканта, восьмиобразные ленты, имеющие разную форму и переплетающиеся в различных сочетаниях (рис. 1). На свободной от овок поверхности кожи многих ножен сделана фигурная прошивка вальцованной бронзовой проволокой. По форме она повторяет гравировку на оковках (Сакса, 2010. С. 124–126, рис. 24).

¹Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

²ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: alkurba@rambler.ru.

© Курбатов А. В., 2023

Несмотря на большое количество таких чехлов, обнаруженных в Карелии и на соседних территориях, вопрос о местах их изготовления остается дискуссионным. По мнению С. Лаул и Х. Фалька, подобные ножны с орнаментом из бронзовой ленты, например, из погребений 22 и 59 грунтового могильника Сиксяля в Юго-Восточной Эстонии, сделаны на территориях води (рис. 2, 1), ижоры и корелы, откуда они распространились в Северную и Восточную Латвию (рис. 2, 2, 3) и область ливов. Такие находки есть, например, в могильниках Uplanti, Kåbele и Даниловка (Apala, 1987. L. 101; Шноре, 1980. L. 50).

Можно указать также могильник у с. Лиепенес в бассейне р. Гауи, где в кургане 3 найдена верхняя часть кожаного чехла с двойной боковой строчкой и горизонтальной расшивкой «плетенка» двойной строкой вдоль всего устья чехла (Граудонис, Тыниссон, 1963. Рис. 5, 11). В этом некрополе отмечается необычно хорошая сохранность органики. В нескольких погребениях находили остатки обуви, в одном был поясной ремень с металлическими накладками.

Подобные вещи известны и в Белорусском Понеманье, в частности, в каменных могилах у дер. Вензовщина (Гуревич, 1962. С. 124, рис. 111, 9; 113, 1). Эти чехлы имели фигурную расшивку металлической нитью по всей поверхности ножен.

Подобные изделия также имеют параллели в Юго-Западной Финляндии и Карелии (Kivikoski,

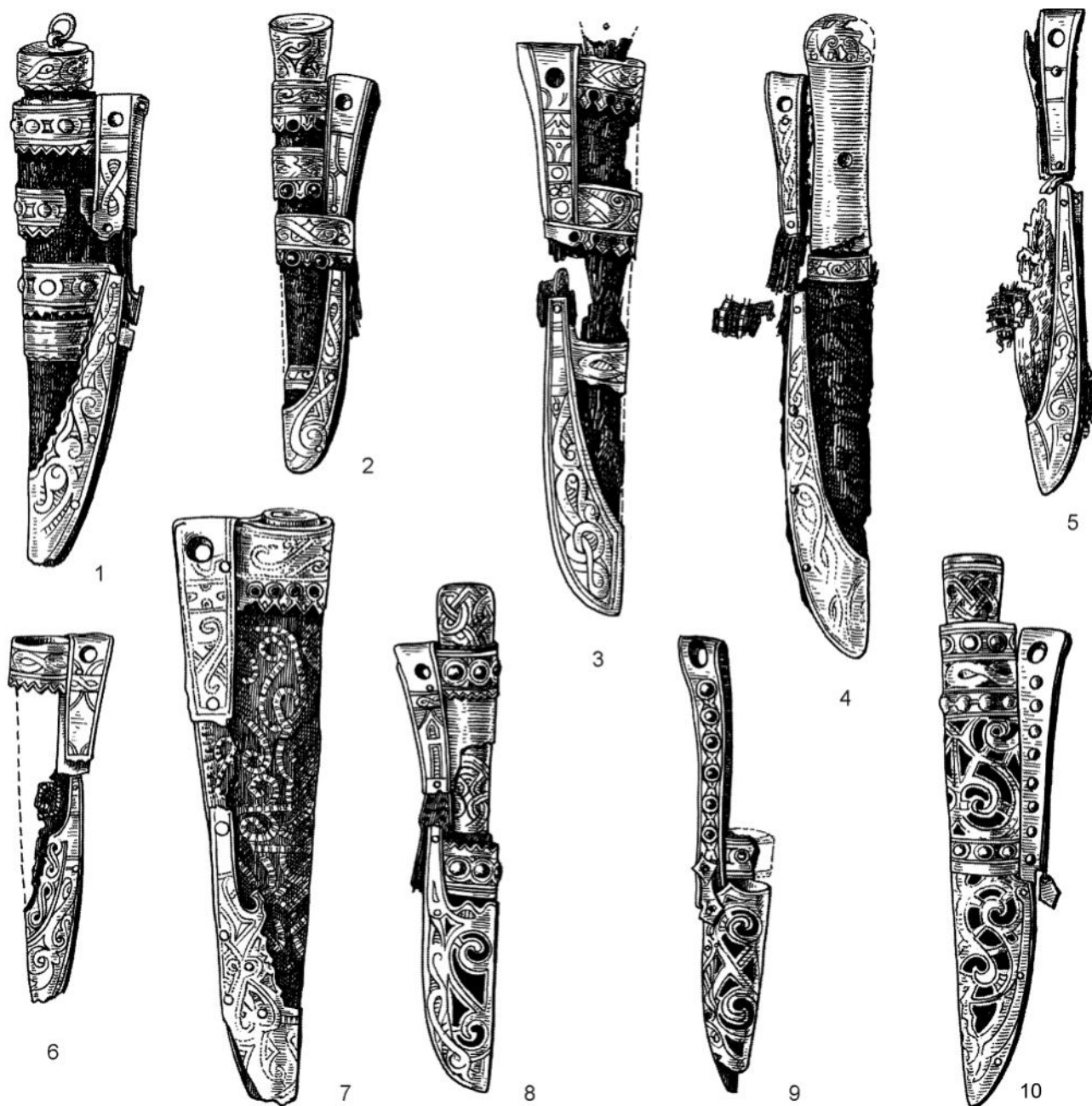

Рис. 1. Кожаные ножны с бронзовой обкладкой из памятников Карелии (Сакса, 2010. Рис. 24)
 Fig. 1. Leathersheaths with bronze bindings from sites in Karelia (Saksa, 2010. Рис. 24)

1973. С. 144, 147, fig. 1180, 1227). По мнению Л. Тунмарк-Нюлен, эти ножны — продукция готландских мастеров, поскольку манера их отделки соответствует готландскому руническому стилю XI–XII вв. с пальметтами (Thunmark-Nulén, 1995. S. 164, fig. 4b; 182).

Однако не следует исключать и ремесленные центры в Прибалтике, где сходные по стилю наборы бронзовых вещей и украшений имели ши-

рокое хождение и массово встречаются в археологических памятниках.

Находки из Латвии датируются XIII–XIV вв., из Карелии — XIII в. (Laul, Valk, 2007. S. 64, 65, fig. 62, 63), такая точка зрения базируется на выводах Е. А. Рябинина (Рябинин, 1997. С. 79). По мнению Р. Спиргиса, ранние кожаные чехлы для ножей с декором из прошивок бронзовой вальцованной проволокой в могильниках

Рис. 2. Ножны (1–4), чехол для миниатюрных ножниц (5) и привеска в виде ножен (6): 1 — могильник Сиксälä, Эстония (Laul, Valk, 2007. Fig. 62); 2, 3 — два варианта из ливских могильников, бассейн р. Даугавы, Латвия (Spirģis, 2008. Att. 100); 4 — со следами прошивки вальцованной бронзовой проволокой, Великий Новгород, слои конца XII в. (Древний Новгород..., 1985. Ил. 288); 5 — Полоцк, конец XII – первая половина XIII в. (Курбатов, 1999. С. 109, рис. 13, 1–2); 6 — Великий Новгород, первая половина XII в. (Древний Новгород..., 1985. Ил. 117). 1–5 — кожа; 6 — свинцово-оловянный сплав. 4–6 — без масштаба

Fig. 2. Sheaths (1–4), case for miniature scissors (5) and pendant in the form of a sheath (6): 1 — cemetery of Siksälä, Estonia (Laul, Valk, 2007. Fig. 62); 2, 3 — two variants from Liv burial grounds, River Daugava basin, Latvia (Spirģis, 2008. Att. 100); 4 — with traces of stitching with a rolled metal thread, Veliky Novgorod, layers of the late 12th century (Древний Новгород..., 1985. Ил. 288); 5 — Polotsk, late 12th – first half of the 13th century (Курбатов, 1999. С. 109, рис. 13, 1–2); 6 — Veliky Novgorod, first half of the 12th century (Древний Новгород..., 1985. Ил. 117). 1–5 — leather; 6 — tin-lead alloy. 4–6 — without scale

Латгалии можно датировать второй половиной XII — XIII в. (Spirģis, 2008. L. 481).

Как считал А. И. Сакса, сложение комплекса самобытных карельских изделий происходило в XII в. не без влияния новгородской ремесленной традиции (Сакса, 2002). Поэтому не вызывают удивления многочисленные находки в средневековых слоях Новгорода предметов из дерева, металла и кожи, украшенных растительным и шнуровым орнаментами, характерными именно для карельских древностей (Сакса, 2010. С. 311, 312). Порой исследователи ограничиваются только констатацией факта присутствия подобных вещей на усадьбах Новгорода, не поднимая вопрос о месте их изготовления (Варенов, 1997).

В числе указанных выше предметов встречаются металлические оковки ножен «карельского

типа» (Варфоломеева, 1994. С. 170). Определенную переключку с орнаментом карельских ножен можно заметить в серийных для Новгорода находках кожаных чехлов для ножей с расшивкой металлической вальцованной нитью по боковой стороне S-видными линиями. В отличие от высокохудожественных изделий циркумбалтийского региона, где расшивка покрывает все поле чехлов, декор новгородских вещей упрощен.

Новгородские чехлы с расшивкой металлической нитью типологически относят к группе асимметричных чехлов — чехлов с боковым швом, отличительным признаком которых является широкий боковой выступ. Именно на него наносилась прошивка растительной нитью или вальцованной бронзовой проволокой (рис. 2, 4), здесь же делались и S-видные завитки.

В работе Т. С. Матехиной учтено более 200 чехлов с широким боковым швом, но не указано количество изделий с расшивкой металлической нитью (Матехина, 2009. С. 70–74, табл. II). Новгородские находки датируются XII — первой половиной XIV в. Судя по рисункам в этой работе, на всех раскопах в Новгороде выделено несколько десятков целых изделий или фрагментов с определенными элементами расшивки металлической нитью (Там же. Табл. XI, 1–22; XII, 11, 14, 15, 17, 21; XIII, 1–14; XIV, 1, 5; XV, 2). Это могла быть прямая одинарная или двойная строчка, сшивавшая края ножен сбоку, или строчка с дополнительными завитками на концах, или отдельные S-видные элементы, заключенные между линиями прошивки. В ряде чехлов край со швом сам имел фигурные вырезы.

Такие изделия находили на разных участках. Так, на Троицком раскопе в 1973–1977 гг. в слоях 1150–1210-х гг. была открыта усадьба Олисея Гречина. Среди прочего на ней встречены четыре кожаных чехла для ножей, различных по отделке и размерам. У всех находок шов располагался сбоку. «Двое ножен по краю имели вышивку, у них сохранились и отверстия для подвешивания. Внутри одного экземпляра (14-215) уцелела деревянная прокладка, предохраняющая ножны от пореза лезвием» (Колчин и др., 1981. С. 93, рис. 44, 1). Из представленных на рисунках двух чехлов один экземпляр имеет кожу с тиснением «сеточка» и оба — двойную прошивку по длинному выступу.

Ножны, украшенные бронзовой нитью, регулярно встречаются в последние годы, в частности в 2018 г. на Троицком XV раскопе. Исследованные в этом сезоне слои датированы второй половиной XII в., с предварительным уточнением — 1160–1190 гг. (Янин и др., 2020. С. 11, 16).

В других древнерусских городах такие предметы единичны: от одного до пяти экземпляров. Близкие новгородским чехлы известны в Пскове, Старой Руссе и Твери (Оятева, 1962. С. 93, 94, рис. 10, 13, 15, 17; Антропова, 2004. С. 290, рис. 15, 2; Курбатов, 2004. С. 52, 53, рис. 120, 1–5, 12). В Полоцке встречен чехол для миниатюрных ножниц с расшивкой и тиснением «сеточка» (рис. 2, 5).

На тверских изделиях прослеживается техническая особенность сшивания. Для прошивки края использованы растительная нить, тонкие кожаные ремешки или вальцованная металлическая проволока. Каждый материал оставляет характерные отпечатки на коже. Использование кожаных ремешков маркируют наклонные прорезы и оттиски по боковой стороне, а металлическая

нить дает характерную смятость краев шивных отверстий. На одном из чехлов просматривается манера сшивания: видимая сплошная линия строчки с обеих сторон при работе одной бронзовой нитью достигалась наклонным ее протягиванием сквозь толщу кожи с последующим возвратом в исходное отверстие на каждой стороне. При этом стежки на противоположных плоскостях смещались на полшага относительно друг друга. Такой прием отмечен и на чехле из Полоцка конца XII — первой половины XIII в.

Кроме средневековых городов изделия с прошивкой металлической нитью по боковой стороне S-видными линиями известны в ряде могильников. Возможно, к таким находкам можно отнести кожаные ножны, обнаруженные при раскопках 1940 г. кургана у подмосковного села Черемушки (Савков, 1940). В 1978–1981 гг. Р. Л. Розенфельдт вел раскопки курганного могильника XI–XII вв. Шейка I в Истринском районе Московской области. В кургане 78 (1979 г.) среди инвентаря детского (?) погребения оказался орнаментированный кожаный чехол с прошивкой, в котором, возможно, помещалась ложечка-амулет из медного сплава. Схематичный рисунок автора раскопок с частыми насечками по краям и в середине расширенной части изделия позволяет предполагать прошивку вальцованной проволокой (Зоц, 2020. С. 141, рис. 18).

Подобные находки отметил Е. А. Рябинин в могильниках Унотицы и Дятлицы на Ижорском плато (Рябинин, 1989. С. 26, рис. 1–16). Но здесь расшивка бронзовой проволокой кожаного изделия из кургана 6 Унотиц приходится на всю ширину устья, тогда как боковой выступ усилен накладкой из листа медного сплава. Эти изделия правильнее относить к обобщенно «карельскому» типу, а не «новгородскому». Детализировать расположение расшивки ножен в погребении кургана 42 в Дятлицах сложно из-за схематизма рисунка.

В могильниках Костромского Поволжья чехлы для ножей с прошивкой на боковом выступе отмечены в женских захоронениях (Рябинин, 1986. С. 85, 138, табл. VII, 19, 20).

В некрополе Монино на Белом озере в погребениях 4 и 22 XI–XII вв. «расчищены остатки двух кожаных ножен, украшенных расшивками из бронзовых лент (рис. 3, 9). От обоих экземпляров сохранились выступающие вверх асимметричные ушки для подвешивания, края которых имеют перфорацию, прошитую металлической полосой шириной 0,8 мм. Центральная часть одного

Рис. 3. Детали ножей и ножен из памятников Кубенского озера: 1, 3, 6–9 — Минино II; 2, 5 — Владышнево II; 4 — Минино I, раскоп 1 (Археология..., 2008. Рис. 63). 1–8 — цветной металл; 9 — кожа, цветной металл

Fig. 3. Parts of knives and sheaths from sites on Lake Kubenskoye: 1, 3, 6–9 — Minino II; 2, 5 — Vladyshnevo II; 4 — Minino I, excavation 1 (Археология..., 2008. Рис. 63). 1–8 — non-ferrous metal; 9 — leather, non-ferrous metal

выступа дополнительно украшена двумя завитками, вышитыми той же лентой» (Археология..., 2008. С. 77, рис. 63, 9). Еще одна находка известна в погребениях у дер. Бор Окуловского района Новгородской области. В описании материалов могильника дан только рисунок ножен, без описания (Фролов и др., 1995. Рис. 4, 3).

Считать своеобразные кожаные чехлы для ножей с прошивкой бокового выступа бронзовой проволокой новгородскими изделиями позволяет их массовость в слоях Новгорода XII–XIV вв. Кроме того, в этих же напластованиях встречаются и металлические игольники в форме таких ножен, с изображением на них S-видной линии расшивки (рис. 2, б). М. В. Седова называла их «амулеты-ножны», хотя допускала их использование как футляров для игл (Седова, 1981. С. 26). Она отметила малочисленность подобных находок в Северной Руси и высказала предположение об их финно-угорском происхождении. Но в настоящее время, учитывая накопленный материал, местом производства таких изделий можно считать Новгород.

Предложенную группу предметов — кожаные ножны с расшивкой бронзовой нитью и сходные с ними по форме вертикальные металлические игольники — справедливо будет рассматривать как новгородские ремесленные изделия, имеющие в декоративной отделке определенный «карельский след». Их распространение в Восточной Европе отражает широту торговых связей Великого Новгорода в XII–XIV вв.

Антропова, 2004 — Антропова Я. В. Коллекция кожаных изделий Георгиевского раскопа в Старой Руссе // ННЗИА. 2004. Вып. 18. С. 283–292.

Археология..., 2008 — Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. М.: Наука, 2008. Т. 2: Материальная культура и хронология. 365 с.

Варенов, 1997 — Варенов А. Б. Карельские древности в Новгороде (опыт топографирования) // ННЗИА. 1997. Вып. 11. С. 94–105.

Варфоломеева, 1994 — Варфоломеева Т. С. Металлические детали кожаных футляров XI–XV вв. из раскопок в Новгороде // ННЗИА. 1994. Вып. 8. С. 166–182.

Граудонис, Тыниссон, 1963 — Граудонис Я. Я., Тыниссон Э. Ю. Раскопки ливских курганов в Кримулде // СА. М.: Наука, 1963. № 1. С. 241–252.

Гуревич, 1962 — Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Поманья. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 222 с.

Древний Новгород..., 1985 — Древний Новгород: прикладное искусство и археология: Альбом /

Сост. Б. Колчин, В. Янин, С. Ямщиков. М.: Искусство, 1985. 167 с.

Зоц, 2020 — Зоц Е. П. Древнерусский погребальный костюм по материалам раскопок курганного могильника XI–XII веков Шейка I в Истринском районе Московской области // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2020. Вып. 16. С. 130–148.

Колчин и др., 1981 — Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1981. 168 с.

Курбатов, 1999 — Курбатов А. В. Наследие М. К. Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб: ИИМК РАН, 1999. С. 100–117.

Курбатов, 2004 — Курбатов А. В. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб: Петербургское Востоковедение, 2004. 312 с.

- Матехина, 2009 — Матехина Т. С. Кожаные изделия средневекового Новгорода: чехлы, футляры, сумки: Дис. ... кандидата исторических наук. URL: <https://www.dissercat.com/content/kozhanye-izdeliya-srednevekovogo-novgoroda> (дата обращения: 25.02.2023).
- Оятева, 1962 — Оятева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. Л.: Искусство, 1962. Вып. 4: Славянские древности. С. 77–94.
- Рябинин, 1986 — Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986. 158 с.
- Рябинин, 1989 — Рябинин Е. А. Ножны и литые рукоятки ножей северо-западных районов Руси // КСИА. 1989. Вып. 195: Славяно-русская археология. С. 25–33.
- Рябинин, 1997 — Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб: Изд-во СПбГУ, 1997. 259 с.
- Савков, 1940 — Савков И. В. Курганы с Черемушки // Сборник научных студенческих работ МГУ. М.: Изд-во МГУ, 1940. Вып. 11. История. С. 59–81.
- Сакса, 2002 — Сакса А. И. Древняя Карелия и Новгород // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 88–92.
- Сакса, 2010 — Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной карельской земли. СПб: Нестор-История, 2010. 400 с.
- Седова, 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 194 с.
- Фролов и др., 1995 — Фролов А. А., Меснянкина С. В., Торопов С. Е. Некоторые итоги археологических исследований в районе дд. Заручевье-Бор (Окуловский район Новгородской области) // ННЗИА. 1995. Вып. 9. С. 71–82.
- Шноре, 1980 — Шноре Э. Погребения жальничного типа на северо-востоке Латвии // Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis. Rīga: Zinātne, 1980. 12. L. 38–54.
- Янин и др., 2020 — Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Синх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2018 г. (Троицкие раскопы XV и XVI) // ННЗИА. 2020. Вып. 33. С. 11–24.
- Apala, 1987 — Apala Z. Drabešu Uplantu kapsēta // Arheologija un etnogrāfija. Rīga: Zinātne, 1987. XV. S. 94–109.
- Kivikoski, 1973 — Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Neuausgabe. Helsinki: Weilin & Göös, 1973. 150 s.
- Laul, Valk, 2007 — Laul S., Valk H. Siksälä. A community at the frontiers iron age and medieval. Tallinn; Tartu: Tartu Ülikool, Ajaloo ja Arheoloogi Instituut, 2007. 237 s.
- Spirģis, 2008 — Spirģis R. Bruņrupuču saktas ar krūšu važiņrotām un lībiešu kultūras attīstība Daugavas lejtecē 10.–13. gadsimtā. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2008. 511 lpp.
- Thunmark-Nulèn, 1995 — Thunmark-Nulèn L. Churchyard Finds from Gotland (11th–12th centuries) // Archaeology East and West of the Baltic: Papers from the Second Estonian-Swedish Archaeological Symposium, Sigtuna. Stockholm: Department of Archaeology, Stockholm University, 1995. S. 161–193.

The Karelian trace in products of Novgorod leatherworkers

A. V. Kurbatov¹

Keywords: leathern sheaths stitched with bronze wire, Novgorod handicraft, trade in Early Russian towns.

In the material culture of the mediaeval people Korela, archaeologists distinguish a complex of ethno-cultural features of the 12th–14th cen. Inter alia, it includes peculiar knife cases which constituted a characteristic and indispensable item of the female decoration. Their peculiarity is in broad bronze ornamented bindings covering the entire surface of the cases. On the leather surface free of the bindings, a figure stitching was made with a rolled bronze wire repeating in its form the engravings on the bindings.

In the opinion of A. I. Saksa, the formation of the entire complex of distinctive Karelian manufactured articles was taking place in the 12th cen. not without the influence of the Novgorod handicraft tradition. Metal bindings on sheaths of the “Karelian type” do indeed occur in Novgorod. Yet here, there is something in common with the serial in Novgorod “Karelian” ornamentation on the leather knife cases embroidered in S-like lines with a rolled metal thread on the lateral side.

The group of leathern sheaths stitched with bronze threads and similar in form metal needle cases can be justly considered as Novgorod handicrafts demonstrating a certain “Karelian” trace in their decorative treatment. Their spread in East Europe reflects the wide character of the trade connections of Veliky Novgorod in the 12th–14th cen.

¹ Alexandr V. Kurbatov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: alkurba@rambler.ru.

Стеклянные сосуды «группы Алдревандино» из раскопок в Великом Новгороде¹

А. В. Плохов²

Аннотация. Статья посвящена двум сосудам, украшенным разноцветными эмалями, известным как кубки «группы Алдревандино». Обломки этих сосудов были найдены при археологических исследованиях Великого Новгорода в культурных слоях конца XIII — первой половины XIV в. на Неревском и Дубошином раскопах. Рассматриваются морфология, декор и социальный контекст находок.

Ключевые слова: Великий Новгород, XIII–XIV вв., кубки, расписанные эмалью сосуды, «группа Алдревандино».

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-122-138

В средние века Великий Новгород имел тесные контакты с Западной Европой, прежде всего с ганзейскими городами, которые нашли отражение как в письменных источниках, так и в археологических материалах (Рыбина, 2001; 2009). Среди находок, полученных в результате раскопок в городе, представлены массовые категории импортных товаров (серебро, цветные металлы, ткани, янтарь), изделия, доставленные небольшими партиями (ювелирные украшения, складные металлические и деревянные оправы стеклянных зеркал, ножи, хрустальные вставки, стеклянные перстни, оконное стекло, керамическая посуда), а также единичные, уникальные предметы (Рыбина, 1968; Рыбина, 1978. С. 60–84; 1994; 2001. С. 226–258; 2009. С. 181–206; Седова, 1981; Варфоломеева, 1995; Мусин, 2012; Крюгер, Рыбина, 2013; Серезникова, 2013; 2014; 2018; 2020а; 2020б). К последним, безусловно, относятся западноевропейские стеклянные сосуды, встреченные в средневековом культурном слое Новгорода в незначительном количестве (Щапова, 1963. С. 137, рис. 9; 1989;

Рыбина, 1978. С. 78; 2001. С. 245; 2009. С. 196). Особого внимания среди этих находок заслуживают обломки двух кубков из прозрачного бесцветного стекла, украшенных полихромной росписью.

Части первого сосуда — три небольших фрагмента³ — зафиксированы в 1955 г. при работах на Неревских XVI и XVII раскопах (рис. 1, 1–3). Они происходят с усадьбы «К», из напластований, относящихся к 11–12-му ярусам. По результатам дендрохронологического анализа эти отложения датируются последними десятилетиями XIII — началом XIV в. (1281–1313 гг.) (Колчин, 1968. С. 10). Стекло качественное, с небольшим количеством эллиптических и сферических пузырьков. Толщина стенок — 1,2 мм. На фрагментах сохранилась роспись разноцветными эмалями (белой, желтой, печеночно-красной, синей, черной), которые были нанесены как на внешнюю, так и на внутреннюю поверхности⁴. Общая

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: a_plokhov@mail.ru.

© Плохов А. В., 2023

³ Эти находки довольно подробно, но с некоторыми неточностями, описаны Ю. Л. Щаповой (Щапова, 1962. С. 232, 233; 1963. С. 117, 129, 130, рис. 4, 4). Их паспортные данные: 1-й фр. — Н-55, пл. 16, кв. 1214, № 12 (5013); 2-й фр. — Н-55, пл. 17, кв. 1177а, № 5 (5014), НГОМЗ КП 35698/1865. У Ю. Л. Щаповой место обнаружения первого обломка (кв. 1240, пл. 15) указано неправильно. Благодарю А. М. Гринева за информацию.

⁴ Ю. Л. Щапова полагала, что этот сосуд из-за такой особенности вряд ли «был предназначен для постоянного использования в быту» и мог иметь «только декоративное назначение» (Щапова, 1962. С. 233;

орнаментальная композиция сосуда неясна. На одном осколке изображена голова человека в красной одежде, несколько повернутая вправо (рис. 1, 1)⁵. Она выполнена белой эмалью с последующей графической прорисовкой черным цветом деталей лица (крупного прямого носа, миндалевидных глаз, бровей, ресниц, небольшого рта, подбородка и даже темных кругов под глазами), которые изображены довольно реалистично. На голову надет приземистый округлый полосатый головной убор, похожий на тюрбан, выполненный черной и белой эмалью. По-видимому, в руке человек держит какой-то предмет синего цвета. Выше головы сохранилась часть желтого участка, оконтуренного белой эмалью. На втором, самом маленьком, осколке можно увидеть остатки растения, стебель и контуры листа которого выполнены белой эмалью (рис. 1, 2)⁶. Справа белая контурная линия ограничивает красную область, возможно, часть колонны. На третьем, самом крупном, обломке кроме растения с тройчатыми двухцветными (красными и зеленым) листьями в белом контуре имеется маленькая часть головного убора, близкого представленному на первом фрагменте (рис. 1, 3). Очевидно, что на сосуде имелось еще одно изображение человека, по-видимому, окруженное синей полосой в белых контурных линиях. Снизу орнаментальная зона ограничена прямыми горизонтальными линиями, нанесенными печеночно-красной и желтой эмалью⁷. Диаметр сосуда внизу на уровне этих линий около 7 см. Из-за незначительности фрагментов и отсутствия профильных частей трудно определить форму и параметры изделия, которому они принадлежали. Ясно только, что оно имело несколько сужающиеся ко дну стенки.

1963. С. 137). Похожие мнения представлены в работах некоторых зарубежных ученых. Так, А. Нёлке считал, что подобные кубки создавались для особых случаев, а не для повседневного употребления (Nölke, 1997. S. 21). Т. Медичи писала о том, что они использовались не для питья, а имели праздничное или памятное значение (Arzone et al., 2017. P. 18). И. Крюгер высказала сомнение в стойкости нанесенных внутри красок при контактах с напитками или многократном мытье (Kruöger, 2018. S. 137).

⁵ Снаружи рисунок на фрагменте нанесен желтой, белой и черной эмалью, а внутри — печеночно-красной, синей и черной.

⁶ Снаружи это белая и желтая эмаль, а внутри — печеночно-красная.

⁷ Снаружи — печеночно-красная, белая, желтая и синяя эмаль, а внутри — печеночно-красная и черная.

От второго сосуда, найденного в 1978 г. на Дубошином раскопе, сохранилось 10 обломков: венчик и девять стенок⁸ (рис. 1, 4–13). Они найдены в трех соседних квадратах, в пластах, привязанных к ярусам 6–8 застройки. Эти ярусы датируются первой половиной — серединой XIV в. (Гайдуков, 1997. С. 63, 64). Большинство фрагментов происходит из отложений середины этого столетия, видимо, так и следует датировать попадание обломков сосуда в культурный слой, а нахождение трех осколков в более ранних напластованиях является результатом вертикального перемещения при перекопах. Диаметр изделия на уровне венчика — 9 см. Так же как и первый сосуд, он изготовлен из довольно качественного прозрачного бесцветного стекла, в котором наблюдаются эллиптические пузырьки. Толщина стенок — 1,0–1,2 мм, по краю венчика она доходит до 1,6 мм. На фрагментах венчика и пяти стенок видны две группы горизонтальных линий, выполненных желтой и печеночно-красной эмалевыми красками, которые ограничивали фриз с надписью (рис. 1, 4–9). От нее на обломках видны части готических букв, исполненные белой эмалью. Таким же цветом нанесен ряд точек в верхней части орнаментальной композиции. На одном осколке виден фрагмент птичьего крыла на желтом фоне, обрамленный печеночно-красной полосой (рис. 1, 11). Черная и печеночно-красная эмали нанесены с внешней стороны сосуда, а желтая — с внутренней. Еще на трех обломках видны части не очень понятного рисунка, выполненного снаружи белой эмалью, изнутри красной, а на одном фрагменте еще и серой. Полностью восстановить форму сосуда из-за отсутствия придонной части можно только исходя из аналогий. Из найденных фрагментов ясно только, что он имел расширяющиеся кверху стенки.

Ю. Л. Шаповал в своих работах отнесла сосуд, обломки от которого зафиксированы на Неревском раскопе, «к изделиям сирийских мастерских» (Шаповал, 1962. С. 233, 234; 1963. С. 130). Как «осколки сирийских стеклянных сосудов (конец XIII — середина XIV в.)» атрибутированы исследователями и находки из Дубошина раскопа (Янин и др., 1979. С. 47). Однако в настоящее время совершенно ясно, что обнаруженные в Новгороде фрагменты не принадлежали изделиям исламских мастеров,

⁸ Паспортные данные: Н-78, Р-Дуб., 20-14, № 32 (7 фр.); 22-20, № 3 (1 фр.); 23-15, № 9 (2 фр.). НГОМЗ КП 28081 / А 58-157, 181, 182.

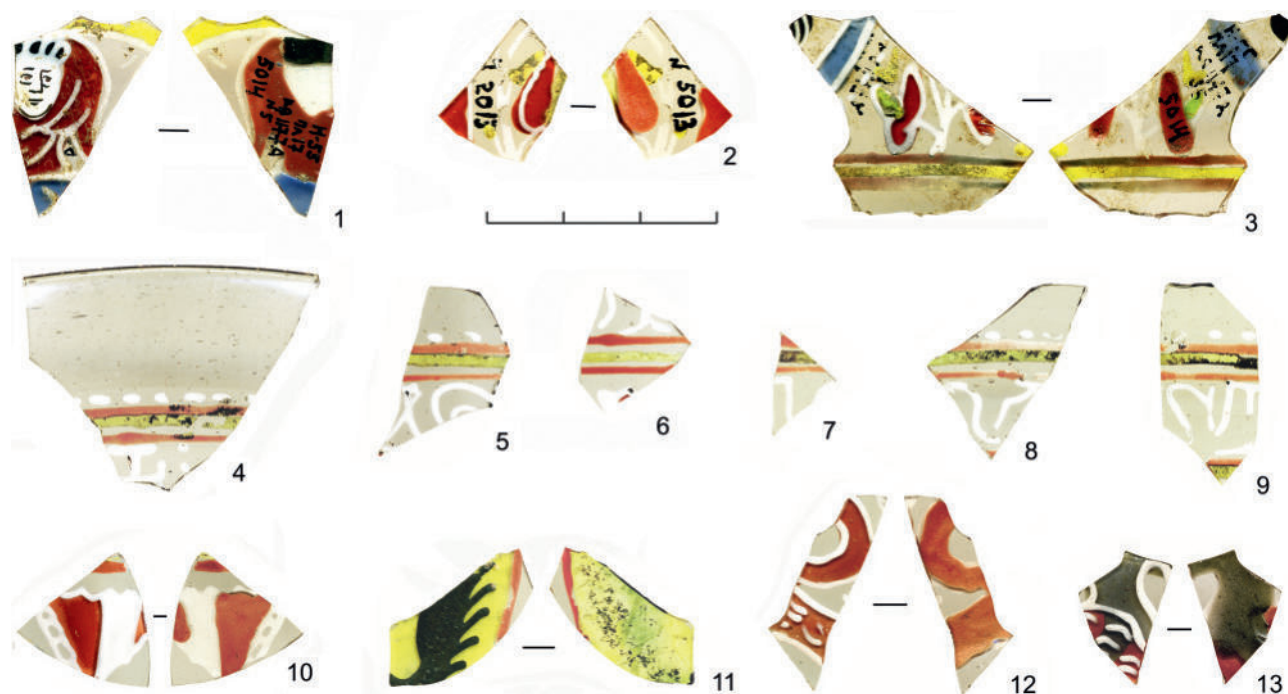

Рис. 1. Фрагменты кубков «группы Алдревандино» из Новгорода: 1–3 — Неревский раскоп; 4–13 — Дубошин раскоп

Fig. 1. Fragments of the “Aldrevandin group” beakers from Novgorod: 1–3 — Nerevsky excavation site; 4–13 — Duboshin excavation site

а являются частями позднесредневековых европейских украшенных эмалью кубков⁹.

От средневековых исламских кубков с золотой и эмалевой росписью изготовленные в Европе сосуды отличаются рядом признаков. В основном они имеют другие, более приземистые, пропорции и иную, чем у большинства «сирийских» сосудов, профилировку верхней части (Wolf, 2004. S. 559; Ward, 2015. P. 143, 144). Роспись золотом, в отличие от исламского стекла, отмечается на них довольно редко (Steppuhn, 1996. S. 328; 2014. S. 194; Krueger, 2003. S. 30; 2018. S. 136; Ward, 2015. P. 145), вместо него используется желтая эмаль. К немногочисленным исключениям относится богато украшенный кубок из Штральзунда (Германия) (Möller, 1994; Krueger, 1998). На большинстве европейских изделий рисунок выполнен наложением эмалевых красок на стенки не только снаружи, но и изнутри. По мнению ряда ученых, одной из возможных причин использование такого приема являлось достижение большей

визуальной пластичности изображений (Nölke, 1997. S. 20; Carboni, 1998. P. 103; Steppuhn, 2014. S. 194), тогда как И. Крюгер, наиболее крупный знаток рассматриваемого стекла, видит в этом чисто технологические основания — в упрощении, рационализации работы (Krueger, 2018. S. 137). На «восточных» сосудах подобная техника росписи, по данным исследователей, появилась несколько позже, чем на европейских, и в основном она применялась для решения других практических задач (Carboni, 1998. P. 195, note 30; Ward, 2015. P. 140; Krueger, 2018. S. 137, 138). Отличается продукция этих двух регионов качеством стекла, составом некоторых цветов эмали, набором сюжетов в росписи, а также другими элементами декора (Ward, 2015. P. 143–145). В частности, вместо бордюра, содержащего арабскую надпись, восхваляющую правителя, или цитату из Корана, на европейских кубках представлены латинские тексты религиозного или светского содержания, а на некоторых изделиях имеются «подписи», сообщающие имя создавших их мастеров или владельцев мастерских (Krueger, 1998. P. 107, 108; 2002. P. 125; 2003. S. 32; 2015. S. 99; 2018. S. 156–158).

После работ Р. Шмидта и К. Й. Ламма сосуды, аналогичные найденным в Новгороде, относились в европейской литературе к «сиро-франкской»

⁹ О том, что находки с Неревского раскопа являются фрагментами не «сирийских», а европейских кубков, уже писали ученые из Эстонии и Германии (Mäesalu, 1999. S. 82; Krueger, 2002. P. 117; 2003. S. 29; 2018. S. 134, Anm. 26, Abb. 2).

(“Syro-Frankish”, “Syro-Franconian”, “syro-fränkische”, “syrisch-fränkischen”) группе. Р. Шмидт полагал, что они были изготовлены во второй половине XIII в. в сирийских мастерских местными работниками, а также итальянцем («Magister Aldrevandini») по европейским заказам (*Schmidt*, 1912. S. 57). К. Й. Ламм, создавший в 1920–1930-х гг. типологическую систему всего средневекового ближневосточного стекла, считал, что «сиро-франкская группа» занимает особое место в эволюции расписной исламской стеклянной посуды. По мнению исследователя, изделия этой группы были сделаны примерно в 1260–1290 гг. европейцами в каком-то из трех прибрежных городов сирийских владений крестоносцев, возможно, по большей части для экспорта на Запад (*Lamm*, 1930. S. 246, 278, 279; 1941. P. 77–98).

В 1968 г. «сирийскую» гипотезу поставил под сомнение Х. Тейт (*Tait*, 1968. P. 151, 152). В дальнейшем во многом благодаря исследованиям Л. Цеккином письменных источников в Государственном архиве Венеции она была полностью отвергнута (*Zecchin*, 1969; 1970; и др.). Начиная с 1970-х гг. наиболее распространенной является точка зрения, по которой рассматриваемые сосуды изготавливались на венецианском острове Мурано, где в XIII в. сложился крупный надрегиональный центр стекольного производства (*Xan*, 1977; *Kahsnitz*, 1984. S. 319; *Krueger*, 1984. S. 510, 513, 514; 2002. P. 116; 2015. S. 98; 2018. S. 132–134, 160; *Schmidt-Thomé*, 1985. S. 41; 1986. S. 109; *Hoekstra*, 1986. P. 69; *Baumgartner, Krueger*, 1988. S. 126; *Tait*, 1991. P. 151–153; *Pause*, 1993. P. 235, 236; *Freestone, Bimson*, 1995. P. 416; *Steppuhn*, 1996. S. 328, 329; 2002. S. 18; 2005. S. 330; 2014. S. 194–196; *Haggrén*, 1997. P. 354; 2003. S. 224, 225; *Carboni*, 1998; *Venice...*, 2007. P. 256; *Verità*, 1995; 1998. P. 129, 133; *Mangelsdorf*, 1999. S. 448, 449; *Carboni, Whitehouse*, 2001. P. 298, 302, 303; *Sedláčková*, 2001. S. 414; *Hoššo et al.*, 2002. S. 608; *Wolf*, 2004. S. 554, 561; *Крамаровский*, 2006. С. 264; *Крамаровский, Гукин*, 2009. С. 587; *Georgopoulou*, 2009. P. 79–83; *Medici*, 2008. P. 317; 2011. P. 326, 327; 2012. P. 100; *Verità, Zecchin*, 2012. P. 168, 169; *Sedláčková et al.*, 2014. P. 242; *Žďárská*, 2014. S. 111; *Arzone et al.*, 2017. P. 12, 13, 17, 18, 23; *Pause, Steppuhn*, 2018. S. 218)¹⁰. Хотя нельзя

не отметить, что многие ученые считают возможным производство украшенных полихромной росписью кубков и за пределами Адриатической республики, в мастерских, связанных «с традицией венецианской школы стеклоделия» (*Xan*, 1977. С. 137, 138; *Krueger*, 1984. S. 510; 1998. P. 109; 2001. S. 146; 2002. P. 132; 2018. S. 160–162; *Baumgartner, Krueger*, 1988. S. 126; *Pause*, 1993. P. 238, 239; *Möller*, 1994. S. 223; *Nölke*, 1997. S. 17, 21, 22; *Mangelsdorf*, 1999. S. 449; *Mäesalu*, 1999. S. 75, 76; *Steppuhn*, 2002. S. 18; 2014. S. 195, 196; *Крамаровский*, 2006. С. 265–268; *Крамаровский, Гукин*, 2009. С. 588–591; *Ward*, 2015. P. 137, 138; *Lerma*, 2017. P. 207). Возможно, в какой-то из этих мастерских были изготовлены небольшие приземистые сосуды со схожей орнаментальной композицией, найденные в Лиссабоне (Португалия), Монкальери (Италия) и Старом Крыму (*Baumgartner, Krueger*, 1988. S. 150–151, Nr. 105; *Medici*, 2008. P. 316, fig. 1; 2; 2011. P. 326, fig. 9; 2012. P. 99, fig. 1–3; *Venegoni*, 2012. fig. 2–5; *Lerma*, 2017. P. 202, fig. 4–6; *Pause, Steppuhn*, 2018. S. 218, 219). От большинства других кубков с эмалевой полихромной росписью они отличаются не только пропорциями, но и значительно большей коррозией поверхностей, что может свидетельствовать о другом составе стекла.

По одному из немногих хорошо сохранившихся экземпляров с надписью «+ MAGISTER. ALDREVANDIN. ME. FECI» («Мастер Алдревандин[о] меня создал»), происходящему из собрания Британского музея (*Lamm*, 1929. Taf. 99, 3; 1930. S. 278–279; 1941. P. 83, pl. XXIII, 3; *Tait*, 1968. P. 151; *Baumgartner, Krueger*, 1988. Kat. Nr. 103; *Carboni, Whitehouse*, 2001. P. 297, 302; *Krueger*, 2002. P. 111–113, fig. 1), «ранневенецианские» украшенные полихромными эмалями сосуды были объединены учеными в «группу Алдревандино» («Aldrevandin group») (*Tait*, 1991. P. 151; *Freestone, Bimson*, 1995; *Verità*, 1995; 1998; *Krueger*, 1998. P. 107; 2018. S. 146; *Carboni, Whitehouse*, 2001. P. 297, 298, 302, cat. no. 151; *Haggrén*, 2003. S. 224; 2017. S. 32, 33, 37; *Крамаровский*, 2006. С. 264; *Venice...*, 2007. P. 341; *Venegoni*, 2012; *Ward*, 2015. P. 137, fig. 1; *Arzone et al.*, 2017; *Lerma*, 2017). Часть исследователей называет такие изделия нейтрально — «расписанные эмалью стекла», «расписанные эмалью кубки» (“enameled glasses”, “enamelled beakers”, “emailbemalte Gläser”, “emailbemalten Gläser”, “emailbemalten Becher”, “Glasbechern mit Emailbemalung”) (*Schmidt-Thomé*, 1986; *Baumgartner, Krueger*, 1988. S. 126–160; *Steppuhn*, 1996. S. 328, 329; 2005. S. 330; 2014; *Krueger*, 1998; 2002; 2003; 2015; 2018; *Mäesalu*, 1999; *Mangelsdorf*,

¹⁰ Предположение о венецианском происхождении рассматриваемых сосудов высказывали и некоторые исследователи конца XIX — начала XX в. Так, Э. Диллон видел в «кубке Алдревандино» из собрания Британского музея предпринятую венецианским мастером попытку подражания изделиям Востока (*Dillon*, 1907. P. 179).

1999; *Haak et al.*, 2018). Вместе с тем в некоторых современных работах для обозначения этой группы продолжает использоваться и термин «сиро-франкские» кубки (*Clark*, 1983; *Kahsnitz*, 1984; *Pause*, 1993; 2000. P. 321; *Haggrén*, 1997. P. 354).

Большинство ученых определяют время бытования сосудов «группы Алдревандино» концом XIII — первой половиной XIV в. (*Freestone, Bimson*, 1995. P. 416; *Haak, Pärnamäe*, 2004. Lk. 78; *Крамаровский*, 2006. С. 264; *Крамаровский, Гукин*, 2009. С. 587; *Medici*, 2008. P. 317, 318; 2011. P. 325–328; 2012. P. 100, 101; *Sedláčková et al.*, 2014. P. 242; *Arzone et al.*, 2017. P. 18; *Lerma*, 2017. P. 207). Такая датировка находит косвенное подтверждение в материалах Государственного архива Венеции, в которых в 1280–1351 гг. упоминаются художники, расписывающие стеклянные кубки (*Carboni*, 1998; *Krueger*, 2003. S. 33; 2015. S. 98; 2018. S. 132; *Krueger, Schmid*, 2005. S. 280, 281; *Medici*, 2012. P. 101). К сожалению, большинство археологических находок изделий интересующего нас типа не дают возможностей для датировки более узкой, чем XIII–XIV вв. Лишь немногие из них свидетельствуют, по данным И. Крюгер, о появлении расписанных эмалевыми красками кубков в последней четверти XIII в. (*Krueger*, 2018. S. 133)¹¹. Однако исследовательница предполагает, что подобный способ декорирования сосудов был освоен венецианскими мастерами несколько раньше 1280 г. и был в моде немногим дольше середины XIV в. (*Ibid.* S. 132, 133)¹². Таким образом, датировка новгородских находок полностью соответствует установленной для «группы Алдревандино».

Количество новых мест, на которых были отмечены европейские позднесредневековые сосуды с полихромной росписью, растет, и их география постоянно расширяется. Это наглядно демонстрируют карты распространения таких

находок, составленные за последние 30 лет разными учеными (*Steuer*, 1992. Abb. 7; *Pause*, 1993. Fig. 2; *Möller*, 1994. Abb. 7; *Verità*, 1995. Fig. 2; *Steppuhn*, 1996. Fig. 13; *Wolf*, 2004. S. 565, Karte 2; *Krueger*, 2018. Abb. 1). К настоящему времени зафиксировано не менее 138 памятников, где была встречена подобная посуда (*Sedláčková et al.*, 2014. P. 242; *Mroczek*, 2017. S. 224, 225, il. 3; *Krueger*, 2018. S. 129–132; *Kjellberg*, 2021). Изделия «группы Алдревандино» найдены на территории от Дублина (Ирландия) и Лиссабона (Португалия) на западе до Акко (Израиль) на востоке, от Упсалы (Швеция) и Турку (Финляндия) на севере до Фустата / Каира (Египет) на юге. Наибольшее количество находок «ранневенецианских» украшенных цветными эмалями сосудов происходит из Германии¹³. Довольно много их в Швейцарии, Италии, южной части Швеции, Англии, на востоке Франции и в Австрии. В Восточной Европе, кроме Великого Новгорода, кубки обнаружены в Крыму на поселении Бокаташ II рядом с г. Старый Крым (золотоордынский Солхат) (*Крамаровский*, 2006; *Крамаровский, Гукин*, 2009. С. 580, 584–586, табл. 3, 1–3; 4, 1; *Venegoni*, 2012), в «татарском» погребении «к северу от Кавказа» (*Lamm*, 1929. Taf. 103, 8; 1930. S. 246, 285; 1941. P. 79, 84, pl. XXIV, 2; *Schmidt*, 1912. S. 57, Abb. 32; *Baumgartner, Krueger*, 1988. Kat. Nr. 102; *Krueger*, 2018. S. 131, 156), а также на семи памятниках Эстонии: в городах Таллине, Пярну, Тарту, Хаапсалу, в орденском замке и городе Вильянди, на городищах Отепя и Пикасилла Вооремаги (*Haak*, 2004. P. 109, fig. 4; 2005. P. 97; *Haak, Pärnamäe*, 2004. Lk. 76–78, tahvel VI; *Kull*, 2010; *Veldi, Valk*, 2010. P. 91; *Heinloo, Vissak*, 2012. P. 164, fig. 7, 4; *Tvauri, Metsoja*, 2014. P. 115, fig. 4; *Reppo*, 2015. P. 54–56, fig. 1; 2; 2016. Lk. 16, pilt 1; *Krueger*, 2018. S. 130, 132). В частности, в Тарту, расположенном на сухопутной дороге, ведущей из Новгорода на запад, найдены обломки не менее 14 таких сосудов (*Mäesalu*, 1999; *Haak et al.*, 2018).

«Группа Алдревандино» объединяет довольно высококачественные стеклянные изделия. В основном это кубки, но есть также единичные флаконы, чаши на высоких ножках и, возможно, кубок на ножке (*Harden*, 1978. P. 13, 14, fig. 5, pl. VI; *Baumgartner*, 1980; *Baumgartner, Krueger*, 1988. S. 128–160; *Tait*, 1991. P. 151; *Krueger*, 1998. P. 108;

¹¹ По сведениям Г. Хаггрена, найденные в Нючепинге (Швеция) обломки кубков «группы Алдревандино» принадлежали сосудам, которые «разбились где-то в середине XIII в.» (*Haggrén*, 2017. S. 33).

¹² И. Крюгер считает, что основная масса кубков с расписным декором создана во второй половине XIII — первой половине XIV в., и отрицает возможность более поздней их датировки, предложенной Р. Уордом (*Krueger*, 2001. S. 146; 2018. S. 134; *Ward*, 2015. P. 142, 146). Некоторые ученые дают для сосудов «группы Алдревандино» такие же хронологические рамки (вторая половина XIII — первая половина XIV в.) (*Mäesalu*, 1999. S. 75; *Sedláčková*, 2001. S. 414).

¹³ Концентрация находок сосудов «группы Алдревандино» на территории Центральной Европы, по-видимому, в значительной мере связана с экспортом в позднем средневековье из этого региона в Венецию драгоценных металлов (*Zaoral*, 2011).

2002. P. 117, fig. 5; 2003. S. 30, Abb. 3; 2015. S. 98; 2018. S. 134, 135; *Žďárská*, 2014. S. 112–114). Кубки, изготовленные в технике свободного выдувания¹⁴, имеют тонкие стенки толщиной около 1 мм¹⁵. Их форма и размеры сильно различаются. Диаметр кубков на уровне венчика находится в диапазоне 6,0(?) / 7,7–13,0 см, а высота — 8,0–14,8 см (*Krueger*, 1984. S. 507, 508; 1998. P. 107; *Baumgartner, Krueger*, 1988. S. 129–159; *Mäesalu*, 1999. P. 75; *Krueger, Schmid*, 2005. S. 275; *Černá, Podliska*, 2008. S. 241; *Sedláčková et al.*, 2014. P. 217). Некоторые экземпляры имеют приземистые пропорции с высотой меньше диаметра венчика — 5,6–8,3 и 8,0–10,0 см соответственно (*Baumgartner, Krueger*, 1988. Kat. Nr. 105; *Крамаровский*, 2006. С. 262, 263, рис. 1; *Крамаровский, Гукин*, 2009. С. 584, 586, табл. 4, 1; *Medici*, 2008. 316, fig. 1; 2; 2011. fig. 9; 2012. P. 99, 100, fig. 1–4; *Venegoni*, 2012. P. 253, 255, 256, fig. 1–3; *Lerma*, 2017. P. 202, 203, fig. 4–6; *Krueger*, 2015. Abb. 146; 2018. S. 135, Abb. 12; 26).

Отмечается, что для изготовления сосудов использовалось в основном бесцветное стекло со слабым зеленым, желтым, серым или серовато-фиолетовым оттенком, часто с мелкими пузырьками (*Pfeiffer*, 1966. S. 205; *Anđelić*, 1975. P. 172; *Clark*, 1983. P. 153; *Krueger*, 1984. S. 507, 508; 1998. P. 107; 2015. S. 98, 99; 2018. S. 135; *Schmidt-Thomé*, 1985. S. 36, 39; 1986. S. 107, 108; *Baumgartner, Krueger*, 1988. S. 129–159; *Möller*, 1994. S. 218; *Nölke*, 1997. S. 17; *Mäesalu*, 1999. S. 76, Abb. 3; 6, Taf. VI–VIII; *Carboni, Whitehouse*, 2001. P. 302; *Krueger, Schmid*, 2005. S. 275; *Černá, Podliska*, 2008. S. 241, 245; *Sedláčková et al.*, 2014. P. 217, 230; *Arzone et al.*, 2017. P. 9, 10; *Lerma*, 2017. P. 204; *Pause, Steppuhn*, 2018. S. 217, 229). У сосудов из Крыма, по наблюдению М. Г. Крамаровского, стекло «полупрозрачное, с серо-зеленоватым оттенком» (*Крамаровский*, 2006. С. 262; *Крамаровский, Гукин*, 2009. С. 584). Отмечены также изделия синего цвета, а в некоторых случаях красного с коричневым оттенком окрашенного марганцем стекла (*Anđelić*, 1975. P. 171; *Baumgartner, Krueger*, 1988. Kat. Nr. 91; *Mangelsdorf*, 1999. S. 445–448; *Krueger*, 2002. P. 117, 119, 122, fig. 7; 8; 2003. S. 31, Abb. 6; 2015. S. 99; 2018.

S. 132, 135, 137, 155, Abb. 3; 22; 23; *Steppuhn*, 2014. S. 199–201, Abb. 5, 6).

Имеющиеся аналогии позволили сделать частичную реконструкцию кубка из Дубошина раскопа. Очевидно, он имел обычную для «алдревандинской группы» конусовидную форму с довольно широким дном и воронкообразным расширением в верхней части (рис. 2).

На всех украшенных полихромной росписью европейских сосудах позднего средневековья, как и на находках из Новгорода, имеются горизонтальные линии, ограничивающие основную орнаментальную зону, а также расположенный выше бордюр с надписью или рисунком, состоящим из S-овидных элементов, стилизованного растительного узора, либо волнистой линии. Почти всегда это группа из трех линий, в которой центральная желтая обрамлена двумя красно-коричневыми (*Baumgartner*, 1980. S. 209, 210, 213, 214, Abb. 1–6; 8–10; *Clark*, 1983. Pl. XII; *Baumgartner, Krueger*, 1988. Kat. Nr. 72–77, 79–82, 84–96, 98, 100–113, 119; *Krueger*, 1984. S. 507, Abb. 3–6; 1998. P. 107, colour plate M; 2001. S. 145; 2002. P. 122, 126, fig. 1; 4–10; 12–14; 2015. Abb. 146–150; 152–154; 2018. Abb. 3–6; 9, c; 10–18; 20–24; 26; 27; *Schmidt-Thomé*, 1985. S. 36, Abb. 1–3, 5, 6; *Möller*, 1994. S. 219, Abb. 3; 4; *Nölke*, 1997. S. 18, Abb. 1–3; 5, 6; *Mangelsdorf*, 1999. Abb. 1; 2; *Mäesalu*, 1999. P. 76, Abb. 3; *Carboni, Whitehouse*, 2001. P. 302; *Haggrén*, 2003. Kuva 2; *Haak*, 2004. P. 115, fig. 4; *Wolf*, 2004. S. 555; *Krueger, Schmid*, 2005. S. 275, Abb. 5–9; *Gudenrath*, 2006. Fig. 15.1–2; 16; *Medici*, 2008. P. 317–318, fig. 1; 2; 2011. P. 326–327, fig. 9; 2012. P. 99, 100, fig. 1–4; *Venegoni*, 2012. P. 254, 256, fig. 1–3; *Steppuhn*, 2014. S. 198, 199, Abb. 2–5; *Arzone et al.*, 2017. P. 9, 10, 15; *Lerma*, 2017. P. 202, 204, fig. 4–6, 8, 9). Довольно часто в декоре использовались ряды из точек, выполненных белой эмалью, как это можно видеть на кубке с Дубошина раскопа (рис. 2). Как правило, в орнаментальной композиции они расположены выше или ниже красных и желтой полос (*Baumgartner*, 1980. S. 210, Abb. 3; 4; *Schmidt-Thomé*, 1985. S. 36, Abb. 1–3; *Baumgartner, Krueger*, 1988. Kat. Nr. 74, 79, 91, 92, 95, 98, 110, 111, 119; *Krueger*, 1998. P. 107, colour plate M; 2002. P. 122, fig. 5; 8; 10; 2015. Abb. 146, 148, 149; 152; 2018. Abb. 3; 9, c; 11; 12; 16; 17; 23; 26; *Möller*, 1994. S. 219, Abb. 3; 4; *Nölke*, 1997. S. 18, Abb. 1–3; 5; *Mangelsdorf*, 1999. Abb. 1; 2; *Haak*, 2004. P. 115, fig. 4; *Krueger, Schmid*, 2005. Abb. 9; *Gudenrath*, 2006. Fig. 16; *Medici*, 2008. P. 317, 318, fig. 1; 2; 2011. P. 326–327, fig. 9; 2012. P. 99, 100, fig. 1–3; *Venegoni*, 2012. P. 254, fig. 1–3; *Lerma*, 2017. P. 202, fig. 4–6).

¹⁴ О технологии изготовления и росписи кубков см.: *Gudenrath*, 1991. P. 223–225; 2006. P. 47–50.

¹⁵ Толщина стенок кубков по имеющимся данным варьирует в пределах 0,7–1,3 мм, доходя на уровне венчика до 2,0/2,5 мм (*Baumgartner*, 1980. S. 208; *Baumgartner, Krueger*, 1988. S. 129–159; *Krueger*, 1984. S. 507; 2001. S. 145; *Mäesalu*, 1999. S. 76; *Krueger, Schmid*, 2005. S. 275; *Pause, Steppuhn*, 2018. S. 229).

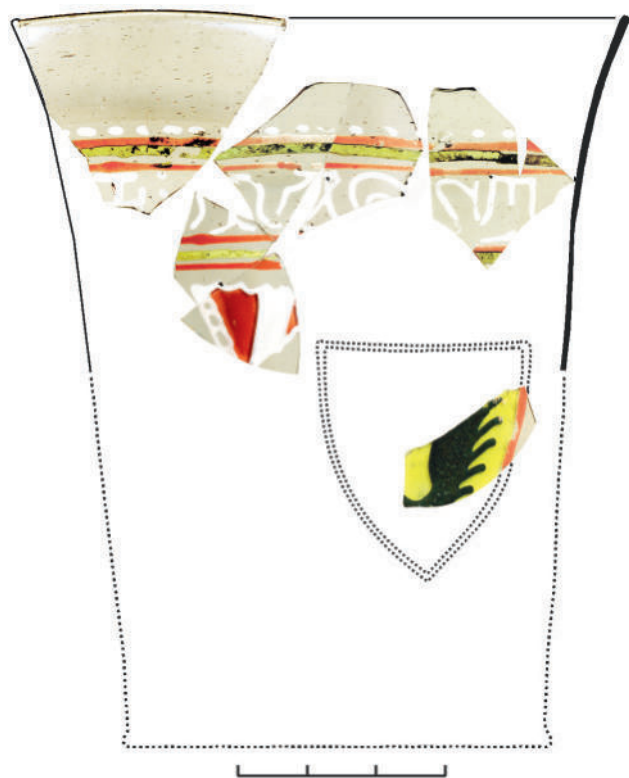

Рис. 2. Возможная реконструкция кубка из Дубошина раскопа

Fig. 2. Possible reconstruction of a beaker from the Duboshin excavation

В верхней части этого дубошинского сосуда на ограниченном печеночно-красными и желтой линиями бордюре виден крест и фрагменты нескольких прописных готических букв «MAG...ST...», которые можно прочесть как «MAGISTER» (рис. 2; 3, 1). Следует отметить, что среди «подписных» кубков с полихромной росписью имеются имена четырех мастеров: кроме Алдревандино это Бартоламеус («MAGISTER BA[R]TOLAMEUS»), Донинус («MAGISTER DONINVS») и Петрус («MAGISTER PETRVS»). Имена всех этих людей, а также других стеклодувов («fiolario») и художников по стеклу («tintor de moiolis», «pictor muzolorum de vitro»), зафиксированы в документах из Государственного архива Венеции (Zecchin, 1969; 1970; Хан, 1983. С. 342–344; Krueger, 1984. S. 512, 513; 1998. P. 107, 108; 2002. P. 124–126, 130–132; 2003. S. 32; 2018. S. 132, 158; Tait, 1991. P. 151, 152; Pause, 1993. P. 235; Möller, 1994. S. 223; Verità, 1995. P. 84, 85; 1998. P. 129; Carboni, 1998; Krueger, Schmid, 2005. S. 275, 276, 280–283; Georgopoulou, 2009. P. 80, 81; Ward, 2015. P. 137, 138).

По характеру написания букв дубошинская находка наиболее близка текстам, представленным на кубках из Майнца (Германия) и Тарту (Эстония), которые «подписаны» мастером Петрусом (рис. 3, 2–4) (Krueger, 1984. Abb. 1–6; Baumgartner, Krueger, 1988. Kat. Nr. 73; Mäesalu, 1999. P. 77, Taf. VIII; Georgopoulou, 2009. P. 80, 81, fig. 7, pl. I, 3). Однако чтобы с большой долей вероятности утверждать, что новгородский сосуд был сделан этим мастером, требуется произвести более детальное палеографическое изучение надписей¹⁶. Отметим, что художник по кубкам Петрус в документах из венецианского архива упоминается в 1331 и 1348 гг. (Krueger, 1984. S. 513; 2018. S. 132; Krueger, Schmid, 2005. S. 280), что соответствует датировке находки из Новгорода.

Основная орнаментальная зона кубков «группы Алдревандино» украшена разнообразными изображениями, среди которых представлены сакральные сюжеты, светские сцены, животные (звери, птицы), сверхъестественные существа, гербы, а также геометрические узоры. Часто в декоре используются архитектурные элементы и стилизованные растения с листьями разных форм (сердцевидными, тройчатыми, «дубоподобными» с зубчатым краем) (Krueger, 1984. S. 508, 510; 2003. S. 31, 32; 2015. S. 99–103; 2018. S. 138–156; Baumgartner, Krueger, 1988. S. 128–160; Krueger, Schmid, 2005. S. 283–284).

Изображение, представленное на сосуде с Неревского раскопа, в силу незначительности найденных обломков невозможно интерпретировать однозначно. Скорее всего, рисунок имел профанный характер. Хотя И. Крюгер видит на нем не поддающееся определению гибридное существо «с чем-то вроде фригийского колпака» (Krueger, 2018. S. 150). Манера и техника исполнения рисунка лица человека в «тюрбане» с неревского кубка аналогична изображениям на других «ранневенецианских» сосудах. В качестве наиболее близких примеров можно привести лики младенца Христа с фрагмента, найденного при раскопках в Любеке (Германия), и святых на кубке из Севгайна (Швейцария) (Baumgartner,

¹⁶ Возможно, «подписи» на кубках указывают не на имя изготовившего их мастера, а на имя владельца мастерской (см.: Krueger, 1998. P. 107, 108; 2002. P. 125–128; 2003. S. 32; 2015. S. 99; Ward, 2015. P. 142). В этом случае близость в начертаниях букв может говорить о том, что данные сосуды расписаны одним художником либо работниками мастерской «магистра Петруса», имевшими схожие почерки.

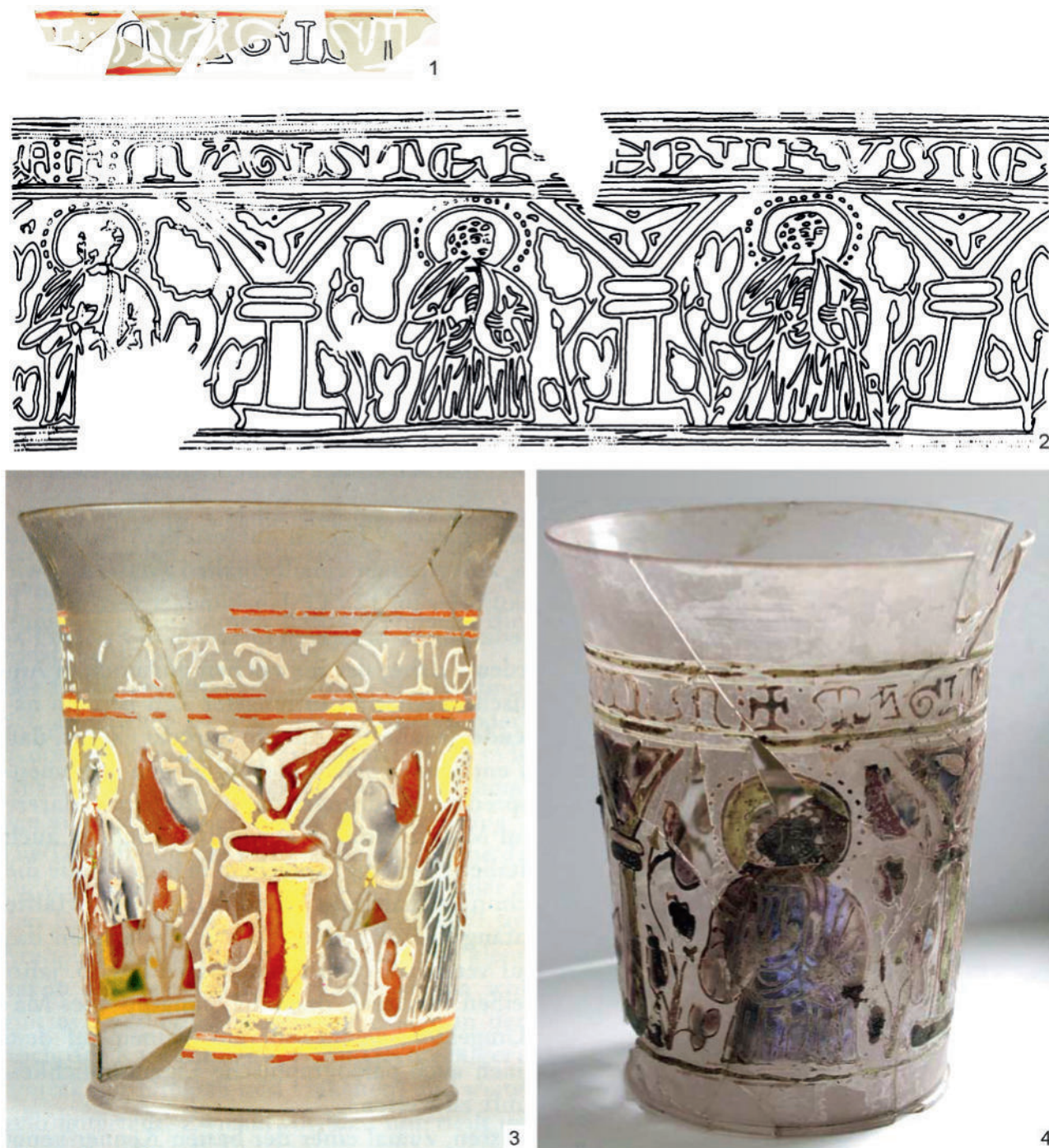

Рис. 3. Кубки «группы Алдревандино»: 1 — надпись на сосуде из Дубошина раскопа, Новгород; 2, 3 — кубок из Майнца (*Krueger*, 1984. Abb. 1; 3); 4 — кубок из Тарту (*Mäesalu*, 1999. Taf. VIII)

Fig. 3. "Aldrevandin group" beakers: 1 — inscription on the vessel from the excavation, Novgorod; 2, 3 — beaker from Mainz (*Krueger*, 1984. Abb. 1; 3); 4 — beaker from Tartu (*Mäesalu*, 1999. Taf. VIII)

1980. Abb. 1; 2; *Krueger*, 2002. Fig. 9; 2018. Abb. 6; 8; *Steppuhn*, 2014. Abb. 3).

Головной убор, похожий на тюрбан, отмеченный на неревском обломке, более характерен для человеческих фигур, представленных на исламских сосудах (*Wolf*, 2004. Kat. Nr. 21, 39, 53, 55, 57, 59, 63; *Steppuhn*, 2014. Abb. 9). Схожий элемент одежды можно найти и на «венецианских» кубках (*Baumgartner*, 1980. Abb. 8; *Baumgartner*, *Krueger*, 1988. Kat. Nr. 90; *Mäesalu*, 1999. Taf. VI, 2; *Tvauri*, *Metsoja*, 2014. Fig. 4), в том числе на «подписанном» мастером Алдревандино экземпляре из Тарту (*Mäesalu*, 1999. Abb. 5; *Krueger*, 2002. Fig. 13).

Параллели растению с длинными стеблями и тройчатыми листьями, представленному на фрагменте из Неревского раскопа, можно видеть в декоре многих украшенных цветными эмалями сосудов, на которых они часто обрамляют различные фигуры людей, животных, а также геральдические щиты (*Pfeiffer*, 1966. S. 205, 206, Abb. 1; *Baumgartner*, 1980. Abb. 8; 9; *Clark*, 1983. Pl. XII, A; *Schmidt-Thomé*, 1985. Abb. 5; 6; *Krueger*, 1984. Abb. 1; 3–6; 2002. Fig. 1; 6; 12; 13; 2018. Abb. 5; 7; 16; 27; *Baumgartner*, *Krueger*, 1988. Kat. Nr. 85, 86, 90, 92–94, 103, 104, 109; *Mäesalu*, 1999. Abb. 5, Taf. VI–VIII; *Carboni*, *Whitehouse*, 2001. P. 302; *Hoššo et al.*, 2002. Obr. 3; *Krueger*, *Schmid*, 2005. Abb. 1; 5–8; *Steppuhn*, 2014. Abb. 1). Наиболее близкие побеги с листьями красного и зеленого цвета можно увидеть на кубке из Майнца (*Krueger*, 1984. Abb. 6; *Baumgartner*, *Krueger*, 1988. Kat. Nr. 73).

Изображения геральдических щитов являются популярным мотивом на рассматриваемых сосудах. Они известны не менее чем на двух десятках изделий (*Arzone et al.*, 2017. P. 14). По наблюдениям И. Крюгер, наиболее распространены гербы на находках из Италии и других стран к югу от Альп (*Krueger*, 2018. S. 153, 154). На многих кубках щиты занимают центральное место в орнаментальной композиции, так же как на упомянутом выше знаменитом изделии мастера Алдревандино из Британского музея (*Tait*, 1968. P. 151; *Baumgartner*, *Krueger*, 1988. Kat. Nr. 103; *Tait*, 1991. Ill. 192, left; *Krueger*, 2002. P. 112, fig. 1; 2015. S. 103, Abb. 154). В основном это три, иногда два щита с одинаковыми или разными гербами, разделенными растениями (*Lamm*, 1929. Taf. 99, 1; 1930. S. 278, Taf. I; 1941. P. 83–84, pl. XXIII, 1; *Pfeiffer*, 1966. S. 205–206, Abb. 1; *Baumgartner*, 1980. S. 210, Abb. 5; *Gyürky*, 1986. Old. 55, XXIV, 3. kép; *Holl-Gyürky*, 1986. P. 74, fig. 4, 2; 7; *Baumgartner*, *Krueger*, 1988. Kat. Nr. 103, 104, 106, 107; *Carboni*, 1998. Fig. 23, 1–3; *Carboni*, *Whitehouse*, 2001. P. 302;

Крамаровский, 2006. С. 262, 263, рис. 1; *Крамаровский*, *Гукин*, 2009. С. 584, табл. 4, 1; *Koller*, *Polgár*, 2010. Old. 43, 1–2 kép; *Medici*, 2008. P. 317, fig. 1; 2; 2011. P. 326, fig. 9; 2012. P. 99, fig. 1–3; *Venegoni*, 2012. P. 253, fig. 1–3; *Arzone et al.*, 2017. P. 9; *Lerma*, 2017. P. 202, 203, fig. 4–6). Есть сосуды, на которых один, два или три щита чередуются с другими мотивами, составляя часть сложного декоративного оформления (*Clark*, 1983. P. 154, pl. XII, A; *Baumgartner*, *Krueger*, 1988. Kat. Nr. 105, 109, 116; *Krueger*, 1998. Fig. 24.2; 2018. S. 142, 143, Abb. 10; 26; 27; *Černá*, *Podliska*, 2008. Obr. 4; 5; *Medici*, 2012. Fig. 4; *Žďárská*, 2014. S. 113, obr. 85; 86; *Pause*, *Steppuhn*, 2018. S. 217, Abb. 13). Некоторые гербы с «ранневенецианских» сосудов связываются исследователями с конкретными родами: североитальянскими и южногерманскими (швабскими) (*Lamm*, 1941. P. 83; *Tait*, 1968. P. 151; *Baumgartner*, *Krueger*, 1988. S. 150, 151; *Крамаровский*, 2006. С. 265; *Крамаровский*, *Гукин*, 2009. С. 588; *Medici*, 2012. P. 100; *Krueger*, 2015. S. 103; *Arzone et al.*, 2017. P. 10, 14–15, 20–22; *Lerma*, 2017. P. 203). Герб на чаше из Праги, по предположению чешских ученых, мог принадлежать английскому дворянину Симону де Пьерпонту (*Žďárská*, 2014. S. 114).

На кубке из Дубошина раскопа, по-видимому, был изображен геральдический щит с черным крылом птицы (орла) на желтом (золотом) фоне (рис. 1, 11; 2)¹⁷. Вероятно, как и на большинстве сосудов «группы Алдревандино», щит имел подтреугольную форму. Схожий рисунок части крыла птицы представлен на осколке кубка из Тарту (*Mäesalu*, 1999. Abb. 8). К сожалению, аналогий гербу пока найти не удалось. Его идентификация, возможно, позволила бы детализировать наши знания об отношениях Великого Новгорода с Западной Европой, связать данный кубок с представителями конкретных семейств или корпораций, участвующих в контактах с Русью. Хотя вполне возможно, что данный элемент был просто частью декоративного убранства сосуда (*Carboni*, *Whitehouse*, 2001. P. 303; *Venice...*, 2007. P. 341–342; *Мусин*, 2012. С. 138, 140; *Venegoni*, 2012. P. 256; *Krueger*, 2018. S. 153).

Неясно, что кроме геральдического щита входило в центральную орнаментальную

¹⁷ По данным И. Крюгер, использование внутренней росписи в качестве цветового фона характерно для исламских стеклянных изделий, украшенных золотом и полихромными эмалями, тогда как на европейских кубках такой прием декорирования встречается лишь в исключительных случаях (*Krueger*, 2018. S. 137, 138).

композицию дубошинского кубка, а также место в ней еще трех найденных на раскопе фрагментов. На одном обломке под желтой и красными линиями, ограничивающими снизу бордюр с надписью, расположена бело-красная подтреугольная фигура с вершиной, направленной вниз (рис. 1, 10). Больше всего это изображение похоже на капители колонн, структурирующих на позднесредневековых «венцианских» сосудах основное декоративное поле. Однако на известных мне кубках эта архитектурная деталь передана иначе (Lamm, 1941. Fig. 7; 16, pl. XX, 4; XXII; Baumgartner, 1980. Abb. 1; 2; Clark, 1983. Pl. XII, B; Krueger, 1984. Abb. 1; 3–6; 2002. Fig. 13; 14; 2015. Abb. 146; 150; 152; 2018. Abb. 6; 12; 13; 17; 18; 21; Baumgartner, Krueger, 1988. Kat. Nr. 72–77, 81, 82, 85; Mäesalu, 1999. Taf. VIII; Steppuhn, 2014. S. 198, Abb. 2, b). Чаще всего колонны разделяют на сосудах изображения человеческих фигур, но на фрагментах одного из пражских кубков они входят в одну орнаментальную композицию с геральдическими щитами (Černá, Podliska, 2008. S. 241, obr. 4; 5), а на кубке из Франкфурта-на-Майне колонна соседствует с животными (Lamm, 1941. Pl. XXII).

На двух небольших осколках представлены фрагменты рисунка в виде нанесенных с внешней стороны сосуда белых линий контура, заполненных с внутренней стороны красной и серой эмалью (рис. 1, 12, 13). Площадь в пределах линий отчасти покрыта рядами белых изогнутых штрихов, которые на кубках «группы Алдревандино» встречаются на изображениях птиц и зверей, по-видимому, передавая соответственно их оперение или шерсть (Clark, 1983. Pl. XII, A; Baumgartner, 1980. Add. 10; Baumgartner, Krueger, 1988. Kat. Nr. 96, 98, 109; Mäesalu, 1999. Taf. VI, 1; VII, 2; Krueger, 2002. Fig. 6; 2003. S. 31; 2015. S. 101, Abb. 151; 152; 2018. Abb. 5; 19; Krueger, Schmid, 2005. S. 277, Abb. 3; 5–8; Steppuhn, 2005. Abb. 2). Возможно, что на данных обломках мы имеем остатки рисунка одного или двух зверей (задней лапы и хвоста?), скорее всего, льва или пантеры, которые часто изображаются на сосудах этой группы. Так, на фрагментированном кубке из Эрфурта (Германия) львы стоят отдельно, разделенные растениями и колоннами (Krueger, 2018. S. 151, Abb. 18), а на одном из кубков с улицы Фостер-лейн в Лондонском сити на основном орнаментальном поле представлены поднимающиеся на задние лапы львы, чередующиеся с двумя гербами (Clark, 1983. P. 154, pl. XII, A; Baumgartner, Krueger, 1988. Kat. Nr. 109).

Первоначально ученые относили позднесредневековые стеклянные сосуды, украшенные разноцветными эмалями, к изделиям, предназначенным для узкого круга представителей европейской аристократии (Pfeiffer, 1966. S. 209; Tait, 1991. P. 152; Sedláčková, 2001. S. 414). Однако по мере накопления материала к концу XX в. эта точка зрения была пересмотрена. Оказалось, что кубки «группы Алдревандино» не являются в Европе такой уже редкостью. По мнению исследователей, эти сосуды принадлежат к высококачественной продукции массового производства, доступной не только дворянам и насельникам богатых монастырей, но также зажиточным горожанам и даже сельским ремесленникам (Baumgartner, Krueger, 1988. S. 128; Krueger, 1998. P. 109; 2002. P. 117; 2003. S. 30; 2018. S. 159, 160; Steppuhn, 2005. S. 330; 2014. S. 193; Крамаровский, 2006. С. 265, 266; Крамаровский, Гукин, 2009. С. 589; Venegoni, 2012. P. 256; Haggren, 2017. S. 32, 33, 37, 39)¹⁸.

Совсем другая ситуация наблюдается в Великом Новгороде. Здесь «индивидуальные предметы западноевропейского происхождения» встречены лишь на усадьбах богатых бояр или купцов, торговавших с ганзейцами (Рыбина, 2001. С. 245; 2009. С. 212). Усадьба «К» в XIII в. по характеру застройки была вполне рядовой, однако находки, среди которых представлен и ряд предметов, привезенных из дальнего зарубежья, говорят о зажиточности ее хозяев¹⁹. В. Л. Янин установил, что владельцами усадьбы в XIV–XV вв. были представители боярской семьи Мишинечей-Онцифоровичей, члены которой неоднократно становились новгородскими посадниками (Янин, 1981. С. 38–57). Одному из них — Василию Микитичу (Никитичу), посадничавшему в Новгороде и Русе, принадлежала костяная прикладная печать, найденная на усадьбе «К» в слое, датированном 1429–1446 гг. (Янин, 1959. С. 304, 305, рис. 1, 9; 1981. С. 45, 46; 2003. С. 322–324, 326–331, 340, 344, 345, 347, 348, 350, 489). Автором и получателем берестяной грамоты № 178, относящейся к 80–90-м гг. XIV в., являются другие представители этого боярского рода — Ксенофонт и Афанасий (Зализняк, 2004. С. 590, 591). Интересным

¹⁸ Конечно, такая картина наблюдается не по всей Европе. Так, на территории Мазовии находки обломков расписанных эмалями сосудов считается возможным связать только с княжескими резиденциями (Mroczek, 2017. S. 225).

¹⁹ Подробную информацию о находках см.: Плохов, 2020. С. 201.

фактом является упоминание слова «посадник» на обрывке грамоты № 189, найденной в том же квадрате и том же ярусе, что и два фрагмента «ранневенецианского» кубка (*Там же*. С. 565). Проведенные В. Л. Яниным исследования показали, что клану Мишиничей принадлежала с рубежа XIII–XIV вв. значительная территория в Неревском конце Новгорода. Ученый считал, что предки данной семьи владели этим участком кончанской земли изначально и что нет никаких оснований предполагать их водворение сюда в последней четверти XIII в. (*Янин*, 1981. С. 28–33, 55). Принадлежность усадьбы «К» представителям новгородского боярства в предшествующее время подтверждается грамотой № 222, посланной Матвеем Гюргию. Адресат этого берестяного письма, датируемого концом XII — первой четвертью XIII в., отождествлен А. А. Зализняком с Гюргием Иванковичем, бывшем в 1215–1216 гг. посадником в Новгороде, а затем в 1217 г. ушедшем в Киев (*Зализняк*, 2004. С. 442, 443).

Е. А. Рыбина считает, что «дорогие стеклянные сосуды предназначались, скорее всего, в качестве даров богатым новгородским боярам» (*Рыбина*, 2001. С. 244; 2009. С. 196). Очевидно, что владельцем расписанного эмалями кубка, осколки которого найдены на усадьбе «К», был кто-то из семьи Мишиничей, возможно, Юрий Мишинич, основатель посадничьей династии, постоянный представитель в посадничестве с 1291 г., погибший в битве под Торжком в 1316 г. (*Янин*, 2003. С. 220, 237–243, 252–255).

На относительно небольшом по площади (160 кв. м) Дубошином раскопе были частично исследованы две усадьбы. В напластованиях XIII–XIV вв. на них встречено значительное количество привезенных с Запада артефактов²⁰. По мнению Е. А. Рыбиной, вещевой комплекс раскопа «в целом имеет ярко выраженный западноевропейский характер» (*Рыбина*, 2001. С. 276; 2009. С. 210). Она считает, что владельцем усадьбы Дубошина раскопа в XIV в. был богатый купец, закупавший у ганзейских торговцев западноевропейские готовые товары (ткани) и сырье (цветной металл). Из имеющегося у него сырья, по предположению исследовательницы, этот купец организовал на своей усадьбе ювелирное производство (*Рыбина*, 1994. С. 89; 2001. С. 261, 276; 2009. С. 209, 210, 212). Основываясь на анализе берестяных грамот, В. Л. Янин полагал, что в XV в. юго-

восточная усадьба Дубошина раскопа, где был найден «ранневенецианский» кубок, «принадлежала боярам, бывшим посадниками в Новгороде и связанным с землевладением в районе Порхова» (*Янин*, 1981. С. 111; *Колчин, Янин*, 1982. С. 47). На наш взгляд, нельзя также исключать, что расписанный цветными эмалями сосуд принадлежал не богатому купцу или боярину, а западноевропейскому торговцу, которому пришлось поселиться на усадьбе из-за недостатка места на Готском и Немецком торговых дворах²¹. Последний из этих дворов находился в соседнем от Дубошина раскопа квартале.

Таким образом, к настоящему времени в материалах, полученных при археологических раскопках Великого Новгорода, имеются обломки двух кубков «группы Алдревандино», что, конечно, очень мало для такого крупного средневекового центра международной торговли. На берега Волхова эти сосуды, очевидно, попали через немецкие города южного побережья Балтики, вошедшие в образовавшийся в середине XIV в. Ганзейский союз. В эпоху позднего средневековья западноевропейская стеклянная посуда была вне торговых интересов ганзейских и новгородских купцов (*Щапова*, 1989. С. 86)²², поэтому подобные изделия были доступны далеко не каждому даже богатому жителю Новгорода. Вполне возможно, что немногочисленность обломков стеклянных кубков среди археологических находок объясняется не только высокой ценой и трудностями транспортировки этих хрупких сосудов, но и отсутствием спроса на них у населения города. Ведь такая форма посуды связана с другой культурой питания, ориентированной на потребление вина. Можно предположить, что найденные в Новгороде кубки были привезены заморскими послами или торговцами в качестве подарков, посулов представителям местной элиты.

²¹ О проживании немецких купцов на новгородских усадьбах сообщают письменные источники, в частности IV редакция скры — устава Немецкого двора в Новгороде, окончательно оформленная в 1370–1371 гг. (*Рыбина*, 2001. С. 209–210, 343, 344, 350; 2009. С. 144, 145).

²² Появление западноевропейской посуды в Новгороде Ю. Л. Щапова рассматривала как «выражение интересов и вкусов ее покупателя, дарителя или владельца» (*Щапова*, 1989. С. 86).

²⁰ Информацию о них см.: *Плохов*, 2020. С. 202.

- Варфоломеева*, 1995 — *Варфоломеева Т. С.* Кожаные футляры в виде коробочек // ННЗИА. Новгород: НМЗ, 1995. Вып. 9. С. 192–202.
- Гайдуков*, 1997 — *Гайдуков П. Г.* Топография, стратегия и хронология Дубошина раскопа в Новгороде // *Славянский средневековый город* / Отв. ред. В. В. Седов. М.: ИА РАН, 1997 (Тр. VI Международного Конгресса славянской археологии; Т. 2). С. 59–67.
- Зализняк*, 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004 (*Studia philologica*). 872 с.
- Колчин*, 1968 — *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука, 1968 (САИ; Е1–55). 184 с.
- Колчин, Янин*, 1982 — *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археологии Новгорода 50 лет // *Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода* / Ред. Б. А. Колчин, В. Л. Янин. М.: Наука, 1982. С. 3–137.
- Крамаровский*, 2006 — *Крамаровский М. Г.* Венецианский стеклянный кубок с полихромной эмалью из Восточного Крыма // *Античная древность и средние века*. Вып. 37: К XXI международному конгрессу византистов (Лондон, 21–26 авг. 2006 г.) / Отв. за вып. А. С. Мохов. Екатеринбург: Уральский ГУ, 2006. С. 261–268.
- Крамаровский, Гукин*, 2009 — *Крамаровский М. Г., Гукин В. Д.* Венецианские винные кубки конца XIII — 1-й трети XIV в. из Восточного Крыма (археологический контекст и атрибуция) // *Море и берега. К 60-летию С. П. Карпова от коллег и учеников: Сб. ст. / Отв. ред. Р. М. Шукуров*. М.: Индрик, 2009. С. 575–594.
- Крюгер, Рыбина*, 2013 — *Крюгер И., Рыбина Е. А.* Средневековые стеклянные зеркала. М.: АРГА-МАК-МЕДИА, 2013. 248 с.
- Мусин*, 2012 — *Мусин А. Е.* Европейская геральдика в материалах раскопок средневекового Новгорода: к истории связей Новгорода и Ганзы // *Записки ИИМК*. 2012. № 7. С. 132–147.
- Плохов*, 2020 — *Плохов А. В.* Находки «ранневенецианских» сосудов, украшенных цветными эмалями, из Великого Новгорода // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2020. Вып. 33. С. 196–204.
- Рыбина*, 1978 — *Рыбина Е. А.* Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М.: МГУ, 1978. 168 с.
- Рыбина*, 1994 — *Рыбина Е. А.* Западноевропейские находки XIII–XIV вв. из раскопок в Новгороде // *Новгородские археологические чтения: Материалы науч. конф., посв. 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского (Новгород, 28 сентября — 2 октября 1992 г.)* / Ред. В. Л. Янин, П. Г. Гайдуков. Новгород: НМЗ; Новгородская археологическая экспедиция; Центр по организации археологических исследований Новгорода, 1994. С. 87–89.
- Рыбина*, 2001 — *Рыбина Е. А.* Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. Великий Новгород: Новгородский ГУ им. Ярослава Мудрого, 2001. 390 с.
- Рыбина*, 2009 — *Рыбина Е. А.* Новгород и Ганза. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 320 с.
- Рындина*, 1968 — *Рындина А. В.* Итальянская камея XIII в. с изображением Богоматери-Одигитрии из Новгорода // СА. 1968. № 4. С. 209–216.
- Седова*, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Серезникова*, 2013 — *Серезникова Д. С.* Западно-европейские фибулы из раскопок Великого Новгорода // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2013. Вып. 27. С. 171–178.
- Серезникова*, 2014 — *Серезникова Д. С.* Западноевропейские предметы поясного набора из раскопок Великого Новгорода // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2014. Вып. 28. С. 272–279.
- Серезникова*, 2018 — *Серезникова Д. С.* Западно-европейские перстни из раскопок Великого Новгорода // *Нескончаемое лето: Сб. ст. в честь Елены Александровны Рыбиной* / Отв. ред.-сост. В. К. Сингх. М.; Великий Новгород: Любавич, 2018. С. 216–219.
- Серезникова*, 2020a — *Серезникова Д. С.* Западно-европейские бытовые предметы из раскопок в Новгороде // АВ. 2020. Вып. 27. С. 194–202.
- Серезникова*, 2020b — *Серезникова Д. С.* Железные бытовые предметы с клеймами из раскопок в Великом Новгороде XIII — первой половины XV века // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки: История*. Тамбов, 2020. Т. 25, № 186. С. 175–182.
- Хан*, 1977 — *Хан В.* Маргиналије уз налазе осликаног средњовековног стакла из Краљеве Сутјеске // *Балканика*. 1977. Год. VIII. У част осамдесетогодишњице академика Васе Чубриловића / Уред. М. Беговић. Београд: Српска академша наук и умктности, 1977. С. 137–144.
- Хан*, 1983 — *Хан В.* Сликари из Далмације осликавају готичко и ренесансно стакло у Мурану // *Балканика*. 1982–1983. Год. XIII–XIV: Сборник радова у част Радована Самарџића, дописног члана САНУ поводом шездесетог рођендана / Уред. М. Ивић.

- Београд: Српска академша наук и умктности, 1983. С. 341–352.
- Щапова, 1962 — Щапова Ю. Л. Два сирийских сосуда из Новгорода // Историко-археологический сборник / Ред. Д. А. Авдусин, В. Л. Янин. М.: МГУ, 1962. С. 232–236.
- Щапова, 1963 — Щапова Ю. Л. Стеклянные изделия древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III: Новые методы в археологии / Ред. А. В. Арциховский, Б. А. Колчин. М.: АН СССР, 1963 (МИА; № 117). С. 104–163.
- Щапова, 1989 — Щапова Ю. Л. Новый взгляд на две новгородские находки (венетское стекло в Новгороде) // История и культура древнерусского города / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: МГУ, 1989. С. 82–88.
- Янин, 1959 — Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1955 г. // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М.: Наука, 1959 (МИА; № 65). Т. 2. С. 299–305.
- Янин, 1981 — Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М.: Наука, 1981. 296 с.
- Янин, 2003 — Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2003. 512 с.
- Янин и др., 1979 — Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Кубло Э. К., Миронова В. Г., Рыбина Е. А., Хорошев А. С. Новгородская экспедиция // АО 1978 года / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1979. С. 45–47.
- Andelić, 1975 — Andelić P. Un aperçu de la typologie du verre medieval en Bosnie et en Herzegovine // Средньовековно стакло на Балкану (V–XV век): 36. радова са међународног саветовања (Београд, 22.–24. априла 1974.) / Уред. В. Чубриловић. Београд: Слободан Јовић, 1975 (Балканолошки институт Српска академија наук и уметностию. Посебна издања; Књ. 3). Р. 167–175.
- Arzone et al., 2017 — Arzone A., Medici T., Napione E. Frammenti dell'arte di corte dal palazzo di Cansignorio della Scala: Il bicchiere decorato a smalto con la scala araldica // Verona illustrate. 2017. N. 30. P. 7–29.
- Baumgartner, 1980 — Baumgartner E. Emailbemale Gläser des Mittelalters in schweizerischen Sammlungen // Zeitschrift für Schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte. 1980. Bd. XXXVII, Heft 3. S. 207–216.
- Baumgartner, Krueger, 1988 — Baumgartner E., Krueger I. Phönix aus Sand und Asche: Glas des Mittelalters. München: Klinkhardt & Biermann, 1988. 459 S.
- Carboni, 1998 — Carboni S. Gregorio's Tale; or, Of enamelled glass production in Venice // Gilded and Enamelled Glass from the Middle East / Ed. R. Ward. London: British Museum Press, 1998. P. 101–106.
- Carboni, Whitehouse, 2001 — Carboni S., Whitehouse D. Glass of the Sultans. The exhibition catalogue. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2001. 330 p.
- Černá, Podliska, 2008 — Černá E., Podliska J. Sklo — indikátor obchodních a kulturních kontaktů středověkých Čech // Odorik z Pardenone: z Benátek do Pekingu a zpět. Setkávání na cestách Starého světa ve 13. — 14. století: Sborník příspěvků z mezinárodní konference, Plzeň, 13.–14. listopadu 2006 / Ed. P. Sommer, V. Liščák. Praha: Filosofia, 2008 (Colloquia mediaevalia Pragensia; Vol. 10). S. 237–256.
- Clark, 1983 — Clark J. Medieval enamelled glasses from London // Medieval Archaeology. 1983. Vol. 27. P. 152–156.
- Dillon, 1907 — Dillon E. Glass. New York: G. P. Putnam's Sons; London: Methuen and Co., 1907 (The Connoisseur's Library). 374 p.
- Freestone, Bimson, 1995 — Freestone I. C., Bimson M. Early Venetian enamelling on glass: technology and origins // Materials Issues in Art and Archaeology. Vol. IV / Eds. P. B. Vandiver, J. R. Druzik, J. L. G. Madrid, I. C. Freestone, G. S. Wheeler. Pittsburgh, Pennsylvania: Materials Research Society, 1995 (Materials Research Society Symposium Proceedings; Vol. 352). P. 415–431.
- Georgopoulou, 2009 — Georgopoulou M. Fine Commodities in the Thirteenth-century Mediterranean. The Genesis of a Common Aesthetic // Lateinisch-griechisch-arabische Begegnungen. Kulturelle Diversität im Mittelmeerraum des Spätmittelalters / Hrsg. M. Mersch, U. Ritterfeld. Berlin: Akademie Verlag, 2009 (Europa im Mittelalter; Bd. 15). P. 63–90.
- Gudenrath, 1991 — Gudenrath W. Techniques of Glass-making and Decoration // Glass, 5,000 years / Ed. H. Tait. New York: Harry N. Abrams, Inc., 1991. P. 213–241.
- Gudenrath, 2006 — Gudenrath W. Enamelled Glass Vessels, 1425 B.C.E. — 1800: The Decorating Process // Journal of Glass Studies. 2006. Vol. 48. P. 23–70.
- Gyürky, 1986 — Gyürky K. H. Az üveg. Katalógus. A Budapesti Történeti Múzeum középkori gyűjteménye. Budapest: Budapesti Történeti Múzeum, 1986 (Monumenta Historica Budapestinensia; Vol. V). 185 old.
- Haggrén, 1997 — Haggrén G. Looking through Glass. Recent Glass Finds and Material Culture in Medieval Turku, Finland // Material culture in medieval Europe. Papers of the "Medieval Europe Brugge" 1997 Conference. Vol. 7 / Eds. G. de Boe, F. Verhaeghe. Zellik: Instituut voor het Archeologisch Patrimonium, 1997. P. 353–360.

- Haak*, 2004 — *Haak A.* Archaeological investigations at Viljandi castle of the Teutonic order and in medieval Viljandi // *Archeological fieldwork in Estonia*, 2003. 2004. P. 107–121.
- Haak*, 2005 — *Haak A.* Archaeological investigations at the Late Iron Age settlement site of Huntaugu and at the castle of Teutonic Order in Viljandi // *Archaeological fieldwork in Estonia*, 2004. 2005. P. 89–101.
- Haak, Pärnamäe*, 2004 — *Haak A., Pärnamäe L.* Arheoloogilised kaevamised Viljandi ordulinnusel 2002.–2003. aastal // *Viljandi Muuseumi aastaraamat 2003. Viljandi*, 2004. Lk. 62–84.
- Haak et al.*, 2018 — *Haak A., Niilisk A., Mäesalu A., Ritslaid P., Kikas J.* Tartust leitud 13.–14. sajandi emailmaalingutega klaaspeekrite elementaalüüside tulemustest // *Uurimusi Tartu linnaarheoloogias / Toim. A. Haak, M. Rennit. Tartu: Tartu Linnamuuseum*, 2018 (Tartu Linnamuuseum Aastaraamat. 2017; No. 21). Lk. 55–66.
- Haggrén*, 2003 — *Haggrén G.* Sirpaleita Hansan kulttuuripiiristä — keskiaikaiset lasiastialöydöt // *Kaupunkia pintaa syvemältä. Arkeologisia näkökulmia Turun historiaan / Toim. L. Seppänen. Turku: Suomen keskiajan arkeologian seura*, 2003 (*Archaeologia Medii Aevi Finlandiae*; Vol. IX). S. 223–240.
- Haggrén*, 2017 — *Haggrén G.* Glaskärl i 1200-talets Nyköping och Lödöse // *Den nya köpingen: perspektiv på Nyköpings äldsta historia / Ed. P. Carelli. Stockholm: Arkeologerna, Statens historiska museer*, 2017. P. 31–42.
- Harden*, 1978 — *Harden D. B.* Anglo-Saxon and Later Medieval Glass in Britain: Some Recent Developments // *Medieval Archaeology*. 1978. Vol. 22. P. 1–24.
- Heinloo, Vissak*, 2012 — *Heinloo E., Vissak R.* Investigation on the territory of the medieval New-Pärnu // *Archaeological Fieldwork in Estonia 2011 / Eds. E. Russov, E. Oras. Tallinn: Tallinna Ülikool, Ajaloo Instituut; Tartu: Tartu Ülikool*, 2012. P. 151–166.
- Hoekstra*, 1986 — *Hoekstra T. J.* An Enamelled Goblet from Utrecht, the Netherlands // *Journal of Glass Studies*. 1986. Vol. 28. P. 66–69.
- Holl-Gyürky*, 1986 — *Holl-Gyürky K.* The Use of Glass in Medieval Hungary // *Journal of Glass Studies*. 1986. Vol. 28. P. 70–81.
- Hoššo et al.*, 2002 — *Hoššo J., Lesák B., Resutík B.* Nálevový súbor z odpadovej jamy patricijského domu na Františkánskom námestí č. 6 v Bratislave (Príspevok k poznaniu výbavy bohatej meštianskej domácnosti v prvej polovici 14. storočia) // *Archaeologia historica*. 2002. Roč. 27. S. 607–620.
- Kahsnitz*, 1984 — *Kahsnitz R.* Ein “syro-fränkisches” Glas aus dem Wirtshaus Zum Wilden Mann in Nürnberg // *Monatsanzeiger Museen und Ausstellungen in Nürnberg*. Juli 1984. Nr. 40. S. 318–319.
- Kjellberg*, 2021 — *Kjellberg J.* Paradgatan: En venetiansk glasbägare i det medeltida Uppsala [Электронный ресурс] // URL: <https://www.upplandsmuseet.se/digitalaupplevelser/blog-start/2021/paradgatan-en-venetiansk-glasbagare-i-det-medeltida-uppsala/> (дата обращения: 16.10.2022).
- Koller, Polgár*, 2010 — *Koller B., Polgár B.* 13.–14. századi emailos díszítésű üvegpoharak a középkori Magyarországról // *Komárom-Esztergom Megyei Múzeumok Közleményei*. 2010. Kötetszám 16. Old. 41–54.
- Krueger*, 1984 — *Krueger I.* Mittelalterliches Glas aus dem Rheinland: Ein Glasfundkomplex mit emailbemaltem Becher der sogenannten syro-fränkischen Gruppe // *Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseums in Bonn im Landschaftsverband Rheinland und des Vereins von Altertumsfreunden im Rheinlande*. 1984. Bd. 184 / Red. G. Hellenkemper Salies. Köln: Rheinland-Verlag GMBH ets., 1984. S. 505–560.
- Krueger*, 1998 — *Krueger I.* An enamelled beaker from Stralsund: a spectacular new find // *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East / Ed. R. Ward. London: British Museum Press*, 1998. P. 107–109.
- Krueger*, 2001 — *Krueger I.* Fragment eines emailbemalten Bechers aus Worms // *Der Wormsgau. Zeitschrift der Kulturinstitute der Stadt Worms und des Altertumsvereins Worms*. 2001. Bd. 20. S. 145–146.
- Krueger*, 2002 — *Krueger I.* A Second Aldrevandin Beaker and an Update on a Group of Enamelled Glasses // *Journal of Glass Studies*. 2002. Vol. 44. P. 111–132.
- Krueger*, 2003 — *Krueger I.* Emailbemalte Gläser des 13./14. Jahrhunderts. Zum Stand der Forschung // *Auf gläsernen Spuren. Der Beitrag Mitteleuropas zur archäologisch-historischen Glasforschung / Hrsg. S. Felgenhauer-Schmiedt, A. Eibner, H. Knittler. Wien: Österreichische Gesellschaft für Mittelalterarchäologie*, 2003 (Beiträge zur Mittelalterarchäologie in Österreich; Bd. 19). S. 29–36.
- Krueger*, 2015 — *Krueger I.* Heilige, Höfisches und Bestiarium. Emailbemalte Becher des 13./14. Jahrhunderts // *GlasKlar. Archäologie eines kostbaren Werkstoffes in Südwestdeutschland / Wissenschaftliche Red. R. Röber. Friedberg: Likias*, 2015. S. 98–103.
- Krueger*, 2018 — *Krueger I.* Die europäischen emailbemalten Becher des 13./14. Jahrhunderts: Eine Zusammenfassung zum Forschungsstand // *Journal of Glass Studies*. 2018. Vol. 60. P. 129–162.
- Krueger, Schmid*, 2005 — *Krueger I., Schmid B.* Magister Doninus und seine Vögel. Ein Glas-Neufund aus Mainz und was damit zusammenhängt // *Mainzer archäologische Zeitschrift. Mainzer archäologische Zeitschrift*. Bd. 5/6, 1998/1999. Mainz, 2005. S. 275–292.

- Kull*, 2010 — *Kull K.* 13.–14. sajandi emailmaalingute-ga klaaspeekrid Eestis. Unpublished Bachelor thesis. Tartu: University of Tartu, 2010. 44 lk. [Электронный ресурс] // URL: http://www.arheo.ut.ee/theses/BA10_Kull.pdf (дата обращения: 27.01.2019).
- Lamm*, 1929 — *Lamm G. J.* Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. 2 Bänden. Berlin: Dietrich Reimer, Ernst Vohsen, 1929 (Forschungen zur islamischen Kunst; V). Bd. II (Abbildungen). VIII S., 205 Taf.
- Lamm*, 1930 — *Lamm G. J.* Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. 2 Bänden. Berlin: Dietrich Reimer, Ernst Vohsen, 1930 (Forschungen zur islamischen Kunst; V). Bd. I (Text). XII, 566 S., 10 Taf., davon 6 in Farbendruck.
- Lamm*, 1941 — *Lamm C. J.* Oriental Glass of Medieval Date Found in Sweden and the Early History of Lustre-Painting. Stockholm: Wahlström & Widstrand, 1941 (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar; Del 50: 1). 114 p.
- Lerma*, 2017 — *Lerma S. G.* Bicchieri decorati a smalto dal Piemonte medievale. I reperti dagli scavi di Moncalieri e Torino // *Vetro e alimentazione. XVIII Giornate Nazionali di Studio sul Vetro* (Pavia, 16–17 maggio 2015) / Eds. S. Ciappi, M. G. Diani, M. Uboldi. Cremona: Comitato Nazionale Italiano AIHV, 2017. P. 201–210.
- Mangelsdorf*, 1999 — *Mangelsdorf G.* Glasbecher des späten 13. Jahrhunderts mit Emailbemalung aus Greifswald // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 1999. Bd. 29, Nr. 3. S. 445–450.
- Mäesalu*, 1999 — *Mäesalu A.* Emailbemalte Glasbecher aus Tartu // *The Medieval Town in the Baltic: Hanseatic History and Archaeology: Proceedings of the first and second seminar, Tartu, Estonia 6th–7th June 1997 and 26th–27th June 1998* / Eds. R. Vissak, A. Mäesalu. Tartu: Tartu City Museum, 1999. S. 74–84.
- Medici*, 2008 — *Medici T.* A Medieval Enameled Beaker from Lisbon // *Journal of Glass Studies*. 2008. Vol. 50. P. 316–318.
- Medici*, 2011 — *Medici T.* O espólio vítreo do Núcleo Arqueológico da Rua dos Correiros, Lisboa // *Revista Portuguesa de Arqueologia*. 2011. Vol. 14. P. 313–353.
- Medici*, 2012 — *Medici T.* Un bicchiere decorato a smalto da Lisbona // *Il vetro nel Medioevo tra Bisanzio, l'islam e l'Europa (VI–XIII secolo). Aggiornamenti scavi e ricerche sul vetro. Atti delle XII Giornate nazionali di studio* (Venezia, 19–21 ottobre 2007) / A cura di A. Larese, F. Seguso. Venezia: Association internationale pour l'histoire du verre; Comitato nazionale italiano, 2012. P. 99–105.
- Möller*, 1994 — *Möller G.* Ein goldemailbemalter Glasbecher des frühen 14. Jahrhunderts aus der Altstadt von Stralsund // *Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern. Jahrbuch 1993* / Hrsg. F. Lüth, U. Schoknecht. Lübstorf: Landesamt für Bodendenkmalpflege Mecklenburg-Vorpommern und Archäologisches Landesmuseum, 1994. S. 215–227.
- Mroczek*, 2017 — *Mroczek R.* Na pograniczu dwóch światów. Refleksje na temat kontaktów handlowych i rozwoju Mazowsza w dobie władztwa Piastów // *Dziedzictwo książąt mazowieckich. Stan badań i postulaty badawcze: Materiały sesji naukowej zorganizowanej przez Zamek Królewski w Warszawie — Muzeum i Archiwum Główne Akt Dawnych, 27–28 października 2016 r.* / Red. nauk. J. Grabowski, R. Mroczek, P. Mrozowski. Warszawa: Zamku Królewskiego w Warszawie, 2017 (Zamek Królewski w Warszawie — Muzeum. Studia i materiały; T. VII). S. 221–239.
- Nölke*, 1997 — *Nölke A.* Glasmalerei im Kleinformat: Ein emailbemalter Becher des Hochmittelalters aus Münstertal // *Denkmalpflege in Baden-Württemberg*. 1997. Bd. 26, 1. S. 17–22.
- Pause*, 1993 — *Pause C.* The origin of the enamelled beakers and colourless ribbed vessels of the 13th and 14th centuries north of the Alps // *Rivista della Stazione Sperimentale del Vetro*. 1993. Vol. XXIII, 5. P. 235–245.
- Pause*, 2000 — *Pause C.* Late Medieval Venetian glass // *Annales du 14e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre* (Italia / Venezia — Milano 1998). Lochem: Association Internationale pour l'Histoire du Verre, 2000. P. 321–324.
- Pause, Steppuhn*, 2018 — *Pause C., Steppuhn P.* Ein spätmittelalterlicher Fundkomplex mit qualitätvollen Importgläsern aus dem ehemaligen Johanniskloster in Lübeck // *Funde aus der Lübecker Altstadt II; Tripfen, Leder, Trachtzubehör, Glas und Keramik* / Hrsg. V. Schneider. Rahden/Westf.: Marie Leidorf, 2018 (Lübecker Schriften zu Archäologie und Kulturgeschichte; Bd. 33). S. 213–231.
- Pfeiffer*, 1966 — *Pfeiffer W.* Magister Aldrevandin me fecit // *Verhandlungen des Historischen Vereins für Oberpfalz und Regensburg*. 1966. Bd. 106. S. 205–209.
- Reppo*, 2015 — *Reppo M.* Consuming Glass Vessels in Medieval and Postmedieval Hanseatic Towns: the Case of Tallin (Reval), Estonia. Master's thesis. Tallinn, 2015. 173 p. [Электронный ресурс] // URL: https://www.academia.edu/33111447/Consuming_Glass_Vessels_in_medieval_and_post_medieval_Hanseatic_Towns_the_Case_of_Tallinn_Reval_Estonia (дата обращения: 01.12.2018).
- Reppo*, 2016 — *Reppo M.* Muutused tallinlaste tarbimisharjumustes: klaasanumad keskajast hilisusaajani // *Tutulus. Eesti arheoloogia aastakiri*. 2016. Tartu: Tartu Ülikool, ajaloo ja arheoloogia instituut, 2016. Lk. 16–17.

- Schmidt*, 1912 — *Schmidt R.* Das Glas. Berlin: Georg Reimer, 1912 (Handbücher der Königlichen Museen zu Berlin; Bd. 14). 402 S.
- Schmidt-Thomé*, 1985 — *Schmidt-Thomé P.* Neue Funde emailbemalter Glasbecher aus Breisach und Freiburg // Archäologische Nachrichten aus Baden. 1985. Bd. XXXV. S. 36–43.
- Schmidt-Thomé*, 1986 — *Schmidt-Thomé P.* Neue Funde von emailbemalten Glasbechern (“syro-fränkische Becher”) aus dem Oberrheingebiet // Archäologisches Korrespondenzblatt. 1986. Bd. 16, Nr. 1. S. 107–110.
- Sedláčková*, 2001 — *Sedláčková H.* Gotické sklo na střední a severní Moravě v archeologických nálezech // Archaeologia historica. 2001. Vol. 26. S. 411–428.
- Sedláčková et al.*, 2014 — *Sedláčková H., Rohanová D., Lesák B., Šimončíčová-Koóšová P.* Medieval Glass from Bratislava (ca 1200–1450) in the Context of Contemporaneous Glass Production and Trade Contacts // Památky archeologické. 2014. Vol. 105. P. 215–264.
- Steppuhn*, 1996 — *Steppuhn P.* Gold- und emailbemalte Gläser des 12. und 13. Jahrhunderts aus Norddeutschland // Annales du 13e Congrès de l’Association Internationale pour l’Histoire du Verre (Pays Bas, 28 août — 1 septembre 1995). Lochem: Association Internationale pour l’Histoire du Verre, 1996. P. 319–331.
- Steppuhn*, 2002 — *Steppuhn P.* Glasfunde des 11. bis 17. Jahrhunderts aus Schleswig (Ausgrabungen in Schleswig. Berichte und Studien 16). Neumünster: Wachholtz Verlag, 2002. 133 S. [Электронный ресурс] / URL: https://www.academia.edu/12702851/Glasfunde_des_11_bis_17_Jahrhunderts_aus_Schleswig_Ausgrabungen_in_Schleswig_Berichte_und_Studien_16_Neumunster_2002_Manuskript_mit_einigen_ausgewahlten_Abbildungen (дата обращения: 25.12.2018).
- Steppuhn*, 2005 — *Steppuhn P.* Historisches Gebrauchs- und Tafelglas aus Mecklenburg-Vorpommern // Archäologie unter dem Straßenpflaster. 15 Jahre Stadtkernarchäologie in Mecklenburg-Vorpommern / Hrsg. H. Jöns, F. Lüth, H. Schäfer. Schwerin: Archäologisches Landesmuseum für Mecklenburg-Vorpommern, 2005 (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mecklenburg-Vorpommerns; Bd. 39). S. 329–334.
- Steppuhn*, 2014 — *Steppuhn P.* Emailbemalte Gläser des 13./14. Jahrhunderts aus der Altstadt von Lübeck // Lübeck und der Hanseraum. Beiträge zu Archäologie und Kulturgeschichte. Festschrift für Manfred Gläser / Hrsg. A. Falk, U. Müller, M. Schneider. Lübeck: Verlag Schmidt-Römhild, 2014. S. 193–206.
- Steuer*, 1992 — *Steuer H.* “Objektwanderung” als Quelle der Kommunikation. Die Möglichkeiten der Archäologie // Kommunikation und Alltag in Spätmittelalter und früher Neuzeit. Internationaler Kongress, Krems an der Donau, 9. bis 12. Oktober 1990 / Hrsg. H. Hundsbichler. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1992. S. 401–440.
- Tait*, 1968 — *Tait H.* European: Middle Ages to 1862 // Masterpieces of Glass. A selection [for an exhibition] compiled by D. B. Harden, K. S. Painter, R. H. Pinder-Wilson, H. Tait. London: Trustees of the British Museum, 1968. P. 127–192.
- Tait*, 1991 — *Tait H.* Europe from the Middle Ages to the Industrial Revolution // Glass, 5,000 years / Ed. H. Tait. New York: Harry N. Abrams, Inc., 1991. P. 145–187.
- Tvauri, Metsoja*, 2014 — *Tvauri A., Metsoja K.* Archaeological monitoring at Munga and Sepa streets in the old town of Viljandi // Archaeological Fieldwork in Estonia 2013. 2014. P. 113–118.
- Veldi, Valk*, 2010 — *Veldi V., Valk H.* Archaeological investigations at Pikasilla Vooremägi hill fort and settlement site // Archaeological Fieldwork in Estonia 2009 / Eds. E. Russow, E. Oras. Tallinn: Tallinna Ülikool; Ajaloo Instituut, 2010. P. 85–93.
- Venegoni*, 2012 — *Venegoni L.* A Medieval Enameled Beaker from the Staryi Krym Area (Eastern Crimea, Ukraine) // Journal of Glass Studies. 2012. Vol. 54. P. 253–256.
- Venice..., 2007 — Venice and the Islamic World 828–1797 / Ed. S. Carboni. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven, London: Yale University Press, 2007. 375 p.
- Verità*, 1995 — *Verità M.* Analytical Investigation of European Enameled Beakers of the 13th and 14th Centuries // Journal of Glass Studies. 1995. Vol. 37. P. 83–98.
- Verità*, 1998 — *Verità M.* Analyses of early enamelled Venetian glass: a comparison with Islamic glass // Gilded and Enamelled Glass from the Middle East / Ed. R. Ward. London: British Museum Press, 1998. P. 129–134.
- Verità, Zecchin*, 2012 — *Verità M., Zecchin S.* Il vetro veneziano: influenza bizantina e islamica // Il vetro nel Medioevo tra Bisanzio, l’Islam e l’Europa (VI–XIII secolo). Aggiornamenti scavi e ricerche sul vetro. Atti delle XII Giornate nazionali di studio (Venezia, 19–21 ottobre 2007) / A cura di A. Larese, F. Seguso. Venezia: Association internationale pour l’histoire du verre; Comitato nazionale italiano, 2012. P. 167–172.
- Ward*, 2015 — *Ward R.* Coincidental Developments? The Aldrevandin Glasses and Ayyubid-Mamluk Glass // Journal of Glass Studies. 2015. Vol. 57. P. 137–146.
- Wolf*, 2004 — *Wolf A.* Orientalische Goldemailgläser im mittelalterlichen Europa // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 2004. Bd. 50, № 2 (2003). S. 489–611.

Zaoral, 2011 — Zaoral R. Silver and glass in medieval trade and cultural exchange between Venice and the Kingdom of Bohemia // *The Czech Historical Review*. 2011. Vol. 109, no. 2. P. 284–310.

Žďárská, 2014 — Žďárská A. Středověké sklo z Prahy. Praha: Národní památkový ústav v hlavním městě Praze, 2014 (Archeologické Prameny k Dějinám Prahy; Sv. 7). 186 s.

Zecchin, 1969 — Zecchin L. Un decoratore di vetri a Murano alla fine del duecento // *Journal of Glass Studies*. 1969. Vol. XI. P. 39–42.

Zecchin, 1970 — Zecchin L. Furnaci Muranesi fra il 1279 ed il 1290 // *Journal of Glass Studies*. 1970. Vol. XII. P. 79–83.

Glass ware of the “Aldrevandin Group” from excavations in Veliky Novgorod

A. V. Plokhov²³

Keywords: Veliky Novgorod, 13th–14th centuries; beakers, enamelled glass vessels, “Aldrevandin group”

The unique finds yielded by archaeological excavations in Veliky Novgorod include fragments of two mediaeval European beakers of the so-called *Aldrevandin group* decorated with an enamelled painting. The parts of the first vessel (three rather small fragments, Fig. 1, 1–3) were uncovered in 1955 at the Nereva excavation site in the deposits dated to the last decades of the 13th — beginning of the 14th cen. Of the second vessel found in 1978 at the Duboshin excavation site, 10 fragments are preserved (Fig. 1, 4–13). They were retrieved from layers of the first half/middle of the 14th cen.

The available parallels have allowed the researchers to produce a partial reconstruction of the beaker from the Duboshin excavation. Apparently, it was of a cone-like shape, common for the ‘Aldrevandin group’, with a fairly wide base and funnel-shaped expansion in the upper part (Fig. 2). On the fragments of this vessel, there are discernible a cross and parts of several capital Gothic letters which can be read as “MAGISTER” (Fig. 2; 3, 1). In terms of the shape of the letters, this inscription is the most similar to the texts found on beakers from Mainz (Germany) and Tartu (Estonia) “signed” by Magister Petrus (Fig. 3, 2–4). The decoration of the beaker from the Duboshin excavation site probably included also a heraldic shield with a black bird wing against a yellow (golden) background (Fig. 1, 11; 2) and a representation of one or two beasts (hind leg and tail?) (Fig. 1, 12, 13).

Aldrevandin beakers, as like as other non-standard objects of West-European provenance, have been encountered in Veliky Novgorod only at properties of rich boyars or merchants. The finding of fragments of only two enamelled beakers is very insignificant for such a large centre of international trade as mediaeval Novgorod. These vessels came to Rus’ evidently via German towns of the southern Baltic coast. In the late Middle Ages, West European glass ware was beyond the trade interests of the Hanseatic and Novgorodian merchants. Quite possibly, the small quantity of fragmentary glass beakers among the archaeological finds is explained not solely through the high price and difficulty of transporting of these fragile vessels but also through the absence of the demand for them by the Novgorod population. Indeed, this form of tableware was related with another culture of meals oriented to consuming of wine. It may be supposed that the Aldrevandin group beakers were brought to Novgorod by overseas ambassadors or traders as presents or bribes for representatives of the local elite.

²³ Alexsey V. Plokhov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: a_plokhov@mail.ru.

Коллекция фибул из погребений грунтового могильника с каменными обкладками у деревни Коваши¹

А. Ю. Городилов, Е. Ю. Кононович²

Аннотация. В статье приведен обзор коллекции фибул, полученных в ходе раскопок грунтового могильника у дер. Коваши. Некрополь датируется по найденным в погребениях монетам, сопроводительному инвентарю и радиоуглеродным датировкам первой половиной XV — началом XVI в. Присутствие фибул в захоронениях XV–XVI вв. свидетельствует об устойчивости традиций, сформировавшихся на северо-западе Новгородской земли, в пределах Ижорского плато и сопредельных территориях в более ранний период как в характерном костюме, так и в сопроводительном погребальном инвентаре. В работе рассмотрены хронология, типология, способы производства, декор этой категории украшений.

Ключевые слова: Приморская низменность, грунтовый могильник с каменными обкладками, река Коваши, фибулы, Ижора.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-139-149

В 2019 г. первым отрядом Ленинградской областной археологической экспедиции ИИМК РАН были произведены раскопки руин церкви Благовещения 1788 г. постройки и позднесредневекового грунтового могильника с каменными обкладками, на месте которого была построена церковь. В ходе строительства церкви и последующей хозяйственной деятельности на участке часть погребений была уничтожена полностью, а у некоторых были уничтожены каменные обкладки. Тем не менее большая часть захоронений могильника к моменту начала раскопок сохранилась. Всего в ходе работ было исследовано 97 захоронений (рис. 1). Надмогильные сооружения представлены каменными обкладками, состоящими, как правило, из двух параллельных рядов валунов вдоль бортов могильной ямы,

ограниченных двумя более крупными валунами, поставленными в торцах могилы. Наиболее ранние захоронения в могильнике совершены по обряду кремации в каменных выкладках на уровне погребенной почвы, основная же часть — по обряду ингумации: в ямах подпрямоугольной формы, головой на юго-запад, в вытянутом на спине положении, часто в гробах или колодах. Общим для большинства могил является состав находимых в них вещей: в большей части погребений были найдены железные ножи, в трети — монеты. Помимо этого в нескольких могилах были встречены топоры. Также в погребениях зафиксированы предметы одежды и украшения: фибулы, серьги, перстни, пряжки, бронзовые и янтарные кресты-тельники.

Особый интерес представляет коллекция фибул. Всего в ходе раскопок их было обнаружено 16 экземпляров, среди них семь подковообразных и семь кольцевидных фибул, два экземпляра представлены фрагментами иглы и дуги, и их типологическое определение невозможно.

Целями данной статьи являются предварительный анализ материала и введение его в научный оборот. Для комплексного анализа фибул из материалов погребений могильника у дер. Коваши применялись типологический метод, анализ химического состава металла и анализ

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию» (FMZF-2022-0016).

² Городилов А. Ю., Кононович Е. Ю. — ИИМК РАН. Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: ramapitec@yandex.ru; kononovichekaterina@gmail.com.

© Городилов А. Ю., Кононович Е. Ю., 2023

способа нанесения декора с использованием макросъемки³.

Подковообразные фибулы

В коллекции фибул из могильника в дер. Коваши присутствуют пять подковообразных плосковыпуклых пластинчатых фибул, одна подковообразная фибула с перевитой частью дуги и одна подковообразная круглая в сечении фибула с гроздевидными концами без орнамента. Шесть фибул были найдены в погребениях, одна — в переложном слое и, видимо, происходит из разрушенного погребения.

1. Погребение 74 (рис. 1). Ориентация скелета — головой на юго-запад, положение — вытянутое на спине. Надмогильные конструкции разрушены в ходе благоустройства прицерковной территории. Фибула располагалась в районе головы погребенного. Справа от таза зафиксирован железный нож. В районе груди найдена денга Новгородской республики 1447–1470 гг. чеканки и узкопластинчатый перстень медного сплава. Погребение принадлежало человеку 30–40 лет, пол неопределим.

Фибула размерами 9,0 × 8,2 × 0,1 см изготовлена из низкопробного серебра. В сечении изделие плосковыпуклое, концы фибулы загнуты и имеют форму приподнятых плоских квадратных щитков (рис. 2, 1а, 1б). Орнамент, так же как и на фибуле из погребения 66, выполнен чеканом-колесиком двухрядными линиями по всей поверхности дуги (рис. 3, 7). Центральная часть изделия оформлена в виде секций с перекрестиями, боковые части — в виде зигзагообразных линий, окантовка одним рядом чекана прослеживается по внутреннему и наружному краям фибулы. Концы орнаментированы перекрестиями в рамке, на муфте прослеживаются частично сохранившиеся ряды чекана.

2. Погребение 7 (рис. 1). Ориентация скелета — головой на юго-запад, положение — вытянутое на спине. Состоящая из валунов каменная выкладка была частично уничтожена при разработке песчаного карьера. Фибула располагалась в районе грудной клетки. Кроме фибулы в погребении найдены нож, пластинчатый широкосердечный перстень и денга Новгородской республики

1420–1447 гг. чеканки⁴. Пол погребенного неопределим, возраст — более 40 лет⁵.

Фибула размерами 9,7 × 8,5 × 0,1 см изготовлена из низкопробного серебра, плосковыпуклая в сечении, с загнутыми приподнятыми квадратными концами в виде щитков (рис. 2, 2а, 2б). По всей площади изделия нанесен растительный орнамент в виде листьев, идущих по внешнему и внутреннему периметру с отходящими к центру завитками. На внутренней стороне корпуса фибулы прослеживаются единичные вдавленные линии. Муфта иглы также орнаментирована точечным орнаментом и линиями. Орнамент нанесен резцом (рис. 3, 5). Обращает на себя внимание некое подобие клейма или инициалов на одной из поверхностей щитковой головки (рис. 3, 6).

3. Погребение 103 (рис. 1). Ориентация погребенного — головой на юго-запад, положение — вытянутое на спине. Над захоронением зафиксирована каменная выкладка. У головы погребенного находились фибула и серьга медного сплава в виде знака вопроса. Между бедренными костями располагался железный нож. Захоронение принадлежало женщине 25–35 лет.

Фибула размерами 8,1 × 6,8 × 0,2 см отлита из низкопробного серебра, в сечении застежка плосковыпуклая, концы загнуты и имеют форму приподнятых плоских квадратных щитков (рис. 2, 3а, 3б). Наружная поверхность дуги сплошь покрыта орнаментом в виде центральной секции с перекрестием и растительных сюжетов по обеим сторонам дуги. По внутреннему и наружному краям нанесена окантовка чеканом-колесиком (рис. 3, 9–12). Головки орнаментированы перекрестиями в рамке.

4. Погребение 66 (рис. 1). Ориентация скелета — головой на юго-запад, положение — вытянутое на спине. Надмогильные конструкции разрушены в ходе благоустройства прицерковной территории. В районе груди погребенного зафиксирована фибула, кроме нее в районе таза погребенного с правой стороны встречены железный нож и денга Новгородской республики 1447–1470 гг. чеканки. Останки принадлежали женщине возрастом более 40 лет.

Фибула размерами 14,2 × 12,3 × 0,1 см, плосковыпуклая в сечении, с загнутыми приподнятыми

³ Приносим благодарность ст. науч. сотр. Гос. Эрмитажа С. В. Хаврину за результаты рентгено-флюоресцентного анализа (спектрометр ArtTAX, Brüker) и мл. науч. сотр. Гос. Эрмитажа А. И. Корниенко за консультацию в вопросах нанесения декора.

⁴ Определение нумизматического материала выполнено мл. науч. сотр. ИИМК РАН К. В. Горловым.

⁵ Антропологическое определение выполнено науч. сотр. отдела антропологии МАЭ РАН, канд. ист. наук. И. Г. Ширококовым.

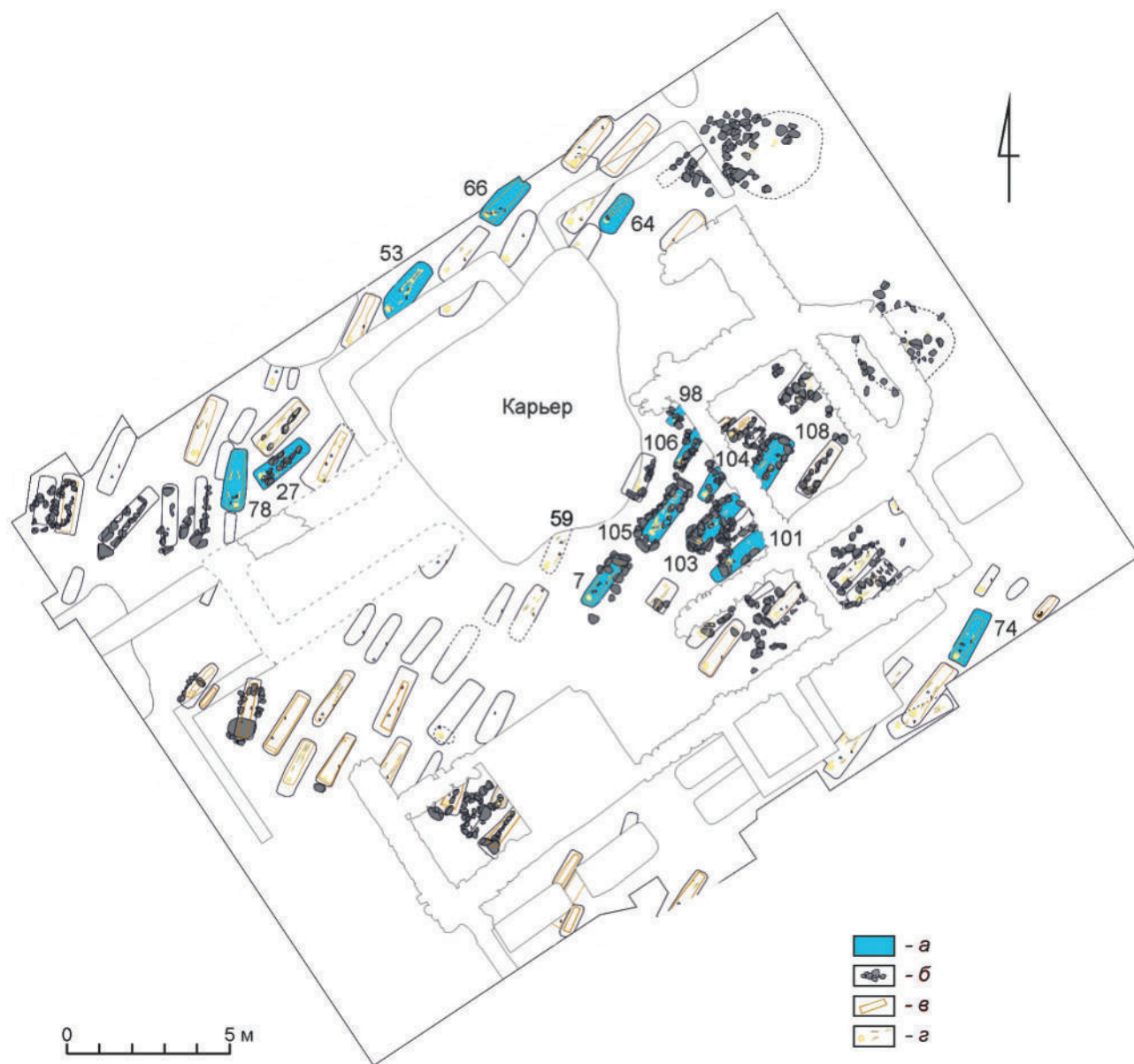

Рис. 1. План грунтового могильника у д. Коваша с указанием погребений, содержащих фибулы (а — погребения с фибулами; б — камни; в — контуры гробовища; з — кости)

Fig. 1. Plan of the flat grave cemetery near the village of Kovashi with specification of the graves containing fibulae (a — burials with fibulae; б — stones; в — outlines of the coffin; з — bones)

квадратными концами в виде щитков (рис. 2, 4а, 4б). Она изготовлена из меди, поверхность луженая (олово с примесью свинца). Игла фибулы содержит большое количество серебра и золота — видимо, полученных в результате переплавки вышедших из употребления изделий. Орнамент в виде трехрядного ромбического плетения с окантовкой вдоль внешнего и внутреннего краев нанесен чеканом-колесиком по всей наружной площади изделия. Муфта иглы также орнаменти-

рована схожим мотивом в виде ромбической клетки. Концы фибулы не орнаментированы.

5. Погребение 53 (рис. 1). Ориентация скелета — головой на юго-запад, положение — вытянутое на спине. Надмогильные конструкции разрушены в ходе благоустройства прицерковной территории. Фибула располагалась в районе черепа. Помимо фибулы в погребении найдены железный нож, фрагмент железного кольца. Пол погребенного неопределим, возраст — более 50 лет.

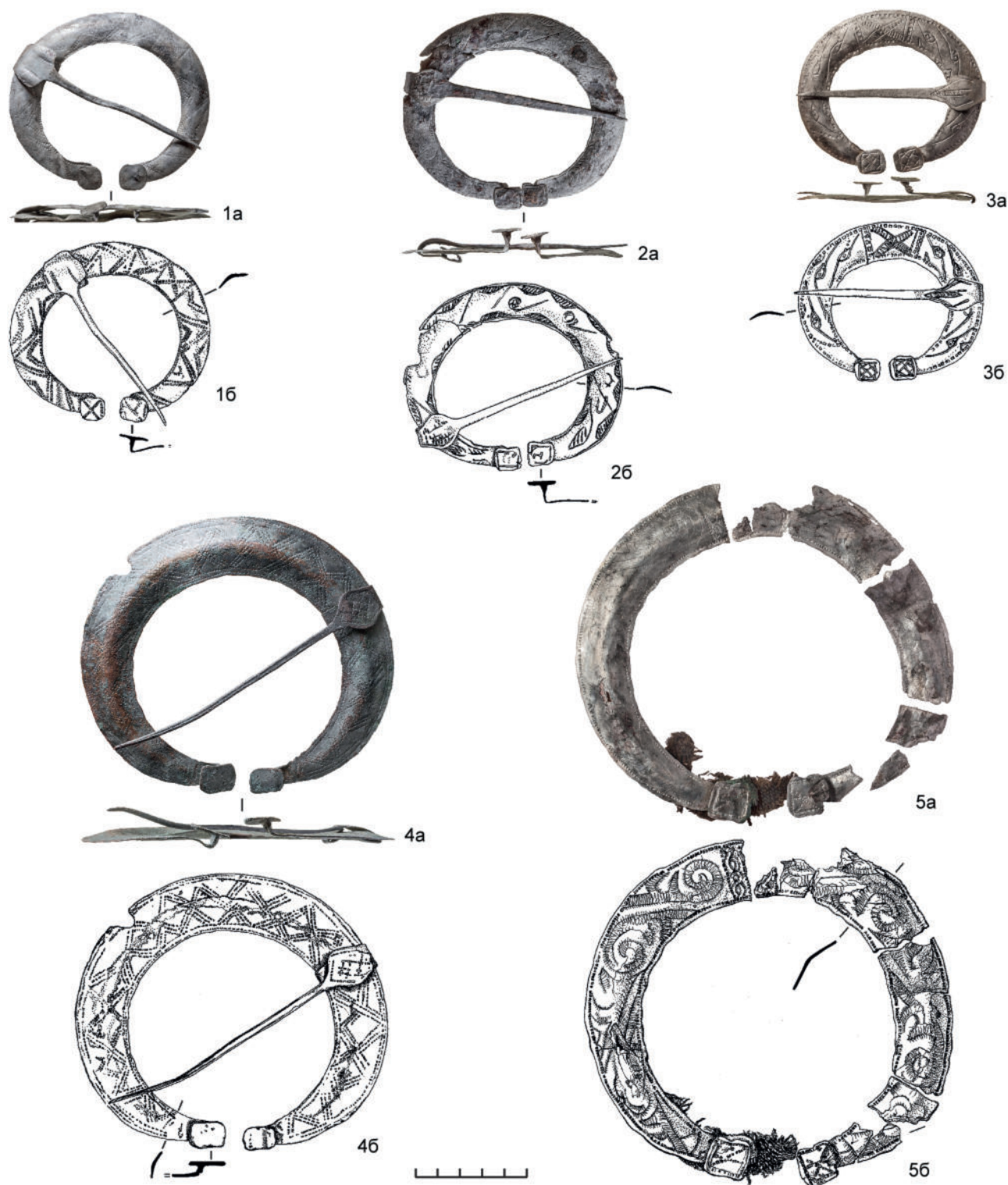

Рис. 2. Грунтовый могильник у дер. Коваши. Подковообразные пластинчатые фибулы: 1а, 1б — погребение 74; 2а, 2б — погребение 7; 3а, 3б — погребение 103; 4а, 4б — погребение 66; 5а, 5б — погребение 53 (фото И. Г. Самоварова (а); прорисовка Н. В. Петровичевой (б))

Fig. 2. Flat grave cemetery near the village of Kovashi. Horseshoe lamellar fibulae: 1a, 1b — burial 74; 2a, 2b — burial 7; 3a, 3b — burial 103; 4a, 4b — burial 66; 5a, 5b — burial 53 (photo by I. G. Samovarov (a); redrawing by N. V. Petrovicheva (b))

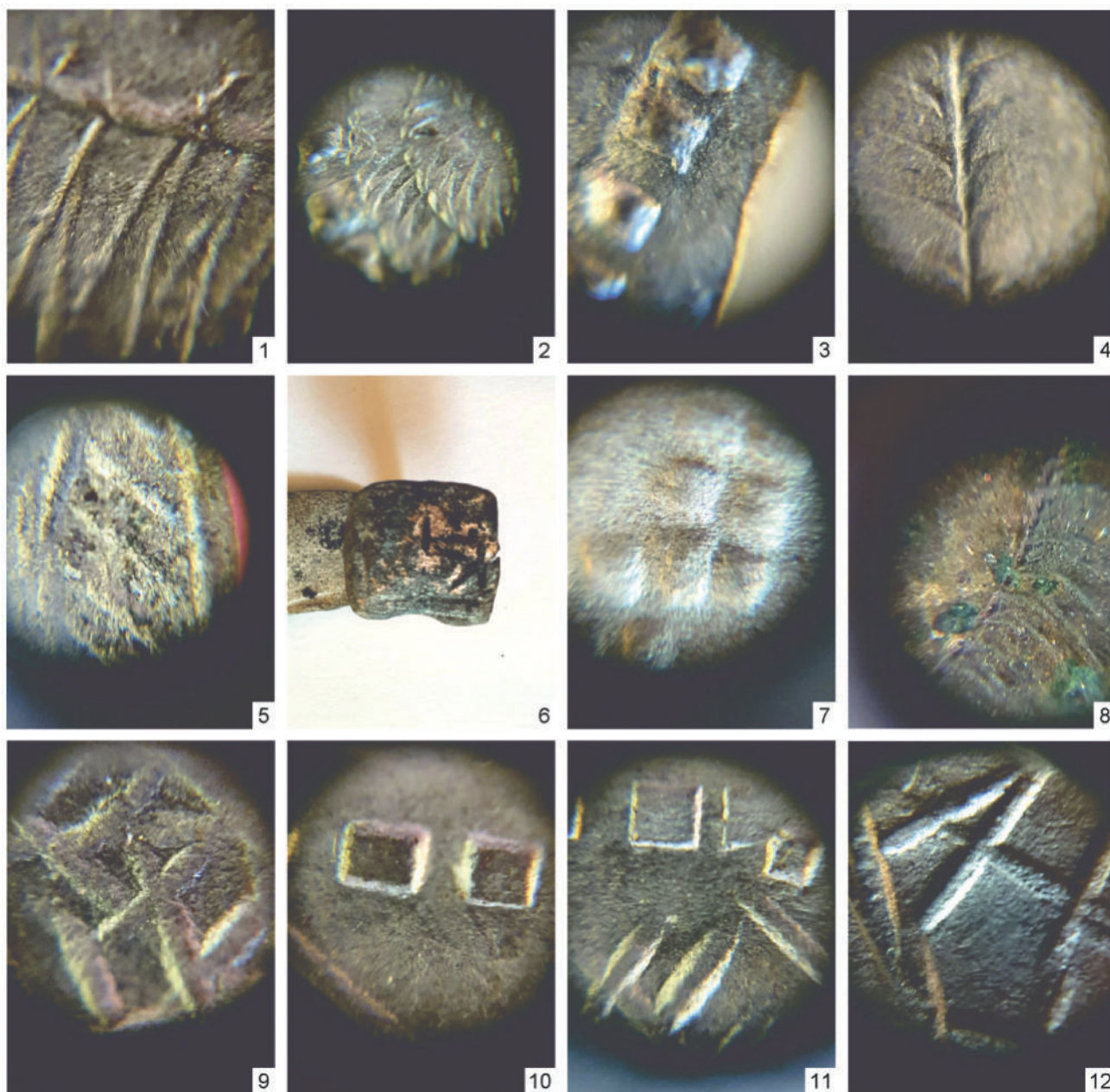

Рис. 3. Грунтовый могильник у д. Коваши. Следы резцов (1, 2, 4, 5, 6, 8, 12) и чеканов (3, 7, 9, 10, 11) на поверхности фибул: 1–4 — из погребения 53; 5, 6 — из погребения 7; 7 — из погребения 74; 8 — из погребения 98; 9–12 — из погребения 103

Fig. 3. Flat grave cemetery near the village of Kovashi. Traces from chisels (1, 2, 4, 5, 6, 8, 12) and stamps (3, 7, 9, 10, 11) on the surface of the fibulae: 1–4 — from burial 53; 5, 6 — from burial 7; 7 — from burial 74; 8 — from burial 98; 9–12 — from burial 103

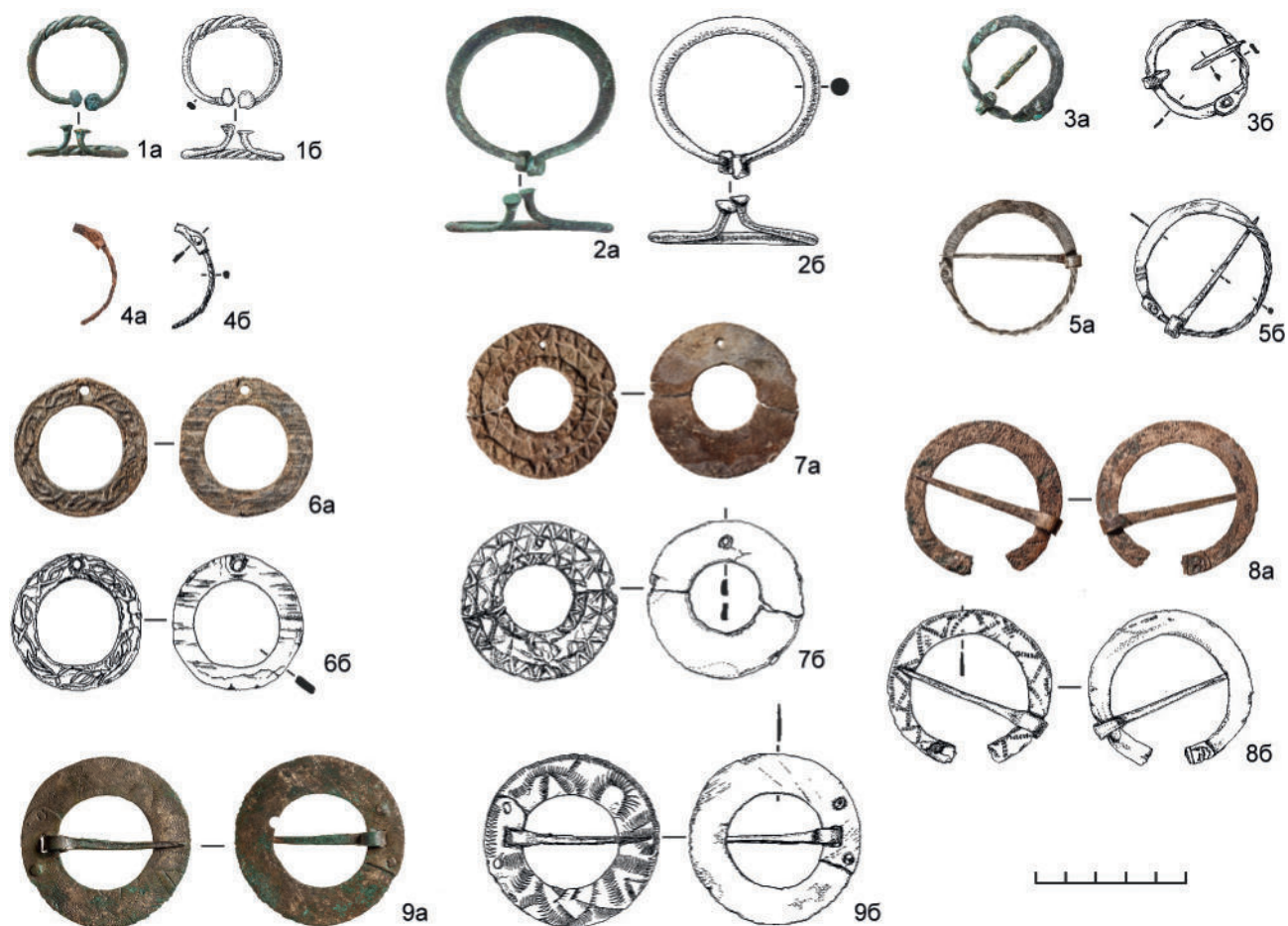

Рис. 4. Грунтовый могильник у дер. Коваша. Подковообразные (1, 2) и кольцевидные замкнутые (3–9) фибулы: 1а, 1б, 2а, 2б — подковообразные (1а, 1б — погребение 78; 2а, 2б — техногенный слой); 3а–9б — кольцевидные замкнутые (3а, 3б — погребение 27; 4а, 4б — погребение 108; 5а, 5б — погребение 101; 6а, 6б — погребение 105; 7а, 7б — техногенный слой; 8а, 8б — погребение 104; 9а, 9б — погребение 98) (фото И. Г. Самоварова (а); прорисовка Н. В. Петровичевой (б))

Fig. 4. Flat grave cemetery near the village of Kovashi. Horseshoe-shaped (1, 2) and ring-shaped closed (3–9) fibulae: 1a, 1b, 2a, 2b — horseshoe-shaped (1a, 1b — burial 78; 2a, 2b — anthropogenic layer); 3a–9b — ring-shaped closed (3a, 3b — burial 27; 4a, 4b — burial 108; 5a, 5b — burial 101; 6a, 6b — burial 105; 7a, 7b — anthropogenic layer; 8a, 8b — burial 104; 9a, 9b — burial 98) (photo by I. G. Samovarov (a); redrawing by N. V. Petrovicheva (b))

Фибула размерами 24 × 21 × 0,2 см отлита из низкопробного серебра, в сечении — плоско-выпуклая, концы загнуты и имеют форму приподнятых плоских квадратных щитков (рис. 2, 5а, 5б). Наружная поверхность покрыта гравированным орнаментом в виде сложной плетеной композиции, заполненной зигзагообразными линиями (рис. 3, 1, 2, 4). Вдоль внешнего и внутреннего краев изделия проходит окантовка точечным чеканным орнаментом (рис. 3, 3). Концы фибулы орнаментированы чеканом в виде перекрещенных линий в рамке. Игла не сохранилась, у головок уцелел фрагмент ткани.

6. Погребение 78 (рис. 1). Ориентация погребенного — головой на юг, положение — вытянутое

на спине. Каменная выкладка над погребением не зафиксирована. В районе черепа, с левой стороны от него, располагался железный нож, лежащий параллельно краю могильной ямы. В районе груди найдена денга Княжества Всея Руси периода правления Ивана III около 1485–1500 гг. чеканки и подковообразная фибула. Останки принадлежали человеку 10–25 лет, пол неопределим.

Фибула размерами 3,3 × 3,1 × 0,4 см, овальная в сечении, отлита из многокомпонентного сплава на основе меди, дуга частично перевита, концы гвоздевидные с плоской площадкой. Игла отсутствует (рис. 4, 1а, 1б).

7. Еще одна фибула найдена в юго-восточном углу раскопа в мешаном слое, но, очевидно,

происходит из разрушенного погребения. Фибула изготовлена из двухкомпонентной латуни. Подковообразная фибула круглая в сечении, с гвоздевидными концами, без орнамента (рис. 4, 2а, 2б). Игла отсутствует. Размеры 5,5 × 5,2 × 0,4 см.

Наиболее близкими аналогиями фибулам из Ковашей являются пластинчатые подковообразные фибулы карельского типа. Данный тип был подробно проанализирован А. И. Саксой в фундаментальной работе, посвященной Древней Карелии (Сакса, 2010). Исследователь отмечает, что фибулы были довольно крупными (диаметром 9–12 см) и изготавливались из серебра. Наружная поверхность изделий сплошь украшалась гравированным плетеным или растительным орнаментом. Александр Иванович, проанализировав известные по погребальному женскому инвентарю изделия, выделил три типа карельских фибул: тип I — пластинчатые, тип II — выпуклые, тип III — с рифленой дугой. По орнаментации фибулы каждого типа были разделены на варианты (Там же, 2010. С. 128). Основная зона распространения фибул такого типа — районы расселения карел и территория Финляндии, кроме этого они встречены и в материалах погребений Водской земли (Рябинин, 2001. С. 66; Спицын, 1896. Табл. XX, 17), Великого Новгорода (Варенов, 1998. С. 193; Покровская, 2021. С. 115), территории Эстонии (Сакса, 2010. С. 130), Кольского Севера (Колпаков и др., 2022. С. 19) и в материалах, происходящих с территории средневекового Ижорского погоста (Рябинин, 1997. С. 68).

Большинством исследователей подковообразные пластинчатые фибулы карельского типа датируются XII–XIV вв. А. И. Сакса определяет этот временной период как расцвет средневековой карельской культуры, характеризующийся сложившимся «национальным» набором женских украшений и большим количеством напутственных вещей в погребениях (Сакса, 2010. С. 92). Все известные экземпляры фибул объединяет ряд схожих признаков: достаточно большой размер при сравнительно плоском сечении дуги, богатая орнаментация (плетеный и/или растительный, геометрический орнамент), покрывающая большую часть дуги, головки и муфту иглы. В сечении фибулы плосковыпуклые. Материалом для изготовления служило серебро, реже — медные сплавы. Изготавливались фибулы путем отливки, орнамент наносился в смешанной технике гравировки. Расположение карельских фибул при скелетах, в отличие от других разновидностей подковообразных застежек, фиксируется

исключительно в районе грудной клетки или головы, что не противоречит этнографическим реконструкциям ювелирного убора карельских женщин. Подковообразные фибулы скрепляли на груди шерстяные полотна или надевались на головные накидки (Кочкуркина, 1986. С. 55).

Обращаясь к сравнительному анализу фибул из Ковашей и фибул карельского типа, можно выделить их морфологическую схожесть и применение их в качестве элемента костюма усопшего. Использование серебра в качестве исходного материала было характерно для карел. Фибулы из Ковашей выполнены преимущественно из низкопробного серебра, но присутствуют изделия из многокомпонентного сплава на основе меди или луженой меди.

Подковообразные пластинчатые фибулы из Ковашей представляются прямым подражанием карельским изделиям. В орнаментике последних прослеживается идеально выдержанная стилистика, узор нанесен уверенной рукой мастера, он строго симметричен и сюжетно завершен. Несомненно, каждый элемент орнамента имел смысловую нагрузку, и вместе они представляли единую композицию. Экземпляров с идентичным орнаментом не выявлено, однако центральный мотив уловим — это повторяющиеся ряды крина и различные сложные плетенки. Мастер-ювелир использовал при нанесении орнамента резцы и штихели, следов чекана на известных изделиях не выявлено. На головках всегда присутствуют крестообразные символы, заключенные в рамку. Стилистический орнамент фибул Ковашей лишь отдаленно напоминает карельские мотивы, мастер передает общую идею, используя в качестве элементов декора не крин, а перекрещенные линии и завитки, больше напоминающие ветви с листьями или почками. Фибула из погребения 53 (рис. 2, 5а, 5б) является самым близким аналогом карельским изделиям, она имеет крупные размеры, орнамент в виде плетенки нанесен по всему телу застежки. Прослеживается оригинальность орнаментации в виде заполнения узора зигзагообразными линиями, выполненными штихелем. В целом все проанализированные фибулы орнаментированы небрежно, линии декора резко обрываются или переходят в другой мотив. Еще одной отличительной чертой является окантовка внутреннего и внешнего краев фибулы колесиком-чеканом в виде одного или нескольких рядов миниатюрных квадратов.

Среди древностей Ижорского плато (фибул, происходящих из погребального инвентаря

курганных, курганно-жальничных и грунтовых могильников) можно выделить застежки со сходными морфологическими признаками и отличным от карельских мотивов орнаментом, весьма отдаленно напоминающим сюжеты карельских изделий. Например, фибула, происходящая из могильника Порицы 1 на берегу реки Славянки в ареале расселения ижоры (Сорокин и др., 2016. С. 295), или ряд изделий, представленных в могильниках Лашковицы и Бегуницы, расположенных на территории Водской земли (Рябинин, 2001. С. 246).

Все вышесказанное может говорить о местном производстве подковообразных пластинчатых фибул.

Замкнутые кольцевидные фибулы

Все замкнутые фибулы, происходящие из могильника, можно разделить на две группы: фибулы с перевитой частью дуги и пластинчатые кольцевидные фибулы.

Фибулы с перевитой частью дуги. Все подобные фибулы имеют заклепанные, заходящие друг на друга концы. Найдены в трех погребениях.

8. Погребение 27 (рис. 1). Ориентация — головой на юго-запад, положение — вытянутое на спине. Зафиксирована каменная выкладка над могильной ямой. В районе правой плечевой кости, с внешней стороны, располагался железный нож. В районе груди найдены кольцевидная фибула с перевитой частью дуги диаметром 3,3 см (рис. 4, 3а, 3б) и денга Новгородской республики 1470–1478 гг. чеканки. Останки принадлежали человеку 20–40 лет, пол неопределим. Фибула сделана из многокомпонентного сплава на основе меди.

9. Погребение 108 (рис. 1). Ориентация скелета — головой на юго-запад. Положение — вытянутое на спине. Сохранилась каменная выкладка над захоронением. У головы обнаружена кольцевидная фибула медного сплава, в районе пояса — железный нож, в районе ступней — железный топор. Сохранился фрагмент фибулы в виде перевитой части дуги, выполненной из меди (рис. 4, 4а, 4б). Останки принадлежали человеку возрастом более 10 лет, пол неопределим.

10. Погребение 101 (рис. 1). Ориентация погребенного — головой на юго-запад. Положение — вытянутое на спине. Выявлена каменная выкладка над погребением. У головы погребенного была зафиксирована кольцевидная фибула с перевитой частью дуги (рис. 4, 5а, 5б). Застежка диаметром 4,4 см отлита из низкопробного серебра. Останки принадлежали человеку возрастом более 40 лет, пол неопределим.

Пластинчатые кольцевидные фибулы. Общим для таких фибул является форма, однако технология их производства отличается. Две фибулы, изготовленные из двухкомпонентной латуни, сделаны из заклепанной на концах металлической пластины, а две свинцовые — отлиты. Рассматриваемые фибулы найдены в трех погребениях, а еще одна встречена в переотложенном слое и, видимо, происходит из разрушенного погребения.

11. Погребение 105 (рис. 1). Ориентация скелета — головой на юго-запад, положение — вытянутое на спине. Выявлена каменная выкладка над погребением. На груди у покойного зафиксирована плоская кольцевидная фибула, рядом с ней — денга Новгородской республики XV в. В центральной части могильной ямы между бедренных костей найден железный нож. Останки принадлежали женщине 20–35 лет.

Фибула диаметром 4,4 см отлита из свинца, игла утрачена, отверстие для иглы округлой формы расположено на дуге. По всей поверхности изделия нанесен рельефный растительный орнамент.

12. Еще одна кольцевидная замкнутая фибула была найдена в заполнении котлована: диаметром 5 см, плоская, отлита из свинца, прямоугольная в сечении, с рельефным зигзагообразным орнаментом, состоящим из трех ярусов. Отверстие для иглы округлой формы (рис. 4, 7а, 7б).

13. Погребение 104 (рис. 1). Ориентация скелета — головой на юго-запад, положение — вытянутое на спине. Над захоронением присутствовала каменная выкладка. У головы покойного располагалась плоская кольцевидная фибула, в центральной части могильной ямы — железный нож, фрагмент кольца медного сплава и денга Новгородской республики 1447–1470 гг. чеканки. Останки принадлежали человеку 20–40 лет, пол неопределим.

Фибула диаметром 5,3 см, основание иглы обвито вокруг корпуса изделия (рис. 4, 8а, 8б). Изделие изготовлено из двухкомпонентной латуни. По всей поверхности фибулы нанесен чеканный орнамент в виде отдельных квадратов, оформленный треугольниками, радиально отходящими от внутреннего края фибулы. По внешнему краю прослеживается окантовка, выполненная тем же чеканом.

14. Погребение 98 (рис. 1). Ориентация скелета — головой на юго-запад, положение — вытянутое на спине. Сохранилась выкладка над погребением. В юго-западной части могильной ямы

у головы погребенного были зафиксированы железный нож, прямоконечный с лопатовидным завершением нижнего конца крест-тельник медного сплава и кольцевидная плоская замкнутая фибула (рис. 4, 9а, 9б). Антропологическое определение погребенного невозможно.

Фибула диаметром 5,5 см, плоская, прямоугольная в сечении, с иглой, закрепленной в прямоугольном отверстии на корпусе фибулы. Выполнена из двухкомпонентной латуни. Поверхность изделия покрыта орнаментом в виде бессистемных зигзагообразных прямых, волнообразных и треугольных линий, нанесенных штихелем (рис. 3, 8).

Находки замкнутых кольцевидных фибул с перевитой частью дуги известны на широкой территории: в Прибалтике, Финляндии, Карелии и на Новгородской земле. Традиционно подобные находки датируются в пределах XII–XIV вв. (Бельский, 2015. С. 269). Ближайшие аналогии замкнутым кольцевидным фибулам с перевитой частью дуги встречаются в материалах из кургано-жальничных могильников Ижорского плато и грунтовых могильников Приневья. Наибольшей схожестью по морфологическим признакам обладает фибула, найденная при раскопках П. Е. Сорокиным ижорского могильника на берегу р. Фонтанки во дворе Шереметевского дворца (Сорокин, 2008. С. 118), и ряд фибул из могильника Порицы 1 (Сорокин и др., 2016. С. 296).

Кольцевидные замкнутые пластинчатые фибулы, подобные находкам из погребений 104 и 105, хорошо известны в пределах Балтийского региона (Бельский, 2015. С. 270), на территории Водской земли (Рябинин, 2001. С. 250, Спицын, 1896. Табл. X) и Великого Новгорода (Седова, 1981. С. 90). В целом кольцевидные фибулы данного типа при всем своем разнообразии имеют корни, тяготеющие к Прибалтике, где данные изделия известны с XII в., а наибольшее распространение получают в XIV в. (Мальм, 1967; Сакса, 2010; Svarāne, 2014).

Хронология могильника

Основанием для определения времени совершения погребений с фибулами является общее время функционирования могильника и внутренняя хронология его заполнения, определенная на основании анализа нумизматического материала, радиоуглеродного датирования погребений и привязки типологически определимых предметов к существующим хронологическим шкалам.

Во время раскопок в погребениях были найдены 32 монеты, принадлежащие эмиссиям Новгородской и Псковской республик, Великого княжества Всея Руси времени правления Ивана III, Василия III и Ивана IV. На основании анализа нумизматического материала время функционирования исследованной части могильника было определено первой половиной XV — первой половиной XVI в. (Горлов, Городилов, 2021). Эта датировка подтверждается и при рассмотрении иных предметов, помещенных в могилы, в частности топоров. Всего на памятнике было найдено три топора, среди которых рабочий топор третьего типа, по Б. А. Колчину (Колчин, 1959. Рис. 9, 11, 12), встречается в слоях Великого Новгорода со второй половины XV в. Кроме него были найдены два топора-чекана с двумя парами щеквиц, также известные по материалам Нутного и Дубошиного раскопов Великого Новгорода, где они зафиксированы в слоях конца XIV — начала XV в. (Торопов, Торопова, 2007. Рис. 3, з, и). К XV в. относится и железный корд, встреченный в погребении 59. Серия радиоуглеродных датировок, полученных из погребений и представленных в табл. 1, также подтверждает определенное на основании анализа вещевого материала время существования могильника.

Таблица 1. Радиоуглеродные даты погребений могильника у дер. Коваша

Table 1. Radiocarbon dates of the burials

№ погребения	Материал для датирования	Индекс анализа	Радиоуглеродный возраст, лет тому назад	Калиброванная дата, (вероятность 95,4 %)
9	Кость погребенного	Ле-12011	420±30	1426–1512 (86,6 %) 1591–1620 (8,9 %)
41	Уголь	Ле-12012	440±30	1419–1495 (94,2 %) 1602–1610 (1,3 %)
42	Уголь	Ле-12013	460±50	1328–1343 (1,4 %) 1395–1521 (86,9 %) 1580–1623 (7,1 %)
41	Уголь	Ле-12015	660±25	1281–1323 (47,3 %) 1356–1392 (48,2 %)

Таким образом, по комплексу признаков общее время совершения погребений в раскопанной

части могильника может быть определено первой половиной XV — первой половиной XVI в.

Анализ топографии захоронений с монетами позволяет проследить некоторые хронологические закономерности в планиграфии могильника. Так, погребения, содержащие новгородские монеты первой половины — середины XV в., расположены в центральной, наиболее возвышенной части холма, а монеты времени правления Ивана III и Василия III найдены преимущественно в периферийной части могильника. Крайние погребения могильника содержат монеты времени правления Василия III и Ивана IV (*Горлов, Городилов, 2021. С. 160*).

Погребения, содержащие фибулы, расположены главным образом в центральной части некрополя, формирование которой происходило в первой половине — середине XV в., и западной, сформировавшейся во второй половине — конце XV в. Нумизматический материал обнаружен в четырех погребениях, содержащих подковообразные фибулы, и в двух погребениях с замкнутыми кольцевидными фибулами. Вместе с подковообразными фибулами найдены денги Новгородской республики 1420–1447 и 1447–1470 гг. чеканки, а также денга Княжества Всея Руси периода правления Ивана III около 1485–1500 гг. Вместе с замкнутыми кольцевидными фибулами встречены денги Новгородской республики 1447–1470 и 1470–1478 гг. чеканки. Совместное залегание в погребениях нумизматического материала и фибул позволяет ограничить период, в который было принято помещать их в могилу, первой половиной — концом XV в.

Выводы

1. Общее качество сырья, из которого были выполнены изделия, небрежность в нанесении орнамента, ограниченный набор инструментов, используемый при нанесении декора, позволяют говорить о местном производстве большей части фибул. Об этом же свидетельствует и непостоянный даже в пределах одного изделия состав металла, характерный для кустарного производства.

2. Найденная в могильнике серия подковообразных пластинчатых фибул, судя по всему, является подражанием карельским изделиям, но датируется несколько более поздним временем. При этом, несмотря на достаточно продолжительный период времени, в который фиксируется помещение их в погребения, эволюция в их изготовлении не прослеживается, что свидетельствует об устойчивости традиций у местного населения вплоть до конца XV в.

3. Представленные в коллекции прочие типы фибул не выбиваются из общего контекста материальной культуры населения Северо-Запада и находят прямые аналогии как в могильниках Приневья и Ижорского плато, так и на более широкой территории Европы.

4. По предварительным данным, полученным в ходе анализа вещевого комплекса, и характерным отличиям погребального обряда следует отнести могильник в дер. Коваши к ижорским древностям. Последующий анализ позволит уточнить культурную принадлежность могильника Коваши и конкретизировать историю развития материальной культуры и погребального обряда жителей Ижорской земли.

Бельский, 2015 — Бельский С. В. Замкнутые фибулы в карельских могильниках: вопросы хронологии // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований: Сб. / Отв. ред. Г. А. Хлопочев. СПб.: МАЭ РАН, 2015 (Замятинский сборник; Вып. 4). С. 268–277.

Варенов, 1998 — Варенов А. Б. Карельские древности в Новгороде // РА. 1998. Вып. 4. С. 192–201.

Горлов, Городилов, 2021 — Горлов К. В., Городилов А. Ю. Нумизматический материал XV–XVI вв. из погребений у деревни Коваши Ленинградской области // Stratum plus. 2021. № 6: Из жизни некоторых царств. С. 147–167.

Колпаков и др., 2022 — Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Шумкин В. Я. Сокровища древнего Ковдора. Каталог выставки. Археологический комплекс Лива 1. СПб.: ЛЕМА, 2022. 104 с.

Колчин, 1959 — Колчин Б. А. Топоры, тесла // Железообрабатывающее ремесло Великого Новгорода. М.: Наука, 1959 (МИА; № 65. Тр. Новгородской археологической экспедиции; Т. 2). С. 7–120.

Кочкуркина, 1986 — Кочкуркина С. И. Корела и Русь. Л.: Наука, 1986. 143 с.

Мальм, 1967 — Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки фибулы // Очерки по истории Русской деревни X–XIII вв. / Отв. ред. М. В. Фехнер. М.: Советская Россия, 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43). С. 149–190.

Покровская, 2021 — Покровская Л. В. Балтийские и прибалтийско-финские предметы на усадьбах Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // АВ. 2021. Вып. 31. С. 113–127.

Рябинин, 1997 — Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.: СПбГУ, 1997. 260 с.

- Рябинин*, 2001 — *Рябинин Е. А.* Водская земля Великого Новгорода. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 259 с.
- Сакса*, 2010 — *Сакса А. И.* Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 400 с.
- Седова*, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.
- Сорокин*, 2008 — *Сорокин П. Е.* Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье. Новые данные по археологии ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2: Древности Ижорской земли / Отв. ред. П. Е. Сорокин. СПб.: Турусел, 2008. С. 88–127.
- Сорокин и др.*, 2016 — *Сорокин П. Е., Матвеев В. Н., Короткевич Б. С.* Раскопки средневекового могильника Порицы 1 на реке Славянке // АИППЗ. Вып. 31 (Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы 61-го заседания) / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М., Псков: ИА РАН, 2016. С. 286–300.
- Спицын*, 1896 — *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Иванова. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1896 (МАР; № 20). 124 с.
- Торопов, Торопова*, 2007 — *Торопов С. Е., Торопова Е. В.* Боевой топор XIV века с Пятницкого раскопа в Старой Руссе // АИППЗ. Вып. 22 (Семинар им. акад. В. В. Седова: Материалы ЛII заседания). Псков: ИА РАН, 2007. С. 235–245.
- Svarāne*, 2014 — *Svarāne D.* Rīgas 13.–15. gs. Alvas saktas unto izgatavošanas materiāls // Arheoloģija un Etnogrāfija. XXVIII / Red. Andrejs Vasks. Rīga, 2014. L. 176–193.

Collection of brooches from interments of the flat-grave cemetery with stone fences near the village of Kovashi

A. Yu. Gorodilov, E. Yu. Kononovich⁶

Keywords: Primorskaya (Coastal) Lowland, cemetery with flat graves with stone fences, Kovasha River, fibulae, Izhora.

The cemetery of Kovashi with flat graves fenced with stones is situated on the high right bank of the Kovasha River within the area of the Lebyazhinskoye urban settlement in the Lomonosov District of Leningrad Oblast. This site was discovered and partly excavated in 2019 by the 1st Team of the Leningrad Oblast Archaeological Expedition of IHMC RAS in the course of investigations at the object of cultural heritage “The Church of the Annunciation of the Virgin Mary and burials in the church territory”. Totally, at least 97 graves have been investigated. The revealed burials and the grave inventory accompanying them allow us to define the date of the functioning of the cemetery as the time span from the 14th to 16th cen. The earliest interments in the cemetery were performed according to the cremation rite inside stone fences; the majority of them however were made according to the inhumation rite: in graves of a rectangular form oriented to south-west with stone fences on the top of the burial pits. It is difficult to define the total number of the burials at the cemetery but, judging from the area of the hill and the density of the graves, it can be equal to three hundreds. Among the accompanying grave goods, of note are items of weaponry and horseshoe brooches of the Karelian type. Through coins found in the graves and the results of radiocarbon dating, the period of functioning of the cemetery is datable to the 15th–16th cen. The necropolis under consideration was left by Finno-Ugric population — the Izhora. The Kovasha River basin was inhabited by the Heva group of the Izhorians. The presence of brooches in the burials of the 15th–16th cen., considering both the peculiar costume and the grave inventory, bears evidence of the stability of the traditions established in the precedent period in the north-west of the Novgorod Land within the limits of the Primorskaya Lowland and adjacent territories. This work presents a review of the brooches, considers their chronology and typology, the techniques of their manufacture and their ornamentation.

⁶ Andrey Yu. Gorodilov, Ekaterina Yu. Kononovich — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaia nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: e-mail: ramapitec@yandex.ru; kononovichekaterina@gmail.com.

Результаты археологических исследований в восточной части позднесредневекового Выборга: к истории одного городского квартала

С. В. Бельский

Аннотация. В статье обобщены результаты археологических исследований культурного слоя Выборга на территории одного квартала. Раскопки проводились в 2000–2001 и 2019 гг. Суммарная изученная площадь составила 731 кв. м. Точная локализация раскопок разных лет относительно друг друга позволила выделить единые ярусы застройки, а на исторических планах города XVII–XVIII вв. в контексте результатов археологических раскопок — выявить ключевые элементы структуры городского поселения в конце XV — XVIII в.

Ключевые слова: Выборг, культурный слой, городская стена, уличное мощение, усадьба.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-150-160

В последние десятилетия в городской археологии Выборга произошел, без преувеличения, существенный прорыв, связанный с открытием и широкомасштабным изучением так называемого мокрого слоя. В результате были получены новые материалы для изучения самого городского поселения, особенностей его структуры, а также различных аспектов культуры его постоянных и временных жителей. Такие возможности открылись благодаря многолетним археологическим исследованиям города, начатым в 1998 г. Выборгской археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством А. И. Саксы. Они фактически ознаменовали новый этап системного изучения культурного слоя материковой части города. Результаты текущих работ были опубликованы им в большой серии статей и итоговой монографии (Сакса, 2015; 2018; 2019а; 2020; 2021).

В последние годы значимые изменения произошли также в изучении архитектурных объектов, как сохранившихся к настоящему времени, так и исчезнувших с современной поверхности (Липатов и др., 2017; Сакса, 2017а; 2019б; 2020). Начавшаяся недавно в центральной части города масштабная реконструкция и строительство

создают возможности для продолжения изучения культурных слоев. Архитектурно-археологические исследования, которые проводятся почти круглогодично, позволяют выявить новые источники для понимания истории и культуры жителей Выборга в средневековье и новое время. Их системное введение в научный оборот в контексте результатов работ предыдущих лет является, несомненно, актуальной задачей.

В 2000–2001 гг. экспедицией под руководством А. И. Саксы были проведены археологические раскопки на участке, определенном под новое строительство жилого дома на пересечении улиц Титова и Сторожевой Башни (рис. 1, 4, 5). В этих работах принимал участие автор данной статьи. В 2000 г. были заложены три небольших раскопа общей площадью 74 кв. м, в 2001 г. — один относительно большой раскоп площадью 92 кв. м. Результаты исследований были опубликованы (Сакса, 2004; 2009; 2010; 2017б; 2019б; Сакса и др., 2003; Saksa et al., 2002). Коллекция (свыше 600 предметов) была передана в Выборгский объединенный музей-заповедник, отдельные выразительные вещи опубликованы и представлены в настоящее время в экспозиции. Тем не менее массовые находки по-прежнему нуждаются в систематизации и последующей публикации.

Несколько лет спустя, в 2019 г., совместная археологическая экспедиция ООО «ПИРС» и

¹ Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН; Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: belstass@yandex.ru.
© Бельский С. В., 2023

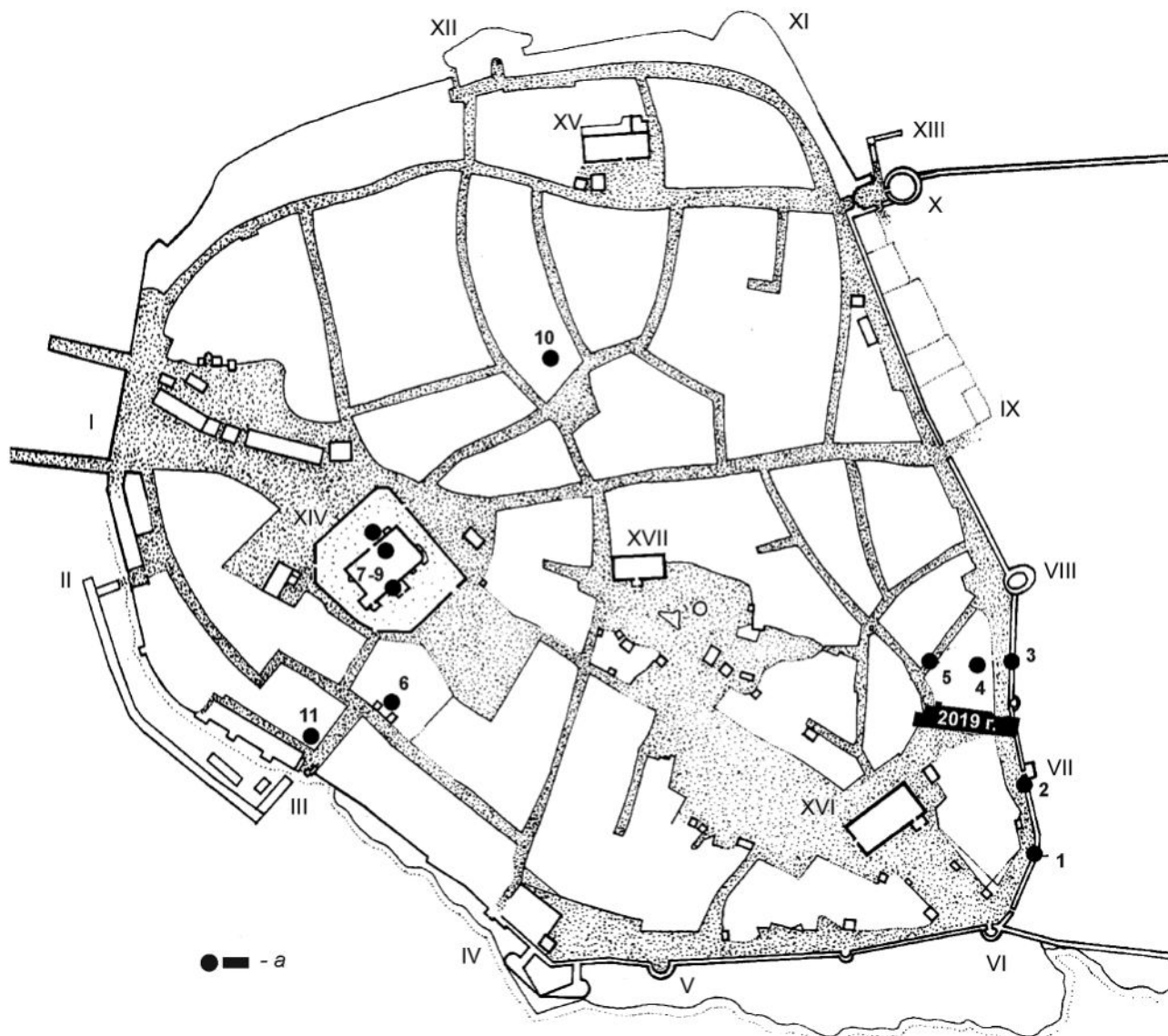

Рис. 1. Выборг до этапа регулярной застройки (до 1640-х гг.), план. Раскопы (а): 1, 2 — у Ратушной башни, 1998–2000 гг.; 3 — на Городской стене, 2000 г.; 4, 5 — на перекрестке улиц Сторожевой Башни и Титова, 2000–2001 гг.; 6 — у дома 8 по Выборгской ул., 2004, 2006, 2011, 2012 гг.; 7–9 — раскопки Кафедрального собора, 2011–2012 гг.; 10 — на ул. Краснофлотской, 2007 г.; 11 — на ул. Южный Вал, 2003 г. Средневековые постройки: I — Веряяпортти (Ринкипортти, Торипортти); II — Катанпяанпортти; III — Хааконинпортти; IV — Уусипортти; V — Пампаланторни; VI — Мунккиторни (Мункипортти); VII — башня Ратуши (Раатиторни); VIII — башня Св. Андреаса; IX — Кескипортти (Кунинкаанпортти); X — Карьяпортти; XI — Лакамундинторни; XII — Весипортти (Весипортинторни); XIII — Круглая башня; XIV — Кафедральный собор и колокольня; XV — собор францисканцев; XVI — собор доминиканцев; XVII — Ратуша (на основе: *Сакса*, 2019б. С. 345, рис. 1)

Fig. 1. Vyborg prior the stage of regular building (before the 1640s), plan. Excavation sites (a): 1, 2 — near the Town Hall Tower, 1998–2000; 3 — at the City Wall, 2000; 4, 5 — at the crossroad of the Watching Tower and Titova streets, 2000–2001; 6 — near house 8 in the Vyborg Str., 2004, 2006, 2011 and 2012; 7–9 — excavations near the Cathedral, 2011–2012; 10 — in the Krasnoflotskaya Str., 2007; 11 — in the Yuzhny Val Street, 2003. Mediaeval buildings: I — Veräaportti (Rinkiportti, Toriportti); II — Katanpääportti; III — Haakoninportti; IV — Uusiportti; V — Pampalantorni; VI — Munkkitorni (Munkiportti); VII — Town Hall Tower (Raatitorni); VIII — St Andreas Tower; IX — Keskiportti (Kuninkaanportti); X — Karjaportti; XI — Lakamundintorni; XII — Vesiportti (Vesiportintorni); XIII — Round Tower; XIV — Cathedral and Belfry; XV — Franciscan cathedral; XVI — Dominican cathedral; XVII — Town Hall (after: *Сакса*, 2019б. С. 345, рис. 1)

Научно-исследовательского центра «Актуальная археология» (Санкт-Петербург) уже под руководством автора статьи проводила исследования на объекте археологического наследия федерального значения «Культурный слой средневекового Выборга» по адресу: Выборг, ул. Сторожевой Башни, 21 (*Бельский, Шуньгина, 2020*). Необходимость полевых работ на данном участке была обусловлена проектом строительства нового здания. Площадь раскопа 2019 г. составила 563 кв. м.

Раскоп был размечен в том же дворе, где в 2000–2001 гг. проводились исследования под руководством А. И. Саксы на восточной границе позднесредневекового города. На месте раскопок А. И. Саксы в настоящее время возведен новый жилой дом (ул. Сторожевой Башни, 17). В итоге за весь цикл археологических исследований общая изученная площадь данного квартала города составила 731 кв. м, что делает эту территорию одним из наиболее изученных в археологическом отношении районов города.

Весьма высокая точность известного аксонометрического плана Выборга 1640-х гг., отображавшего реальность XVI и в определенной степени даже конца XV в., позволила А. И. Саксе локализовать на нем места раскопок начала 2000-х гг. (*Сакса, 2019б*. С. 345, рис. 1). Тот же метод был использован и для раскопа 2019 г. (рис. 1). Сохранившиеся до настоящего времени архитектурные объекты (руины собора Доминиканского монастыря и башня Ратуши) вблизи территории раскопок, указанные на данном плане, позволяют с высокой точностью совместить отображенные на нем реалии XV–XVIII вв. с современной топографической основой. Действенность такого метода была неоднократно проверена многими исследователями.

В процессе работ 2019 г. с помощью комплекса современных геодезических методов удалось не только определить местоположение раскопок разных лет на планах городской застройки, но, что не менее важно, их положение относительно друг друга. Самое главное, учитывая точность геодезической съемки, особенно привязки высот в раскопах к абсолютным отметкам по Балтийской системе — удалось совместить строительные ярусы, выявленные в раскопах начала 2000-х и 2019 гг. Важно констатировать, что, несмотря на некоторые различия в методике и фиксации, их последовательность совпадает. В результате была получена серия сводных планов для каждого стратиграфического яруса. Таким образом, несмотря на хронологический разрыв в циклах

исследований, получен полноценный источник, позволяющий приблизиться к реконструкции структуры целого городского квартала и динамики ее изменений для нескольких хронологических срезов. Это создает возможность изучения самых разных аспектов жизни горожан Выборга с конца XV по XX в.

Культурный слой Выборга относится к органическому, или мокрому, типу. Главная причина его образования — интенсивные навозные отложения домашних животных в сочетании с достаточно высокой влажностью, вызванной естественными природными факторами (грунтовыми водами и климатом)². В свою очередь обилие навоза связано как со спецификой городской жизни, так и с системой землепользования. С одной стороны, оно говорит о постоянном и достаточно массовом стойловом содержании скота горожанами на относительно небольших усадебных участках, с другой — об отсутствии традиции использования навоза в качестве удобрения на полях. Навоз обладает прекрасными консервирующими свойствами, защищая попавшие в него объекты как от воздуха, так и от интенсивной циркуляции воды. Его слой, раз отложившийся, служит прекрасной гидроизолирующей подушкой для вышележащих отложений, препятствуя активному просачиванию влаги вглубь. Такой состав культурного слоя обеспечил высокую степень сохранности изделий из металлов, как цветных, так и железа, и из органических материалов.

В Выборге в раскопах начала 2000-х и 2019 гг. толщина культурных напластований на разных исследованных участках колебалась от 2,5 до 3,5 м от современной поверхности. Мощность «мокрого» слоя зависела от глубины техногенного горизонта XX в., перекрывающего ранние слои, и уровня залегания материковой скалы, которая имеет сложный рельеф.

² Теоретические разработки в области изучения культурного слоя средневекового города, в частности моделирование условий и особенностей его формирования, регулярно предлагаются разными исследователями. По очевидным причинам культурные слои Новгорода стали опорными в подобного рода изысканиях (одна из последних публикаций по данной проблематике: *Петров, 2021*). Ю. М. Лесман уделил особое внимание данному аспекту во вводной части, к сожалению, до сих пор неопубликованной монографии. Многие из высказанных положений актуальны не только для Новгорода и других древнерусских городов, но и для Выборга.

Сразу возник вопрос о причинах накопления и, что важно, последующего сохранения «мокрого» слоя в условиях плотной городской застройки. Сейчас можно уверенно говорить, что здесь фиксируется сочетание нескольких факторов.

Естественная поверхность гранитной скалы — материка для культурных напластований Выборга — является прекрасным блокиратором стока грунтовых вод, которые проходят до нее через толщу рыхлых отложений, но не могут уйти ниже. Соответственно общий уклон скалы формирует направление их стока. Естественные неровности рельефа обуславливают локальные участки повышенного увлажнения и, в итоге, заболачивания.

Но фиксируется еще один, нетипичный, фактор, обусловивший сохранность слоя. Поскольку известны точные планы довоенной застройки данного квартала, при использовании современных геодезических технологий удалось наложить на них контуры раскопов начала 2000-х и 2019 г. Неожиданно выяснилось, что большая часть площадей раскопов, а некоторые целиком, оказывалась внутри периметров фундаментов зданий, существовавших здесь в период до Второй мировой войны.

В Национальном архиве Финляндии сохранились архитектурные обмеры и эскизы этих построек. Застройка каменными зданиями шла по периметру квартала, внутри же оставался открытый мощный двор. Неповрежденный участок этого мощения был выявлен в раскопе 3 2000 г. и, частично, в раскопе 2019 г.

В процессе работ 2019 г. после удаления техногенного слоя было выяснено, что важной особенностью изученной территории является наличие мощных фундаментов шириной до 2 м (рис. 2). Они были сложены из крупных гранитных блоков, поставленных непосредственно на скалу, и прорезали культурные напластования на всю их глубину. Эти фундаменты остались от зданий, выстроенных в течение XIX в. для различных известных выборгских семейств. Важно подчеркнуть, что под фундаменты не делали единого котлована. Фундаментные плиты были вкопаны в ранний культурный слой. Поэтому участки деревянной застройки и культурного слоя попадали внутрь периметра фундаментов и находились прямо под полами нижних этажей этих зданий.

При этом наиболее хорошо сохранившиеся участки «мокрого» слоя были зафиксированы на территории, где располагался мощный двор,

не застроенный ни в XIX, ни в XX в. Таким образом, грунт (то есть археологический «мокрый» слой) не вывозился и не удалялся во время застройки этого квартала Выборга начиная со второй четверти XIX в., а оказался законсервированным как под дворовым мощением, так и под полами нижних этажей зданий. Следовательно, произошла своеобразная двойная консервация: сверху слой был закрыт каменным мощением двора или полами нижнего этажа зданий, а снизу — заблокирован естественной гранитной скалой.

Таким образом, имея в распоряжении достаточно точные исторические планы и совмещенные с ними контуры раскопов, можно выполнить реконструкцию этапов освоения городского пространства на определенном хронологическом срезе.

Средневековая улица. В раскопах начала 2000-х гг. был открыт участок каменно-брусчатого уличного мощения шириной 2,1 м, проходивший в широтном направлении (Сакса, 2019а. С. 355, рис. 3). Это, судя по карте 1630-х гг., вероятнее всего участок улицы, пролежавшей в юго-западном направлении от башни Св. Андреаса к Доминиканскому монастырю (рис. 3, раскоп 5 2000 г. и раскоп 2001 г.).

Учитывая совпадающее время постройки каменного храма во имя Девы Марии и святых ангелов и городской стены Выборга, можно предположить, что трасса данной улицы появилась в конце XV в.

Городская стена. Определяющим элементом городской застройки в восточной части Выборга была городская стена — фактическая граница города, окружившая его в 1470–1490-х гг. Этот не дошедший до наших дней сложный архитектурный памятник неоднократно привлекал внимание исследователей (Kauppi, Miltšik, 1993. С. 38, 138; Тюленев, 1995. С. 44–48; Sinisalo, 1971. С. 8). А. И. Сакса также обращался к вопросам локализации и архитектурных особенностей данного объекта по историческим и археологическим данным (Сакса, 2010).

Ее остатки на участке между башнями Ратуши и Св. Андреаса были обнаружены в раскопе 3 2000 г. (рис. 4, 1, 2) и раскопе 2019 г. В раскопе 2019 г. открыт участок длиной около 6 м (рис. 4, 2, 3). Ширина стены у основания составила около 2 м, максимальная высота, на которую сохранился данный объект, — 0,9 м. Сейчас это наиболее крупный из сохранившихся достоверных участков городской стены Выборга. После окончания работ он был законсервирован легким сортированным песком и может быть без особых сложностей открыт, если в обозримом будущем

Рис. 2. Выборг. Раскоп 2019 г. Горизонт 1: 1 — общий вид с северо-запада; 2 — общий план. Условные обозначения (для рис. 2–6): а — камень; б — фрагменты раствора, кирпича; в — гранитная скала; з — дерево, древесный тлен, береста; д — строительный мусор; е, ж — темный гумусированный грунт; з — асфальт, цемент; и — кирпич; к — перекоп; л — реконструируемая трасса городской стены; м — реконструируемая трасса улицы

Fig. 2. Vyborg. Excavation of 2019. Horizon 1: 1 — general view from north-west; 2 — general plan (keys to Figs. 2–6): a — stone б — fragments of mortar and bricks; в — granite rock; з — wood, decayed wood, birchbark — construction trash; е, ж — dark humic soil; з — asphalt, cement; и — bricks; к — re-dug earth; л — reconstructed line of the city's wall; м — reconstructed line of the street

будет принято решение о его музеефикации и экспонировании в качестве нового историко-архитектурного объекта.

Самым известным событием, связанным с городской стеной Выборга конца XV в., был так называемый Выборгский гром, произошедший по легенде 30 ноября 1495 г. во время осады города московскими войсками. А. И. Сакса отмечал, что в археологическом материале горизонтов второй половины XV в. в прилегающих к башне Св. Андреаса раскопах никаких следов осады и штурма

Выборга 1495 г. не выявлено (Сакса, 2019б. С. 355). Данный вывод актуален и для раскопа 2019 г.: каких-либо материальных свидетельств штурма городской стены, протяженный участок которой был открыт и изучен, также не было зафиксировано.

Каменная постройка. В ходе исследований 2019 г. был открыт участок фундамента предположительно жилой постройки длиной около 4 м, шириной 1 м (рис. 5, 1, 2). Большая ее часть полностью разрушена массивными каменными фундаментами здания первой половины XX в.

Рис. 3. Выборг. Раскопы 2000–2001 и 2019 гг. Сводный план (условные обозначения см. рис. 2)

Fig. 3. Vyborg. Excavations of 2000–2001 and 2019. Composite plan (for keys see Fig. 2)

Открытый участок древнего фундамента был возведен непосредственно на скале. Вероятно, ее естественный обрыв также был использован в качестве одной из стен сооружения. Фундамент сделан из обработанных каменных плит, соединенных раствором. Отдельные участки подновлялись кирпичной кладкой. Каменными же плитами оформлен вход во внутреннее пространство здания (рис. 5, 2, 3). С внешней стороны расчищены два бревна, соединенных шипами. Возможно, это элементы конструкции типа фахверк. Общая ориентация сооружения соответствует средневековой застройке города: оси здания расположены под углом к современной уличной сети. Этот признак, а также глубина залегания фундамента

позволяют предполагать его датировку не позднее 1640-х гг. Однако очевидны также более поздние подновления, поскольку здание могло использоваться на протяжении нескольких столетий.

Таким образом, при обобщении результатов всех археологических исследований этой части Выборга внутри квартала, ограниченного улицами Выборгской, Титова и Сторожевой Башни, появляется возможность некоторой реконструкции этапов урбанистического развития данного участка.

Речь идет о пространстве, которое до сложения регулярной застройки города (1640–1680 гг.) было ограничено с востока отрезком городской стены между башнями Ратуши и Св. Андреаса приблизительно в районе безымянной башни —

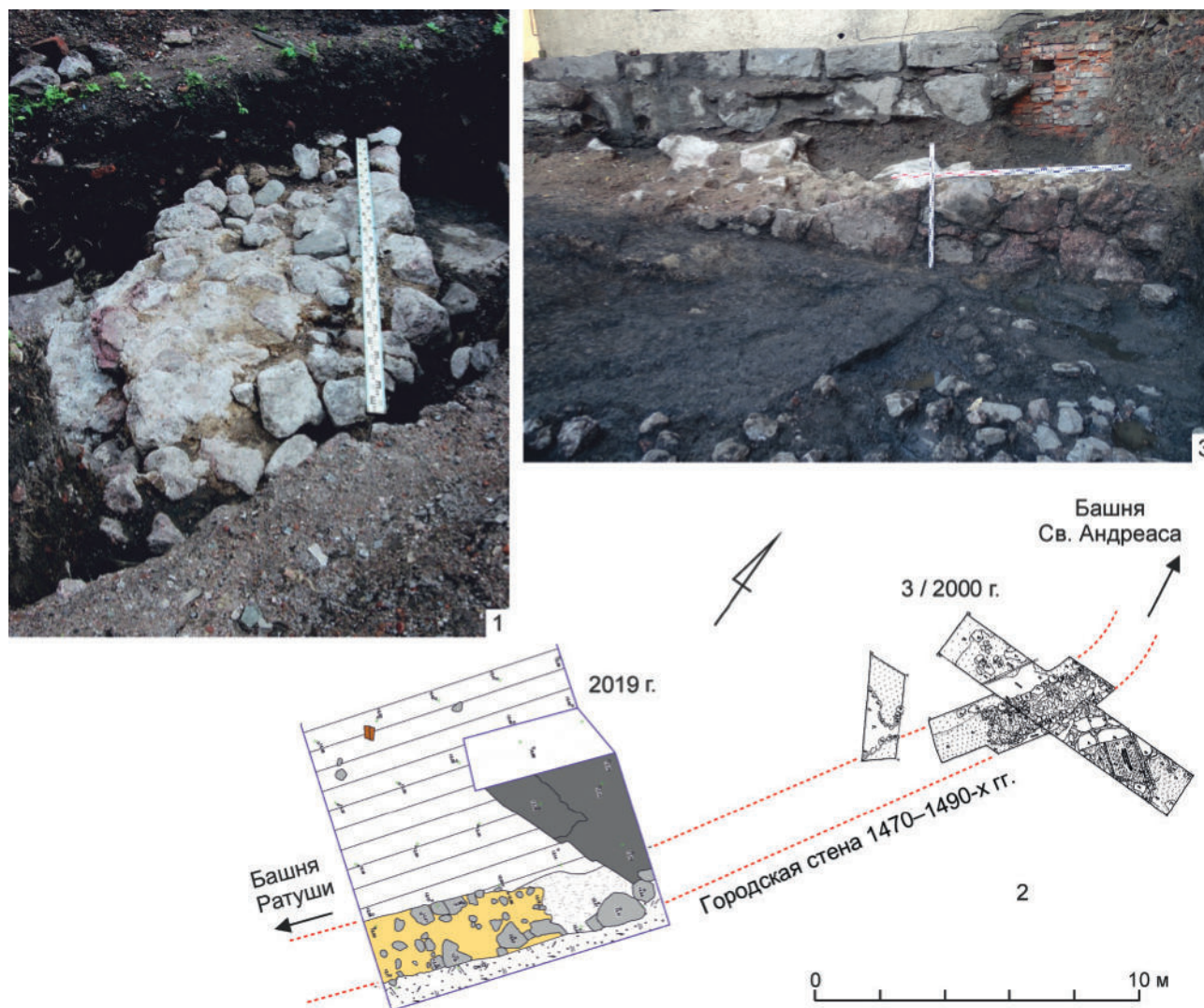

Рис. 4. Выборг. Городская стена 1470–1490-х гг. в раскопах 2000 и 2019 гг.: 1 — фрагмент городской стены 1470-х гг., вид с юго-запада (фото из отчета А. И. Саксы за 2000 г., рис. 23); 2 — раскопы 2000 и 2019 гг., сводный план; 3 — профиль стены, северо-западный фас (условные обозначения см. рис. 2)

Fig. 4. Vyborg. City wall of 1470–1490 at excavations of 2000 and 2019: 1 — fragment of the city wall of the 1470s, view from south-west (photo from A. I. Saksá's report for 2000, Fig. 23); 2 — excavations of 2000 and 2019, composite plan; 3 — profile of the wall, north-western face (for keys see Fig. 2)

полукруглого в плане выступа стены — между ними³ (рис. 1). Вдоль стены проходила улица,

участок мощения которой был открыт в раскопе 2019 г. (рис. 4, 3). Вероятно, эта улица существовала

³ Относительно этого архитектурного элемента и в целом проблемы локализации стены Каменного города XV в. в 2019 г. было сделано одно любопытное наблюдение. Дело в том, что для нивелировки дворовых территорий и укрепления склона скалы в 1920-е гг. во многих частях Выборга были сделаны стены из крупных гранитных блоков, поставленных в 2–3 ряда (рис. 4, 3). Дата проведения данных работ в изучаемой части города — «1923» — выбита на одном из таких блоков напротив уже упоминавшегося дома 8 по улице Титова.

В процессе изучения средневековой городской стены на восточном краю раскопа 2019 г. было выяснено, что позднейшая стена была поставлена прямо поверх средневековой, повторяя ее трассу. Во дворе флигеля дома 4А по улице Титова, в непосредственной близости от раскопа, эта позднейшая стена имеет полукруглый выступ в восточном направлении, архитектурный замысел которого не вполне ясен. Если она была сделана поверх средневековой стены, то, вполне вероятно, здесь она повторяет полукруглый выступ упомянутой башни.

до полной перепланировки города в середине — последней четверти XVII в.

С севера–северо-запада квартал был ограничен другой средневековой улицей, идущей в юго-западном направлении от некоего расширения у башни Св. Андреаса до площади перед церковью Доминиканского монастыря (рис. 1, 5). Эти элементы городской структуры не сохранились. Вероятно, участок мощения камнями и бревнами этой улицы, полностью исчезнувшей во второй половине XVII в., был зафиксирован в раскопах начала 2000-х гг.

В раскопе 2019 г. раскрыта и часть каменного фундамента, скорее всего, жилой постройки, расположенной к востоку–юго-востоку от этой улицы (рис. 4, 2 (2019 г.); 5, 1, 2). Видимо, фасад здания выходил на улицу, в раскопе же была изучена только часть фундамента под стеной, выходящей во внутренний двор.

Наконец, к юго-востоку от данной реконструируемой постройки начинался хозяйственный двор, предназначенный, очевидно, для многих рутинных целей, например сушки сетей (учитывая многочисленные находки грузил и поплавков). Но в значительной степени он использовался для стойлового содержания домашних животных, мясо которых, как показывают остеологические исследования, составляли существенную долю рациона жителей Выборга (рис. 6, 1). Именно продукты жизнедеятельности скота в сочетании с огромным количеством разнообразных предметов из органических материалов и элементами сооружений из дерева сформировали тот самый «мокрый» культурный слой.

С востока этот двор был ограничен остатками каменной городской стены, быстро утратившей оборонительное значение, или мостовой улицы, проходившей вдоль нее.

Важным является вопрос о датировке слоев, изученных в раскопе 2019 г., особенно о следах наиболее раннего освоения данной территории. Весь комплекс находок, особенно нумизматический материал, свидетельствует, что активное освоение участка началось не ранее середины XVI в., а наиболее вероятно — не ранее самого конца этого столетия.

Проблема «предшествующего» поселения. По результатам раскопок 2019 г., до середины XVI в. и даже позднее этого времени внутреннее пространство города перед стеной, возведенной в 1470–1490-х гг., оставалось незастроенным. Этот вывод входит в некоторое противоречие с результатами исследований А. И. Саксы

Рис. 5. Выборг. Фундамент, предположительно, жилой постройки XVII–XVIII вв.: 1 — вид сверху с юго-запада; 2 — план; 3 — профиль южного фаса фундамента постройки (условные обозначения см. рис. 2)

Fig. 5. Vyborg. Foundation of presumably a dwelling house of the 17th–18th centuries: 1 — top view from southwest; 2 — plan; 3 — profile of the southern face of the foundation of the building (for keys see Fig. 2)

на смежных участках того же квартала в начале 2000-х гг., расположенных в нескольких метрах от раскопа 2019 г.

Как указывал А. И. Сакса, в раскопе 2001 г. на ул. Титова на материковой скале были обнаружены остатки деревянной постройки периода, предшествовавшего приходу шведов. Радиоуглеродное датирование образца показало дату — 1283 г. н. э.

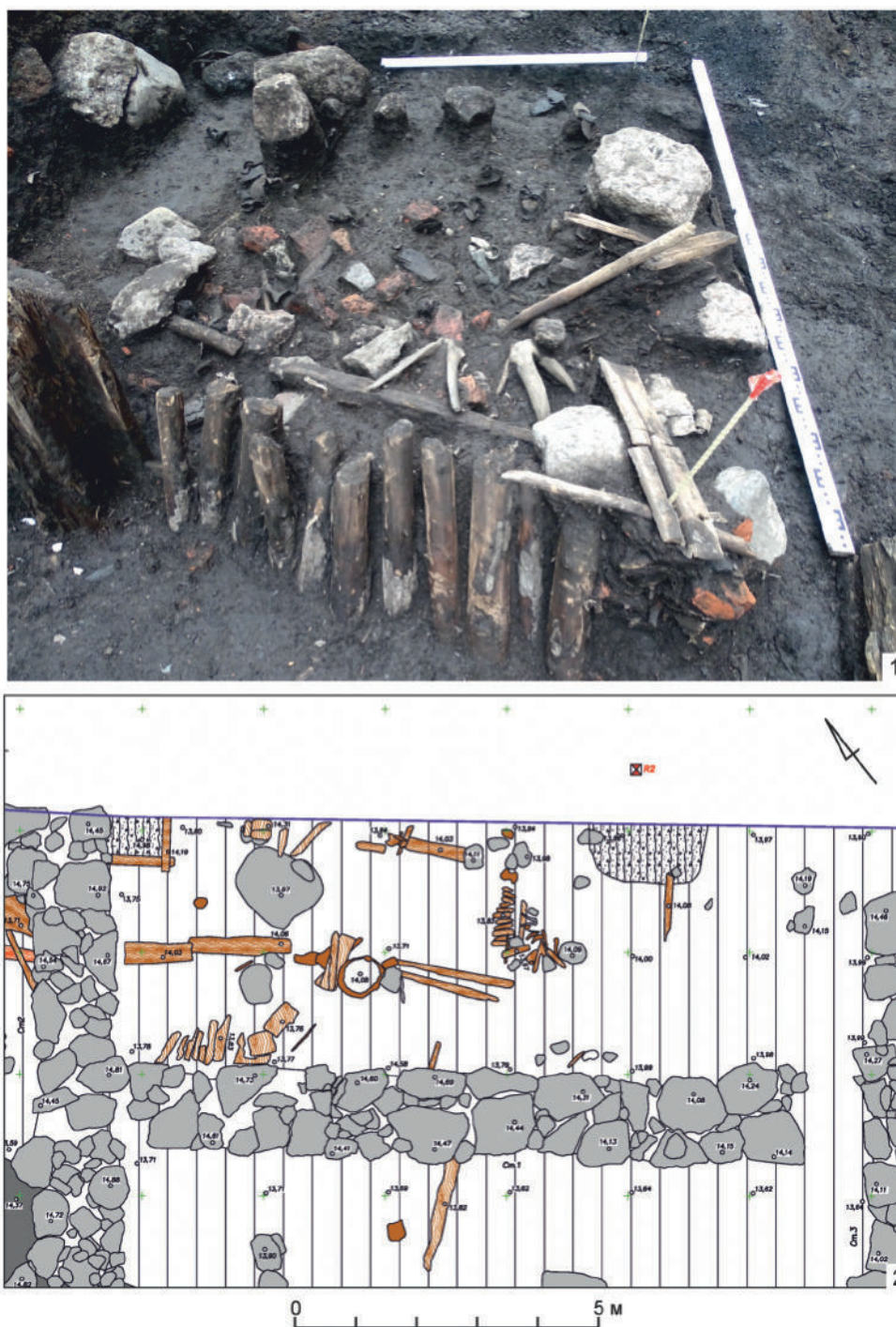

Рис. 6. Выборг. Раскоп 2019 г. Горизонт 4: 1 — скопление костей и артефактов, вид с северо-запада; 2 — план (условные обозначения см. рис. 2)

Fig. 6. Vyborg. Excavation of 2019. Horizon 4: 1 — accumulation of bones and artefacts, view from north-west; 2 — plan (for keys see Fig. 2)

(760±40 BP (SU-3589), 1245 (1272) cal BC). По мнению А. И. Саксы, эта отдельная находка указывает, что на материке могли находиться карельские деревни до постройки Выборгского замка в 1293 г. Кроме того, в западной прибрежной части горо-

да на ул. Южный Вал в раскопе 2003 г. нижняя часть культурного слоя датирована временем около 1310 г. Также в раскопе 2004 г. в центральной части Старого города у дома 8 по Выборгской улице по семенам гречихи (*Polygonum aviculare*)

из взятого на границе культурного слоя и материковой глины образца почвы получена дата, относящаяся к рубежу XIII–XIV вв. (Сакса, 2019а. С. 351).

Однако следует указать, что открытые в последние годы мощные напластования так называемого мокрого культурного слоя Выборга содержат гигантский массив находок. При этом в нем не выявлены элементы материальной культуры, которые можно с уверенностью датировать рубежом XIII–XIV вв. и в целом XIV в., не говоря уже о более раннем времени. Исключения составляют лишь находки с Замкового острова. Следует отметить, что городская материальная культура позднего средневековья прекрасно известна по раскопкам многих памятников в Восточнобалтий-

ском регионе и в Северной Руси. Без характерной материальной культуры датировки древесины «дозамкового периода» могут свидетельствовать не столько о времени отложения слоя, сколько о времени произрастания использованных в строительстве деревьев. Пока обозначенная проблема — условно «проблема XIV века» — является одной из наиболее актуальных и интригующих в археологии и истории Выборга и она требует разрешения.

В итоге, есть все основания предполагать, что, учитывая большие исследованные площади в этой части Выборга, в обозримом будущем может быть создана целостная картина этапов ее освоения.

Бельский, Шуньгина, 2020 — Бельский С. В., Шуньгина С. Е. Предварительные результаты археологических исследований культурного слоя Выборга на улице Сторожевой Башни, 21, в 2019 году // Страницы Выборгской истории. Книга четвертая: Сб. ст. / Под ред. А. В. Мельнова, Ю. И. Мошник. Выборг: Выборгский объединенный музей-заповедник, 2020. С. 7–23.

Липатов и др., 2017 — Липатов А. А., Сакса А. И., Смирнов А. М. Архитектурно-археологические загадки Старого Кафедрального собора в Выборге. Некоторые результаты исследований 2013 года // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2017. № 1 (8). С. 167–189.

Петров, 2021 — Петров М. И. Культурный слой Новгорода и вещевые хронологии // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2021 (Семинар им. акад. В. В. Семенова; Материалы 66-го заседания). Вып. 36. С. 201–213.

Сакса, 2004 — Сакса А. И. Новые данные по ранней истории средневекового Выборга (предварительные итоги археологических исследований 1998–2000 гг.) // Страницы Выборгской истории. Кн. 2 / Сост. С. А. Абдулина. Выборг: Европейский дом, 2004. С. 569–584.

Сакса, 2009 — Сакса А. И. Средневековый Выборг: начало городской истории (по итогам раскопок 1999–2006 гг.) // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье: Доклады Международного российско-литовского семинара (4–8 декабря 2006 г., С.-Петербург) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 139–146.

Сакса, 2010 — Сакса А. И. Новые данные по городской стене Выборга 1470-х гг. // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура

России и сопредельных территорий: Сб. ст., посвящ. 80-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова. СПб.; М.: Ломоносовъ, 2010. Т. II. С. 238–252.

Сакса, 2015 — Сакса А. И. Средневековый Выборг как восточное продолжение городской цивилизации побережья Балтики // Города и веси Средневековой Руси. Археология, история, культура: Сб. ст. к 60-летию Н. А. Макарова / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2015. С. 256–271.

Сакса, 2017а — Сакса А. И. «Дом купеческой гильдии» (Гильдия Святого Духа) в Выборге: к вопросу о локализации // В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь Анны Песковой / Отв. ред. А. Е. Мусин. СПб.: Невская Книжная Типография, 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLVIII). С. 511–524.

Сакса, 2017б — Сакса А. И. Средневековый Выборг. Восточная часть города по археологическим данным. По материалам раскопок 2000–2001 гг. // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2017. Вып. 31. С. 66–80.

Сакса, 2018 — Сакса А. И. Выборг в конце эпохи Средневековья — начале Нового времени // Нескончаемое лето: Сб. ст. в честь Е. А. Рыбиной / Отв. ред. В. К. Сингх. М.; Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2018. С. 198–213.

Сакса, 2019а — Сакса А. И. Выборг — город на перекрестке истории // Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии) / Отв. ред. Ю. А. Виноградов, С. А. Васильев, К. Н. Степанова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 348–378.

Сакса, 2019б — Сакса А. И. «Выборгский гром» 1495 г. — легенда или действительность? Иван III и «Балтийский вопрос» конца XV в. // «Земля

- наша велика и обильна»: Сб. ст., посвящ. 90-летию А. Н. Кирпичникова / Отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.: Невская Типография, 2019. С. 343–357.
- Сакса, 2020 — Сакса А. И. Из истории одного выборгского средневекового дома: археологические исследования в Выборге у дома купеческой гильдии в 2004–2012 годах. СПб.: Арка, 2020. 280 с.
- Сакса, 2021 — Сакса А. И. Средневековый Выборг — город, построенный на скале // АВ. 2021. Вып. 31. С. 354–358.
- Сакса и др., 2003 — Сакса А. И., Бельский С. В., Курбатов А. В., Полякова Н. Ю. Выборг — первые века истории (некоторые итоги исследований 1998–2001 гг.) // Проблемы балтийской археологии: Сб. науч. трудов / Редкол. Э. Б. Зальцман и др. Калининград: Изд-во Калининградского ГУ, 2003. С. 129–140.
- Тюленев, 1995 — Тюленев В. А. Изучение Старого Выборга. СПб.: ИИМК РАН, 1995. 83 с.
- Kauppi, Miltšik, 1993 — Kauppi U.-R., Miltšik M. Viipuri = Выборг = Viborg: Vanhan Suomen pääkaupunki. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1993 (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 593 [0355-1768]). 199 S.
- Saksa et al., 2002 — Saksa A., Belskiy S., Kurbatov A., Polyakova N., Suhonen M. New archaeological excavations in Viipuri. Results of field investigations of the 1998–2001 seasons and current research problems of urban history // Fennoscandia Archaeologica. Helsinki, 2002. Vol. XIX. P. 37–64.
- Sinisalo, 1971 — Sinisalo A. Viipurin keskiaikainen kaupunginmuuri // Monrepos. Helsinki, 1971. Vol. 1. S. 6–9.

Results of archaeological investigations in the eastern part of Late Mediaeval Vyborg: the history of one urban block

S. V. Belskiy⁴

Keywords: Vyborg, cultural layer, city's wall, street paving, urban property.

This article summarizes the results of archaeological investigations of the ancient cultural layer of Vyborg within the limits of a single urban block. The excavations were conducted in 2000–2001 and in 2019. The total area investigated is 731 sq. m.

The excavations under consideration were carried out within the area of a single urban block limited on the east by a fragment of the city's wall between the Town Hall tower and St Andreas tower (Fig. 1). A street passed along the wall where the paved area was uncovered in the excavation pit of 2019 (Fig. 4, 3). Probably, this street had existed until the total replanning of the city in the middle — last quarter of the 17th cen.

On the north and north-west, the block was limited by a mediaeval street passing in the south-western direction from a certain expansion near the Andreas Tower up to the church of the Dominican cloister (Fig. 1; 2; 5, 2000 and 2001). Possibly, it is the area of the paving of this street with stones and logs that was uncovered in the excavations of the early 2000s. The street itself completely vanished in the second half of the 17th cen.

In the excavation pit of 2019, a section of a stone foundation was unearthed. Probably it belonged to a dwelling building situated to the east–south-east from this street (Fig. 3, 2019; 5). To the south-east from this building, a household yard begins (Fig. 6). It was intended for stalled keeping of domestic cattle (Fig. 6, 1). On the east, this courtyard was limited by the remains of the stone city's wall, which had quickly lost its defensive significance, or by the street pavement passing along the wall.

The entire assemblage of finds, particularly the numismatic material, indicates that the active occupation of this area began not earlier than the mid-16th cen., or most probably not earlier than the very end of that century.

The paper, in addition, considers the modern state of the problem of the “precedent settlement” in the territory of Vyborg. The results of the excavations of 2019 suggest that until the mid-16th cen. or even later, the internal space of the city remained unbuilt-up in front of the wall constructed in the 1470–1490s. No material evidence about the existence of an earlier settlement here has been revealed.

⁴ Stanislav V. Belskiy — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (MAE) RAS; 3 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; e-mail: belstass@yandex.ru.

Западноевропейская текстильная пломба XVI в. из раскопок в Новгороде

В. К. Сингх, А. М. Степанов¹

Аннотация. В статье представлены результаты анализа западноевропейской текстильной пломбы XVI в. Предмет найден в 2006 г. в ходе археологических исследований на Троицком раскопе в Великом Новгороде. Привлечены материалы исследований аналогичных свинцовых пломб с территории России и Западной Европы. Рассмотрен вопрос об их происхождении и вариантах использования.

Ключевые слова: Великий Новгород, Людин конец, Троицкий раскоп, текстильная пломба, международная торговля, XVI в.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-161-170

Свинцовые товарные пломбы, в том числе и текстильные, широко использовались в европейской торговле на протяжении длительного времени — с XIII по XIX в. Они являлись важнейшим средством идентификации товаров и их производителей, а также компонентом регулирования и контроля их качества.

За многолетнюю историю археологического изучения Новгорода (особенно в последние годы, благодаря использованию при раскопках металлодетекторов) собрана представительная коллекция товарных пломб, среди которых нередко встречаются и западноевропейские. П. Г. Гайдуков и О. М. Олейников собрали и проанализировали эту категорию находок (Гайдуков, Олейников, 2019). На момент издания их статьи (2019 г.) на территории Новгорода и его окрестностей было зарегистрировано более 300 таких пломб, причем большая их часть относится к случайным находкам и подъемному материалу. Непосредственно в ходе раскопок обнаружена 171 западноевропейская пломба на 35 раскопах города (Там же. С. 2).

Большинство обнаруженных в Новгороде тканевых пломб обычно представляют собой два диска, соединенных тонкой полосой. Такие пломбы

изготавливались в виде заготовок в каменных литейных формах сразу по несколько экземпляров. На рис. 1, 1 показана створка такой литейной формы, найденной при раскопках в Лондоне. Она использовалась для отливки сразу четырех свинцовых заготовок. На одном диске заготовки находилась заклепка, а на другом — сквозное отверстие (рис. 1, 2). Диски складывали по краю ткани и соединяли специальным штампом (буллотирем), который отпечатывал информацию на обеих сторонах пломбы (рис. 1, 3, 4).

Западноевропейская пломба совершенно иного характера была найдена в 2006 г. на Троицком XIV раскопе. Практически сразу после раскопок она была атрибутирована как текстильная, однако тогда не удалось обнаружить подходящие аналогии и опубликовать ее.

Археологический контекст

Раскоп Троицкий XIV был заложен в 2001 г. (руководитель исследований А. М. Степанов) в Людином конце Великого Новгорода, к югу от Кремля. Площадь раскопа составляет 432 кв. м, мощность культурных напластований — до 5 м. С северной стороны раскоп вплотную примыкает к XIII участку Троицкого раскопа и составляет общую с ним территорию исследований, объединяя в единый массив ранее изученные участки раскопов Троицкого VII (1983–1987 гг.) и Троицкого XII (1995–2000 гг.). В 2011 г. раскоп был доведен до материка, зафиксировав древнейшие слои середины X в.

¹ Сингх В. К. — МГУ им. М. В. Ломоносова; Ломоносовский пр., 27, кор. 4, Москва, 119192, Россия; e-mail: argheolog@gmail.com. Степанов А. М. — НГОМЗ; Ильина ул., 26, Великий Новгород, 173000, Россия; e-mail: sam0464@mail.ru.

© Сингх В. К., Степанов А. М., 2023

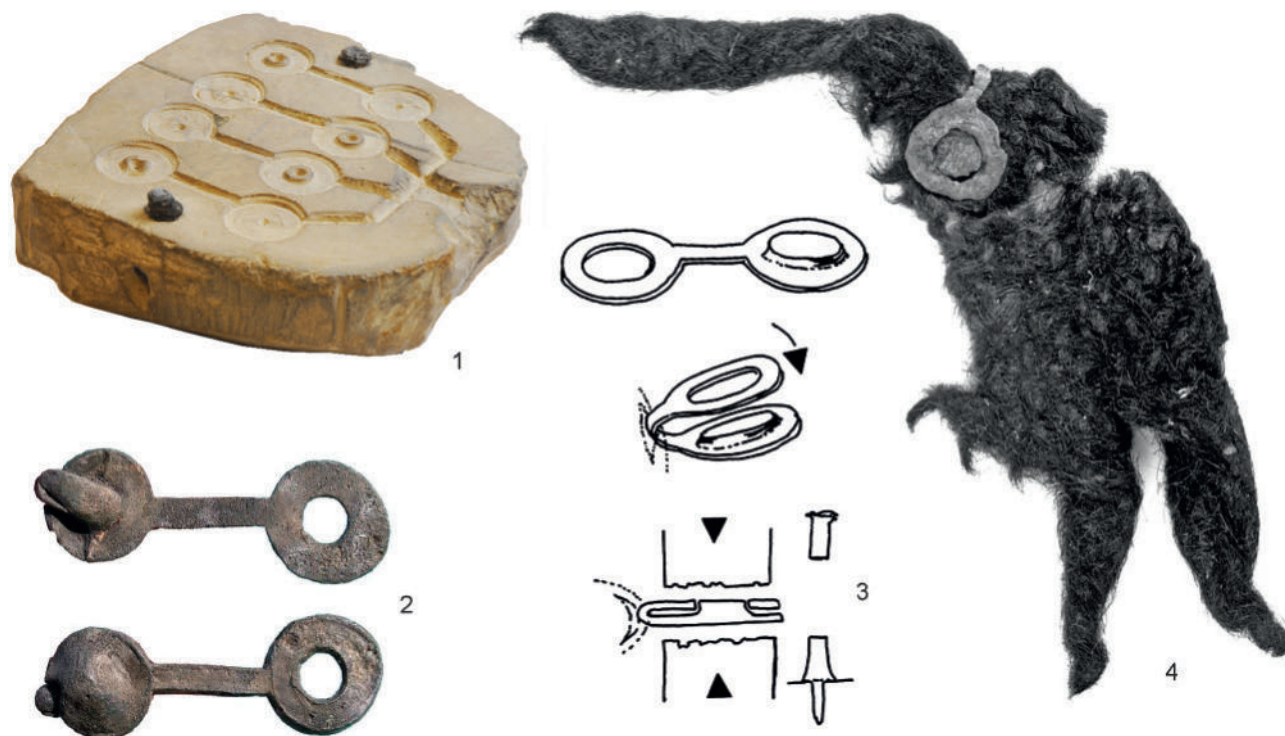

Рис. 1. 1 — створка каменной литейной формы для отливки заготовок текстильных пломб, Музей Лондона; 2 — заготовка текстильной пломбы; 3 — схема крепления пломбы на сукно; 4 — фрагмент шерстяной ткани со свинцовой пломбой, Британский музей (1 — Cherry, 2018. P. 171, pl. 7.1; 3 — Schütte, 1993. S. 137, abb. 3; 4 — Cherry, 2018. P. 169, fig. 7.1)

Fig. 1. 1 — a mould valve for casting blanks of textile seals, Museum of London; 2 — blank of a textile seal; 3 — scheme of fixing a seal onto the cloth; 4 — fragment of woollen textile with a lead seal, British Museum (1 — Cherry, 2018. P. 171, pl. 7.1; 3 — Schütte, 1993. S. 137, Abb. 3; 4 — Cherry, 2018. P. 169, fig. 7.1)

На раскопе изучены части трех городских усадеб («С», «Т» и «У»), а также трасса безымянного переулка, идущая в направлении с востока на запад.

Текстильная пломба была обнаружена на уровне пласта 13 в квадрате 1690, в заполнении впускного сооружения ТС-XIV-25, которое было отнесено к ярусу 0 (к нему, как правило, относят разновременные поздние и впускные сооружения).

Оно представляло собой дренажный колодец размерами 0,8 × 1,2 м, сложенный в обло из плах шириной 12–16 см, поставленных на ребро. Сруб набран из 12 венцов. В пятый сверху венец с северной и южной сторон в стены врублена доска, выполнявшая, по-видимому, роль приступки. С северной и южной сторон для укрепления нижних венцов в яме вбиты березовые колья. С наружной стороны на уровне первых венцов между срубом колодца и стенками ямы были уложены: с севера — плаха плоской стороной вверх; с юга — брус, имевший сложный двухступенчатый вырез. В центре сруба зафиксирована яма, дно которой находилось глубже нижних венцов.

Заполнение колодца и ямы под ним — рыхлый влажный темно-серый слой, с большим количеством битого кирпича разного формата. Помимо массового материала, состоящего из фрагментов керамических сосудов, костей животных (в том числе черепов коровы и лошади), печной обмазки, бересты и орехов, вместе с текстильной пломбой обнаружены несколько находок: два точильных камня, каменное грузило, точеная деревянная чаша, деревянная поделка и обрывок кожаной подошвы (Янин и др., 2007).

Со стенок сруба отобрано 11 спилов, однако датировать их не удалось. Но с учетом глубины залегания и соотношением с другими поздними постройками колодец ТС-XIV-25, по-видимому, надо датировать концом XIX в.

Подобные колодцы, не соединенные дренажными трубами в систему, хорошо известны по исследованиям в разных районах города. Они служили водосборниками для грунтовых и дождевых вод. Располагались на задах усадебных дворов и на огородах, вода в них считалась технической и использовалась для хозяйственных нужд.

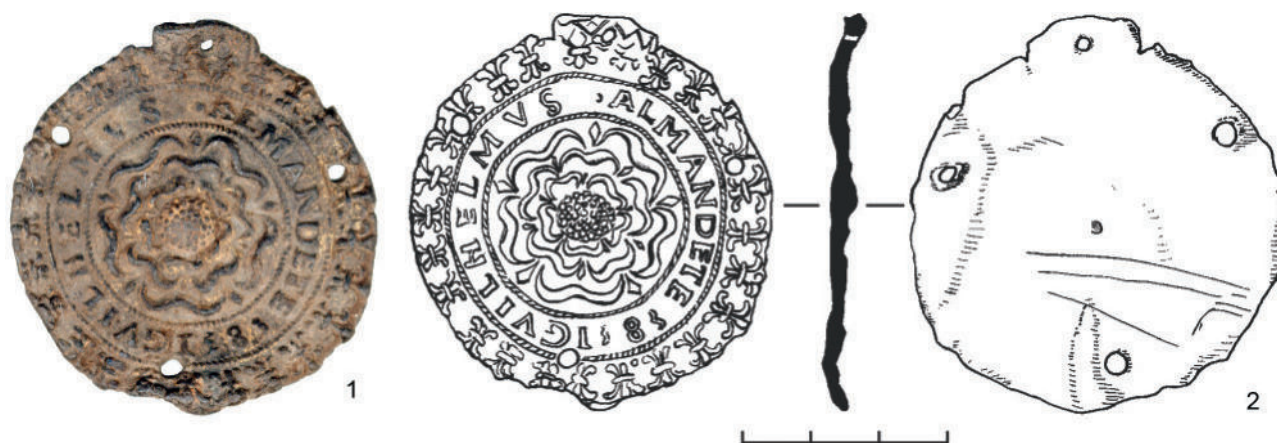

Рис. 2. Текстильная пломба с Троицкого раскопа, фото (1) и рисунок (2). Свинец
 Fig. 2. Textile seal from the Troitsky excavation site in Novgorod, photo (1) and drawing (2). Lead

Несмотря на отсутствие в заполнении узкодатированных находок (что неважно с учетом перемешанного слоя), сама текстильная пломба несет на себе точную дату — 1583 г. — и, очевидно, попала в колодец в результате поздних земляных работ на этом участке.

Описание находки

Пломба представляет собой круглую свинцовую пластину диаметром 5,3 см (рис. 2). Она изготовлена методом литья. В центральной части лицевой стороны помещено изображение Розы Тюдоров — геральдического символа королевской династии Англии. Вокруг нее располагается латинская надпись «GVILHELMVS ALMANDETE 1583». Край предмета оформлен в виде ряда повторяющихся французских геральдических лилий. В верхней части диска имеется подпрямоугольный выступ с отверстием, через которое пломба привешивалась к товару. Кроме того, в пластине дополнительно пробито еще три небольших круглых отверстия, с помощью которых пломба могла пришиваться для более прочного скрепления с товаром. Обратная сторона пломбы гладкая, без изображений и надписей.

Аналогии

Ближайшие аналогичные находки происходят из самого Новгорода. Одна была обнаружена в ходе подводных археологических раскопок на дне р. Волхов в 2011 г. (руководитель исследований А. В. Степанов) (рис. 3, 1). Это такая же круглая литая пластина диаметром 4,5 см. Вокруг Розы Тюдоров помещена надпись «GVILHELMVS ALMANDETE 1570», однако отсутствует окантовка из геральдических французских лилий, а также отличается способ крепления. Вместе

с пломбой было отлито ушко с отверстием для привешивания.

Место находки второй пломбы неизвестно (рис. 3, 2). Она также представляет собой круглую дисковидную пластину диаметром 4,2 см с центральным положением Розы Тюдоров (Археология древнего Ярославля, 2012. С. 287). Вокруг нее располагается аналогичная надпись «GVILHELMVS ALMANDETE», но без указания года. Сверху пломбы имеется довольно крупное ушко для крепления.

В литературе, посвященной позднесредневековой европейской сфрагистике, есть упоминания подобных находок в Новгороде и его округе. Так, известный венгерский нумизмат Лайош Хузар, со ссылкой на устное сообщение своего оксфордского коллеги Дж. Д. А. Томпсона, сообщает о двух находках данного типа (Huszár, 1961. P. 189). Очевидно, имеется в виду текстильная пломба, обнаруженная при раскопках в Перыни в 1951–1952 гг. (Янин, 1953. С. 384, рис. 13). Это крупная односторонняя пломба диаметром 4,3 см, на которой изображен герб Англии — четырехчастный фигурный гербовый крест под короной, поддерживаемый щитодержателями. Вокруг герба помещен девиз английского ордена подвязки «HONV SOIT QVI MAL V PENSE» (Пусть устыдится подумавший об этом плохо). Такая же пломба, но несколько отличная по матрице, ранее была найдена в Новгороде и опубликована Н. П. Лихачевым (Там же. С. 384). Несмотря на типологическую близость находок, все-таки эти пломбы отличаются от экземпляров, обнаруженных на Троицком раскопе и на дне р. Волхов.

Близкий по исполнению экземпляр пломбы был обнаружен в 2017 г. в Москве, во время охранных археологических исследований в Зарядье (Федан, Сардиев, 2019. С. 96, рис. 8) (рис. 3, 3).

Рис. 3. Аналогии из раскопок с территории России и Западной Европы: 1 – Великий Новгород, раскопки Великого моста; 2 – Великий Новгород, место находки неизвестно; 3 – Москва, раскопки в Зарядье; 4 – Свияжск, раскоп «Татарская слободка»; 5 – Ярославль; 6 – место находки неизвестно (из коллекции Британского музея)

Fig. 3. Parallels from excavations in Russia and West Europe: 1 – Veliky Novgorod, excavations near the Large Bridge; 2 – Veliky Novgorod, findspot unknown; 3 – Moscow, excavations at Zaryadye; 4 – Sviyazhsk, excavation site “Tatarskaya Slobodka”; 5 – Yaroslavl; 6 – provenance unknown (from the collection of the British Museum)

В центральной части круглой пломбы диаметром 4 см помещено изображение Розы Тюдоров, вокруг которой располагался официальный девиз английской монархии «DIEV ET MON DROIT» (Бог и мое право) и год — 1590. По краю пломбы пробито четыре небольших отверстия, с помощью которых эта пломба могла пришиваться к товару.

Авторы раскопок интерпретировали находку как «медальон», который, возможно, могли носить на груди или в качестве нашивки на одежду, и связали ее с деятельностью старого Английского двора, здание которого располагается на улице Варварке. Он находился в Зарядье с XVI в., когда царь Иван IV Грозный в 1556 г. предоставил английским купцам право беспошлинной торговли и таможенные льготы.

Две подобные текстильные пломбы найдены в ходе археологических исследований 2011–2014 гг. на острове-граде Свяжске, на территории «Татарской слободки», где были исследованы культурные напластования XVI–XVIII вв. Первая пломба, происходящая непосредственно из раскопок указанного памятника, практически полностью идентична пломбе с Троицкого раскопа (рис. 3, 4). Это круглая свинцовая пластина диаметром около 5,5 см с изображением Розы Тюдоров в центре. Вокруг нее помещена надпись «GVILHELM... ALMANDETE». Из-за плохой сохранности предмета дату прочесть не удалось. По краю пломбы читается орнамент из ряда французских геральдических лилий. По краям пломбы пробиты три (четвертое не сохранилось) отверстия для пришивания (Федан, Сардиев, 2019. С. 97).

Вторая находка была обнаружена в фондах музея-заповедника «Остров-град Свяжск» и полностью идентична пломбе из Зарядья.

Несколько иная по исполнению пломба была найдена при раскопках в Ярославле (рис. 3, 5) (Археология древнего Ярославля, 2012. С. 287). Это круглая свинцовая пластина диаметром 3,4 см. В центре располагается изображение Розы Тюдоров, однако оно значительно отличается от вышеописанных экземпляров своей простотой и схематизмом. Вокруг розы помещена уже известная нам надпись «GVILELLMVS ALMANDETEE», но с ошибками. В слове *GVILHELMVS* пропущена буква *H*, а буквы *ELL* отображены зеркально. В слове *ALMANDETE* двойное окончание *EE*. Ушко для крепления обломано.

Большинство аналогий пломбам данного типа было обнаружено на территории Западной и Северной Европы и связывается исследователями с широкими поставками английского сукна на центральноевропейский рынок в XVI в.

Среди них стоит отметить находку пломбы, обнаруженную при раскопках комплекса мастерской по обработке шерсти XVI в. в г. Простеев на востоке Чехии (*Čižmář, Šmíd*, 2000. Р. 79). Она полностью аналогична пломбе с Троицкого раскопа: имеет в центре Розу Тюдоров, вокруг которой размещена надпись «GVILHELMVS ALMANDETE 1583».

Несколько подобных находок были зафиксированы на территории Венгрии. Они связаны с крепостями Буда, Эгер, Дьёр, а также обнаружены в районе городов Бекеш, Туркеве и др. (*Huszár*, 1961. Р. 189, 190). Эти города и крепости располагались на венгерско-турецком пограничье, их задачей была оборона Венгрии от Османской империи. По мнению Л. Хузара, сукно являлось одной из самых важных статей поставок среди прочих товаров. В частности, в Эгере после великой осады 1552 г. солдатам в качестве награды раздавали сукно. В 1557–1558 гг. при осмотре крепости Сарос упоминается о хорошем качестве сукна, отданного венгерской придворной казной в качестве жалованья солдатам. В пограничных крепостях часто случалось, что сукно, привезенное туда купцами, раздавалось офицерами по разумной цене солдатам в качестве их жалованья. Бывало и так, что солдаты получали в качестве ежемесячного жалованья элл сукна (немного меньше английского ярда) (*Ibid.* Р. 192).

Пломба, полностью аналогичная найденной в Ярославле, была обнаружена при раскопках замка Стречно в Словакии (*Hunka*, 1999. S. 305, obr. 4, 14). Судя по одинаковым размерам, а также идентичным ошибкам в надписях, обе эти пломбы могли быть изготовлены в одной литейной форме. При описании пломбы автором раскопок отмечено, что она была позолочена. Однако, это маловероятно. При повышенном содержании железа в свинцовых сплавах в анаэробной среде без доступа кислорода на поверхности образуется сульфид железа, придающий коррозии золотистый цвет (*Cronyn*, 2002. Р. 204). До изобретения в XIX в. гальванических покрытий, на изделия из свинца, олова и их сплавов покрытий (позолоты, лужения, латунной плакировки) не наносили, так как это было технически невозможно (*Homer*, 1994. Р. 99–101)².

За последние десятилетия подобные находки выявлены на территории Франции, Германии, Швеции, Польши, Чехии, Словакии, России и Украины (*Mordovin*, 2014. Р. 202; *Hunka*, 1999).

² Благодарим доцента кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Н. В. Енисову за консультацию по данному вопросу.

К сожалению, большинство текстильных пломб данного типа происходит из случайных находок и частных коллекций. На данный момент английский исследователь С. Ф. Элтон зафиксировал три тканевые пломбы, предположительно происходящие из Нидерландов (рис. 4, 3), Дании (рис. 4, 4), а также с территории Московской области под г. Клин (рис. 4, 5) (*Elton*, [Электронный ресурс]). Четвертая находится в частной коллекции в США (рис. 4, 6). Две пломбы, предположительно найденные в Швеции (рис. 4, 1, 2), хранятся в музее Лунда.

Таким образом, мы видим, что география текстильных пломб данного типа довольно широка: от Франции на западе, до России и Украины на востоке, от Норвегии и Швеции на севере, до Венгрии на юге.

Кроме того, существовали двусторонние текстильные пломбы, спаянные между собой из двух половинок. Обе пломбы найдены в Норвегии, но, к сожалению, они также не имеют археологически задокументированного места находки.

Они представляют собой соединенные между собой круглые свинцовые пластины диаметром 4 см. На одной стороне первой пломбы вокруг Розы Тюдоров нанесена плохо читаемая круговая надпись «...57 ER... DAN SW.....NIC...» (рис. 5, 1). На оборотной стороне изображен герб тюдоровской Англии, вокруг которого читается девиз «HONI SOY T QVI MAL V PENSE» (*Elton*, 2017. P. 278).

На второй пломбе аналогичное изображение украшенного короной щита с гербом Англии, поддерживаемого с двух сторон львом и борзой, вокруг которого также читается девиз ордена Подвязки «HON(I SOY)T QVI MAL V PEN(SE)» (рис. 5, 2). На оборотной стороне — Роза Тюдоров, вокруг которой помещен следующий текст: «SEL..E...TYD T SONDER ST..YT». В данном случае очевидно, что это фраза на фламандском языке «SELDEN TYD T SONDER STRYT», которая эквивалентна выражению на современном голландском языке «Zelden Tijd Zonder Strijd», что переводится как «Редко время без раздора» (*Ibid.* P. 280). Все это, вероятно, указывает на то, что эти пломбы принадлежали торговцам из Нидерландов.

Обе пломбы были насквозь пробиты, что давало возможность привешивать их к товарам.

Изображения и надписи

Информация, наносимая на средневековые пломбы, была очень проста. Поскольку еще не существовало разветвленной сети производственных центров, а также четких правил по контролю за цветом, размерами, процессами отделки и т. д.,

изначально на пломбах обозначалась только самая основная информация. Часто изображался какой-либо знак или геральдическая лилия. Это существенно затрудняет изучение средневековых товарных пломб, поскольку из них практически невозможно получить сведения о центре производства или качестве товара. Позднее, с введением строгого контроля над производственным процессом и качеством, ситуация полностью изменилась. На одной стороне пломбы обычно изображался герб города, а на другой — помещалась информация о характеристиках ткани (размерах, цвете, качестве, окраске и т. д.).

На всех рассмотренных выше текстильных пломбах в центре композиции располагается Роза Тюдоров — геральдический символ английской королевской династии. Розан из цветов красного и белого цвета стал символом союза Генриха VII и Елизаветы, семьи которых (Йорки и Ланкастеры) на протяжении 30 лет боролись за право на английский престол. В период правления Генриха VII и Елизаветы I (1485–1603 гг.) геральдическую розу было принято изображать на различных предметах: монетах, медальонах, деталях одежды, головных уборах, в том числе и на товарных пломбах.

Гораздо сложнее дело обстоит с нанесенной на пломбу из Новгорода круговой надписью. С одной стороны, на ее английское происхождение указывает изображение Розы Тюдоров, но с другой — здесь же нанесено имя «Guilhelmus Almandete», которое дословно обозначает «Вильгельм (Уильям) немец» (*Rodenburg*, 2011. P. 71) и связывает этот предмет с Германией. Вариантов интерпретации в данном случае может быть несколько. Это могло означать, что немецкий мастер переехал в Англию, чтобы работать там на текстильном производстве, или что английская ткань была куплена немецким торговцем, который перепродал ее в континентальной Европе. Однако тот факт, что оба элемента (английский и немецкий) сочетаются на одной пломбе, вероятно, может указывать на то, что неокрашенная английская ткань была продана в Германию для окрашивания некоему Вильгельму, который затем (после окраски) продал её на европейском рынке.

Кроме того, существенные различия в качестве изображения гербов и довольно частые ошибки в написании официальных девизов английской королевской династии и ордена Подвязки (в том числе неправильно написанные буквы) вызывает у исследователей справедливое предположение о неанглийском происхождении этих пломб (*Mordovin*, 2014. P. 194). На это указывает и практически полное отсутствие таких текстильных пломб на территории самой Англии. На сегодняшний день

Рис. 4. Аналогии из музейных и частных собраний: 1, 2 — предположительно Швеция; 3 — Мидделбург (Нидерланды); 4 — Дания; 5 — Московская область, г. Клин; 6 — частная коллекция, США

Fig. 4. Parallels from museum and private collections: 1, 2 — presumably Sweden; 3 — Middelburg (Netherlands); 4 — Denmark; 5 — Moscow Oblast, Klin; 6 — private collection, USA

Рис. 5. Двусторонние текстильные пломбы, найденные в Норвегии (Elton, 2017. P. 278)

Fig. 5. Double-sided textile seals found in Norway (Elton, 2017. P. 278)

известны две подобные находки. Одна из них хранится в Британском музее, однако место, где она найдена, к сожалению, неизвестно (рис. 3, 6). Это круглая свинцовая пластина, диаметром 3,8 см, с изображением Розы Тюдоров в центре. Вокруг нее нанесена надпись «HANS VAN ERTFERFELT 1576», которая также говорит о немецком или, скорее, голландском ее происхождении. Вторая хранится в музее Лондона и была найдена в Хартфордшире (Elton, 2017. P. 279).

Другой венгерский исследователь М. Мордовин объясняет наличие грамматических ошибок в надписях и различное качество самих пломб подделками этих предметов (Mordovin, 2014. P. 202). Сама по себе практика подделки товарных пломб не нова. В средневековой Западной Европе довольно хорошо задокументированы случаи подделки пломб, за что наказания были особенно суровыми. В некоторых случаях печати крупных торго-

вых центров имитировали в небольших городах. Так, в 1465 г. Ганза объявила бойкот городу Гаага за то, что его мастера подделывали пломбы Лейдена. Иногда разбирательства по поводу подделок пломб обострялись до вооруженных конфликтов между сторонами. Сами жители городов нередко нарушали правила, опечатывая отдельные товары без соответствующего разрешения. Так, в Ипре виновные были приговорены к семи годам ссылки за подобное правонарушение. А городской совет Кёльна приговорил к смертной казни на костре ткача, пойманного на изготовлении поддельных печатей (Mordovin, 2016. P. 110).

Атрибуция

Высококачественная шерстяная ткань была очень важным товаром в эпоху средневековья, который ввозился в больших количествах на центральноевропейский рынок. Англия рано

стала доминирующим производителем шерсти. Овцеводство постепенно приобрело здесь настолько большое значение, что часть земель из пахотных становилась пастбищной и изымалась у крестьян-арендаторов. Значительная часть этой шерсти экспортировалась на ткацкие фабрики во Фландрии.

Процветающая еще в начале XVI в. немецкая торговля к концу того же века с невиданной быстротой теряла свои позиции. Одной из основных причин ее упадка стало прекращение деятельности Ганзейского союза. Наследие Ганзы перешло к голландским и английским торговцам, из которых последние приобрели огромное влияние во время правления Тюдоров. Елизавета I активно поддерживала экспортную торговлю предоставляемыми привилегиями.

В средние века торговля в Англии велась в значительной степени иностранцами, но около 1500 г. в этой области произошли существенные изменения, и торговая деятельность постепенно перешла непосредственно к англичанам. Большое количество английских кораблей перевозило во всех направлениях экспортные товары, главным образом шерстяные изделия.

Внешняя торговля в основном велась торговыми ассоциациями, среди которых большую роль играли так называемые купцы-авантюристы. В значительной степени благодаря им английские товары получили широкое распространение в Нидерландах и Германии. Эти ассоциации имели много преимуществ. Среди наиболее крупных торговых компаний следует упомянуть Истландскую (основана в 1579 г.), сфера деятельности которой охватывала в основном страны Скандинавии и Прибалтики; Московскую, деятельность которой развивалась в направлении России, и Левантийскую, торговля которой была ориентирована на Средиземноморский регион. Эти компании снабжали мир британскими изделиями, среди которых сукно занимало весомую долю (Huszár, 1961. P. 192, 193).

В XVI в. английские купцы наводнили английским сукном не только немецкие порты, но даже и внутренний рынок. Несмотря на упадок немецкой торговли, несколько городов в Германии все же сумели сохранить свое значение в сфере продаж благодаря географическому положению. Так, Гамбург выступал главным посредником в германо-английском товарообороте. Бреслау (Вроцлав) играл не менее важную роль, так как находился на пересечении торговых путей.

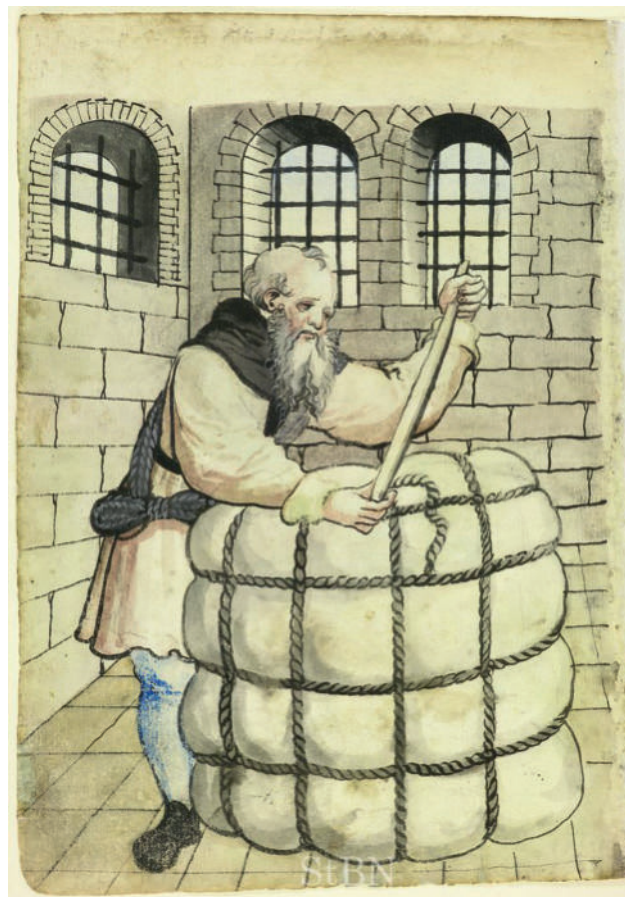

Рис. 6. Брат Бернхард Эбер связывает большой тюк веревкой, 1533 г. Миниатюра из Нюрнбергских домовых книг (Hausbuch der Mendelschen Zwolfbruderstiftung, Band 1. URL: <http://www.nuernberger-hausbuecher.de/75-Amb-2-317-148-v/data>)

Fig. 6. Brother Bernhard Eber tying a large bale with a rope, 1533. Miniature from Nuremberg domestic books (Hausbuch der Mendelschen Zwolfbruderstiftung, Band 1. URL: <http://www.nuernberger-hausbuecher.de/75-Amb-2-317-148-v/data>)

Шерсть, произведенная в Англии, упаковывалась в большие мешки (тюки) (рис. 6). Они содержали в среднем 364 фунта (165 кг) шерсти. Со временем английская торговля шерстью сократилась до изготовления готовой одежды, но на пике своего развития во второй половине XIV в. английский экспорт шерсти оценивался в 28 000 мешков, или 4620 тонн в год (Wahlöö, 1987. P. 55).

Вероятнее всего, такими пломбами, в том числе найденными при раскопках в Новгороде, опечатывались именно большие мешки с сукном. Они могли подвешиваться непосредственно к мешку, но для прочности дополнительно пришивались, о чем свидетельствуют специально пробитые в пломбах отверстия.

- Археология древнего Ярославля, 2012 — Археология древнего Ярославля. Загадки и открытия. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ИА РАН, 2012. 296 с.
- Гайдуков, Олейников, 2019 — Гайдуков П. Г., Олейников О. М. Западноевропейские текстильные пломбы из раскопок в Великом Новгороде // Ученые записки Новгороду им. Ярослава Мудрого. 2019. № 5 (23). С. 1–8.
- Федан, Сардиев, 2019 — Федан П. В., Сардиев Н. Р. К вопросам об атрибуции изделий из свинца, по материалам раскопа «Татарская слободка», город Свияжск // Коллоквиум молодых реставраторов RESCON-2019: Материалы Всерос. науч.-практ. молодежной конф. (Казань, 25–27 ноября 2019 г.). Казань: Изд-во Казанского ГУ, 2019. С. 94–98.
- Янин, 1953 — Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1951 г. // СА. 1953. Вып. XVIII. С. 372–385.
- Янин и др., 2007 — Янин В. Л., Хорошев А. С., Рыбина Е. А., Сорокин А. Н., Покровская Л. В., Степанов А. М. Отчет Новгородской археологической экспедиции о работах в Великом Новгороде в 2006 г. Т. 2. Раскоп Троицкий XIV // НОА ИА РАН. Р–I. № 27888. 96 л.
- Čižmář, Šmíd, 2000 — Čižmář Z., Šmíd M. Vývoj Prostějova v archeologických a historických pramenech v období 10.–16. století // Archaeologia historica. 2000. No. 25. P. 77–102.
- Cherry, 2018 — Cherry J. The Cloth Seal: A Mark of Quality, Identification, or Taxation? // The Medieval Globe. 2018. Vol. 4, is. 1. P. 167–192.
- Cronyn, 2002 — Cronyn J. M. The Elements of Archaeological Conservation. London, 2002. 348 p.
- Elton, 2017 — Elton S. F. Cloth Seals: An Illustrated Guide to the Identification of Lead Seals Attached to Cloth. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd., 2017. 414 p.
- Elton, [Электронный ресурс] — Elton S. F. The Bagseals Gallery [Электронный ресурс] // URL: http://www.bagseals.org/gallery/main.php?g2_itemId=37353 (дата обращения: 31.01.2023).
- Homer, 1994 — Homer R. F. Silver'd wares and gilded tynne // Journal of the Pewter Society. 1994. Vol. 9 (3). P. 99–101.
- Hunka, 1999 — Hunka J. Nálezy olovených plômb na zaistovanie prepravovaných tovarov (14.–17. stor.) zo Slovenska // Študijné zvesti archeologického ústavu Slovenskej akadémie vied. Nitra. 1999. No. 33. P. 295–309.
- Huszár, 1961 — Huszár L. Merchant's seals of the 16th and 17th centuries // Folia Archaeologica. 1961. No. 13. P. 187–194.
- Mordovin, 2014 — Mordovin M. Late medieval and early modern cloth seals in the collection of the Hungarian national museum // Archaeologiai Értesítő. 2014. No. 139. P. 193–237.
- Mordovin, 2016 — Mordovin M. Egy négy évszázados büntény nyomában // Belügyi Szemle. 2016. No. 5. P. 107–114.
- Rodenburg, 2011 — Rodenburg N. M. “Seal and Deal”. Cloth Production and Trade between the Netherlands and Scania during the Late Middle Ages and Early Modern Times. Lund University, 2011. 82 p.
- Schütte, 1993 — Schütte S. Tuchplomben als städtische Zeichen. Das Fallbeispiel Göttingen // Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums. 1993. S. 135–141.
- Wahlöö, 1987 — Wahlöö C. Klädesplomber — delar i emballage? // Kulturen: Årsboken till medlemmarna. Trelleborg, 1987. S. 55–61.

West European textile seal of the 16th century from excavations in Novgorod

V. K. Singkh, A. M. Stepanov³

Keywords: Veliky Novgorod, Lyudin Konets, Troitsky Excavation, textile seal, international trade, 16th century.

In the mediaeval times, textiles were marked with special leaden seals guaranteeing the integrity and quality of the goods, the grade of the cloth and allowing the purchaser to identify their producer. Several seals can have been attached to the cloth. Some of them (sign of the weaver or dyer, etc.) were applied to the textile after the completion of certain operations which made up a single technological process. Others were attached after the customs examination of the merchandise intended for export.

In 2006, a 16th cen. textile seal of quite another character was discovered at the Troitsky Excavation in Novgorod. It represents the heraldic symbol of the royal house in England — Tudors' Rose surrounded with a legend “GVILHELMVS ALMANDETE” (“Wilhelm the German”) bearing an indication of the year — 1583. During examination of the seal, a series of analogues were noted originating both from the territory of Russia and from countries of Western and Northern Europe. The fact that the two elements (English and German) are both combined in a single seal, possibly, can suggest that the undyed English textile was sold to Germany for dyeing to a certain Wilhelm who then (after dyeing) sold it in a European market.

The woollen cloth produced in England was packed into large bags (bales) weighing up to 165 kg. Probably, exactly with seals of this type large bales of cloth were marked. These seals can have been suspended immediately on the bag itself but for strength they were additionally sewn to it, as is suggested by the holes specially born in the objects.

Finds of West European textile seals of the 16th cen. bear evidence on supplying the territory of Russia with English woollen cloth and retaining by Novgorod the important role as a centre of international trade.

³ Victor K. Singkh — Moscow State University; 27 Lomonosovsky pr. 27, corp. 4, 119192, Moscow, Russia; e-mail: arxeolog@gmail.com. Andrey M. Stepanov — Novgorod State United Museum Reserve (NGOMZ), 26 Ilyina ul., Veliky Novgorod, 173000, Russia; e-mail: sam0464@mail.ru.

Археологическое изучение Немецкого-Шведского гостиного двора на Завеличье Пскова в 2019–2020 гг.

С. А. Салмин, Е. В. Салмина¹

Аннотация. В 2019–2020 гг. при охранных раскопках на Завеличье Пскова выявлены руины каменной постройки, входившей в комплекс гостиных иноземных дворов XVI–XVII вв. Получена коллекция находок западноевропейского происхождения, характеризующая быт Немецкого-Шведского гостиного двора. Продолжение работ на этом участке возможно после изменения проекта новой трассы — с целью сохранения выявленных объектов.

Ключевые слова: Псков, Завеличье, Немецкий-Шведский гостиный двор, каменные постройки.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-171-178

В 2019–2020 гг. на Завеличье г. Пскова по адресу ул. Коммунальная, д. 1, Археологическим центром Псковской области проводились охранные раскопки (рис. 1, 1). Работы предваряли прокладку коммуникаций к новому зданию районного суда. Сама административная постройка полностью оказалось в пятне значительного по размерам оврага, образованного старицей русла р. Великой. Овраг на основном своем протяжении в 70-е гг. XX в. был засыпан отходами строительства и керамического производства, связанного с функционированием Псковского завода радиодеталей. Южное устье оврага тогда же было использовано для прокладки труб городской ливневой канализации (рис. 1, 2).

Наблюдения за выборкой грунта в контурах новых зданий показало, что мусорный массив продолжается в глубину до скального материка. Сохранные культурные напластования были обнаружены только на участке немного южнее основного строительства (на южном берегу оврага) и исследовались в пятне траншеи для нового отрезка подземных коммуникаций.

Раскоп получил название Ольгинский-9 (в продолжение наименования и нумерации

раскопов прошлых лет в этой части Пскова). Общая площадь участка исследований составила 103 кв. м. Общая мощность антропогенных отложений, включая напластования XX–XXI вв., достигала 3,8 м, в их составе толщина собственно культурных отложений X–XIX вв. — от 1,5 до 2,5 м.

В восточной части раскопа на площади около 30 кв. м практически сразу под балластными отложениями начали раскрываться остатки каменных сооружений, сложенных из известняковых плит на известково-глинистом растворе (рис. 1, 3). От современной дневной поверхности выявляемые постройки были отделены только массивом отложений XX в., мощность которых не превышала 1,6–0,6 м (уменьшение мощности балластных отложений к востоку, в направлении реки). На протяжении 12 м была расчищена стена, ориентированная почти точно по оси запад–восток, толщина ее неопределима, поскольку продолжается за пределами раскопа. На расстоянии 3,2 м от северного окончания охарактеризованного сооружения фиксируется фрагмент перпендикулярной стены, имеющей толщину около 0,8 м, сохранившейся на протяжении 0,85 м. Под указанными объектами начало раскрываться руинированное сводчатое (коробовое) перекрытие, присутствующее на большей части выявляемой постройки. Плиты, из которых она сложена, обработаны грубо, размеры — от 0,30 × 0,15 × 0,06 м до 0,50 × 0,70 × 0,12 м. Раствор желтый,

¹ Салмин С. А. — Археологический центр Псковской области; ул. Герцена, 1/1, Псков, 180022, Россия; e-mail: solvarg@yandex.ru. Салмина Е. В. — Археологический центр Псковской области, Псковский ГУ; пл. Ленина, 2, Псков, 180000, Россия; e-mail: muntrik102@yandex.ru.

© Салмин С. А., Салмина Е. В., 2023

Рис. 1. Псков. 1 — схема раскопов в северной части Завеличья (а — раскопы прошлых лет; б — раскоп Ольгинский-9; в — памятники истории и культуры) (составители Б. Н. Харлашов, Р. Г. Подгорная); 2 — общий вид площадки строительства и раскопа, вид с востока (фото М. А. Васильева); 3, 4 — раскоп Ольгинский-9, восточная часть (фото Е. В. Салминой): 3 — каменные постройки, вид с запада; 4 — сводчатая известняковая постройка, вид с востока

Fig. 1. Pskov. 1 — scheme of excavation sites in the northern part of Zavelichye district (a — excavations of previous years; б — excavation Olginsky-9; в — sites of history and culture) (compilers B. N. Kharlashov and R. G. Podgornaya); 2 — general view of the area of construction and the excavation, view from east (photo by M. A. Vasilyev); 3, 4 — excavation site Olginsky-9, eastern area (photo by E. V. Salmina): 3 — stone buildings, view from west; 4 — vaulted limestone building, view from east

с сероватым оттенком, плохо промешанный, крупитчатый. Толщина швов 0,03–0,06 м. Сохранность раствора между плитами плохая. В некоторых местах присутствуют фрагменты кладки, выполненной на глине, возможно, следы ремонта (рис. 1, 4).

Выявляемые объекты могут быть связаны с иноземными гостинными дворами. Основанием для этой интерпретации в наибольшей степени

стали данные исторических планов, причем важным топографическим объектом для планиграфической привязки в этом случае послужил упоминавшийся овраг.

Комплекс иноземных дворов на псковском Завеличье изображен на карте Эрика Пальмквиста 1674 г., где он представляет собой три прямоугольных строения за общей оградой (рис. 2, 1). С севера площадь комплекса обрезана краем

оврага². Немецкий и Любекский дворы показаны здесь отдельными сооружениями, между ними присутствует постройка меньшего размера, выразительно обозначенная «Кабак».

На более позднем шведском плане 1750 г. (рис. 2, 2), составленном уже после ликвидации собственно иноземных дворов, тот же овраг показан вполне отчетливо (объясняется это, вероятно, исключительно практической, военной целью составления чертежа), но присутствует уже только одно из зданий комплекса, несколько удаленное от старицы к югу. При этом на «Плане губернского города Пскова со слободами» 1778 г. (рис. 2, 3) единственная постройка изображена почти примыкающей к краю оврага, почти так же, как на «плане Пальмквиста».

Наконец, на «плане Ушакова»³ 1901 г. (рис. 2, 4) литерой «Ө» обозначено строение причудливой конфигурации, подписанное как «гостинный двор» (Ушаков, 1901. С. 11). На этом плане комплекс размещен заметно южнее, чем на других картах Пскова.

Таким образом, в результате привязки объектов к современным топографическим реалиям можно утверждать, что в раскопе зафиксирован участок северной границы комплекса иноземных дворов.

* * *

Появление Немецкого и Любского дворов на псковском Завеличье вызвано значительными преобразованиями в русско-ганзейской торговле, пик которых пришелся на вторую половину XVI в. Начавшееся уже в конце XV в. ослабление товарного потока от Новгорода к Пскову, вызванное на начальном этапе протекционистской политикой Ивана III, приведшей к закрытию Немецкого двора в Новгороде, продолжало развиваться уже в связи с другими объективными факторами⁴. Изменение ассортимента товаров в модернизирую-

² Представляется важным упомянуть, что еще на памяти нынешних жителей Пскова устье этого оврага служило в качестве пристани речных судов. Можно предполагать, что и в XVI в. это место использовалось в качестве причала небольших грузовых судов, направлявшихся к гостинным дворам.

³ Важно принимать во внимание, что наряду с ценнейшими историко-топографическими данными на этом плане присутствуют и легендарные сведения.

⁴ Вопрос изменения торговых приоритетов для членов Ганзейского союза подробно рассмотрен в монографии М. Б. Бессудновой (Бессуднова, 2021).

щейся Европе, характеризующееся увеличением в составе товарооборота сырья, полуфабрикатов, продуктов питания — грузов крупногабаритных и отличающихся длительным сроком хранения, определило не только затухание прежних центров торговли, но и смещение привычных маршрутов. Товары, ставшие основой русского экспорта в XVI в. (сало, лен, кожи, зерно), были более приспособлены к транспортировке по сухопутным маршрутам, и Псков, расположенный на основной трассе, соединяющей Верхнее Поволжье с Ливонией, оказался в выигрышном положении относительно Новгорода.

Не менее важным фактором было возрастающее внутриганзейское соперничество, вызванное попытками приватизации «русской торговли» со стороны ливонских городов, между которыми существовали свои противоречия. Результатом сложившейся ситуации стало особое внимание, которое Любек и Рига начали уделять ведущейся через Псков торговле в ущерб традиционному новгородскому направлению (Бессуднова, 2021. С. 328).

Видимо, фактом, отражающим этот раскол, явилось устройство двух гостиных дворов, Любского и Немецкого, — самостоятельных, хотя и расположенных по соседству (Angermann, 1970. S. 80; Юрасов, 1997. С. 121). Первый псковский Немецкий двор существовал на Запсковье с 20-х гг. XVI в. (Казакова, 1975. С. 139), располагался «от Примостья на Пскове реке на востоке» (МАМЮ, 1913. С. 10, 11). Именно этот городской район в письменных источниках получил название «Немецкий берег» (Лабутина, 2011. С. 179, 180). Раскопки в этой локации производились, но не дали выразительных результатов для изучения указанного объекта (Степанов, 1992; 1994). На Завеличье Немецкий двор переместился после пожара 1562 г. (Бессуднова, 2021. С. 341; Неништадт, 1880. С. 390), и произошло это, судя по свидетельству иностранных путешественников, не позднее 1585–1587 гг. (Кирпичников, 1994. С. 14).

Третий отдельный двор, Шведский, несмотря на усилия, прилагаемые шведской и русской сторонами с 1618 по 1699 г., так и не был построен. Объяснялось это, прежде всего, тем, что основные торговые сношения с Псковом велись негоциантами подчиненных Швеции ливонских городов, оставившимися на Немецком дворе. Купцы — подданные Шведского государства пользовались Немецким двором, который в официальных документах нередко называли «свейским немецким»

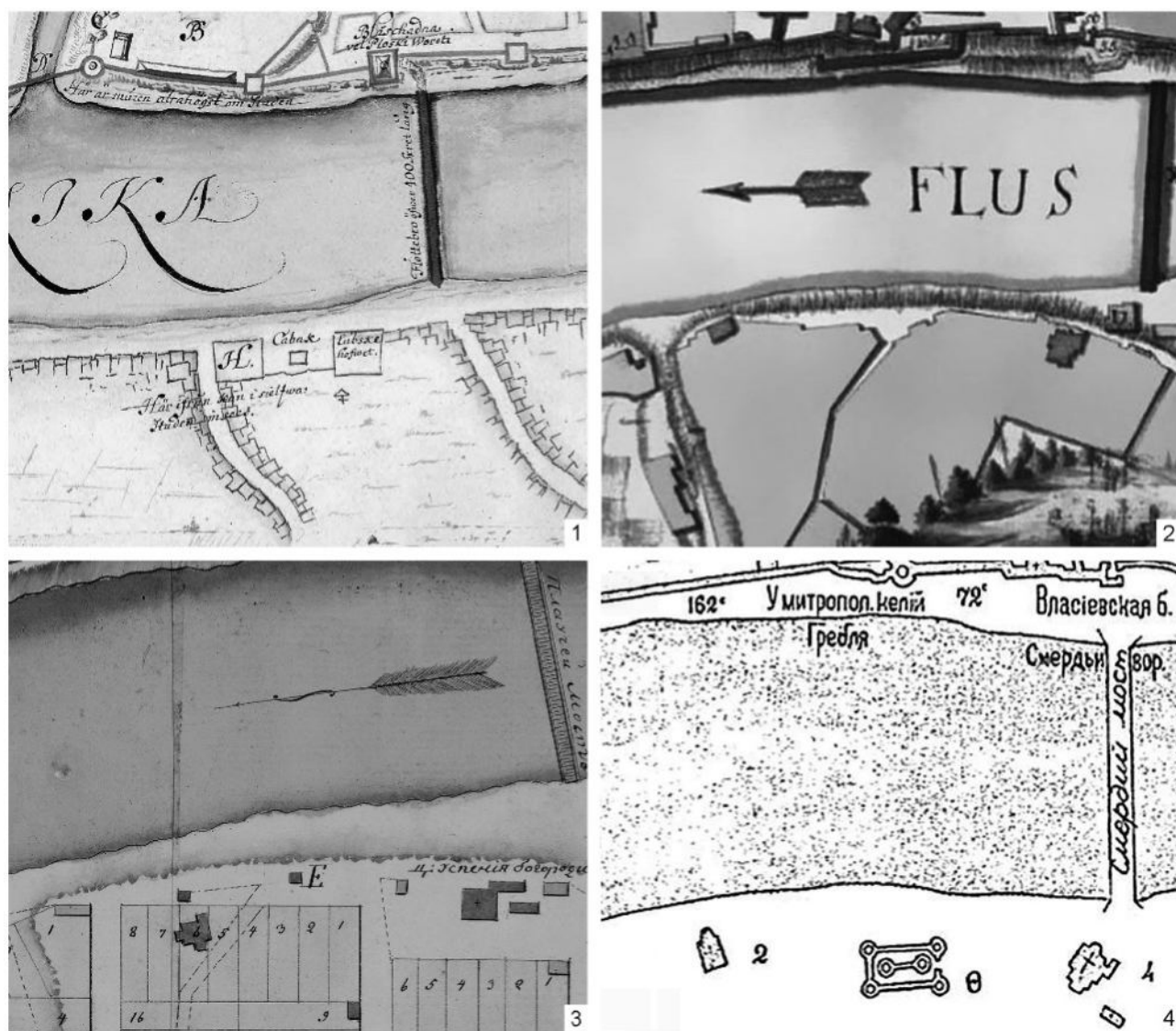

Рис. 2. Фрагменты планов Пскова различного времени: 1 — фрагмент плана Эрика Пальмквиста, 1674 г. (<https://www.flickr.com/photos/91234165@N03/50901937937/in/album72157718137958997/>) (дата обращения 04.09.2022); 2 — фрагмент шведского плана 1750 г. (http://www.etomesto.ru/map-pskov_1750/) (дата обращения 04.09.2022); 3 — фрагмент «Плана губернского города Пскова со слободами» 1778 г. (http://www.etomesto.ru/map-pskov_1778/) (дата обращения 04.09.2022); 4 — фрагмент «плана Ушакова» (Ушаков, 1901; выкопировка по http://www.etomesto.ru/map-pskov_1901/) (дата обращения 04.09.2022)

Fig. 2. Fragments of plans of Pskov of different times: 1 — fragment of Eric Palmqvist's plan, 1674 (<https://www.flickr.com/photos/91234165@N03/50901937937/in/album72157718137958997/>, 04.09.2022); 2 — fragment of a Swedish plan of 1750 (http://www.etomesto.ru/map-pskov_1750/, 04.09.2022); 3 — fragment of the "Plan of the province town of Pskov with the suburb settlements", 1778 (http://www.etomesto.ru/map-pskov_1778/, 04.09.2022); 4 — fragment of "Ushakov's plan" (Ушаков, 1901; copied after http://www.etomesto.ru/map-pskov_1901/, 04.09.2022)

или «свейским» гостиним двором (Юрасов, 1997. С 121–125). Гостиные дворы на псковском Завеличье функционировали до начала Северной войны (1700–1721), по результатам которой в состав Российской империи вошли все морские порты, через которые велась традиционная торговля с Западной Европой (Рига, Ревель, Нарва). Сильную конкуренцию им составил и Санкт-Петербург. Транспортная система, связывавшая Центральную Россию с театром военных действий, была переориентирована на организацию снабжения новой столицы, что привело к возрождению старого торгового маршрута через Новгород к Невскому устью.

В этих условиях Псков, переставший быть пограничным городом, очень быстро утрачивает свое значение. Распоряжение Сената «О трактах к портовым городам», принятое в 1721 г. и, в частности, ограничившее торговлю через Нарву только товарами, происходящими из околпортовых территорий и Псковского уезда, знаменовало прекращение функционирования Пскова как центра транзитной торговли (Ретин, 2008. С. 88).

На территории Немецкого/Свейского двора (занимавшего, согласно плану Пальмквиста, северную, ближайшую к оврагу, часть комплекса) располагались, согласно годовой смете 7207/1699 г. (фиксирующей последний этап существования двора), «таможенная деревянная изба на подклете съ сенми и съ чюланомъ; полата каменная съ выходомъ; сарай большой; анбаръ ветхой; две коморы съ комнатами и съ стеклами, въ нихъ живутъ иноземцы Свейскіе земли; ворота дощатые на петляхъ и на крюкахъ железныхъ» (МАМЮ, 1914. С. 253).

К сожалению, интерпретировать в соответствии с этим описанием сооружения, обнаруженные в раскопе, не представляется возможным. После обнаружения остатков каменных построек работы на характеризуемом участке были остановлены до принятия решения об изменении трассы коммуникаций, позволяющего «обойти» выявленные архитектурные объекты.

С рассматриваемыми сооружениями связана своеобразная коллекция находок, характеризующая быт Гостиного двора. Предметы этого круга были распространены по всей площади раскопа (103 кв. м), но большая плотность наблюдается в его восточной части, где выявлены каменные постройки. В основном характеризуются находки приходится на два пласта (по 0,2 м).

Собрано значительное количество изразцов (26 ед.), по сюжетам изображений и особенностям

поливы сходных с находками из Выборга (Роденков, Лихолат, 2021. С. 16–20; Сакса, 2020. С. 42, 60, 68–70), Ниена (Андреева, Сорокин, 2019) (рис. 3). Отметим фрагмент изразца «с торсом женщины с кинжалом», по другой интерпретации — «женщины с веером» (рис. 3, 8).

В составе коллекции присутствуют девять фрагментов западноевропейских керамических сосудов, в том числе фрагменты кувшинов, кружек, изготовлявшихся в Вестервальде, Зигбурге и других центрах производства (рис. 7, 1–3, 6–8). Такие находки довольно широко распространены по территории Пскова, хорошо известны в городах русского Северо-Запада (Матвеев, Новоселов, 2019. С. 212–228; Сорокин и др., 2017. С. 136, 205; 2018; Saksa et al., 2002. Р. 57, 58).

Единственная западноевропейская монета, относящаяся к периоду существования гостиных дворов на Завеличье Пскова, — это шиллинг герцога Готхарда Кетлера: 1573, Курляндия, Елгава (Митава) (определение К. В. Горлова) (рис. 3, 15).

В коллекцию входят также интересные изделия из кости: игральные кубики (рис. 3, 19), декоративные накладки (рис. 3, 23), ружейные кремни (один из них — в «рубашке» из свинцового листа) (рис. 3, 20, 21).

Самая многочисленная категория находок гостиного двора — более 50 фрагментов белоглиняных курительных трубок (рис. 3, 22), в основном разноразмерные обломки мундштуков. Эта категория находок довольно часто встречается в Пскове в отложениях соответствующего времени, достаточно распространена в городских слоях русского Северо-Запада (Пошернева, 2011. С. 251–331; Сорокин, Андреева, 2020. С. 468–484).

Коллекция включает в себя также предметы бытового инвентаря, типичные для городских напластований этого времени: железные ножи, детали запорных устройств, шилья, скобы.

Работа с находками раскопа Ольгинский-9 в настоящее время не завершена полностью, часть их находится в процессе расчистки и консервации. Тем не менее уже на этой стадии состав коллекции подтверждает концентрированное выпадение в культурные отложения предметов западноевропейского круга на рассматриваемом участке города.

* * *

Внешние контуры выявленных каменных сооружений были зафиксированы, но детальная

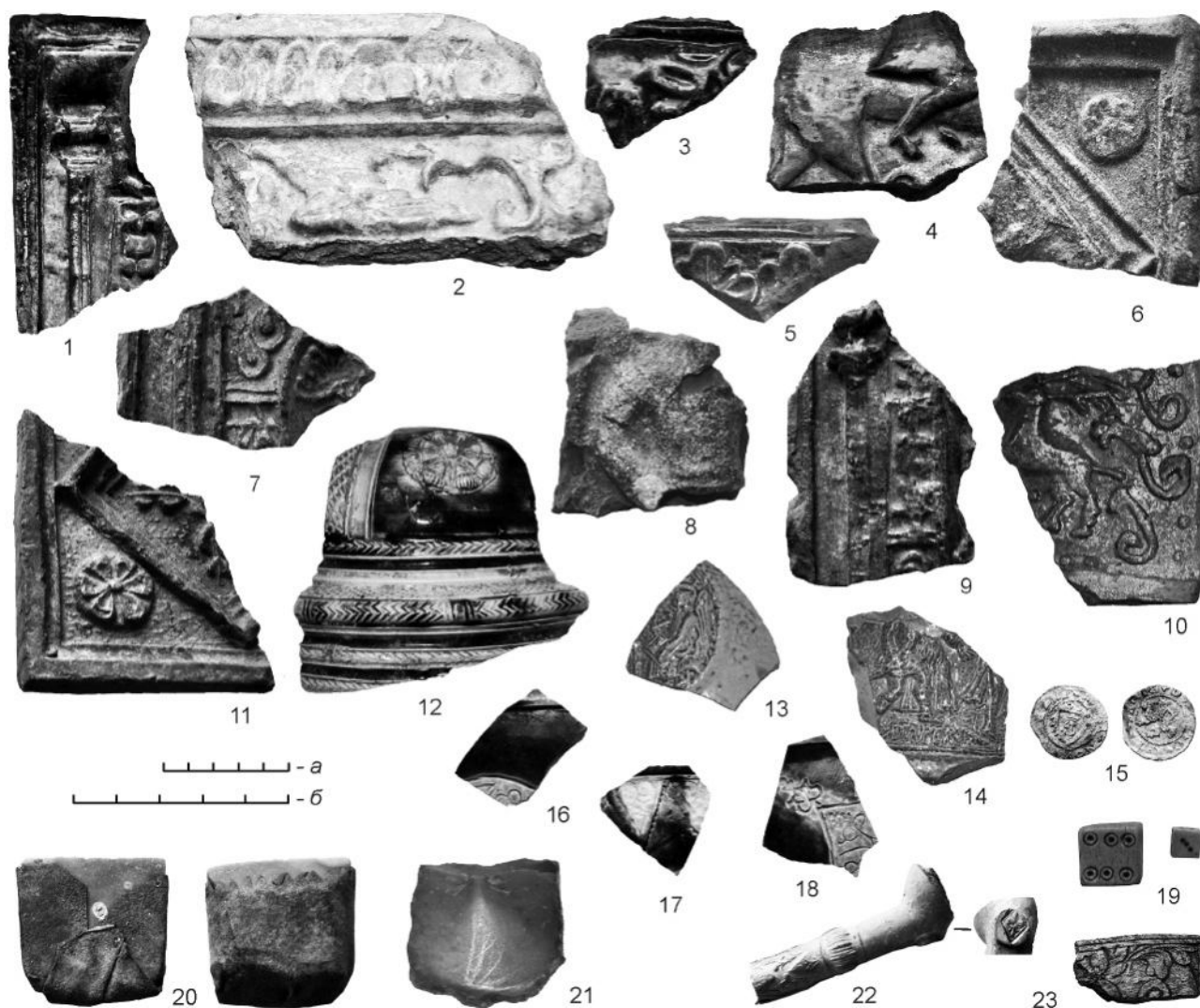

Рис. 3. Находки из раскопок на территории Немецкого-Шведского гостиного двора: 1-11 — фрагменты изразцов, 12-14, 16-18 — фрагменты сосудов; 15 — монета; 19 — игральные кубики; 20, 21 — ружейные кремни; 22 — фрагмент курительной трубки; 23 — декоративная накладка. 1-14, 16-18, 22 — керамика; 15 — цветной металл; 19, 23 — кость; 20 — кремень, свинец; 21 — кремень. Масштаб: а — для 1-11; б — для 12-23

Fig. 3. Finds from excavations in the territory of the German-Swedish Gostiny Dvor: 1-11 — fragments of ornamented tiles, 12-14, 16-18 — fragments of pottery; 15 — coin; 19 — gaming bricks; 20, 21 — gunflints; 22 — fragment of a smoking pipe; 23 — decorative mount. 1-14, 16-18, 22 — ceramics; 15 — nonferrous metal; 19, 23 — bone; 20 — flint, lead; 21 — flint. Scale: a — in 1-11; b — in 12-23

расчистка и выборка грунта во внутренних объемах не производилась, чтобы не нарушить относительно стабильное в настоящее время состояние памятника.

По результатам археологических работ на Ольгинском-9 раскопе был поставлен вопрос о необходимости изменения проекта трассы коммуникаций (в частности, был предложен

вариант смещения «ветки» в русло охарактеризованного оврага). В настоящий момент (через два года после завершения раскопок) прокладка коммуникаций на этом участке не возобновлена. Представляется, что возвращение к поставленному вопросу должно состояться уже после работ по выявлению и фиксации пятна комплекса иноземных дворов на псковском Завеличье.

- Андреева, Сорокин, 2019 — Андреева О. В., Сорокин П. Е. Печные изразцы из раскопок города Ниена // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2019. Вып. 34. С. 199–211.
- Бессуднова, 2021 — Бессуднова М. Б. Русско-Ганзейская торговля в первой половине XVI вв. СПб.: Евразия, 2021. 480 с.
- Казакова, 1975 — Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л.: Наука, 1975. 360 с.
- Кирпичников, 1994 — Кирпичников А. Н. Сообщение немецкого путешественника Самуэля Кихеля о Пскове XVI в. Публикация источника и исследование. Часть 2 (исследование) // Вестник Санкт-Петербургского университета. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994 (Серия 2: История, языковедение, литературоведение). Вып. 3 (№ 16). С. 9–20.
- Лабутина, 2011 — Лабутина И. К. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. М.: Наука, 2011. 344 с.
- МАМЮ, 1913 — Сборник Московского архива Министерства юстиции. М.: Печатня А. Снегиревой, 1913. Т. 5: Псков и его пригороды. Кн. 1. 520 с.
- МАМЮ, 1914 — Сборник Московского архива Министерства юстиции. М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. Т. 6: Псков и его пригороды. Кн. 2. 555 с.
- Матвеев, Новоселов, 2019 — Матвеев В. Н., Новоселов Н. В. Находки сосудов каменной массы с территории Летнего сада в Санкт-Петербурге (по материалам археологических раскопок 2009–2011 годов) // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2019. Вып. 34. С. 212–228.
- Ниенштадт, 1880 — Ниенштадт Ф. Ливонская летопись Франца Ниенштадта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига: Тип. Липинского, 1880. Т. III. С. 355–400.
- Пошернева, 2011 — Пошернева Т. Н. Белоглиняные курительные трубки из раскопок Охтинского мыса (по материалам работ 2010 г.) // Бюллетень ИИМК РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2011. № 2. С. 251–331.
- Репин, 2008 — Репин Н. Н. Морская торговля России со странами Европы в первые шесть десятилетий XVIII века: политика русского правительства и ее результат // Вестник Рязанского ГУ им. С. А. Есенина. Рязань: Редакционно-издательский центр Рязанского ГУ им. С. А. Есенина, 2008. № 1 (18). С. 77–108.
- Роденков, Лихолат, 2021 — Роденков А. И., Лихолат К. В. Изразцовые печи Выборга. Нижний Новгород: Литера, 2021. 216 с.
- Сакса, 2020 — Сакса А. И. Из истории одного выборгского средневекового дома: археологические исследования в Выборге у дома купеческой гильдии в 2004–2012 годах. СПб.: Арка, 2020. 280 с.
- Сорокин, Андреева, 2020 — Сорокин П. Е., Андреева О. В. Курительные трубки из раскопок города Ниена // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2020. Вып. 35. С. 468–484.
- Сорокин и др., 2017 — Сорокин П. Е., Гукин В. Д., Иванова А. В., Короткевич Б. С., Лазаретов И. П., Матвеев В. Н., Михайлов К. А., Поляков А. В., Попов С. Г. Археологические исследования в устье реки Охты // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 5. СПб.: КультИнформПресс, 2017. Т. 1: Культурный слой и сооружения центральной части Охтинского мыса. 237 с.
- Сорокин и др., 2018 — Сорокин П. Е., Кильдюшевский В. И., Матвеев В. Н. Сосуды из каменной массы в городах русского Северо-Запада // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2018. Вып. 33. С. 361–371.
- Степанов, 1992 — Степанов С. В. Раскопки в Примостье // АИППЗ. Псков: б. и., 1992. С. 74–75.
- Степанов, 1994 — Степанов С. В. Раскопки в Примостье // АИППЗ. Псков: б. и., 1994. С. 14–17.
- Ушаков, 1901 — Ушаков Ф. А. Описание к сборному плану г. Пскова, составленному по летописям, актам и по планам и чертежам 1581, 1694, 1740, 1787, 1821 и 1859 гг. Псков: Тип. Товарищества Труд и Знание, 1901. 16 с.
- Юрасов, 1997 — Юрасов А. В. К истории немецко-шведского гостиного двора в Пскове в XVII веке // Метаморфозы истории. Псков: Псковский ГУ, 1997. С. 119–135.
- Angermann, 1970 — Angermann N. Zu den deutschen Handelsniederlassungen in Pleskau und Krasnyj // Hansische Geschichtsblätter. Köln; Wien: Böhlau Verlag, 1970. Bd. 89. S. 79–91.
- Saksa et al., 2002 — Saksa A., Belsky S., Kurbatov A., Polyakova N., Suhonen M. New Archaeological Excavations in Viipuri. Results of field investigations of the 1998–2001 seasons and current research problems of urban history // Fennoscandia archaeologica. Helsinki: Archaeological Society of Finland, 2002. Vol. XIX. S. 37–64.

Archaeological investigation of the German-Swedish Gostiny Dvor at Pskov Zavelichye in 2019–2020

S. A. Salmin, E. V. Salmina⁵

Keywords: Pskov, Zavelichye, German-Swedish Gostiny Dvor, stone buildings.

In the course of 2019–2020 investigations at the Olginsky-9 Excavation (city of Pskov), some objects interpreted as a complex of foreign trading courtyards of the 16th–17th cen. were revealed. These were the Lyubsky and Nemet-sky (German) properties (neighbouring each other although independent) known from documentary sources and historical plans of Pskov. There were found ruins of an arched stone building and the border of a ravine shown in historical plans was defined. This find allowed the researchers to link the discovered architectural object with the structures of the German-Swedish Gostiny Dvor (Trading Courtyard) situated in the northern section of the complex. This trading mission was organized in the late 16th cen. and ceased to exist not later than in the first quarter of the 18th cen.

The structures uncovered in the excavation yielded a distinctive collection of finds characterizing the mode of life of the Gostiny Dvor. It includes ornamented tiles which are similar to examples from Vyborg and Nyen in terms of the subjects of their representations and the features of the glaze; fragments of ceramic vessels of a West European provenance; and fragments of white clay smoking pipes fairly common in towns of North-Western Russia. Generally, the composition of this collection confirms the concentrated deposition of objects of the West European circle in cultural strata of the considered area of the city.

The external outlines of the uncovered stone structures were recorded but, in order not to disturb the relatively stable current state of the site, no careful clearing or removal of the earth were done. On the basis of the results of archaeological studies at the Olginsky-9 Excavation, it was proposed to make change in the designed project of a communication line. It seems that the return to this question must take place already after the works for the determining and recording of the spot of the complex of foreign courtyards at Pskov Zavelichye (town quarter on the opposite bank of the Velikaya River).

⁵ Sergey A. Salmin — Pskov Archaeological Centre; 1/1 ul. Herzena, Pskov, 180019, Russia; e-mail: solvarg@yandex.ru. Elena V. Salmina — Pskov State University; 2 pl. Lenina, Pskov, 180019, Russia; Pskov Archaeological Centre; 1/1 ul. Herzena, Pskov, 180019, Russia; e-mail: muntrik102@yandex.ru.

Культурный слой крепости Корела в исследованиях А. Н. Кирпичникова и А. И. Саксы¹

Ст. А. Васильев, Н. В. Григорьева, С. А. Семенов²

Аннотация. В статье представлены результаты историко-архивного изучения материалов раскопок А. Н. Кирпичникова (1972–1973, 1975–1976 гг.) и А. И. Саксы (1989–1990, 1992 гг.) в крепости Корела. Выявлены некоторые недостатки источниковедческой базы, затрудняющие создание современной реконструкции ранней застройки поселения, несмотря на сходство стратиграфии культурных напластований в разных частях крепостного двора.

Ключевые слова: Северо-Запад, крепость Корела, фортификация, культурный слой.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-179-194

Введение

Корела — крепость на р. Вуоксе в 11 км от Ладожского озера. Предшественником ее был небольшой, упомянутый в летописи острожек — Кякисалми, место расположения которого до сих пор остается дискуссионным (Кирпичников, 1984. С. 119, 123, 124; Сакса, 2014. С. 117). Со времени постройки в 1310 г. крепость и окружающий ее посад являлись центром Карельской земли и важным военным форпостом приграничной территории Новгородской республики, неоднократно переходившим из русского в шведское владение. Первое время поселение называлось «Корельский городок», потом просто «Корела». Занявшие на рубеже XVI–XVII вв. крепость шведы дали

городу новое название — Кексгольм, а детинец новгородского времени на всех картах обозначен как Schloss (замок). Считается, что крепость изначально располагалась на острове, отделенном от коренного берега двумя рукавами р. Вуоксы, уровень которой понизился до современного состояния только в середине XIX в. Облик первоначальных укреплений Корелы был капитально изменен в ходе масштабных перестроек и сооружения насыпей куртин и бастеионов. Однако на территории крепостного двора сохранились остатки деревянной застройки новгородского времени, которые были открыты археологическими раскопками.

В 2022 г. силами Ленинградской областной экспедиции Центра спасательной археологии ИИМК РАН по заказу ГКУ ЛО «Дирекция по сохранению объектов культурного наследия» проводились работы по инвентаризации памятников археологии Приозерского района Ленинградской области. В перечне значился объект культурного наследия «Крепость Корела. Культурный слой и основание каменной башни XIV–XVI вв., XIV в.», внесенный в список памятников археологии Ленинградской области Решением Леноблисполкома № 271 от 10.07.1978 г. (Решение..., 1978. Пункт 46). Памятник учтен в ЕГРОКН как ансамбль и памятник археологии федерального значения (№ 471740682940036) и является элементом ансамбля комплекса крепостных сооружений «Крепость Корела» (№ ЕГРОКН 471610682940016).

¹ Работа выполнена в рамках тем государственного задания: Н. В. Григорьевой — «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015), Ст. А. Васильевым и С. А. Семеновым — «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологии» (FMZF-2022-0016).

² Васильев Ст. А., Григорьева Н. В., Семенов С. А. — ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: stasilein@mail.ru, mak-kon4@yandex.ru, s.s.a.g@mail.ru.

© Васильев Ст. А., Григорьева Н. В., Семенов С. А., 2023

В ходе натурных работ на памятнике проведен визуальный осмотр, составлено общее текстовое описание ландшафтной ситуации и технического состояния территории крепостного двора, сделана фотографическая фиксация как общих видов, так и отдельных объектов, выполнена съемка топографического плана памятника (рис. 1), определены его границы с координатами поворотных точек. На основе фотограмметрического трехмерного моделирования были построены цифровые модели местности и рельефа крепостного двора (рис. 2). В ходе подготовительного архивно-историографического этапа работ были собраны и проанализированы сведения о результатах археологических исследований на территории крепости, все раскопы впервые были объединены на одном плане³ (рис. 3), однако надежно определить границы исследованных участков на местности не удалось. Проведенная работа позволила получить достаточно полное представление о результатах раскопок и выявить некоторые противоречия в интерпретации данных, которые в свете современных подходов к исследованию памятников требуют повторного обращения к ним специалистов — историков и археологов.

Археологическое изучение Корелы в конце XIX — XX в. (раскопки Т. Швиндта, А. Н. Кирпичникова, В. А. Назаренко, С. М. Чернова)

Впервые древнее прошлое Корелы-Кексгольма последней четверти XVI — XVII в., сохраненное в документах шведских архивов, было проанализировано и опубликовано финским археологом Т. Швиндтом в конце XIX в. (*Schwindt*, 1898; *Кирпичников*, 1979. С. 74; *Краснолуцкий*, 2017. С. 317). Его труды до сих пор остаются фундаментальными для интеграции археологических данных в историческую канву жизни крепости.

³ За исключением одного шурфа А. И. Саксы в 1992 г. Шурф 2 × 2 м был заложен на северо-восточном бастионе крепости, более точное его местонахождение неизвестно (*Сакса*, 1992. Л. 3, шурф 2).

Т. Швиндт и сам провел небольшие раскопки в крепости в 1891 г., результаты которых остались неопубликованными. Известно лишь, что были найдены части оружия, бытовой утвари, черепки посуды разного времени (*Кирпичников*, 1979. С. 52, 53).

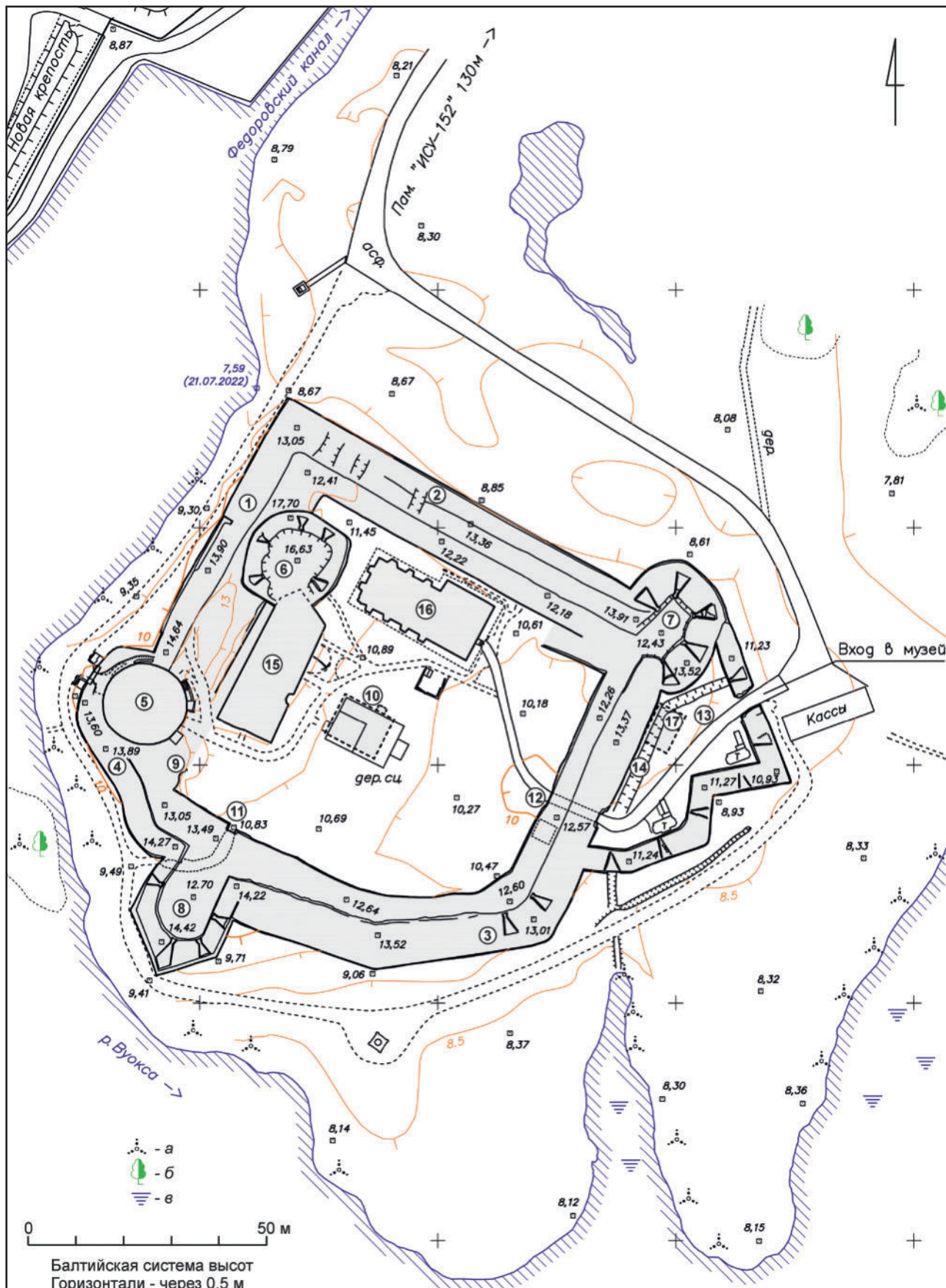
Во второй половине XX в. на территории детинца археологические раскопки проводили: А. Н. Кирпичников в 1972 (раскопы 1–8) и 1973 гг. (раскопы 4а, 6, 9); А. Н. Кирпичников совместно с В. А. Назаренко в 1975–1976 гг. (раскоп 10); С. М. Чернов в 1986 г.⁴ и А. И. Сакса в 1989–1990 гг. (раскоп 11), 1992–1993 гг. (раскоп 12–13) (рис. 2). С. М. Чернов осуществлял археологические исследования по программе реставрационных работ крепостного комплекса, разработанной Ленинградским филиалом института «Спецпроектреставрация». Работы были сосредоточены на изучении архитектурно-инженерных особенностей западной куртины крепости и Кавальер-бастиона. Проведенные работы помимо инженерно-изыскательных результатов наглядно проиллюстрировали этапность строительства земляных укреплений и каменных элементов крепости (*Кузьмин и др.*, 1988; *Чернов*, 1989а; 1989б).

В 1972 г. под руководством А. Н. Кирпичникова исследования в детинце начал Приозерский отряд Ленинградской археологической экспедиции, организованный Ленинградским отделением Института археологии АН СССР совместно с Областным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Управлением культуры Леноблисполкома и историческим факультетом Ленинградского государственного университета. Перед отрядом стояли задачи: обнаружить и исследовать культурный слой древнего города, изучить его укрепления, уточнить топографию, попытаться отыскать первоначальное место города и его монументальные каменные постройки. С этой целью в 1972–1973 гг. в разных частях крепости было заложено десять траншееобразных раскопов общей площадью 320 кв. м (рис. 3), шесть из которых располагались

⁴ На рис. 3 — раскоп 14.

Рис. 1. Крепость Корела. Топографический план. Куртины (1–4): 1 — северо-западная; 2 — северо-восточная; 3 — юго-восточная; 4 — юго-западная; 5 — Круглая башня; бастионы (6–8): 6 — Кавальер; 7 — Басту; 8 — Клок; 9 — местонахождение башни посадника Якова; 10 — местонахождение фундаментов кордегардии; 11 — Рыбные ворота; 12 — Водяные ворота; 13 — теналь; 14 — канал; 15 — старый арсенал; 16 — новый арсенал; 17 — караульня. Условные обозначения: а — кустариники; б — деревья лиственные; в — заболоченные земли

Fig. 1. Fortress of Korela. Topographic plan. Wall curtains (1–4): 1 — north-western; 2 — north-eastern; 3 — south-eastern; 4 — south-western; 5 — Round Tower; bastions (6–8): 6 — Spoil bank; 7 — Bastu-bastion; 8 — Klock-bastion; 9 — site of the Posadnik (*Stadtholder*) Yakov's Tower; 10 — site of the foundation of the corps de garde; 11 — Fish Gate; 12 — Water Gate; 13 — tenaille; 14 — channel; 15 — old armoury; 16 — new armoury; 17 — guardhouse. Keys: a — shrubs; б — deciduous trees; в — wetlands

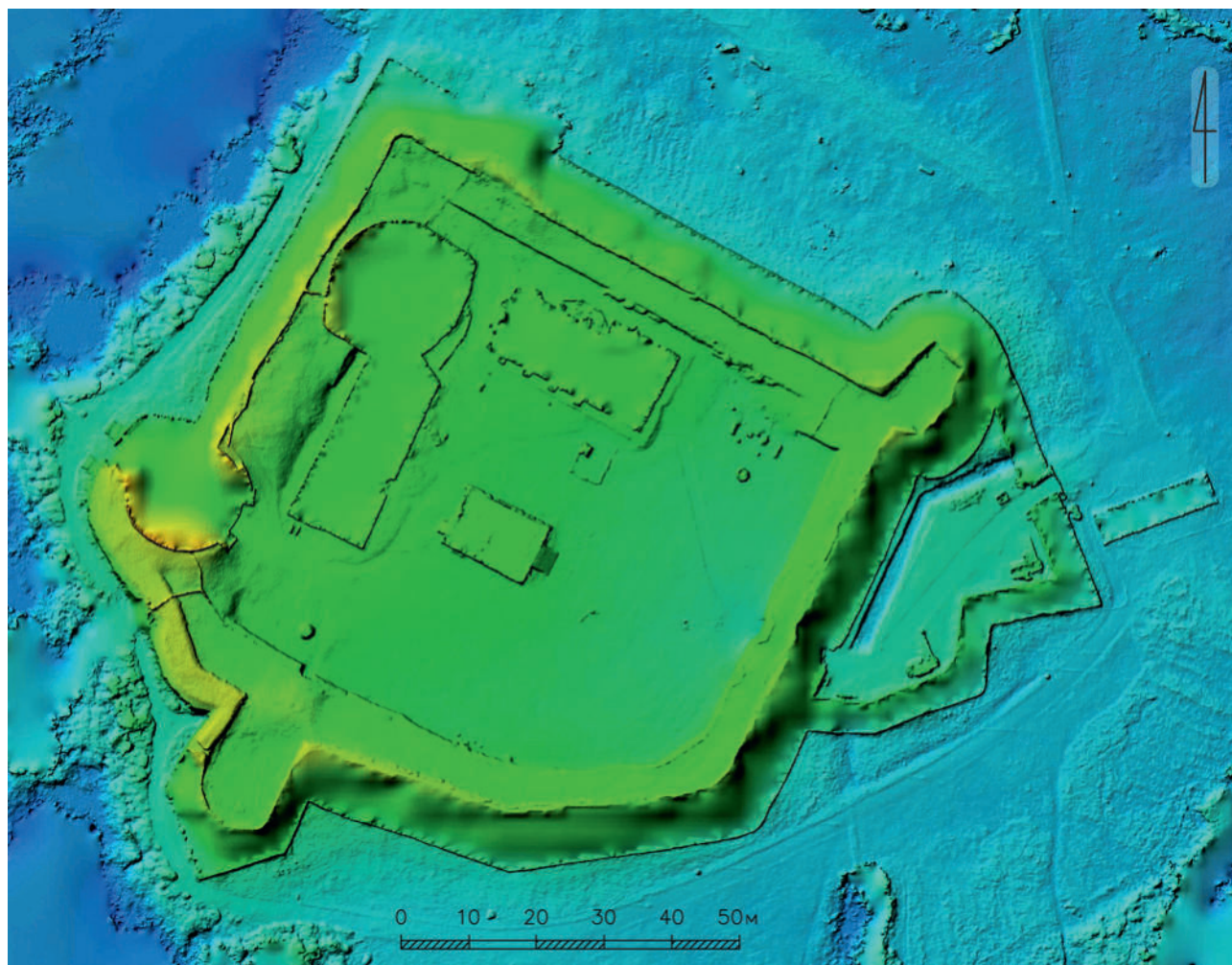

Рис. 2. Крепость Корела. Цифровая модель рельефа (Ст. А. Васильев)

Fig. 2. Fortress of Korela. Digital model of the relief (St. A. Vasilyev)

на территории крепостного двора и по два — на северной и западной куртинах.

Одним из важнейших событий в археологии Корелы стало обнаружение остатков основания подлинной упомянутой в летописи каменной башни, построенной при участии новгородского посадника Якова в 1364 г. (Кирпичников, 1978). Результаты раскопок башни и определение ее места в фортификационной системе крепости в полной мере представлены в публикациях автора раскопок (Кирпичников, 1978; 1984. С. 129–134).

Тогда же было положено начало исследованию культурного слоя средневековой Корелы, которое показало, что территория крепостного двора изначально была плотно застроена. В целом в разных сторонах детинца была выявлена сходная стратиграфическая картина: под слоями строительства бастионной крепости XVII в. располагались два горизонта деревянной застройки

XIV в. (Кирпичников, 1973а. Л. 22, 31; 1974а. С. 13; Кирпичников, Назаренко, 1977) (рис. 4; 5). А вот культурный слой московского времени, XV–XVI вв., по большей части был нарушен и перемещен при строительстве шведских куртин (Чернов, 1989а. Л. 3, слой II; Сакса, 2011. С. 151). После проведения раскопок А. Н. Кирпичников предложил концепцию развития Корелы (Кирпичников, 1979). Однако некоторые моменты интерпретации археологического материала, на наш взгляд, требуют повторного к ним обращения.

В раскопах 1 и 2, располагавшихся в южной части крепости (рис. 3), на глубине 0,5–0,7 м от дневной поверхности⁵ под слоем строительного

⁵ На полевых чертежах, а также в тексте отчетов нам не удалось найти информацию о едином высотном репере, используемом при раскопках крепости. На одном из чертежей точка отсчета высоты указана на углу

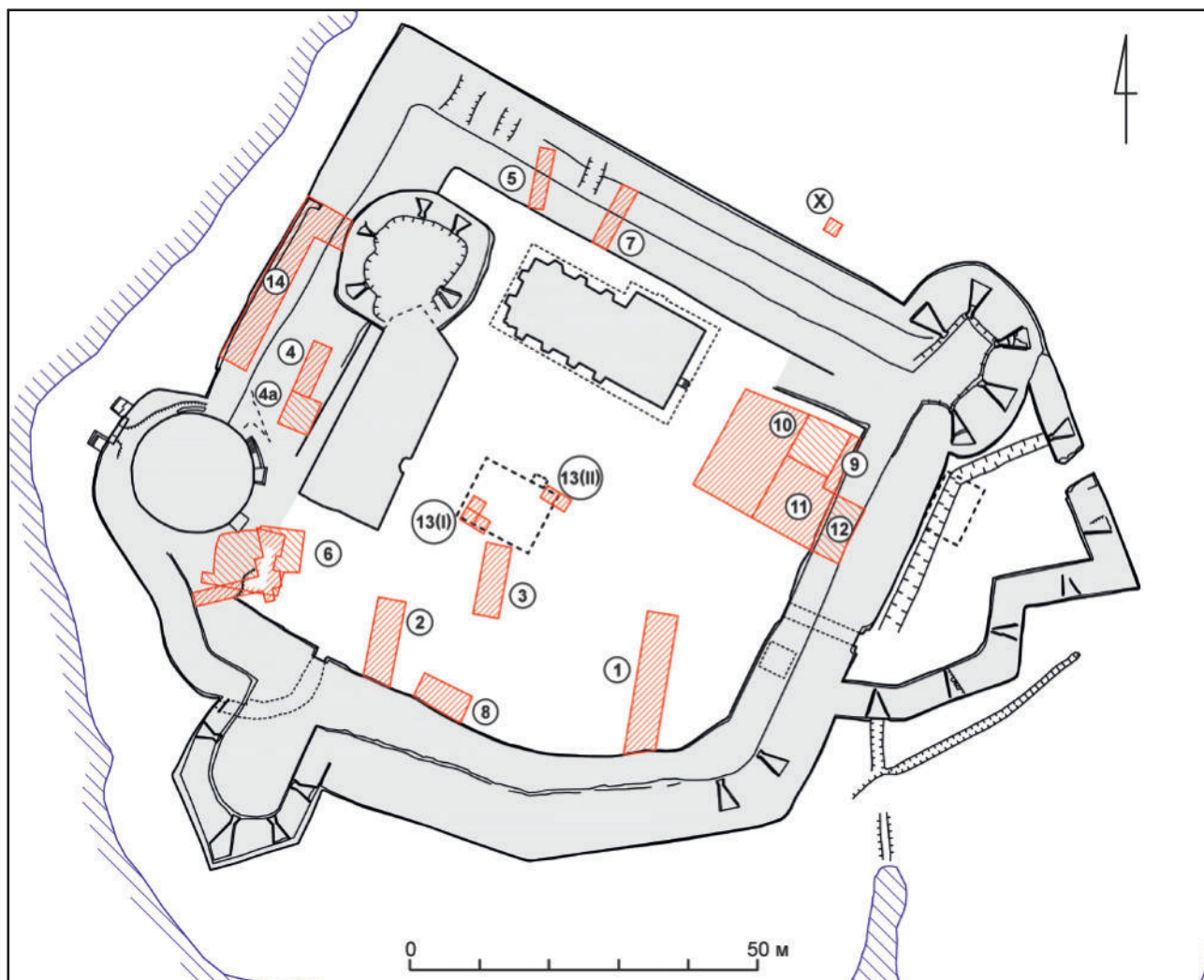

Рис. 3. Крепость Корела. Схема расположения археологических раскопов разных лет: 1–10 — 1970-х гг.; 11 — 1989–1990 гг.; 12 — 1992 г.; 13(I), 13(II) — 1993 г.; 14 — 1986 г.; X — шурф за северной стеной крепости. На основе плана схемы А. И. Саксы (Сакса, 2022. С. 222, рис. 2)

Fig. 3. Fortress of Korela. Scheme of the arrangement of archaeological excavations of different years: 1–10 — 1970s; 11 — 1989–1990; 12 — 1992; 13(I), 13(II) — 1993; 14 — 1986; X — exploratory trench beyond the northern wall of the fortress. After a schematic plan by A. I. Saksa (Сакса, 2022. С. 222, рис. 2)

мусора были выявлены *горизонт сгоревшей деревянной застройки* (курсив авторов статьи) и подстилающий слой «серой земли» (Кирпичников, 1972. Л. 3; 1973а. Л. 3). Ниже располагался еще один строительный горизонт с остатками срубов без следов пожара и развалами печей. В раскопе 1 удалось проследить взаимное расположение

шурфа. Возможно, за нулевой высотный уровень в каждом случае принимался один из углов. В дневнике исследований раскопа 9 1973 г. указано, что обмеры проводились от верха куртины. В настоящей статье все отметки глубины приводятся от уровня дневной поверхности каждого раскопа.

четырех построек нижнего горизонта, ряд которых вытянулся параллельно линии восточной куртины крепости (рис. 4, план). Длина венцов расчищенных срубов не превышала 3,5 м. Постройки располагались в слое черной земли «в близком соседстве с материком» (Кирпичников, 1973а. Л. 3) или «прямо на каменной основе острова» (Кирпичников, 1973б. С. 17).

А. Н. Кирпичников отмечает, что мощность культурного слоя увеличивалась по направлению от центра крепости к ее краям (от 1,0 до 1,3–2,3 м). Это сказалось и на характере остатков застройки. В центральной части крепостного двора следов деревянных конструкций не выявлено, а вблизи

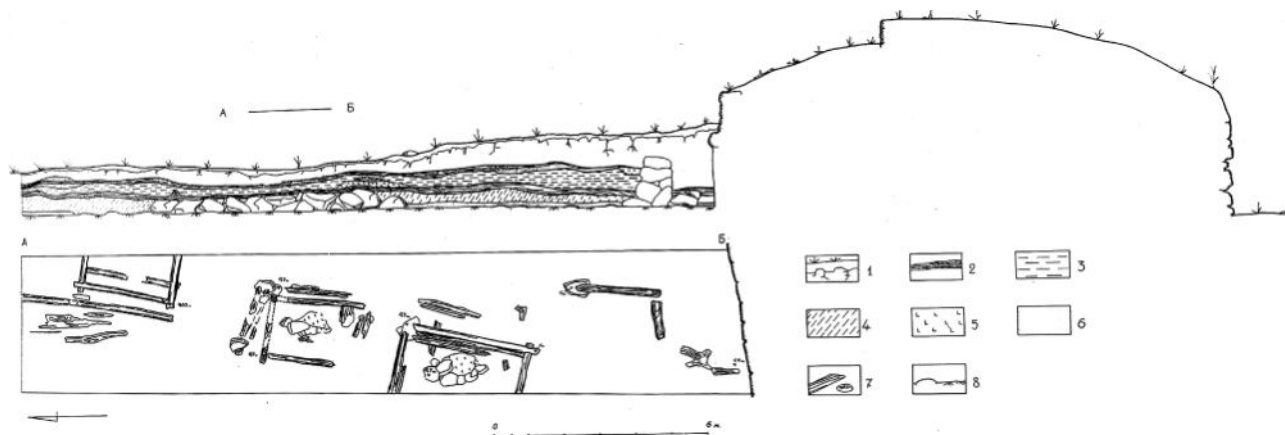
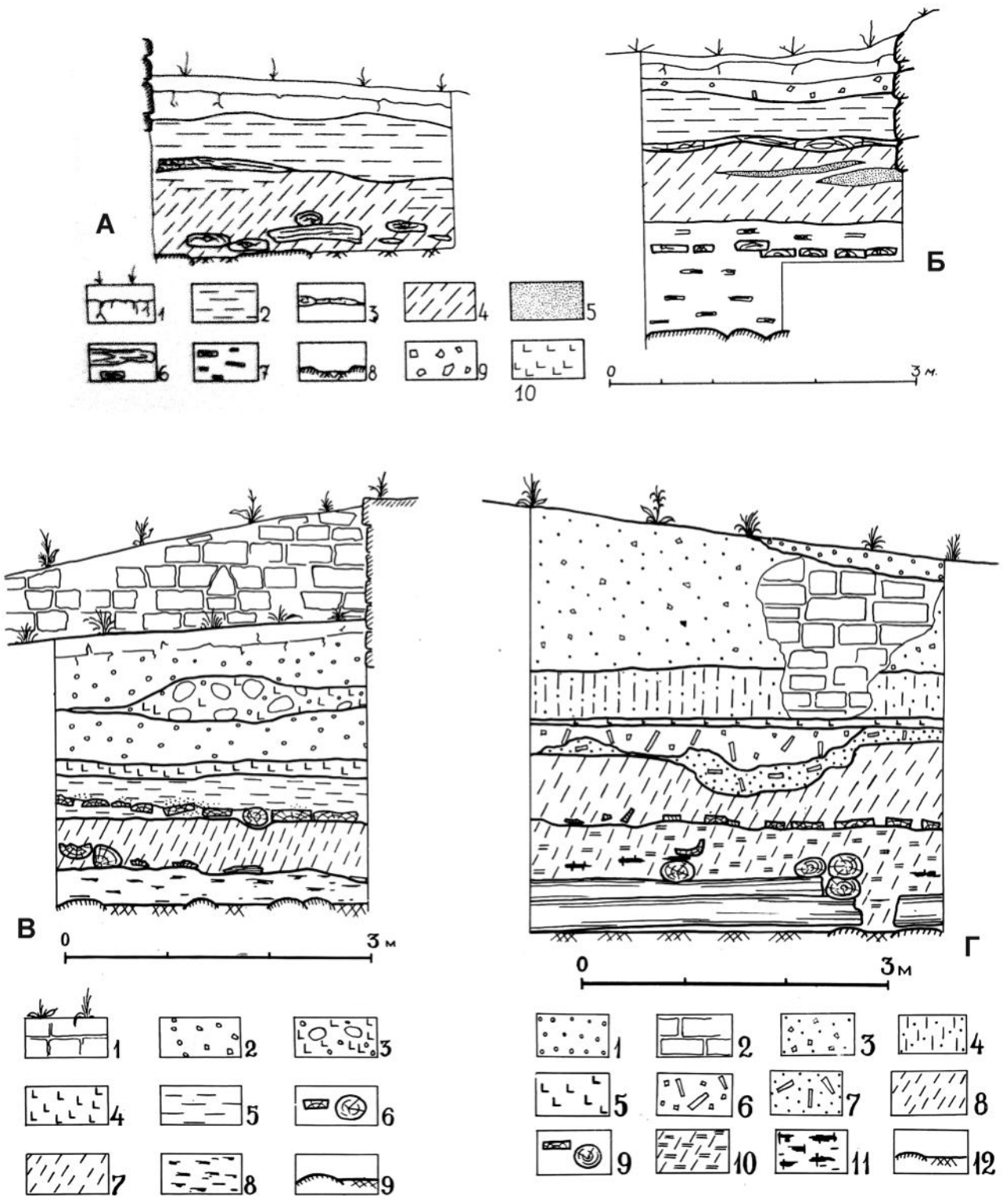

Рис. 4. Крепость Корела. Раскоп 1, 1972 г. План нижнего строительного горизонта (I) и разрез восточной стенки (II) (условные обозначения: 1 — дерн и верхний слой земли (XIX–XX вв.); 2 — гнилое и горелое дерево верхнего и нижнего строительных горизонтов; 3 — серая земля (XIV в., верхний строительный горизонт); 4 — черная земля (XIV в., нижний строительный горизонт); 5 — глина; 6 — песок; 7 — дерево (бревна венцов изб); 8 — материковая глина и камни) (Кирпичников, 1973а. Л. 22, рис. 3)

Fig. 4. Fortress of Korela. Excavation 1, 1972. Plan of the lower building horizon (I) and section of the eastern edge (II) (keys: 1 — turf and the upper layer of soil (19th–20th cen.); 2 — rotten and burnt wood of the upper and lower building horizons; 3 — grey soil (14th cen., upper building horizon); 4 — black soil (14th cen., lower building horizon); 5 — clay; 6 — sand; 7 — wood (logs of the rows of izba beams); 8 — virgin clay and stones) (Кирпичников, 1973а. Л. 22, рис. 3)

Рис. 5. Крепость Корела. Стратиграфические разрезы шурфов 1972–1973 гг.: А — разрез западной стенки раскопа 8; Б — разрез южной стенки раскопа 4 (условные обозначения для А и Б: 1 — дерн и верхний слой земли (XIX–XX вв.); 2 — серая земля (XIV в.); 3 — гнилое и горелое дерево; 4 — черная земля (XIV в.); 5 — песок; 6 — плахи и бревна (частью очень гнилые); 7 — щепы, навоз, земля (XIV в.); 8 — материк — глина и камни; 9 — щебень, битый кирпич; 10 — глина) (Кирпичников, 1973а. Л. 31, рис. 17); В — разрез северной стенки раскопа 9 (условные обозначения для В: 1 — дерн, обмуровка куртины; 2 — земля, кирпич; 3 — глина, булыга, кирпич; 4 — глина; 5 — серая земля (XIV в., верхний строительный горизонт); 6 — плахи и бревна (XIV в., верхний строительный горизонт); 7 — черная земля (XIV в., нижний строительный горизонт); 8 — щепы, навоз, черная земля; 9 — материк) (Кирпичников, 1974а. Рис. 10); Г — разрез западной стенки раскопа 4а (условные обозначения для Г: 1 — галька; 2 — кладка подпорной стенки куртины; 3 — земля, обломки кирпича, камень, куски раствора; 4 — серая земля, щебень, куски раствора; 5 — глина; 6 — земля, обломки кирпича, черепица; 7 — песок, кирпичи в обломках; 8 — черная земля с навозом (XIV в.), верхний строительный горизонт; 9 — плахи и бревна; 10 — черная земля со щепой (XIV в.); 11 — обугленное дерево (нижний строительный горизонт); 12 — песок и камень) (Кирпичников, 1974а. Рис. 8)

Fig. 5. Fortress of Korela. Stratigraphic sections of the trenches of 1972–1973: А — section of the western edge of Excavation 8; Б — section of the southern edge of Excavation 4 (keys to А and Б: 1 — turf and the upper earth layer (19th–20th cen.); 2 — grey earth (14th cen.); 3 — rotten and burnt wood; 4 — black earth (14th cen.); 5 — sand; 6 — wooden blocks and logs (in part extremely rotten); 7 — wood chips, dung and soil (14th cen.); 8 — virgin layer: clay and stones; 9 — broken stone, broken bricks; 10 — clay) (Кирпичников, 1973а. Л. 31, рис. 17); В — section of the northern edge of Excavation 9 (keys to В: 1 — turf, facing of the curtain; 2 — earth, bricks; 3 — clay, cobblestone, bricks; 4 — clay; 5 — grey soil (14th cen., upper building horizon); 6 — wooden blocks and logs (14th cen., upper building horizon); 7 — black earth (14th cen., lower building horizon); 8 — wooden chips, dung, black earth; 9 — virgin layer) (Кирпичников, 1974а. Рис. 10); Г — section of the western edge of Excavation 4а (keys to Г: 1 — pebble; 2 — masonry of the curtain supporting wall; 3 — earth, brick fragments, stone, lumps of mortar; 4 — grey earth, broken stone, lumps of mortar; 5 — clay; 6 — earth, brick fragments, tiles; 7 — sand, fragmentary bricks; 8 — black earth with dung (14th cen., upper building horizon); 9 — wooden blocks and logs; 10 — black soil with wooden chips (14th cen.); 11 — charred wood (lower building horizon); 12 — sand and stone) (Кирпичников, 1974а. Рис. 8)

крепостных стен (раскопы 4, 8, отчасти 2) дерево имело отличную сохранность (Кирпичников, 1973а. Л. 5).

В раскопе 2 на глубине 1,1–1,4 м, на уровне, «приблизительно соответствующем» нижнему горизонту застройки, выявленной в раскопе 1 (Кирпичников, 1973а. Л. 7), под тленом бревна, уходящего за границу раскопа под куртину, были расчищены остатки небольшого очага и выразительный комплекс вещей, характеризующих материальную культуру населения новгородской Корелы: овальная фибула «карельского типа», лампадка-кацея, обломки усатого перстня, фрагменты оплавленной бронзы (Кирпичников, 1979. С. 66, рис. 4). Из этого же слоя происходят обломки ложновитого перстня, равноплечая и подковообразная фибулы, бронзовая пронизка, пастовая бусина, костяные рукояти ножей и иглы, глиняные пряслица, точильный камень, поплавки из коры, обрывки кожи и фрагменты керамических сосудов (Кирпичников, 1973а. Л. 7–9).

В раскопе 8, располагавшемся вдоль линии современной куртины между раскопами 1 и 2 (рис. 3; 5, А), на глубине около 1,3 м были выявлены остатки срубных конструкций со стороной не менее 5 м. Они были интерпретированы как остатки городней — первоначальных оборонительных стен Корельского городка (Кирпичников, 1973а. Л. 5). В публикации 1984 г. о существовании круговых укреплений из городней А. Н. Кирпичников высказывается только предположительно, хотя и приводит план-реконструкцию их расположения (Кирпичников, 1984. С. 126, рис. 60, Л).

В нижней части раскопа 4, располагавшегося на западной куртине (рис. 3), также были выявлены два уровня застройки. Суммарно за два года исследований (1972 и 1973 гг., раскопы 4 и 4а) стратиграфию напластований в западной стороне детинца можно представить следующим образом (рис. 5, Б, Г):

— каменная подпорная стенка крепостной куртины, которая продолжается на глубину 1,5 м от дневной поверхности;

— слой подстилающего подпорную стенку серого гумуса с вкраплениями щебня и раствора, уходящий на глубину до 2 м от дневной поверхности;

— тонкая прослойка желтоватой глины толщиной около 5 см;

— прослойка черного гумуса с кирпичным боем и обломками черепицы;

— слой гумуса с навозом, в толще которого был расчищен деревянный настил верхнего

горизонта застройки (с настилом был связан целый комплекс находок, среди которых анонимная свинцовая печать с изображением Богоматери Знамение (1360–1420-е гг.), железная шпора, кожаные кошельки с несколькими отделениями и поршень);

— слой черного гумуса со щепой, в нижней части которого на материке (на глубине 3,25–3,90 м) фрагментарно открыты элементы первоначальных укреплений, состоящих из уложенных в два ряда «в виде поленицы» продольных и поперечных плах (без врубок), со следами огня на поверхности бревен (Кирпичников, 1974а. Л. 3; 1974б. С. 13).

В 1973 г. в восточном углу крепости был заложен раскоп 9⁶ площадью 3 × 8 м (рис. 3). Здесь, ниже слоя строительства шведского времени, также обнаружили два уровня застройки (рис. 5, В). На глубине 1,2–1,6 м ниже дневной поверхности в слое серого гумуса была открыта часть сруба со стороной 5,5 м (постройка уходила в восточную стенку раскопа). В северо-западном углу сооружения расчищено пятно глины, возможно, остатки печи, на основе чего сделан вывод, что постройка могла быть жилой. Ниже постройки была зафиксирована часть конструкции из мощных бревен, которая была уже в ходе раскопок интерпретирована как часть крупного фортификационного сооружения (Назаренко, 1976. С. 31).

Археологические изыскания на территории Корелы в 1975–1976 гг. были продолжены Приозерским отрядом Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. В 1975 г. с целью доследовать открытые в раскопе 9 сооружения к западу от него был заложен раскоп 10 площадью 36 кв. м (Там же. С. 30, 31). В 1976 г. к нему был прирезан участок площадью 10 × 15 м (Кирпичников, Назаренко, 1977).

По итогам трех лет исследований стратиграфию в этой части крепости можно представить следующим образом:

— вдоль северной границы исследованной площади раскрыт наклонный край нижней части аппарели Басту-бастиона;

— под дерном выявлены фундаменты построек, сложенные из валунов, не скрепленных между собой строительным раствором, вероятно, остатки фундаментов шведских казарм;

— ниже залегал слой строительного мусора, отложившийся в период сооружения ныне существующих куртин и бастионов;

⁶ В публикации 1984 г. раскопы 9 и 4а, исследованные в 1973 г., обозначены как работы 1972 г.

— на глубине 1,15–1,80 м от дневной поверхности вскрыты остатки *сгоревшей застройки* второй половины XIV в. Были расчищены остатки сруба хозяйственной постройки со стороны 3,5 м. Место расположения других построек угадывалось по углистым пятнам и скоплениям находок. Из этого горизонта происходит находка еще одной печати с изображением Богородицы Знамение со сложным восьмиконечным крестом на оборотной стороне, датированная по новгородским аналогиям 1360–1390 гг. Помимо печати в этом горизонте были найдены костяные гребни, пряслица, янтарный крестик, фрагменты украшений из медного сплава, костяные томары — наколенники охотничьих стрел и др.;

— на глубине 1,35–2,00 м располагался второй горизонт деревянных конструкций, *также со следами пожара*. Всего были расчищены остатки четырех построек, одна из которых сохранилась на высоту двух венцов. Срубы имели размеры около 5 × 5 м и черный пол из жердей. Постройки находятся на расстоянии около 1,0–2,5 м друг от друга (Кирпичников, 1979. С. 61, рис. 2);

— нижний горизонт сгоревшей застройки располагался на поверхности конструкции из крупных бревен, уложенных перпендикулярно друг другу в два яруса. Это сооружение было интерпретировано авторами работ в качестве специальной платформы, построенной вдоль края острова на первоначальном этапе его заселения для предотвращения подтопления жилых построек. Часть крупных бревен платформы имела на торцах выпиленные прямоугольные пазы-петли, предназначение которых остается не до конца ясным. Их могли использовать в процессе транспортировки либо для связывания бревен в единую конструкцию;

— слой каменистого песка, интерпретированного как материк.

Изначально А. Н. Кирпичников предполагал, что выявленные горизонты застройки, верхний из которых сгорел, существовали в течение небольшого промежутка времени: от первого летописного упоминания о строительстве крепости в 1310 г. до пожара, произошедшего в Кореле по данным письменных источников в 1360 г. (Кирпичников, 1973а; 1973б). Однако в ходе дендрохронологического анализа спилов построек верхнего и нижнего горизонтов было определено, что они четко делятся на две разновременные группы, из которых только нижний горизонт датируется первой половиной XIV в., тогда как спилы с бревен построек верхнего горизонта относятся

ко времени после 1360-х гг. (Колчин, Черных, 1977. С. 30, 31)⁷.

В ходе раскопок 1975–1976 гг. для дендрохронологического определения были отобраны еще 30 спилов с *нижнего сгоревшего* горизонта построек и непотопляемой платформы. Как пишет Н. Б. Черных, для датирования этой серии образцов понадобилось несколько лет и пополнение эталонной коллекции спилов. В итоге последовательность годичных колец была установлена для 13 спилов, порубочные даты дерева которых были отнесены к временному интервалу 1314–1347 гг. (Черных, 1996. С. 107).

В публикации А. Н. Кирпичникова 1979 г. появляются данные, что между выявленными горизонтами застройки был прослежен углистый слой, связанный с летописным пожаром 1360 г., на поверхности которого был сооружен верхний горизонт застройки, в свою очередь погибший в пожаре конца XIV в. (Кирпичников, 1979. С. 59; 1984. С. 126, примеч. 38). Суммировав все свидетельства натуральных археологических исследований, можно полагать, что данное замечание относится к тем участкам исследований, на площади которых нижний горизонт застройки не имеет следов пожара. Исходя из этого получается, что в Кореле, по крайней мере на некоторых частях освоенной территории крепости, должно было существовать три последовательных сгоревших горизонта застройки, средний из которых был полностью сnivelирован пожаром 1360 г. и последующим благоустройством территории.

Раскопки на территории Корелы под руководством А. И. Саксы

В 1989 г. по инициативе А. Н. Кирпичникова к работам в Корельской крепости приступила экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством А. И. Саксы. Целью нового этапа исследований являлось получение данных о культурном слое крепости, прежде всего о наиболее древних

⁷ В публикации 1977 г. Н. Б. Колчина и Н. Б. Черных приводится информация о работе над 14 спилами из раскопок в Кореле 1972–1973 гг., из которых 12 отнесены к первой половине XIV в., а еще два — ко второй половине XIV в. (Колчин, Черных, 1977. С. 64, табл.). А. Н. Кирпичников в публикации 1979 г. пишет, что из верхнего слоя было датировано три образца (1360, 1367, 1389 гг.), при этом два первых спила не имели внешних колец, а из нижнего — девять, датированных 1303–1313 гг., также были без внешних колец (Кирпичников, 1979. С. 59, сноски 44, 46).

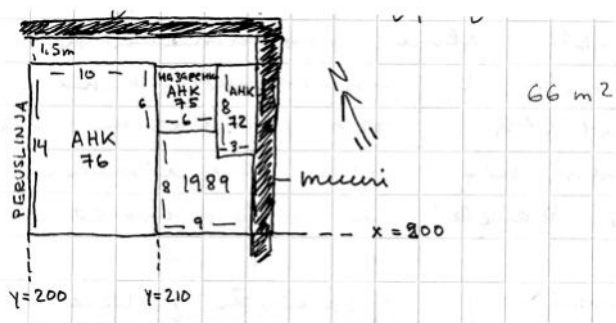

Рис. 6. Крепость Корела. Схема совмещения раскопов в северо-восточном углу крепостного двора. Страница из личного полевого дневника П. Уйно. 1989 г.

Fig. 6. Fortress of Korela. Scheme of the superposition of plans of excavations in the north-eastern corner of the fortress courtyard. Page from P. Uino's private diary, 1989

напластованиях, с учетом опыта раскопок предыдущих лет. Также важной задачей представлялось уточнить сведения о характере первоначального заселения острова. Перед началом работ для территории крепостного двора была разработана единая разметочная сетка (Сакса, 1989а. Л. 2, 3). За репер (условный нулевой уровень) для измерения высот была принята поверхность металлического штыря, закрепленного в бетоне порога краеведческого музея, занимающего здание Нового арсенала. К сожалению, по сообщению сотрудников музея, штырь был утрачен при перестройке крыльца в 2003 г. Раскоп 11 площадью 66 кв. м был заложен на участке между раскопом 10 и восточной каменной облицовкой куртины⁸ (Там же. Л. 2) (рис. 6)⁹. В 1992 г. к востоку от раскопа 11 на куртине за каменной кладкой был заложен раскоп 12 площадью 30 кв. м.

Предполагалось новыми раскопами продолжить дальнейшее изучение уже ранее вскрытой площади, но, как показали работы, вследствие ошибки в расчетах в стенках раскопа 11 фиксировалась ненарушенная стратиграфия культурных напластований (Сакса, 1989а. Л. 2; 2010. С. 224,

⁸ В публикации А. И. Саксы 2022 г. ошибочно указано, что раскопы 11 и 12 располагались к западу от раскопов А. Н. Кирпичникова (Сакса, 2022. С. 223).

⁹ Схема месторасположения раскопа 11 1989 г. относительно раскопов прошлых лет с указанием их размеров зафиксирована в личном полевым дневнике археолога из Финляндии Пирье Уйно, принимавшей участие в раскопках. Авторы выражают сердечную признательность и благодарность г-же П. Уйно за предоставление материалов личного архива и возможность их публикации.

рис. 66). Если реконструировать исследованную площадь, сохраняя указанные пропорции раскопанных участков, остается совсем неясно, как они могли не перекрыть площадь друг друга. Другими словами, при всей определенности взаимного расположения раскопов их границы нуждаются в дополнительном уточнении (рис. 7).

В результате раскопок А. И. Саксы было сделано важное открытие слоев и остатков деревянных конструкций предшествующего строительству Корельского городка 1310 г. периода (рис. 8, 3, 4). Но прежде чем перейти к стратиграфии раскопа, следует описать центральное сооружение — постройку шведской крепости, условно разделившую раскоп 11 на две части.

Остатки стен здания, сохранившихся на высоте 2 м, были выявлены в слое ниже уровня развала крупных валунов. Валунами же было заполнено и внутреннее пространство сооружения. Восточной стеной постройки являлась зафиксированная под насыпью куртины в площади раскопа 12 стена крепости¹⁰ (Сакса, 2010. С. 225; 2022. С. 224) (рис. 7, 6; 8, 1, 2). Вход в здание располагался с запада, где на глубине около 1 м от дневной поверхности находилась большая ровная каменная плита, с этого же уровня был вырыт и подпольный котлован. Автор работ оговаривает, что основание здания и открытая под насыпью куртины каменная стена крепости XVII в. были поставлены непосредственно на деревянную первоначальную платформу новгородского периода (Сакса, 2022. С. 224) (рис. 8, 1, 2).

После разрушения постройки почти сразу ее восточная половина была перекрыта насыпью земляной куртины, в которой сформировались прослойки и линзы глины толщиной 20–30 см, обозначившие уровень дневной поверхности периода перестройки фортификаций. По мнению А. И. Саксы, постройка существовала между 1651 и 1680 гг., а перестройка крепости, в ходе которой она была разрушена, произошла в конце XVII в.

¹⁰ Подробных описаний кладки стен постройки и обнаруженной под куртиной каменной стены крепости в архиве обнаружить не удалось. Также остался неясен и характер примыкания стен здания к каменной стене. Судя по архивным чертежам внешние углы здания в площадь раскопок не попали (Сакса, 1992). Упоминается, что продолжение каменной крепостной стены внутри куртины было выявлено также при шурфовке северо-восточного бастиона, однако точное месторасположение шурфа неизвестно (Сакса, 1992. Л. 2, шурф 2; 2022. С. 224).

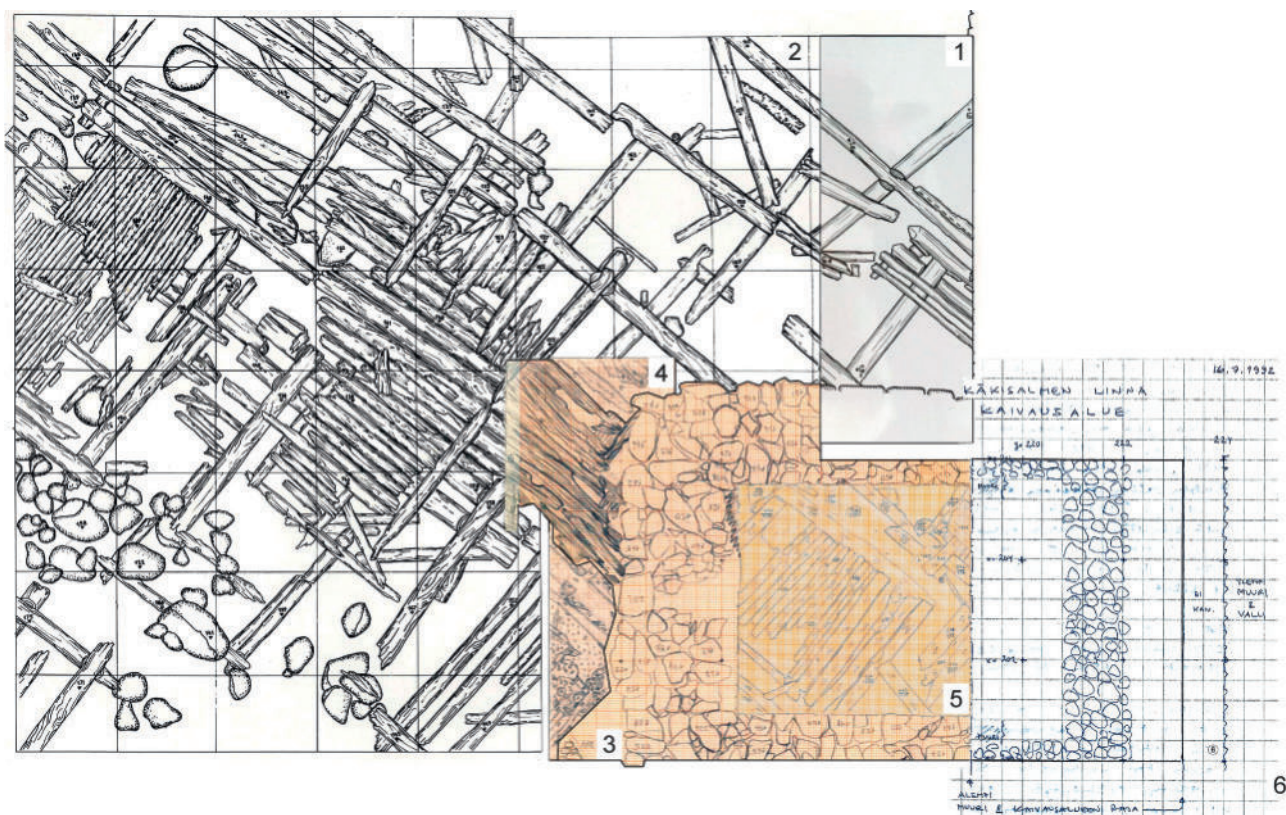

Рис. 7. Крепость Корела. Совмещение фиксационных чертежей конструкций уровня XIII в. из раскопок разных лет: 1 — нижний горизонт деревянных конструкций из раскопок А. Н. Кирпичникова 1973 г. (Кирпичников, 1974а); 2 — постройки строительного горизонта 1310–1360 гг. в раскопе 9–10 (Кирпичников, 1979. Рис. 2, А); 3 — план на уровне 3 (новгородский слой) (Сакса, 1989б. Л. 5); 4 — уровень слоя 3 в западной части раскопа (за пределами стены постройки XVII в.) (Сакса, 1990б. Л. 3); 5 — план на уровне 3: слой 2, уровень 3 (постройка новгородского времени внутри стен каменной постройки XVII в.) (Сакса, 1989б. Л. 7); 6 — восточная часть каменной постройки шведского времени, раскоп 12, 1992 г. (страница личного полевого дневника П. Уйно, 1992 г.)

Fig. 7. Fortress of Korela. Superposition of recording drawings and structures at the level of the 13th century from excavations of different years: 1 — lowermost horizon of wooden structures from excavations by A. N. Kirpichnikov in 1973 (Кирпичников, 1974а); 2 — structures from building horizons of 1310–1360 at Excavations 9–10 (Кирпичников, 1979. Рис. 2, А); 3 — plan at level of Layer 3 (Novgorod Layer) (Сакса, 1989б. Л. 5); 4 — level of Layer 3 in the western section of the excavation (outside the limits of the wall of a building of the 17th century) (Сакса, 1990б. Л. 3); 5 — plan at level 3: Layer 2, Level 3 (building of the Novgorod period inside the walls of the stone house of the 17th century) (Сакса, 1989б. Л. 7); 6 — eastern section of a stone building of the Swedish period, Excavation 12, 1992 (page from P. Uino's private diary, 1992)

Стратиграфический разрез раскопа 11 в соответствии с последовательностью слоев сверху вниз можно описать следующим образом (в восточной половине исследуемой площади внутренняя часть каменных стен шведской постройки являлась одновременно и бортами раскопа, по этой причине фиксация стратиграфии была возможна только с внешней от нее (западной) стороны, а также ниже основания стен здания).

1. Дерн.

2. Под дерном залегал слой смеси земли и строительного мусора мощностью до 50 см, прослойка битого кирпича и извести. Этот верхний слой содержал обломки кирпичей, куски строительного раствора и известняковой плиты, стекла, костей животных, гвоздей и фрагменты керамических сосудов XVIII–XIX вв. (Сакса, 1989а. Л. 3).

3. Уровень развала крупных валунов (уровень 1 по номенклатуре автора работ), размером до 0,5 м и более, находился на глубине

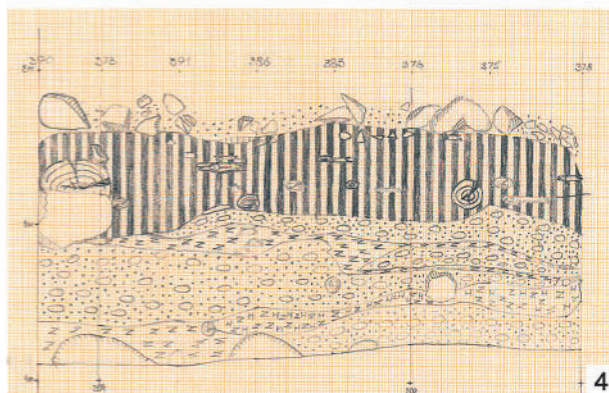
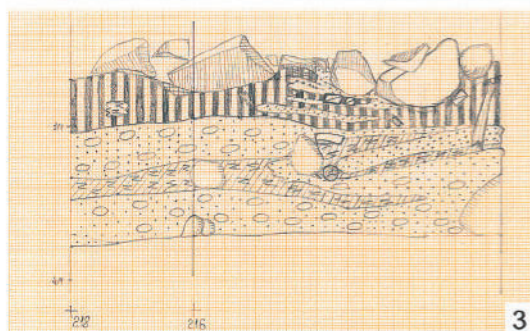
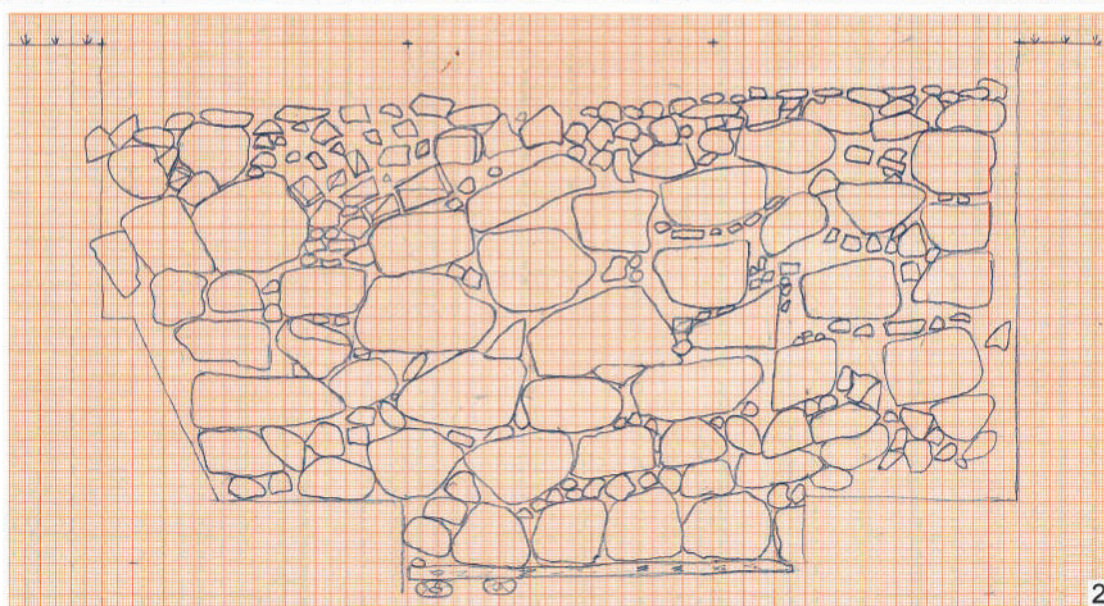
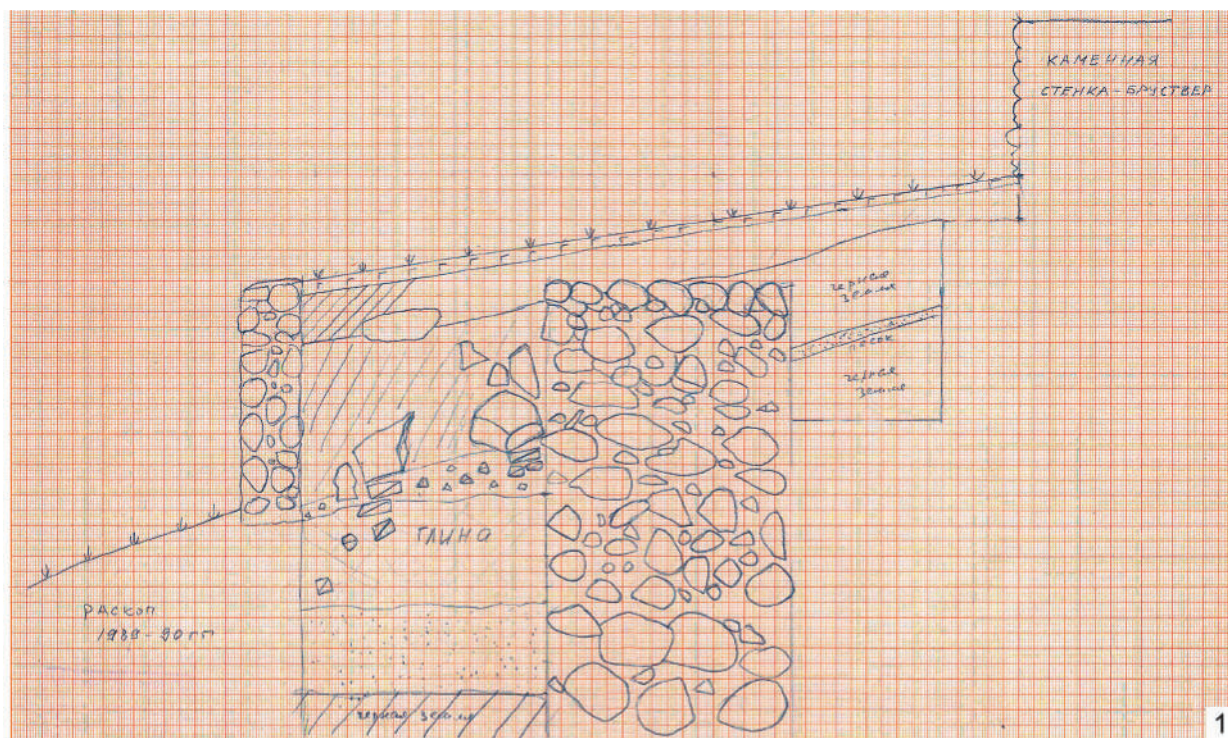

Рис. 8. Крепость Корела: 1 — раскоп 12, 1992 г., стратиграфический разрез северной стенки; 2 — раскоп 12, 1992 г., кладка стены, обнаруженной внутри куртины (вид с запада); 3 — раскоп 11, 1990 г., стратиграфия южной стенки ниже основания постройки шведского времени; 4 — раскоп 11, 1990 г., стратиграфия восточной стенки ниже основания постройки шведского времени

Fig. 8. Fortress of Korela: 1 — Excavation 12, 1992, stratigraphic section of the northern edge; 2 — Excavation 12, 1992, masonry of a wall found inside the curtain (view from west); 3 — Excavation 11, 1990, stratigraphic scheme of the southern edge below the foundation of the building of the Swedish period; 4 — Excavation 11, 1990, stratigraphic scheme of the eastern edge below the foundation of the building of the Swedish period

до 0,15–0,30 м от дневной поверхности (Там же. Л. 3).

4. Под валунами начинался слой темного гумуса (слой 2), включающий битый известняк и обломки кирпичей. Слой оказался перемешан в результате строительной деятельности XVII–XIX вв. Здесь были найдены два пушечных ядра, шведская монета XVII в. и русская монета XIX в., два ножа, куски кремня, гвозди железные, обломки курительных трубок, куски металла, кости животных и многочисленные фрагменты поливной глиняной посуды (Сакса, 1989а. Л. 4). В верхней части этого слоя были оконтурены границы стен вышеописанной каменной постройки.

5. На глубине от 1,0 до 1,5 м грунт приобрел все более темный цвет, строительный мусор пропадает. Эти изменения обозначили переход к нижележащему горизонту — черной влажной «жирной» земле (слой 3) (Там же. Л. 5). Этот слой А. И. Сакса соотносит с древнерусским слоем, исследованным А. Н. Кирпичниковым в 1976 г., сформировавшимся на поверхности настила непотопляемой деревянной платформы (Сакса, 1989б. Л. 5). В нем содержалось большое количество древесной щепы, кости животных, фрагменты керамических гончарных сосудов и предметы материальной культуры поселенческого характера, включая восемь вислых свинцовых печатей новгородских наместников, датированных серединой — третьей четвертью XV в., которые могли являться частью небольшого «семейного» архива жителей Корелы (Сакса, Янин, 1996; Сакса, 2010. С. 226, рис. 67).

6. В основании слоя «черной земли»¹¹ в западной части раскопа на глубине 230–250 см от дневной поверхности находился настил из толстых бревен (до 40 см в диаметре), лежащих в направлении север–северо-запад—юго-юго-восток (Сакса, 2010. С. 228, рис. 70). Часть бревен имела

полую (выдолбленную) сердцевину, также попадались бревна с вытесанными пазами. Под верхними бревнами настила перпендикулярно им лежали как минимум два таких же крупных бревна (Сакса, 1989б. Л. 9; 1990а. Л. 3; 2010. С. 226, 227). Этот настил являлся продолжением непотопляемой платформы, западнее открытой раскопками А. Н. Кирпичникова (Сакса, 1989б. Л. 9). На основе дендрохронологического анализа семи спилов с настила была установлена дата его сооружения в рамках 1330–1370-х гг. (Zetterberg ja muut, 1995). Под бревнами платформы располагался такой же, как и над ним, слой черной земли, богатый органикой — щепой и обрубками дерева (Сакса, 1990а. Л. 4, 8).

В восточной части раскопа, на этом же уровне (ниже основания стен каменной шведской постройки), были расчищены остатки двух срубных построек (Сакса, 1989а. Л. 5, 7) (рис. 7, 5). Методом радиоуглеродного анализа по образцу из досок настила пола центральный сруб (размером 4 × 4 м) датирован концом XIII в. (Kankainen ja muut, 1995; Сакса, 2014. С. 123, 124). Под полом сруба в слое крупнозернистого песка было выявлено массивное бревно, предположительно единственное, сохранившееся от настила окружавшей остров платформы (рис. 7, 5).

7. Ниже находился слой крупнозернистого песка мощностью 30–60 см, «ранее принимаемого за материк» (Сакса, 1990а. Л. 4; 2010. С. 227). В верхней части слоя песка и на его поверхности располагались остатки платформы и основания построек. В толще слоя фиксируется несколько обособленных прослоек щепы — отходов строительной деятельности, каждая из которых, по предположению А. И. Саксы, маркирует отдельные периоды строительства на территории острова, предшествующего сооружению платформы (Сакса, 1990а. Л. 4) (рис. 8, 3, 4). В песке встречены находки эпохи меровингов, викингов и крестовых походов (1050–1300 гг.), среди которых было большое количество фрагментов гончарной керамики, бусы, обломки бронзовых украшений (цепедержатели, подковообразные и овально-выпуклые фибулы,

¹¹ В публикации 2010 г. горизонт застройки был выделен в отдельную стратиграфическую единицу, расположенную «ниже слоя черной земли» (Сакса, 2010. С. 226; ср.: Сакса, 1989б. Л. 6).

рукояти ножей), приспособления для рыбалки и хозяйственно-бытовой инвентарь. Среди находок представлены вещи последней четверти I тыс. — начала II тыс. н. э., но полностью отсутствует лепная керамика, которая в значительном количестве всегда встречается в слоях поселений. Это позволило автору раскопок предположить, что до строительства поселения в песке мог существовать могильник (Сакса, 2010. С. 229).

Основываясь на равномерной перемешанности слоя песка, А. И. Сакса делает вывод, что он мог быть одномоментно перенесен на этот участок, вероятно, в ходе нивелировочно-строительных работ. Такой песок залегает *in situ* в центре Замкового острова (Там же. С. 222, рис. 65), предположительно, эта песчаная дюна могла быть самой высокой точкой окружающей территории. Когда же этот островок был выбран для поселения и строительства крепости, вершину дюны сnivelировали, разрушив могильник предшествующего времени (Сакса, 2010. С. 227; 2011. С. 152). В северо-западной части раскопа слой крупнозернистого песка достигает мощности в 40 см и перекрывает материк — голубую глину, на которой лежат крупные и средние по размерам валуны (Сакса, 1990а. Л. 4).

8. В юго-западном углу раскопа 11 в 1990 г. на глубине 2,60 м от дневной поверхности под вышеописанным слоем песка был выявлен еще один бревенчатый настил, ориентированный по линии запад-восток—северо-запад—юго-восток (Сакса, 2022. С. 227, рис. 5, 2). Толщина бревен этого нижнего настила составляла 10–20 см. Между настилом и материком находилась подсыпка из слоя серого песка мощностью до 20 см. Серия радиоуглеродных дат относит время существования этого настила к XIII в. (AD 1225±12) (Kankainen ja tiit, 1995; Сакса, 2010. С. 229; 2011. С. 153). Исходя из стратиграфических наблюдений и полученных дат, А. И. Сакса высказал предположение, что этот нижний горизонт дерева относился к первоначальному острожку Кякисалми (Сакса, 1990а. Л. 8), который, по летописному сообщению, был полностью «разметен» перед строительством новой древнерусской крепости 1310 г. (Кирпичников, 1984. С. 124, 125; Сакса, 2010. С. 220, 221). Этот вывод находится в противоречии с гипотезой А. Н. Кирпичникова о том, что Кякисалми находился на острове при впадении р. Вуоксы в Вуоксинскую губу (Кирпичников, 1984. С. 124).

9. Материк представлял собой глину голубого цвета, залегающую на глубине около 3 м от дневной поверхности (Сакса, 1990а. Л. 7).

Древнерусский слой продолжался за границы исследованной раскопками площади. И если в западном и южном направлениях это не вызывало вопросов, то в восточном требовало дополнительных объяснений, так как представлялось, что граница островной территории крепости должна совпадать с линией насыпных стен. Поскольку культурный слой был зафиксирован и в раскопах 9 и 10, разведочный шурф площадью 2 × 2 м был заложен за пределами крепости, поблизости основания ее северной стены (рис. 3). В шурфе также был выявлен выразительный культурный слой: темная земля, дерево, камни и фрагменты керамической посуды (Сакса, 2011. С. 151, 152)¹². В ходе работ были проведены замеры уровня воды относительно обнаруженных строительных горизонтов. По расчетам А. И. Саксы, нижний горизонт деревянных конструкций Корелы располагался на 0,34 м выше современного уровня воды р. Вуоксы¹³, который до изменения гидрологической ситуации в середине XIX в., как известно, был другим. На всех картах и планах до середины XIX в. крепость окружена водой, то есть на момент строительства первоначальной крепости уровень воды в реке должен был быть ниже, чем в новое время, и близок современному (Сакса, 1990а. Л. 5; 2010. С. 230; 2022. С. 229).

Заключение

В итоге археологических раскопок Корелы были сделаны чрезвычайно важные открытия, позволившие во многом дополнить представления об истории города, полученные из письменных источников. Однако в ходе анализа результатов работ был выявлен круг вопросов и противоречий в интерпретации археологического материала.

Осталась неясной граница распространения культурного слоя древнерусского времени, напрямую связанная с особенностями первоначального рельефа местности. От этого зависит понимание планиграфии первоначальной застройки и

¹² В публикации 2011 г. указано, что шурф был заложен в ходе раскопок 1990 г., однако нами был обнаружен лишь один чертеж шурфа, расположенного «за пределами (снаружи) северной стены крепости», в составе архивных чертежей работы экспедиции за 1992 г. (Сакса, 1992. Л. 2). На чертеже представлен только план, отсутствуют стратиграфия, привязка и нивелировочные отметки.

¹³ Замеры 1992 г., судя по всему, производились от единого репера раскопа.

ее соотношения с выявленной деревянной платформой, особенности конструкции и предназначение которой также требует дополнительного анализа. Необходимо на современном уровне оценить, насколько актуальна предложенная А. Н. Кирпичниковым реконструкция круговых укреплений из городней и каким образом эти укрепления могли соотноситься с подкладочной платформой.

Необходимо сведение планов остатков всех раскрытых сооружений и повторный комплексный анализ имеющихся в нашем распоряжении результатов их датирования. Решение этой задачи затрудняет отсутствие единого высотного репера. Отдельной интереснейшей темой является реконструкция истории изменений фортификации

крепости и сопоставление данных исследованных насыпей куртин из раскопок А. Н. Кирпичникова, С. М. Чернова и А. И. Саксы. Здесь же окажется затронутой проблема подтверждения предложенной А. И. Саксой датировки каменной постройки. На доступных нам разновременных планах шведской крепости на данном участке фиксируется несколько разных сооружений. При этом необходимо учитывать, что первый этап шведского строительства приходится на конец XVI в.

Уточнения требует большое количество мелких деталей, без которых общая картина истории крепости остается неполной. Кажущиеся очевидными для своего времени представления оказываются недостаточными для реконструкции истории памятника на современном уровне.

- Кирпичников, 1972* — Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках в г. Приозерске Ленинградской области в 1972 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1972. Д. 183.
- Кирпичников, 1973а* — Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках в г. Приозерске Ленинградской области в 1972 г. Ленинград. 1973 // Архив комитета по культуре Ленинградской области. Оп. 10015. № хр. 79-368.
- Кирпичников, 1973б* — Кирпичников А. Н. Исследования древней Корелы и Ладужской крепости // АО 1972 г. М.: Наука, 1973. С. 17–18.
- Кирпичников, 1974а* — Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках в городе Приозерске Ленинградской области в 1973 г. // Личный архив А. Н. Кирпичникова, хранящийся в отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН.
- Кирпичников, 1974б* — Кирпичников А. Н. Раскопки в Ладужской крепости в г. Приозерске // АО 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 12–14.
- Кирпичников, 1978* — Кирпичников А. Н. Башня посадника Якова в средневековой Кореле // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 352–358.
- Кирпичников, 1979* — Кирпичников А. Н. Историко-археологические исследования древней Корелы («Корельский город» XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979. С. 52–73.
- Кирпичников, 1984* — Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука, 1984. 276 с.
- Кирпичников, Назаренко, 1977* — Кирпичников А. Н., Назаренко В. А. Раскопки древней Корелы // АО 1976 г. М., 1977. С. 16–17.
- Колчин, Черных, 1977* — Колчин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронология Восточной Европы. М.: Наука, 1977. 127 с.
- Краснолуцкий, 2017* — Краснолуцкий А. Ю. Приозерск. СПб.: Крига, 2017. 768 с.
- Кузьмин и др., 1988* — Кузьмин С. Л., Лапшин В. А., Сакса А. И., Чернов С. М. Исследования Ленинградской областной экспедиции // АО 1986. М.: Наука, 1988. С. 24–26.
- Назаренко, 1976* — Назаренко В. А. Раскопки в Приозерске // АО 1975. М.: Наука, 1976. С. 30–31.
- Решение...*, 1978 — Решение Исполнительного комитета Ленинградского областного совета народных депутатов «Об утверждении списка памятников археологии Ленинградской области» № 271 от 10.07.1978 г. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Сакса, 1989а* — Сакса А. И. Отчет о полевых работах Приозерского археологического отряда ЛОИА АН СССР в сезон 1989 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. 1989. Д. 140.
- Сакса, 1989б* — Сакса А. И. Приозерский археологический отряд ЛОИА. Полевой дневник. 1989 г. 1990 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1989. Д. 142.
- Сакса, 1990а* — Сакса А. И. Отчет о полевых работах Приозерского археологического отряда ЛОИА АН СССР в сезон 1990 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1990. Д. 68.
- Сакса, 1990б* — Сакса А. И. Полевые материалы Приозерского археологического отряда. Чертежи. 1990 // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1990. Д. 69.
- Сакса, 1992* — Сакса А. И. Полевые материалы Приозерского археологического отряда. Чертежи. 1992 // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1992. Д. 44.
- Сакса, 2010* — Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение,

- история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 398 с.
- Сакса, 2011 — Сакса А. И. Кякисалми-Корела-Кексгольм — к истории старой крепости // АИППЗ. Вып. 27 (Семинар им. акад. В. В. Седова; Материалы 57-го заседания). М.; Псков: ИА РАН, 2011. С. 147–153.
- Сакса, 2014 — Сакса А. И. От племенного «городка» карел к административному центру Новгородской земли (Кякисалми-Корела в XIII–XIV вв.) // Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 4: Материалы междунар. конф. «Старая Ладога и Северная Русь в эпоху викингов и период славянского расселения». СПб.: Сезам-принт, 2014. С. 117–130.
- Сакса, 2022 — Сакса А. И. Кякисалми — Корела (Корельский город). Этапы истории // АВ. 2022. Вып. 36. С. 220–232.
- Сакса, Янин, 1996 — Сакса А. И., Янин В. Л. Свинцовые печати из раскопок в Кореле // ННЗИА. Новгород: б. и., 1996. Вып. 10. С. 187–194.
- Чернов, 1989а — Чернов С. М. Отчет об археологических исследованиях 1986 г. и наблюдениях за земляными работами 1985 г. в крепости Корела в городе Приозерске // Архив комитета по культуре Ленинградской области. Оп. 3991. № хр. 90-116а.
- Чернов, 1989б — Чернов С. М. Отчет об археологических исследованиях 1986 г. и наблюдениях за земляными работами 1985 г. в крепости Корела в г. Приозерске. Альбом иллюстраций // Архив комитета по культуре Ленинградской области. Оп. 3392. № хр. 90-116б.
- Черных, 1996 — Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. М.: Нох, 1996. 215 с.
- Kankainen ja muut, 1995 — Kankainen T., Saksa A., Uino P. The early history of the fortress of Käkisalmi, Russian Karelia — archaeological and radiocarbon evidence // Fennoscandia archaeologica. 1995. XII. P. 41–47.
- Schwindt, 1898 — Schwindt Th. Käkisalmen pesälinnan ja entisen linnoitetun rakennushistorian aineksia. Analecta archeologica Fennica II, 2. Helsingissä, 1898. 123 s.
- Zetterberg ja muut, 1995 — Zetterberg P., Saksa A., Uino P. The early history of the fortress of Käkisalmi, Russian Karelia, as evidenced by new dendrochronological dating results // Fennoscandia archaeologica. Helsinki, 1995. Vol. XII. C. 215–220.

The cultural layer of the fortress of Korela in investigations by A. N. Kirpichnikov and A. I. Saksa

St. A. Vasilyev, N. V. Grigoreva, S. A. Semenov¹⁴

Keywords: North-West, fortress of Korela, fortification, cultural layer.

In 2022, the researchers from the Leningrad Oblast Expedition of IHMC RAS conducted a visual examination of the territory of the Korela fortress and compiled a general textual description of the landscape situation and technical condition of the site area. Photographic recording of the archaeological objects was fulfilled, the topographic plan of the territory was drawn (Fig. 1), and a digital model of the relief of the fortress and the surrounding territory was created (Fig. 2). In addition, the boundary of the site area was defined with the coordinates of the turning points. In the course of the preparatory archive-historiographic studies, information on the results of archaeological investigations at the area of the fortress was collected and analysed. Firstly all the excavation areas were combined into a single plan (Fig. 3; 6). The work carried out has allowed the researchers to gain a satisfying notion of the conducted archaeological investigations, as well as to define controversial points in the interpretation of the obtained data which, in view of present-day approaches, require a re-consideration by experts in history and archaeology. Among the most important problems is the loss of the single altitude reference not allowing the researchers to compare reliably the horizons of the excavated wooden structures found in different sections of the site (Fig. 3–7) and to gain a notion of the features of the original island's relief. Of no small importance is the inadequate registration of the course of the excavations and the fragmentary character of the published results that complicates the study of the materials recovered from the site.

¹⁴ Stanislav A. Vasilyev, Natalia V. Grigoreva, Sergey A. Semenov — Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: stasilein@mail.ru, mak-kon4@yandex.ru, s.s.a.g@mail.ru.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

За миг до шнуровой: гребенчатая керамика юго-восточного берега Финского залива в конце IV тыс. до н. э.¹

А. Ю. Городилов²

Аннотация. В статье рассматриваются керамические традиции, бытовавшие на юго-восточном берегу Финского залива в конце IV тыс. до н. э. Дается обзор как уже известных керамических традиций поздней гребенчатой керамики, так и выявленных в последние годы памятников, содержащих сосуды гребенчатой керамики с органической примесью и сосуды ромбоямочной керамики. Также в статье рассматривается хронология указанных керамических традиций и аналогии на сопредельных территориях.

Ключевые слова: неолит, поздняя гребенчатая керамика, гребенчатая керамика с комбинированной примесью, ромбоямочная керамика, Финский залив.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-195-203

Поздняя гребенчатая керамика

Традиционно считается, что обширные лесные пространства в прибрежной части Финского залива в конце IV — начале III тыс. до н. э. были населены носителями культуры поздней гребенчатой керамики (пористой керамики, гребенчатой керамики с органической примесью). Для южного берега Финского залива древности этого облика впервые были описаны Л. Янитсом в его монографии, посвященной исследованию памятников в устье р. Эмайыги. В ней он выделил подгруппу пористой керамики, не содержащую в тесте дресвы (Янитс, 1959. С. 132, 133). На основании стратиграфических наблюдений Л. Янитс пришел к выводу, что наиболее ранней является нарвская керамика, на смену которой приходит ямочно-гребенчатая керамика с минеральной примесью, трансформирующаяся со временем в пористую керамику (Там же. С. 136). Позже Н. Н. Гурина при описании ямочно-гребенчатой керамики, происходящей со стоянок Нарва I, II и III, также

выделила отдельную подгруппу керамики с органической примесью, орнаментированную гребенчато-ямочным узором (Гурина, 1967. С. 172). При этом она отмечала, что эти находки имеют ряд черт, сближающих их с керамикой нарвского типа, прежде всего по способу конструирования сосуда. Н. Н. Гурина воспринимала гребенчато-ямочную керамику с органической примесью как гибридную, произошедшую от смешения нарвской керамической традиции и гребенчато-ямочной с минеральной примесью (Там же. С. 181). В дальнейшем подробный анализ поздней гребенчатой керамики был выполнен А. Крийска. В статье 1995 г., посвященной исследованию древней керамики, происходящей из нижнего течения р. Нарвы, исследователь разделил позднюю гребенчатую керамику на две группы (I и II). Он считал, что поздняя гребенчатая керамика развилась из типичной гребенчатой керамики, вероятно, под влиянием местной керамики нарвского типа. При этом, если группа I являлась переходной, поскольку в составе относящихся к ней сосудов присутствовала органическая примесь, но орнаментация была еще во многом схожей с типичной гребенчатой керамикой, то группа II была уже отдельным сложившимся типом (Kriiska, 1995. P. 105, 106).

На территории к востоку от р. Нарвы изучение древностей поздней гребенчатой керамики началось несколько позже. К концу XX в.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию» (FMZF-2022-0016).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: ramapitec@yandex.ru.

© Городилов А. Ю., 2023

фрагменты сосудов с органической примесью здесь были известны лишь на нескольких памятниках: Ломи 1, 3 и Венкуль. На территории большей части юго-запада Ленинградской области поселения с поздней гребенчатой керамикой к тому моменту не были выявлены. В обобщающей статье В. И. Тимофеева, посвященной памятникам эпохи первобытности региона Петербурга, к древностям с гребенчатой керамикой отнесены только памятники с типичной гребенчатой керамикой с минеральной примесью. Тогда В. И. Тимофеев отмечал, что нарвская культура на большей части своего ареала существовала только в раннем неолите и ее носители не оказали влияния на дальнейшее развитие керамических традиций в регионе. Исключение составляют прибрежные районы Литвы и Латвии, где нарвские традиции существовали до прихода носителей шнуровой керамики (Тимофеев, 1993. С. 22). Позже, эта идея получила развитие в томе «Неолит Северной Евразии», вышедшем в серии «Археология СССР» в 1996 г. В разделе, посвященном неолиту лесной зоны, авторами на территории Восточной Прибалтики (Восточной Латвии и Эстонии) выделяется группа памятников постнарвского типа (постнарвской культуры), в материальной культуре которых сочетаются черты нарвской и прибалтийской (гребенчато-ямочной) культур (Неолит..., 1996. С. 151, 152).

Основной массив древностей поздней гребенчатой керамики был обнаружен в юго-западной части Ленинградской области уже в XXI в. в ходе обследования нарвско-лужского междуречья. Тогда гребенчато-ямочная керамика с органической примесью была обнаружена на десяти памятниках (Памятники..., 2019. С. 129–137). В настоящее время она известна как минимум на 17 памятниках этой части Ленинградской области (рис. 1).

Детальный анализ всех имеющихся на тот момент материалов поздней гребенчатой керамики юго-восточного берега Финского залива был произведен М. А. Холкиной в диссертационной работе «Керамика эпохи раннего металла Восточной части Финского залива», вышедшей в 2016 г. (Холкина, 2016), и в главе коллективной монографии «Памятники российской части нарвско-лужского междуречья» (Памятники..., 2019. С. 129–137). Для южного берега Финского залива и прибрежных районов Карельского перешейка М. А. Холкиной был выделен локальный вариант поздней гребенчатой керамики, схожий с первой группой поздней гребенчатой керамики,

выделенной А. Крийска для территории Эстонии и, отчасти, финской керамикой типа Ускела (Холкина, 2016. С. 109, 110). Отличительными чертами этого варианта М. А. Холкина назвала форму сосудов (круглые и округлодонные), прямые стенки без выделенной шейки и слегка утолщенный или загнутый внутрь венчик. Из отличительных черт также были отмечены крепление лент преимущественно внахлест, примесь дробленой раковины в тесте сосуда и наличие расчесов на поверхности, а также использование ямок в качестве разделителей орнаментальных зон. Возникновение данной керамической традиции М. А. Холкина отнесла к IV тыс. до н. э. (Там же. С. 96).

На побережье Финского залива к востоку от р. Луги древности этого типа представлены слабо. Они присутствуют на стоянках Куровицы 2, 6. Также несколько фрагментов похожего облика обнаружены при разведочных работах на памятниках Систа 2 и Новое Устье 1 в бассейне р. Систы и на стоянке Косколово 5 на р. Хаболовке (рис. 1).

Время существования поздней гребенчатой керамики в настоящий момент не определено окончательно. Считается, что такие древности на территории южного берега Финского залива некоторое время сосуществовали с типичной гребенчатой керамикой в IV тыс. до н. э., о чем свидетельствуют случаи их нахождения в одних и тех же археологических контекстах (Kriiska, Nordqvist, 2012. Р. 24–26, Kriiska et al., 2016. Р. 107–109). При этом появление первых относится к 3700–3600 гг. до н. э., а вторых — к 4200–4000 гг. до н. э. (Крийска, 2009. С. 41) Вопрос о финальной дате существования поздней гребенчатой керамики до конца не решен. А. Крийска определяет время ее существования периодом с конца V или второй половины IV до первой половины III тыс. до н. э. (Kriiska et al., 2016. Р. 107–109). Согласно последним радиоуглеродным датировкам, традиция ее изготовления могла продолжаться вплоть начала II до н. э. (Крийска, Нордквист, 2021. С. 67; Крийска, 2009. С. 46).

Гребенчатая керамика с комбинированной примесью

Если гребенчатая керамика с органической примесью исследована на юго-восточном берегу Финского залива достаточно хорошо, то иные гребенчатые керамические традиции позднего неолита, характерные для северо-западной части лесной зоны России и сопредельных территорий, пока изучены недостаточно. Однако в последние годы в их исследовании наметился прогресс.

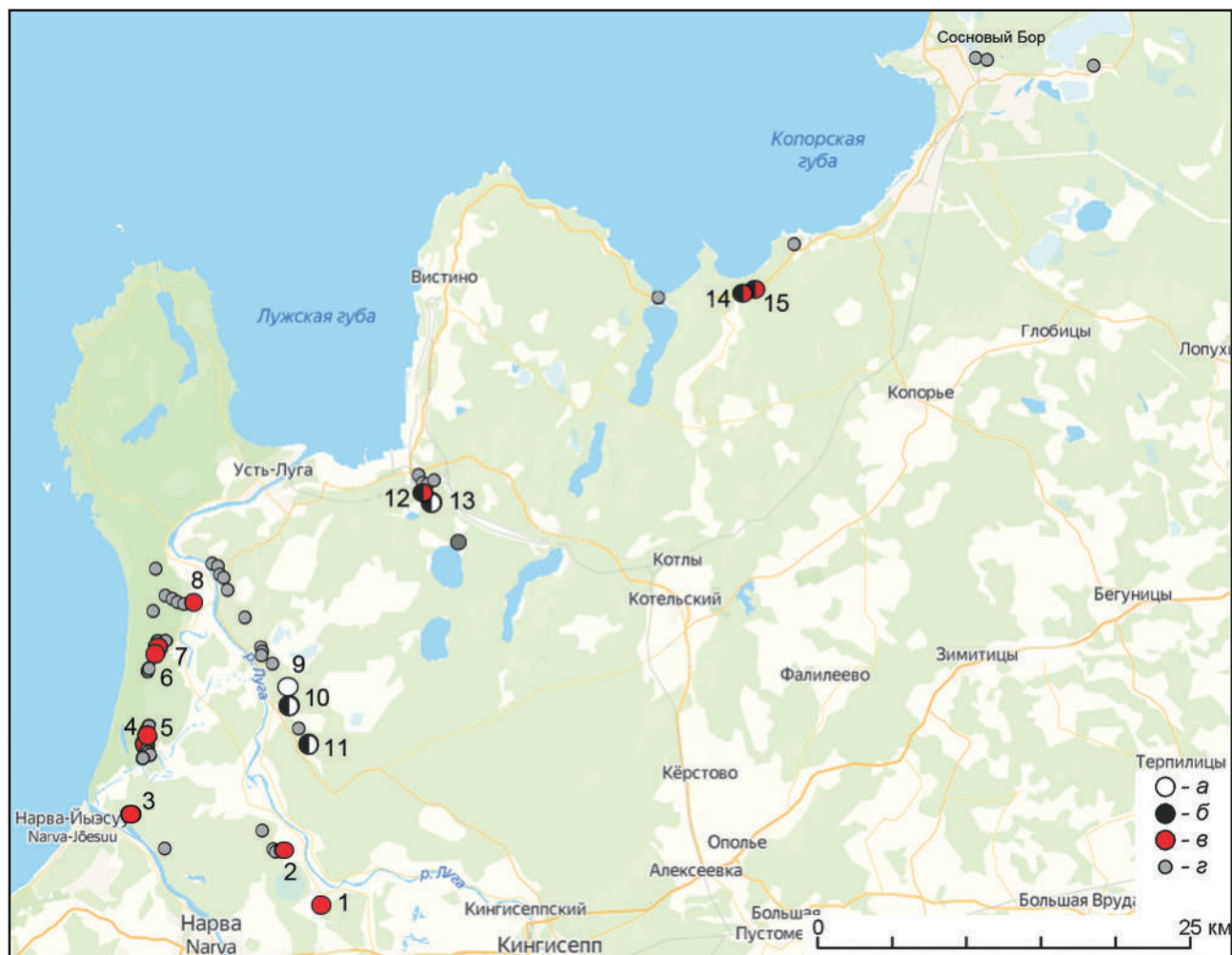

Рис. 1. Памятники гребенчатой керамики юго-восточного берега Финского залива конца IV тыс. до н. э. (*a* — с ромбоямочной керамикой; *b* — с гребенчатой керамикой с комбинированной примесью; *v* — с поздней гребенчатой керамикой; *z* — прочие памятники неолита — эпохи бронзы): 1 — Ломми 1, 3; 2 — Извоз 3; 3 — Венкуль; 4, 5 — Россонь 6, 7; 6, 7 — Вяйке-Ропсу 6, 7; 8 — Куземкино 7; 9 — Куровицы 9; 10 — Куровицы 4; 11 — Куровицы 2, 5, 6; 12 — Косколово 5; 13 — Косколово 14, 15; 14 — Новое Устье 1; 15 — Систа 2

Fig. 1. Sites of comb ware in the south-eastern littoral of the Gulf of Finland of the late 4th millennium BC (*a* — with rhomb-pit ware; *b* — with comb ware and combined admixtures in the clay; *v* — with late comb ware; *z* — other sites of Neolithic and the Bronze Age): 1 — Lommi 1, 3; 2 — Izvoz 3; 3 — Venkul; 4, 5 — Rosson 6 and 7; 6, 7 — Väike-Ropsu 6, 7; 8 — Kuzemkino 7; 9 — Kurovitsy 9; 10 — Kurovitsy 4; 11 — Kurovitsy 2, 5 and 6; 12 — Koskolovo 5; 13 — Koskolovo 14, 15; 14 — Novoye Ustye 1; 15 — Sista 2

Так, среди материалов стоянки Куровицы 3 М. А. Холкиной была выделена группа керамических фрагментов, отличающихся по своему составу и орнаментации от поздней гребенчатой керамики группы I. Тесто сосудов содержало примесь раковины, также для них были характерны Г-образный утолщенный изнутри венчик и орнамент в виде «елочки» из длинных тонких оттисков гребенчатого штампа (Памятники..., 2019. С. 135, рис. 114). Сосуды схожей керамической традиции

были найдены также при исследовании Ленинградской областной археологической экспедицией (ЛОАЭ) ИИМК РАН стоянки Куровицы 4 (рис. 2, 1–3). Одна из керамических традиций, исследованных на памятнике, была представлена несколькими фрагментами, происходившими от слаборофилированных сосудов, оформленных П-образным венчиком и сделанных из теста с примесью пера, растительности и толченой раковины. Они были декорированы оттисками

Рис. 2. Фрагменты сосудов гребенчатой керамики с комбинированной примесью; 1–3 — Куровицы 4; 4–9 — Косколово 14–15 (фото И. Г. Самоварова)

Fig. 2. Fragments of comb ware pottery with combined admixtures; 1–3 — Kurovitsy 4; 4–9 — Koskolovo 14–15 (photo by I. G. Samovarov)

гребенчатого штампа, нанесенными как параллельно друг другу, так и образующими геометрические узоры в виде перекрещивающейся гребенки. Кроме того, при разведочных работах на торфяниковой стоянке Косколово 14–15 в 2021 г. на берегу р. Хаболовки было найдено несколько фрагментов сосудов, выполненных из схожего теста с примесью раковины, органики и пера. Также несколько черепков с примесью растительности, пера и толченой раковины были встречены и при разведках на стоянках Сиса 2 и Новое Устье 1 (рис. 2, 4–9).

Найденная на памятниках юго-восточного берега Финского залива гребенчатая керамика с комбинированной примесью, в отличие от поздней гребенчатой керамики группы I, по ряду признаков (составу формовочной массы, форме сосудов, использованию преимущественно

гребенчатого штампа) находит прямые аналогии как на территории центральной и восточной части Ленинградской области — Приневье (Охта I), Южное Приладожье (Подолье I), так и в более восточных регионах — ареале волосовской культуры (Гусенцова и др., 2012. С. 266, Гусенцова, Холкина, 2015. С. 225).

Время появления и бытования гребенчатой керамики с комбинированной примесью на юго-восточном берегу Финского залива пока можно определить лишь предварительно, поскольку однородные комплексы с древностями такого типа в регионе не исследованы. Некоторую ясность могут внести стратиграфические наблюдения, сделанные на стоянке Косколово 14–15. Керамика здесь была найдена в центральной части слоя сапропеля, время формирования которого было определено в пределах IV — начала III тыс. до н. э.

Таблица 1. Радиоуглеродные датировки поселения Косколово 14–15
Table 1. Radiocarbon dates of the settlements of Koskolovo 14–15

№ п. п.	Материал	Место взятия пробы	Радиоуглеродный возраст, лет назад	Калиброванный возраст, гг. до н. э. (вероятность 95,4 %)	Индекс лаборатории
1	Остатки растительности	Керн с глубины 70–72 см	5050±25	3951 (95,4 %) 3781	IGANAMS-10186
2	Остатки растительности	Керн с глубины 37–39 см	4290±25	3003 (1,4%) 2995 2926 (94,0 %) 2879	IGANAMS-10188

по двум радиоуглеродным датировкам, полученным с кровли слоя (5050±25 BP³) и с его подошвы (4290±25 BP) (табл. 1). Об этом же времени свидетельствует и условия залегания гребенчатой керамики на стоянке Куровицы 4 — она найдена в нижней части культурных напластований вместе с ромбоямочной керамикой позднего неолита на отметках 5,5–6,0 м БС. Согласно существующим реконструкциям, такого уровня море достигло не ранее середины IV тыс. до н. э. (*Rosentau et al.*, 2013. Fig. 4, 5).

Ромбоямочная керамика

Еще одной археологической общностью конца IV тыс. до н. э. на юго-восточном берегу Финского залива является культура ромбоямочной керамики. Памятники с древностями этого типа найдены на обширной территории Северо-Запада России, включающей бассейн Онежского и Ладожского озер, юго-западную часть бассейна Белого моря, бассейн озер Воже и Лаче (*Иванищева и др.*, 2020. С. 40). Традиционно считается, что западная граница памятников, в комплексах которых содержится существенная примесь ромбоямочной керамики, проходит вдоль западного берега Ладожского озера и по Поволховью. На памятниках, расположенных западнее, она встречается чрезвычайно редко и, как правило, представлена единичными сосудами (*Гурина*, 1967. С. 92–98, *Тимофеев*, 1993. С. 26–30; *Витенкова*, 2016. С. 17, 18). На юго-восточном берегу Финского залива древности культуры ромбоямочной керамики до недавнего времени практически не были известны (*Витенкова*, 2016. Рис. 2; *Иванищева и др.*, 2020. Рис. 8; *Памятники...*, 2019. С. 129–141).

В последние годы в ходе работ ЛОАЭ ИИМК РАН удалось выявить ряд поселений, в материалах

которых встречены фрагменты сосудов, декорированных ромбическими ямками: Куровицы 4, 6, Косколово 14–15 (рис. 1). В 2022 г. в ходе археологических раскопок на поселении Куровицы 9 удалось исследовать уникальный для региона гомогенный комплекс культуры ромбоямочной керамики. При раскопках на памятнике были изучены остатки двух долговременных построек, из-за своих внушительных габаритов раскопанных лишь частично. Ориентированы строения были вдоль южного края Куровицкого плато (по линии запад–восток с незначительным отклонением к югу). Размеры первого — 22 × >31 м (западная часть расположена за пределами раскопа), второго — >18 × >5 м (в раскоп попал только его юго-западный угол). Оба сооружения представляли собой незаглубленные подпрямоугольные в плане жилые площадки, ограниченные по периметру канавкой, маркирующей остатки деревянной стены. Внутри постройки обнаружено большое количество археологических объектов: кострищ, очагов, ям, развалов керамических сосудов и пр., свидетельствующих о высокой антропогенной нагрузке. Так, в постройке 1 вдоль северной стены зафиксирован ряд схожих по конструкции очагов, расположенных в одну линию на расстоянии 6 м друг от друга. Они были сооружены в округлых ямах диаметром 1,2 м и глубиной около 0,7 м. Внутреннее заполнение очагов — колотые обожженные гальки вперемешку с большим количеством угля. Около южной стены исследована серия необорудованных кострищ.

Внутри построек было обнаружено большое количество артефактов: фрагментов керамических сосудов, кремневых и сланцевых изделий, песчаниковых абразивов. Находки, как и очаги, концентрировались преимущественно около северной и южной стен, в центральной части их было существенно меньше. Всего из двух построек происходят остатки более 100 сосудов, безусловно, относящихся, к единой керамической традиции. Все они, кроме одного, изготовлены из теста с примесью дресвы. Сосуды остродонные,

³ Результаты радиоуглеродного датирования образцов были получены в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН и Центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США).

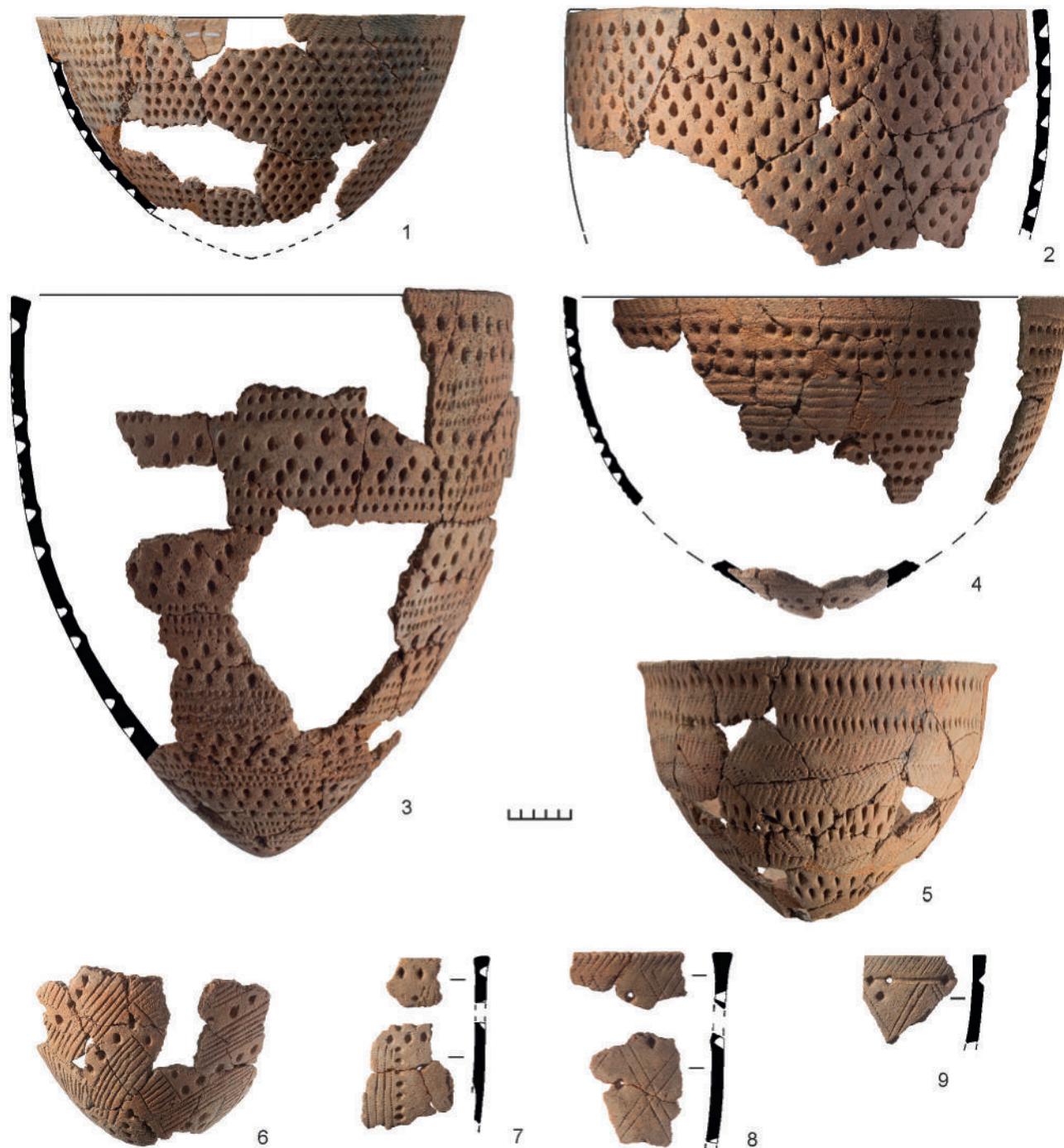

Рис. 3. Fragments of rhomb-pit pottery: 1, 2 — pottery decorated predominantly with a single stamp; 3–5 — pottery decorated with alternated rows of pits and comb stamp imprints, 6–9 — vessels with complicated ornamental motifs (photo by I. G. Samovarov)

Fig. 3. Fragments of rhomb-pit pottery: 1, 2 — pottery decorated predominantly with a single stamp; 3–5 — pottery decorated with alternated rows of pits and comb stamp imprints, 6–9 — vessels with complicated ornamental motifs (photo by I. G. Samovarov)

Таблица 2. Радиоуглеродные даты культуры ромбоямочной керамики поселения Куровицы 9

№ п.п.	Материал	Место взятия пробы	Радиоуглеродный возраст, л. н.	Калиброванный возраст (г. до н. э.)		Индекс лаборатории
				Вероятность 68,3 %	Вероятность 95,4 %	
1	Уголь	Очаг 4.2	4350±45	3013 (68,3 %) 2909	3094 (95,4 %) 2891	SPb-3882
2	Уголь	Очаг 4.4	4354±45	3015 (68,3 %) 2910	3096 (95,4 %) 2891	SPb-3883
3	Уголь	Очаг 4.7	4608±55	3512 (39,0 %) 3426	3526 (75,0 %) 3310	SPb-3119
				3408 (2,9 %) 3396	3298 (0,9 %) 3284	
				3384 (22,2 %) 3336	3274 (0,3 %) 3268	
				3210 (4,2 %) 3194	3242 (19,3 %) 3102	

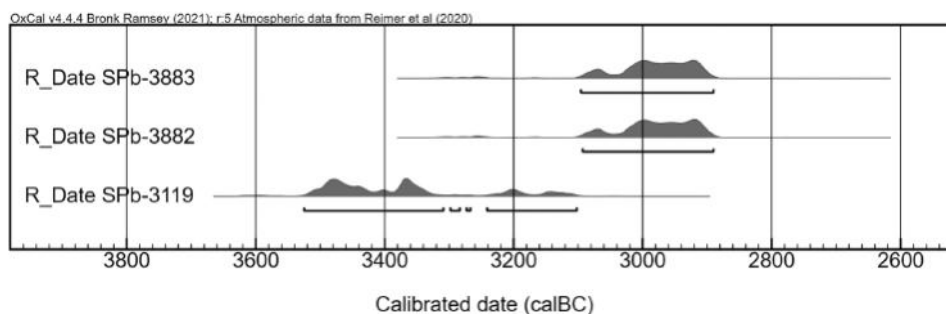

Рис. 4. Радиоуглеродные даты культуры ромбоямочной керамики поселения Куровицы 9
 Fig. 4. Radiocarbon dates of the culture of rhomb-pit ware from the settlement site of Kurovitsy 9

преимущественно слабопрофилированные, у некоторых фиксируется незначительное сужение к венчику. Диаметр внешнего края венчика большинства сосудов составляет от 30 до 45 см, посуда больших и меньших размеров представлена слабее. Высота сосудов обычно несколько больше их диаметра. Сам венчик как правило П-образный, реже гофрированный, иногда прямой с утолщением по внутренней части. Часто по его срезу нанесен орнамент из косых оттисков гребенчатого штампа. Вся поверхность сосудов декорирована ямками различных форм: ромбическими, овальными, квадратными, иволистными, каплевидными, округлыми и разнообразными оттисками гребенчатого штампа. При орнаментации использовались обычно оттиски двух различных штампов: ямки и гребенки, в редких случаях применялся оттиск одного или трех видов. Основная часть сосудов декорирована перемежающимися зонами из нескольких рядов ямок и гребенок (рис. 3, 3–5). Присутствуют также сосуды, вся поверхность которых декорирована ромбическими или овальными явками (рис. 3, 1, 2). Несколько изделий украшено сложными геометрическими орнаментами (рис. 3, 6–9).

Изделия из камня не так многочисленны. Со всего раскопа происходит 146 кремневых артефакта, из них 104 — это чешуйки и отщепы.

Остальные — скребки и их фрагменты, комбинированные орудия и наконечники стрел. Изделия из сланца (23 экз.) представлены отщепами и фрагментами орудий, долотом типа круммейсель, наконечником типа пюхенсилта. К абразивам относятся 76 фрагментами песчаниковых плиток со следами шлифовки.

Время бытования ромбоямочной керамики на основной части ее территории в настоящее время определяется первой половиной — серединой IV тыс. до н. э. (3900–3400 г. до н. э.) (Иванищева и др., 2020. Рис. 2; Хорошун, 2013. С. 116), вместе с тем отмечается, что финальная дата существования данной культуры окончательно не определена и может относиться к более позднему времени (Витенкова, 2016. С. 121, 122). С поселения Куровицы 9 получено две радиоуглеродные даты по углю, происходящему из-под очажных камней. Еще одна дата была получена в 2019 г. при проведении разведочных работ, однако она уязвима для критики, поскольку уголь для датирования был собран из разрушенного противопожарной траншеей очага (табл. 2; рис. 4).

Дата, полученная при разведочных работах, относится к середине — второй половине IV тыс. до н. э. — финальному этапу существования культуры ромбоямочной керамики в основном ареале ее существования. Две другие датировки,

полученные из четких стратиграфических контекстов, практически синхронны, что согласуется с археологическими наблюдениями, и относятся к несколько более позднему времени — рубежу IV–III тыс. до н. э. Для окончательного определения времени функционирования поселения Куровицы 9, конечно, требуется проведение дополнительного датирования, однако уже сейчас можно говорить о существовании в конце IV — начале III тыс. до н. э. на юго-восточном берегу Финского залива культуры ромбоямочной керамики.

Выводы

Сделанные в последние годы на юго-восточном берегу Финского залива открытия позволяют говорить, что в конце IV тыс. до н. э. эта территория не представляла собой единого в культурном отношении пространства. Здесь фиксируются керамические традиции как появляющиеся, видимо, в результате эволюции местной керамики (поздняя гребенчатая керамика группы I), так и привнесенные, имеющие восточные (гребенчатая керамика с комбинированной примесью) и северо-восточные корни (ромбоямочная керамика).

- Витенкова, 2016 — Витенкова И. Ф. Карелия в начале эпохи металла (памятники с ромбо-ямочной керамикой). Петрозаводск: Изд-во Карельского НЦ РАН, 2016. 208 с.
- Гурина, 1967 — Гурина Н. Н. Из истории древних племен Европейской части СССР. М.; Л.: Наука, 1967 (МИА; № 144). 208 с.
- Гусенцова и др., 2012 — Гусенцова Т. М., Сорокин П. Е., Кулькова М. А. К результатам комплексных исследований памятника Охта I в центре Санкт-Петербурга (2008–2009). Неолит — ранний металл // КСИА. 2012. Вып. 226. С. 241–247.
- Гусенцова, Холкина, 2015 — Гусенцова Т. М., Холкина М. А. Анализ технологии керамики эпохи неолита — раннего металла в регионе Санкт-Петербурга и Южном Приладожье // Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: МАЭ РАН, 2015 (Замятнинский сборник; Вып. 4). С. 218–227.
- Иванищева и др., 2020 — Иванищева М. В., Жульников А. М., Кулькова М. А. Ромбоямочная и гребенчатая керамика поселения Тудозеро-V: сходства и различия // Археология Севера. Череповец, 2020. Вып. 8. С. 30–47.
- Крийска, 2009 — Крийска А. Некоторые вопросы возникновения земледелия в Восточной Прибалтике // Тверской археологический сборник. Тверь: Триада, 2009. Вып. 7, т. 1. С. 39–48.
- Крийска, Нордквист, 2021 — Крийска А., Нордквист К. Эстонская культура шнуровой керамики (2800–2000 кал. лет до н. э.) // Тверской археологический сборник. Тверь: Триада, 2021. Вып. 12. С. 56–71.
- Неолит..., 1996 — Белановская Т. Д., Бжания В. В., Н. Н. Гурина и др. Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. 380 с.
- Памятники..., 2019 — Памятники каменного века российской части Нарвско-Лужского междуречья / Отв. ред. Д. В. Герасимов. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 199 с.
- Тимофеев, 1993 — Тимофеев В. И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики) / Под ред. В. М. Массона, Е. Н. Носова, Е. А. Рябинина. СПб.: ИИМК РАН, 1993. С. 8–34.
- Холкина, 2016 — Холкина М. А. Керамика эпохи раннего металла восточной части Финского залива: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб.: б. и., 2016. 235 с.
- Хорошун, 2013 — Хорошун Т. А. Памятники с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой на западном побережье Онежского озера (конец V — начало III тыс. до н. э.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб.: б. и., 2013. 246 с.
- Янитс, 1959 — Янитс Л. Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллин: АН ЭССР, 1959. 384 с.
- Kriiska, 1995 — Kriiska A. Narva jõe alamjooksu ala neoliitiline keraamika // Eesti arheoloogia historio-graafilisi, teoreetilisi ja kultuuriajaloolisi aspekte: Muinasaja teadus. 1995. № 3. P. 54–115.
- Kriiska, Nordqvist, 2012 — Kriiska A., Nordqvist K. Arheoloogilised väljakaevamised Narva-Jõesuu IIa neoliitilisel asulakohal 2010. aastal = Archaeological Excavations at the Neolithic Settlement Site Narva-Jõesuu IIa in 2010 // Toim. A. Kriiska, M. Ivask. Märgilised mälestised. Uurimusi Narva piirkonna ajaloo kohta. Narva Muuseumi toimetus. Narva: Narva Muuseum. 2012. P. 14–37.
- Kriiska et al., 2016 — Kriiska A., Gerasimov D. V., Nordqvist K., Lisitsyn S. N., Sandell S., Kholkina M. A. Stone Age Research in the Narva — Luga Klint Bay Area in 2005–2014 // New Sites, New Methods. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2016 (ISKOS 21). P. 101–115.
- Rosentau et al., 2013 — Rosentau A., Muru M., Kriiska A., Subetto D. A., Vassiljev J., Hang T., Gerasimov D., Nordqvist K., Ludikova A., Lõugas L., Raig H., Kihno K., Aunap R., Letyka N. Stone Age settlement and Holocene shore displacement in the Narva-Luga Klint Bay area, eastern Gulf of Finland // Boreas. 2013. Vol. 42 (4). P. 912–931.

At a moment before the Corded ware: comb ware from the south-eastern coast of the Gulf of Finland in the late 4th millennium BC

A. Yu. Gorodilov⁴

Keywords: Neolithic, late comb ware, comb ware with combined tempers, rhomb-pit pottery, Gulf of Finland.

Traditionally, it is believed that the vast forest spaces in the maritime zone of the Gulf of Finland were populated in the late 4th — early 3rd millennium BC by bearers of the culture of the late comb ware (porous pottery or comb-stamped ware with organic admixtures in the clay). At the sites of the southern coast of the Gulf of Finland, the antiquities of this type were first described by L. Jaanits and later studied by N. N. Gurina, A. Kriiska, M. A. Kholkina et al. Presently, in the south-eastern littoral of the Gulf of Finland there are recorded 17 sites where pottery of such type has been encountered (Fig. 1).

Along with the late comb ware, also other ceramic traditions existed on the south-eastern coast of the Gulf of Finland in the 4th millennium BC. They were identified through the conduction of regular archaeological investigations. One of these traditions is characterized by comb ware with combined tempers. Pottery of this type was found at the sites of Kurovitsy 3 and Kurovitsy 4, Koskolovo 14–15, Sista 2 and Novoye Ustye 1. The main feature of the comb ware with combined tempers is the addition of feathers, plant materials and crushed shells to the clay mass, as well as weak profiles of the vessels, П-shaped rims and decoration of the vessels with imprints of a comb stamp applied both parallel to each other or producing geometric patterns in the form of criss-cross combing (Fig. 2). The comb ware with combined admixtures found at sites on the south-eastern coast of the Gulf of Finland differs from the late comb ware of group I in a number of such features as the composition of the clay mass, shape of the vessels and the use of predominantly comb stamps. This fact has direct analogies in the territory of the central and eastern parts of Leningrad Oblast: the Neva region (Okhta I), southern Ladoga area (Podolye I), as well as in the more eastern regions — the area of the Volosovo culture. The time of the use of the pottery of this type can be preliminarily defined within the broad limits of the 4th millennium BC.

Still another archaeological culture of the late 4th millennium BC on the south-eastern coast of the Gulf of Finland is represented by the culture of rhomb-pit pottery. Sites with the ware of this type have been found throughout the vast territory of North-Western Russia including the basin of Lake Onega and Lake Ladoga, south-western part of the White Sea basin, the basin of lakes Vozhe and Lache, but until recent time they have been unknown in the south-eastern littoral of the Gulf of Finland. During last years it has been proved possible to find a series of sites where the rhomb-pit ware is represented: Kurovitsy 4, 6 and 9, Koskolovo 14–15, while at the settlement of Kurovitsy 9 a homogeneous complex of this culture has been successfully investigated (Fig. 2). Through radiocarbon dating, the time of the use of the rhomb-pit pottery is identifiable as the late 4th — early 3rd millennium BC.

⁴ Andrey Yu. Gorodilov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: ramapitec@yandex.ru.

Этногенез и историческая судьба води¹

Н. В. Хвощинская²

Аннотация. В статье рассматриваются этногенез и историческая судьба небольшого прибалтийского племени, известного в русских летописях под именем водь, занимающего компактную территорию от бассейна Нарвы до окрестностей Копорья. Делается вывод, что водь являлась автохтонными обитателями края, близкими по языку северным эстам и отделившимися от них на рубеже I–II тыс. н. э.

Ключевые слова: южное побережье Финского залива, культура прибалтийских финнов, племя водь и его историческая судьба.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-204-219

Введение

Одной из наиболее древних прибалтийско-финских народностей, проживавших на северо-западной окраине древнерусского государства, была водь. В языковом отношении водь входила вместе с эстами и ливами в южную группу прибалтийских финнов. Первые сведения о ней и цветную гравюру с изображением замужней вожанки в национальном костюме, выполненную по рисунку некоего Краузе, управляющего имением Реттина (Котельский приход), опубликовал в 1783 и 1785 гг. нарвский пастор Фр. Л. Трефурт (рис. 1) (Шлыгина, 1977. С. 125, 126). Ко второй половине XVIII в. относится также информация о водях, полученная финским исследователем Х. Портаном от Л. Цетреуса и опубликованная им в 1802 г. (Там же. С. 126). Л. Цетреус, видимо, наблюдал водь в студенческие годы в приходе Котлы-Сойкино, где его отец в 1763–1778 гг. имел пасторат. Таким образом, в начале XIX в. водь попала в орбиту внимания исследователей.

Особую роль в изучении языка и фольклора водь сыграл знаменитый эстонский финно-

угровед П. А. Аристэ. Он собрал огромную картотеку по языку водь из 44 100 карточек. В Тартуском литературном музее сохранились магнитофонные записи продолжительностью 13,5 часов на языке водь (Хейнсоо, 1995. С. 173). П. А. Аристэ убедительно показал, что водский язык является продолжением северо-эстонского диалекта эстонского языка. Таким образом, северные эсты и водь были близкородственными народами, не имели языкового барьера и без труда понимали друг друга (Аристэ, 1956. С. 21).

Исторические сведения о водском населении неоднократно и подробно рассматривались в ряде обобщающих трудов как русских, так и эстонских исследователей. В первую очередь следует отметить работы С. С. Гадзяцкого, А. Н. Насонова, Х. А. Моора, А. В. Кузы, Е. А. Рябинина, П. Лиги (Гадзяцкий, 1940; Насонов, 2006; Моора Х., Моора А., 1965; Куза, 1975; Рябинин, 1997. С. 16–60; 2001; Ligi, 1993). Богатейшие материалы по этнографии финнов Северо-Запада и, в частности, водь были собраны в конце XVIII в. Ф. Туманским. Его рукопись в 1970 г. была обнаружена сотрудницей Института истории АН ЭССР Е. Эпик, которая и подготовила ее к публикации со своими комментариями (Õpik, 1970). Большой вклад в разработку вопросов этнографии водь также внесли работы Н. В. Шлыгиной (Шлыгина, 1964; 1986. С. 208–228).

Значительно сложнее в силу объективных причин обстоит дело с выделением археологических памятников водь. До конца XX в. исследования

¹ Работа выполнена в рамках программ НИР по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: kottimoshka85@mail.ru.

© Хвощинская Н. В., 2023

в основном были сконцентрированы на противоречивой интерпретации многочисленных курганно-жальничных могильников на территории Северо-Запада Новгородской земли и Восточной Эстонии (Спицын, 1896. С. 37, 49; Moora, 1929; Равдоникас, 1932. С. 28; Седов, 1953. С. 190–229; 1984. С. 155–161 и др.; Лиги, 1986. С. 165; 1987. С. 10–13; Рябинин, 1997. С. 53–60). Ситуация изменилась с обнаружением нового пласта древностей I тыс. н. э. в районе, прилегающем к южному побережью Финского залива, типологически сходного с каменными могильниками древних эстов. Поскольку эти памятники не имеют внешних признаков на поверхности, их выявление в значительной степени связано с охранными археологическими работами в зонах хозяйственного освоения территорий, развернувшимися в последние десятилетия. На мой взгляд, новые материалы позволяют наметить динамику развития местной финской культуры от начала I тыс. н. э. до, по крайней мере, середины II тыс. н. э. Впервые могильники римского времени были открыты Е. А. Рябининым при раскопках средневековых погребений у деревень Великино и Валговицы (Рябинин, 1987. С. 408–410; 1997. С. 32–41, 43, 46). В начале нашего столетия число ранних памятников и отдельных находок значительно увеличилось. Заметная роль в их поисках и исследованиях принадлежит М. А. Раззак (Юшковой), В. С. Кулешову, П. Е. Сорокину, О. В. Шарову, И. В. Стасюку, Е. Р. Михайловой (библиографию см.: Михайлова, 2015; Юшкова, 2015).

Проблема территориальной локализации воды в историографии

В своей статье 2009 г., суммируя различные данные по истории воды, я дала оценку существующим к тому времени концепциям предшественников и высказала свою точку зрения на проблему этногенеза этого племени (Хвощинская, 2009. С. 300–312). Поскольку в последние десятилетия появились новые данные в пользу моих построений, я решила вновь вернуться к некоторым аспектам этого вопроса. Не вдаваясь в подробности, изложенные в указанной работе, кратко напомним основные положения, на которых базировались суждения первых исследователей. Прежде всего они касались территориальной локализации племени водь и центра его земли. Мнение о том, что водь расселилась от низовьев р. Луги на западе до р. Волхов на востоке, утвердилось в литературе в начале XIX в. (А. Х. Лерберг, А. И. Шёгрэн). Оно сложилось, видимо, в результате отождествления границ Водской пятины Великого Новгорода и

Рис. 1. Замужняя вожанка. Гравюра из статьи нарвского пастора Фр. Л. Трефурта (Шлыгина, 1986. С. 211, рис. 80)

Fig. 1. Married Vodian woman. Engraving from an article by the Narva Pastor Fr. L. Trefurt (Шлыгина, 1986. С. 211, рис. 80)

области, заселенной водью. Именно южная граница Водской пятины проходила к северу по р. Волхов и к северо-западу по р. Луге вплоть до Финского залива, то есть само название «Водская пятина» довлело над исследователями как своего рода указание на регион проживания племени³.

³ Этимологически с названием *водь* связан ряд понятий: *вожане* как этнографическая общность; *Водская земля*, *Водская сотня*, *Вотская волость*, *Водская пятина* как административные единицы. В литературе неоднократно ставился вопрос о локализации *Водской земли*, *Водской сотни*, *Вотской волости*, границы которых не обозначены непосредственно в письменных источниках. Рассмотрение этого вопроса во многом базируется на летописных данных (Куза, 1975. С. 180–182) и писцовых книгах XV–XVI вв., причем последние уже построены на более позднем принципе разделения Новгородской земли (Неволин, 1853; Насонов, 2006. С. 64–114). Это особая тема, я лишь хочу обратить внимание, что границы этих административных единиц не совпадали друг с другом и с зоной этнографического обитания воды.

Мнение о том, что в древности водь занимала огромные территории, получило дальнейшее развитие в трудах ученых XX столетия (Х. А. Моора, В. В. Седова, Е. А. Рябинина, П. Лиги). Во многом этому способствовала совместная статья Х. А. Моора и А. Х. Моора (Моора Х., Моора А., 1965), в которой были обобщены все имеющиеся материалы по истории води и ижоры. В дальнейшем она послужила основой для изучения этих прибалтийско-финских народов. Авторы отмечали, что в XI в. «основная часть води обитала между низовьем р. Луги и современной Гатчиной, на Ижорском плато (которое, таким образом, правильнее было назвать Водским плато). Однако раньше, в I тысячелетии, территория расселения водских племен была намного шире и охватывала также восточное побережье Чудского озера, по меньшей мере, до 30 километров к югу от современного Гдова. Как далеко к востоку от Чудского озера простиралась территория расселения води, мы еще не знаем» (Там же. С. 63). Все построения Х. А. Моора (именно им написана первая часть статьи, касающаяся этногенеза племени) о расселении води опираются прежде всего на работы по языкознанию и топонимике с привлечением материалов по истории, этнографии и антропологии. При всем уважении к авторитету Х. А. Моора — крупнейшего ученого, основателя эстонской археологической школы — приходится констатировать, что для своих доказательств он привлекает материалы смежных наук без должного критического осмысления. В частности, делая вывод о существовании в древности трех племенных водских объединений (северо-восточное занимало Ижорское плато, северо-западное — междуречье Луги и Нарвы, южное — район Гдова), он опирается на диалектные различия, выделенные в современном языке небольшой группы потомков води, зафиксированных в середине XIX в. в нескольких деревнях между Нижним Полужьем и Копорьем.

В качестве доказательств существования южной группы води Х. А. Моора приводит неоднозначные сведения начала XIX в. об «обрусевших финнах» в районе восточного побережья Чудского озера, а также общие рассуждения в области лингвистики, причем сам же отмечает, что ни в письменных источниках, ни в списках, приложенных к этнографической карте П. Кеппена (30-е гг. XIX в.), никаких сведений о вождях на восточном берегу озера нет. Следовательно, делает вывод автор, «это племя растворилось среди славян раньше, чем северная водь» (Там же. С. 71) (подробный разбор аргументации Х. А. Моора

приведен в статье: *Хвоцинская*, 2009. С. 302–305). Археологические древности в его построениях играли второстепенную роль, что вполне объяснимо, так как в Восточном Причудье отсутствуют памятники, которые можно однозначно связать с водью. Отсюда у автора возникли противоречия в интерпретации одного и того же пласта древностей культуры длинных курганов. На восточном побережье Чудского озера он связывает их с продвижением славян, а на западном берегу — с водским населением, воспринявшим у славян курганный обряд и в I тыс. н. э. частично переселившимся на другой берег в район Кодавере (Моора Х., Моора А., 1965. С. 65). Одним словом, в пользу своей гипотезы о существовании некой «южной води» Х. А. Моора не смог привести ни одного убедительного аргумента.

Вторым крупным регионом расселения води Х. А. Моора называл Ижорское плато. Здесь, по его мнению, и жила водь, упомянутая в русских летописях, которая начиная с XII в. «постоянно участвовала в защите новгородских владений от внешних врагов» (Там же. С. 72, 73). Локализация води на Ижорской возвышенности является данью традиции, восходящей к XIX в. и основанной на отождествлении территориально-административного деления Новгородской земли и этнических границ племени. Справедливости ради отметим, что данный факт априорно принимался всеми исследователями XX в., когда-либо занимавшимися проблемами финского населения на Северо-Западе, менялась лишь этническая интерпретация многочисленных курганно-жальничных могильников XII–XIV вв., расположенных на Ижорской возвышенности. Одни видели в них памятники славянизированной води (Моора, 1929; *Равдоникас*, 1932. С. 28; *Шаскольский*, 1979. С. 46, 47; *Лиги*, 1986. С. 165; 1987. С. 10–13), другие — памятники древнерусского населения с элементами финской культуры (*Спицын*, 1896. С. 37, 49; *Седов*, 1953. С. 190–229; 1984. С. 155–161 и др.; *Рябинин*, 1997. С. 53–60).

Рассмотрение древностей Ижорского плато выходит за рамки этой статьи. Можно лишь отметить важные факты, свидетельствующие о довольно позднем освоении этого края. В археологическом отношении здесь отсутствуют памятники I тыс. н. э., в том числе и те, которые можно было бы связать с коренным финским населением. Раскопанные юным Н. К. Рерихом каменные выкладки в его имении Извара, интерпретированные им как погребения води, никакого отношения к археологии не имеют. Проведенный детальный

анализ архивной документации раскопок Н. К. Рехриха показал, что они являлись природным скоплением камней без какой-либо структуры на слое лесного подзола. В них не было найдено ни костей, ни вещей (Хвощинская, 1983). Первые поселенцы появляются здесь не ранее рубежа XI–XII вв., причем, по наблюдениям Ю. М. Лесмана, к этому периоду могут быть отнесены только девять могильников, что составляет не более 4 % от общего количества памятников, в основном расположенных на западе плато, то есть по границе глинта (Лесман, 1982. С. 69). Поэтому исследователи делают вполне оправданный вывод, что до появления древнерусского населения, оставившего курганно-жальничные могильники, земли Ижорского плато пустовали (Кольчатов, 1982). Позднее освоение возвышенности связано с ее физико-географическими особенностями. Она находится на высоте 150 м над уровнем моря и сложена из силурийских известняков, покрытых валунными суглинками. Земли плодородные, но тяжелые для обработки, и без высокого уровня агротехники их использовать невозможно. Ситуация осложнялась также отсутствием на плато воды. Поверхностные воды здесь быстро просачиваются вглубь, а поэтому на плато нет рек и ручьев. До сих пор воду добывают из артезианских скважин, а сохранившиеся старые колодцы имеют глубину 15–22 м.

Таким образом, очерченная Х. А. Моора широкая территория, заселенная водью, сужается до зоны вдоль южного побережья Финского залива от Нарвы на восток, где автор поместил северо-западное племя этой народности. Именно в этом регионе водь фиксируется по письменным и этнографическим источникам, а, по словам Ф. Туманского, сами вожане определяли этот район как землю своих предков (Örik, 1970. С. 85).

Территория води по письменным и этнографическим источникам

В русских летописях водь упоминается восемь раз начиная с XI и вплоть до XIV в. Однако чаще всего при описании событий летописец называет вожан как народ без привязки к территории их обитания (подробно см.: Гадзяцкий, 1940. С. 103–110). Для наших целей рассмотрим лишь те сообщения, где указывается их местожительство.

В период борьбы новгородцев с Ливонским орденом под 1240–1241 гг. летопись сообщает, что немцы вторглись в новгородские земли и произвели страшное опустошение, захватив Копорье: «Тои же зимы придоша Нъмци на Водь с Чюдью, и повоеваша и дань на них възложиша, а городь

учиниша в Копорьи погость» (НПЛ, 2000. С. 78). Объединенное войско новгородцев во главе с Александром Невским предприняло ответный поход с целью освобождения Вотской земли: «Того же лъта поиде князь Олександр на Нъмци на городь Копорью, с новгородци, и с ладожаны и с Корелою, и съ Ижеряны и взя городь, а Нъмци привеле в Новьгородь, а инъхъ пусти по своей воли, а Вожанъ и Чюдцю перевѣтники извъща» (Там же). Следовательно, среди вожан и чудди (эстов) были изменники, подвергнутые суровому наказанию. Данный эпизод истории Новгородского государства детально разобран в работах С. С. Гадзяцкого и А. В. Кузы (Гадзяцкий, 1940. С. 104–106; Куза, 1975. С. 180, 181). Для нас данный отрывок интересен тем, что Копорье выступает как погост Новгородской земли, в котором, видимо, значительную (а, возможно, даже основную) часть населения составляли вожане и чудь (эсты).

В Никоновской летописи под 1558 г. в связи с завоеванием русскими войсками Северо-Восточной Эстонии среди народов, обитавших в Васкнаверском фогстве (Сыренецкий уезд) наряду с немцами и эстонцами названы *баты* (ПСРЛ, 1904. С. 299). По мнению Х. Лиги, Х. А. Моора и А. Х. Моора, скорее всего *баты* — это искаженное немецкое название води — *waten* (Моора Х., Моора А., 1965. С. 71; Ligi, 1993. Lk. 96, 170).

Известия о вожанах, живших в г. Нарва и окрестных селах, имеются и в западноевропейских средневековых источниках, собранных П. Х. Лиги (Лиги, 1986. С. 156). Так, под 1432 г. сообщается, что прибывшие в Нарву из Финляндии шведские шпионы одеваются подобно вожанам, чтобы не вызывать подозрение у местных жителей и походить на них. Достаточно интересное известие относится к 1544 г., где отмечается, что *не немецкое* население г. Нарва в основном составляют *русские вожане*. Кроме того, по данным тех же источников оказывается, что жители Ивангорода знают *не немецкий язык*, то есть водский, лучше, чем русский. Эстонские исследователи полагают, что водское население г. Нарва (соответственно, и Ивангорода, который находился на противоположном берегу реки) формировалось в основном за счет выходцев с территории собственно Северо-Восточной Эстонии. По их мнению, на это указывает письмо нарвского магистрата 1501 г., в котором он прямо пишет, что если бы он выдал всех бежавших от феодалов крестьян, то город бы опустел. Речь идет явно о крестьянах, бежавших от немецких феодалов (Там же).

В средневековых и более поздних источниках встречаются добавочные имена у крестьян из северных частей Эстонии, указывающие на их водское происхождение (Moora A., 1964. Lk. 42). Так, в Северном Причудье в дер. Тяревере около 1330 г. жил мельник Thoyuodas Wadj. Уточнение *Wadj* к основному имени свидетельствует о том, что он был вожанин (*Ibid.*). В прибрежной части Северо-Восточной Эстонии в конце XVI в. жила целая группа крестьян из Водской земли. В дер. Вока их в 1583 г. было пять — Andres Wad Helain, Annaske Wattilain, Isack Wattilaine, Tisse Wattilain, Grizke Wattilain (*Ibid.*). Среди жителей деревень Сытке и Пяйте встречаются имена Waddi Terre и Waddi Teu (Луги, 1986. С. 157).

Таким образом, письменные источники довольно определенно называют вожан среди жителей Нарвы, Ивангорода и Копорья и их окрестностей, а также на территории Северо-Восточной Эстонии (Алулатагузе). Эти сведения дополняются и подтверждаются этнографическими материалами. По данным этнографов XIX в. водь (Vatialaset, Waddjalaiset) занимала достаточно компактную территорию от района Копорья на востоке и далее на запад, в бассейны рек Систы и Сумы, вплоть до низовьев р. Луги. Кроме того, несомненно, водское население проживало в Понаровье и на территории Северо-Восточной Эстонии. Центрами этнографического района, занятого водью, были город-крепость Копорье и дер. Котлы (старый приход Каттила). В середине XIX в. по материалам, собранным И. П. Кеппенем, в окрестностях Котлов и Копорья существовали 37 деревень, населенных водью (в Ораниенбаумском уезде пять деревень, а в Ямбургском — 32)⁴. Всего на 1848 г. было зафиксировано 5148 человек, которые осознавали себя как вожане (Кеппен, 1851. С. 143–146). Концентрация населения в этом небольшом районе неслучайна. Как писал Ф. Туманский, почвы «в Котлах самые лучшие — плодоноснейшие во всей губернии» (Örik, 1970. Lk. 85, 86). Именно в пределах очерченного региона и были выявлены памятники, которые можно связать с водским населением.

Археологические памятники в зоне южного побережья Финского залива

Долгое время регион от Нарвы до района Копорья, прилегающий к южному берегу Финского

залива, на археологической карте Ленинградской области выглядел белым пятном. К концу XX в. здесь были известны только единичные стоянки мезолита и неолита на р. Нарве (Гурина, 1967. С. 32; Тимофеев, 1993. С. 13, 15, 27), а также озерное поселение эпохи раннего металла на берегу Хабаловского озера (Тимофеев, 1993. С. 32, 33). Это не казалось странным, так как основная часть данной территории представляла собой низины и болота, среди которых возвышенные места, пригодные для жизни и ведения производящего хозяйства, были весьма ограничены.

Однако в результате активизации хозяйственного освоения в последние годы картина резко изменилась. Начиная с 2005 г. были проведены планомерные исследования Нарвско-Лужского междуречья по изучению памятников каменного века. В ходе многолетних работ выявлено 58 стоянок и поселений от эпохи каменного века до раннего железа (Памятники..., 2019). При раскопках на поселении Галик 11 в бассейне нижнего течения Луги были обнаружены находки, относящиеся к различным культурно-хронологическим группам от позднего неолита до раннего железного века (IV тыс. до н. э. — первые века I тыс. н. э.) (Городилов, Раззак, 2022). Около деревень Косколово и Куровицы зафиксированы поселения с сетчатой керамикой бронзового века (вторая четверть / середина II тыс. до н. э. — начало I тыс. до н. э.) (Городилов, Раззак, 2020. С. 242–244). Обобщая материалы исследований 2018–2021 гг. по культуре шнуровой керамики юго-восточного побережья Финского залива, А. Ю. Городилов пришел к важному выводу, что, судя по расстоянию между памятниками, составляющему не более 25 км, можно говорить «о сплошном заселении побережья в III тыс. до н. э.» (Городилов, 2022. С. 182). Одним словом, территория восточнее Нарвы по побережью Финского залива заселялась одновременно с соседними регионами Эстонии, Финляндии, Карелии начиная с мезолита и на протяжении тысячелетий входила с ними в единые изменяющиеся во времени культурные ареалы.

Важное значение для рассматриваемой темы имеют памятники, датируемые в пределах I тыс. н. э. В настоящее время к ним можно отнести около 20 археологических объектов (могильников, кладов и отдельных местонахождений) (Михайлова, 2015. С. 177, рис. 1; Юшкова, 2015. С. 188, рис. 1). Они в основном приурочены к западным окраинам Ижорской возвышенности (рис. 2). Материалы раскопок и обследований обобщены в целом ряде работ (Юшкова, 2010;

⁴ Для дальнейших археологических поисков памятников воды, может быть, необходимо более внимательно ознакомиться со «Списком селений», составленным И. П. Кеппенем в 1848 г. (Кеппен, 1851. С. 143–146).

2015; Стасюк, 2008; 2011; 2012; Михайлова, 2015; и др.), на которые я и буду опираться в своих построениях.

Особый интерес вызывают погребальные памятники. Несмотря на их немногочисленность и, к сожалению, часто плохую сохранность, именно они проливают свет на те этнокультурные процессы, которые происходили на территориях к юго-востоку от Финского залива в течение I тыс. н. э. Группа наиболее ранних погребений была зафиксирована Е. Р. Михайловой при раскопках могильника у дер. Удосолово в бассейне р. Систы (рис. 2, 5) (Михайлова, 2015. С. 177–181). Они составляли нижний ярус захоронений. Невзирая на сильные повреждения погребального комплекса, удалось расчистить каменную вымостку и восстановить характер захоронений. Это были ингумации в ящиках, помещенные на вымостку. От ящиков частично сохранились продольные стенки из плит известняка, поставленных на ребро. В площадь раскопа вошли шесть захоронений, расположенных в ряд вплотную друг к другу. Погребенные лежали на спине головой на север, сопровождающий инвентарь чрезвычайно скудный, можно упомянуть бронзовый гладкий браслет и наконечник дротика (Там же). Некоторые параллели ингумациям в Удосолово исследовательница видит в Валговицах, раскопанных Е. А. Рябининым (Там же. С. 178). Аналогии этим захоронениям очевидны, и Е. Р. Михайлова вполне справедливо указывает на территории Северной Эстонии и Финляндии, сюда можно еще добавить Северо-Восточную Латвию.

Традиция сооружения каменных могильников с ящиками была характерна для населения, жившего вдоль морского побережья во второй половине I тыс. до н. э., и практически отсутствует в центральных частях Эстонии. Каменные курганы сооружались из плитняка. Основание кургана образовывали одна или две площадки, выложенные камнями. В площадку были встроены каменные ящики (цисты) с двумя-тремя погребениями по обряду ингумации. Инвентарь был немногочислен и однообразен (шилья, ножи, булавки), а часто вообще отсутствовал (Шмидехельм, 1956. С. 172–175; Selirand, Tönnisson, 1984. P. 59–62; Lang, 2007. P. 153–155).

В целом могильник Удосолово соответствует основным признакам погребальной культуры, распространенной на соседних, более западных, территориях. По сравнению с классическим вариантом обряда здесь погребения расположены в ряд вплотную друг к другу. Однако и на основной

территории распространения данной погребальной традиции на площадках нередко встречаются двойные и тройные цисты с общей перегородкой как в центре курганной площадки, так и на периферии (Lang, 2007. P. 151, 152). В качестве примера можно привести захоронения в Булльмуйжском могильнике в Северной Латвии, где на площадке кургана находилось по несколько ящиков, нередко примыкающих друг к другу (Граудонис, 1967. С. 41–47).

Е. Р. Михайлова датирует нижний ярус захоронений по обряду ингумации I в. до н. э. — I в. н. э., то есть поздней стадией существования погребений подобного типа (Михайлова, 2015. С. 178). По мнению М. А. Раззак (Юшковой), это подтверждается таким признаком, как небрежность в сооружении ящиков, который М. Х. Шмидехельм считала временным показателем (Шмидехельм, 1955. С. 42; Юшкова, 2015. С. 189).

Верхний ярус захоронений представлен россыпью кремаций с инвентарем, характерным для II–III вв. н. э., демонстрирующих следующую стадию развития каменных могильников. Этот факт вполне вписывается в общую картину эволюции данной погребальной традиции. В Северо-Восточной Эстонии в конце периода существования каменных курганов с ингумациями в них начинают появляться захоронения по обряду кремации (Шмидехельм, 1955. С. 26, 28). В дальнейшем обряд трупосожжения становится основным на территории Эстонии. Меняется и конструкция погребального сооружения. В течение I в. н. э. каменные курганы с вымостками и ящиками уступают место могильникам с оградками. По мнению М. Х. Шмидехельм, смена обряда отражает изменения в социально-общественной структуре общества, произошедшие с ростом экономического развития (Там же. С. 190).

Аналогичный процесс фиксируется и на территории восточнее Нарвы, где в раннеримское время (I — рубеж II–III вв. н. э.) появляются погребальные конструкции в виде прямоугольных оградок из плитняка или валунов, заполненных мелкими камнями. Кальцинированные кости россыпью или скоплениями вместе с погребальным инвентарем встречаются как внутри оградок, так и за их пределами. Главным образом данный тип памятников сконцентрирован в междуречье Луги и Систы. Подробнейший типолого-хронологический анализ памятников, представляющих локальную группу могильников типа «таранд» Северо-Восточной Эстонии, был проведен М. А. Раззак (Юшковой) (Юшкова, 2010; 2015), на выводы которой я и буду опираться.

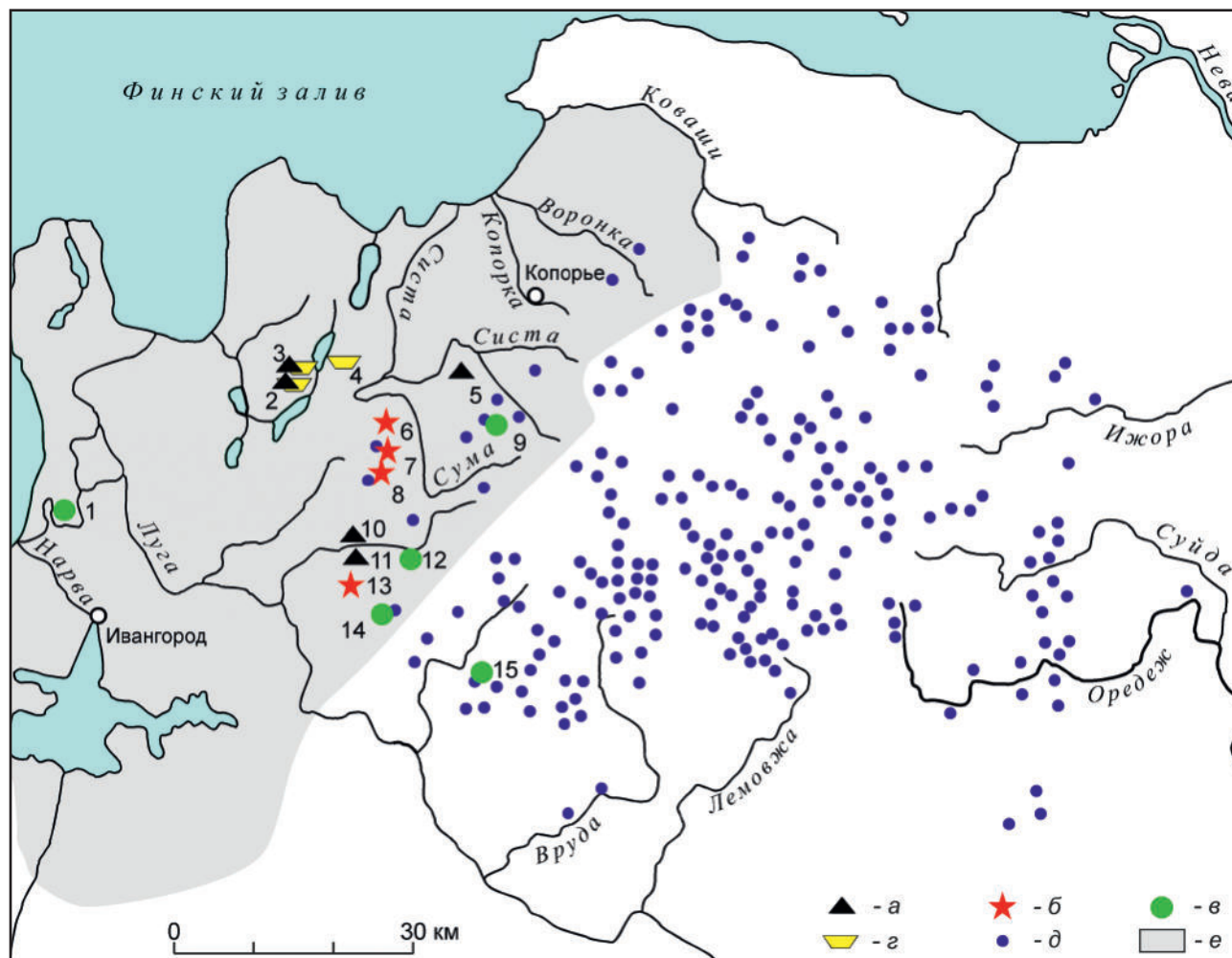

Рис. 2. Погребальные памятники I — начала II тыс. н. э. на территории, прилегающей с юго-востока к Финскому заливу (*а* — каменные могильники I тыс. н. э.; *б* — местонахождения с находками из разрушенных кремаций I тыс. н. э.; *в* — грунтовые кремации X–XI вв.; *г* — средневековые грунтовые ингумации XII–XVI вв.; *д* — средневековые курганно-жальничные могильники Ижорского плато; *е* — область основного расселения водия). 1 — Россошь; 2 — Великино; 3 — Валговицы; 4 — Вердия; 5 — Удосолово; 6 — Котельский; 7 — Войносо-
лово; 8 — Георгиевский; 9 — Ратчино; 10 — Малли (Керстово 2); 11 — Керстово 1; 12 — Валья; 13 — Коммунар; 14 — Ополье; 15 — Мануйлово

Fig. 2. Burial sites of the 1st — early 2nd millennium AD in the territory adjoining the Gulf of Finland on the south-east (*a* — stone burial grounds of the 1st millennium AD, *b* — locations of finds from disturbed cremation burials of the first millennium AD, *v* — flat graves with cremations of the 10th–11th centuries, *z* — mediaeval flat grave inhumations of the 12th – 16th centuries, *d* — mediaeval kurgan/zhalnik burial grounds on the Izhora Plateau, *e* — area of the main settle-
ment of the Vodians). 1 — Rosson; 2 — Velikino; 3 — Valgovitsy; 4 — Verdiya; 5 — Udosolovo; 6 — Kotelsky; 7 — Voynosolovo; 8 — Georgiyevsky; 9 — Ratchino; 10 — Malli (Kerstovo 2); 11 — Kerstovo 1; 12 — Valya; 13 — Kom-
munar; 14 — Opolye; 15 — Manuylovo

В отличие от некрополей доримского времени, захоронения в каменных могильниках с оградками сопровождаются достаточно многообразным погребальным инвентарем: фибулами, браслетами, предметами ременной гарнитуры, бусами и другими изделиями. Проанализировав полученные при раскопках могильников материалы и отдельные находки на местах разрушенных памят-

ников, М. А. Раззак (Юшкова) выделила четыре хронологические группы древностей типа «таранд»: раннеримского времени, позднеимского периода, эпохи Великого переселения народов и эпохи меровингов.

Особенностью каменных могильников на всех территориях их распространения было длительное хронологическое существование. Отдельные

погребальные комплексы использовали на протяжении нескольких столетий, причем вновь сооружаемые конструкции часто строились рядом или вообще присоединялись к старым, что подчеркивает их культурную преемственность. Подобная картина наблюдается и на территории юго-восточнее побережья Финского залива.

По заключению М. А. Раззак (Юшковой), могильник Удосолово, начав функционировать на рубеже эр, судя по сопутствующим находкам, существовал еще и в раннеримское время. Она не исключает, что в неисследованной части за пределами площади раскопа мог находиться могильник с оградками (*Там же*. С. 189). Наиболее ярко на рассматриваемой территории представлены древности раннеримского периода (последней трети I — рубежа II–III вв. н. э.). К этому времени относятся могильники Керстово I и Малли (рис. 2, 10, 11), а также отдельные находки из Войносолово, Георгиевского и Ратчино (рис. 2, 7–9). Последующие этапы развития культуры «таранд» (позднеримское время и эпоха Великого переселения народов) зафиксированы лишь отдельными находками в тех же пунктах (Войносолово, Георгиевский, Ратчино). Древности третьей четверти I тыс. н. э. (эпохи меровингов) в наиболее полном виде выявлены в могильнике Малли, который был сооружен еще в раннеримское время и продолжал использоваться для захоронений в течение долгого времени (*Там же*. С. 195, 196).

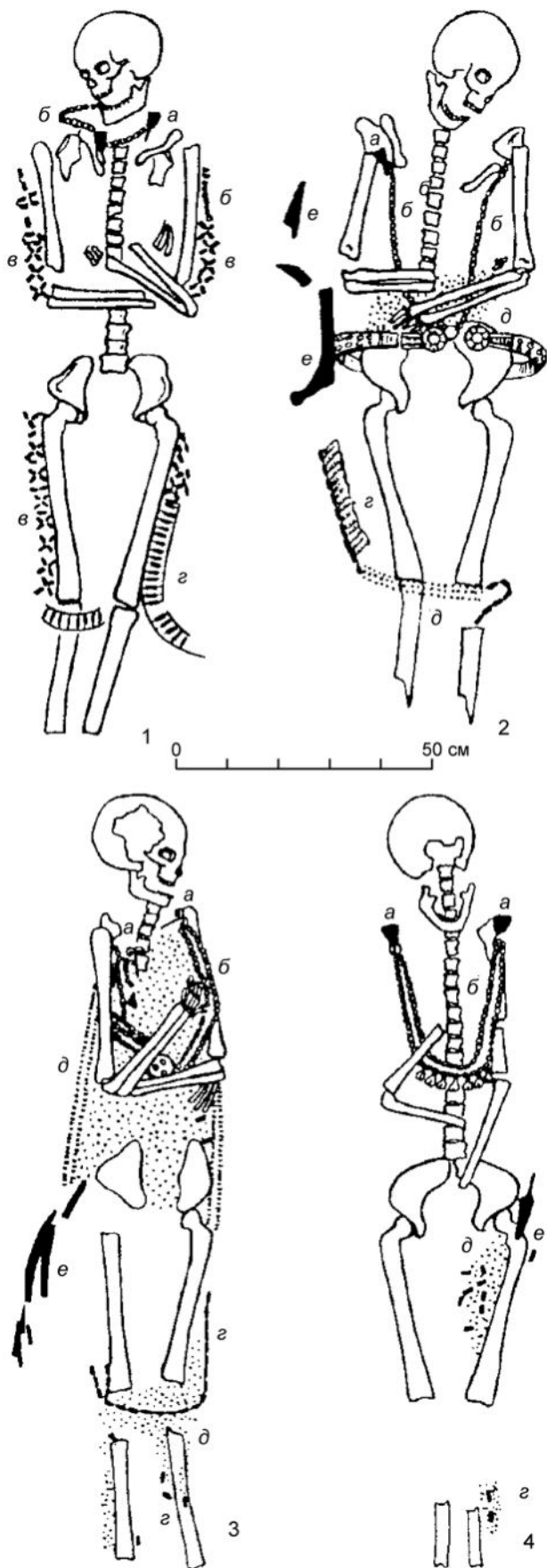
Несмотря на неравнозначность имеющегося материала по отдельным периодам существования культуры «таранд» в рассматриваемом регионе (в силу состояния источника), М. А. Раззак (Юшкова) делает вывод, что на западе Ижорской возвышенности встречены могильники и единичные находки всех этапов развития культуры «таранд» (*Там же*. С. 195). С ней можно согласиться, если разрозненные находки действительно маркируют места каменных могильников, но это проверяется только путем раскопок. Соответственно встает вопрос о дальнейшей судьбе населения, оставившего погребальные сооружения данного типа.

На соседней эстонской территории культура каменных могильников получила дальнейшее развитие. В конце IV в. каменные могильники с оградками постепенно перестают сооружаться. Население хоронит своих умерших в прежних оградках или в краевых кладках. По данным Ю. Я. Селиранда, многие каменные могильники с оградками продолжают использоваться до начала II тыс. н. э. В то же время в середине I тыс. н. э. появляются мо-

гильники без определенной внутренней структуры (*Selirand*, 1974. Lk. 23–36, 215, 216). В Северной и Западной Эстонии такие могильники получают более широкое распространение в VII–VIII вв. (*Ланг*, 1992. С. 83). В поздних каменных могильниках начала II тыс. н. э. погребения по обряду трупосожжения начинают сменяться ингумациями. Погребенные лежат, обложенные камнями или прямо между камней на спине головой на север. Внедрение обряда трупоположения приводит к замене каменных могильников грунтовыми захоронениями в неглубоких могилах без внешних признаков на поверхности (*Selirand*, 1974. Lk. 218, 219). Эта самая общая генеральная линия развития обряда на территории Эстонии, не вдаваясь в подробности особенностей в отдельных регионах.

Из-за слабой археологической изученности района восточнее Нарвы преемственность каменных могильников с более поздними захоронениями по обряду трупоположения можно проследить на примере только двух памятников, раскопанных Е. А. Рябининым, — Валговицы и Великино (*Рябинин*, 1997. С. 32–41). Здесь кладбища XII/XIII–XVI вв. составляли единый погребальный комплекс с каменными могильниками. Несмотря на имеющуюся хронологическую лауну между двумя частями памятников, в деталях погребений, совершенных по обряду ингумации, наблюдаются архаические традиции ранних каменных могильников. Прежде всего они выражаются в широком использовании камней; существовании между камнями практически поверхностных захоронений; помещении орудий труда (ножей, серпов, кос) не в качестве погребального инвентаря, а как ритуальных подношений над засыпью могилы и их ритуальной порче. Е. А. Рябинин также отмечает, что наиболее ранние ингумации XII–XIII вв. примыкали непосредственно к могильнику римского времени (*Там же*. С. 33). На площади Валговиц было исследовано 100 захоронений, в Великино — 46, к этой же группе памятников автор раскопок причисляет кладбище у дер. Вердия, где им было изучено 43 погребения. Таким образом, был получен значительный материал для анализа культуры данной группы населения. Судя по единообразному погребальному обряду и характеру погребального инвентаря, все три памятника были оставлены одной культурно-исторической общностью.

Если в период I тыс. н. э. археологическая культура, зафиксированная в междуречье Лути и Систы, при некоторой своеобразности в целом

представляла собой часть прибалтийско-финской культуры, характерной для древних эстов, то, судя по материалам погребений XII/XIII–XVI вв. (последние датируются XVIII в.) могильников Валговицы, Великино и Вердия, в более позднее время на данной территории формируется самобытная культура, что нашло свое отражение в женском этнографическом уборе. По сравнению с костюмом средневековых эстов в нем отсутствуют фибулы и браслеты, столь характерные для прибалтийских финнов в X–XIV вв., ожерелья из бус (лишь отдельные бусины используются в качестве подвесок к цепочкам), крайне редко встречаются перстни. Зато в более чем 70 % всех женских захоронений с инвентарем представлены нагрудные украшения, состоящие из одной или двух булавок и цепочек, оригинальных и разнообразных по форме, большинство которых изготовлены из железа (Там же. С. 37, табл. 2). Внешний вид и материал отличал их от нагрудных булавок эстов. В местной среде булавки были популярны вплоть до XVI в. К числу прибалтийско-финских элементов следует отнести широкое использование для оконтуривания одежды небольших бронзовых спиралек и оловянных колечек. Этими мелкими украшениями расшивались края передников, набедренников и накидок, орнаментировались головные венки у девушек и пояса (рис. 3). В древних обществах узором на одежде придавалось особое значение, так как это было прежде всего не украшение, а родовой знак, по которому можно было узнать сородича. В Балтийском регионе каждая этнографическая группа финнов и балтов имела свои неповторимые оригинальные декоративные элементы на тканях.

Рис. 3. Погребения из могильников Великино (1 — погребение 38; 2 — погребение 15) и Валговицы (3 — погребение 3; 4 — погребение 69) (по: Рябинин, 1997. С. 36, рис. 8) (а — булавки, б — цепочки, в — украшения из нанизанных на шнурок мелких бронзовых спиралек, г — окаймление крупными спиралами нижних частей одежды, д — россыпи оловянных бляшек, е — орудия труда и бытовой инвентарь)

Fig. 3. Burials at cemeteries of Velikino (1 — grave 38; 2 — grave 15) and Valgovitsy (3 — grave 3; 4 — grave 69) (after Рябинин, 1997. С. 36, рис. 8) (a — pins, б — chains, в — ornaments composed of small bronze spirals threaded on a lace, г — bordering of lower parts of clothes with large spirals, д — scattered tin plaques, е — tools and implements of everyday use)

Надо сказать, что традиция украшения одежды плетеными орнаментами из мелких бронзовых спиралек⁵ у финского населения, жившего восточнее р. Нарвы, с поразительной устойчивостью сохранялась на протяжении длительного времени. Об этом, кстати, свидетельствует уникальная находка, сделанная осенью 2009 г. в Кингисеппском районе Ленинградской области у дер. Валья. При случайных обстоятельствах здесь был найден бронзовый котел, в котором находились части этнографического водского костюма (подробнее см.: Хвощинская, 2010; 2013. С. 27–30), судя по шведским монетам, относящийся к XVII в. Особое внимание заслуживает передник, сохранившийся лучше остальных предметов (рис. 4, 1). Он представлял собой кусок синего сукна и был украшен рядами бисера и монет, а по подолу расшит композициями из мелких спиралек (рис. 4, 2), которые по технике изготовления и орнаментальным мотивам сопоставимы с декором на тканях из грунтовых могильников, исследованных Е. А. Рябининым, и находят прямые параллели в украшениях одежды прибалтийских финнов XII–XIII вв., прежде всего эстов (*Selirand*, 1974. Таһв. XVIII, XXIII; Лаул, 1986. С. 193–196).

Возвращаясь к материалам некрополей Великино, Валговицы и Вердия, судя по основным элементам женского убора, однозначно можно сделать вывод, что эти средневековые кладбища принадлежали местному финскому населению, в материальной культуре которого прослеживаются архаические черты, сближающие его с древними жителями Эстонии.

Однако по сохранившимся элементам погребального костюма все же было бы сложно определить, к какой конкретной прибалтийско-финской народности относились местные жители, оставившие эти могильники, если бы не одно важное обстоятельство. Е. А. Рябининым в девяти женских погребениях XII–XV вв. были обнаружены остатки нагрудных украшений, состоящих из двух кусков красного сукна в форме серпа и полумесяца, с обеих сторон расшитых оловянными бляшками и декорированных по краю

⁵ Мелкие бронзовые спиральки набирались на толстый шерстяной шнурок, образуя геометрические узоры. Подобные украшения иногда использовались как самостоятельные элементы одежды, но чаще накладывались на ткань сверху в качестве аппликаций. В этом случае при плетении шнурка по краю оставались петельки, за которые узоры прикреплялись к тканям с помощью маленьких колечек (Хвощинская, 2004. С. 113, 115).

Рис. 4. Передник (1) из комплекса вещей, найденных в окрестностях дер. Валья и фрагмент декора нижней части передника (2)

Fig. 4. Apron (1) from among an assemblage of objects found in the surroundings of the village of Valya and a fragment of the decoration of the lower part of a pinafore (2)

спиральками (Рябинин, 1997. С. 40). Е. А. Рябинин не придал этому особого значения, но среди всех племен прибалтийско-финских народов столь специфические элементы известны только в этнографическом костюме воды, ни у одного из соседних народов они не встречались. Нагрудники входили в состав костюма замужней женщины. Один из них, более широкий — *мюэци* (*müätsi*), надевался пониже, а другой, более узкий, — *риссико* (*rissiko*) — выше, ближе к шее (Шлыгина, 1986. С. 215). Эти украшения хорошо видны на гравюре Фр. Л. Трефурта (рис. 1). В более позднее время войлочные нагрудники расшивались бисером, «кораллами» и раковинами каури. Поэтому вполне логично сделать заключение, что грунтовые захоронения XII–XVI вв. в Валговицах, Великоно и Вердии были оставлены именно водским населением.

Заключение

Обобщая все имеющиеся данные по археологии, истории и этнографии воды, попробуем представить, как проходил этногенез этой небольшой прибалтийско-финской народности, а также с какими археологическими памятниками можно идентифицировать другие этнические группы населения (чудь и ижору), известные нам по русской летописи на пограничье с эстонским миром на северо-западе Новгородской земли.

Как показали успешные археологические поиски последних десятилетий, освоение территории, прилегающей с юго-востока к побережью Финского залива, происходит в эпоху мезолита и неолита. По облику представленной керамики на поселениях и временных стоянках эпох бронзы и раннего железа данный регион вписывается в единый обширный ареал культур (шнуровой и сетчатой керамики), распространенных в Северной Европе.

В то же время уже в I тыс. до н. э. Эстония вместе с районами Южной Финляндии и Северо-Восточной Латвии выделяется на археологической карте Восточной Европы распространением своеобразных монументальных погребальных сооружений — каменных могильников. Их появление ознаменовало процесс объединения и выделения из общего конгломерата западно-финских народов предков эстов и ливов. В первой половине I тыс. н. э., внутри финского мира происходит консолидация собственно древних эстов как единого народа, что отражается в унификации материальной культуры и появлении каменных могильников с оградками. Ареал каменных могиль-

ников на востоке охватывает и небольшой район, расположенный вдоль Финского залива восточнее Нарвы, причем открытия последних лет показали, что на данной территории фиксируются погребальные памятники, характеризующие все стадии развития культуры каменных могильников, то есть долгое время (вплоть до рубежа I–II тыс. н. э.) культура населения, обитавшего здесь, была неотъемлемой частью культуры древних эстов.

Однако в начале II тыс. н. э. внутри этого единого культурного пространства и прежде всего на территории самой Эстонии, происходит процесс локализации отдельных областей, в которых на базе культуры каменных могильников формируются этнокультурные общности, несколько различающиеся друг от друга. В частности, эстонские исследователи выделяют три таких области. «В первую область входят памятники средней и северной Эстонии, во вторую — южной Эстонии и примыкающие к ним памятники северной Латвии и в третью — памятники западной Эстонии и островов» (Моора, 1956. С. 111). Впоследствии данные группы, выделенные по археологическим материалам, нашли соответствие в различных диалектах эстонского языка, особенностях фольклора и этнографии (Моора, 1956. С. 110; *Jaanits ja teis.*, 1982. Lk. 243–248; *Selirand, Tõnnisson*, 1984. P. 87–90).

В конце I тыс. — начале II тыс. н. э. процесс локализации и культурной обособленности происходил и на территориях восточнее Нарвы. На базе культуры каменных могильников начинает формироваться материальная культура, несколько отличная от первоначальной общей с эстонскими племенами основы, при этом близость с северными эстами сохраняется в языке. В отличие от внутриэстонской территории в силу большей исторической изолированности данного социума от собственно эстов различия в материальной культуре приобретают более явный характер. Именно эта группа населения, на мой взгляд, выходит на историческую арену под названием *водь*, занимая компактную территорию от Северного Причудья на западе до бассейна р. Коваши на востоке, где она и была зафиксирована этнографами в XVIII в. Все вышеизложенное в полной мере подтверждает мою точку зрения, высказанную в начале 2000-х гг., что *водь* являлась автохтонным населением края. В то время не было найдено археологических памятников, которые могли бы подтвердить эту гипотезу, поскольку рассматриваемая территория представляла собой практически белое пятно на археологической карте Ленинградской области.

Среди археологических материалов начала II тыс. н. э. наряду с рассмотренными мною могильниками на территории Северо-Восточного Причудья имеются иные группы древностей, отражающие сложную этнокультурную ситуацию в этом пограничном регионе. Очень коротко коснемся этого вопроса. Как отмечалось, в письменных источниках в рассматриваемом районе среди финских народов кроме води упоминаются эсты (летописная чудь) и ижора. В поздней истории этнографами и лингвистами зафиксированы постоянные передвижения населения с одного берега Чудского озера на другой и интересные факты взаимной ассимиляции (Moora, 1964. Lk. 285–290). Подобное явление подтверждается и данными археологии. Ярким примером служит могильник Залахтовье, оставленный древнеэстонской общиной на восточном берегу Чудского озера (Хвощинская, 2004). В свою очередь в Принаровье и на западных окраинах Ижорского плато выявлен пласт погребальных памятников (бескурганного трупосожжения X–XI вв.), который сравним по материальной культуре с залахтовским некрополем и рядом могильников на территории Эстонии. Впервые на них обратил внимание П. Х. Лиги, рассматривая их как погребения води (Лиги, 1987. С. 15). Подробный анализ этих древностей с учетом новейших материалов приведен в статье И. В. Стасюка в этом выпуске (см. с. 220–242). На мой взгляд, эта категория памятников могла быть оставлена переселившимися эстонцами, тем более, как отмечает А. Моора, по свидетельству Датской поземельной книги, составленной в середине XIII в., Северное Причудье (Алутагузе) не входило непосредственно в состав земель, захваченных датчанами, и оставалось «ничейным» (Moora, 1964. Lk. 285), то есть крестьяне не были закреплены за определенными земельными наделами и могли свободно передвигаться. Граница по Нарве, по-видимому, окончательно оформляется в XIV в., когда Алутагузе вошла в состав Ливонского ордена (*Ibid.*). В дальнейшем, в XII–XIII вв., столкнувшись с древнерусским населением, некоторые эстские общины могли перейти, подобно залахтовцам, к курганному обряду захоронения, сохраняя самобытность этнографического убора (подтверждением могут служить материалы могильника Мануйлово)⁶.

⁶ Рассматривая курганное древности XII–XIV вв. Новгородской земли и синхронные им грунтовые могильники эстов собственно на территории Эстонии, следует подчеркнуть происходящую в это время

В истории южного побережья Финского залива заметный след оставила еще одна прибалтийско-финская народность — ижора. Не вдаваясь в подробности и дискуссии относительно ее происхождения и этногенеза, подчеркнем два факта. Во-первых, язык ижоры отличался от водского и входил в северную группу прибалтийско-финской ветви языков, представителями которой также являлись финны, карелы и вепсы. Во-вторых, коренными землями ижоры большинство исследователей считают бассейн Невы с прилегающими территориями (историографию вопроса см.: Рябинин, 1997. С. 61–81). Однако зона ее обитания не была неизменной. Судя по историческим сведениям, в эпоху позднего средневековья ижорское население продвинулось на земли води и заселило все южное побережье Финского залива вплоть до нижнего течения р. Луги (Сорокин, 2008; Конькова, 2008). Здесь О. И. Коньковой были выявлены грунтовые могильники, которые, по ее мнению, можно интерпретировать как памятники ижоры. Большинство погребений не сопровождалось вещами. Захоронения, в которых был зафиксирован какой-либо инвентарь, суммарно можно датировать XIV–XVI или XVI–XVIII вв. В отличие от водских некрополей, в них отсутствовали нагрудные булавки, цепочки и бляшки, зато встречаются фибулы (Конькова, 2008. С. 14–17).

унификацию культур различных народов. Зооморфные украшения, зародившиеся в недрах финно-угорского мира, уже не несут этнической нагрузки, а становятся характерной особенностью древнерусской культуры Северной Руси в целом. В свою очередь во многих поздних могильниках, особенно в восточной части Эстонии, распространяются те же типы украшений, что и на территории Новгородской земли. Х. Валк, занимающийся позднесредневековыми кладбищами Эстонии, отмечает, что находки, которые по традиции считались древнерусскими, в определенное время становятся более общими и носят «транснациональный характер» (Valk, 2001a. Lk. 31). Конечно, даже в позднесредневековое время на территории Эстонии сохраняется своя специфика, особенно в количестве разнообразных фибул, существующих вплоть до современности (Valk, 2001b. Lk. 44–48), тем не менее Х. Валк прав в главном: по составу вещей, вырванных из культурно-исторического контекста, в конце XII — XV в. трудно отличить погребение русского от погребения эстонца. В такой ситуации выделить захоронения финских обитателей края в области распространения курганов на Северо-Западе Новгородской земли практически нереально.

Мне кажется, исходя из имеющегося весьма скудного материала, надо крайне осторожно относиться как к интерпретации, так и к хронологии этой группы некрополей. Как известно, после заключения Столбовского мирного договора 1617 г. шведы на захваченные земли частично переселили группы населения из Финляндии савакот и еуримёйсет. В то же время по данным Х. Лескинена, с конца XVI в. Ингерманландия неоднократно становилась ареной военных действий, опустошавших земли местного, в основном финского, населения. «На обезлюдившие в ходе войны территории еще до Столбовского мира стало переселяться лютеранское население из Восточной Финляндии. <...> Ингерманландия привлекала финских переселенцев прежде всего тем, что жители завоеванной провинции освобождались центральной властью от несения военной службы». В результате к 1640 г. они составляли около трети всего населения Ингерманландии (Лескинен, 1995. С. 189, 190).

В связи с этим, как полагает Н. В. Шлыгина, Ф. Туманский в XVIII в. зафиксировал весьма сложную и пеструю этнографическую картину из различных групп финнов на данной территории (Шлыгина, 1977. С. 130, 131). Таким образом, если и можно согласиться, что исследованные О. И. Коньковой позднесредневековые грунтовые могильники были оставлены финнами, то неизвестно, какими именно.

Однако несмотря на дискуссионность вопроса о времени появления ижоры на южном побережье Финского залива и в низовьях Луги, факт ее пребывания здесь неопровержимо доказывается письменными и этнографическими источниками. Причем данные лингвистики и этнографии

свидетельствуют, что именно ижора сыграла роковую роль в судьбе водской народности. Л. Кеттунен, обследовав в 1915 г. усть-лужские деревни, населенные финскими общинами, отметил, что водскому населению угрожает не русификация, а ассимиляция ижорой (Хейнсоо, 1995. С. 176). Ижорский язык стал господствовать над водским в силу численного преобладания его носителей. К середине XX в. все вожане умели говорить по-ижорски. Родной язык использовался лишь в кругу семьи, хотя чаще уже говорили на смеси водского, ижорского и русского. Интеграция двух финских народностей наблюдается и в материальной культуре, которая отразилась в своеобразном сочетании водских и ижорских элементов в женской одежде, которая была описана Ф. Туманским как одежда «ями» (Шлыгина, 1977. С. 130, 131).

В целом можно отметить поразительную стойкость прибалтийско-финского населения, проживавшего на южном побережье Финского залива, в сохранении самобытности своей национальной культуры, по сравнению с другими малыми народами России. Вероятно, это связано с удаленностью от крупных промышленных центров и слабой индустриализацией региона в течение длительного времени. Интенсивная русификация коренных обитателей этого края началась в XIX в. и фактически закончилась к середине XX в. По сведениям Х. Хейнсоо, на восточноводском диалекте до 1942 г. еще говорили в дер. Ицепино. Последняя представительница воды в этой деревне Фекла Васильевна в 1963 г. рассказывала: «В нашей деревне было много воды. Все умерли. Теперь осталась я одна» (Хейнсоо, 1995. С. 174). В свою очередь последние носители западного диалекта воды в дер. Куровицы умерли в 1980-е гг. (Там же. С. 175).

Аристэ, 1956 — Аристэ П. А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1956. С. 5–48.

Гадзяцкий, 1940 — Гадзяцкий С. С. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 6. С. 100–148.

Городилов, 2022 — Городилов А. Ю. Памятники культуры шнуровой керамики юго-восточного побережья Финского залива между реками Лугой и Ковашей // АВ. 2022. Вып. 37. С. 172–184.

Городилов, Раззак, 2020 — Городилов А. Ю., Раззак М. А. Новые памятники эпохи бронзы в реги-

оне Финского залива. Археологические исследования 2017–2019 гг. // АВ. 2020. Вып. 28. С. 233–248.

Городилов, Раззак, 2022 — Городилов А. Ю., Раззак М. А. Результаты раскопок на поселении Галик 11 в 2021 г. // АВ. 2022. Вып. 37. С. 11–31.

Граудонис, 1967 — Граудонис Я. Я. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Начало разложения первобытнообщинного строя. Рига: Зинатне, 1967. 164 с.; ил.

Гурина, 1967 — Гурина Н. Н. Из истории древних племен западных областей СССР. Л.: Наука, 1967 (МИА; № 144). 207 с.

Кеттен, 1851 — Кеттен И. П. Водь и Вотская пяттина // Журнал министерства народного просвещения. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1851. Часть LXX. С. 100–146.

- Кольчатов*, 1982 — *Кольчатов В. А.* О времени заселения Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 61–65.
- Конькова*, 2008 — *Конькова О. И.* Археологические находки на западе Ленинградской области и проблема происхождения ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб.: ИИМК РАН; СЗИ Наследия, 2008. Вып. 2: Древности Ижорской земли. С. 9–32.
- Куза*, 1975 — *Куза А. В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 144–201.
- Ланг*, 1992 — *Ланг В.* О финских влияниях на Северо-Западе Эстонии в I тыс. н. э. // Древности славян и финно-угров: Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии (16–22 мая 1986 г.). СПб.: Наука, 1992. С. 80–85.
- Лаул*, 1986 — *Лаул С. К.* Одежда эстонцев I–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. Материалы к историко-этнографическому атласу. М.: Наука, 1986. С. 190–207.
- Лескинен*, 1995 — *Лескинен Х.* Заселение и демография Ингерманландии // Прибалтийско-финские народы. История и судьба родственных народов / Сост. М. Йокипии. Ювяскюля: Атена, 1995. С. 187–197.
- Лесман*, 1982 — *Лесман Ю. М.* Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья: Межвуз. сб. / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 65–74.
- Лиги*, 1986 — *Лиги П. Х.* О води на территории Эстонии // Известия АН Эстонской ССР. Общественные науки. Таллин: Изд-во АН ЭССР, 1986. Т. 35. С. 156–167.
- Лиги*, 1987 — *Лиги П. Х.* Водский этнический элемент на территории Эстонии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: б. и., 1987. 16 с.
- Михайлова*, 2015 — *Михайлова Е. Р.* Древности Западной Ингрии I тыс. н. э.: новые материалы // АВ. 2015. Вып. 21. С. 176–186.
- Моора*, 1956 — *Моора Х. А.* Вопросы сложения эстонского народа в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа: Сб. ст. / Под ред. Х. А. Моора. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1956. С. 49–141.
- Моора Х., Моора А.*, 1965 — *Моора Х. А., Моора А. Х.* Из этнической истории води и ижоры // Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений: Сб. ст. Таллин: Eesti Raamat, 1965. С. 63–85.
- Насонов*, 2006 — *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование // «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб.: Наука, 2006 (Русская библиотека). С. 7–211.
- Неволин*, 1853 — *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородской земли в XVI веке. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1853 (Записки Русского географического общества; Кн. VIII). 414 с.
- НПЛ, 2000 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000 (ПСРЛ; Т. 3). 692 с.
- Памятники..., 2019 — Памятники каменного века российской части Нарвско-Лужского междуречья / Отв. ред. Д. В. Герасимов. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 199 с.
- ПСРЛ, 1904 — Полное собрание русских летописей. СПб.: Изд. Имп. Археологической Комиссии, 1904. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 302 с.
- Равдоникас*, 1932 — *Равдоникас В. И.* Ижорский могильник в г. Красногвардейске (б. Гатчина) // Сообщения ГАИМК. 1932. № 11–12. С. 24–31.
- Рябинин*, 1987 — *Рябинин Е. А.* Об исследовании средневековых могильников води в Ленинградской области // Известия АН Эстонской ССР. Общественные науки. Таллин: Изд-во АН ЭССР, 1987. Т. 36. С. 408–410.
- Рябинин*, 1997 — *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 260 с.
- Рябинин*, 2001 — *Рябинин Е. А.* Водская земля Великого Новгорода. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 260 с.
- Седов*, 1953 — *Седов В. В.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // СА. 1953. Т. XVIII. С. 190–229.
- Седов*, 1984 — *Седов В. В.* Водь // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука, 1984. С. 155–161.
- Сорокин*, 2008 — *Сорокин П. Е.* Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье. Новые данные по археологии ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб.: ИИМК РАН; СЗИ Наследия, 2008. Вып. 2: Древности Ижорской земли. С. 88–127.
- Спицын*, 1896 — *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб.: Тип. Гл. Упр. уделов, 1896 (МАР; № 20). 145 с.
- Стасюк*, 2008 — *Стасюк И. В.* Могильник у поселка Ополе: новые данные к изучению ранних этапов освоения Ижорского плато в древнерусскую эпоху //

- Исследование археологических памятников эпохи Средневековья: Сб. ст. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 3–24.
- Стасюк, 2011 — Стасюк И. В. Заселение Ижорского плато в I — начале II тыс. н. э. // АИППЗ. Вып. 27 (Семинар им. акад. В. В. Седова; материалы 57-го заседания). М.; Псков: ИА РАН, 2011. С. 224–232.
- Стасюк, 2012 — Стасюк И. В. Население Ижорской возвышенности в I — начале II тыс. н. э. // *Stratum plus*. 2012. № 5: Чудь, меря и инии языци. С. 63–88.
- Тимофеев, 1993 — Тимофеев В. И. Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики): Сб. ст. / Под ред. В. М. Массона и др. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1993. С. 8–34.
- Хвоцинская, 1983 — Хвоцинская Н. В. К вопросу о древних захоронениях воды // КСИА. 1983. Вып. 175. С. 43–48.
- Хвоцинская, 2004 — Хвоцинская Н. В. Финны на западе новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 290 с.; 135 ил.
- Хвоцинская, 2009 — Хвоцинская Н. В. Племя водь и его культура в составе Новгородской земли // Великий Новгород и средневековая Русь: Сб. ст. к 80-летию акад. В. Л. Янина / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 300–312.
- Хвоцинская, 2010 — Хвоцинская Н. В. Уникальная находка деталей водского костюма XVII // ННЗИА. Вып. 24. Великий Новгород: НМЗ, 2010. С. 96–100.
- Хвоцинская, 2013 — Хвоцинская Н. В. Финское население на Северо-Западе Новгородской земли // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в средневековье / Ред. и сост. Г. Вайткявичюс. Vilnius: LII leidykla., 2013. С. 17–34.
- Хейнсоо, 1995 — Хейнсоо Х. Водь и ее этнокультурное состояние // Прибалтийско-финские народы. История и судьба родственных народов / Сост. М. Йокиппи. Ювяскюля: Атена, 1995. С. 167–182.
- Шаскольский, 1979 — Шаскольский И. П. Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен Юго-Восточной Прибалтики в свете данных современной науки // Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979. С. 41–51.
- Шлыгина, 1964 — Шлыгина Н. В. Водь, ижора и финны Ленинградской области // Народы Европейской части СССР. М.: Наука, 1964. Ч. II. С. 310–328.
- Шлыгина, 1977 — Шлыгина Н. В. О русских элементах в женской одежде воды // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга: Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Юхнева. Л.: Наука, 1977. С. 124–140.
- Шлыгина, 1986 — Шлыгина Н. В. Архаические формы женской одежды воды и ижоры // Древняя одежда народов Восточной Европы: Материалы к историко-этнографическому атласу / Отв. ред. М. Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. С. 208–228.
- Шмидехельм, 1955 — Шмидехельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на Северо-Востоке Эстонии (V в. до н. э. — V в. н. э.). Таллин: Эстонское гос. изд-во. 1955. 269 с.
- Шмидехельм, 1956 — Шмидехельм М. Х. О племенах Северо-Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э. // Вопросы этнической истории эстонского народа: Сб. ст. / Под ред. Х. А. Моора. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1956. С. 172–186.
- Юшкова, 2010 — Юшкова М. А. Новая группа памятников культуры могильников с каменными оградками (*die Tarandgräberkultur*) на западе Ижорской возвышенности // Диалог культур и народов средневековой Европы: Сб. ст. к 60-летию Е. Н. Носова / Отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвоцинская. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 316–339.
- Юшкова, 2015 — Юшкова М. А. Новая группа памятников I–VII вв. на юго-западе Ленинградской области // АВ. 2015. Вып. 21. С. 187–198.
- Jaanits ja teis., 1982 — Jaanits L., Laul S., Lõugas V., Tõnissonn E. Eesti esiajalugu. Tallinn: Eesti Raamt, 1982. 461 lk.
- Lang, 2007 — Lang V. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. Tartu: Tartu University Press, 2007 (*Estonian Archaeology; Vol. 3*). 298 p.
- Ligi, 1993 — Ligi P. Vadjapärased kalmed Kirde-Eestis (9.–16. sajand) // Muinasaja teadus. Tallinn: Eesti Teaduste Akadeemia Ajaloo Instituut, 1993. Vol. 2. Lk. 7–175.
- Moora, 1964 — Moora A. Peipsimaa etnilisest ajaloost. Tallinn: Eesti riiklik kirjastus, 1964. 368 lk.
- Moora, 1929 — Moora H. Wotische Altertümer aus Estland // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. Helsinki, 1929. Vol. IV. S. 272–283.
- Õpik, 1970 — Õpik E. Vadjalatest ja isuritest XVIII sajandi lõpul. Tallinn: Valgus, 1970. 207 lk.
- Selirand, 1974 — Selirand J. Eestlaste matmis-kombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11.–13. sajand). Tallinn: Eesti raamat, 1974. 375 lk.

Selirand, Tõnnisson, 1984 — Selirand J., Tõnnisson E. Through Past Millennia. Archaeological Discoveries in Estonia. Tallinn: Periodika, 1984. 179 p.

Valk, 2001a — Valk H. Livonia and North-Western Russia: Reflections of Communication and Contacts

in the Archaeological Material of Rural Sites // Старо-ладожский сборник. СПб.: Старая Ладога, 2001. Вып. 4. С. 21–32.

Valk, 2001b — Valk H. Rural cemeteries of southern Estonia 1225–1800 AD. Visby, Tartu: University of Tartu, 2001. 124 p.

Ethnogenesis and the historical fate of the Vod'

N. V. Khvoshchinskaya⁷

Keywords. Southern coast of the Gulf of Finland, culture of the Baltic Finns, tribe of the Vod, its historical fate.

This paper considers the ethnogenesis and the historical fate of a small Baltic tribe known from Russian chronicles under the name of *Vod'*. After information of historical and ethnographic sources, these people occupied a compact territory from the basin of the Narva River to as far as the surroundings of Koporye. Archaeological investigations of last decades show that this territory, along with other areas of the Baltic region, was settled during the Stone Age.

In the 1st millennium BC, Estonia, southern Finland and north-eastern Latvia are marked in the archaeological map of East Europe by the spread of peculiar monumental funerary installations — stone burial grounds. Their emergence manifested the process of the consolidation and distinguishing from the common conglomeration of west Finnic peoples who were ancestors of Ests and Livs. The area of stone cemeteries encompasses, inter alia, also a small district in the east situated along the Gulf of Finland eastwards from the Narva. Further on, in the first half of the 1st millennium BC, the consolidation of the ancient Ests proper as an integrated people was taking place inside the Finnic world as reflected in the unification of the material culture and appearance of stone burial grounds with grave fences. However, inside this agglomeration, also their own local zones arose with a certain difference in their material culture.

In the late 1st — early 2nd millennium AD, also a process of the cultural separation of the population eastward from the Narva is occurring. Basing on the culture of stone cemeteries, a material culture relatively differing from the original one founded on the commonness with the Estonian tribes started to form itself while the linguistic proximity to the northern Ests was preserved. It is exactly this group of people that, in my opinion, appears at the historical arena under the name of the *Vod'* occupying a compact territory from the northern region of Lake Chudskoye in the West to as far as the basin of the Kovashi River in the east where it actually was recorded in the 18th cen.

In the Modern Period, the tribe of Izhora migrating from the basin of the Neva River to the lands occupied by the Vodians, began to assimilate the latter due to their numerical superiority. After the ethnographic evidence, the Izhorian language gradually began to dominate over the Vodian language so that as early as by the mid-20th cen. all the Vodians knew to speak Izhorian. The native tongue was used only in the family circle although commonly they spoke in the mixture of Vodian, Izhorian and Russian. The integration of the two Finnic peoples is observed also in the material culture. The intensive Russification of the native residents of the region under consideration began in the 19th cen. and in fact had been accomplished by the middle of the 20th cen.

⁷ Natalia V. Khvoshchinskaya — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: kottimoshka85@mail.ru.

Могильники с кремациями эпохи викингов между Нарвой и Волховом (к вопросу о предкурганной культуре X–XI вв. и происхождении воды)¹

И. В. Стасюк²

Аннотация. В статье обобщены данные о погребальных памятниках на западе Ленинградской области, содержащих кремационные захоронения X–XI вв. и расположенных на территории к югу от Финского залива вне ареалов сопки и длинных курганов. Обосновано существование самостоятельного культурно-хронологического горизонта, выделены типы-индикаторы и хронологические группы древностей. Сделан вывод о принадлежности рассматриваемых памятников к единому культурному пространству восточной части Финского залива.

Ключевые слова: эпоха викингов, погребальные памятники, кремации, Северо-Запад России, Прибалтика, Фенноскандия, прибалтийско-финские народы.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-220-242

Введение

Для периода последней четверти I — начала II тыс. н. э., по традиции именуемого эпохой викингов³, на Северо-Западе Руси хорошо известны три обширные группы погребальных древностей: культура псковских длинных курганов (КПДК),

новгородские сопки и курганы Юго-Восточного Приладожья. Западнее, на территории Эстонии, в этот период распространены каменные могильники с сожжениями (*Tvauri*, 2012). Севернее, на Карельском перешейке и в приладожской Карелии, древности эпохи викингов долгое время были известны по находкам отдельных предметов и сравнительно немногочисленным кремационным погребениям (*Takala*, 2005; *Сакса*, 2010. С. 62, 63). В наши дни в научный оборот активно вводятся новые материалы (*Спиридонов*, 2013; *Кочуркина*, 2017; *Бельский*, 2018; 2022).

При нанесении на карту ареалов указанных групп памятников отчетливо вырисовывается окруженное ими пространство, раннесредневековые древности которого до сих пор не имеют общепринятой культурно-хронологической атрибуции и зачастую не осознаются исследователями ранней Руси как самостоятельный горизонт. Это пространство, лежащее к югу от побережья Финского залива и Невы, охватывает Нарвско-Лужское междуречье, нижнее течение Луги, Ижорскую возвышенность, побережье залива от Кургальского полуострова до устья Невы (Предлинтовую, или Приморскую, низменность),

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: norroendreng@mail.ru.

© Стасюк И. В., 2023

³ В последние годы этот термин все чаще подвергается критике как неоправданно суживающий историческое содержание эпохи до одного, пусть и весьма значимого, аспекта. Осознавая условность термина, я нахожу его не только привычным и традиционным для историко-археологической литературы, но и весьма удобным, поскольку за ним стоят как определенные хронологические и географические рамки, так и конкретное археологическое содержание в виде вещевых наборов и горизонтов древностей.

Южное Приневье и Южное Приладожье⁴. С запада его территория ограничена течением Наровы и ареалом «древностей эстов» (*Tvauri*, 2012. P. 23, fig. 4), с севера — побережьем Финского залива и течением Невы, с востока — течением Волхова и сопками Поволховья, с юга — северной периферией КПДК (*Михайлова*, 2021а. Рис. 1).

Древности эпохи викингов внутри очерченного ареала долгое время были представлены крайне малочисленными находками, либо случайными, либо происходящими из слабо документированных раскопок XIX — начала XX в. (*Рябинин*, 2001. С. 14, 15). В последние полтора десятилетия накоплен новый материал, позволяющий говорить о существовании здесь самостоятельного горизонта древностей. Отдельные памятники и местонахождения стали предметом специального рассмотрения (*Стасюк*, 2008; 2017; *Михайлова и др.*, 2016). Предприняты первые попытки их обобщения и культурно-исторической интерпретации, в рамках которой памятники эпохи викингов нижнего течения Луги, Ижорского плато, Южного Приневья и Южного Приладожья включаются исследователями в единое пространство культур Финского залива, связанных с раннесредневековым прибалтийско-финским населением (*Стасюк*, 2011б; 2012; *Юшкова*, 2015; *Mikhaylova*, 2016; *Михайлова*, 2018).

Е. Р. Михайловой и автором этих строк уже отмечались некоторые особенности данного горизонта древностей: наиболее характерные типы встречаемых предметов, отдельные черты погребального обряда (*Стасюк*, 2011б. С. 228, 229; *Михайлова*, 2018. С. 12, 13). Цель данной статьи — выделить его значимые археологические характеристики, определить общие черты известных памятников, а также проследить закономерности развития горизонта, такие как динамика изменений обряда и вещевого набора, преемственность с предшествующими и последующими погребальными древностями.

Специфика источника

Необходимо отметить источниковедческую специфику рассматриваемого материала. Стационарными раскопками в западной части Ленинградской области изучены всего несколько пунктов с кремациями эпохи викингов. Современные исследования проводились в могильниках Ратчи-

но (*Стасюк*, 2011а), Удосолово (*Михайлова*, 2015) и Малли (*Юшкова*, 2015). Остатки разрушенного могильника с трупосожжениями, относящимися, вероятно, к последней четверти I тыс. н. э., выявлены также при раскопках городища Пиллово-2 (*Михайлова и др.*, 2016). Коллекция находок из Вырицкого могильника происходит из раскопок Археологического института 1907 г., по которым не обнаружен отчет, кремация в «кургане 10» в Озертицах — из слабо документированных раскопок Л. К. Ивановского 1877 г. (*Спицын*, 1896. С. 74; *Лесман*, 2008). Кремация в Дятлицах известна по отчету о раскопках 1927 г., но вещевая коллекция не сохранилась, поэтому выводы о типах предметов приходится делать по описанию и схематичным изображениям на чертежах (*Соболев*, 2014. С. 291, 292). Могильник Мануйлово исследовался Л. К. Ивановским (1891 г.) и В. Н. Глазовым (1903 г.), но трупосожжения не попали в их раскопы (*Спицын*, 1896. С. 108; 1905). Случайные находки отдельных оплавленных предметов на месте распаханных мануйловских курганов или в непосредственной близости от них, сделанные уже в наши дни, поступили в Кингисеппский историко-краеведческий музей. Могильник Вруда исследован Л. К. Ивановским в 1876 г., но кремации там также не были отмечены (*Спицын*, 1896. С. 91). Ланцетовидное копье со следами пребывания в огне, происходящее из распаханного погребения на окраине могильника, было передано местным жителем С. Л. Кузьмину, обследовавшему его в 2007 г., и поступило в собрание музея-усадьбы Н. К. Рериха в Изваре⁵. Орлино представляет собой местонахождение, вероятно, размытый озером могильник. Он осмотрен Е. Р. Михайловой и автором (*Михайлова и др.*, 2019). Разрушенные распашкой некрополи Ополе и Валья известны по сборам предметов, поступивших в государственный музейный фонд. Места их также осматривались нами, а коллекции изучены в Кингисеппском историко-краеведческом музее и музее-усадьбе Н. К. Рериха в Изваре. Информация о случайных находках в Межниках и Мучихино учтена по публикациям (*Волковицкий и др.*, 2008; *Конькова*, 2009). Информация об открытом в ходе военно-поисковых работ захоронении в Ерзуново и поступивших в МАЭ РАН предметах получена от С. В. Бельского, которому автор выражает искреннюю благодарность.

Таким образом, несмотря на значительно возросший фонд доступных для изучения

⁴ Не путать с Юго-Восточным Приладожьем — ареалом Приладожской курганной культуры, которое также иногда не вполне корректно называют Южным.

⁵ Шифр предмета МУРИ КП-4102/А-563.

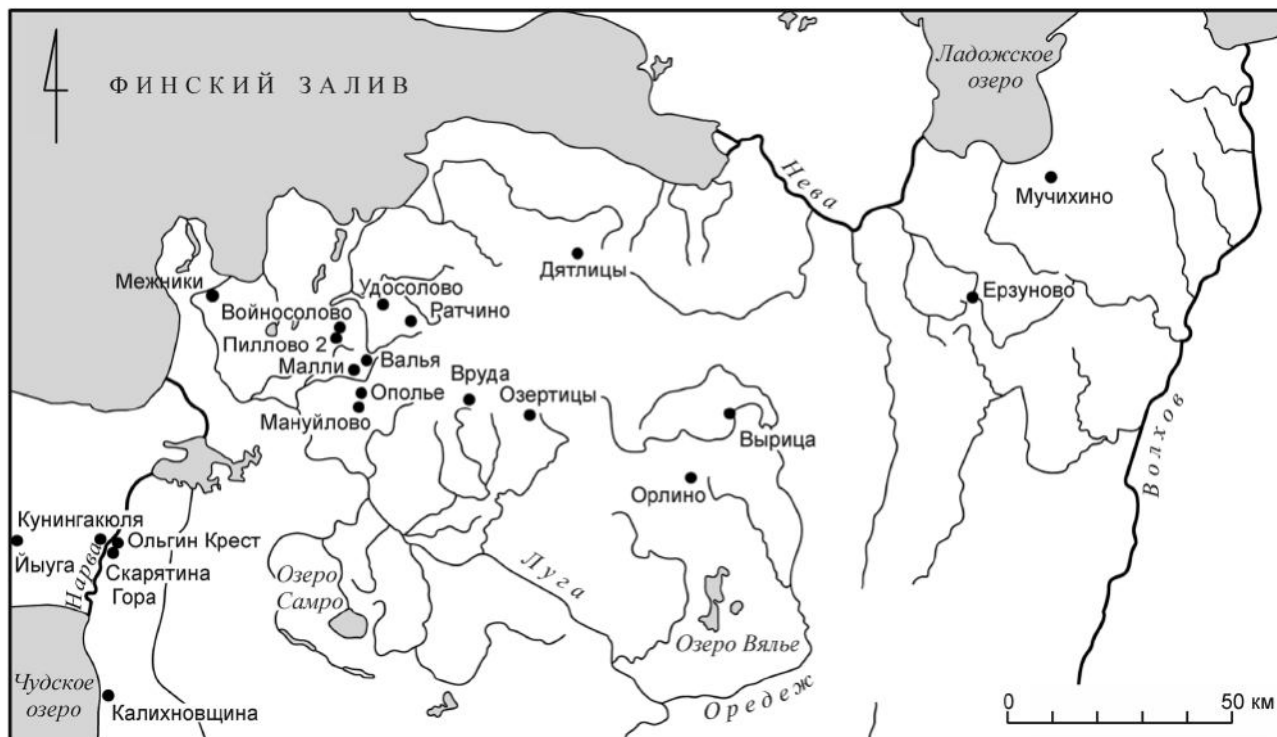

Рис. 1. Карта памятников, упоминаемых в статье

Fig. 1. Map of sites mentioned in the article

материалов, существенную часть их по-прежнему составляют случайные находки и комплексы из слабо документированных старых раскопок. Относительно большое количество предметов позволяет достаточно уверенно делать выводы вещеведческого характера, но при изучении погребального обряда мы вынуждены руководствоваться данными лишь нескольких раскопанных памятников и результатами разведочных обследований, а также не вполне надежной информацией об обстоятельствах случайных находок.

Памятники и местонахождения: топография

На сегодняшний день мне известны порядка 15 памятников и местонахождений с кремационными погребениями эпохи викингов, расположенных в обозначенном ареале между Нарвой и Волховом (рис. 1). К ним в культурном и хронологическом отношении примыкают могильники с кремациями Северного Причудья и Принаровья, введенные в научный оборот Прийттом Лиги (Лиги, 1982; 1992; Ligi, 1993) и занимающие ту же археологическую нишу — к востоку от каменных, к северу от длинных, к западу от сопок. Кажется оправданным рассматривать их вместе в рамках единого горизонта древностей.

Этому же кругу близки памятники на восточном берегу Чудского озера: Залахтовье и, вероятно, разрушенные кремации в Калихновщине, а также могильник Селище под Псковом. Они не рассматриваются в данной работе, поскольку выпадают из ее территориальных рамок, а также подробно анализировались ранее (Хвоцинская, 2004; Михайлов, Романовский, 2016; Михайлова, Соболев, 2021).

В географическом отношении выделяются три области распространения указанных древностей.

Первая охватывает окраины Ижорского плато. Это зона Балтийско-Ладожского глинта в ее северной и западной частях, а также пологие юго-западные и южные склоны возвышенности. Характерная физико-географическая особенность этой области — переходный характер ландшафта. Здесь, на границе засушливого карстового Ижорского ландшафтного района с сопредельными озерными и озерно-ледниковыми песчаными и супесчаными низменностями, распространены плодородные дерново-карбонатные суглинистые почвы, типичные для Ижорского плато, и в то же время присутствует развитая гидросеть, представленная многочисленными ручьями и мелкими

речками с родниковым питанием. Памятники эпохи викингов тяготеют к северной и западной окраинам плато, во многом наследуя систему расселения, сложившуюся здесь в первой половине I тыс. н. э. В трех случаях надежно фиксируется непосредственная преемственность некрополей. В Малли в составе одного памятника представлены захоронения первой половины, середины и конца I тыс. н. э., а также начала II тыс. н. э. В ратчинском могильнике захоронения совершались в раннее римское время, на рубеже I–II тыс. н. э., и продолжались до начала XIII в. В Удосолово выявлены захоронения эпох римских влияний, великого переселения народов и третьей–четвертой четвертей I тыс. н. э. Еще в трех случаях топографическая преемственность фиксируется не в масштабах одного памятника, но в их ближайшей округе — расстояние между находками составляет несколько сотен метров. Так, могильники с раннесредневековыми кремациями Валья, Ополе, Дятлицы близко соседствуют с погребальными памятниками и местонахождениями эпохи римских влияний. По-видимому, это относится и к распаханному могильнику (могильникам?) близ Войносолово (Сорокин, Юшкова, 2014). Из ближайших окрестностей могильника Мануйлово также происходит несколько случайных находок фибул первых веков новой эры. Могильники с кремациями на южной окраине плато — Вруда и Озертицы — такой «подложки», кажется, не имеют. Автором зафиксирована информация от местного жителя о случайной находке римского сестерция примерно в 500 м западнее могильника Большая Вруда, но она требует проверки атрибуции монеты.

Для большинства пунктов с кремационными захоронениями эпохи викингов на Ижорском плато и в нижнем течении Луги также прослежена преемственность с позднейшими погребениями — подкурганскими ингумациями второй половины XI — XIII в. Курганы с трупоположениями известны в могильниках Ратчино, Малли, Мануйлово, Дятлицы, Вруда, Озертицы. Случайные находки предметов XI–XIII вв. без следов пребывания в огне, происходящие из распаханых захоронений, встречены в Ополе и Валье. Таким образом, многие могильники, функционировавшие в эпоху викингов, продолжали функционировать и в эпоху развитого средневековья, при этом довольно резкая смена обряда не сопровождалась изменением вещевого набора. По крайней мере женский ювелирный убор сохраняет преемственность развития в XII и, отчасти, XIII вв.

Вторая область охватывает равнинные низменности Южного Приневья и Приладожья. Здесь, в отличие от Ижорского плато, отсутствует зона выраженной концентрации памятников. Они редки и разбросаны по обширной территории. Это объясняется двумя факторами: характером самой местности, где обширные лесистоболотистые пространства перемежаются сравнительно немногочисленными благоприятными для заселения участками, и степенью ее изученности. Топографическая преемственность с древностями I тыс. н. э. здесь не фиксируется. Единичные находки эпохи римских влияний в этом ареале происходят только из бассейнов Оредежа и Тигоды (Михайлова, 2021б; Сорокин, Юшкова, 2014). Впрочем, их малочисленность с большой вероятностью может объясняться недостаточной изученностью территории.

Третья область — Северное Причудье и Принаровье. Здесь также не зафиксирована непосредственная топографическая преемственность памятников эпохи викингов с предшествующими древностями, но прослежен переход к средневековым курганным кладбищам XII–XIII вв.

Погребальный обряд

Изучение кремационного обряда эпохи викингов применительно к рассматриваемому региону осложняется состоянием источника. Зафиксированные *in situ* два кремационных погребения в Ратчино были нарушены еще в древности. Большинство их разрушены распашкой и представлены разрозненными находками кальцинированных костей и предметов в мешаном слое (Стасюк, 2017). Могильник с кремациями на городище Пиллово-2 также разрушен в древности, видимо, при сооружении вала (Михайлова и др., 2016). В Удосолово кремации последней четверти I тыс. н. э. располагались на периферии могильника, сильно пострадавшей в результате строительства дороги, кладоискательских раскопок, и представлены находками отдельных предметов из перекопа. Трупосожжения в Мануйлово, Вруде, Валье, Ополе, Ерзуново известны только по сборам оплавленных и обожженных предметов с пахотного поля или на позициях Второй мировой войны, по счастливому стечению обстоятельств поступивших в музей. Перечисленные обстоятельства позволяют охарактеризовать лишь самые общие, уловимые на имеющемся материале черты погребального обряда.

Во всех задокументированных случаях можно утверждать, что кремации производились

на стороне. Захоронения кремированных останков совершались близко к уровню земли: либо в неглубоких грунтовых ямках, либо непосредственно на горизонте. В результате такие погребения оказались в археологическом плане очень уязвимы и подвержены разного рода разрушительным воздействиям. Уже в начале XII в. с распространением курганного обряда при возведении курганов грунт с остатками кремаций в перетолженном виде попадал в толщу насыпей. Такие примеры зафиксированы при раскопках в Ратчино (Стасюк, 2017. С. 136–139) и Ёйуга (*Ligi*, 1993. S. 155). Бескурганном, по-видимому, было и сожжение в Дятлицах, перекрытое позднейшей насыпью кургана с труположением XII в. (Соболев, 2014. С. 293). Кремация в Озертицах открыта при раскопках «кургана № 10» (Спицын, 1896. С. 5, 74), однако перечень предметов из этого комплекса (пять ножей!) позволяет предположить, что в нем оказались сведены находки из нескольких захоронений, возможно, также перекрытых курганом либо вброшенных с грунтом в толщу насыпи при ее возведении. В ходе обследования нами мест распаханных могильников в Ополе и Валье никакие признаки наземных сооружений уже не фиксировались. Курганы в Малли, судя по выбросам из грабительских ям, содержали труположения. Они относятся уже к XII в. и соседствуют с более ранним «полем кремаций». Вырицкий могильник, раскопанный слушателями Археологического института в 1907 г., определен Ю. М. Лесманом как курганный (Лесман, 2008). Однако полной уверенности в этом нет, поскольку: а) никак не документирована связь находок 1907 г. с могильником на Береговой улице, открытым Ю. М. Лесманом в 1974 г.; б) могильник на Береговой улице, по результатам нашего обследования, скорее всего является грунтовым кладбищем позднего средневековья — раннего нового времени, соотносимым с деревней Дверница, зафиксированной на этом месте писцовыми книгами и картами XVII — начала XVIII в. За курганные насыпи в 1974 г., возможно, были приняты отвалы стихийного песчаного карьера. Приходится констатировать, что ни истинное местонахождение, ни тип погребальных сооружений Вырицкого могильника 1907 г. достоверно неизвестны. Надежными могут быть только вещеведческие выводы, полученные на основании коллекции, блестяще препарированной Ю. М. Лесманом.

В Залахтове Н. В. Хвоцинской изучены подкурганные кремации и наземные деревоземляные сооружения типа «домиков мертвых», однако

в изучаемом нами ареале состояние источника не позволяет пока подтвердить или опровергнуть распространение аналогичных конструкций.

Состояние кальцинированных костей, обнаруженных в Ратчино и собранных на пахоте в виде подъемного материала на прочих памятниках, позволяет заключить, что температура погребального костра находилась в пределах 650–950 °С, что соответствует 4–5-й ступеням горения, по Дж. Уалу (J. Wahl) (Клещенко, Решетова, 2019. С. 24). Значительную часть антропологического материала составляют измельченные хрупкие твердые кальцинированные кости белого цвета, с гладкой поверхностью, множественными параболическими и сетчатыми деформационными трещинами, характерной «пластилиновой» деформацией. Усадка и деформация указывают на то, что сожжению подвергалось тело с мягкими тканями вскоре после наступления смерти (Там же. С. 25–27). Кости серого и черного цвета, с невыгоревшей органикой, соответствующие более низким ступеням горения, обнаружены только в Удосолово, но они относятся к захоронениям более раннего периода, совершенным в каменной оградке.

Обращает на себя внимание сочетание в вещевых коллекциях предметов из цветных металлов как полностью переплавленных, так и лишь слегка обожженных, с незначительно оплавленной поверхностью. Обилие оплавок и выплесков, в том числе очень массивных, с включениями фрагментов костей человека, указывает на то, что часть предметов из серебра и медных сплавов находилась непосредственно на теле в процессе кремации и подверглась длительному термическому воздействию, соответствующему или превосходящему температуру их плавления (Стасюк, 2017. С. 140, рис. 3, 1). Другая часть предметов помещалась в угли прогоревшего погребального костра или в остывающие остатки кремации при их захоронении. Различия в сохранности предметов от незначительной горячей деформации до полной потери формы в результате текучести могут также объясняться их положением в костре и составом сплавов. Температура плавления латуни, в зависимости от состава, лежит в пределах 880–950 °С, бронз — 930–1200 °С и более, серебра — 960 °С, что вполне согласуется с 4–5-й ступенями горения останков. Некоторые изделия из черного металла покрыты прочной равномерной окалиной, образовавшейся в огне погребального костра и обеспечившей их превосходную сохранность.

Важной особенностью обряда погребения является ритуальная порча предметов погребального

инвентаря. В отдельных случаях невозможно утверждать, были ли предметы повреждены намеренно при захоронении или их поломка и деформация стали результатом интенсивной распушки памятников в XX в. Тем не менее и в раскопках, и в коллекциях случайных находок встречено заметное количество изделий с явными следами преднамеренной порчи. Таковы скрученные в спираль ланцетовидный наконечник копья и серп из Малли⁶, согнутые и сложенные вдвое серпы и косы⁷, найденные на большинстве памятников рассматриваемого круга, фрагменты сломанных мечей и боевых ножей.

Особо следует отметить зафиксированную в Малли, Валье и Ополе традицию помещения в захоронения отдельных частей ценных предметов вооружения: наверший и перекрестий мечей, обломков клинка. Аналогичные фрагментированные находки широко представлены в каменных могильниках Эстонии. Комплекс предметов из Мучихино был обнаружен в компактном состоянии, вещи в пахотном слое были «как бы перемешаны и переплетены» друг с другом (Волковицкий и др., 2008. С. 151). Похожая картина отмечена и в Малли. В Калихновщине два наконечника копий из кремации найдены всажеными один в другой, что также согласуется с общесеверной погребальной традицией эпохи викингов.

Интересно наличие в погребениях ритуальных предметов: своеобразных «поделок» или имитаций функциональных изделий, изготовленных из вещей другого назначения. В Малли найдены имитация удила, изготовленная из железного калачевидного кресала с язычком и подковообразной фибулы⁸ (рис. 2, 1), а также удила с имитацией псаля из фрагмента витой шейной гривны⁹ (рис. 2, 3). Вероятно, ритуальный характер имеет так называемый амулет-погремушка скандинавского облика, происходящий из Ратчинского могильника (рис. 2, 2) (Дорофеева, 2016).

⁶ Шифр предмета МУРИ КП-7436/A-1801, в Госкаталог № 28446736.

⁷ Шифр предмета МУРИ КП-7449/A-1814, в Госкаталог № 28446726.

⁸ Шифр предмета МУРИ КП-7067/A-1588, в Госкаталог № 13670870.

⁹ Шифр предмета МУРИ КП-7435/A-1800, в Госкаталог № 28446751.

Рис. 2. Ритуальные «поделки» и амулеты из захоронений: 1, 3 — Малли; 2 — Ратчино

Fig. 2. Ritual “handicrafts” and amulets from the burials: 1, 3 — Malli; 2 — Ratchino

Материальная культура: типы-индикаторы

Характеризуя древности эпохи викингов восточной части Финского залива в целом, Е. Р. Михайлова отмечала, что «комплексы и находки состоят из очень похожих предметов ...этот набор стабилен и узнаваем» (Михайлова, 2018. С. 12). Действительно, во всех отмеченных памятниках встречены предметы, которые можно выделить в качестве культурных и хронологических индикаторов рассматриваемого горизонта. Охарактеризуем их подробнее.

Предметы вооружения и конского снаряжения. Из оружия наибольшее внимание традиционно привлекают такие узнаваемые атрибуты эпохи викингов, как «каролингские» мечи, ланцетовидные наконечники копий и широколезвийные секиры типа М. К сожалению, большинство этих предметов были обнаружены в последние десятилетия в ходе хищнических кладоискательских раскопок, и их местонахождение неизвестно. Имеющиеся фотоснимки находок показывают, что в Ополье были найдены как минимум три «каролингских» меча: один типа Н с клеймом ULFBERNHT и два типа V, все они имеют следы пребывания в огне. Из могильника Ратчино происходит рукоять меча типа Е с фрагментом клинка. Рукоять меча редкого типа R, украшенная серебряной инкрустацией, найдена в могильнике Малли. Найдены также отдельные детали мечей. Наиболее многочисленны навершия — целые и фрагменты. Из них в Ополье обнаружены: обожженная головка подобной детали типа V и целое изделие типа B, по Э. Окшотту, с потеками оплавленной серебряной всечки. Стоит отметить литое бронзовое окончание навершия типа T1 Куршский,

по В. Казакивичусу, без следов сожжения, происходящее с той же территории (*Стасюк*, 2008. Табл. VI, 5). В окрестностях Дятлиц, вероятно, на месте распаханного могильника, найдена обожженная головка детали типа Т второй группы, по Я. Петерсену (*Петерсен*, 2005. Рис. 121).

В собрании музея-усадьбы Н. К. Рериха хранятся фрагменты двух клинков из Малли со следами кремации от однолезвийного и двухлезвийного мечей. Оба относятся к средним частям изделий и сломаны в древности. Фрагмент двухлезвийного клинка (рис. 3, 1) длиной 15 см имеет ширину 4,0–4,2 см, поверхность в сечении плоская, без дола, ширина плоской части 1,8 см, толщина 0,4 см, лезвия образованы симметричными треугольными сужениями полосы к краям, ширина которых составляет 1,1 см. Подобное сечение и пропорции клинка, наряду с клинками с долом и с линзовидным сечением полосы, типичны для мечей эпохи викингов (*Андрощук*, 2013. С. 96, рис. 54). Фрагмент однолезвийного клинка¹⁰ (рис. 3, 2) имеет длину 23,8 см, ширину 3,8–4,0 см, толщина полосы по обуху 0,4 см. Сечение полосы плоское, без дола, лезвие шириной 0,8 см образовано резким симметричным треугольным сужением кромки. Аналогичные клинки представлены в североевропейских и балтийских материалах эпохи викингов.

Из Малли происходят три боевых ножа (рис. 3, 3–5), подробно рассмотренные в публикации (*Стасюк и др.*, 2018). Подобные изделия, иногда не вполне корректно причисляемые к скрамасаксам, в Северной Европе и на Руси в эпоху викингов встречаются сравнительно редко и, как правило, в составе комплексов вооружения статусных погребений. В Прибалтике и Финляндии данный тип, напротив, имеет чрезвычайно широкое распространение.

Ланцетовидные наконечники копий найдены практически во всех памятниках рассматриваемого круга, часто по несколько экземпляров. Древнейший тип — единственное копьё с «ложноготическим» орнаментом на сравнительно короткой относительно массивного пера втулке — происходит из могильника Ратчино (рис. 3, 6). Там же найден черешковый наконечник копья

¹⁰ Шифр предмета МУРИ КП-6969/А-1490, в Госкаталоге № 13642397.

с пером ланцетовидной формы¹¹ (рис. 3, 7) — тип, характерный для Финляндии IX–X вв. и редкий в других регионах (*Артемьев*, 1991. С. 183). Типичные ланцетовидные наконечники и их фрагменты со следами кремации встречаются в Ратчино (рис. 3, 8, 9), Малли, Большой Вруде (рис. 4, 13), Ополе (*Стасюк*, 2008. Табл. I, 4; V, 5; VI, 2, 3), Озертицах (*Спицын*, 1896. Табл. XVIII, 13), Мучихино (*Волковицкий и др.*, 2008. Рис. 2, 7), Ёыуга, Кунингаюле, Скарятинной Горе, Ольгином Кресте (*Лиги*, 1992. Рис. 2; *Ligi*, 1993. Таһ. XI, 3–6) и, возможно, в Дятлицах (*Соболев*, 2014. С. 293).

Не менее характерной находкой являются копия с треугольным пером типа М, по Я. Петерсену. Они обнаружены в кремациях и ингумациях в Ополе, Малли, Ратчино, Мануйлово, Озертицах, также нередко по несколько экземпляров в одном могильнике. К. Кройц в монографии, посвященной данному типу копий в Балтийском регионе, выделяет на территории России области концентрации находок, коррелирующие с обозначенными ранее районами распространения кремаций эпохи викингов. Это примечательный факт, учитывая, что автор работала преимущественно с более поздним материалом (*Creutz*, 2003. P. 92, 93, fig. 8).

Наконечники стрел представлены редкими ланцетовидными, листовидными (рис. 3, 12, 13) и значительно более распространенными треугольными и ромбовидными (рис. 3, 10, 11) формами.

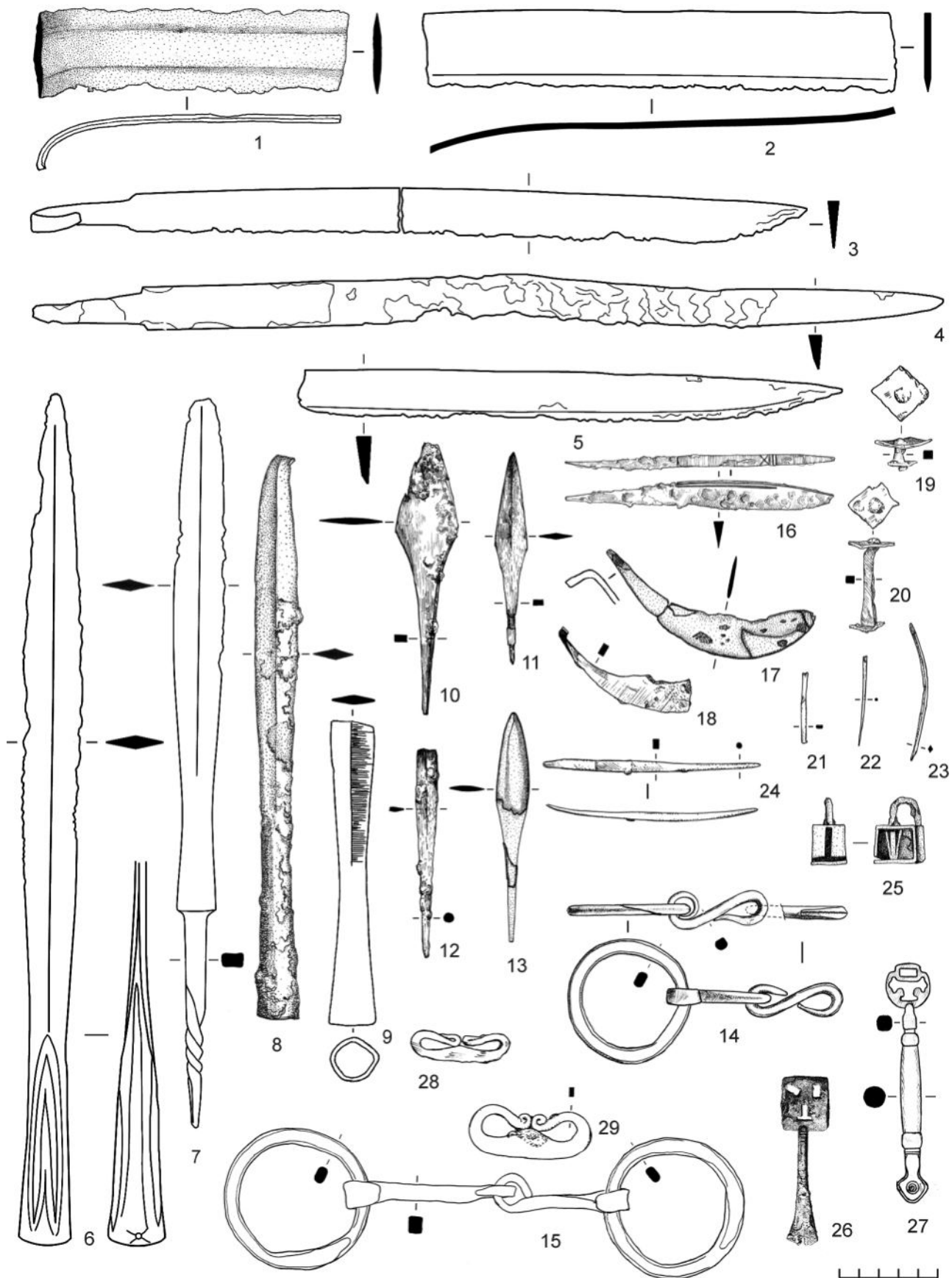
Находки секир типа М, по Я. Петерсену, многочисленны. Они встречаются как в кремационных погребениях, так и в ранних курганах с труположениями, известных по уже упомянутым раскопкам Л. К. Ивановского, Е. А. Рябинина (*Рябинин*, 2001. Табл. XXI, 7)¹² и автора (*Стасюк*, 2011а. Рис. 5, 1). Эта форма (тип VII, по А. Н. Кирпичникову), появившаяся в позднюю эпоху викингов, бытовала в Балтийском регионе на протяжении всего средневековья (*Кирпичников*, 1966б. С. 39). Имеются указания как мини-

¹¹ Шифр предмета МУРИ КП-7476/А-1841, в Госкаталоге № 28450339.

¹² Примечательно, что находка происходит из женского погребения (могильник Лашковицы II, курган 1, см.: *Рябинин*, 2001. С. 179).

Рис. 3. Изделия из черного металла из кремационных захоронений Ижорского плато: 1–5 — Малли; 6–14, 16–25 — Ратчино; 15, 27 — Ополе; 26 — Озертицы (*Спицын*, 1896. Табл. XVII, 17); 28, 29 — Ратчино

Fig. 3. Objects made from a ferrous metal from cremation burials on the Izhora Plateau: 1–5 — Malli; 6–14, 16–25 — Ratchino; 15, 27 — Opolye; 26 — Ozertitsy (*Спицын*, 1896. Табл. XVII, 17); 28, 29 — Ratchino

мум на одну находку секиры со следами кремации в Малли, однако сам предмет утрачен. Легкая тонкая секира из Ратчино в собрании музея в Изваре¹³ морфологически соответствует изделиям X в., но не имеет следов кремации. Две миниатюрные широколезвийные секирки из Ополя (*Стасюк*, 2008. Табл. I, 1, 2) имеют плохую сохранность и также не могут быть однозначно атрибутированы как происходящие из сожжений.

Находки удил достаточно многочисленны. Они представлены двух- и трехзвенчатыми экземплярами с кольцами (рис. 3, 14, 15), найденными в Ополе, Ратчино, Малли, Мучихино, Озертицах. Из Ратчино и Ополя происходят также две находки декорированных стремян со следами сожжения (*Там же*. Табл. II, 3). По-видимому, верховая езда составляла важную черту местной воинской традиции раннего средневековья.

Хозяйственный и бытовой инвентарь. Весьма многочисленную группу составляют ножи IV группы, по Р. С. Минасяну (*Минасян*, 1980). Они представлены на всех памятниках и местонахождениях и являются, по-видимому, непременным атрибутом подавляющего большинства захоронений. В коллекции из Ратчино представлены 10 ножей с явными следами кремации (рис. 3, 16) и четыре — с вероятными. Из Малли происходит не менее 10 экземпляров со следами кремации, в том числе один превосходной сохранности (рис. 4, 9). Все ножи имеют малые и средние размеры (длина с черешком 9–15 см), изготовлены в пакетной технологии, зачастую имеют сильный износ в результате длительного использования, хотя встречены и сравнительно новые, слабо сточенные экземпляры.

Серпы, косы и их фрагменты составляют значительную часть коллекций из рассматриваемых памятников. Их помещение в захоронения, зачастую в ритуально испорченном виде, является характерной чертой местного погребального ритуала, которую наследуют приходящие на смену кремациям подкурганские ингумации, а позднее — и грунтовые кладбища воды типа Валговицы и Великино (*Рябинин*, 1997а. С. 31, 33). Серпы и косы представлены экземплярами различных размеров: как миниатюрными (рис. 3, 17, 18; 4, 6), так и полноразмерными (рис. 4, 10). Миниатюрные серпы, аналогичные ратчинским находкам, известны в Эстонии, где датируются периодом от поздне-римского времени до конца I тыс. н. э. Три такие

ратчинские находки соответствуют типу Шб, по С. Лаул и Э. Тыниссону. Миниатюрные размеры кос расцениваются этими исследователями как ранний признак, характерный для изделий середины–конца I тыс. н. э. (*Laul, Tõnisson*, 1991. S. 90, 91). Одна миниатюрная коса-горбуша найдена в Ратчино (рис. 4, 6), три имеются в коллекции из Ополя, в том числе один экземпляр, согнутый пополам (*Стасюк*, 2008. Табл. III, 1, 3).

Очень характерны для горизонта кремаций заклепки с квадратными или ромбическими шайбами. Представлены двумя типоразмерами: так называемые щитовые (длиной 2–3 см, рис. 3, 19) и ладейные (длиной 4–6 см, рис. 3, 20). Первые редки, вторые многочисленны: в Ратчино найдены три коротких и 32 длинных экземпляра, в Малли — не менее двух коротких и 13 длинных. Интересна находка массивного клепальника в Ополе¹⁴, впрочем, не имеющего следов кремации.

Характерной особенностью горизонта трупосожжений является наличие мелких предметов, крайне редких в позднейших курганах: это шилья, швейные и кожевенные иглы (рис. 3, 21–24), присутствие которых может объясняться хорошей сохранностью благодаря консервирующему действию окалины.

Замки и ключи составляют заметную особенность горизонта сожжений, поскольку в позднейших курганных материалах они единичны или не встречаются вовсе (*Спицын*, 1896. С. 28). Миниатюрный кубический замочек найден в Ратчино (рис. 3, 25), ключ с квадратной головкой — в Озертицах (рис. 3, 26), пара ключей с круглой — в Ополе¹⁵ (рис. 3, 27).

Кресала относятся к одному типу — калачевидные с язычком, в Ратчино и Малли встречены очень миниатюрные экземпляры длиной 4–5 см (рис. 3, 28, 29).

Топоры типа V, по А. Н. Кирпичникову, или типа С, по Я. Петерсену, представлены заметным числом находок. Из Малли происходят пять таких топоров со следами сожжения (рис. 4, 1–4), один найден в Ополе (*Стасюк*, 2008. Табл. I, 5), пара — в Мучихино (*Волковицкий и др.*, 2008. Рис. 2, 3, 4). Ранняя форма типа с очень глубоким вырезом и сильно оттянутым вниз лезвием найдена у погоста Ольгин Крест (*Лиги*, 1992. Рис. 2, 5).

¹⁴ Шифр предмета МУРИ КП-6922/А-1443, в Госкаталоге № 13642389.

¹⁵ Один — см. рис., второй — в Госкаталоге № 13642367, шифр предмета МУРИ КП-6923/А-1444.

¹³ Шифр предмета МУРИ КП-7490/А-1855, в Госкаталоге № 28450316.

Рис. 4. Изделия из черного металла из кремационных захоронений Ижорского плато: 1-5, 7-10, 12 — Малли; 6 — Ратчино; 11 — Ополье; 13 — Большая Вруда

Fig. 4. Objects made from a ferrous metal from cremation burials on the Izhora Plateau: 1-5, 7-10, 12 — Malli; 6 — Ratchino; 11 — Opolye; 13 — Bolshaya Vruda

Неясно назначение двух стальных клиновидных предметов с треугольной головкой из Ополя (рис. 4, 11) и Малли (рис. 4, 12). В ряде работ схожие предметы определены как шилья, что довольно сомнительно, так как хорошо сохранившиеся экземпляры не имеют острия, а вершина треугольной головки носит следы ударов, подобно шляпке гвоздя. Возможно, это костыли, служившие для фиксации каких-то нагруженных элементов неизвестных конструкций.

Фрагмент весов — миниатюрное коромысло — найдено в Ополе (*Стасюк*, 2008. С. 10). Бочонковидные гири, плакированные цветным металлом, обнаружены в Ратчино, Ополе, Малли.

Украшения и металлические детали костюма. Из указанной категории следует отметить достаточно типичные шейные гривны и немногочисленные находки бус. Гривны в кремациях — редкие ложновитые дровые «глазовского типа» и наиболее типичные дровые, так называемые с рыльцами. Фрагмент гривны «глазовского типа» найден в Ополе (рис. 5, 23), гривны «с рыльцами» обнаружены там же, а также в подъемном материале в Ратчино, Малли, Мануйлово, Дятлицах (рис. 5, 24, 25). О наличии стеклянных бус свидетельствуют найденные при раскопках Ратчинского могильника ошлакованные фрагменты «вскипевшего» переплавленного стекла светло-зеленого и ярко-синего цвета. Там же найдена пара сплавившихся ребристых зонных бусин из прозрачного бесцветного и желтого глухого стекла, нанизанных на тонкий бронзовый стержень¹⁶. В кремации 2/2009 найдена обожженная сердоликовая граненая бусина (*Стасюк*, 2011а. Рис. 3, 9). Все определимые бусы и их фрагменты относятся к разновидностям, распространенным на севере лесной зоны Восточной Европы и в Скандинавии в X–XI вв. (*Callmer*, 1977. P. 77; *Захаров, Макаров*, 2008. С. 291). Пара делителей бусинных нитей прямоугольной формы с циркульным орнаментом найдена в Ополе (рис. 5, 22), один аналогичный — в Ратчино.

Нагрудный комплекс украшений представлен подковообразными фибулами, булавами и убором из цепей и цепедержателей. Характерны массивные фибулы с гранеными головками, среди которых выделяются две большие группы. К первой относятся изделия с широкой плоской дугой, иногда незначительно расширяющейся

в середине, с выраженными гранями; массивные головки без ножек выступают прямо из концов дуги и не превышают ее по ширине. Сечение дуги трапециевидное либо шестигранное битрапециевидное (рис. 5, 1–3, 6–9). Ко второй относятся изделия, имеющие расширяющуюся в центре дугу с сечением, близким к овальному, эллипсоидному или битрапециевидному с сильно сглаженными гранями, головки массивные, граненые, выполнены на тонких концах дуги с выраженным переходом и значительно превышают ширину концов дуги (рис. 5, 4, 5). Обе группы представлены как очень крупными, так и средними по размерам изделиями. Довольно многочисленны фрагменты сильно оплавленных фибул, в том числе кончики дуги и отдельные массивные граненые головки (рис. 5, 10).

Нагрудные булавы с двурогим навершием встречены только в Малли (*Юшкова*, 2015. Рис. 3, 8) и Удосолово (рис. 5, 11). Наиболее характерны для рассматриваемого горизонта многочисленные находки булавок с трехлопастным навершием, лопасти которых оканчиваются кругами с концентрическим рельефным пунсонным орнаментом или без такового (рис. 5, 12–18). Об использовании нагрудного убора с цепями из двойных звеньев-колечек, крепившихся к булавам, свидетельствуют многочисленные находки оплавленных фрагментов цепочек в Ополе и Ратчино и фрагменты цепедержателей из могильников Ратчино (рис. 5, 19) и Валья (рис. 5, 20, 21).

Привески-бубенчики в кремациях встречены исключительно грушевидные крестопорезные, орнаментированные либо двумя врезными линиями по краям лопастей, либо сплошными рельефными канавками по всей лопасти. Первый вариант — более ранний, найден нами только в Ратчино в кремации 3/2010 (*Стасюк*, 2017. Рис. 2, 5), по определению Ю. М. Лесмана¹⁷ датируется не позднее первой четверти XI в. Второй вариант продолжал активно использоваться и в позднейших ингумационных захоронениях вплоть до последней четверти XII в.

Браслеты составляют весьма многочисленную серию, в которой можно выделить следующие разновидности: 1) пластинчатые с выступающим продольным ребром — простые и спиральные (рис. 6, 1); 2) массивные с расширяющимися концами, сечение близко к трапециевидному, внутренняя поверхность плоская или

¹⁶ Цветное фото см. в Госкаталоге № 13047132, шифр предмета МУРИ КП-6504/А-1267.

¹⁷ Устная консультация Ю. М. Лесмана, участвовавшего в этих раскопках.

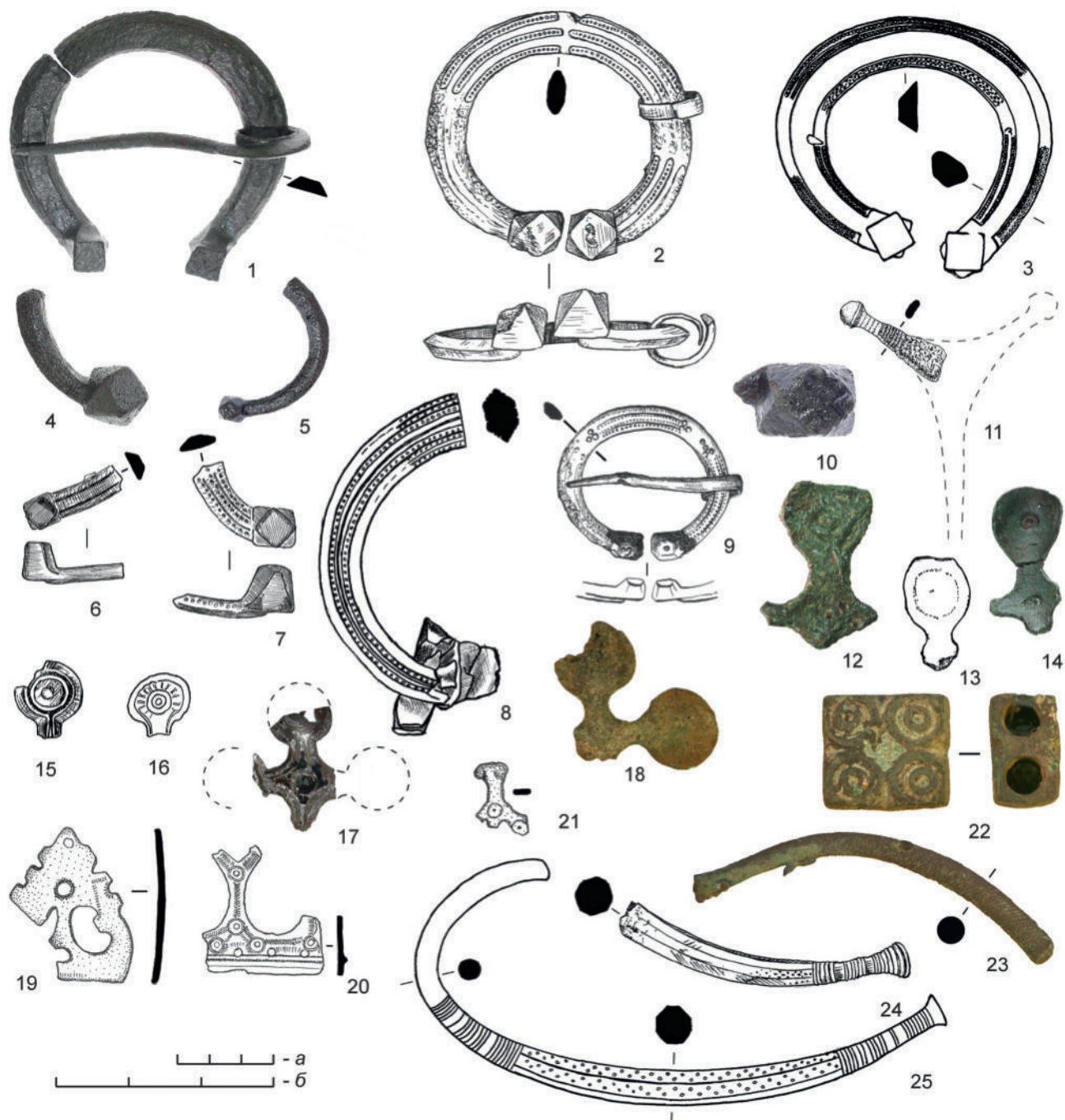

Рис. 5. Нагрудные украшения и металлические детали костюма: 1, 4, 5, 10, 14, 17, 18 — Малли; 2, 9, 12, 13, 15, 19, 24 — Ратчино; 3, 8, 22, 23, 25 — Ополье; 6, 7, 16, 20, 21 — Валья; 11 — Удосолово.

Масштаб: а — для 1-9, 11, 13-21, 23-25; б — для 10, 12, 22

Fig. 5. Breast ornaments and metal costume details: 1, 4, 5, 10, 14, 17, 18 — Malli; 2, 9, 12, 13, 15, 19, 24 — Ratchino; 3, 8, 22, 23, 25 — Opolye; 6, 7, 16, 20, 21 — Valya; 11 — Udosolovo. Scale: a — for 1-9, 11, 13-21, 23-25; b — for 10, 12, 22

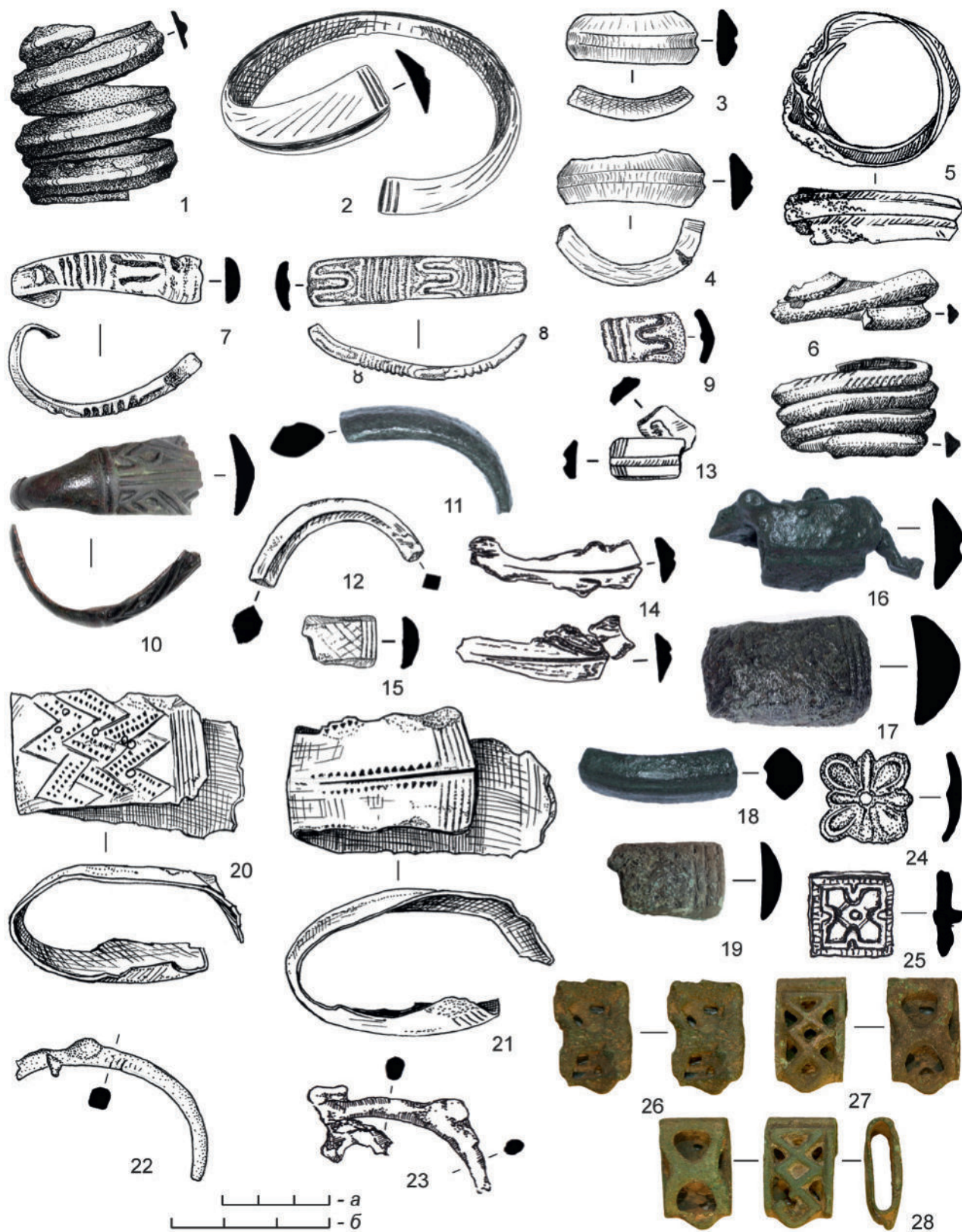

Рис. 6. Браслеты из кремационных захоронений: 1, 5-7, 12, 13, 15, 16, 19-22 — Ратчино; 2, 9, 14, 23, 25-28 — Ополье; 3, 4, 24 — Валья; 8, 10, 11, 17, 18 — Малли. Масштаб: а — для 1-15, 20-23; б — 16-19, 24-28

Fig. 6. Bracelets from cremation burials: 1, 5-7, 12, 13, 15, 16, 19-22 — Ratchino; 2, 9, 14, 23, 25-28 — Opolye; 3, 4, 24 — Valya; 8, 10, 11, 17, 18 — Malli. Scale: a — для 1-15, 20-23; б — 16-19, 24-28

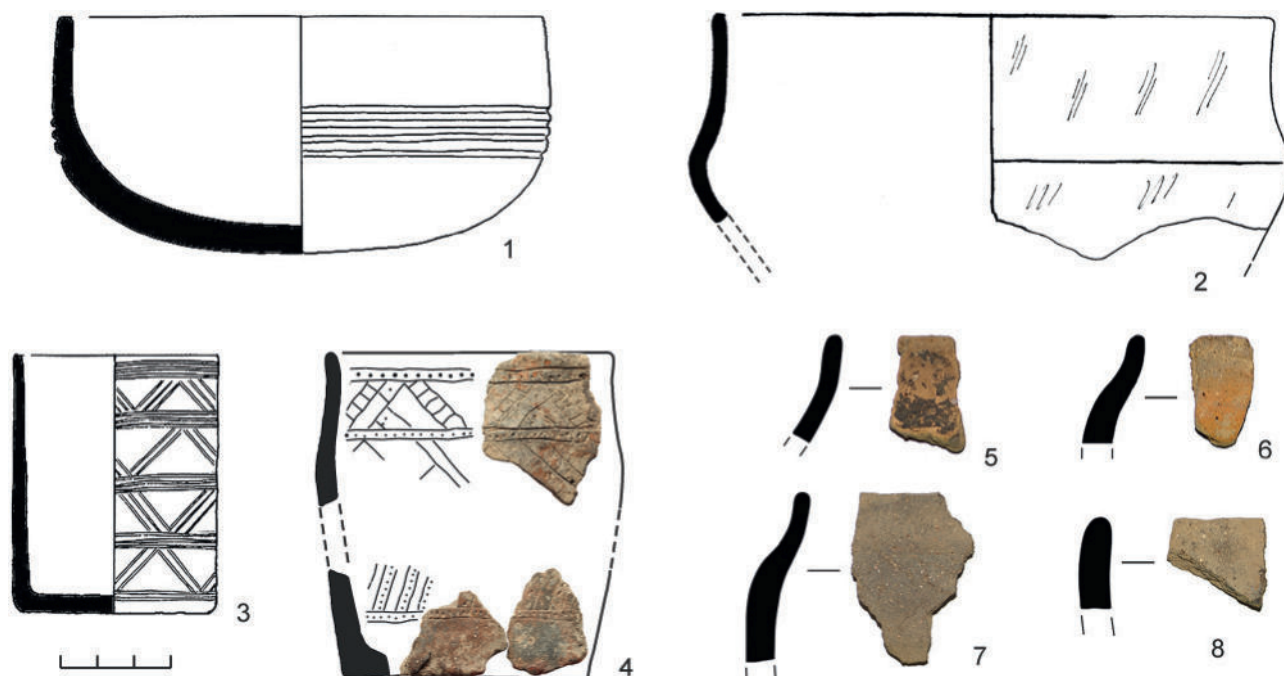

Рис. 7. Лепная керамика (1–8) из кремационных захоронений могильника Ратчино

Fig. 7. Handmade pottery (1–8) from cremation burials at the cemetery of Ratchino

слабовогнутая (рис. 6, 2–4, 13, 14, 16); 3) спиральные узкопластинчатые наручи, пластинка треугольного или сегментовидного сечения (рис. 6, 5, 6); 4) ладьевидные (рис. 6, 7–10); 5) массивные с утолщающимися концами, сечение овальное или близкое к шестигранному, со скругленными гранями и выпуклой внутренней поверхностью (рис. 6, 11, 12, 18); 6) массивные ленточные, сравнительно узкие и толстые, сегментовидного сечения (рис. 6, 15, 17, 19); 7) широкие ленточные плоского или выпукло-вогнутого сечения (рис. 6, 20, 21); 8) простые гладкие дротовые округлого сечения, без орнамента (рис. 6, 22, 23). Среди массивных разновидностей встречаются как орнаментированные, так и неорнаментированные экземпляры. Мотивы декора, встреченные на разновидностях 2, 5 и 7, — поперечные врезные линии или бороздки на кончиках, параллельные срезу краев, и продольная врезная канавка по центру внешней поверхности. Массивные ленточные браслеты сегментовидного сечения имеют также сложный сплошной геометрический орнамент из плетенки или нескольких продольных рядов точек, разделенных линиями. Сложная плетеная композиция из зигзагообразных линий встречена и на широких ленточных браслетах. Один ленточный браслет из Ратчино имеет декор в виде продольной врезной бороздки посередине полосы, идущей от краев и обрамленной

чеканным орнаментом «волчий зуб» (рис. 6, 21). Спиральные наручи, как правило, лишены дополнительного декора, но иногда украшены диагональной насечкой или тонкой продольной волнообразной линией вдоль выступающей грани.

Оба браслета с выступающим продольным ребром из Ратчино и Удосолово лишены орнамента. Для ладьевидных браслетов, найденных в Ратчино, Ополе, Валье, Малли, характерен орнамент «змейка» (рис. 6, 7–9); на одном экземпляре из Малли — сложная геометрическая плетенка (рис. 6, 10).

Перстни в кремациях единичны, возможно, из-за сохранности. Два оплавленных спиральных перстня найдены в Ратчино: один из тонкой пластинки треугольного сечения (Стасюк, 2017. Рис. 2, 3), второй проволочный.

Для поясного набора характерны бляшки с четырехлепестковой рельефной розеткой в виде креста (рис. 6, 24, 25), найденные в Малли, Ополе, Ратчино, Валье и соответствующие «особым» видам О29 и О38, по В. В. Мурашевой (Мурашева, 2000. С. 55, рис. 81, 83). В Ополе обнаружены три замкнутые поясные обоймицы (рис. 6, 26–28), там же и в Ратчино встречены оплавленные фрагменты лировидных пряжек.

Керамика, носящая следы вторичного обжига, представлена исключительно лепными сосудами двух форм: округлодонные миски и слабопрофилированные сосуды (рис. 7). Округлодонные

сероглиняные миски с заглаженной или лощеной поверхностью, с прямым или немного загнутым внутрь венчиком очень характерны для прибалтийско-финской керамики IX–XI вв. Различные вариации этой формы представлены в древностях материковой Эстонии и острова Сааремаа (Tvauri, 2012. P. 70), в Финляндии (Kivikoski, 1973. Taf. 114, 1031), у даугавских ливов (Zariņa, 2006. S. 423, att. 142, 3), в памятниках Юго-Восточного Приладожья (Спиридонов, 1985. Рис. 2), Белозерья (Голубева, 1973. Рис. 53). Наиболее близкие аналогии ратчинским мискам найдены в грунтовых и курганных трупосожжениях X–XI вв. могильника Залахтове (Хвоцинская, 2004. С. 107, 108). Интересны миниатюрные слабопрофилированные тонкостенные «стаканчики» с диагональным орнаментом, разделенным на ярусы (рис. 7, 3, 4). Близкие мотивы и композиция декора из нескольких горизонтальных орнаментальных поясков, заполненных диагональными и разделенных горизонтальными линиями, широко представлены в Эстонии (Selirand, 1974. Tahv. VIII; Tvauri, 2005. S. 99–102, 111) и известны в Финляндии (Kivikoski, 1973. Taf. 113, 1024) в памятниках второй половины I — начала II тыс. н. э.

Материальная культура: хронология

Разработка хронологии описываемого горизонта осложнена рядом обстоятельств. Во-первых, практически отсутствуют закрытые комплексы. Во-вторых, следствием сожжения является неполнота дошедшего до нас ювелирного убора — хронологически значимой группы древностей. Большое количество бесформенных оплавок свидетельствует о том, что множество предметов безвозвратно уничтожено в огне погребальных костров (Стасюк, 2017. С. 140, рис. 3). В-третьих, материальная культура имеет своеобразный облик, занимающий как бы промежуточное положение между Эстонией, Карелией и Юго-Восточным Приладожьем, с включением древнерусских элементов и скандинавской «вуалью», наличием дериватов и пережиточных форм. Использование новгородской хронологии малопродуктивно, поскольку в Новгороде представленные типы многочисленны, не образуют статистически значимых выборок и могут быть использованы лишь как примерные ориентиры. Кроме того, новгородская стратиграфия начинается несколько позже появления кремационных захоронений в ареале между Нарвой и Волховом, и использование только новгородской шкалы привело бы к неизбежному омоложению нижней хронологической границы.

Более продуктивна опора на хронологические разработки древностей Финляндии, Эстонии и Латвии, а также Приладожской курганной культуры, где рассматриваемые типы предметов представлены серийно. Однако следует учитывать, что существующая хронология указанных регионов не лишена изъянов и в последнее время все чаще подвергается ревизии, как правило, в сторону омоложения.

Наиболее раннюю категорию изделий, соответствующую финалу каменно-погребальной традиции и периоду перехода к грунтовым кремациям, составляют булавки с двурогим навершием. М. А. Юшкова датирует находки из Малли третьей четвертью I тыс. н. э. Это справедливо в отношении большей части материала, однако как минимум один экземпляр (Юшкова, 2015. Рис. 3, 8), а также фрагмент булавки из Удосолово можно отнести к концу третьей — четвертой четверти I тыс. н. э. Основной регион распространения данного типа украшений — Юго-Восточная Прибалтика. Исследователями Латвии, Литвы и Эстонии детально разработана их типология и прослежено развитие форм одежных булавок от эпохи Великого переселения народов до средневековья (Latvijas arheoloģija..., 1974; Mägi, 1997; Vaska, 2004; Vaškevičiūtē, 2004. S. 70–76; Tvauri, 2012. P. 148–144; Vilcāne, 2021). В могильниках куршей и земгалов булавки с треугольным навершием и полусферическими или коническими головками на углах датируются с VI по VIII/IX в. (Žiemgaliai..., 2005. S. 90; Kuršiai..., 2016a. S. 130–132; 2016b). М. Мяги выделяет типы 2.1 (VII–IX вв.) и 2.2 (середина IX — X в.), отличающиеся наличием декора в центре треугольного навершия (Mägi, 1997. S. 61–63). Орнаментированные изделия типа 2.2 в могильниках Майдла и Колу М. Мандель датирует X — началом XI в. (Mandel, 2003. S. 207, 211, Tahv. XXVIII; XLII; 2017. S. 112). Булавка из Малли относится к типу 2.1, фрагмент из Удосолово может принадлежать обоим типам, поскольку типологически значимая центральная часть навершия утрачена, однако форма головки и декор шейки склоняют, скорее, к типу 2.2 (ср.: Mandel, 2017. Tahv. XXXVIII, AM 580: 2689). Литовские находки, аналогичные экземпляру из Малли, датированы концом VIII — началом IX в. (LAA, 1978. S. 178).

Нагрудный убор из булавок с крестовидным навершием, цепедержателями и соединительными цепями очень характерен для рассматриваемого круга памятников как на стадии грунтовых кремаций, так и в более позднюю фазу распространения подкурганных ингумаций. Эволюция форм

данных украшений прослежена Н. В. Хвощинской в могильнике Залахтовье (*Хвощинская*, 2004. С. 69, 70). Ее наблюдения вполне согласуются с рассматриваемым нами кругом древностей. Древнейшие образцы имеют три гладкие лопасти, орнаментированные пунсонами. М. Мяги выделяет их вместе с ранними крестовидными навершиями в тип 3 и отмечает, что эта форма происходит от балтских изделий VII–IX вв. (*Mägi*, 1997. С. 44). Фрагмент из Малли (рис. 5, 14) аналогичен находке из Экси Райгаствере (*Ibid.* Tahv. X, 1). Дальнейшее развитие типа формирует специфичную для Эстонии и соседних территорий Восточного Причудья, Принаровья и Ижорского плато стилистику, отмеченную появлением двух дополнительных маленьких лопастей под крестовидным навершием. Малые и большие лопасти декорированы глубокими концентрическими бороздками, перемычки между ними отсутствуют. М. Мяги выделяет такие булавки в тип 4.1 и датирует второй половиной X — XI в., причем ранние варианты X в. отличаются малыми размерами и конструкцией шейки (*Ibid.* С. 44, fig. 9). К этому варианту могут быть отнесены булавка из Вальи и ратчинский фрагмент навершия (рис. 5, 12), булавка из Ёыуга (*Лиги*, 1982. Табл. XIII, 8). Тип 4.2 представлен булавками, у которых нижние малые лопасти соединяются перемычками с боковыми большими. Он датируется концом X — XI в. И в Эстонии, и в Залахтовье, и в рассматриваемом нами регионе типы 4.1 и 4.2 представлены как в кремациях, так и в ингумациях. Об использовании крепившихся к булавкам цепедержателей и нагрудных цепей из двойных кольчатых звеньев свидетельствуют находки оплавленных фрагментов в Ратчино, Валье и Малли (рис. 5, 19–21). Пример сохранившегося комплекса нагрудных украшений конца XI — XII в. представлен случайной находкой из разрушенного труположения на участке частного дома в дер. Межники (*Конькова*, 2009. С. 30).

Массивные фибулы с крупными гранеными головками типичны в балтийских древностях эпохи викингов. Они многочисленны в погребениях на территории Латвии, Эстонии, Финляндии, Северо-Запада России. Есть находки в древнейших слоях Новгорода X — начала XI в. (*Седова*, 1981. С. 244). В различных регионах Балтийского моря складываются своеобразные формы и стили орнаментации при сохранении общего облика крупных подковообразных фибул. В рассматриваемых памятниках наиболее многочисленны находки, близкие к эстонским вариантам. М. Мяги относит бытование таких фибул в Эстонии к IX–X вв.

(*Mägi-Lõugas*, 1994. S. 481, tahv. I, III). П. Лиги и Н. В. Хвощинская приводят находки XI в. в могильниках с кремациями Северного и Восточного Причудья (*Лиги*, 1982. С. 386, 387; *Хвощинская*, 2004. С. 81). Известны находки фрагментов таких фибул в некрополях X–XI вв. с бескурганскими трупосожжениями на западе Новгородской земли (*Михайлова*, 2014. С. 320, 330).

Браслеты с выпуклым ребром встречены дважды: пластинчатый из Удосолово и спиральный из Ратчино. Подобные изделия распространены в землях балтов, где имеют прототипы в середине — третьей четверти I тыс. н. э. (*Vaska*, 2004. S. 137; *Žiemgaliai...*, 2005. S. 103, 104). Браслет с ребром из Удосолово найден в перекопе на периферии каменного могильника и, возможно, датируется по литовским аналогиям V–VI вв. (*LAA*, 1978. S. 148; *Vaškevičiūtė*, 2004. S. 79, il. 69, 1–3). Ратчинский спиральный браслет аналогичен находке из Ляхтсе в Харьюмаа, в Эстонии такие находки редки и датируются VIII–X вв. (*Tvauri*, 2012. P. 162, 163, fig. 128, 7; 129, 3).

Массивные браслеты с утолщающимися концами найдены исключительно в кремациях и, как правило, фрагментированными. Один целый обожженный экземпляр обнаружен в Ополье (рис. 6, 2). М. Мяги объединяет такие браслеты в тип I, выделяя в нем три варианта в зависимости от формы сечения концов и орнаментации. В коллекциях из Ратчино, Малли и Ополя представлены варианты I:2 и I:3. Исследовательница не фиксирует хронологических различий между выделенными вариантами и датирует тип в целом в пределах VII — первой половины X в. Массивные браслеты с расширяющимися концами, трапециевидным сечением и продольной бороздкой она выделяет в отдельный тип III, отмечая, что он родственен типу I и датируется второй половиной X — XI в. (*Mägi-Lõugas*, 1995. S. 319, 320, joon. 30). Т. Тамла датировал массивные браслеты с утолщающимися концами X–XII вв. (*Tamla*, 1991. S. 139).

Массивные, сравнительно узкие и толстые ленточные браслеты сегментовидного сечения встречены также исключительно в кремациях. Для них характерна богатая геометрическая орнаментация, детали которой зачастую сложно разобрать из-за оплавленной поверхности. Их фрагменты многочисленны в коллекциях из Ополя, Ратчино и Малли, отдельные фрагменты найдены и в других памятниках. Все указанные предметы можно соотнести с различными вариантами типа II, по М. Мяги, датированными X — началом XI в. (*Mägi-Lõugas*, 1995. S. 319, joon. 30).

Широкие ленточные браслеты представлены находками из кремаций и ингумаций, причем оплавленных экземпляров сравнительно немного, большая часть таких изделий и их фрагментов не имеет следов термического воздействия. Один браслет из Ратчино принадлежит варианту 2 типа III, датированному периодом с рубежа X–XI по начало XII в. Остальные находки из кремаций принадлежат типу IV, бытовавшему в тот же период (*Ibid.* S. 320).

Ладьевидные браслеты являются местным развитием скандинавских форм. В Ополье, Малли, Ратчино и Валье найдены фрагменты очень похожих браслетов «со змейкой», соответствующих типу V, по М. Мяги, датированному концом X — XI в. (*Ibid.* S. 320). Аналогичные находки сконцентрированы на Востоке Эстонии и Северо-Западе России, в других смежных регионах Балтии они сравнительно редки. В могильниках Ижорского плато представлены экземпляры как из кремаций, так и из ранних ингумаций. Вполне вероятно использование таких браслетов вплоть до первых десятилетий XII в.

Единичны в кремациях орнаментированные узкомассивные браслеты типов VII и VIII, по М. Мяги (*Ibid.* Joon. 21, 23), и витые трехпроволочные обрубленноконечные браслеты. В Ратчино найдены оплавленные фрагменты трех узкомассивных браслетов: ложновитого, гладкого неорнаментированного и «классического». Еще один оплавленный фрагмент происходит из могильника Валья. Витые проволочные браслеты также единичны. В Ратчино найдено четыре фрагмента от одного или двух оплавленных витых трехпроволочных браслетов. По-видимому, эти типы относятся к стадияльно более позднему убору, захватывая лишь конец эпохи сплошных кремаций. В труположениях в Ополье, Малли, Ратчино и Валье, а также в древнерусских курганах XII в. на Ижорском плато они представлены исключительно широко.

Узколезвийные боевые ножи с толстым обухом, изготовленные в технике многослойного пакета, составляют узкодатируемую группу изделий. В Латвии они появляются в начале X в., наибольшее распространение получают во второй половине X — начале XI в. и в течение XI в. выходят из употребления. В XII в. они уже не встречаются (*Atgāzis*, 1998. S. 66, 71; 2019. S. 77–80). Финские находки суммарно датированы IX–XI вв. (*Kivikoski*, 1973. S. 77), для литовских предлагалась нижняя датировка в пределах IX и даже VIII в. (*Volkaite-Kulikauskiene*, 1970. S. 217–219; *Ка-*

zakevičius, 1981. S. 47; *Казакявичус*, 1988. С. 85), не получившая, впрочем, поддержки в позднейших работах. Эстонские находки М. Мандель отнес ко второй половине X — первой половине XI в. (*Mandel*, 1977. S. 253). Находки боевых ножей эпохи викингов на территории Руси и Скандинавии редки и связаны с кругом «дружинных» древностей X в. (*Кирпичников*, 1966а. С. 186).

В раскопках Л. К. Ивановского найдены несколько «каролингских» мечей (*Спицын*, 1896. Табл. XIX, 1, 11), происходящих, как предполагается, из курганов XII — первой половины XIII в. (*Стасюк*, 2010). Они были депаспортизованы уже в момент обработки коллекции А. А. Спицыным (*Спицын*, 1896. С. 123). Предполагая позднюю датировку этих находок, я исходил из следующих предпосылок: 1) общей датировки курганных материалов Л. К. Ивановского (*Лесман*, 1982) и значительного преобладания в них «романских» мечей; 2) неизвестности на тот момент горизонта эпохи викингов на Ижорском плато; 3) представления о длительном бытовании архаичных типов в качестве «народного оружия» в периферийных сельских районах (*Лебедев*, 2005. С. 305–307). В настоящее время представление о поздней датировке находок мечей типов H и Z из раскопок Л. К. Ивановского может быть подвергнуто сомнению. Поскольку контекст этих находок неясен, а конкретный памятник неизвестен, нельзя исключать их происхождения из комплексов эпохи викингов. Остальные находки, к сожалению, происходят из кладоискательских раскопок и сборов и недоступны для изучения. Судя по имеющимся фотоснимкам, их датировка не противоречит общим хронологическим рамкам IX–XI вв.

Для ланцетовидных наконечников копий общепринятой является датировка в пределах IX–XI вв. (*Кирпичников*, 1966б), причем короткая относительно массивного пера втулка и «псевдоготический» орнамент экземпляра из Ратчино характерны для наиболее ранних изделий. Большая часть ланцетовидных форм принадлежит к массовому «классическому» варианту. Свообразные финские черешковые наконечники датируются IX–X вв. (*Артемьев*, 1991).

Топоры североевропейского типа V, по А. Н. Кирпичникову, как и ножи IV группы, по Р. С. Минасяну, имеют длительную историю бытования и обширный ареал. Они получают очень широкое распространение в последней четверти I тыс. н. э. и в Новгороде выходят из употребления в середине — второй половине XII в. (*Колчин*, 1959. Рис. 12; *Лесман*, 1984. С. 138).

В Карелии пакетные ножи используются в XIII и, возможно, в XIV вв. (Лесман, 2012. С. 152; Бельский, 2018. С. 218), наиболее поздние топоры типа V также, видимо, доживают до XIII в. (Бельский, 2022. С. 180), хотя пик их распространения приходится на более ранний период.

Все встреченные в музейных коллекциях и найденные нами при раскопках могильника Ратчино разновесы относятся к бочонковидным гирькам типов B1 mittel и jung, B2, по Х. Штойеру, бытование которых исследователь определял в границах XI — начала XIII в. Согласно последним исследованиям древнерусских материалов, указанные разновидности использовались с середины X по конец XIII в. (Жуковский, 2022. С. 103, табл. 5).

«Особые» виды ременных украшений O29 и O38 характерны для XI–XII вв., причем находки поясов с квадратными накладками вида O29 известны и в подкуранных ингумациях, например в Борницах.

Заключение

Горизонт бескурганых кремаций между Нарвой и Волховом может быть датирован в пределах X — первой половины XI в. В середине XI в. фиксируется массовый переход к труположению, однако не вызывают сомнения спорадические реминисценции кремационного обряда и в более поздний период господства ингумаций (Рябинин, 1997б. С. 144, 145). Наиболее актуальной задачей на сегодняшний день является выделение горизонта древностей VIII–IX вв., переходного от каменно-погребальной обрядности к грунтовым сожжениям. Она может быть решена при исследовании широкими площадями могильников типа Удосолово и Малли, а также при целенаправленном поиске новых памятников, менее нарушенных в результате хозяйственной деятельности и хищнических раскопок кладоискателей.

Можно предварительно выделить несколько вещевых наборов, маркирующих (хронологические?) фазы в рамках горизонта.

Только в кремациях встречены массивные браслеты — толстые узкие ленточные и с утолщающимися концами, очень крупные подковообразные фибулы с массивными головками с гранями, небольшие булавки с простым трехлопастным навершием и глубоким рельефным декором, ланцетовидные наконечники копий, узколезвийные боевые ножи, миниатюрные серпы и косы. Можно считать эти предметы специфическими типами-индикаторами ранней фазы горизонта, относящейся к X в.

В кремациях и ингумациях представлены дровяные шейные гривны «с рыльцами», ладьевидные браслеты «со змейкой», прямоугольные делители бусинных нитей, булавки с парой дополнительных миниатюрных лопастей, а также с соединительными перемычками между нижними лопастями, широкие, сравнительно тонкие ленточные браслеты, поясные накладки видов O29 и O38, наконечники копий типа M. Вероятно, этот набор соответствует периоду конца X — XI в.

Единичны в кремациях скорлупообразные фибулы типа C1, по Ю. Айлио (Стасюк, 2017. Рис. 3, 3). Редки в кремациях и многочисленны в ингумациях «классические» узкомассивные и витые трехпроводные браслеты, грушевидные крестопорезные бубенчики со сплошным рельефным декором лопастей. Видимо, они появляются в финальной фазе кремационного обряда, получают распространение в труположениях в середине — второй половине XI в. и продолжают использоваться в XII в. Это наблюдение вполне согласуется с достаточно надежными новгородскими датировками указанных типов. Широко датируемую группу составляют топоры типа V, ножи группы IV и копья типа M, которые представлены как в кремациях, так и в ингумациях. Это согласуется с их принятой широкой датировкой в пределах X–XII/XIII вв.

Облик материальной культуры в рассматриваемом регионе ожидаемо соответствует его географическому положению и культурному окружению. Памятники Принаровья и западной части Ижорского плато наиболее характерными типами вещей тяготеют к соседней Эстонии, на востоке ареала обнаруживается влияние культуры Юго-Восточного Приладожья (Вырицкий могильник, Ерзуново). Представлены также общепалтийский и североευропейский компоненты, причем северное влияние наиболее ярко проявляется в мужской субкультуре. Интересна уникальная находка амулета скандинавского происхождения — «погремушки» из двух стальных колец в могильнике Ратчино. В целом рассматриваемые памятники закрывают культурно-хронологическую лауну, как бы замыкая кольцо очень похожих и, несомненно, родственных культур средневекового прибалтийско-финского населения северного и южного берегов Финского залива, охватывающих юг Финляндии, Карелию, Приладожье, Приневье, Ижорское плато и север Эстонии. Обращает на себя внимание полное отсутствие импульсов из ареала КПДК, хотя в X — начале XI в. ее северная

граница проходила по Верхней и Средней Луге, и население неизбежно контактировало. Предметы, характерные для длинных курганов, не найдены и в каменных могильниках Ижорского плато середины — третьей четверти I тыс. Находка пельто-видной лунницы в сочетании с трехбусинным и браслетообразными височными кольцами в Орлино (Михайлова и др., 2019) характерна, скорее, для памятников ранней древнерусской культуры, возникших на длиннокурганной подоснове в Верхнем Полужье. Предполагаемый могильник в Орлино вряд ли относится к рассматриваемому горизонту и, скорее, маркирует границу ареалов КПДК и древнего водско-чудского населения.

Дальнейшее развитие средневековых культур востока Финского залива находится в тесной связи с исторической судьбой регионов и с влиянием государств, распространивших на них свою власть в конце эпохи викингов. Ижорское плато и Южное Приневье рано оказываются в составе Новгородского княжества и испытывают сильное воздействие древнерусской культуры. Вероятно, первым импульсом стал отказ от каменно-погребальной традиции и распространение грунтовых сожжений еще в X в. Переход от кремации к ингумации в современной историографии принято связывать с влиянием христианства, однако в нашем распоряжении пока нет археологических фактов, которые позволили бы подтвердить или опровергнуть этот тезис применительно к рассматриваемой территории в середине XI в. Однако третья четверть этого столетия ознаменована явным усилением влияния Новгорода в Водской земле. Об этом свидетельствует участие вожан в походе против Новгорода князя Всеслава Брючиславича (1069 г.), их разгром в битве на Гзени и,

видимо, последующее переселение в землю води славяно-русского населения.

С приходом на Ижорское плато нового древнерусского населения связано появление курганов на рубеже XI–XII вв., что в настоящее время подтверждается археологическими и генетическими исследованиями. В этот период фиксируется заимствование курганного обряда местным финским населением. С ним связано появление курганов типа Ратчино и поздних курганных захоронений в Малли (начало XII в.), в которых новый тип погребальных сооружений соседствует с традиционным ювелирным убором и нетипичной для славянского христианского населения восточной ориентировкой погребенных. В течение XII–XIII вв. культурные различия между пришельцами и автохтонами стираются, и на Ижорской возвышенности формируется местная смешанная курганная культура как локальный вариант общей древнерусской. За пределами плато архаические черты консервируются более устойчиво. Прямым наследником горизонта кремаций и курганов типа Ратчино–Мануйлово следует признать культуру водских грунтовых могильников типа Валговицы и Великино XII/XIII–XVIII вв. При всей сложности или даже невозможности археологической дифференциации близкородственных восточных групп летописной чуди (эстов) и води до периода появления достоверно водских грунтовых могильников в XII–XIII вв. несомненна прямая связь рассматриваемых древностей с происхождением исторической води и, возможно, ижоры. Примечательно, что область концентрации памятников на западе Ижорского плато (рис. 1) совпадает с историческим водским ареалом, каким его очертила Н. В. Хвоцинская (Хвоцинская, 2009. Рис. 1).

Андрощук, 2013 — Андрощук Ф. Мечи викингов. Київ: Простір, 2013. 711 с.

Артемов, 1991 — Артемов А. Р. О редких типах наконечников копий в Новгороде и Новгородской земле // Материалы по археологии Новгородской земли 1990. М.: б. и., 1991. С. 183–197.

Бельский, 2018 — Бельский С. В. Погребальные памятники Карельского перешейка и Северного Приладожья XI–XIII вв. // Свод археологических источников Кунсткамеры. СПб.: МАЭ РАН. 2018. Вып. 5. С. 131–262.

Бельский, 2022 — Сокровища земли Карельской. Каталог выставки / Сост., отв. ред. С. В. Бельский. Выборг: Выборгский объединенный музей-заповедник; ИИМК РАН, 2022. 240 с.

Волковицкий и др., 2008 — Волковицкий А. И., Григорьева Н. В., Селин А. А. Новые средневековые находки в Южном Приладожье // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2: Древности Ижорской земли / Сост. и ред. П. Е. Сорокин. СПб.: ИИМК РАН; СЗИ Наследия, 2008. С. 147–156.

Голубева, 1973 — Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М.: Наука, 1973. 213 с.

Дорофеева, 2016 — Дорофеева Т. С. О скандинавских культовых и магических предметах с Городища под Новгородом // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2016. Вып. 31. С. 227–239.

- Жуковский, 2022 — Жуковский М. О. Инструменты и практика малых взвешиваний в Древней Руси (I–XIII вв.). М.: Наука, 2022. 376 с.
- Захаров, Макаров, 2008 — Захаров С. Д., Макаров Н. А. Мининский археологический комплекс: хронология и динамика развития // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. М.: Наука, 2008. Т. 2. С. 290–316.
- Казакявичус, 1988 — Казакявичус В. Оружие балтских племен II–VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас, 1988. 160 с.
- Кирпичников, 1966а — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв. М., Л.: Наука, 1966 (САИ; Е1-36). 176 с.
- Кирпичников, 1966б — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М., Л.: Наука, 1966 (САИ; Е1-36). 147 с.
- Клещенко, Решетова, 2019 — Клещенко Е. А., Решетова И. К. Палеоантропологические материалы в реконструкциях образа жизни и погребальной обрядности раннесредневекового населения Восточной Европы. М.: ИА РАН, 2019. 224 с.
- Колчин, 1959 — Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). С. 7–120.
- Конькова, 2009 — Конькова О. И. Водь. Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 252 с.
- Кочкуркина, 2017 — Кочкуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2017. 280 с.
- Лебедев, 2005 — Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
- Лесман, 1982 — Лесман Ю. М. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья: Межвуз. сб. / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 65–74.
- Лесман, 1984 — Лесман Ю. М. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 118–153.
- Лесман, 2008 — Лесман Ю. М. Вырицкий курганный могильник // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб.: ИИМК РАН; СЗИ Наследия, 2008. Вып. 2: Древности Ижорской земли. С. 33–73.
- Лесман, 2012 — Лесман Ю. М. Хронология корельских могильников: взгляд из Новгорода // Stratum plus. 2012. № 5: Другая Русь. Чудь, меря и инии языци. С. 149–158.
- Лиги, 1982 — Лиги П. Об исследовании водских курганов в Йыуга // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised, Ühiskonnateadused. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1982. No. 31. С. 384–387.
- Лиги, 1992 — Лиги П. К вопросу о водских погребальных памятниках X–XV вв. на территории Эстонии // Древности славян и финно-угров: Доклады [4-го] Советско-финлянд. симпозиума по вопросам археологии (16–22 мая 1986 г.) / Под ред. А. Н. Кирпичникова, Е. А. Рябинына. СПб.: Наука, 1992. С. 151–158.
- Минасян, 1980 — Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего Средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. Л.: Искусство, 1980. Вып. 21. С. 68–74.
- Михайлов, Романовский, 2016 — Михайлов А. В., Романовский А. Б. О новом типе погребальных памятников XI в. в окрестностях Пскова // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2016. Вып. 31. С. 173–189.
- Михайлова, 2014 — Михайлова Е. Р. Бескурганные могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура: Сб. ст. / Под ред. Н. А. Макарова, А. Е. Леонтьева. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 317–335.
- Михайлова, 2015 — Михайлова Е. Р. Древности Западной Ингрии I тыс. н. э.: новые материалы // АВ. 2015. Вып. 21. С. 176–186.
- Михайлова, 2018 — Михайлова Е. Р. Памятники эпохи викингов в восточной части Финского залива: «циркумбалтийские элиты» или единый культурный мир? // Скандинавские чтения 2016 года. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 7–16.
- Михайлова, 2021а — Михайлова Е. Р. Курганные традиции Северо-Запада Русской равнины: к вопросу о развитии и преемственности // АВ. 2021. Вып. 31. С. 196–207.
- Михайлова, 2021б — Михайлова Е. Р. Древности I тыс. н. э. в верховьях Ижоры и Оредежа // Записки ИИМК РАН. 2021. № 25. С. 183–193.
- Михайлова, Соболев, 2021 — Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю. Новые материалы из курганной группы у д. Калихновщина и ее окрестностей в Гдовском районе // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2021. Вып. 36. С. 78–89.
- Михайлова и др., 2016 — Михайлова Е. Р., Стасюк И. В., Федоров И. А. Городище Втырка (Пиллово-2) и древности эпохи викингов

- на Ижорском плато // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2016. Вып. 31. С. 262–275.
- Михайлова и др., 2019 — Михайлова Е. Р., Стасюк И. В., Хорошилова А. В. Комплекс случайных находок из д. Орлино // АВ. 2019. Вып. 25. С. 137–146.
- Мурашева, 2000 — Мурашева В. Древнерусские ремешенные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 136 с.
- Петерсен, 2005 — Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов. СПб.: Альфарет, 2005. 352 с.
- Рябинин, 1997а — Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 260 с.
- Рябинин, 1997б — Рябинин Е. А. Курганы с трупосожжениями Водской земли // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура: Докл. Рос.-финлянд. симпозиума по вопросам археологии (1994 г., Выборг) / Под ред. А. Н. Кирпичникова и др. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 139–145.
- Рябинин, 2001 — Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 260 с.
- Сакса, 2010 — Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. СПб.: Нестор-История, 2010. 400 с.
- Седова, 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М.: Наука, 1981. 196 с.
- Соболев, 2014 — Соболев В. Ю. Неизвестные раскопки С. А. Теплоухова на Ижорском плато // Stratum plus. 2014. № 5: Люди и вещи Древней Руси. С. 287–296.
- Сорокин, Юшкова, 2014 — Сорокин П. Е., Юшкова М. А. Новые находки древностей культуры каменных могильников с оградками на северо-западе Ижорской возвышенности // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2014. Вып. 29. С. 312–322.
- Спиридонов, 1985 — Спиридонов А. М. Керамический материал из оятских курганов (по материалам раскопок А. М. Линевского) // Кочуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 196–204.
- Спиридонов, 2013 — Спиридонов А. М. Раскопки могильника эпохи викингов в окрестностях Петрозаводска // Carelica. 2013. № 1(10). С. 186–197.
- Спицын, 1896 — Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1896 (МАР; № 20). 145 с.
- Спицын, 1905 — Спицын А. А. Отчет о раскопках В. Н. Глазова 1903 г. близ д. Мануйловой Ямбургского уезда // ЗОРСА. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1905. Т. VII. С. 139–142.
- Стасюк, 2008 — Стасюк И. В. Могильник у поселка Ополе: новые данные к изучению ранних этапов освоения Ижорского плато в древнерусскую эпоху // Исследование археологических памятников эпохи Средневековья: Сб. ст. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 3–24.
- Стасюк, 2010 — Стасюк И. В. Средневековые погребения с мечами в курганах Ижорского плато (по материалам раскопок Л. К. Ивановского) // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: Сб. ст. Т. II / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 397–409.
- Стасюк, 2011а — Стасюк И. В. Раскопки могильника Ратчино-I на Ижорском плато // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2011 (Семинар им. акад. В. В. Седова; материалы 56-го заседания). С. 86–95.
- Стасюк, 2011б — Стасюк И. В. Заселение Ижорского плато в I — начале II тыс. н. э. // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2011 (Семинар им. акад. В. В. Седова; материалы 57-го заседания). С. 224–232.
- Стасюк, 2012 — Стасюк И. В. Население Ижорской возвышенности в I — начале II тыс. н. э. // Stratum plus. 2012. № 5: Чудь, меря и инии языки. С. 63–88.
- Стасюк, 2017 — Стасюк И. В. Раннесредневековые трупосожжения могильника Ратчино 1 // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2017. Вып. 32. С. 135–152.
- Стасюк и др., 2018 — Стасюк И. В., Михайлов А. В., Салмин С. А. Находки боевых ножей на Северо-Западе Руси (Ижорское плато, Псковская область) // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2018. Вып. 33. С. 264–274.
- Хвоцинская, 2004 — Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 428 с.
- Хвоцинская, 2009 — Хвоцинская Н. В. Племя воть и его культура в составе Новгородской земли // Великий Новгород и средневековая Русь: Сб. ст. к 80-летию академика В. Л. Янина. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 300–312.
- Юшкова, 2015 — Юшкова М. А. Новая группа памятников I–VII вв. на юго-западе Ленинградской области // АВ. 2015. Вып. 23. С. 187–198.
- Atgāzis, 1998 — Atgāzis M. Tuvciņas ieroči senajā Latvijā 10.–13. gadsimtā. Promocijas darba kopsavilkums. Rīga: Latvijas universitāte, 1998. 79 s.

- Atgāzis*, 2019 — *Atgāzis M.* Tuvciņas ieroči senajā Latvijā 10.–13. gadsimtā. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2019. 366 s.
- Callmer*, 1977 — *Callmer J.* Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 A. D. Malmö: GOTAB, 1977. 256 p.
- Creutz*, 2003 — *Creutz K.* Tension and tradition. A study of Late Iron Age spearheads around the Baltic Sea. Stockholm: Department of Archaeology, Stockholm University, 2003. 520 p.
- Kazakevičius*, 1981 — *Kazakevičius V.* Vienašmenių kalavijų atsiradimas ir raida lietuvoje // Lietuvos Archeologija. Vilnius: Mokslas, 1981. Vol. 2. S. 43–58.
- Kivikoski*, 1973 — *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki: Weilin–Göös AB OY, 1973. 150 s., 147 taf.
- Kuršiai..., 2016a — Kuršiai. Genties kultūra: papuošalai ir nešiosena. The Curonians. Tribal Culture According to the Ornaments and Wear. Vilnius; Rīga: Lietuvos nacionalinis muziejus; Latvijas Nacionālais vēstures muzejs, 2016. 264 s.
- Kuršiai..., 2016b — Kuršiai. Genties kultūra laidosenos duomenimis. The Curonians. Tribal Culture According to the Burial Data. Vilnius; Rīga: Lietuvos nacionalinis muziejus; Latvijas Nacionālais vēstures muzejs, 2016. 464 s.
- LAA, 1978 — Lietuvos TSR archeologijos atlasas IV. I–XIII a. radiniai. Vilnius: Mokslas, 1978. 160 p.
- Latvijas archeologija..., 1974 — Latvijas PSR archeologija. Rīga: Zinātne, 1974. 376 s., 80 tab.
- Laul, Tõnisson*, 1991 — *Laul S., Tõnisson E.* Muistsete sirpide ja vikatite kujunemisloost Eestis // Arheoloogiline kogumik. Tallinn, 1991 (Muinasaja teadus; Vol. 1). S. 75–91.
- Ligi*, 1993 — *Ligi P.* Vadjäpärased kalmed Kirde-Eestis (9.–16. sajand) // Vadjäpärased kalmed Eestis 9.–16. Sajandil. Tallinn: Ajaloo Instituut, 1993 (Muinasaja teadus; Vol. 2). S. 7–175, 92 tahv.
- Mandel*, 1977 — *Mandel M.* Võitlusnuga muinaseestlaste relvastuses // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused, 1977. Vol. 26, no. 3. S. 236–255.
- Mandel*, 2003 — *Mandel M.* Läänemaa 5.–13. sajandi kalmed. Tõid ajaloo alalt 5. Tallinn: Eesti Ajaloomuuseum, 2003. 286 s.
- Mandel*, 2017 — *Mandel M.* Maidla muinaskalmistu saladused. Tallinn: Eesti Ajaloomuuseum, 2017. 192 s.
- Mägi*, 1997 — *Mägi M.* Eesti merovingi- ja viikingiaegsed ehtenõelad — võõrapärased ja omad // Eesti arheoloogia ajakiri / Estonian Journal of Archaeology. Tallinn, 1997. No. 1. P. 26–83.
- Mägi-Lõugas*, 1994 — *Mägi-Lõugas M.* Eesti viikingiaegsed hoburaudsõled ja nende ornament // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised, Ühiskonnateadused. Tallinn, 1994. No. 43. S. 465–484.
- Mägi-Lõugas*, 1995 — *Mägi-Lõugas M.* Eesti viikingiaegsed käevõrud ja nende ornament // Eesti arheoloogia historiograafilisi, teoreetilisi ja kultuuriajaloolisi aspekte. Tallinn, 1995 (Muinasaja teadus; Vol. 3). S. 271–325.
- Mikhaylova*, 2016 — *Mikhaylova E. R.* The population of the southeast shore of the Gulf of Finland and its contacts with regions of the Baltic sea in the First millennium AD // Archaeologia Baltica. Klaipeda: Klaipėda University Press, 2016. № 23. P. 181–198. DOI: <http://dx.doi.org/10.15181/ab.v23i0.1305>.
- Selirand*, 1974 — *Selirand J.* Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11.–3. sajand). Tallinn: Eesti Raamat, 1974. 376 s.
- Takala*, 2005 — *Takala H.* Äyräpään kihlakunnan esihistoria I. Muinainslöydöt 1847–1944. Jyväskylä: Gummerus Kirjapaino Oy, 2005. 216 s.
- Tamla*, 1991 — *Tamla T.* Jämenevate otstega käevõrud Eesti noorema rauaaja (10.–13. saj.) leidudes // Arheoloogiline kogumik. Tallinn, 1991 (Muinasaja teadus; Vol. 1). S. 134–145.
- Tvauri*, 2005 — *Tvauri A.* Eesti hilisrauaaja savinoud (11. Sajandist 13. Sajandi Keskpaigani). Tallinn; Tartu: Kleio, 2005 (Muinasaja teadus; Vol. 16). 199 s.
- Tvauri*, 2012 — *Tvauri A.* The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia // Estonian Archaeology. Tartu: Tartu University Press, 2012. Vol. 4. 384 s.
- Vaska*, 2004 — *Vaska B.* Procesi zemgaļu ornamentā vidējā un vēlajā dzelzs laikmetā // Pētījumi zemgaļu senatnē. Latvijas vēstures muzeja raksti Nr. 10. Rīga: Latvijas Vēstures muzejs, 2004. S. 127–152.
- Vaškevičiūtė*, 2004 — *Vaškevičiūtė I.* Žiemgaliai V–XII amžiuje. Vilnius: Leidykla, 2004. 152 s.
- Viļcāne*, 2021 — *Viļcāne A.* Krūšū rotas // Latvijas arheoloģijas rokasgrāmata. Rīga: Zinātne, 2021. S. 462–467.
- Volkaite-Kulikauskiene*, 1970 — *Volkaite-Kulikauskiene R.* Lietuviai IX–XII amžiais. Vilnius: Mintis, 1970. 296 p.
- Zariņa*, 2006 — *Zariņa A.* Salaspils Laukskolas kapulauks 10.–13. gadsimts. Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2006. 463 s.
- Žiemgaliai..., 2005 — Žiemgaliai. Baltų arheologijos paroda. Katalogas = The Semigallians. Baltic Archaeological Exhibition. Catalogue. Vilnius; Rīga: Lietuvos nacionalinis muziejus; Latvijas Nacionālais vēstures muzejs, 2005. 240 s.

**Burial grounds with cremations of the Viking Age
between the Narva and Volkhov Rivers
(to the question of the pre-Kurgan culture of the 10th–11th centuries
and the origin of the Vod)**

I. V. Stasyuk¹⁸

Keywords: Viking Age, burial sites, cremations, North-Western Russia, Baltic region, Fennoscandia, Baltic-Finnic peoples.

In the last quarter of the 1st — beginning of the 2nd millennium AD, three expansive groups of burial antiquities are recorded in North-Western Russia: culture of the Pskov Long Barrows, Novgorod *sopki* and kurgans of the south-eastern Ladoga region. When mapping their areas, the space encircled by them becomes more distinct. The mediaeval antiquities from this region still have received no commonly accepted cultural and chronological attribution. The region under consideration encompasses the areas to the south of the Gulf of Finland and Neva, between the Narva and Volkhov Rivers, northwards from the middle reaches of the Luga River. Of note is the presence of a separate horizon of antiquities here. Its significant archaeological features have been distinguished (burial rite, material culture) and the regularities of their development have been traced including the dynamics of the rite and the set of grave goods, as well as the continuity from the precedent and subsequent antiquities. By now, about fifteen sites with cremation burials of the Viking Age are known in this area. They are concentrated in the Narva River region, at the outskirts of the Izhora Plateau, and two sites are found in the southern Neva region. In all the cases registered, the cremation was performed aside from the place of interment, the condition of the bones and partly melted metal objects corresponds to the 4th–5th degrees of burning (650–960 °C or greater). It was soft-tissue bodies that were cremated, apparently, soon after the death of the individual. The interment of the cremated remains was performed close to the surface: either in shallow ground pits or immediately on the surface horizon. Burials scattered on the surface also are found. A characteristic feature of the rite is the ritual spoiling of the items of the grave offerings: weapons, sickles and scythes. The set of weaponry is typical for North Europe; the ornaments have parallels among antiquities from Estonia, Karelia, Finland and south-eastern Ladoga region. The horizon of cremations was dated to within the 10th — first half of the 11th cen. In the middle of the 11th cen., a transition to the inhumation rite is recorded, and from the 11th–12th cen., the spread of the tumulus rite is observable. It is concluded that the horizon under study is related with the origin of the mediaeval Vods.

¹⁸ Ivan V. Stasyuk — Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: norroendrengr@mail.ru.

Археология катастрофы: реконструкция штурма и гибели древнерусского города XIII в. (по материалам исследований М. К. Каргера Большого Шепетовского городища)¹

К. А. Михайлов²

Аннотация. На основе полевых материалов раскопок, полученных экспедицией М. К. Каргера на Большом Шепетовском городище, анализируются массовые санитарные захоронения, оборонительные сооружения, топография предметов вооружения. Хорошо сохранившиеся материалы этого памятника позволяют сравнить его с другими древнерусскими городами, погибшими во время монгольских походов 1237–1241 гг., и подробно реконструировать картину штурма и гибели жителей города.

Ключевые слова: Древняя Русь, Большое Шепетовское городище, Волянь, 1237–1241 гг., монгольское нашествие, массовые санитарные захоронения, топография предметов вооружения, стрелы, оборонительные укрепления, реконструкция штурма города.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-243-266

Одна из сквозных тем, всегда волновавших людей с библейских времен и до наших дней, — история катастрофы, гибели государства и цивилизации, тема, вечная для человеческой истории. Недаром в последние десятилетия особой популярностью в художественной литературе и кинематографе стал пользоваться жанр постапокалиптики с детально прорисованными картинами гибели городов и массовой гибели людей. У каждой эпохи есть свои мини-апокалипсис и Помпеи. Для древнерусского общества подобной катастрофой такого масштаба стала эпоха монгольского погрома 1237–1241 гг. с трагической гибелью княжеских столиц и небольших городков, разгромом храмов и тотальным уничтожением населения.

Военная катастрофа второй четверти XIII в., сильнейшим образом повлиявшая на все древне-

русское общество и его культуру, постоянно привлекала и продолжает привлекать к себе внимание поколений отечественных историков и археологов. Первые материальные свидетельства монгольского погрома в виде обширных санитарных захоронений, которые в отечественной историографии называли «братскими могилами», и многочисленных отдельных человеческих скелетированных останков были обнаружены в Киеве еще в 1870-е гг. и впоследствии неоднократно доисследовались в течение всего XX столетия. Всплеск общественного внимания к «татаро-монгольскому» нашествию на Русь произошел в 1940–1960-е гг., в период «сталинского» патриотизма и на волне новой государственной политики в области истории. Идеологические требования к гуманитарной науке в СССР, постапокалиптическая картина послевоенной страны и воспоминания о недавнем вражеском вторжении невольно перекликались в массовом сознании и государственной пропаганде с картинами монгольского погрома и «героической» защитой древнерусских столиц (Тиханова, Лихачев, 1942. С. 13, 100, 101)³. Именно

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: mikhailov_kirill@mail.ru.

© Михайлов К. А., 2023

³ Одними из первых в советской историографии, кто использовал древнерусский нарратив в военной пропаганде и поставил знак равенства между сопротивлением

в послевоенную эпоху начинается массовое изучение древнерусских городов, и неудивительно, что именно в этот период любые следы пожара в средневековом культурном слое трактовались как прямое свидетельство монгольского нашествия.

М. К. Каргер первым объединил разрозненные материалы киевских городских раскопок XIX–XX вв. и аргументированно связал их с монгольским разгромом и падением Киева в 1240 г. в своей работе «Киев и монгольское завоевание» (Каргер, 1949; 1958. С. 496–515). По-видимому, именно эта публикация задала фокус наших современных воззрений на военную катастрофу и определила набор археологических свидетельств монгольского нашествия на древнерусских памятниках: тела погибших в разрушенных домах; массовые («братские») захоронения; свидетельства поголовного истребления жителей городов, останки которых сохранили следы травм от холодного оружия; множественные находки предметов вооружения; многочисленные единовременные клады и следы тотальных пожаров в культурном слое.

Со временем интерес к этой теме в отечественной историографии несколько спал, но возродился в 2000-е гг. в связи с расширением и большей интенсивностью охранных археологических работ на всем пространстве Восточной Европы. Во время возобновления масштабных раскопок на территории древнерусских городов отечественные археологи вновь столкнулись со следами военной катастрофы XIII в. и проблемами их интерпретации (Русь в XIII веке..., 2003; Нашествие..., 2016). Интерес к теме военной катастрофы XIII в. возрос после исследований последних десятилетий в Ярославле, Владимире и Киеве, где археологи открыли «братские» захоронения второй четверти XIII в.

По мнению антропологов, самым распространенным типом захоронений, которые образуются вследствие социальных или природных катастроф, являются санитарные (*sanitary burial*, *intentional post-catastrophic burial*, *mass grave*), которые в отечественной литературе называются братскими могилами, костямицами или массовыми

народов СССР гитлеровскому нашествию и сопротивлением населения Древней Руси «татаро-монгольскому» нашествию, стали два ленинградских историка, которые в условиях ленинградской блокады написали небольшую книжку, посвященную обороне древнерусских городов. В своей работе они, в том числе, провели параллель между обороной Киева в 1240 г. и Ленинграда в 1941–1942 гг. (Тиханова, Лихачев, 1942).

захоронениями. Такие захоронения формируются через некоторое время после самой военной катастрофы и зачастую являются результатом очистки территории от человеческих останков (Козак, 2020а. С. 158). Именно массовые санитарные захоронения и многочисленные человеческие останки погибших жителей, обнаруженные в разрушенных постройках древнерусских городов XIII в., стали одним из самых ярких подтверждений летописных свидетельств жестокости монгольского вторжения и своеобразным маркером событий 1237–1241 гг. Как мне кажется, за последнее столетие в историографии сложилось представление об экстраординарности коллективных захоронений для Древней Руси, повлиявшее на датировку и интерпретацию подобных братских могил: возможно, ни до, ни после монгольского нашествия археологи не фиксировали столь многочисленных массовых человеческих захоронений со следами насильственной смерти⁴.

Монгольское нашествие и его археологические свидетельства

В Северо-Восточной Руси наиболее ранние следы первого монгольского вторжения зимы 1237 г. были обнаружены во время многолетних археологических исследований в Старой Рязани, когда на территории города в разные годы были найдены несколько братских могил XIII в., связанных с монгольским штурмом. Первое из таких захоронений выявлено в 1926 г. во время раскопок В. А. Городцова на Северном городище (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 372). Второе коллективное захоронение жертв военного разгрома открыто на раскопе 21в, третье — на территории дер. Фатьяновки вблизи Старой Рязани в 1970-е гг. (Там же. С. 373, 383). Исследователи отмечали, что человеческие останки в них располагались в несколько слоев. Но в самой Старой Рязани санитарных «братских» захоронений или останков погибших жителей внутри разрушенных построек до сих пор так и не найдено.

В историческом центре Владимира массовое захоронение жертв монгольского штурма города впервые обнаружили в 2011 г. на ул. Златовратского в пределах Ветшаного города. В одной яме было погребено 57 человек (43 взрослых и не менее 14 детей). Человеческие останки

⁴ Исключение представляют средневековые скульницы — места массовых жертв средневековых эпидемий, где могли быть похоронены сотни и тысячи человек, и поля средневековых сражений.

располагались в три яруса. Антропологический анализ выявил на костях и черепахах погребенных многочисленные рубленые раны и травмы, нанесенные тупыми предметами (Гончарова, 2015).

Аналогичные массовые захоронения были открыты в 2005–2008 гг. в черте Рубленого города Ярославля экспедицией во главе с А. С. Энговатовой. На территории городского детинца обнаружили девять массовых захоронений, в которых были погребены примерно 500 человек. Следует отметить, что погибших похоронили в ямах от разрушенных построек и в колодце.

Антрополог Н. Н. Гончарова обратила внимание на то, что владимирские и ярославские захоронения объединяют не только экстраординарная форма погребального обряда и демографический профиль, но и характер многочисленных травм, нанесенных различными типами оружия (Там же. С. 72). Так же как в братских захоронениях в Старой Рязани и Владимире, человеческие скелеты в ярославских погребениях лежали в ямах слоями, в девиантных, нехарактерных для обычных христианских могил, позах. На костях погребенных в коллективных санитарных захоронениях зафиксированы следы ударов дробящим оружием и рубленые раны, на некоторых телах сохранились остатки одежды и обуви.

Авторы раскопок проводят параллели между антропологическими коллекциями из Рубленого города Ярославля и Большого Шепетовского городища. Д. Г. Рохлин изучил останки около 200 индивидуумов с Большого Шепетовского городища и отметил многочисленные травмы, нанесенные рубящим оружием, дырчатые повреждения, которые могли оставить стрелы или копья, а также множественные травмы от ударов оружием типа палицы или булавы. Характер травм и то, что они наносились одним и тем же оружием мужчинам, женщинам и детям, сближают оба памятника и одинаково характеризуют комплекс вооружения и основные черты расправы нападавших с мирным населением (Рохлин, 1965. С. 210; Энговатова и др., 2010).

Для ярославских санитарных захоронений удалось уточнить время гибели горожан. Комплексный анализ полученных материалов позволил отнести гибель людей из выявленных в Ярославле коллективных захоронений к зиме и сопоставить с датой разгрома города в феврале 1238 г., о чем свидетельствуют остатки зимней двуслойной одежды и меховые головные уборы на погибших. На основании дендрохронологического анализа дерева построек, где были осуществ-

лены санитарные захоронения, они датируются не позднее начала 1230-х гг. Даты, полученные после радиуглеродного датирования костных образцов, также совпали с дендродатами. Энтомологическое исследование свидетельствует, что люди были похоронены в конце мая — середине июня. Следовательно, захоронение произошло не ранее чем через три месяца после гибели города (Энговатова и др., 2012а; 2012б; 2013).

Самые многочисленные свидетельства, связанные с походами Бату-хана 1229–1241 гг., были обнаружены не в Северо-Восточной, а в Южной Руси, на территории современной Украины. В первую очередь следует вспомнить итоги многочисленных и разновременных раскопок Киева, обобщенные в работах М. К. Каргера, Г. Ю. Ивакина, А. В. Комара и В. К. Козюбы, которые и сами исследовали братские захоронения XIII в. на Старокиевской горе, и смогли профессионально оценить раскопки предшественников (Каргер, 1949; Ивакин, Комар, 2016). Следует упомянуть, что именно М. К. Каргер не только одним из первых собрал информацию об археологических следах тотального погрома в Киеве XIII в., но и сам открыл массовые погребения горожан, которых перезахоронили в коллективных могилах уже после монгольского штурма. Ему же удалось исследовать несколько комплексов с останками погибших *in situ*. Экспедиция М. К. Каргера также открыла тайник в Десятинной церкви, где во время штурма зимой 1240 г. укрылись от врагов и трагически погибли богатые киевляне, обнаружила останки двух девочек, которые спрятались во время разгрома города в печи, и сделала ряд других аналогичных находок (Каргер, 1949. С. 73, 74, 78–82; 1958. С. 496–504). На основе анализа санитарных захоронений и сопоставляя различную сохранность скелетов погребенных, исследователи посчитали, что очистка города от трупов и следов штурма произошла уже вскоре после трагических событий и проводилась в несколько этапов, скорее всего, в течение 1241 г. В первую очередь был очищен район Подола, а площадь бывшего княжеского детинца вокруг Десятинной церкви, по-видимому, так и не была полностью освобождена от тел и превратилась в огромное братское кладбище (Каргер, 1949. С. 65–84; Ивакин, Комар, 2016).

Как уже упоминалось, первые массовые санитарные («братские») захоронения средневековых горожан были обнаружены в Киеве в 1870 г. во время строительства пивного завода на Подоле, в районе Кирилловской улицы. В. Б. Антонович

упомянул в своей работе, что у подножия киевской горы Юрковица выкопали 4000 или «более 2000 черепов» (Каргер, 1958. С. 505, 506). Следующее массовое захоронение было найдено в 1892 г. И. А. Хойновским на Старокиевской горе рядом с Десятинной церковью, на усадьбе Кривцова. Еще одно подобное санитарное кладбище открыл в 1907 г. В. В. Хвойка рядом с абсидами той же Десятинной церкви. В 1936 г. экспедиция ИИМК НАНУ под руководством Ф. Н. Мовчановского вновь раскрыла на Старокиевской горе коллективное захоронение на месте восточного «дворца» рядом с Десятинной церковью и сделала ряд новых находок останков погибших горожан (Комар, Козюба, 2016. С. 127–135). Следует отметить, что к числу санитарных захоронений и останкам погибших в 1240 г., по-видимому, можно отнести часть «погребений», открытых археологами в 1900–1920-е гг. Например, некоторые погребения из раскопок 1927 г. в усадьбе Трубецкого в Киеве впоследствии были заново атрибутированы и связаны с местом гибели средневековых горожан зимой 1240 г. (Хамайко, 2016).

Параллельно с исследованиями санитарных захоронений XIII в. в Киеве аналогичные находки были обнаружены к западу и юго-западу от него, на территории исторической Волыни.

Одним из самых известных памятников, связанных с монгольским разгромом и открытых в первой половине — середине XX в., стало Райковецкое городище, исследованное в 1929–1935 гг. Ф. Н. Мовчановским вблизи Бердичева (Мовчанівський, 1935; Гончаров, 1950). Впервые в Восточной Европе археологам удалось целиком изучить древнерусское городище и зафиксировать следы тотальной средневековой военной катастрофы, произошедшей в XIII в. Фактически вся площадь памятника стала полем битвы и местом одновременной смерти большинства жителей города, которые до XX в. так и остались непогребенными. Гибель Ф. Н. Мовчановского во время политических репрессий в 1938 г. и отрывочная публикация его материалов не позволили Райковецкому городищу стать эталонным памятником эпохи катастрофы. Но, по-видимому, его исследования оказали значительное влияние не только на современников, но и на советских археологов 1940–1960-х гг., что выразилось в их стремлении вскрывать малые древнерусские города максимально широкой площадью. Например, влияние методики раскопок Ф. Н. Мовчановского и выбор очередного памятника для раскопок можно усмотреть в работах М. К. Каргера на Большом Шепетовском городище. Этот памятник не только находился

рядом с Райками, погиб в одно с ним время, но и обстоятельства их гибели оказались очень близки⁵. В 1948–1953 гг. экспедиция Института археологии АН УССР под руководством В. К. Гончарова исследовала широкой площадью городище Колодажин на р. Случи. Картина тотального разгрома древнерусской крепости с незахороненными останками защитников и человеческими скелетами внутри разрушенных жилищ напоминала обстоятельства гибели Райковецкого и Большого Шепетовского городищ (Гончаров, 1951; 1952. Рис. 2; 3).

В конце XX в. во время раскопок детинца Дорогобужа на Горыни Б. А. Прищепка открыл две коллективные могилы и три скопления тел погибших горожан, впущенные в постройки XII–XIII вв., которые он отнес к захоронениям жертв монгольского разгрома города: первое — в постройке XIII (состояло из скопления разрозненных длинных костей и черепов, под которыми лежал целый человеческий скелет) (1984 г.), второе — скопление человеческих останков со следами рубленых ран на черепах в жилище 15 (1989 г.), третье и четвертое были найдены на площадке раскопа XXXI окольного города (1980 г.). Третье представляло собой скопление, состоящее из остатков двух человеческих скелетов, которые сопровождалось энколпионом и стеклянными браслетами (погребение 1). Скорее всего, исследователь принял тела погибших во время штурма за более позднее погребение. Четвертым стала яма с разрозненными костями. Пятую находку автор исследований обозначил в качестве погребения, которое было впущено в постройку 17 и очутилось рядом со скелетом коровы (Прищепка, 2011. С. 65–68, 97, 98, рис. 64–68, 117, 119). Таким образом, на территории бывшего княжеского города были найдены как вторичные санитарные захоронения, совершенные после штурма, так и тела жителей, погибших во время штурма и сохранивших детали своего костюма.

Массовые санитарные захоронения, произведенные после монгольского нашествия на Русь, были также выявлены в Новгород-Северском (Черненко, Казаков, 2005), на южном городище Возвыгия, в Звенигороде, на городище Червень в Восточной Польше и ряде других памятников Днепровского Правобережья (Козак, 2020а).

⁵ Некоторые современные исследователи относят Большое Шепетовское городище, Возвыгий и еще ряд волыньских городищ к исторической Болховской земле и, исходя из этих представлений, связывают их разгром с галицко-волыньским князем Даниилом Романовичем или с походом Бурундая, датируя их гибель 1257–1259 гг. (Летописный «Изяславль», 2020. С. 28; Якубовський, 1997).

С. 158). Например, на Южном городище Возвыгия вблизи Новоград-Волынского в яме подклета так называемой постройки ювелира были найдены 19 человеческих черепов и десятки разрозненных человеческих костей, по крайней мере от 36 скелетов. На черепах прослежены следы ударов тупыми предметами, а на костях — следы зубов животных, скорее всего собак или лисиц. А. Д. Козак считает, что наличие многочисленных следов укусов псовых может указывать на то, что гибель жителей городища произошла в летний сезон и тела погибших некоторое время оставались незахороненными. Состояние поверхности костей свидетельствует об их пребывании на открытом солнце в широком интервале от одного до девяти месяцев (Козак, 2020б. С. 156–182)⁶. Аналогичные следы разложения тел погибших и длительного пребывания костей на открытом солнце отмечены для массовых захоронений, обнаруженных в Ярославле. Таким образом, анализ костных остатков может помочь в установлении времени года, когда произошла гибель жителей, попавших в санитарные могилы.

Массовые погребения жертв военного погрома стали своеобразным археологическим маркером для вычленения комплексов эпохи монгольского нашествия 1237–1241 гг. Правда, следует учитывать, что в большинстве случаев других признаков штурма древнерусских городов помимо следов пожаров, коллективных захоронений или отдельных скелетных останков археологам зафиксировать не удалось⁷. Как мне кажется, это связано с тем, что жизнь на этих памятниках продолжалась и после военного разгрома. Люди возвращались на пепелища, хоронили погибших, разбирали завалы и собирали уцелевшие вещи и

⁶ А. Д. Козак отмечает, что на костях из киевских массовых захоронений 1240 г. следов зубов животных почти не отмечено, что может быть связано с тем, что Киев пал в декабре и тела оказались недоступны хищникам.

⁷ Отсутствие массовых захоронений, находок оружия и других следов штурма в Чернигове, Берестье и ряде других памятников может быть связано и с разными обстоятельствами их гибели. Далеко не везде древнерусские города XIII в. могли погибнуть вследствие прямого штурма, и далеко не везде население убивали на территории города. Также сохранность горизонта гибели может быть связана с сохранением населения городской округи, которое возвращалось или не возвращалось для разборки завалов и захоронения погибших. Для наведения порядка, захоронения тысяч трупов и восстановления огромных княжеских столиц, безусловно, требовались организация большого количества людей и усиления княжеской администрации.

оружие. Например, в продолжавших существовать Старой Рязани и Владимире ни в одном подклете или разрушенном жилище не обнаружены останки горожан, погибших в 1237–1238 гг. В Чернигове тоже до сих пор не удалось найти ни одного санитарного захоронения 1239 г. или останков погибших жителей, что характерно для центральной части средневекового Киева.

Археологическое изучение

Большого Шепетовского городища

как пример исследования военной катастрофы

По-видимому, именно по причине фрагментарности наших данных до сих пор трудно восстановить характерные детали тактики и вооружения завоевателей или дать общую характеристику монгольского погрома по археологическим источникам. Редкими исключениями из общей картины древнерусских памятников стали материалы двух тотально раскопанных волыньских городищ: Райковецкого и Большого Шепетовского («Изяславля»). Жизнь на этих памятниках после военного разгрома так и не возобновилась, и значительная часть погибших жителей не была захоронена. Вероятно, вместе с этими крепостями была уничтожена и вся ближайшая округа, а уцелевшее население покинуло небезопасный приграничный регион. Хоронить погибших было некому, и они остались непогребенными на месте своей насильственной смерти *in situ*. Недаром увиденная картина ассоциировалась участниками раскопок с гибелью Помпей и Геркуланума, а одна из статей М. К. Каргера, посвященная «Изяславлю» в университетской газете тех лет вышла под заголовком «Русская Помпея» (Летописный «Изяславль», 2020. С. 18; Каргер, 1962). Из-за хорошей сохранности полевой документации и коллекции находок именно Большое Шепетовское городище может стать своеобразным эталонным памятником для эпохи монгольского погрома, на примере которого удастся проследить подробную картину штурма и гибели средневекового города⁸.

Городище у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области (Украина) в 1957–1964 гг.

⁸ По сравнению со многими другими раскопками 1940–1960-х гг. для Большого Шепетовского городища достаточно полно сохранились полевая документация, антропологическая коллекция и собрание археологических находок, что позволяет подробно восстановить картину исследований памятника. Полевая документация экспедиции хранится в ИИМК РАН, антропологическая коллекция — в МАЭ РАН, коллекция находок — в Гос. Эрмитаже.

было изучено широкомасштабными раскопками, проведенными совместной Галицко-Волынской архитектурно-археологической экспедицией Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР и Ленинградского государственного университета под руководством М. К. Каргера. За восемь лет исследований экспедиция изучила около 3,6 га культурного слоя городища. Еще в процессе раскопок М. К. Каргер отождествил изучаемое городище с летописным городом Изяславлем, погибшим при штурме войском Бату-хана зимой 1240–1241 гг. (Летописный «Изяславль», 2020. С. 5, 6).

Несмотря на то что история раскопок и отдельные материалы памятника неоднократно публиковались (по данным А. А. Песковой, список литературы, касающейся городища, насчитывает свыше сотни статей), значительная часть материалов раскопок остается неизвестной даже специалистам (Летописный «Изяславль», 2020. С. 7–29). Характерной особенностью памятника стала уникальная сохранность костных останков погибших жителей города и тысяч бытовых находок, украшений и предметов вооружения, которые лежали под тонкими прослойками дерна и культурного слоя и не были расхищены за длительный период земледельческого использования участка.

Среди сохранившихся и подготовленных к публикации А. А. Песковой архивных текстов непосредственных участников экспедиции и тех исследователей, которые обратились к материалам раскопок в 1970–1980-е гг., наиболее близкой к теме нашей работы является публикация А. Н. Кирпичникова, посвященная вооружению и предметам снаряжения коня и всадника. Эти категории находок полностью представлены в отдельном исследовании (Летописный «Изяславль», 2020. С. 53–116).

В ходе изучения полевых описей экспедиции, происходящих из личного архива М. К. Каргера, также удалось вычленивать информацию о местах находок большинства предметов вооружения и всаднического снаряжения. Картирование ряда категорий находок на общую сетку раскопок позволяет дополнить публикацию А. Н. Кирпичникова и сделать ряд выводов об обстоятельствах гибели Большого Шепетовского городища.

Расположение и внешний вид укреплений города на момент штурма

Большое Шепетовское городище расположено в 4 км к югу от южной окраины Шепетовки, на юго-восточной окраине современного с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области Украины, на территории исторической области

Волынь. Оно находится в пойме р. Гуски (бассейн р. Горыни), где занимает невысокий мыс на левом берегу реки, образуемый ее излучиной. Площадка городища (общей площадью 3,6 га) состоит из детинца (0,6 га), расположенного на восточном краю мыса, и окольного города (3 га), разделенных неглубоким рвом шириной 10–12 м. Почти со всех сторон, кроме восточной, обращенной к реке, площадка городища окружена единой тройной линией оборонительных сооружений, состоящей из двух линий рвов и вала. С западной, восточной, стороны весь мыс дополнительно защищен еще одним рвом (рис. 1) (Пескова, 2009). Уже после окончания работы экспедиции М. К. Каргера, во время исследований 1983–1984 и 2006–2007 гг., вокруг окольного города были выявлены 14 площадок со следами открытых неукрепленных поселений с древнерусскими материалами XII–XIII вв., которые могут являться остатками обширных городских посадок (Летописный «Изяславль», 2020. С. 16, рис. 7). В таком случае предполагаемая площадь городской агломерации в XII–XIII вв. в несколько раз превышала исследованную археологами укрепленную часть средневекового города.

Окольный город

Укрепления самого городища представляют собой в плане почти правильный пятиугольник, внешние оборонительные линии которого образуют почти прямые отрезки: 170, 150, 150, 120 и 145 м. С южной, западной и северной сторон окольный город и городище защищали две линии рвов, с внутренней стороны которых фиксировался вал высотой до 2 м. В юго-западной и южной частях укреплений прослеживаются перемычки между валами и рвами — проезды, ведущие на площадку окольного города. Один въезд сохранился на ширину от 3,0 до 4,5 м, второй — на 9–12 м. В процессе раскопок экспедиция М. К. Каргера изучила устройство внутренней линии укреплений. Почти по всему периметру окольного города и детинца в основании внутреннего вала городища были обнаружены остатки сгоревших деревянных клетей — срубов, рубленных «в обло», поставленных в ряд. Размеры клетей составляли около 3 × 4 м. В местах проездов линии клетей прерывались (рис. 2). В ходе изучения полевой документации выяснилось, что под земляными насыпями валов располагались остатки не одной, а двух линий оборонительных конструкций. Они имели традиционный для древнерусских укреплений облик. Внутренняя линия была представлена полыми клетями,

Рис. 1. Большое Шепетовское городище. Аэрофотоснимок, сделанный летчиками Люфтваффе в 1944 г. (The National Archives and Records Administration (USA); www.archives.gov (NARA, GX 956, № 45))

Fig. 1. Bolshoye Shepetovskoye Gorodishche (Shepetovka fortified settlement). Aerial photograph made by Luftwaffe pilots in 1944 (The National Archives and Records Administration (USA); www.archives.gov (NARA, GX 956, № 45))

Рис. 2. Большое Шепетовское городище. Юго-западный угол укреплений и проезд в окольный город. 1957 г.

Fig. 2. Bolshoye Shepetovskoye Gorodishche. South-western corner of the fortifications and the passage to the *okolny gorod* (suburbs). 1957

которые использовались для хозяйственных нужд жителей. В них были найдены предметы домашнего обихода, хозяйственный инвентарь, большое количество зерна, в некоторых хранилось сено, но жилых помещений с отопительными устройствами среди них не зафиксировано. В свою очередь внешние конструкции могут быть реконструированы как линия срубов-городней, заполненных землей. Засыпка различных участков стен грунтом была неравномерной, как и высота «валов» городища, в которые превратились руины стен с оплывшим на них внутренним заполнением. Высота стены, вероятно, достигала 3–4 м, а поверхность боевого хода, скорее всего, находилась на высоте около 2 м. Во внутренних полых клетях наряду с хозяйственными принадлежностями и сельскохозяйственными запасами обнаружены костные останки погибших жителей, которые попали в клетки с поверхности боевого хода во время их разрушения.

Детинец

Стратиграфия культурного слоя памятника позволила выделить два этапа существования крепости (рис. 3). На первом детинец, отделенный от окольного города неглубоким рвом, очевидно, был укреплен однорядной стеной из полых срубов-клетей, поставленных вдоль рва. На втором (на момент гибели города) наземная часть укреплений детинца была разрушена или разобрана, а ров частично заплыл землей. По краю рва археологи обнаружили следы отдельных, не связанных между собой, жилых построек с останками тел погибших в них жителей, с отопительными устройствами и кухонной посудой. Следовательно, на момент штурма деревянные стены опоясывали только периметр окольного города и внешние обводы детинца, но внутренние укрепления между двумя зонами застройки отсутствовали (Михайлов, Пескова, 2021). Большинство клеток оборонительной стены окольного города несут следы мощного тотального пожара, который привел к разрушению городских укреплений и обрушению полых клеток на внутреннюю площадку городища. Вследствие этого грунт из внешней линии городней обвалился на внутреннюю сторону площадки и засыпал следы штурма и пожара, придав бывшим стенам вид валообразной насыпи.

Расположение и количество погибших жителей на площадке городища

А. Н. Кирпичников, который сам был многолетним участником экспедиции и ближайшим

помощником М. К. Каргера, предположил, что «количество человеческих жертв превышало 2500, общая же численность населения, учитывая жителей загорожья и приселков, погибших вне городских стен, угнанных и избежавших гибели, вероятно, могла быть более 3000–3500 человек» (Летописный «Изяславль», 2020. С. 56). Гарнизон города, который состоял из «профессиональных конных воинов», исходя из количества целых шпор оценивается в 100–150 человек, что могло составлять 3–5 % населения (Там же. С. 57). В то же время в полевой документации и на экспедиционных чертежах нам⁹ удалось обнаружить сведения о человеческих черепах и остатках полных скелетов, оставшихся от примерно 600 погибших жителей¹⁰.

Первоначально М. К. Каргер считал памятник однослойным и относящимся к одной эпохе. Но во время исследования полевой документации, фотографий и находок выяснился разновременный характер некоторых комплексов, в том числе человеческих останков. На основании полевых чертежей, фотографий и информации из описей весь антропологический материал на городище был нами разделен на объекты (комплексы), которые распадаются на четыре категории, исходя из характерных особенностей расположения, сохранности и стратиграфии.

1. *Останки жителей, погибших во время нападения, сохранившиеся in situ*, — 88. Для этих объектов характерны сохранившийся скелет и девиантные позы погибших: расположенные на спине, боку или животе, с разбросанными, согнутыми или перекрещенными руками и ногами (рис. 4). В ряде случаев погибшие жители города были обнаружены внутри сгоревших построек, на остатках деревянного пола построек или под сгоревшими перекрытиями. В других случаях их находили за пределами построек вместе с железными хозяйственными инструментами, которые оказались у них в руках в момент гибели. Аналогичные находки были сделаны в Киеве и Дорогобуже. Также на площадке городища Возвягиль были обнаружены скелеты в девиантных позах, характерных для погибших на Шепетовском городище. Но во Возвягиле исследователи интерпретировали

⁹ Все работы с полевой документацией памятника проводились в соавторстве с канд. ист. наук А. А. Песковой.

¹⁰ Численность населения города может быть уточнена после анализа и публикации антропологической коллекции и рабочей документации антропологов.

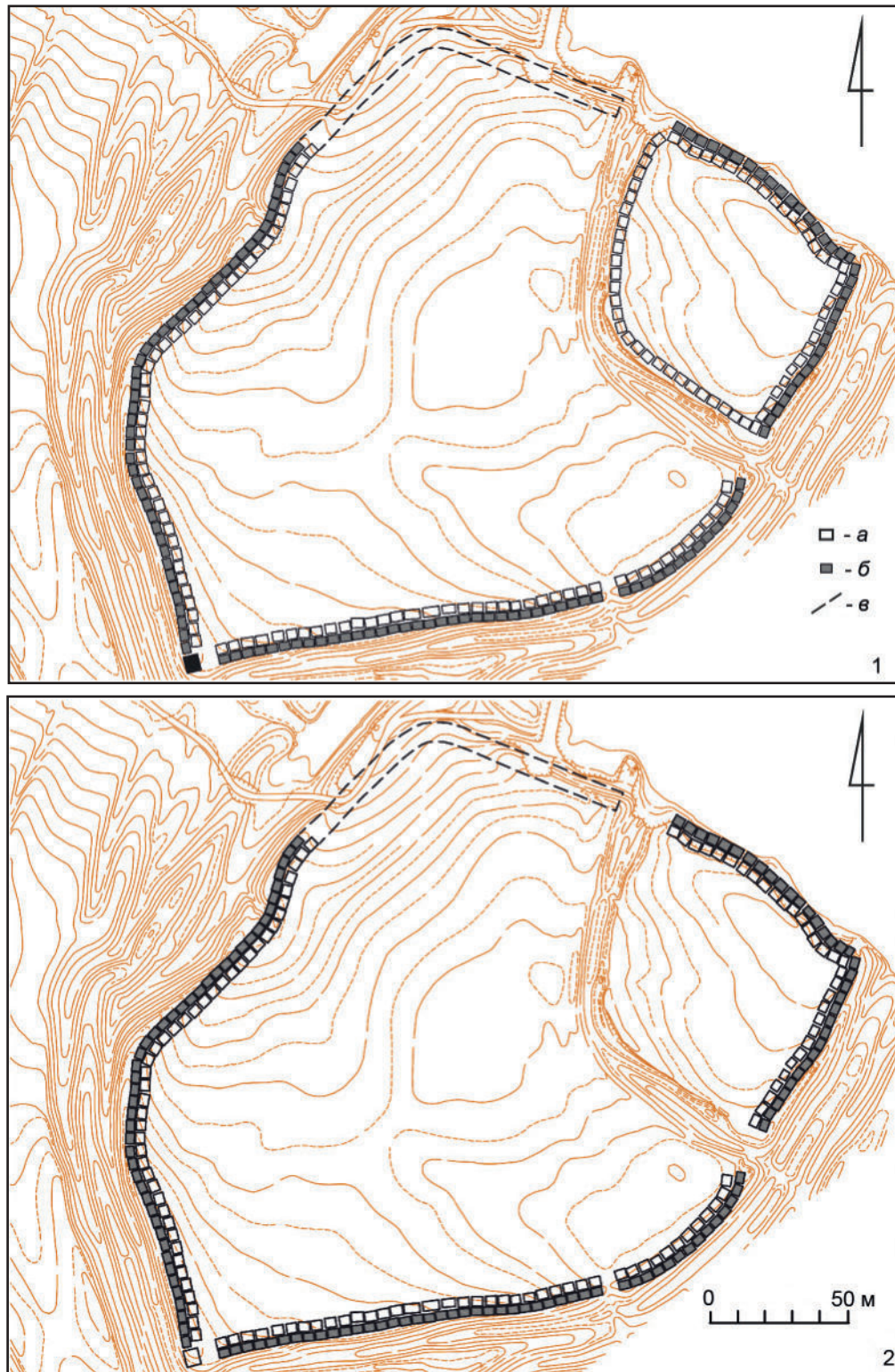

Рис. 3. Большое Шепетовское городище. Реконструкция деревоземляных укреплений: 1 — первый этап; 2 — второй этап. Условные обозначения: а — клетки; б — городни; в — предполагаемая линия срубов на неисследованном участке. Обработка чертежей Е. А. Никитиной

Fig. 3. Bolshoye Shepetovskoye Gorodishche. Reconstruction of the wood-and-earth fortifications: 1 — first stage; 2 — second stage. Keys: a — cages; б — fences; в — supposed line of the log frames in the unexplored area. Drawings worked by E. A. Nikitina

Рис. 4. Большое Шепетовское городище. Останки жителей городища, погибших при штурме (Об. 110). 1959 г.

Fig. 4. Bolshoye Shepetovskoye Gorodishche. Remains of the residents of the town who died during the assault (Об. 110). 1959

их как более поздние захоронения (*Зубрицька та інші.*, 2012. Рис. 5). Объекты этой категории можно сопоставить с киевскими «захоронениями» I группы (по классификации Г. Ю. Ивакина и А. В. Комара), которые являются «погибшими непосредственно в самих объектах (постройках) и, которые, главным образом, сохранились на Старокиевской горе» (*Ивакин, Комар, 2016. С. 69*).

2. *Санитарные массовые захоронения, или «костища»* (по определению М. К. Каргера), которые представляют собой груды разрозненных человеческих костей; иногда человеческие кости перемежаны с костями животных — 83 (рис. 5). Эти захоронения совершались или в обширных ямах подклетов уничтоженных построек, или в небольших ямках округлой формы, которые, по-видимому, специально выкапывала «похоронная команда». На момент погребения длинные кости, ребра, черепа, тазовые кости и позвоночники были уже отделены друг от друга и попали в могильную яму по отдельности. Часто у черепов отсутствовали нижние челюсти, а среди костей отсутствовали фаланги кистей рук и стопы. Подобная сохранность может указывать на то, что с момента гибели и до момента захоронения минимально прошло от пяти до девяти месяцев, но, скорее всего, более длительное время. Как мне кажется, на это косвенно указывает то, что «похоронная команда» не заметила многочисленный железный сельскохозяйственный инвентарь, который лежал

на поверхности площадки городища вперемешку с человеческими скелетами. Возможно, это связано с тем, что городище уже покрылось травой, а возможно, и дерном, который скрыл находки. Также в полевой документации отмечено, что к моменту проведения очистки городища от тел часть жилищных ям уже успела заплывть грунтом. Но и после совершения санитарных погребений площадка городища не использовалась местными жителями. Возможно, на ней изредка хоронили заложных покойников или ее использовали для выгона скота, но следов активной деятельности позднее XIII в. на городище не замечено. По классификации Г. Ю. Ивакина и А. В. Комара данная категория находок сопоставима с IV группой киевских захоронений, которые произошли на стадии полного разложения мягких тканей тел через длительный временной промежуток (*Ивакин, Комар, 2016. С. 69*).

3. *Санитарные массовые захоронения со сложной стратиграфией* — 20. Зачастую они представляют собой остатки разрушенных построек, на дне которых сохранились целые скелеты погибших горожан. Сверху их перекрывают более поздние санитарные захоронения, состоящие из разрозненных костей людей и животных (рис. 6). Ближайшая аналогия этой категории погребений происходит из комплекса «ювелира» на южном городище Возвягиля, где санитарное захоронение из разрозненных костей и черепов перекрывало целый человеческий скелет, лежавший на дне постройки XIII в. (*Козак, 2020б. С. 165, рис. 1*).

Первая группа останков отражает время гибели городища.

Вторая и третья группы сформировались спустя какое-то время, когда окрестные жители собирали разрозненные фрагменты тел погибших, складывая их в кучи, во многих случаях поверх скелетов погибших жителей городища. Таким образом, удалось установить, что стратиграфически вторая и третья группы человеческих останков представляют собой два разных горизонта, не совпадающих по времени. Часто «костища» связаны с остатками археологизированных построек, о чем свидетельствуют контуры этих скоплений.

Четвертая группа резко отличается от основной массы останков погибших жителей, которые зафиксированы с беспорядочно расположенными конечностями. Она соотнесена нами с кладбищем, образовавшемся на площадке городища спустя длительный промежуток времени. В одном случае в таком погребении были обнаружены остатки деревянного гроба или домовины

Рис. 5. Большое Шепетовское городище. Массовое санитарное захоронение фрагментов скелетов погибших жителей городища (Об. 156). 1960 г.

Fig. 5. Bolshoye Shepetovskoye Gorodishche. Mass sanitary interment of the fragmentary skeletons of killed residents of the town (Об. 156). 1960

Рис. 6. Большое Шепетовское городище. Расчистка сотрудниками экспедиции санитарного захоронения, расположенного поверх целых скелетов погибших жителей городища (Об. 470–471). 1964 г.

Fig. 6. Bolshoye Shepetovskoye Gorodishche. A sanitary burial excavated by workers of the expedition; it superimposed the complete skeletons of killed citizens (Об. 470–471). 1964

Рис. 7. Большое Шепетовское городище. Позднесредневековое погребение с остатками гроба на территории городища (Об. 109). 1959 г.

Fig. 7. Bolshoye Shepetovskoye Gorodishche. Late mediaeval burial with remains of a coffin at the area of the townsite (Об. 109). 1959

без следов гвоздей (рис. 7). Все обнаруженные погребения безынвентарные и не имеют даже нательных крестиков. На площадке городища они располагались несколькими небольшими группами в южной, северной и центральной частях окольного города. В некоторых случаях удалось доказать, что поздние погребения перекрывают древнерусские комплексы и относятся к периоду функционирования площадки памятника уже после разгрома древнерусского города. Предварительно эти захоронения можно датировать XIV–XVI вв.

Следует отметить, что останки погибших жителей достаточно равномерно распределены по площадке городища. Они не образуют скопленных захоронений сотен погибших, как во Владимире или Киеве. Подавляющее большинство санитарных погребений и останков горожан *in situ* обнаружено на некотором расстоянии от стен

городища, и все они найдены без оружия, а только с украшениями костюма или сельскохозяйственными инструментами. Всего несколько тел были зафиксированы под завалом деревянных стен окольного города, и именно вместе с ними сохранилось воинское снаряжение. Все целые сабли и мечи также были встречены под развалом западной стены окольного города, что косвенно указывает на то, что наиболее крупные и бросающиеся в глаза образцы вооружения были собраны победителями после боя. Не замечены были только те, которые оказались в огне или под рухнувшими клетями оборонительных стен.

Комплексы останков погибших защитников с находками предметов вооружения

Комплексы, связанные с останками вооруженных защитников города, были обнаружены исключительно вдоль внешней, западной, стены окольного города. Всего исследователи зафиксировали два подобных комплекса¹¹. Во всех остальных случаях предметы оборонительного и наступательного вооружения были встречены за пределами скопления человеческих костей.

Первая находка сделана экспедицией М. К. Каргера к северу от юго-западного проезда в окольный город в 1959 г. и предварительно обозначена как «скелет русского витязя, в кольчуге и шлеме». А. Н. Кирпичников, включив меч и шлем из него в разделы своего свода древнерусского вооружения, отметил, что шлем был найден «на воине в кольчуге, павшем с мечом в руках в воротах городка» (Кирпичников, 1966. С. 14, № 68; 1971. С. 30, № 23, рис. 8).

При изучении полевой документации экспедиции удалось вычленить основной комплекс предметов и костных останков на этом участке. Впервые, оказалось, что останки «витязя» располагались под земляной насыпью вала и на нескольких высотных уровнях. На полевых фотографиях хорошо просматривается, что его тазовые и бедренные кости располагались на поверхности земляной насыпи, а череп, кольчуга, копье и ряд других

¹¹ Это следующие комплексы (объекты): Об. 349/1962 (скелет погибшего с мечом и куском «парчи» с пуговицами), Об. 553/1959 («витязь» с шлемом, кольчугой, мечом, копьями, арбалетным крюком и останками как минимум еще одного погибшего). Третий представляет собой переотложенный археологический объект: Об. 201/1960 (меч и четыре отдельных черепа под развалом клетки). Об. — объект (сквозное обозначение комплексов из раскопок М. К. Каргера по классификации А. А. Песковой и К. А. Михайлова).

Рис. 8. Большое Шепетовское городище. Воинский комплекс из раскопок 1959 г. на глубине 0,4–0,6 м, кв. $\mu/102$: остатки двух скелетов, меч и наконечник пики. Вид с востока

Fig. 8. Bolshoye Shepetovskoye Gorodishche. Military complex from excavations of 1959 at the depth of 0,4–0,6 m, square $\mu/102$: remains of two skeletons, a sword and a lance head. View from east

предметов лежали на метр ниже, внутри сгоревшего сруба клетки. Непосредственно рядом с черепом погибшего «витязя» исследователи нашли вертикально стоявший меч, копья, набор стрел и железный крюк, который А. Н. Кирпичников счел деталью арбалета, и кольчугу с остатками шлема (рис. 8).

Но рядом с костями таза «витязя» был выявлен фрагмент второго скелета, располагавшегося по оси вала (рис. 9). В результате изучения полевой документации удалось установить, что вокруг погибшего древнерусского «витязя» исследователи зафиксировали не менее трех комплексов

Рис. 9. Большое Шепетовское городище. Реконструкция воинского комплекса из раскопок 1959 г.: 1 — план; 2 — профиль (а — череп; б — кольчуга, меч, стрелы) (автор реконструкции К. А. Михайлов, графическая обработка Е. А. Никитиной)

Fig. 9. Bolshoye Shepetovskoye Gorodishche. Reconstruction of the military complex revealed by excavations of 1959: 1 — plan; 2 — profile (a — skull; б — chain mail, sword, arrows) (reconstruction by K. A. Mikhaylov, graphic treatment by E. A. Nikitina)

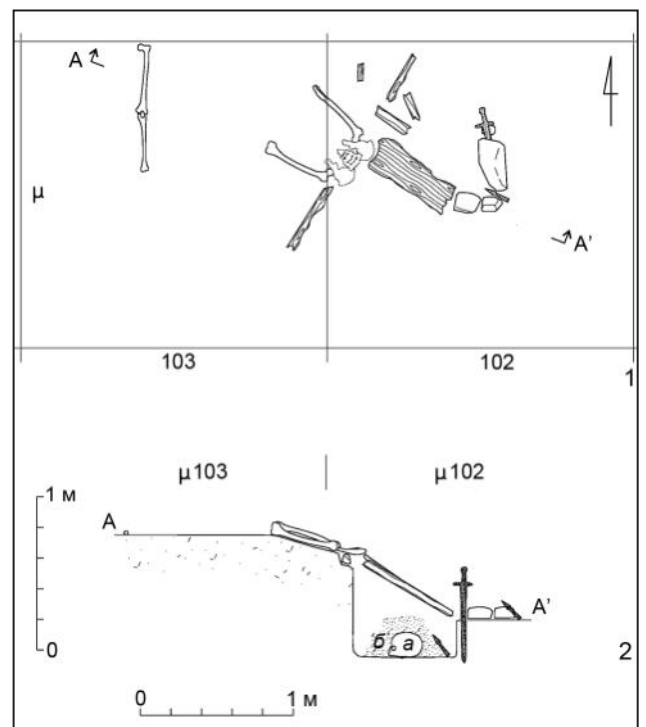

Рис. 10. Большое Шепетовское городище. Древнерусский дружинник из города «Изяславля» 1-й половины XIII в. (комплекс 1959 г. из раскопок М. К. Каргера). Рисунок-реконструкция. Художник О. В. Федоров

Fig. 10. Bolshoye Shepetovskoye Gorodishche. The Old-Russian *druzhinnik* (man-at-arms) from the town of “Izyaslavl” of the 1st half of the 13th century (complex of 1959 from excavations by M. K. Karger). Drawing-reconstruction. Artist O. V. Fedorov

Рис. 11. Большое Шепетовское городище. Воинский комплекс из раскопок в северной части западной стены окольного города (Об. 349). 1962 г.

Fig. 11. Bolshoye Shepetovskoye Gorodishche. Military complex from excavations at the northern section of the western wall of the *okolny gorod* (suburbs) (Об. 349). 1962

вооружения, которые могли соотноситься с другими погибшими защитниками города. Среди этих находок помимо детали от арбалета обнаружили остатки колчана с набором стрел. Судя по обстоятельствам находки, защитники пали в 15 м к северу от воротного проезда в город на площадке боевого хода, который располагался по гребню земляной насыпки линии городней. Во время штурма произошел пожар, который уничтожил внутреннюю, полую, линию клетей окольного города, и верхняя часть скелета «витязя» с кольчугой и шлемом провалилась на дно сгоревшей клетки и затем была засыпана грунтом из внешней линии городней (Михайлов, Пескова, 2019).

На основе наших исследований, реконструкции кафтана из «Изяславля», новой находки энколпиона, который А. А. Пескова обнаружила в складках кольчуги «витязя», и других предметов из комплекса художник О. В. Федоров реконструировал образ дружинника из «Изяславля», отразив вероятный внешний облик воина

и обстоятельства его гибели на гребне стены (рис. 10)¹².

Второй комплекс находок, связанный с гибелью вооруженного защитника городища, был зафиксирован в 1962 г. на северном отрезке западной стены окольного города. Он представлял собой верхнюю часть человеческого скелета с остатками черепа, железный меч и остатки верхней мужской одежды с металлическими пуговицами (рис. 11). Этот комплекс также обнаружили внутри сгоревшей деревянной клетки, перекрытой осыпавшимся грунтом из внешней линии городней. Вероятно, остатки верхней части тела защитника и его оружие попали на дно полого сруба клетки во время пожара, когда прогорели и обрушились вниз остатки верхнего перекрытия и боевой ход стены. Первоначально тело могло находиться на поверхности боевого хода, так же как

¹² Благодаря художника Олега Владимировича Федорова за подготовку рисунка-реконструкции воина из «Изяславля» и за возможность его опубликовать.

«дружинник», обнаруженный к северу от юго-западных ворот. Таким образом, можно предположить, что и в этом случае защитник города погиб на гребне стены, но во время пожара его останки и оружие провалились через прогоревшее перекрытие внутрь оборонительной клетки.

В результате на всем пространстве городища за восемь лет раскопок удалось зафиксировать *in situ* останки только трех профессиональных воинов, которые погибли во время битвы за город. Как уже отмечалось, основные скопления скелетов погибших жителей города находятся на некотором удалении от стен (в 25–30 м). Следовательно, можно предположить, что основная часть профессиональных воинов погибла не во время обороны стен, а в центральной части городской застройки окольного города. Планиграфия находок вооружения не дает оснований выделять какие-либо большие скопления. На первый взгляд, они распределяются по территории памятника равномерно и без заметной системы. Все обнаруженные останки погибших с оружием в руках защитников города были расположены вдоль западной стены окольного города, общее их количество не превышало семи подобных находок. Остальные останки найдены по всей площадке городища на некотором удалении от стен. Следует отметить, что все целые мечи были зафиксированы также вдоль западной стены, где они были погребены под развалами стены и ее засыпками.

Топография предметов вооружения и снаряжения всадника

Всего по подсчетам А. Н. Кирпичникова на площадке городища обнаружено около 1500 металлических вещей, связанных с военным делом. Подобная концентрация предметов вооружения и снаряжения всадника XII–XIII вв. делает древний «Изяславль» одним из выдающихся памятников Древней Руси и Восточной Европы (Летописный «Изяславль», 2020. С. 54). Анализ топографии предметов вооружения позволяет сделать предварительные выводы о вероятной численности гарнизона, характере штурма и сопротивлении жителей древнерусского города¹³. Например, в экспедиционных описях упоминаются

¹³ Локализация мест находок предметов вооружения основана на информации из полевых описей экспедиции. К сожалению, она не всегда совпадает с теми количественными данными, которые были собраны А. Н. Кирпичниковым. Также из-за большой плотности находок их невозможно разместить на одной схеме.

находки 142 целых топоров, обломков лезвий и обухов. Среди них А. Н. Кирпичников выделил только 13 экземпляров трех типов боевых топоров (Там же. С. 61–63). Топография этой категории находок на всей площади памятника позволяет утверждать, что только небольшая часть топоров найдена в заполнении оборонительных клеток. Наибольшее количество таких находок обнаружено вдоль северо-восточного края бывшего детинца и западной стены окольного города. Остальные находки топоров оказались достаточно равномерно распределены по всей площадке городища (рис. 12, 1). Железных наконечников копий и пик в полевых описях 47 экз.¹⁴ Примерно 12 копий найдено по линии оборонительных клеток. Наибольшая их концентрация выявлена к северу от юго-западного проезда окольного города. Остальные находки распределены по всей площадке городища (рис. 12, 2).

На городище найдено 59 экз. предметов защитного вооружения¹⁵. Среди них — одна целая кольчуга, шлем с кольчужной бармицей, железная маска и 56 находок отдельных кольчужных колец или фрагментов кольчужного плетения. Эти находки концентрируются в западной, юго-западной и северо-восточной частях городища (рис. 13, 1).

Мечи на городище представлены четырьмя целыми экземплярами и фрагментами клинков, перекрестьями, навершиями и деталями ножен (всего 25 находок)¹⁶. Сабли (13 экз.) — находками перекрестий, четырьмя целыми изделиями и девятью обломками сабельных полос, деталями наверший рукоятей и фурнитурой от ножен¹⁷. Наибольшая концентрация клинкового оружия (11 экз.) выявлена вдоль западной стены окольного города, где были найдены три целых меча из четырех (рис. 13, 2). Остальные предметы вооружения оказались распределены по всей площадке городища, не образуя заметных скоплений. Следует особо отметить, что клинковое оружие минимально представлено на территории

¹⁴ А. Н. Кирпичников упоминает 40 находок копий (Летописный «Изяславль», 2020. С. 59).

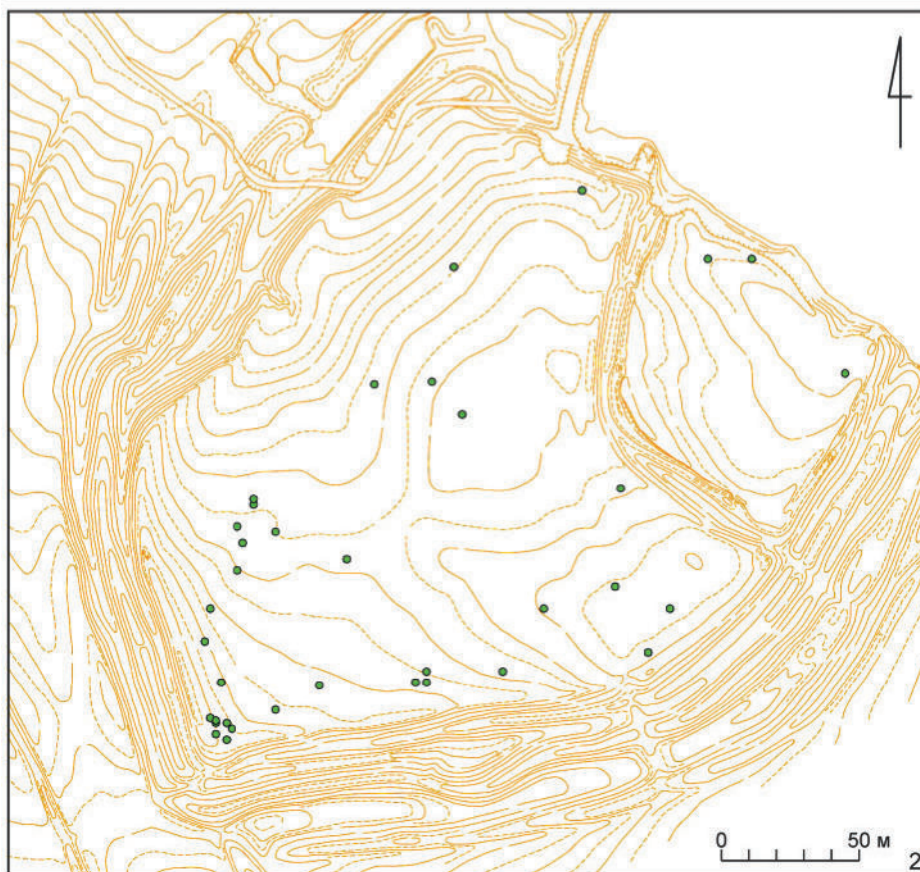
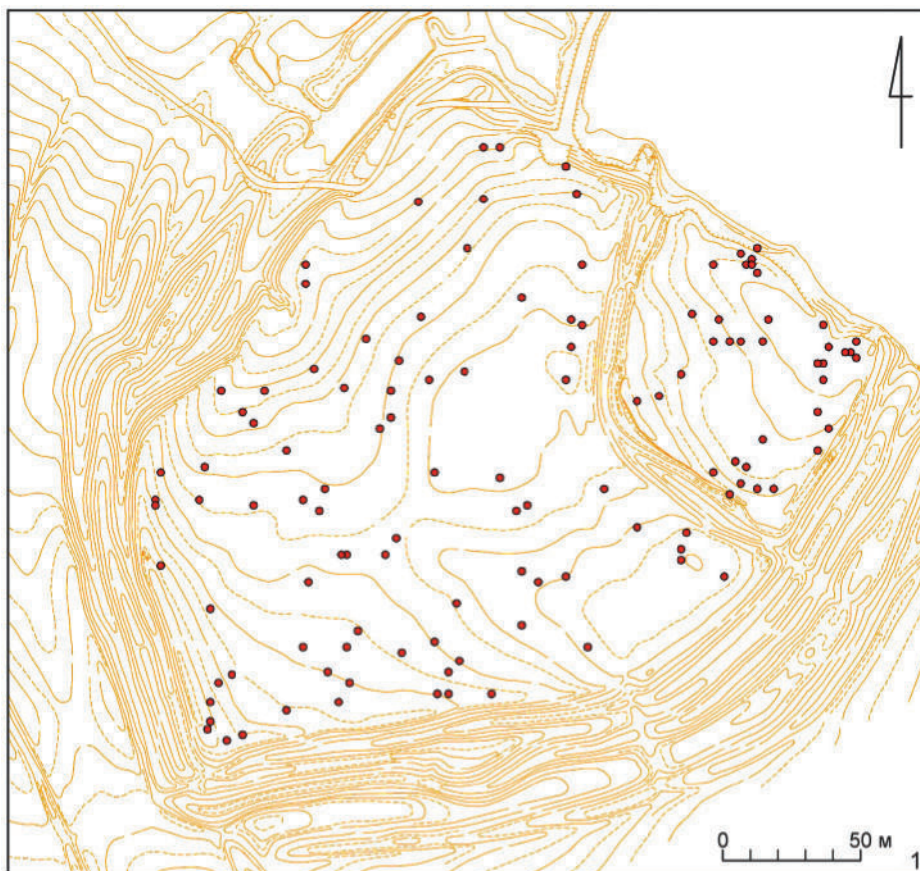
¹⁵ А. Н. Кирпичников упоминает 14 находок «оборонительного вооружения» (Летописный «Изяславль», 2020. С. 93).

¹⁶ А. Н. Кирпичников упоминает 26 экз. деталей рукоятей и ножен мечей, а также четыре целых меча (Летописный «Изяславль», 2020. С. 63).

¹⁷ А. Н. Кирпичников упоминает 14 находок сабельных лезвий, 18 экз. наверший и перекрестий (Летописный «Изяславль», 2020. С. 69).

Рис. 12. Большое Шепетовское городище.
Топография находок:
1 — железных топоров и их фрагментов;
2 — железных наконечников копий и дротиков (обработка чертежей Е. А. Никитиной)

Fig. 12. Bolshoye Shepetovskoye Gorodishche.
Topography of finds:
1 — of iron axes and their fragments;
2 — of iron spearheads and javelin heads (graphic treatment by E. A. Nikitina)

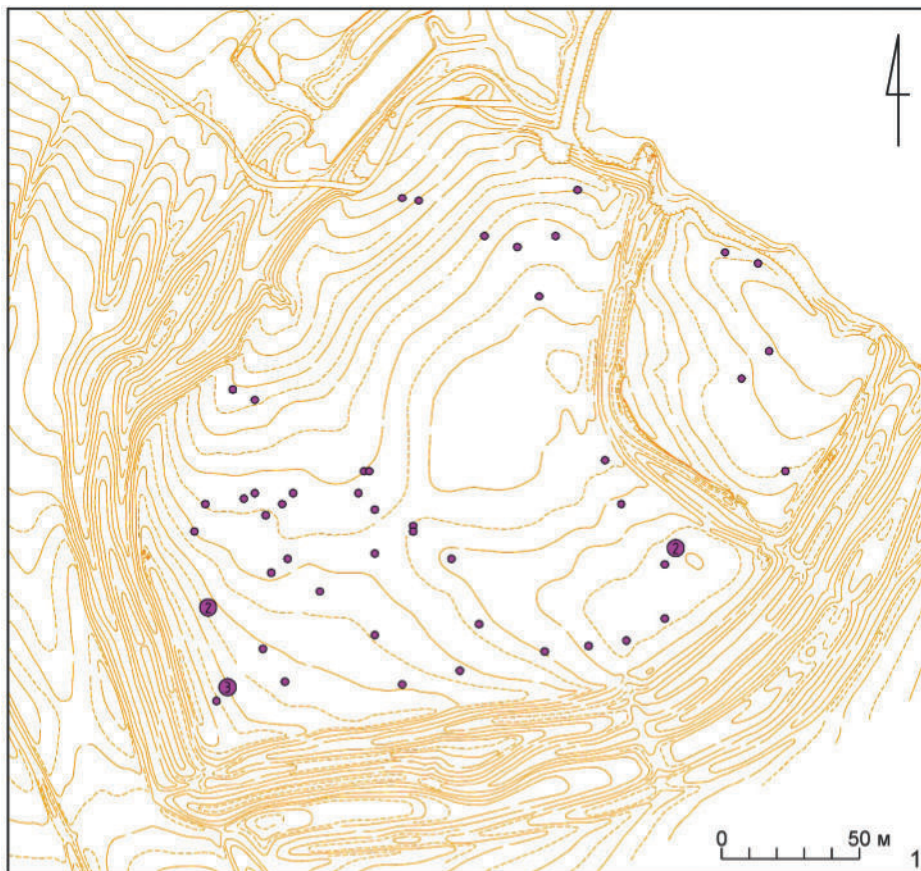
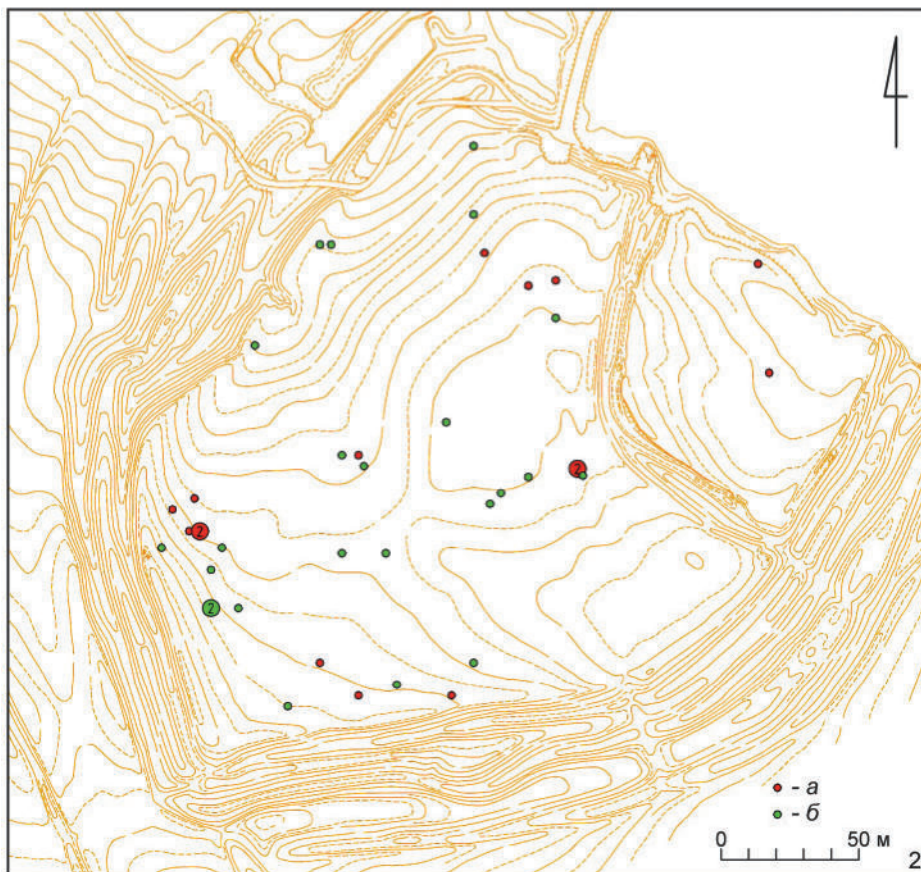

Рис. 13. Большое Шепетовское городище. Топография находок: 1 — доспехов (фрагментов кольчуги, шлема и боевой маски); 2 — клинкового оружия (*a* — мечи; *b* — сабли и их фрагменты) (обработка чертежей Е. А. Никитиной)

Fig. 13. Bolshoye Shepetovskoye Gorodishche. Topography of finds: 1 — of finds of armour (fragments of chain mail, a helmet and a battle mask); 2 — of blade weapons (*a* — swords; *b* — sabres or their fragments (graphic treatment by E. A. Nikitina)

детинца, где, казалось бы, должны были быть сосредоточены находки, связанные с профессиональной дружиной. Но наши представления об элитном статусе детинца оказались слабо подкреплены данными раскопок. Территория бывшего детинца не выделяется концентрацией предметов вооружения,кладами или престижными вещами на фоне остальной территории городища¹⁸.

Помимо предметов вооружения значительную категорию находок, связанную с прослойкой профессиональных конных воинов, составляют предметы всаднического и конского снаряжения. Железные шпоры оказались самыми многочисленными среди таких предметов, обнаруженных на городище. Именно шпоры, наряду с мечами, А. Н. Кирпичников считал «показателями высокой дружинной культуры» этого памятника и частью снаряжения, характерного для профессионального средневекового воина (Летописный «Изяславль», 2020. С. 105).

Всего в полевых описях встречаются упоминания о 265 целых железных шпорах и их обломках¹⁹. Также на памятнике было найдено 130 железных удил и 46 стремян²⁰. В результате расположение элементов снаряжения всадника и коня на площади городища дает достаточно однородную картину, без значительных лакун и плотных скоплений. Распределение всаднического снаряжения в бывшем детинце и околном городе также ничем заметно не отличается от топографии находок средств ведения ближнего боя и защитного снаряжения. Следует отметить, что значительная часть шпор и удил была найдена вдоль линии городских стен в заполнении сгоревших клетей, где они, по-видимому, хранились вместе с другим хозяйственным инвентарем и не использовались во время боя (рис. 14, 1).

Анализ топографии предметов вооружения показывает, что они равномерно распределены по всей площади городища, не образуя плотных скоплений ни на площадке, ни вдоль стен околного

города. Складывается впечатление, что большая часть воинского снаряжения находилась на территории жилых построек и хозяйственных помещений и не была использована во время сражения за город. По-видимому, жители не смогли оказать организованного сопротивления на стенах и за ними.

Исходя из совокупности всех категорий предметов вооружения и снаряжения всадника, зафиксированных на территории памятника, можно предположить, что на момент штурма в городе могло находиться от 100 до 150 профессиональных воинов. Но если, вслед за А. Н. Кирпичниковым, предположить, что часть обломков шпор, топоров, копий была утеряна за период активной жизни на городище, а каждому профессиональному воину-дружиннику принадлежал не один предмет, а целый набор вооружения, и сопоставить предполагаемое количество таких наборов с числом однотипных энколпионов²¹, то окажется, что профессиональных дружинников могло быть меньше 40–60 человек.

Топография наконечников стрел на городище

Оружие дальнего боя представлено в «Изяславле» наиболее многочисленной коллекцией предметов²². Среди городищенских находок А. Н. Кирпичников выделил: одну костяную накладку на лук, одну костяную петлю от колчана, костяное кольцо лучника и 977 железных, 17 костяных наконечников стрел²³, железный арбалетный крюк и 17 железных арбалетных болтов. На основе данной коллекции А. Н. Кирпичников создал авторскую типологию стрел XII–XIII вв., которая состояла из 14 типов железных стрел и двух типов костяных наконечников (Летописный

¹⁸ Следует отметить, что среди находок могут присутствовать образцы вооружения нападавших на город, но они никак не выделяются на общем фоне своими особенностями. Единственной массовой категорией находок, которые могут быть отнесены к вооружению кочевников, могут быть сабли, но аналогичные перекрестия и сабельные полосы были широко распространены в XII–XIII вв. в Восточной Европе.

¹⁹ А. Н. Кирпичников упоминает 270 шпор, которые относит к пяти типам (Летописный «Изяславль», 2020. С. 97–105).

²⁰ А. Н. Кирпичников упоминает 193 «однотипных целых (15 экз.) и ломаных удил», а также 44 экз. стремян трех типов (Летописный «Изяславль», 2020. С. 96, 105–108).

²¹ А. А. Пескова связала энколпионы с элитарной древнерусской культурой и прослойкой профессиональных воинов. Один из крестов-реликвариев был найден на городище в складках кольчуги погибшего на стене «дружинника». Таким образом, количество энколпионов, шпор и клинкового оружия может служить показателем количества дружинников в городе (Михайлов, Пескова, 2019. С. 85–89).

²² Наибольшее соответствие среди древнерусских памятников по количеству и составу набора вооружения дальнего и ближнего боя Большое Шепетовское городище имеет с комплексом вооружения Райковецкого городища. Но некоторые аналогии по ряду типов вооружения и снаряжения всадника можно заметить между Большим Шепетовским и Черновским городищем на Хотинской возвышенности (Возный, 2015).

²³ В полевых описях экспедиции М. К. Каргера мной были обнаружены сведения о 1064 наконечниках стрел.

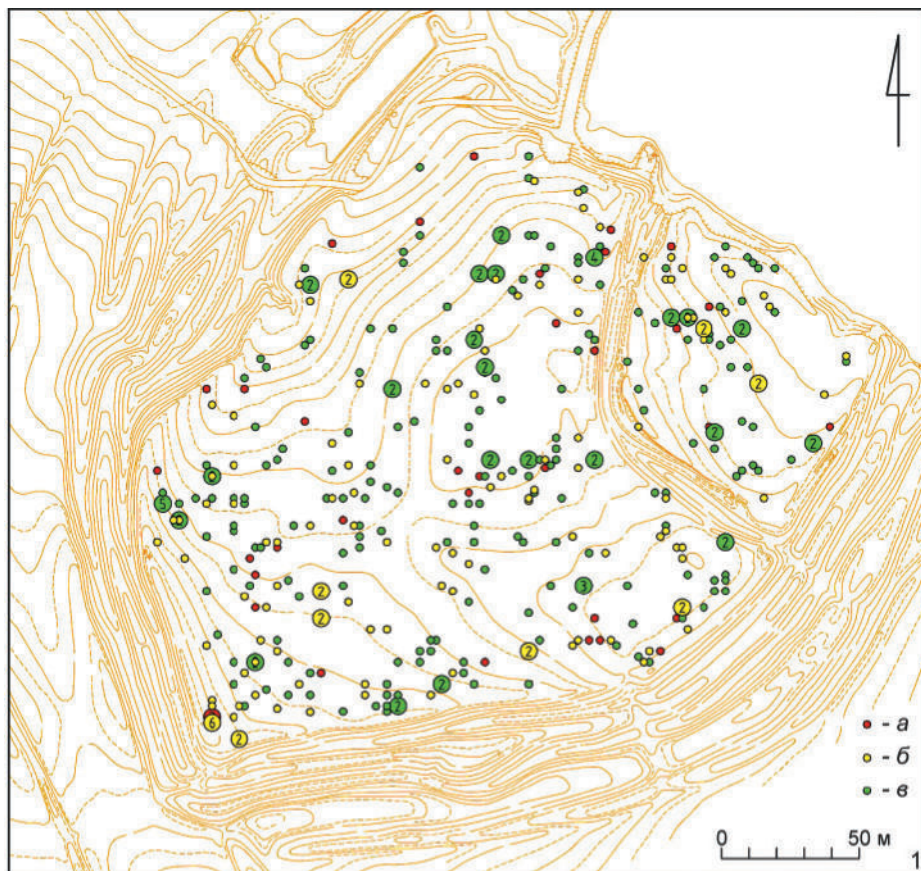
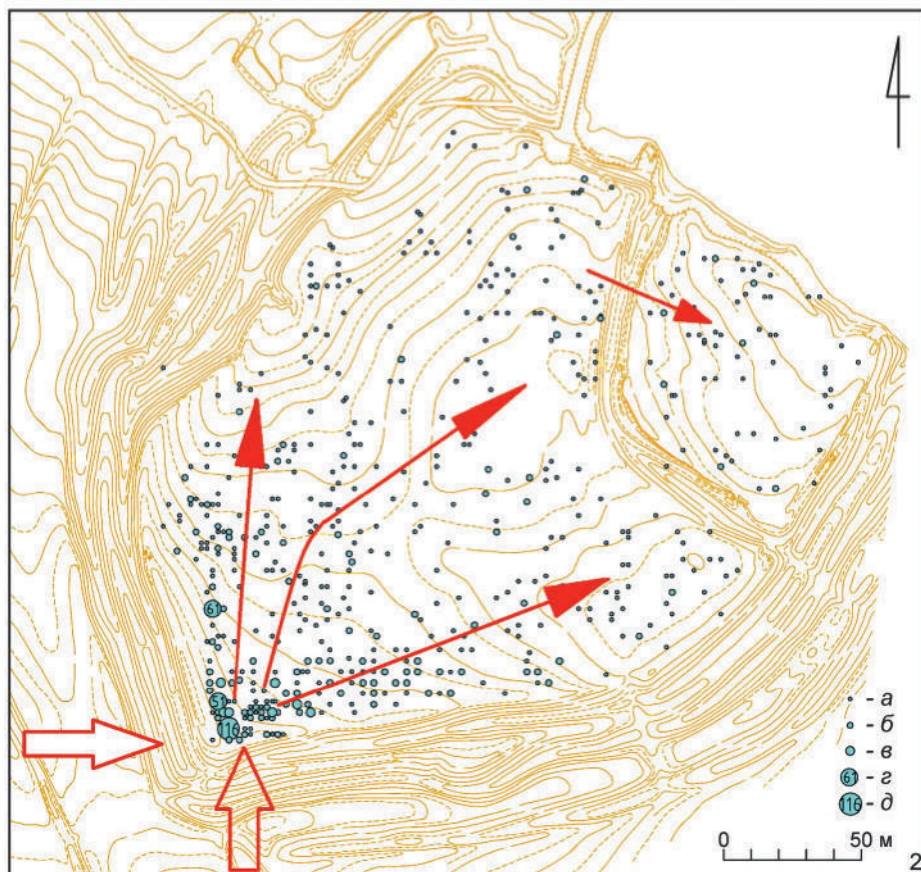

Рис. 14. Большое Шепетовское городище.
1 — топография находок снаряжения древнерусского всадника и коня (а — стремена; б — удила; в — шпоры); 2 — наконечников стрел на городище (а — 1 находка; б — 2–5 находок; в — 6–20 находок; г — 20–100 находок; д — более 100 находок); 2 — реконструкция направления атаки нападавших (обработка чертежей Е. А. Никитиной)

Fig. 14. Bolshoye Shepetovskoye Gorodishche.
1 — topography of finds of Old-Russian rider's equipment and a horse (a — stirrups, б — bits, в — spurs); 2 — of finds of arrowheads at the townsite (a — 1 find; б — 2–5 finds; в — 6–20 finds; г — 20–100 finds; д — more 100 finds); 2 — reconstruction of the direction of the assault (graphic treatment by E. A. Nikitina)

«Изяславль», 2020. С. 77–91, рис. 19)²⁴. Среди них он выделил стрелы со следами деформации — сгиба черешка или лезвия (всего 157 экз.). Значительная часть деформированных стрел относилась к типам I, II и IV (по классификации А. Н. Кирпичникова) (Там же. С. 78, рис. 16, 19)²⁵. Эти же типы стрел представлены в наибольшем количестве на памятнике и имеют многочисленные аналогии в Сибири, на территории Золотой Орды и в Каракоруме. А. Н. Кирпичников отнес эти стрелы к оружию нападавших (Там же. С. 77–93). Большинство подобных наконечников стрел были найдены в районе юго-западных ворот окольного города, где они деформировались во время обстрела городских укреплений, а затем попали в слой пожара или внутрь сгоревших оборонительных клетей (Летописный «Изяславль», 2020. С. 80, рис. 17).

Следует отметить, что топография находок наконечников стрел несколько отличается от распределения других типов вооружения на городище. Из почти 1000 находок стрел около 600 оказались, как мы отметили, сконцентрированы в юго-западной части окольного города и вокруг юго-западных городских ворот. Там же, но к северу от юго-западного проезда, исследователями были найдены крюк для натягивания тетивы арбалета и набор из 42 наконечников стрел, который лежал на дне оборонительной клетки рядом с останками погибшего древнерусского воина (Михайлов, Пескова, 2019. С. 84, табл. 2; Летописный «Изяславль», 2020. С. 79, рис. 18). Остальные находки стрел достаточно равномерно распределены по всей площади городища, не образуя заметных скоплений на линии укреплений окольного города, в детинце или на линии его укреплений (рис. 14, 2). Складывается впечатление, что нападавшие главным образом обстреливали западную стену и юго-западный въезд в окольный город и, скорее всего, через него же ворвались в город, где использовали в три раза меньшее количество стрел, чем при штурме ворот.

²⁴ Следует отметить, что свою работу, посвященную наконечникам стрел «Изяславля», А. Н. Кирпичников подготовил в 1963–1967 гг. параллельно с исследованиями и публикациями А. Ф. Медведева.

²⁵ По классификации А. Ф. Медведева эти самые многочисленные типы наконечников относятся к типам 67, 70, 95 и 97 (Медведев, 1966. С. 75–77, 84, 85, табл. 14, рис. 29–31, табл. 24, рис. 4, 6, 7–9). Наконечники типа 67 А. Ф. Медведев считал «типичными монгольскими наконечниками» и «самыми употребительными в Монголии и Восточной Европе в XIII–XIV вв.» (Там же. С. 75).

Находки зерна и останков домашних животных

Важной информацией для уточнения времени года, во время которого произошел разгром города, являются многочисленные находки зерна и останков домашних животных. В жилых постройках окольного города и детинца, а также внутри оборонительных клетей исследователи зафиксировали около 216 находок обгоревшего зерна (ржи, пшеницы, гороха, гречихи). В некоторых случаях в полевых дневниках экспедиции было отмечено, что зерно первоначально лежало в деревянных бочках или мешках, от которых сохранились фрагменты тканей. В нескольких оборонительных клетях окольного города исследователи встретили пучки обгоревшей соломы или сена, в отдельных случаях — находки муки и, возможно, теста.

Достаточно подробно оказалась зафиксирована и изучена фаунистическая коллекция памятника. В. И. Цалкин провел определение 26 699 костей млекопитающих, обнаруженных на городище. Исследователь считал, что кости могли принадлежать 921 особи свиньи, 471 особи крупного рогатого скота, 401 особи овцы или козы, 101 особи лошади и т. д. Безусловно, часть костей животных могла попасть в культурный слой городища в виде кухонных остатков, но многие из них погибли со своими хозяевами во время штурма и тотального пожара, уничтожившего постройки и укрепления города. Например, целые скелеты коров и лошадей были обнаружены исследователями на площадке бывшего детинца и в западной части посада (Летописный «Изяславль», 2020. С. 211–227). Таким образом, археологические находки свидетельствуют, что на момент гибели амбары жителей города были заполнены мешками и бочками с различным зерном, а клетки — сеном, в городские усадьбы с выпасов были собраны сотни коровы и овец. Больше всего эта картина напоминает позднюю осень — раннюю зиму (декабрь), когда летнее зерно еще не было использовано и жителям предстоял массовый забой скота.

Выводы

В результате изучения материалов раскопок, как мне представляется, можно предложить следующую реконструкцию.

Накануне штурма в городе располагался гарнизон, который состоял из 40–150 профессиональных конных воинов. На укрепленной площадке окольного города собрались жители как города, так и его неукрепленных посадов (около 1000 человек) вместе с домашними животными и припасами.

Как уже упоминалось, анализ топографии предметов вооружения показывает, что эти находки равномерно распределены по всей площади городища. Они не образуют плотных скоплений ни на площадке городища, ни вдоль стен окольного города. Складывается впечатление, что большая часть воинского снаряжения находилась в жилых постройках и хозяйственных помещениях и не была использована во время боя за город. Никто из жителей не успел взнуздать коня и сесть в седло, так как скелетированные находки лошадей были найдены без следов сбруи. Жители не успели собраться в строй или группу для отражения атаки. Часть из них заперлась в постройках и сгорела вместе с ними, но большинство погибли на улицах. Видимо, в городе царила паника, и жители не смогли оказать организованного сопротивления на стенах города и за его пределами.

Скорее всего, штурм произошел поздней осенью или зимой, поскольку амбары и клетки были заполнены собранным урожаем, а на подворьях находилось множество скота, который ожидал сезонного забоя. Так как большинство останков погибших людей оказались связаны с постройками и не образовывали больших скоплений на площадке, то можно сделать вывод, что жители не услышали звуков начала штурма и не успели выбраться из своих домов. Это возможно при ситуации, когда горожане ночевали в теплых домах, а не на сеновалах или в садах, что также косвенно указывает на холод и, скорее всего, позволяет предположить, что нападение произошло ночью.

Таким образом, можно кратко реконструировать обстоятельства гибели города.

Штурм начался в темное время суток, когда на стенах оставался только небольшой охранный отряд (не более 10 человек). Противнику удалось незаметно подобраться к стенам города, а большинство жителей спали внутри своих домов и не успели собраться и вооружиться. Нападавшие выпустили по юго-западным воротам окольного города сотни стрел, уничтожили караул, разбили ворота и быстро прорвались внутрь укреплений. Возможно, против ворот был применен таран. Одновременно штурмующие подожгли западную и южную стены города. На фоне пожара началось избиение горожан, которые выскакивали из своих домов. В то же время поджигались усадьбы, где скопилось слишком много защитников, которые сгорели или задохнулись от дыма в деревянных постройках. Остатки вооруженного караула пали на западной стене окольного города и оказались погребены под разрушенными

стенами. Скорее всего, защитники западной стены были расстреляны из луков и не сумели вступить в ближний бой, так как следов нападавших рядом с ними не найдено. Мародеры не успели добраться до оружия павших, так как на укреплениях уже бушевал пожар. По-видимому, домашние животные погибли в пожаре уже после гибели своих хозяев. Отдельные горожане пытались найти укромные места и спрятаться в ямах, за печками или в срубах оборонительных клеток, но были замечены и убиты или задохнулись в дыму. Например, один из человеческих скелетов был обнаружен в узкой яме-лазе, который располагался между печью и стеной дома, но и там его обладатель был заколот пикой, наконечник которой остался в его теле.

После тотального истребления гарнизона и мирных жителей захватчики организованно отступили, забрав тела своих погибших и значительную часть оружия, которое осталось на поле боя в центральной части городища. Сотни наконечников стрел, которые воткнулись в стены построек и деревянные оборонительные клетки, по-видимому, были брошены трофейными командами или мародерами напавшей стороны. Можно отметить, что добыча, а железные предметы и оружие являлись довольно дорогими в Восточной Европе, была почти полностью оставлена на месте, среди разрушенных городских построек. В отличие от «Изяславля» — Большого Шепетовского городища, в Рязани, Владимире, Ярославле, Киеве, Чернигове находки вооружения в слое монгольского погрома исчисляются единицами, следовательно, их целенаправленно и тщательно собирали. Но в «Изяславле» на некоторых телах остались браслеты, образки и другие ценные для средневекового человека вещи. В этом случае складывается впечатление, что захвативший город отряд не собирал трофеи и быстро покинул поле боя. Подобное поведение кажется редкостью для феодальных дружин, но характерно для дисциплинированной и профессиональной армии, которая подчиняется иерархично выстроенному командованию.

Косвенные данные о времени гибели города, характерные детали штурма, следы тотального уничтожения защитников и безоружных мирных жителей, которые находят аналогии в других древнерусских городах XIII в., позволяют утверждать, что, с большой долей вероятности, экспедиции во главе с М. К. Каргером удалось обнаружить следы конкретного исторического события — монгольского похода 1241 г.

- Возный*, 2015 — *Возный И. П.* Характеристика вооружения и реконструкция атаки монголо-татар усадьбы в Черновке // Золотоордынская цивилизация: Научный ежегодник. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан; Центр исследований истории Золотой Орды им. М. А. Усманова, 2015. № 8. С. 110–136.
- Гончаров*, 1950 — *Гончаров В. К.* Райковецьке городище. Київ: Изд-во АН УССР, 1950. 217 с.
- Гончаров*, 1951 — *Гончаров В. К.* Древний Колодяжин // КСИА. 1951. Вып. ХLI. С. 49–53.
- Гончаров*, 1952 — *Гончаров В. К.* Роботи Волинської експедиції. 1948 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1952. Т. 3. С. 169–181.
- Гончарова*, 2015 — *Гончарова Н. Н.* Анализ антропологического материала из захоронения на ул. Златовратского в г. Владимире // Археология Владимир-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2015. Вып. 5. С. 69–75.
- Даркевич, Борисевич*, 1995 — *Даркевич В. П., Борисевич Г. В.* Древняя столица рязанской земли XI–XIII вв. М.: Кругъ, 1995. 448 с.
- Зубрицька та інші*, 2012 — *Зубрицька А. О., Коваль О. А., Петраускас А. В.* Нові дослідження літописного Возвягя та його округи // Матеріальна та духовна культура Південної Русі: Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару, присвяченого 100-літтю від дня народження В. Й. Довженка (Чернігів–Шестовиця, 16–19 липня 2009 р.). Київ; Чернігів: Чернігівський національний педагогічний університет, 2012. С. 114–121.
- Ивакин, Комар*, 2016 — *Ивакин Г. Ю., Комар А. В.* После катастрофы: Киев в 1241 г. // Stratum plus. 2016. № 5: Нашествие. Пределы катастрофы XIII века. С. 59–72.
- Каргер*, 1949 — *Каргер М. К.* Киев и монгольское завоевание // СА. 1949. Т. XI. С. 55–102.
- Каргер*, 1958 — *Каргер М. К.* Древний Киев: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 572 с.
- Каргер*, 1962 — *Каргер М. К.* Русская Помпея // «Ленинградский университет». 1962. № 36, 5 июня 1962 г.
- Кирпичников*, 1966 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв. М., Л.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1-36). 176 с.
- Кирпичников*, 1971 — *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.: Наука, 1971 (САИ; Вып. Е1-36). 92 с.
- Козак*, 2020а — *Козак О. Д.* Поховання чи захоронення? // Історична антропологія та біоархеологія України: 36. / Голов. ред. І. Д. Потехіна. Київ: ІА НАН України, 2020. Вип. II. С. 154–160.
- Козак*, 2020б — *Козак О.* Санітарне захоронення на Південному городищі Возвягя. Реконструкція обставин за антропологічними даними // Місто: Історія, культура, суспільство. Е-журнал урбаністичних студій. Танатологія. Київ: Інститут історії України; Історичний факультет Київського національного університету імені Тараса Шевченка, 2020. № 4 (11). С. 156–182.
- Комар, Козюба*, 2016 — *Комар О., Козюба В.* Братські могили 1240–1241 років біля Десятинної церкви // Opus mixtum. Київ: Музей історії Десятинної церкви, 2016. № 4. С. 122–138.
- Летописный «Изяславль»*, 2020 — *Летописный «Изяславль»*: Большое Шепетовское городище в свете археологии. Т. I: Материалы раскопок М. К. Каргера 1957–1964 годов в исследованиях 1960–1980-х годов / Отв. ред.-сост. А. А. Пескова. СПб.: Нестор-История, 2020. 264 с.
- Медведев*, 1966 — *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966 (САИ; Вып. Е1-36). 184 с.
- Михайлов, Пескова*, 2019 — *Михайлов К. А., Пескова А. А.* «Витязь у ворот», или Реконструкция воинского комплекса из раскопок Большого Шепетовского городища // Stratum plus. 2019. № 5: Огнем и мечом. С. 77–92.
- Михайлов, Пескова*, 2021 — *Михайлов К. А., Пескова А. А.* Валы или стены: к вопросу о реконструкции оборонительных сооружений Большого Шепетовского городища // Stratum plus. 2021. № 5: Закон природы и прихоти средневековья. С. 371–378.
- Мовчанівський*, 1935 — *Мовчанівський Т.* Райковецьке городище XI–XIII ст. Попереднє повідомлення про дослідження городища за 1929–1934 рр. // Наукові записки Інституту історії матеріальної культури. Київ: ІМК АН України, 1935. Кн. 5–6. С. 125–176.
- Нашествие...*, 2016 — *Нашествие. Пределы катастрофы XIII века = The Invasion. The Extent of the Thirteenth Century Catastrophe* / Отв. ред. Р. А. Рабинович. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2016. (Stratum plus; № 5). 394 с.
- Пескова*, 2009 — *Пескова А. А.* Оборонительные сооружения древнего «Изяславля» // Архитектура и археология Древней Руси: Материалы науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения М. К. Каргера (1903–1976). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. С. 150–151.
- Прищепя*, 2011 — *Прищепя Б.* Дорогобуж на Горині у X–XIII ст. Рівне: ПП ДМ, 2011. 250 с.
- Рохлин*, 1965 — *Рохлин Д. Г.* Болезни древних людей. М.; Л.: Наука, 1965. 304 с.

- Русь в XIII веке..., 2003 — Русь в XIII веке: древности Темного времени / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2003. 406 с.
- Тиханова, Лихачев, 1942 — Тиханова М. А., Лихачев Д. С. Оборона древнерусских городов. Л.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1942. 104 с.
- Хамайко, 2016 — Хамайко Н. Давньоруське парне поховання з розкопок Сергія Гамченка на садибі Трубецьких у Києві // *Opus mixtum*. Київ: Музей історії Десятинної церкви, 2016. № 4. С. 224–229.
- Черненко, Казаков, 2005 — Черненко О., Казаков А. Дослідження давньоруської монументальної споруди в Новгород-Сіверському // *RUTHENIKA*. Щорічник середньовічної історії та археології Східної Європи. Київ: Інститут історії України; Laugus, 2005. Т. 4. С. 7–21.
- Энговатова и др., 2010 — Энговатова А. В., Осипов Д. О., Гончарова Н. Н., Бужилова А. П. Массовое средневековое захоронение в Ярославле (предварительные результаты) // *КСИА*. 2010. Вып. 224. С. 106–114.
- Энговатова и др., 2012а — Энговатова А. В., Антипина Е. Е., Власов Д. В., Добровольская М. В., Карпунин А. А., Осипов Д. О. Девятое коллективное захоронение 1238 г. на территории Рубленого города в Ярославле (результаты комплексного исследования) // *Археология: история и перспективы: Пятая межрегион. конф.: Сб. ст. Ярославль: Ярославский музей-заповедник, 2012. С. 185–208.*
- Энговатова и др., 2012б — Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И. Возможности использования изотопного метода для реконструкции системы питания средневекового городского населения на примере Ярославля // *Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2012. Вып. 8. С. 307–316.*
- Энговатова и др., 2013 — Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И. Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // *КСИА*. 2013. Вып. 228. С. 96–13.
- Якубовський, 1997 — Якубовський В. І. Основні центри Болохівської землі // *Наукові праці Кам'янець-Подільського державного педагогічного університету. Кам'янець-Подільський, 1997 (Історичні науки). Т. 1 (3). С. 14–32.*

An archaeology of catastrophe: Reconstruction of the assault and fall of an Old-Russian town of the 13th century (after the results of M. K. Karger's investigations of the Large Shepetovka fortified settlement)

K. A. Mikhaylov²⁶

Keywords: Old Rus, Bolshoye Shepetovskoye Gorodishche (Shepetovka fortified settlement), Volhynia, 1237–1241, Mongol invasion, mass sanitary interments, topography of weaponry items, arrows, fortifications, reconstruction of the city assault.

Bolshoye Shepetovskoye Gorodishche (Large Shepetovka fortified settlement) is an Early Russian town of the late 12th and 13th cen. which was completely investigated in 1957–1964 by the expedition under M. K. Karger's direction. This site is a rare archaeological complex where a layer of assault, a fire with remains of wooden buildings and fortifications and numerous skeletal remains of humans and animals were preserved in situ up to the 20th cen. The present publication analyses different categories of finds related with the assault and the moment of the destruction of the settlement: mass 'sanitary' interments of the killed citizens, the topography of items of armament and rider's equipment; topography and type of the fortifications and characteristic details concerned with the demolishing of the city. In addition, it proved possible to identify sets of armament found together with the skeletons of the killed defenders of the city. The data obtained allow the archaeologists to compare the archaeological evidence on the storm of the Shepetovskoye fortified settlement with other Early Russian sites which perished in the mid-13th cen. The characteristic archaeological evidence on the destruction of the town similar to that discovered at other cities and the year season when the storm took place (autumn/winter) suggest that its demolishing was related with the Mongolian raid of 1240–1241 AD.

²⁶ Kirill A. Mikhaylov — Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: mikhaylov_kirill@mail.ru.

История исследования курганного могильника у деревни Большое Тимерёво. К 150-летию изучения памятника

С. С. Зозуля, В. Н. Седых¹

Аннотация. В статье представлены результаты исследований могильника Большое Тимерёво, ставшего за 150 лет исследований одним из основных памятников для решения ключевых вопросов по истории и археологии зарождающегося Древнерусского государства. В данной работе приводится наиболее точная количественная оценка изученных комплексов.

Ключевые слова: Большое Тимерёво, Древнерусское государство, курганные могильники.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-267-278

Археологическое изучение Ярославской губернии и области не раз становилось темой отдельных научных публикаций. Неоднократно была описана также история изучения Тимерёвского археологического комплекса (Седых, 2018²). Тем не менее работа, подробно характеризующая хронологию и результаты раскопок могильника у дер. Большое Тимерёво, так и не увидела свет. К 150-летию изучения некрополя необходимо подвести некоторые итоги.

История изучения Тимерёвского погребального комплекса начинается 25 мая 1872 г. В этот день знаменитый (в будущем) финский археолог Йоханесс Рейнхольд Аспелин (1842–1915) (рис. 1) исследует две насыпи в некрополе³, содержавшие парную ингумацию на уровне материка (единственный зафиксированный случай в могильнике) и кремацию на месте. Результаты были кратко опубликованы на русском языке и более развернуто — на финском (Aspelin, 1874; Обозрение..., 1899. С. 221). Остаются совершенно непонятными причины, побудившие Й. Аспелина выбрать для исследований именно средневековое кладбище у дер. Большое Тимерёво, так как данных

о результатах археологического изучения у автора раскопок не было (и быть не могло), а все существующие сведения сводились к кратким упоминаниям могильника, причем связывающим его с кровопролитной битвой 6 января 1435 г. между Василием Тёмным и Василием Косым (Троицкий, 1853. С. 29, 30.; Лествицын, 1869. С. 17, 18). Вероятно, эти работы были известны Й. Аспелину. Полученные материалы оказались не слишком выразительны и своеобразны относительно «мерянских погребений», что и побудило поспешить автора первых раскопок могильника в более восточные области (Седых, Зозуля, 2018).

В 1878 г. в Ярославскую губернию Комитетом Антропологической выставки для приобретения мерянских черепов был командирован Александр Иванович Кельсиев (?–1885) (рис. 2, 1). В начале августа 1878 г. им были исследованы 34 погребальные насыпи, расположенные в разных частях некрополя⁴. Результаты раскопок были вскоре кратко опубликованы (Кельсиев, 1878–1879. С. 306–308; 1880. С. 53–68). А. И. Кельсиеву принадлежит и первый глазомерный план могильника, снятый с помощью собственных шагов и компаса; всего было отмечено около 200 насыпей (Кельсиев, 1880. С. 58). Благодаря этому плану удастся идентифицировать курганы, изученные Й. Аспелином. Обнаружив две насыпи, исследованные правильными продольными траншеями, А. И. Кельсиев опросил нанятых на работу крестьян

¹ Зозуля С. С. — независимый исследователь; e-mail: zozulia.sergey@gmail.com. Седых В. Н. — Институт истории СПбГУ; Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: valsedykh@yandex.ru.

© Зозуля С. С., Седых В. Н., 2023

² Здесь же представлен список историографии.

³ Национальный музей Финляндии. Кол. № 1399/87–97.

⁴ ГИМ 78607. Оп. В 54/1–17.

Рис. 1. Й. Р. Аспелин (*Седых, Зозуля, 2018. С. 134, рис. 1*)
 Fig. 1. Johannes Reinhold Aspelin (*Седых, Зозуля, 2018. С. 134, рис. 1*)

дер. Большое Тимерёво. Последние рассказали о приезде в 1872–1873 гг. иностранца с переводчиком и достаточно точно описали обнаруженный инвентарь захоронений (*Кельсиев, 1878–1879. С. 306*), что позволяет предполагать, что в работах 1872 и 1878 гг. могли участвовать одни и те же люди. Результаты раскопок, очевидно, разочаровали исследователя: господствующим обрядом оказалась кремация, сохранность костей в ингумациях была неудовлетворительна⁵, а инвентарь небогат. А. И. Кельсиев к 7 августа спешит в Рыбинск, где первыми осмотревшими результаты раскопок, в том числе в дер. Большое Тимерёво, становятся члены императорской семьи — великие князья Сергей и Павел Александровичи и Константин и Дмитрий Константиновичи, путешествовавшие по Волге в сопровождении графа А. С. Уварова. По случаю приезда высоких гостей

⁵ В собрании НИИ и Музея антропологии МГУ сохранился единственный череп из раскопок А. И. Кельсиева (Кол. № 1009).

была организована выставка «местных произведений Ярославской губернии». Особенно отмечена посетителями была глиняная лапа (*Ушаков, 1879. С. 1, 23; Зозуля, в печати*).

Следующий эпизод изучения некрополя относится к 15 августа 1887 г., когда два кургана в дер. Большое Тимерёво исследуют участники VII Археологического съезда в Ярославле (рис. 2, 2). Сведения об этих работах достаточно скудны, известно, что раскопанные курганы предполагались «у западного края кладбища». Коллекция, ставшая первой в фонде археологии Ярославского музея-заповедника, еще ждет подробного изучения⁶ (*Известия..., 1887. С. 4; Дубов, 2005*).

В 1900 г. Тимерёвский могильник исследуется известным знатоком ярославских древностей, активным участником Ярославской губернской ученой архивной комиссии, хранителем Ярославского древлехранилища Илларионом Александровичем Тихомировым (1861–1933) (рис. 3, 1) (*Краеведческие..., 1991*). И. А. Тихомиров 22–25 августа изучает всего 14 курганов⁷. Для дальнейшего изучения остаются подробный дневник раскопок, снабженный полевыми иллюстрациями, и достаточно обширный отчет о проведенных исследованиях. Ученый предполагал, что могильник насчитывал более 1000 насыпей (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1900. Д. 82. Л. 40–53). Авторству И. А. Тихомирова принадлежат и первые обобщающие работы об итогах изучения «Ярославских курганов» (*Тихомиров, 1906; 1909*). Вопросы, сформулированные им, остаются до настоящего времени ключевыми в дискуссиях, касающихся роли и значения комплекса археологических памятников у дер. Большое Тимерёво (*Краеведческие..., 1991. С. 39–46; Кураев, 1999. С. 13*).

Существуют краткие, несколько противоречивые и известные нам из единственного источника сведения о проведении в 1901–1903 гг. раскопок в дер. Большое Тимерёво членами Ярославской Ученой архивной комиссии (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1912. Д. 169. Л. 8об.). Однако приходится признать эти данные недостоверными и с очень большой долей вероятности ошибочными. Об этих работах никогда не упоминал И. А. Тихомиров, совмещавший, в том числе, должности председателя Комиссии и хранителя Древлехранилища. Видимо, И. М. Новицкий путает раскопки в дер. Большое Тимерёво в 1901–1903 гг. с работами, проведенными

⁶ ЯРМЗ-7060 (17 ед. хр.).

⁷ ЯРМЗ-7059 (19 ед. хр.).

Рис. 2. Исследователи могильника у дер. Большое Тимерёво: 1 — Комитет Антропологической выставки 1879 г. А. И. Кельсиев — в заднем ряду третий слева (Балахонова, 2011. Рис. 2); 2 — члены VII Археологического съезда на раскопках в Большом Тимерёво. 15 августа 1887 г. (Собрание ЯГХИАХМЗ)

Fig. 2. Researchers of the burial ground near the village of Bolshoye Timerevo: 1 — Committee of the Anthropological Exhibition of 1879. A. I. Kelsiev — the third from the left in the back row (Балахонова, 2011. Рис. 2); 2 — members of the VII Archaeological Congress at excavations of Bolshoye Timerevo. August 15, 1887 (Collection of ЯГХИАХМЗ)

Рис. 3. Исследователи могильника у дер. Большое Тимерёво: 1 — И. А. Тихомиров (Собрание Государственного архива Ярославской области); 2 — И. С. Абрамов с супругой (частная коллекция); 3 — преподаватели Ярославского кадетского корпуса (фото Г. А. Петражицкого, 1909 г.)

Fig. 3. Researchers of the burial ground near the village of Bolshoye Timerevo: 1 — I. A. Tikhomirov (Collection of the State Archives of Yaroslavl Oblast); 2 — I. S. Abramov with wife (private collection); 3 — lecturers of the Yaroslavl Cadet Corps (photo by G. A. Petrazhitskiy, 1909)

В. А. Городцовым в Михайловском некрополе в 1902–1903 гг. (Городцов, 1902; 1903).

В июне–июле 1908 г. Иван Спиридонович Абрамов проводит по поручению Императорского русского археологического общества раскопки курганных могильников в Ярославской и Владимирской губерниях (рис. 3, 2). Определенная «изученность» могильника у дер. Большое Тимерёво позволила ему ограничиться исследованием только двух курганов, интерпретированных как трупосожжения. Инвентарь захоронений оказался небогат⁸, результаты раскопок были обобщены в кратком докладе. Размер некрополя определен в 1500 насыпей (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1908. Д. 71. Л. 12, 19–20; Отчет ИАК..., 1912. С. 201; ЗОРСА РАО..., 1913. С. 280, 281; Зозуля, Кононович, 2021).

Заключительным этапом дореволюционного периода изучения могильника у дер. Большое Тимерёво становятся работы подполковника Ивана Михайловича Новицкого, преподавателя Ярославского кадетского корпуса, выпускника Петербургского археологического института (рис. 3, 3). Именно со слушателями-кадетами был изучен один курган 2 сентября 1912 г. и еще две насыпи 5 мая 1913 г. Работы 1912–1913 гг. снабжены полноценными отчетами, позволяющими сделать выводы о методике проведения раскопок и их результатах. К сожалению, из находок сохранилась лишь незначительная часть (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1912. Д. 169. Л. 8–8об; 1913. Д. 41. Л. 5, 6, 10, 11; Седых, 2018. С. 273–276, рис. 1–3; Зозуля, 2021).

По поручению ИИМК АН СССР и Ярославского областного краеведческого музея в 1938–1939 гг. к изучению курганов у дер. Большое Тимерёво приступает Ядвига Вацловна Станкевич (рис. 4, 1). Работы 1938 г. носили рекогносцировочный характер, изучено четыре насыпи⁹, в 1939 г. — еще 22. Я. В. Станкевич применяет новые методические приемы при изучении курганов у дер. Большое Тимерёво, внимательно изучает конструкцию насыпей, оперативно вводит в научный оборот результаты собственных исследований, материалы коллег, работавших здесь прежде (Станкевич, 1941). К сожалению, начавшаяся Вторая мировая война помешала обработке результатов раскопок 1939 г. в полной мере, однако сохранившаяся в значительном объеме полевая и отчетная документация в фондах рукописного

отдела научного архива ИИМК РАН и полученные коллекции в собраниях ГИМ¹⁰ и Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника¹¹ позволяют восстановить частично депаспортизованный материал.

Наиболее значительными по объему работами, когда-либо проводившимися в некрополе Большое Тимерёво, являются исследования экспедиции ГИМ и ИА АН СССР под общим руководством Марии Васильевны Фехнер в 1959–1961 гг.¹² (рис. 4, 2). За три полевых сезона снят первый инструментальный план могильника, собран подъемный материал на прилегающем к некрополю селище, раскопано 282 кургана¹³. Столь масштабные работы позволили сделать заключение о полной изученности могильника, что, как показали события будущего, оказалось несколько преждевременным. Кроме огромного объема полевых работ авторским коллективом оперативно подготавливается монографическая публикация результатов раскопок, до настоящего времени являющаяся наиболее подробной (Ярославское ..., 1963).

Вернуться к изучению могильника Большое Тимерёво коллектив Исторического музея решает в 1974–1978 гг. Причин для возвращения оказалось несколько. Территория некрополя должна была войти в границы расширяющегося нефтезавода, следовательно, памятник в перспективе мог подвергнуться уничтожению и застройке. Одновременно на решение о продолжении работ благоприятно повлияли результаты изучения разрушающегося кургана 95 И. В. Дубовым в 1973 г. и успешные исследования нарушенных насыпей, проводившиеся в эти годы Д. А. Авдусиным в Гнёздове. Основной задачей нового цикла работ стало доследование нарушенных (или носящих следы «любительских» раскопок) насыпей. Параллельно велось уточнение плана могильника. Осенние разведки позволили выявить не замеченные в 1959 г. насыпи, в основном в краевых зонах некрополя, и их оказалось зна-

¹⁰ ГИМ 98492. Оп. В 1875/1–83.

¹¹ ЯРМЗ-7086 (7 ед. хр.).

¹² В работе принимали участие также сотрудники Ярославского музея-заповедника, Института географии РАН СССР, ВИНТИ (Ярославское..., 1963. С. 5).

¹³ ГИМ 98561. Оп. В 1944/1–233; Оп. В 1945/ 1–593; Оп. В 1946/1–644. Большая часть коллекций (1295 предмета) впоследствии передана в фонды Ярославского музея-заповедника (Кол. ЯРМЗ-21677).

⁸ ГЭ. ОАВЕС. Кол. 403/1–12.

⁹ ЯКМ-7086.

Рис. 4. Исследователи могильника у дер. Большое Тимерёво: 1 — Я. В. Станкевич (Еремеев, Фурасьев, 2021. С. 11); 2 — М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивина (Макаров, Мурашева, 2014. С. 19, рис. 12)

Fig. 4. Researchers of the burial ground near the village of Bolshoye Timerevo: 1 — Ya. V. Stankevich (Eremeev, Furasyev, 2021. С. 11); 2 — M. V. Fechner and N. G. Nedoshivina (Makarov, Murasheva, 2014. С. 19, рис. 12)

чительное количество. Наиболее ярким итогом полевого изучения Тимерёвских курганов стало открытие захоронений камерного типа, давших представительный инвентарь (Зозуля, 2012; 2014; Недошивина, Зозуля, 2012. С. 183–187, рис. 3–11). За пять полевых сезонов было изучено 96 погребальных комплексов¹⁴. К сожалению, результаты раскопок 1974–1978 гг. оказались опубликованы достаточно кратко, в отличие от предыдущего этапа исследований (Фехнер, Янина, 1978; Недошивина, Фехнер, 1985; Фехнер, Недошивина, 1987; Недошивина, 1991). Вновь было допущено предположение о нецелесообразности дальнейшего изучения некрополя.

В 1973 г., ровно через 10 лет после выхода монографии 1963 г., Ярославской экспедицией ЛГУ¹⁵

¹⁴ ГИМ. 103390. Оп. В 2129/1–173; 103676. Оп. В 2284/1–176; 103949. Оп. В 2366/1–172; 104269. Оп. В 2475/1–124; 104427. Оп. В 2516/1–65.

¹⁵ В 1970-х гг. экспедиция ЛГУ проводилась совместно с Ярославским областным отделением

под руководством Игоря Васильевича Дубова в могильнике был исследован носящий следы раскопок прежних лет курган 95, давший новую уникальную информацию о некрополе, послужившую импульсом для дальнейших полевых работ на территории памятника¹⁶ (рис. 5, 1). В погребении женщины по обряду трупосожжения зафиксирован богатый набор украшений, включавший каменные и редкие серебряные биконические бусы из рубчатой проволоки, фрагменты овальной фибулы, костяного гребня, арабские монеты чеканки VIII в. На основании находок серебряных бус и монет автор раскопок датировал комплекс IX в. (Дубов, 1973; 1976). Позже была предложена иная, более аргументированная с точки зрения современной историографии, датировка захоронения — вторая четверть X в. (Седых, Френкель, 2014).

ВООПИК и Ярославским государственным педагогическим институтом им. К. Д. Ушакова.

¹⁶ Материалы хранятся в ЯГИАХМЗ. Кол. ВП-1397.

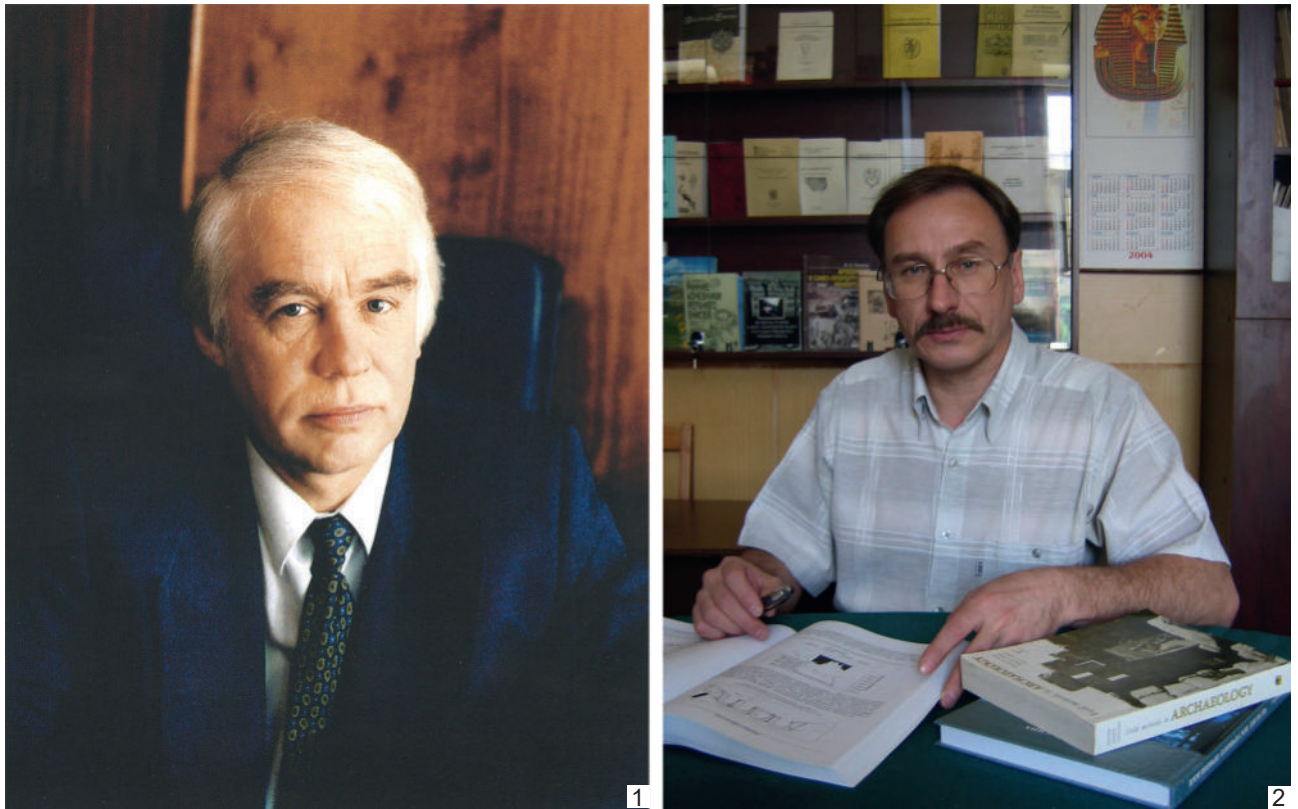

Рис. 5. Исследователи могильника у дер. Большое Тимерёво: 1 — И. В. Дубов; 2 — В. Н. Седых
 Fig. 5. Researchers of the burial ground near the village of Timerevo: 1 — I. V. Dubov; 2 — V. N. Sedykh

В сезоне 1976 г. при обследовании периферийной части поселения на границе с могильником с помощью миноискателя был обнаружен меч¹⁷. В заложенном на месте находки небольшом раскопе были зафиксированы остатки кострища с кальцинированными человеческими костями в урне и инвентарем, в который входили ледоходный шип, фрагменты костяного гребня, часть ладейной заклепки, наконечник стрелы ланцетовидной формы, две бочонковидные гирьки для малых взвешиваний и направляющая ремней уздечного набора¹⁸, которую автор раскопок определил как деталь портупей для ношения меча¹⁹ (Дубов и др., 1977; Дубов, 1982. С. 128, 129, 203, рис. 6).

В 1983–1990 гг. Ярославская экспедиция кафедры археологии ЛГУ продолжила комплексное

исследование в дер. Большое Тимерёво под руководством В. Н. Седых (Седых, 2012) (рис. 5, 2). За полевые сезоны 1984–1990 гг. было исследовано девять курганов, имевших повреждения насыпей в виде ям и траншей, изучалось и межкурганное пространство. Раскопкам экспедиции подверглись насыпи в центральной и западной частях могильника, в том числе наиболее крупные (285, 297, 382). Были вскрыты камерные погребения, захоронения по обряду трупосожжения как на месте на обширной площадке, так и на стороне с различными вариантами помещения остатков сожжения. При исследовании межкурганного пространства были зафиксированы материалы предшествовавших средневековым эпох, в одном случае были открыты остатки поверхностной кремации младенца с керамикой.

При раскопках пограничного с могильником участка поселения (к востоку от последнего) были исследованы остатки восьми погребальных комплексов. Очевидно, что это остатки курганов, насыпи которых были уничтожены в результате распахивания. Зафиксирован один комплекс с остатками трупосожжения на стороне, в инвентаре которого встречены фрагменты костяного

¹⁷ Набор рукоятки относится к редкому варианту Е-4 мечей типа «Е», по уточненной типологии Я. Петерсена, предложенной С. Ю. Каиновым (Каинов, 2001. С. 57, 58).

¹⁸ К настоящему моменту наиболее полная выборка находок этого круга содержится в публикации В. В. Новикова (2012).

¹⁹ Материалы хранятся в ЯГИАХМЗ. Кол. ЯМЗ-45139.

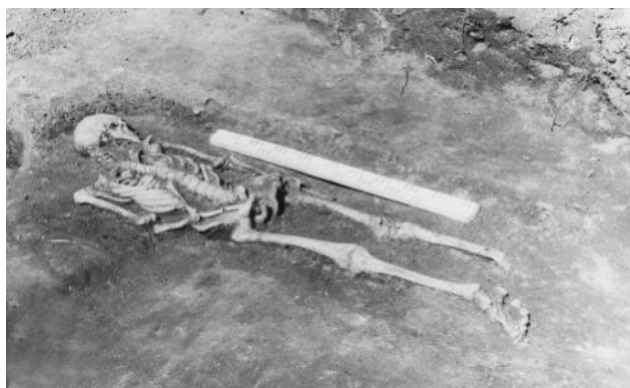

Рис. 6. Погребение в раскопе 1987 г. Вид с юго-востока
 Fig. 6. Bolshoye Timerevo. A burial excavated in 1987.
 View from south-east

орнаментированного гребня и бронзовая накладка со шпеньками. В пахотном слое участка обнаружены перегоревшие фрагменты дирхамов, украшения и бытовые предметы, побывавшие в огне, — перемещенный в результате распахки инвентарь разрушенных захоронений. Погребения по обряду трупоположения с западной ориентировкой встречены в грунтовых ямах с многочисленными предметами в семи случаях (рис. 6). Среди них особо следует указать на захоронение, вероятно, первой половины XI в., девочки-подростка, на правой руке которой обнаружен бронзовый браслет с тремя напускными колечками (Седых, 2012. С. 164, рис. 3, 1). Самым поздним датированным комплексом является захоронение мужчины, которое сопровождалось денарием графа Бруно III (1038–1057 гг.). Погребение

датируется серединой XI в. (Седых, 2007. С. 234; Седых, Зозуля, 2015. С. 101, рис. 1, б).

Таким образом, к настоящему времени мы располагаем данными о 480 курганах, изученных за всю историю исследования могильника у дер. Большое Тимерёво (табл. 1). Абсолютное большинство насыпей локализуются на плане, основа которого была снята в 1959 г. (рис. 7). Точное определение расположения захоронений, раскопанных в 1887, 1908 и 1912–1913 гг., на данном этапе работы затруднено. Разрушенные насыпи курганов, изученных в 1976 г. и частично в 1980-х гг., также заставляют пока отложить их нанесение на общий план. Но даже при сделанных оговорках результат этого исследования можно считать достаточно информативным.

К настоящему времени в могильнике остаются поврежденные грабительскими или непрофессиональными раскопками комплексы, изучение которых необходимо провести в будущем. Учитывая незначительную высоту некоторых насыпей, представляется целесообразным проведение раскопок сплошной площадью. Несмотря на долгую историю изучения некрополя, масштабные раскопки 1960–1970-х гг., вхождение памятника в административные границы современного Ярославля и активное хозяйственное освоение территории, могильник у бывшей деревни Большое Тимерёво²⁰ еще сохраняет перспективы археологического исследования.

²⁰ Деревня Большое Тимерёво прекратила существование в начале 1990-х гг.

Таблица 1. История изучения курганов у дер. Большое Тимерёво
 Table 1. History of investigation of kurgans near the village of Bolshoye Timerevo

Год раскопок	Автор	Количество курганов, шт.	Доля в общем количестве, %
1872	Й. Аспелин	2	0,4
1878	А. И. Кельсиев	34	7,1
1887	VII Археологический съезд	2	0,4
1900	И. А. Тихомиров	14	3,0
1908	И. С. Абрамов	2	0,4
1912–1913	И. М. Новицкий	3	0,6
1938–1939	Я. В. Станкевич	26	5,4
1959–1961	М. В. Фехнер	282	58,8
1973, 1976	И. В. Дубов	2	0,4
1974–1978	М. В. Фехнер	96	20,0
1984–1990	В. Н. Седых	17	3,5
Итого	—	480	100,0

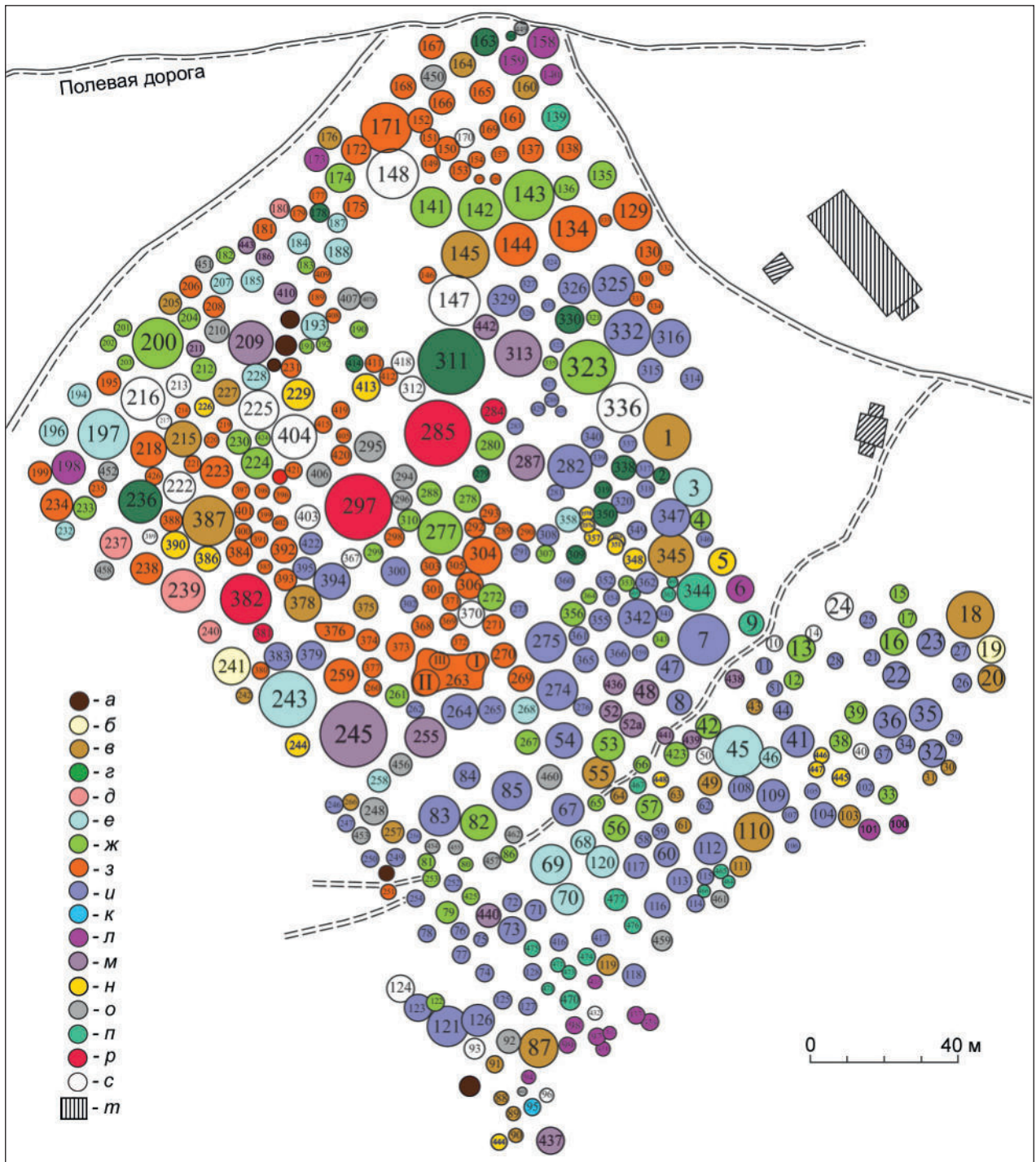

Рис. 7. План курганного могильника у дер. Большое Тимерёво с указанием исследованных насыпей (а — без номера; б — 1872 г., Й. Аспелин; в — 1878 г., А. И. Кельсиев; г — 1900 г., И. А. Тихомиров; д — 1938 г., Я. В. Станкевич; е — 1939 г., Я. В. Станкевич; ж — 1959 г., М. В. Фехнер; з — 1960 г., М. В. Фехнер; и — 1961 г., М. В. Фехнер; к — 1973 г., И. В. Дубов; л — 1974 г., М. В. Фехнер; м — 1975 г., М. В. Фехнер; н — 1976 г., М. В. Фехнер; о — 1977 г., М. В. Фехнер; п — 1978 г., М. В. Фехнер; р — 1983–1990 г., В. Н. Седых; с — нераскопанные насыпи или по которым не даных; т — строения)

Fig. 7. Plan of kurgan cemetery near the village of Bolshoye Timerevo with a specification of the excavated mounds (a — without a number; б — 1872, J. R. Aspelin; в — 1878, A. I. Kelsiev; г — 1900, I. A. Tikhomirov; д — 1938, Ya. V. Stankevich; е — 1939, Ya. V. Stankevich; ж — 1959, M. V. Fechner; з — 1960, M. V. Fechner; и — 1961, M. V. Fechner; к — 1973, I. V. Dubov; л — 1974, M. V. Fechner; м — 1975, M. V. Fechner; н — 1976, M. V. Fechner; о — 1977, M. V. Fechner; п — 1978, M. V. Fechner; р — 1983–1990, V. N. Sedykh; с — unexcavated or undocumented mounds; т — buildings)

- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1900. Д. 82: Дело ИАК о раскопках члена Ярославской Ученой Архивной Комиссии И. А. Тихомирова в Ярославской губернии. 60 л.; 1908. Д. 71: Дело ИАК о раскопках ИРАО въ Владимирской, Костромской, Ярославской и С. Петербургской губ. 330 л.; 1912. Д. 169: Дело ИАК о раскопках Ярославского кадетского корпуса в Ярославской губернии в 1912 г. 11 л.; 1913. Д. 41: Дело ИАК о раскопках Ярославского кадетского корпуса в Ярославской губернии в 1913 г. 15 л.
- Балахонова, 2011 — Балахонова Е. И. Концепция Всероссийской антропологической выставки и место этнографии в ней // Вестник МГУ. Серия 23: Антропология. 2011. № 1. С. 4–15.
- Городцов, 1902 — Городцов В. А. Описание раскопок в окрестностях с. Михайловского, Ярославской губернии и уезда, 12 мая 1902 г. // Труды Ярославского естественно-исторического общества. Ярославль: б. и., 1902. Вып. 1. С. 56–61.
- Городцов, 1903 — Городцов В. А. Раскопки у с. Михайловского // Северный край. 1903, 22 мая. № 132.
- Дубов, 1973 — Дубов И. В. Ярославская экспедиция // АО 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 51.
- Дубов, 1976 — Дубов И. В. Новые раскопки Тимёрёвского могильника // КСИА. М.: Наука, 1976. Вып. 146. С. 82–86.
- Дубов, 1982 — Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки) / Ред. Р. Г. Тихонова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 248 с.
- Дубов, 2005 — Дубов И. В. VII археологический съезд в Ярославле // Краеведческие записки. Ярославль: Ремдер, 2005. Вып. VIII: Материалы 8 и 9 Тихомировских чтений. С. 30–40.
- Дубов и др., 1977 — Дубов И. В., Винокурова М. Г., Седых В. Н. Ярославская экспедиция // АО 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 51–52.
- Зозуля, 2012 — Зозуля С. С. Датировка камерного погребения в кургане 348 Тимёрёвского некрополя // РА. 2012. № 4. С. 90–98.
- Зозуля, 2014 — Зозуля С. С. К вопросу об особенностях камерного обряда погребения в Ярославском Поволжье. Погребения в курганах 100 и 459 Тимёрёвского археологического комплекса // XIV Тихомировские краеведческие чтения. Ярославль: ЯГИАХМЗ; ИД «Канцлер», 2014. С. 233–243.
- Зозуля, 2021 — Зозуля С. С. Раскопки Ярославского кадетского корпуса курганного могильника у села Михайловское в 1910 году // Экспедиция працягласцю у жыццё: зблнік навуковых артыкулаў памяці Аляксандра Плавінскага. Мінск: Колорград, 2021. С. 183–194.
- Зозуля, в печати — Зозуля С. С. Раскопки А. И. Кельсиева курганного могильника у деревни Большое Тимёрёво в 1878 году. В печати.
- Зозуля, Кононович, 2021 — Зозуля С. С., Кононович А. Ю. Исследования И. С. Абрамова курганного могильника в Ярославском уезде Ярославской губернии в 1908 году // Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы. К 60-летию со дня рождения А. В. Григорьева. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2021. С. 268–283.
- ЗОРСА РАО..., 1913 — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913. Т. 9. 364 с.
- Известия..., 1887 — Известия о занятиях Седьмого археологического съезда в Ярославле 6–20 августа 1887 года. Ярославль: Тип. Губернского Правления, 1887. № 8. 4 с.
- Каинов, 2001 — Каинов С. Ю. Еще раз о датировке гнёздовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусцинского (к вопросу о нижней дате Гнёздовского могильника) // Гнёздово. 125 лет исследования памятника / Отв. ред. В. В. Мурашева. М.: ГИМ, 2001 (Тр. ГИМ; Вып. 124). С. 54–63.
- Кельсиев, 1878–1879 — Кельсиев А. И. Отчет о раскопках, произведенных в Ярославской и Тверской губерниях // Антропологическая выставка. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878–1879. Т. II. С. 295–308.
- Кельсиев, 1880 — Кельсиев А. И. Отчет по раскопкам в Ярославской и Тверской губерниях, произведенных им по поручению Комитета летом 1878 года // Антропологическая выставка. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1880. Т. III, ч. 1. С. 53–68.
- Краеведческие..., 1991 — Краеведческие записки. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1991. Вып. VII. 173 с.
- Кураев, 1999 — Кураев И. В. Историография курганов Ярославского Поволжья // Археологический сборник. Памяти М. В. Фехнер / Отв. ред. Н. Г. Недошивина. М.: ГИМ, 1999 (Тр. ГИМ; Вып. 111). С. 11–23.
- Лествицын, 1869 — Лествицын В. И. От Ярославля до Москвы. Поездка на съезд археологов или древнелюбителей. Ярославль: Губернская типография, 1869. 78 с.
- Макаров, Мурашева, 2014 — Макаров Н. А., Мурашева В. В. Когда-то вятичи здесь жили... // Славяне и иные языки... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. И. Атсашева. М., 2014 (Труды ГИМ; Вып. 198). С. 8–22.
- Недошивина, 1991 — Недошивина Н. Г. Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового

- Тимерёвского могильника // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси: Сб. науч. тр. / Отв. ред. М. В. Седова. М.: ИА РАН, 1991. С. 165–181.
- Недошивина, Зозуля*, 2012 — *Недошивина Н. Г., Зозуля С. С.* Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X веках: археологическая панорама: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 178–193.
- Недошивина, Фехнер*, 1985 — *Недошивина Н. Г., Фехнер М. В.* Погребальный обряд Тимерёвского могильника // СА. 1985. № 2. С. 101–115.
- Новиков*, 2012 — *Новиков В. В.* Об одном типе скандинавских оголовий X в. с территории Древней Руси и Скандинавии // АВ. 2012. Вып. 18. С. 108–123.
- Обозрение..., 1899 — Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении (продолжение) // Записки Российского археологического общества. Труды отделения славянской и русской археологии. Книга четвертая. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1899 (Новая серия). Т. XI, вып. 1 и 2. С. 221.
- Отчет ИАК..., 1912 — Отчет ИАК за 1908 год. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1912. 226 с.
- Седых*, 2007 — *Седых В. Н.* Монетные находки в Тимерево в контексте нумизматических данных территории Северной Руси // Труды по русской истории: Сб. ст. в память о 60-летию И. В. Дубова / Отв. ред. В. М. Воробьев. М.: ИД «Парад», 2007. С. 233–256.
- Седых*, 2012 — *Седых В. Н.* Тимерёво: итоги и перспективы исследований 1983–1990 гг. // Археология: история и перспективы. Пятая межрегиональная конференция: Сб. ст. / Под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский дом печати, 2012. С. 157–170.
- Седых*, 2018 — *Седых В. Н.* Из истории археологического изучения Ярославских могильников в дореволюционный период (по материалам НА ИИМК РАН) // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Г. В. Длужневской): Сб. ст. / Отв. ред. Н. Ю. Смирнов. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 270–279.
- Седых, Зозуля*, 2015 — *Седых В. Н., Зозуля С. С.* Денарии в Ярославском Поволжье (по материалам Тимеревского и Михайловского археологических комплексов) // Восемнадцатая всероссийская нумизматическая конференция / Отв. ред. И. В. Ширяков. М.: ГИМ, 2015. С. 100–102.
- Седых, Зозуля*, 2018 — *Седых В. Н., Зозуля С. С.* Раскопки Иоганна Аспелина в Тимерёво в 1872 году // Археология: история и перспективы: Восьмая межрегиональная конференция: Сб. ст. / Под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль: Ярославский гос. ист.-арх. и худ. музей-заповедник; Академия, 2018. С. 133–149.
- Седых, Френкель*, 2014 — *Седых В. Н., Френкель Я. В.* О времени и обряде основного погребения кургана 95 Тимерёвского могильника // Археология: история и перспективы: Шестая межрегиональная конференция: Сб. ст. / Под ред. А. Е. Леонтьева; Яросл. гос. ист.-архит. и худ. музей-заповедник. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский дом печати, 2014. С. 165–198.
- Станкевич*, 1941 — *Станкевич Я. В.* К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья IX–X ст. // Этногенез восточных славян: Сб. ст. Т. 1 / Под ред. М. И. Артамонова. М.; Л.: АН СССР, 1941 (МИА; № 6). С. 56–88.
- Тихомиров*, 1906 — *Тихомиров И. А.* Кто насыпал Ярославские курганы // Труды второго областного Тверского археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Тверь: Тип. губернского правления, 1906. С. 87–248.
- Тихомиров*, 1909 — *Тихомиров И. А.* Кто насыпал Ярославские курганы. Ч. 2 // Труды третьего областного историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимирь 20–26 июля 1906 года. Владимирь: Тип. Губернского правления, 1909. С. 1–98.
- Троицкий*, 1853 — *Троицкий И.* История губернского города Ярославля, составленная Законоучителем студентов Ярославского Демидовского Лицея, Протоиереемъ Иоанномъ Троицкимъ, по случаю празднования въ семъ заведении пятидесятилетнего Юбилея, 6 июня 1853 года. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1853. 118 с.
- Ушаков*, 1879 — *Ушаков Я. А.* Обозрение выставки местных произведений Ярославской губернии, состоявшейся в Рыбинске 7-ого августа 1878 года. Ярославль: Тип. Губ. зем. управы, 1879. 50 с.
- Фехнер, Недошивина*, 1987 — *Фехнер М. В., Недошивина Н. Г.* Этнокультурная характеристика Тимерёвского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2. С. 70–89.
- Фехнер, Янина*, 1978 — *Фехнер М. В., Янина С. А.* Весы с арабской надписью из Тимерёва // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 184–192.
- Ярославское..., 1963 — Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Под ред. А. П. Смирнова. М.: ГИМ; Ярославский музей-заповедник, 1963. 144 с.
- Aspelin*, 1874 — *Aspelin J. R.* Kumpukalmisto Timerevon kylän luona Jaroslavin läänissä // Finska Fornminnes förenings. Helsingfors: Finska Litteratur-sällskapet-stryckeri, 1874. Tidskrift. I–IV. S. 27–32.

The history of investigation of the kurgan burial ground near the village of Bolshoye Timerevo. To the 150th anniversary of the studies at the site

S. S. Zozulya, V. N. Sedykh²¹

Keywords: Bolshoye Timerevo, early Russian state, kurgan burial grounds.

The history of the investigation of the burial ground near the village of Bolshoye Timerevo in Yaroslavl Oblast begins on May 25, 1972, with excavations of the Finnish researcher Johannes Reinhold Aspelin who uncovered two mounds (Fig. 1). By the 150th anniversary of the first archaeological explorations it seems necessary to sum up some results of the investigations of the necropolis. Following J. Aspelin, a search for Merya skulls was conducted in the beginning of the August of 1878 by A. I. Kelsiyev for the Anthropological Exhibition expected in Moscow. He excavated 34 burials (Fig. 2, 1). Fairly scarce information is available about two interments near the western edge of the cemetery excavated on August 15, 1887, by participants of the VII Archaeological Congress in Yaroslavl (Fig. 2, 2). Fourteen kurgans were explored on August 22–25 of 1900 by the prominent Yaroslavl researcher I. A. Tikhomirov (Fig. 3, 1). The mounds of two burials were excavated in 1908 by I. S. Abramov (Fig. 3, 2); one burial was investigated by the lieutenant colonel I. M. Novitskiy on September 2, 1912, and two other kurgans — on May 3 of 1913 (Fig. 3, 3). The last pre-war works were investigations by Ya. V. Stankevich who excavated 26 burials in 1938–1939 (Fig. 4, 1). Two stages of the explorations by an expedition headed by M. V. Fechner from the State Historical Museum (Moscow) came to be the most extensive works over the entire history of the studies of the necropolis: 282 mounds were excavated in 1959–1961 and still other 96 in 1974–1978 (Fig. 4, 2). In 1973, 1976 and 1984–1990, the investigations in the territory of the burial ground were conducted by an expedition of the Leningrad State University under the direction of I. V. Dubov, later under V. N. Sedykh (Fig. 5, 1, 2). In total, 17 burials had been excavated including the kurgans disturbed by tillage (Fig. 6).

Thus by now we possess data on 480 kurgans investigated over the entire history of the excavations of the cemetery near the village of Bolshoye Timerevo (Table 1). The absolute majority of the mounds are localized in the plan drawn in 1959 and supplemented during the subsequent years (Fig. 7). Despite the so long history of the studies at the necropolis, the large-scale excavations of 1960–1970s, the inclusion of the site into the administrative area of the modern city of Yaroslavl and the active economic development of this territory, the burial ground near the former village of Bolshoye Timerevo still has good perspectives for archaeological exploration.

²¹ Sergey S. Zozulya — independent researcher, Russia; e-mail: zozulia.sergey@gmail.com. Valeriy N. Sedykh — Institute of History of St. Petersburg State University; 5 Mendeleevskaya liniya, St. Petersburg, 199034, Russia; e-mail: valsedykh@yandex.ru.

Исследование средневековых и постсредневековых древностей на Кольском Севере: современное состояние¹

А. И. Мурашкин²

Аннотация. На территории Кольского Севера зафиксировано около 190 археологических памятников средневековья и нового времени: поселения, клады, ямы-ловушки, каменные выкладки, курганы, грунтовые могильники. Многие имеют прямые аналогии в древностях Скандинавии и Финляндии, что облегчает их культурно-хронологическую и этническую атрибуцию.

Ключевые слова: Северная Фенноскандия, Мурманская область, средневековье, новое время, поселение, могильник, клад, саамы, поморы.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-279-291

Наше знакомство с Александром Ивановичем Саксой было не близким, но давним, и началось оно в конце 1990-х гг. благодаря В. Я. Шумкину. Будучи «каменщиком», в то время я сторонился исследований по средневековой проблематике. Но археологический мир Северо-Запада тесен, и мы регулярно встречались с Александром Ивановичем на конференциях и семинарах, где он не только представлял результаты собственных исследований, но часто выступал переводчиком для коллег. Так случилось, что в 2010 г. в нашем распоряжении оказались находки из комплекса Лива 1; после этого игнорировать средневековые древности стало невозможно. И дружеские, ненавязчивые, но точные советы Александра Ивановича во многом стали отправной точкой моих собственных изысканий. Он же стал одним из первых читателей и рецензентом публикации находок этого памятника (*Колпаков и др.*, 2022). Результаты анализа материалов Ливы 1 требуют культурно-исторического контекста, и это стало толчком к написанию краткого обзора средне-

вековых древностей Кольского Севера. Так я попытаюсь выразить искреннюю благодарность светлomu и добромu человеку — Александру Ивановичу Саксе.

История изучения

Средневековье на Кольском Севере в археологическом смысле фактически неизвестно, это связано с незначительным числом открытых и мизерным количеством исследованных памятников. Целенаправленное их изучение не проводилось, а известны оказались те, что найдены попутно с объектами каменного и бронзового веков. К западу от российской границы — в Финской и Шведской Лапландии и Северной Норвегии — средневековые памятники хорошо изучены, разработана хронология и типология основных категорий объектов и артефактов. На основании археологических материалов решаются вопросы о развитии и специфических чертах местной экономики и религиозных представлений, взаимодействии саамов с пришлым населением и т. д. (*Serning*, 1956; *Zachrisson*, 1976; *Odner*, 1992; *Mulk*, 1994; *Hedman*, 2003; *Hansen, Olsen*, 2014).

Из-за отрывочности письменных источников изучение средневековья Русской Лапландии строится на данных археологии и этнографии; большую роль играют скандинавские и финские материалы — как непосредственные аналогии объектов и артефактов, так и концептуальные модели. На настоящем этапе развития кольской

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (FMZF-2022-0017).

² ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: aimurash@yandex.ru.

© Мурашкин А. И., 2023

археологии необходим критический анализ накопленных источников, что позволит наметить наиболее перспективные направления дальнейших научных поисков.

Средневековые и постсредневековые памятники были первыми древностями, обнаруженными на Кольском Севере. Самой ранней находкой на территории современной Мурманской области считается клад из Аатсервайнен (*Aatservainen*), обнаруженный в 1839 г. на западном берегу оз. Тенниеярви под каменной глыбой на склоне горы (часто его называют по деревне Куоляярви (*Kuolajarvi*), в окрестностях которой он был найден) (рис. 1). Клад, датируемый 1120-ми гг., состоял из серебряных и бронзовых изделий (фибул, гривен, браслетов, весов с набором гирек) и 174 монет, завернутых в берестяной сверток (*Hälström*, 1842; *Aspelin*, 1880. Р. 307, 308, № 1663–1672). В Финляндии и Скандинавии эта находка широко обсуждалась (библиографию см.: *Bäcksbäcka*, 1975; *Talvio*, 2002); в России же она была известна только нумизматам и специалистам по средневековью (*Потин*, 1967. С. 161, № 263; *Кочкуркина*, 1982. С. 29; *Nosov et al.*, 1992. Р. 14, 19; *Мурашкин*, 2022. С. 134). Также малоизвестен был и клад из семи серебряных гривен X–XIII вв., обнаруженный на р. Варзуге в 1888 г. и введенный в научный оборот в 2002 г. (Случайные вырезки..., 1888. С. 477, 478; *Горюнова, Овсянников*, 2002).

В 1860–1870-е гг. появились сведения о других категориях средневековых и постсредневековых древностей региона. В 1866 г. стало известно о раскопках двух погребений на «Чудском» кладбище у г. Кола (*Комповский*, 1876). А. И. Кельсиев после поездки по восточному побережью Кольского полуострова сообщил об обнаружении лабиринтов, остатков жилищ, каменных выкладок, систем ям-ловушек на северного оленя (*Кельсиев*, 1878. С. 350). Но целью поездки было составление антропологической коллекции, и А. И. Кельсиев раскопал лишь несколько саамских погребений; подробная характеристика и датировка других объектов осталась неизвестна. Только в начале XX в. были проведены раскопки остатков жилищ: как минимум три исследовал в 1900 г. К. П. Рева в устье р. Поной (*Рева*, 1900. Л. 17–19; Отчет ИАК..., 1902. С. 86) и два — Т. И. Итконен около Йокоңыги (*Itkonen*, 1914; *Hackman*, 1916. Р. 71).

Исключая эпизодические работы 1920–1940-х гг., можно утверждать, что полномасштабное археологическое обследование Кольского Севера начинается с конца 1960-х гг. (*Мурашкин*, 2022. С. 134–136). С этого времени в поле зрения

исследователей стали попадать некоторые средневековые и постсредневековые памятники. Н. Н. Гурина зафиксировала остатки жилищ в 1947 г. на р. Харловке (*Гурина*, 1947. Л. 35, 36), в 1973 г. — в губах Красная и Сидоровка (*Гурина*, 1973. Л. 19–21, 23). Тогда же она провела раскопки трех каменных выкладок (жилищ?) в губе Вящина (*Там же*. Л. 12–13), а в 1980 г. — пяти кольцевых обкладок саамских чумов на поселении Нерпичья губа 2 (*Гурина*, 1980. Л. 70, 71; *Гурина*, 1997. С. 130, 136)³. В 1980-е гг. два слабо углубленных жилища были исследованы В. Я. Шумкиным на поселении Круглая и одно — на поселении Дворовая (*Шумкин*, 1985. Л. 12–14; *Колпаков и др.*, 2020. С. 279–288). В 1991–1992 гг. раскопки поселения Дворовая были продолжены О. В. Овсянниковым (*Карпелан, Овсянников*, 2013). Появились достоверные сведения о средневековых погребениях: в 1969 и 1979 гг. Н. Н. Гурина провела сборы на разрушенном средневековом могильнике Кузомень 1 (*Гурина*, 1981; *Гурина*, 1997. С. 128), а в 1982 г. О. В. Овсянников провел раскопки грунтового могильника Кузомень 2 (*Овсянников*, 1985; *Овсянников, Рябинин*, 1989; *Гурина и др.*, 1990). Выразительные материалы средневекового и постсредневекового периодов были получены при раскопках стоянок со смешанными культурными слоями Северная Салма (*Шаяхметова*, 1990. С. 37, 38) и Серебрянская 3 (*Анпилогов*, 1969. Л. 8–15).

В 1990–2000-е гг. интенсивные научные, в том числе полевые, контакты сотрудников Кольской археологической экспедиции (КолАЭ) ИИМК с норвежскими и финскими коллегами привели к личному ознакомлению со многими разновидностями средневековых и постсредневековых памятников и подстегнули интерес к их изучению. Разведки последних десятилетий привели к открытию многочисленных остатков поселений и других сооружений на побережье Баренцева моря (*Колпаков и др.*, 2020), на р. Патсойоки (*Шумкин*, 2001), оз. Ловозеро. К сожалению, лишь небольшое их число было раскопано: жилища на поселениях Дальнезеленецкая 1 и 5 (*Шумкин*, 2013. Л. 15–25; *Колпаков и др.*, 2015) и Северная Салма 3 (не опубликовано), курган на стоянке Гусиный 4 (*Колпаков и др.*, 2016. С. 33), поселение с рядом очагов Лива 1 (*Murashkin, Kolpakov*, 2018; *Колпаков и др.*, 2022). Средневековые захоронения

³ В 2012 г. Е. М. Колпаков повторно его обследовал и снял инструментальный план; в его отчете памятник обозначен как «Поселение Нерпичья губа 3» (*Колпаков*, 2012. Л. 23).

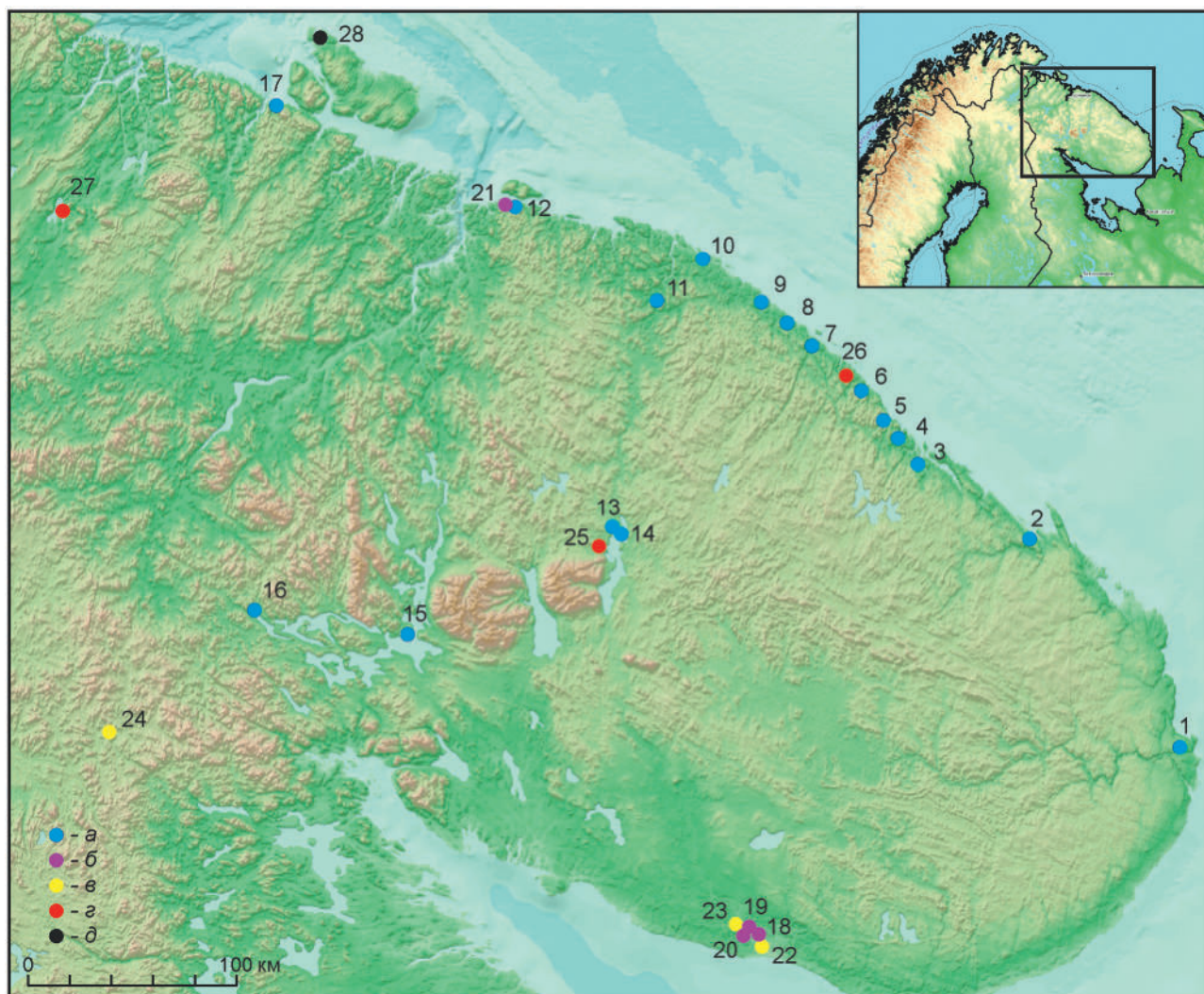

Рис. 1. Карта Мурманской области с обозначением упоминаемых средневековых и постсредневековых памятников (а — поселения; б — погребения; в — клады; з — ловчие ямы; д — выкладка-святилище): 1 — Поной; 2 — Йоконьга; 3 — Нерпичья губа 2; 4 — Круглая 1; 5 — Дворовая 1; 6 — Сидоровка; 7 — Харловка 16; 8 — Красная 1; 9 — Вящина 1; 10 — Дальнезеленецкая 1 и 5; 11 — Серебрянская 3; 12 — Гусиный 7; 13, 14 — Северная Салма и Северная Салма 3; 15 — Кинтшемлукт 1; 16 — Лива 1; 17 — Соймвахк; 18, 19 — Кузомень 1 и 2; 20 — с. Варзуга, Свято-Никольская церковь; 21 — Гусиный 4; 22 — Варзуга, устье; 23 — с. Кузомень, церковь Сретения Господня; 24 — Аатсервайнен (Куолаярви); 25 — Сергевань; 26 — Чевессуоло 1; 27 — Червяная 5; 28 — Кегор

Fig. 1. Map of Murmansk Oblast with specification of the mentioned mediaeval and post-mediaeval sites (a — settlements; б — burials; в — hoards; з — trap pits; д — masonry/sanctuary): 1 — Ponoj; 2 — Iokonga; 3 — Nerpichya Guba 2; 4 — Kruglaya 1; 5 — Dvorovaya 1; 6 — Sidorovka; 7 — Kharlovka 16; 8 — Krasnaya 1; 9 — Vyashchina 1; 10 — Dalnezelenetskaya 1 и 5; 11 — Serebryanskaya 3; 12 — Gusiny 7; 13, 14 — Northern Salma and Northern Salma 3; 15 — Kintshemlukht 1; 16 — Liva 1; 17 — Soymvakhk; 18, 19 — Kuzomen 1 and Kuzomen 2; 20 — Varzuga, St Nikolas Church; 21 — Gusiny 4; 22 — Varzuga, river mouth; 23 — village of Kuzomen, Church of the presentation of Jesus Christ; 24 — Aatservainen (Kuolajarvi); 25 — Sergevan; 26 — Chevessuolo 1; 27 — Chervyanaya 5; 28 — Keger

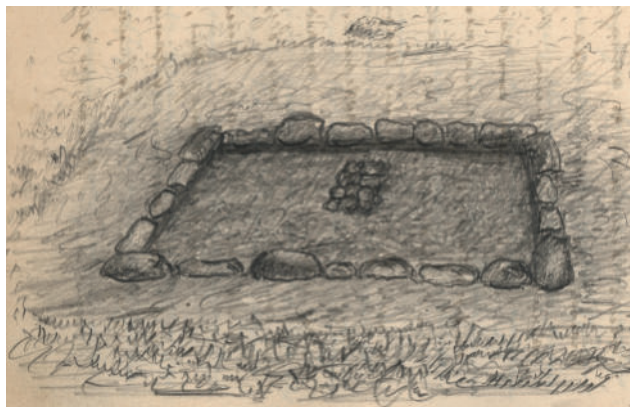

Рис. 2. Жилище, раскопанное К. П. Рева в устье р. Поной (Рева, 1900. Л. 21)

Fig. 2. Dwelling excavated by K. P. Reva in the mouth of the Ponoj River (Reva, 1900. Л. 21)

на некрополе Свято-Никольской церкви в с. Варзуга были исследованы М. М. Шахновичем (Шахнович, 2021. С. 61–68).

Подводя итог краткому обзору истории изучения древностей средних веков и нового времени на Кольском Севере, нужно сказать, что интерес к ним возникал лишь эпизодически и в основном попутно с изучением памятников каменного века — эпохи бронзы. Несмотря на это, к 2023 г. в базе данных КолАЭ ИИМК РАН накопились сведения о 192 памятниках, которые могут относиться к средневековью и постсредневековью или содержат материалы этих периодов.

Категории средневековых и постсредневековых памятников. Поселения

Среди известных средневековых и постсредневековых памятников значительное число представлено поселениями с остатками неуглубленных жилищ. Из них большинство обнаружено на Баренцевоморском побережье, где выделяются определенные кластеры с большими их концентрациями (Колтаков и др., 2020. С. 296). На этих же участках фиксируются скопления остатков жилищ и более раннего времени (поздний неолит — эпоха бронзы), что можно объяснить благоприятными условиями для промысла рыбы и морского зверя. Во внутренних районах Кольского полуострова остатки жилищ выявлены в бассейне оз. Ловозеро, раскопано только одно — на поселении Северная Салма 3.

Выделяются два типа жилищ. Первый тип — Дворовая — представляет собой прямоугольную (иногда вытянутую, шести- или восьмиугольную) постройку размером около 4 × 3 м, с валиком

по периметру (высотой, редко превышающей 0,1–0,2 м, и шириной 1,0–1,5 м), сложенным из грунта, иногда с камнями, редко из валунов. Камера жилища обычно углублена на 0,1–0,2 м (иногда глубже) ниже уровня древней дневной поверхности, что объясняется снятием дерна и «подчисткой» пола. Характерная особенность построек этого типа — сложенный из камней прямоугольный очаг, расположенный поперек постройки (из-за этого до раскопок камера жилища может восприниматься как разделенная на два помещения). К этому типу можно отнести жилища, раскопанные К. П. Рева на р. Поной (рис. 2), О. В. Овсянниковым в бухте Дворовая (жилища 1–3, 5–9) (Карпелан, Овсянников, 2013. С. 269–280) и КолАЭ ИИМК на поселениях Дальнезеленецкая 1 и 5 (Колпаков и др., 2015). Датировка этого типа жилищ определяется на основании находок монет первой четверти XVIII в. в жилище 5 на поселении Дворовая (Карпелан, Овсянников, 2013. С. 296) и радиоуглеродных дат с поселений Дальнезеленецкая 1 и 5. По образцам угля из очага жилища на поселении Дальнезеленецкая 1 получены даты 200±35 BP (SPb-983) и 175±25 BP (SPb-984) (1640–1960 cal AD и 1660–1960 cal AD, с наибольшей вероятностью в пределах XVIII в.); из жилища 1 на поселении Дальнезеленецкая 5 — 150±25 BP (SPb-981) и 120±25 BP (SPb-982) (1674–1942 cal AD и 1687–1927 cal AD, с наибольшей вероятностью в пределах XIX в.).

Жилища второго типа — Йоканьга — имеют подпрямоугольную, вытянутую, шести- или восьмиугольную, округлую форму. Они почти не углублены (не более 0,1 м), валик выражен слабо, иногда фиксируются камни по периметру постройки. Выложенный камнями квадратный или прямоугольный очаг небольшого размера располагается в центре постройки. Характерная особенность жилищ этого типа — наличие двух рядов камней, ведущих от очага к одному или двум выходам, расположенным друг напротив друга (рис. 3). В некоторых случаях (Северная Салма 3) вместо каменных рядов фиксировались остатки бревен или плах (рис. 4). Видимо, это остатки веж — хорошо известных по этнографическим описаниям саамских стационарных построек. К этому типу можно отнести жилище из Йоканьги (Itkonen, 1914), округлые выкладки из Вящины (Гурина, 1973. Л. 12, 13; Колпаков и др., 2020. Рис. 5), поселений Нерпичья губа 2 (Гурина, 1997. Рис. 66, А, Б), Дворовая (жилища 11–14) (Карпелан, Овсянников, 2013. С. 280, 281), Северная Салма 3. Наиболее ранняя датировка этого типа получена по углю из очага жилища 1 на поселении

Вящина — 620 ± 130 BP (Le-1150) (1156–1523 cal AD). Диагностические для определения возраста памятников артефакты обнаружены только в жилищах на Йоканьге (фрагмент стебля белоглиняной курительной трубки) и в Северной Салме 3 (четыре свинцовые пули). В обоих случаях памятники могут быть датированы временем после XVII в., но вплоть до XIX в.

Отдельную категорию поселенческих памятников составляют стоянки с рядами очагов (*hearth-row sites*); один такой комплекс X–XIV вв. — Лива 1 — был исследован на оз. Верхнее Чалмозеро в 2016–2020 гг. До раскопок очаги выделялись на задернованной поверхности как плоские прямоугольные или овальные возвышения размером до $2,8 \times 1,2$ м и высотой до 0,2 м. При раскопках выявлено, что по периметру они были выложены крупными валунами в один ряд, а внутри — мелкими камнями размером с кулак в два-три слоя (иногда с подсыпкой песком). В северной части очагов часто располагались крупные плоские камни. Заполнявший пространство между камнями темный песок был насыщен углями, мелкими фрагментами кальцинированных костей. В очагах и вокруг них на расстоянии от 2 до 10 м были найдены скопления костей северного оленя, бытовой и хозяйственный инвентарь, орудия, украшения (Murashkin, Kolpakov, 2018; Колпаков и др., 2022). Такие памятники хорошо изучены на севере Норвегии, Швеции и Финляндии и датируются от раннего железного века до начала нового времени (VII–XVII вв.) (Hedman, 2003. P. 96–143; Hedman, Olsen, 2009; Halinen, 2016). Скандинавские и финские археологи рассматривают их как остатки кратковременных стойбищ саамов, расположенных на миграционных путях северного оленя. В 2022 г. на оз. Имандра было обнаружено второе в Мурманской области поселение с рядами очагов, названное Кинтшемлухт 1, одна конструкция была раскопана (Колпаков, Киселева и др., в печати). Сходная с очагами Ливы 1 конструкция была исследована в 2015 г. на стоянке Гусиный 7; по углю была получена одна радиоуглеродная дата — 227 ± 35 BP (SPb-1380) (1526 cal AD — современность, с наибольшей вероятностью XVII–XVIII вв.) (Шумкин, Колпаков, 2015. Л. 29–31).

Уникальным для территории Мурманской области является расположенное на берегу Малой Волоковой губы поселение Соймвахк, которое включает остатки многокомнатного дома (Tanner, 1929. P. 6–13). Многокомнатные дома представляют собой комплекс построек (от 4 до 20), имеющих общие стены и сообщающихся внутренним

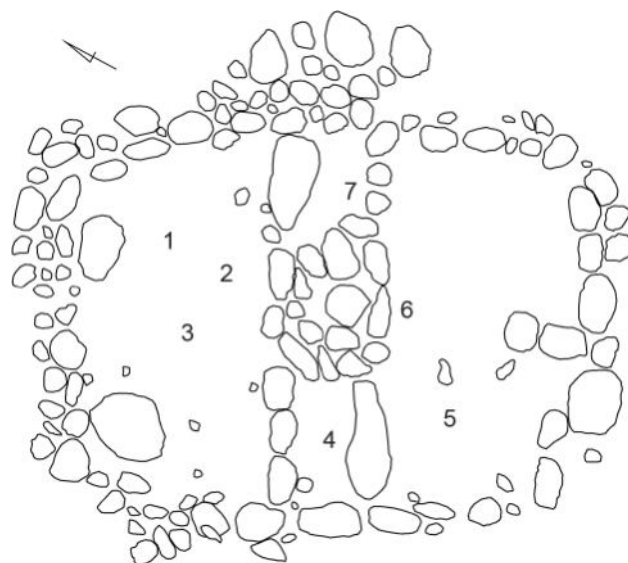

Рис. 3. Жилище, раскопанное Т. Итконеном на р. Йоканьге, без масштаба (Itkonen, 1914. Л. 2об.). Цифрами обозначены находки: 1, 2 — фрагменты изделий (железо); 3 — гвоздь (железо); 4 — фрагмент стенки керамического сосуда с примесью асбеста; 5 — фрагмент железного стержня с намотанной проволокой; 6 — шлифовальная плита/пила (песчаник); 7 — фрагмент пемзы

Fig. 3. Dwelling excavated by T. Itkonen on the Iokanga River, without scale (Itkonen, 1914. Л. 2об.). The numbers specify the finds: 1, 2 — fragmentary objects (iron); 3 — nail (iron); 4 — fragment of the wall of a ceramic vessel with admixture of asbestos in the clay; 5 — fragment of an iron rod with wire coiled around it; 6 — polishing plate/saw (sandstone); 7 — piece of pumice

Рис. 4. Поселение Северная Салма 3, жилище 1, в ходе раскопок. Виден древесный тлен на месте «усов» от очага к выходу из жилища (фото П. Халинена)

Fig. 4. Site of Northern Salma 3, dwelling 1, in the course of excavation. Decayed wood is discernible in the place of the “tendrils” stretched from the fireplace towards the exit from the dwelling (photo by P. Halinen)

коридором. Наиболее ранние из них возникли в начале XIII в., время их использования длится до середины XV в. На некоторых отмечаются следы активности или периоды возобновления жизни вплоть до начала XVII в. Всего известно 22 таких памятника, расположенных на побережье провинций Тромс и Финнмарк: крайний западный найден на острове Лаукой, самый восточный — Соймвахк. Таким образом, все многокомнатные дома располагались севернее и восточнее Лингенфьорда и, соответственно, за пределами Норвежского королевства. На этом факте основано мнение, что они были форпостами скандинавского проникновения и объединяли торговые, административные и военные функции в пограничном с Новгородской республикой / Московской Русью регионе. Недавно, после частичных раскопок двух многокомнатных домов, была выдвинута гипотеза о гибридном, мультикультурном характере этих памятников (Hybrid Spaces..., 2011; Hansen, Olsen, 2014. P. 206–214).

Грунтовые могильники и курганы

Все известные на Кольском Севере средневековые и более поздние грунтовые могильники известны в нижнем течении р. Варзуги. Могильник Кузомень 1, видимо, полностью разрушен в результате ветровой эрозии; на могильнике Кузомень 2 раскопано три погребения. Оба могильника относятся к XII–XIII вв. на основе погребального инвентаря. В его составе представлены импортные украшения, типичные для двух крупных областей финно-угорского расселения — Приладожско-Белозерского (отчасти Прикамского) и Поволжского, которые могли проникать на Терский берег через Северное Подвинье (Овсянников, Рябинин, 1989. С. 204–208; Ясински, Овсянников, 1998. С. 28–34).

На некрополе Свято-Никольской церкви в с. Варзуга М. М. Шахновичем раскопано 40 грунтовых безынвентарных захоронений. На основании радиоуглеродных дат и стратиграфических наблюдений автор раскопок одну часть из них относит к XVIII–XIX вв., другую — к XV в. (Шахнович, 2021. С. 61–67). Однако выводы эти неубедительны: из трех радиоуглеродных дат по костям погребенных опубликована только одна, относящаяся к позднему периоду; образцы древесины, использованной для датирования, не имеют видового определения. В соотношении датированных объектов наблюдаются несоответствия, которые автор раскопок даже не замечает: «...Из древесины получена радиоуглеродная дата — 520 ± 25 BP

(SPb-1248), калиброванный календарный возраст которой приходится на интервал 1396–1441 гг., что соответствует периоду первой трети XV в. Два погребения, датированные по C-14 первой третью XV в., прорезают эту древесину, подтверждая наше предположение о соотношении ее с церковью, уничтоженной в 1419 году» (Шахнович, 2021. С. 66, 67). М. М. Шахнович не понимает, что радиоуглеродная дата древесины, из которой построена церковь, относится к моменту порубки бревна, а не к моменту сожжения церкви. А погребения, прорезающие остатки этой церкви, должны датироваться более поздним временем.

Кроме пунктов в низовьях р. Варзуги свидетельства наличия средневековых погребений зафиксированы на памятнике Лива 1. При раскопках очага 2 была расчищена яма, скорее всего естественного происхождения, на дне которой находились перезахороненные (?) кости человека (две бедренные, локтевая, фрагмент лопатки, фрагменты ребер, фрагменты крышки черепа и нижняя челюсть с зубами). Не исключено, что костные останки принадлежали одному индивидууму (женщине?) не старше 30 лет (определение заведующего отделом антропологии МАЭ РАН канд. ист. наук В. И. Хартановича). По фрагментам костей была получена радиоуглеродная дата 850 ± 50 BP (Le-12010) (1043–1104 и 1118–1268 cal AD, с наибольшей вероятностью XII–XIII вв.) (Шумкин, 2020. Л. 25–33; Колпаков, Шумкин и др., в печати; Колпаков и др., 2022. С. 8). Можно предполагать, что комплекс Лива 1 включал разрушенный грунтовый могильник, однако попытки его обнаружить не увенчались успехом.

Погребальный характер, видимо, имеют еще несколько расположенных на Баренцевоморском побережье объектов. На памятнике Гусиный 4 была раскопана каменно-земляная насыпь (курган) диаметром 6,5 м и высотой до 0,7 м с неглубоким слегка овальным провалом в центре (рис. 5). Под насыпью находился восьмиугольный подиум, отделенный от окружающего пространства двумя ровиками и подрезкой между ними. В его центре выявлена овальная яма размером $2,4 \times 1,5$ м по верхнему срезу, $1,8 \times 1,0$ м по дну и глубиной 0,8 м, ориентированная по линии северо-запад–юго-восток. Она была спущена с уровня древней дневной поверхности и заполнена проломившимися перекрытие и провалившимися в нее валунами насыпи. Вокруг ямы, чуть выше уровня поверхности подиума и на ее стенках, была зафиксирована темно-коричневая прослойка древесного тлена мощностью 2–3 см — остатки

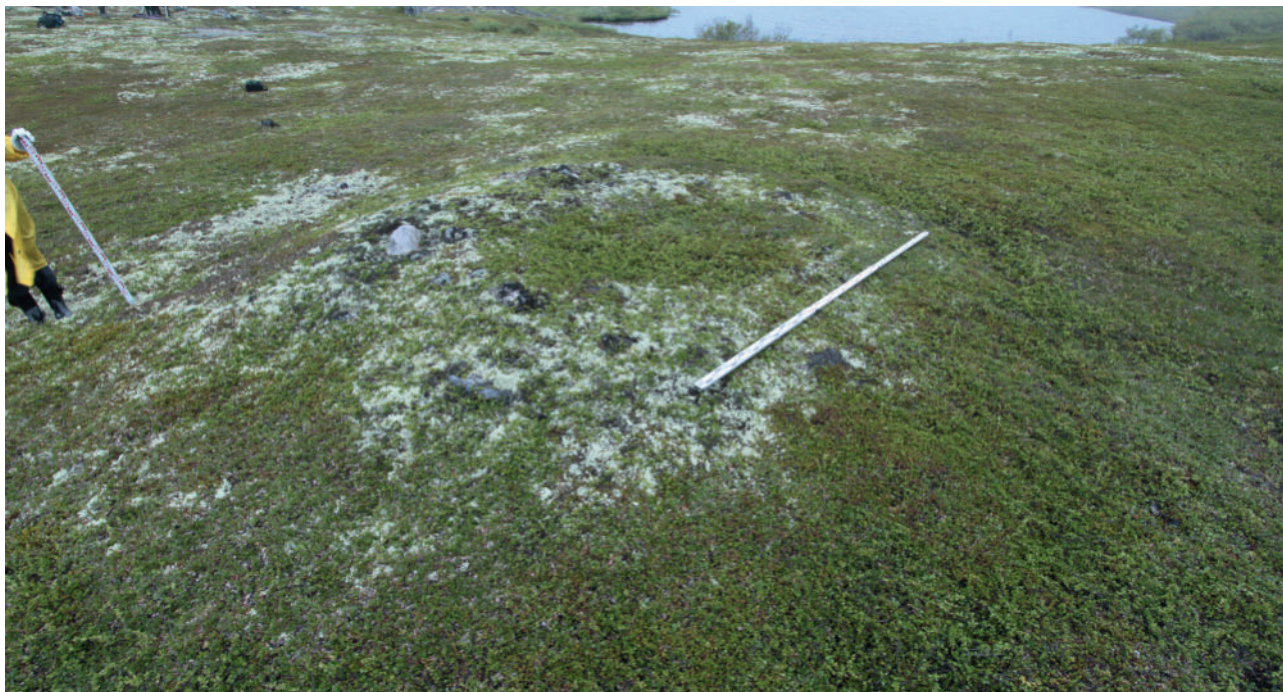

Рис. 5. Гусиный 4, каменно-земляная насыпь до начала раскопок (фото Е. М. Колпакова)

Fig. 5. Gusiny 4, stone and earthen mound before the start of the excavation (photo by E. M. Kolpakov)

деревянного перекрытия. На дне ямы залегала спрессованная масса толщиной до 4 см из истлевшей бересты, дерева, шерсти, фрагментов костей и черной органики (кожи?), залежавших послойно. По углю из перекрытия ямы получена радиоуглеродная дата 842 ± 35 BP (SPb-1379) (1058–1073 и 1154–1263 cal AD, с наибольшей вероятностью XII–XIII вв.) (Шумкин, Колпаков, 2014. Л. 25–33; Колпаков и др., 2016. С. 33). В результате анализа проб шерсти из слоя на дне ямы были определены мех взрослой особи и детеныша северного оленя (пыжика) (анализ проведен старшим научным сотрудником отдела научно-технической экспертизы Гос. Эрмитажа Е. А. Миколайчук).

Сходные по внешним признакам каменно-земляные насыпи (курганы?) зафиксированы на памятниках Перешеек Шурицкий 4 (Шумкин, 1994. Рис. 22), Мертвецкая 13 (Колпаков, 2021. Л. 30), Подпахта 2, Восточная Лица 3.

Клады

К настоящему времени известно о находке трех кладов на территории Мурманской области. Клад из Аатсервайнен (Куолаярви) на основании монет датируется 1120-ми гг.; украшения, видимо, имеют карельское или финское происхождение (Кочкуркина, 1982. С. 29; Talvio, 1985; Nosov et al., 1992. P. 19).

Гривны варзугского клада происходят с широкой территории (Приладожье и Южная Финляндия, Северная Европа, Карелия (Новгород?)) и относятся к XI–XIII вв. (Горюнова, Овсянников, 2002). Появление большого количества серебряных украшений и монет в Северной Фенноскандии, вероятно, стало результатом развития торговли пушниной (Ясински, Овсянников, 1998. С. 62; Nosov et al., 1992. P. 19). Но причинами депонирования кладов (или определенной их части) могли быть религиозные представления местного населения (Spangén, 2009. P. 102, 103).

Третий клад включает 24 монеты XVII — начала XVIII в.; согласно книге поступлений Мурманского областного краеведческого музея, они были найдены в с. Кузомень, где «раньше стояла церковь или монастырь». Первая находка, включающая глиняный тигель и 12 монет, была сделана в 1958 г. (Мец, Мельникова, 1961. С. 42); еще две находки (девять и три монеты) — в 1968 и 1972 гг. По предварительному определению К. В. Горлова⁴ клад мог быть зарыт в конце 1710-х гг.

Ловчие ямы

Эти специфические археологические объекты хорошо изучены в скандинавских странах и Финляндии (Vorren, 1998; Bang-Andersen, 2004; Halinen,

⁴ Личное сообщение 22.01.2023.

Рис. 6. Берег р. Сергевань, ловчая яма (фото А. И. Мурашкина)

Fig. 6. Bank of the Sergevan River, trap pit (photo by A. I. Murashkin)

2005. Р. 82–84; *Hansen, Olsen*, 2014. Р. 174–180), но фактически неизвестны в России. На настоящий момент их наличие зафиксировано в нескольких районах Мурманской области: в архивных материалах упоминаются системы из нескольких десятков ям в междуречье рек Йоканга, Выхъявр, Пятчема (*Дейнеко*, 1947), на о-ве Чевессуоло на оз. Вовуатусъярви, через которое протекает р. Патсойоки (*Шумкин*, 2001. С. 107), на р. Сергевань (рис. 6), одиночные — в бухтах Сидоровка и Червяная. Однако до сих пор ни научного документирования систем ям-ловушек, ни раскопок в Мурманской области не проводилось. В Северной Карелии известен пример раскопок ямы-ловушки (*Шахнович*, 1993).

Уникальным для Мурманской области является «каменная выкладка — святилище» на мысе Кегор (п-ов Рыбачий). Сложенный из каменных плит круг с внутренним диаметром около 3 м сильно зарос мхом и ягодником; высота валика сохранилась до 0,5 м (рис. 7). Аналогичные сооружения (161 шт.) известны в Северной Скандинавии и Финляндии и традиционно рассматриваются как остатки святилищ. Однако несколько лет назад М. Спанген обследовала 81 памятник и на основании всестороннего анализа археологических данных и этнографических сведений высказала предположение об использовании данных сооружений как ловушек для волков (возможно, переосмысленных в новое время как святилища) (*Spangén*, 2016; 2017).

Отдельно нужно упомянуть *лабиринты* — каменные выкладки, отмеченные во многих местах побережья Фенноскандии. Эти сооружения привлекли интерес путешественников и ученых

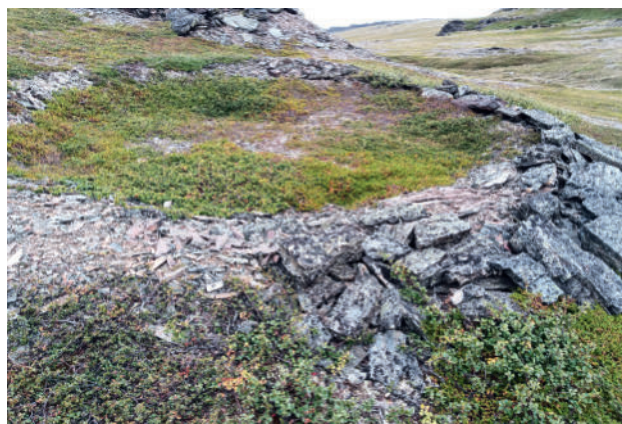

Рис. 7. Мыс Кегор, каменная выкладка-святилище (фото И. А. Боярко)

Fig. 7. Cape Keger, stone masonry/sanctuary (photo by I. A. Boyarko)

еще на заре археологического изучения Севера, и за столетие высказано множество мнений об их назначении и культурной и хронологической принадлежности (см. библиографию: *Спицын*, 1904; *Гурина*, 1953; *Куратов*, 1970; *Косменко*, 2013; *Колпаков*, 2016). В последние годы установлено, что морские террасы, на которых расположены Умбинский и Кандалакшский лабиринты, сформировались не ранее начала I и начала II тыс. н. э. соответственно (*Колька, Корсакова*, 2012). Палеогеографические реконструкции и анализ взаимосвязей лабиринтов и других каменных сооружений Беломорья указывают на их принадлежность к объектам поморской культуры средневековья и нового времени (*Косменко*, 2013).

Саамы, поморы, скандинавы...

Вместо заключения

К настоящему моменту на Кольском Севере открыты, пожалуй, почти все категории средневековых памятников, известные в западной части Северной Фенноскандии, кроме святилищ — мест жертвоприношений (*Serning*, 1956; *Zachrisson*, 1984). Но, несмотря на находки уникальных по художественной и исторической ценности изделий, охарактеризовать средневековую материальную культуру населения Кольского Севера чрезвычайно сложно. Причина кроется в совершенно недостаточной степени изученности поселений и погребений — наиболее массовых археологических памятников эпохи.

Отдельная проблема — культурно-хронологическая, в том числе этническая, атрибуция многих археологических объектов. В большинстве случаев она условна: остатки жилищ раннего железного

века, средневековья и этнографической современности по внешним признакам мало отличаются. На настоящем этапе исследований складывается впечатление, что их конструктивные особенности не менялись столетиями.

Этническая картина в средневековье в Северной Фенноскандии, судя по историческим источникам, была пестрой. Здесь столкнулись несколько волн колонизации — скандинавская, русская, карельская (?); культура саамов в это время претерпела существенную трансформацию. Можно ли соотнести определенные типы памятников с известными этносами? На мой взгляд, со скандинавским проникновением можно связывать многокомнатные жилища, в частности поселение Соймвахк. Существуют основания считать жилища типа Дворовой принадлежащими поморам, массово приходившим из различных районов Беломорья на Баренцевоморское побережье для рыбного промысла (Никонов, 2020). Во-первых, в пользу этого свидетельствует состав специализированного промыслового рыболовецкого инвентаря, обнаруженного в большинстве построек на поселении Дворовая (Карпелан, Овсянников, 2013. С. 290–301). Во-вторых, аналогичные по конструкции жилища были исследованы на мысе Колгуй Анзерского острова (Соловки). Хотя в момент раскопок их авторы и не поняли характера выявленных объектов, однако общее описание и фотографии не оставляют сомнений, что это жилища типа Дворовой (Мартынов, 2022. Рис. 311, 312). Радиоуглеродные даты, многочисленные фрагменты керамической посуды и нательный крестик позволяют датировать памятник поздним средневековьем — новым временем (Мартынов, 2022. С. 343–345). Такие же остатки построек зафиксированы в нескольких пунктах Поморского и Карельского берегов Белого моря и на его островах (Косменко, 2013. С. 136, 137). Жилища типа Йоканьга можно соотнести с саамами; в этнографических описаниях жилищ часто упоминается выделение «чистой» зоны за очагом — *boassu*,

или *poass* — и выхода с помощью камней или небольших бревен (Leet, 1767. Tabl. XVI; Manker, 1944. Bl. 107; Лукьянченко, 1971. С. 92, 93, 100, 101; Hansen, Olsen, 2014. Р. 86–88). С саамами можно связать и поселения с рядами очагов — Лива 1, Кинтшемлухт 1, Гусиный 7. Однако инвентарь памятников не имеет «этнических» маркеров.

Чрезвычайно сложны датировка и атрибуция систем ловчих ям. В Норвегии и Финляндии они датируются от мезолита до этнографической современности; в этих странах нет сомнений в принадлежности поздних систем охотничьих ям саамам (Vorren, Manker, 1953; Halinen, 2005. Р. 82–84; Hansen, Olsen, 2014. Р. 81, 82, 174–180). Но охотничьи ямы-ловушки известны и в Западной Сибири (Кокшаров, 1993; Косинская, 2009; 2013. С. 44; Рудковская, 2017; Лукиных, 2020), что говорит об их широком распространении в лесной зоне Евразии и использовании не только саамами.

Большое значение импортных металлических орудий, украшений и предметов быта в саамской культуре позволяет соотносить памятники с новгородской, центральноевропейской и северо-европейской типохронологическими шкалами. Материалы поселения Лива 1, могильников Кузомень 1 и 2, кладов Аатсервайнен и с берегов р. Варзуги позволяют датировать памятники, выявить направления контактов средневекового населения Кольского Севера. Контексты обнаружения находок проливают свет на социальные отношения и отчасти духовные представления саамов (Hansen, Olsen, 2014. Р. 70–75; Sprangen, 2009). Очевидно, что здесь происходили процессы активного взаимодействия саамского и пришлого населения, сходные с теми, что были в других регионах (Скандинавской и Финской Лапландии, Архангельском Севере, Республике Коми). Накопление и анализ источниковой базы по средневековью Кольского Севера с учетом моделей, построенных на материалах сопредельных территорий, могут оказаться весьма перспективными для изучения этого взаимодействия и его влияния на эволюцию местной культуры.

Анпилогов, 1969 — Анпилогов А. В. Отчет о работах Мурманской археологической экспедиции за 1969 год // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 3905.

Горюнова, Овсянников, 2002 — Горюнова В. М., Овсянников О. В. Клад конца X — начала XIII вв. в устье р. Варзуги (Терский берег Кольского п-ова) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья: Сб. ст. / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК, 2002. С. 211–220.

Гурина, 1947 — Гурина Н. Н. Отчет об археологическом обследовании Кольского полуострова летом 1947 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1947 г. Д. 40.

Гурина, 1953 — Гурина Н. Н. О датировке каменных лабиринтов Белого и Баренцева морей // Палеолит и неолит СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953 (МИА; № 39). Т. 2. С. 408–420.

- Гурина, 1973 — Гурина Н. Н. Отчет о работе Кольской археологической экспедиции 1973 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1973 г. Д. 38.
- Гурина, 1980 — Гурина Н. Н. Полевой дневник Кольской археологической экспедиции за 1980 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1980 г. Д. 43.
- Гурина, 1981 — Гурина Н. Н. Первые сведения о памятниках XII века на Кольском полуострове // Природа и хозяйство Севера. 1981. Вып. 9. С. 65–70.
- Гурина, 1997 — Гурина Н. Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997 (Archaeologica Petropolitana; Т. III). 240 с.
- Гурина и др., 1990 — Гурина Н. Н., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые древности Кольского полуострова // Финны в Европе, VI–XV века. Прибалтийско-финские народы = Suomalaiset Euroopassa Jämerensuomalaiset kansat, 6–15 vuosisadoilla. В 2 вып. Вып. 2: Русь, финны, саамы, верования. М.: ИА РАН, 1990. С. 125–134.
- Дейнеко, 1947 — Дейнеко А. А. Охотничьи ловчие ямы. Схематический план расположения древнего поселения на левом берегу реки Нива (напротив Кандалакши): Рукопись статьи начальника отдела охоты Мурманского охотуправления Дейнеко от 11.07.1947 г. // Мурманский областной музей. Научно-вспомогательный фонд. Письма и документы. № 4078/9.
- Карпелан, Овсянников, 2013 — Карпелан К., Овсянников О. В. Саамское поселение первой четверти XVIII столетия на побережье Баренцева моря (Кольский полуостров, бухта Дворовая) // Лодия. 2010. № 7. Архангельск: Лодия, 2013. С. 261–326.
- Кельсиев, 1878 — Кельсиев А. И. Письмо А. И. Кельсиева из Улеаборга и доклад его Комитету по этнографическим результатам его поездки на Север // Антропологическая выставка Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (XII заседание Комитета 10 октября 1877 года). Т. 1: Заседания Комитета по устройству выставки в 1877 году. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878 (Известия Импер. Общ-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии; Т. 27. Труды Антропологического отдела; Т. 3). С. 322–329.
- Кокшаров, 1993 — Кокшаров С. Ф. Охотничьи ямы-ловушки на Северо-Западе Сибири // Знания и навыки уральского населения в древности. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 1993. С. 162–168.
- Колпаков, 2012 — Колпаков Е. М. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о работах в Мурманской области и Ненецком автономном округе 2012 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 29906.
- Колпаков, 2016 — Колпаков Е. М. Новые данные о каменных лабиринтах Кольского полуострова // Археология сакральных мест России: Сб. тез. докл. науч. конф. с междунар. участием (Соловки, 7–12 сентября, 2016 г.). Архангельск: Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, 2016. С. 104–109.
- Колпаков, 2021 — Колпаков Е. М. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о разведках в Мурманской области в 2021 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 73050-73052.
- Колпаков и др., 2015 — Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Шумкин В. Я. Кольская экспедиция ИИМК РАН // АО 2010–2013 годов. М.: ИА РАН, 2015. С. 42–44.
- Колпаков и др., 2016 — Колпаков Е. М., Шумкин В. Я., Мурашкин А. И. Кольская экспедиция ИИМК РАН // АО 2014 года. М.: ИА РАН, 2016. С. 32–35.
- Колпаков и др., 2020 — Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Шумкин В. Я. Древние жилища Восточной Лапландии — парадокс заполярной археологии // Археология Арктики. Омск: Золотой тираж, 2020. Вып. 7. С. 278–299.
- Колпаков и др., 2022 — Колпаков Е. М., Мурашкин А. И., Шумкин В. Я. Сокровища древнего Ковдора: Каталог выставки (Археологический комплекс Лива 1). СПб.: ЛЕМА, 2022. 104 с.
- Колпаков, Киселева и др., в печати — Колпаков Е. М., Киселева А. М., Мурашкин А. И., Шумкин В. Я. Кольская археологическая экспедиция 2022 // АО. 2022 год. В печати.
- Колпаков, Шумкин и др., в печати — Колпаков Е. М., Шумкин В. Я., Киселёва А. М., Мурашкин А. И. Кольская археологическая экспедиция 2020 // АО. 2020 год. М.: ИА РАН. В печати.
- Колька, Корсакова, 2012 — Колька В. В., Корсакова О. П. Применение геологических методов для датирования каменных лабиринтов на побережье Белого моря // Вестник Мурманского гос. технич. ун-та. 2012. Т. 15, № 2. С. 349–356.
- Комповский, 1876 — Комповский Р. М. Чудское кладбище близ заштатного города Колы Архангельской губернии // Протоколы заседаний Отдела (с 3 ноября 1865 года по 13 мая 1875 года) (Заседание XVIII. Приложения). М.: Типо-литография С. П. Архипова, 1876 (Известия Импер. Общ-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии; Т. 20. Труды Антропологического отдела; Кн. 2, вып. 1). С. 27–28.
- Косинская, 2009 — Косинская Л. Л. О некоторых параллелях в археологии севера Западной Сибири и Северо-Запада Европы: ловчие ямы каменного

- века // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы: Материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию Н. Н. Гуриной / Отв. ред. С. А. Васильев. СПб.: ИИМК РАН; МАЭ РАН, 2009. С. 181–183.
- Косинская, 2013 — Косинская Л. Л. Неолит Надым-Пуровского водораздела: источники и проблематика // Вестник Томского ГУ. История. 2013. № 3 (23). С. 240–245.
- Косменко, 2013 — Косменко М. Г. Принадлежность и функции каменных сооружений в Карельском Поморье // Поволжская археология. 2013. № 1 (3). С. 126–155.
- Кочуркина, 1982 — Кочуркина С. И. Древняя кора. Л.: Наука, 1982. 216 с.
- Куратов, 1970 — Куратов А. А. О каменных лабиринтах Северной Европы. Опыт классификации // СА. 1970. № 1. С. 34–48.
- Лукиных, 2020 — Лукиных А. А. Звероловные ямы II–XIII вв. в среднем течении реки Самсоновской (по материалам комплексных археологических исследований в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры) // Северный регион: наука, образование, культура. 2020. № 1 (45). С. 5–28.
- Лукьянченко, 1971 — Лукьянченко Т. В. Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX–XX в. М.: Наука, 1971. 167 с.
- Мартынов, 2022 — Мартынов А. Я. Домонастырские древности Соловецкого архипелага VI тыс. до н. э. — XV век. Архангельск: Лоция, 2022. 400 с.
- Мец, Мельникова, 1961 — Мец Н. Д., Мельникова А. С. Клады монет (зарегистрированные Государственным историческим музеем в 1959 году) // Ежегодник Государственного исторического музея, 1959 г. М.: ГИМ, 1961. С. 33–53.
- Мурашкин, 2022 — Мурашкин А. И. Этапы изучения археологии Кольского Севера // Кольский сборник. СПб.: ЛЕМА, 2022. Вып. 3. С. 134–145.
- Никонов, 2020 — Никонов С. А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 496 с.
- Овсянников, 1985 — Овсянников О. В. Средневековый грунтовый могильник на Терском берегу // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: Наука, 1985. С. 84–88.
- Овсянников, Рябинин, 1989 — Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые грунтовые могильники Терского берега // СА. 1989. № 2. С. 201–211.
- Отчет ИАК..., 1902 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1900 год. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1902. 173 с.
- Потин, 1967 — Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Нумизматика. Л.: Советский художник, 1967 (Труды Гос. Эрмитажа; Т. 9). Вып. 3. С. 106–184.
- Рева, 1900 — Рева К. П. О раскопках К. П. Рева в окрестностях г. Архангельска // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1900 г. Д. 162.
- Рудковская, 2017 — Рудковская М. А. Ловчие звероловные ямы на р. Кедровой (Ханты-Мансийский район ХМАО — Югры) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ГУ, 2016. Вып. 14. С. 304–316.
- Случайные вырезки..., 1888 — Случайные вырезки из газет за 1887 и 1888 год // Записки Императорского Русского археологического общества. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1888. Т. III, вып. 3–4. С. 469–480.
- Спицын, 1904 — Спицын А. А. Северные лабиринты // Известия археологической комиссии. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1904. Вып. 6. С. 101–112.
- Шахнович, 1993 — Шахнович М. М. Погребальный комплекс поселения Тунгуда XXIV–XXV // Вестник Карельского краеведческого музея. 1993. Вып. 1. С. 60–68.
- Шахнович, 2021 — Шахнович М. М. Археологическое изучение реки Варзуга (Терский берег Белого моря) // Труды Кольского научного центра. 2021. Т. 12, № 1 (20). С. 48–72.
- Шаяхметова, 1990 — Шаяхметова Л. Г. Новые данные о древнем населении центральной части Кольского полуострова // КСИА. 1990. Вып. 200. С. 33–38.
- Шумкин, 1985 — Шумкин В. Я. Отчет о работе Североморского отряда ЛОИА АН СССР за 1985 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1985 г. Д. 112.
- Шумкин, 1994 — Шумкин В. Я. Отчет о полевой работе Российско-Норвежской Кольской археологической экспедиции в 1994 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1994 г. Д. 22.
- Шумкин, 2001 — Шумкин В. Я. Приложение 5. Археолого-этнографические объекты в районе заповедника «Пасвик» // Летопись природы заповедника «Пасвик»: Книга шестая. 1999 год / Сост. О. А. Макарова. Мурманск: НИЦ «Пазори», 2001. С. 106–107.
- Шумкин, 2013 — Шумкин В. Я. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о работах у пос. Дальние Зеленцы и пос. Никель Мурманской области 2013 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 41662.

- Шумкин, 2020 — Шумкин В. Я. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о раскопках комплекса Лива 1 в Мурманской области 2020 г. // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. Дело в процессе обработки.
- Шумкин, Колпаков, 2014 — Шумкин В. Я., Колпаков Е. М. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о раскопках и разведках комплекса археологических памятников у ручья Гусиный и на полуострове Рыбачий в Мурманской области 2014 г. // НОА ИА РАН. Р-1. Д. 47637.
- Шумкин, Колпаков, 2015 — Шумкин В. Я., Колпаков Е. М. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о раскопках и разведках комплекса археологических памятников у ручья Гусиный и на полуострове Рыбачий в Мурманской области 2015 г. // НОА ИА РАН. Р-1. Д. 50240.
- Ясински, Овсянников, 1998 — Ясински М. Э., Овсянников О. В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. Т. 1. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1998 (Archaeologica Petropolitana; Т. VI). 464 с.
- Aspelin, 1880 — Aspelin J. R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. Liv. IV. Helsingfors: G. W. Edlund; St. Pétersbourg: Eggers et Cie; Paris: C. Klincksieck, 1880. 80 p.
- Bang-Andersen, 2004 — Bang-Andersen S. Reinsdyrgraver i Setesdal Vesthei — analyse av gravenes beliggenhet, byggemåte og brukshistorie. Stavanger: Arkeologisk museum i Stavanger, 2004 (AmS-Varia; Vol. 40). 90 p.
- Bäcksbacka, 1975 — Bäcksbacka Ch. Föremålsbeståndet i 1000-talets finska myntförande skattfynd (Helsingin yliopiston arkeologian laitoksen Moniste № 11). Helsinki: Helsingin yliopiston, 1975. 172 p.
- Hackman, 1916 — Hackman A. Forvarv till Statens Historiska Museum. II. Bronseldern. III. Jarneldern // Finskt Museum. 1916. № 23. P. 54–72.
- Halinen, 2005 — Halinen P. Prehistoric Hunters of Northern-most Lapland: Settlement Patterns and Subsistence Strategies. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2005 (Iskos; Vol. 14). 222 p.
- Halinen, 2016 — Halinen P. The Inland Sámi Societies of Northern Fennoscandia during the Late Iron Age and Early Medieval Period: An Archaeological Approach // New Sites, New Methods: Proceedings of the Finnish-Russian Archaeological Symposium (Helsinki, 19–21 November, 2014). Helsinki: The Antiquarian Society of Finland, 2016 (Iskos; Vol. 21). P. 160–174.
- Hällström, 1842 — Hällström G. G. Undersökning om ett i finska Lappmarken gjordt fynd af gamla vigter och mynt, m.m. // Acta Societatis Scientiarum Fennicae. Helsingfors: Ex Officina Typographica G. O. Wasenii, 1842. № 1. P. 731–740.
- Hansen, Olsen, 2014 — Hansen L. I., Olsen B. Hunters in Transition: An Outline of Early Sámi History. Leiden; Boston: Brill Academic Pub, 2013 (The Northern World; Vol. 63). 402 p.
- Hedman, 2003 — Hedman S.-D. Boplatser och offerplatser. Ekonomisk strategi och boplatzmonster bland skogssamer 700–1600 AD. Umeå: Umeå Universitet, 2003 (Studia Archaeologica Universitatis Umensis; Vol. 17). 256 p.
- Hedman, Olsen, 2009 — Hedman S.-D., Olsen B. Transition and order: a study of sámi rectangular hearths in Pasvik, Arctic Norway // Fennoscandia archaeologica. 2009. Vol. XXVI. P. 3–22.
- Hybrid Spaces..., 2011 — Hybrid Spaces: Medieval Finland and the Archaeology of Multi-Room Houses / Eds. B. Olsen, P. Urbańczyk, C. Amundsen. Oslo: Novus Press, 2011 (Institute for Comparative Research in Human Culture Series B Skrifter; Vol. 139). 413 p.
- Itkonen, 1914 — Itkonen T. I. Eräs kaivaus Venäjän-lapissa. Museovirasto. Kulttuuriympäristön tutkimusraportit [Электронный ресурс] // URL: https://www.kyppi.fi/palveluikkuna/raportti/read/asp/r_raportti_det.aspx?RAPORTTI_ID=146492 (дата обращения: 05.02.2022).
- Leem, 1767 — Leem K. Beskrivelse over Finnmarkens lapper, deres tungemaal, levemaade og forrige avgudsdyrkelse. Kiøbenhavn: trykt udi det Kongl. Wäysenhuses Bogtrykkerie af G. G. Salikath, 1767. 868 p.
- Manker, 1944 — Manker E. Lapsk kultur vid Stora Luleälvs källsjöar. Stockholm: Hugo Gebers Förlag, 1944 (Acta Lapponica; Vol. 4). 280 s.
- Mulk, 1994 — Mulk I.-M. Sirkas: ett samiskt fångstamhälle i förändring Kr. f. — 1600 e. Kr. Umeå: Umeå Universitet Arkeologiska institutionen, 1994 (Studia Archaeologica Universitatis Umensis; Vol. 6). 305 p.
- Murashkin, Kolpakov, 2018 — Murashkin A., Kolpakov E. Liva 1 — The First Medieval Sámi Site with Rectangular Hearths in Murmansk Oblast (Russia) // In Search of Hearths. A Book in Memory of Sven-Donald Hedman: Proceedings of the Seminar Dedicated to the Memory of Sven-Donald Hedman. University of Tromsø — The Arctic University of Norway, 4 March 2016. Helsinki: The Antiquarian Society of Finland, 2018 (Iskos; Vol. 22). P. 75–87.
- Nosov et al., 1992 — Nosov E. N., Ovsyannikov O. V., Potin V. M. The Arkhangelsk hoard // Fennoscandia archaeologica. 1992. № 9. P. 3–21.
- Odner, 1992 — Odner K. The Varanger Saami. Habitation and Economy AD 1200–1900. Oslo: Scandinavian University Press; Oxford: Oxford University Press, 1992. VII. 320 p.
- Serning, 1956 — Serning I. Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska lappmarkerna. Stockholm: Geber, 1956 (Acta lapponica; Vol. 11). 222 p.

- Spangen*, 2009 — *Spangen M.* Silver hoards in Sámi areas // Recent perspectives on Sámi archaeology in Fennoscandia and North-West Russia: Proceedings of the First International Conference on Sámi archaeology (Rovaniemi, 19–22 October 2006). Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2009 (Iskos; Vol. 17). P. 94–106.
- Spangen*, 2016 — *Spangen M.* Circling Concepts. A Critical Archaeological Analysis of the Notion of Stone Circles as Sami Offering Sites. Stockholm: Stockholm University, 2016 (Stockholm Studies in Archaeology; Vol. 70). 420 p.
- Spangen*, 2017 — *Spangen M.* Anomaly or myth? Sami circular offering sites in medieval northern Norway // Religion, cults & rituals in the medieval rural environment / Eds. C. Bis-Worch, C. Theune. Leiden: Sidestone Press, 2017 (Ruralia; Vol. XI). P. 39–51.
- Talvio*, 1985 — *Talvio T.* The coins of the Kuolajärvi (Salla) hoard // Fennoscandia archaeologica. 1985. № 2. P. 31–35.
- Talvio*, 2002 — *Talvio T.* Coins and coin finds in Finland AD 800–1200. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society, 2002 (Iskos; Vol. 12). 235 p.
- Tanner*, 1929 — *Tanner V.* Om Petsamonkustlapparnas sagner om forntida under jordiska boningar, s. k. jennam'vuolas'kuatt // Finskt museum 1928 (35). Helsingfors: K. F. Puromies Boktryckeri A.-B., 1929. P. 1–24.
- Vorren*, 1998 — *Vorren Ø.* Villreinfangst i Varanger fram til 1600–1700 årene. Tromsø: Nordkalott-Forlaget, 1998 (Tromsø Museums skrifter; Vol. 28). 278 p.
- Vorren, Manker*, 1953 — *Vorren Ø., Manker E.* Villreinfangst ved Gollevare. Samiske fangstanlegg for villrein. Tromsø: Tromsø museum, 1953. 58 p.
- Zachrisson*, 1976 — *Zachrisson I.* Lapps and Scandinavians. Archaeological Finds from Northern Sweden. Stockholm: KVHAA: Almqvist & Wiksell international, 1976 (Early Norrland; Vol. 10). 136 p.
- Zachrisson*, 1984 — *Zachrisson I.* De samiska metalldepåerna år 1000–1350 i ljuset av fyndet från Mörtträsket, Lappland. Umeå: University of Umeå, 1984 (Archaeology and environment; Vol. 3). VIII+133 p.

Studies of mediaeval and post-mediaeval antiquities on the Kola North: current status

A. I. Murashkin⁵

Keywords: Northern Fennoscandia, Murmansk Oblast, Middle Ages, Modern Period, settlement, burial, hoard, Sámi, Pomors.

The study of medieval antiquities in the Kola North begins with the discovery in 1839 of the Aatservainen hoard. As of March 2023, the Kola archaeological expedition database stores information on 192 archaeological sites containing objects or materials from the Middle Ages or Modern period in the Murmansk region. Nearly twenty of them have been excavated (Fig. 1).

Most of the sites are settlements with house remains. They were recorded on the sea coast (Dvorovaya 1, Nerpichya Guba 2, Ponoy, Jokonga) (Fig. 2; 3) but also known in the central part of the Kola Peninsula (Northern Salma 3) (Fig. 4). Depending on construction, two types of houses can be distinguished, the so called Dvorovaya and Jokanga. In addition, hearth row sites (Liva 1, Kintshemlukht 1, Gusiny 7) and one multi-room house site (Sovimvakhk) are known. Other categories of archaeological sites are rare. Among them are ground burials (Kuzomen 1 and 2), burial mounds or cairns (Gusiny 4, Mertvetsky 13, Eastern Litsa 3) (Fig. 5), hoards (Aatservainen, Varzuga mouth, Kuzomen), pitfall systems for reindeer trapping (Chevessuolo 1, Sergevan, Chervyanaya 5) (Fig. 6), “circular offering sites” built of stone (Kegor) (Fig. 7) and other constructions (for example labyrinths).

Cultural and chronological attribution of many of these objects is relative. Unexcavated house remains of the Early Iron Age, Middle Ages and Modern period differ slightly. One gets the impression that constructive features of houses have not changed for centuries. Supposedly, the houses of the Dvorovaya type were left by Pomors while those of the Jokanga type were built by Sámi. The hearth row sites also related with Sámi. Wide circulation of imported metal tools and ornaments in the Saami area allow us to correlate these sites with Novgorodian, Central European and North European chronological time-scales. These diagnostic artefacts and their associations not only determine the dates of the sites, but also reveal the directions of contacts, social relations and character of interaction of the different groups of medieval population in the Kola North.

⁵ Anton I. Murashkin — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: aimurash@yandex.ru.

С. Н. Быковский: от красного командира до заместителя председателя ГАИМК (новые материалы к биографии)¹

Е. Г. Застрожнова, И. Л. Тихонов, И. С. Тихомиров²

Аннотация. В статье на основе неизвестных ранее документальных и изобразительных источников из государственных и личных архивов реконструируется жизненный путь и научная деятельность историка Сергея Николаевича Быковского (1896–1936) — участника Гражданской войны, бывшего сотрудника ЧК. В 1930 г. он по приглашению Н. Я. Марра стал заместителем председателя Государственной академии истории материальной культуры и развернул активную борьбу с «буржуазной археологией» за внедрение марксизма в методологию этой науки. Приводятся анализ и оценка его деятельности в отечественной археологии.

Ключевые слова: С. Н. Быковский, ГАИМК, марксизм, 1930-е гг., репрессии, история археологической науки в СССР.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-292-210

Вплоть до настоящего времени в отечественной историографии отсутствует полная биография одного из представителей новой формации «историков-марксистов», призванных в «годы великого перелома» обновить кадровый состав Государственной академии истории материальной культуры — Сергея Николаевича Быковского. Ранее были изданы только краткие сведения о нем в «Антологии совет-

ской археологии» (Антология..., 1995. С. 162, 163), на информационном ресурсе «Биографика» СПбГУ (Амосова, Тихонов, 2023), в работах А. А. Формозова (Формозов, 2004. С. 54–57), И. Л. Тихонова (Тихонов, 2003. С. 158, 159), а также о его участии в Гражданской войне и деятельности в первые послереволюционные годы (Смерть прошла..., 1974. С. 268–270; Папулова, 2017. С. 47). Опубликованы некоторые документы из следственного дела С. Н. Быковского, хранящегося в архиве Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Панкратова, 2018. С. 127–133).

Ввиду того что С. Н. Быковский был репрессирован и расстрелян как «враг народа», архивных материалов для восстановления его биографии сохранилось немного. Практически все эти документы, благодаря архивной политике Главного управления НКВД, начиная с 1938 г. были разведены и хранились в нескольких архивах Санкт-Петербурга. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН находятся его личное дело, содержащее трудовой список, тезисы доклада «Невры Геродота и... норманны» и вариант автобиографии, датированный 24 апреля 1936 г. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4683. Л. 26–32).

¹ Е. Г. Застрожнова (Панкратова) работала при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 22-28-00063 «Трагедия Государственной академии истории материальной культуры: судьба учреждения и его сотрудников (1934–1936)». И. Л. Тихонов работал при поддержке гранта Санкт-Петербургского научного фонда и Российского научного фонда № 23-28-10296 «Санкт-Петербургский университет — центр подготовки элиты российского общества (1819–1917)».

² Застрожнова (Панкратова) Е. Г. — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН; ул. Киевская, 5, кор. 9, стр. 1, Санкт-Петербург, 196084, Россия; e-mail: pankratova0484@yandex.ru. Тихонов И. Л. — СПбГУ; Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199024, Россия; e-mail: I.Tikhonov@spbu.ru. Тихомиров И. С. — независимый исследователь; Санкт-Петербург, Россия; e-mail: tikhomirou@yandex.ru.

© Застрожнова Е. Г., Тихонов И. Л., Тихомиров И. С., 2023

Расширенный вариант этой же автобиографии, отличающийся некоторыми деталями, сохранился в личном деле С. Н. Быковского в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД, Р-1728. Оп. 1. Д. 835530/3. Л. 39–44об.). Этот документ представляется наиболее информативным для восстановления жизненного пути С. Н. Быковского. Можно упомянуть и о материалах в составе Центрального государственного архива Санкт-Петербурга — это документы из секретной части ГАИМК за 1929–1936 гг., при работе с которыми проясняются некоторые подробности о периоде работы С. Н. Быковского в ГАИМК (ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 8).

Особенно важно отметить тот факт, что из-за упомянутой ранее политики по засекречиванию архивных материалов «врагов народа» современные исследователи не располагали ни одной фотографией С. Н. Быковского. По этой причине было невозможно идентифицировать его на сохранившихся в архивах ИИМК РАН немногочисленных коллективных фотографиях 1930-х гг. В данной статье впервые публикуются фотографии С. Н. Быковского из семейного архива ближайших родственников С. Н. Быковского (семейный архив Быковских-Тихомировых — далее САБТ). Основной комплекс этих документов на момент написания статьи хранится у Б. А. Градовой (вдовы С. А. Тихомирова — племянника С. Н. Быковского) и частично у И. С. Тихомирова (внука С. А. Тихомирова), он сформировался в основном за счет слияния материалов, находившихся у двух сестер С. Н. Быковского — Н. Н. Быковской и Т. Н. Тихомировой, а также у его вдовы В. К. Сухотиной. Архив составляют фотографии, личные документы, письма, справки, черновики и несколько личных вещей, в том числе старинная записная книжка, в которую несколько поколений Быковских вписывали значимые события и даты в жизни семьи и близких родственников.

Сергей Николаевич Быковский родился 11 августа 1896 г. (рис. 1) в Москве в семье присяжного поверенного (адвоката), выпускника ярославского Демидовского юридического лица Николая Ивановича Быковского³. По линии отца

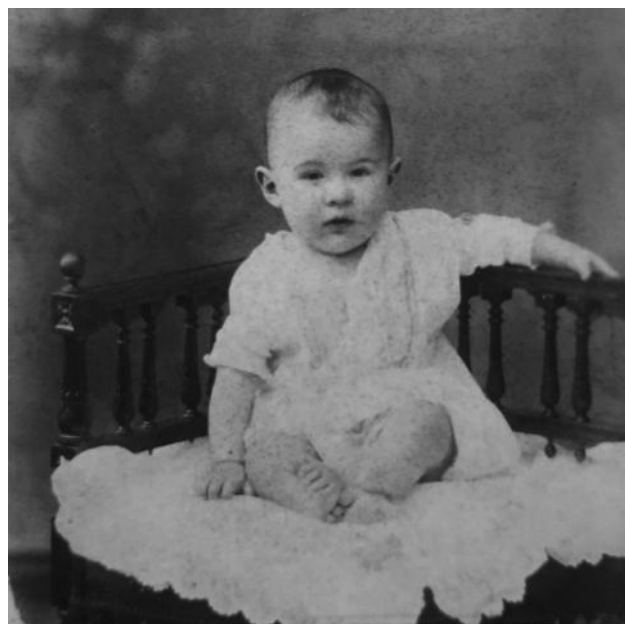

Рис. 1. С. Н. Быковский в младенчестве. 30 апреля 1897 г. (САБТ). Публикуется впервые

Fig. 1. S. N. Bykovskiy at a baby age. April 30, 1897 (САБТ). First publication

родственниками им приходились известный московский купец и благотворитель Ф. Я. Ермаков, домовладельцы Малюшины, предприниматели, меценаты и коллекционеры Бахрушины (Жизнь..., 1896. С. 775).

Мать, Елизавета Васильевна, была дочерью киевского купца Василия Михайловича Фоломина, владельца магазинов церковной утвари и ювелирных изделий, гласного городской думы и старосты церкви Николая Набережного на Подоле (Весь Киев..., 1899. С. 477; Ковалинский, 1998. С. 94). В семье кроме сына были две дочери — Нина и Татьяна. Первоначальное образование Сергей Быковский получил дома, под руководством братьев матери — Петра и Алексея. В 1915 г. окончил с золотой медалью 11-ю Московскую мужскую

на купеческой дочери и записался в 1830 г. сначала в богородское купечество, а позже был перечислен в Павлово-Посадское по III гильдии. К 1858 г. он стал купцом I гильдии, имел красильню, шелковую и бумажную фабрики, а с 1851 по 1860 г. был старостой местного Воскресенского собора. Дела Быковских, вероятно, пошли на спад после смерти Корнилия Ивановича и его братьев, в итоге фабрики были приобретены Лабзинными (производителями знаменитых павлово-посадских платков). Многие Быковские переехали в Москву, однако поддерживали связь с родственниками, оставшимися в Павловском Посаде, вплоть до революции (САБТ; Обыватели., 2016. С. 26).

³ Род Быковских происходит из экономических крестьян деревни Быкóвой Вохонской волости Богородского уезда Московской губернии (ныне это дер. Быкóво в 3 км от Павловского Посада, входит в Павлово-Посадский городской округ). Прадед Сергея Николаевича, Корнилий Иванович Быковский, женился

Рис. 2. С. Н. Быковский — учащийся старших классов 11-й Московской мужской гимназии [1915 г.] (САБТ). Публикуется впервые

Fig. 2. S. N. Bykovskiy — senior school pupil of the 11th Moscow male gymnasium [1915] (САБТ). First publication

гимназию (рис. 2) и поступил на физико-математический факультет Московского университета. В автобиографии С. Н. Быковский писал, что хотел изучать филологию, но отец был категорически против, желая видеть сына инженером. Тем не менее, будучи студентом, он занимался историей античной культуры и литературы и даже подготовил работу «Античный мир в творчестве Валерия Брюсова». Учиться в университете пришлось совсем недолго, поскольку со второго курса он был призван в армию и направлен в школу прапорщиков, по окончании которой попал в полк, расквартированный в Москве, где принял участие в некоторых событиях Февральской революции.

В конце апреля 1917 г. он был направлен младшим офицером в 39-й Сибирский полк, находящийся в Румынии, где продолжил революционную агитацию и был избран в полковой комитет. Вернувшись на Родину, первоначально поселился в Клину, вместе с переехавшими туда родителями, но летом 1918 г. порвал всякие связи с ними. Был

лектором-агитатором в местном отделе народного образования, вступил в партию большевиков, был членом уездного исполкома, секретарем уездного комитета РКП(б), редактором газеты «Совет рабочих и крестьян» (Панулова, 2017. С. 47).

В мае 1919 г. С. Н. Быковский был переведен в Москву и занял должность секретаря президиума губернского исполкома. Вскоре по собственной инициативе был назначен командиром отдельного батальона ВЧК при московской ГубЧК. В конце октября был мобилизован на Петроградский фронт, для борьбы против наступающих войск генерала Юденича. В ходе этих боев едва не попал в плен к белым, в части его посчитали убитым, о чем тут же сообщили в Москву. В газетах «Правда» и «Пролетарская диктатура» появились статьи, посвященные его памяти (Икан, 1919. С. 1). Получив эти известия, застрелилась его первая жена Е. Калугина, брак с которой состоялся всего за два месяца до отправки его на фронт.

На Польском фронте С. Н. Быковский состоял начальником Особого отдела дивизии и во время отступления, сопровождая более 300 арестованных, «на каждом небольшом привале во время движения разбирал дела и подписывал распоряжения о расстрелах шпионов и диверсантов» (ЦГАИПД. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 835530/3. Л. 41). Затем организовал особую тройку по борьбе с должностными преступлениями, которая арестовала нескольких ответственных советских работников, что вызвало поток жалоб на злоупотребления в Особый отдел Западного фронта. В итоге сам С. Н. Быковский был вызван в Смоленск и арестован по обвинению в дискредитации советских работников. После нескольких дней заключения все закончилось выговором от Реввоентрибунала.

На период работы С. Н. Быковского в Особом отделе Западного фронта пришлось тяжелое событие в его семье, на которое он оказал самое прямое влияние. После 1918 г., оборвав все связи с семьей, он поддерживал отношения лишь со своей младшей сестрой Татьяной (в замужестве — Тихомировой). По его свидетельству, она «также порвала связи с родителями» и «перешла в 1920 г. на работу в Москву, к В. И. Ленину, в качестве одного из секретарей»⁴. От нее С. Н. Быковский узнал об аресте отца «за причастие к Савинковскому заговору». Родственники обратились к ней, чтобы добиться освобождения отца, однако она написала

⁴ Из документов семейного архива следует, что она была в то время телефонисткой коммутатора Совнаркома.

С. Н. Быковскому «в пользу осуждения отца»⁵. Сам же Быковский отправил письмо в Киевскую чрезвычайную комиссию и попросил пересмотреть приговор в сторону усиления, высказываясь за расстрел. Киевская ЧК пересмотрела приговор, и расстрел состоялся. «К сожалению, — писал С. Н. Быковский, — о моем участии в этом пересмотре приговора, каким-то способом узнала моя мать, Елизавета Васильевна Быковская, старшая сестра Нина Николаевна и материнская родня». Это привело к полному разрыву отношений с ними.

Здесь необходимо продолжить это отступление от хронологической канвы биографии С. Н. Быковского, потому что ходатайствовать о расстреле собственного отца было необычным явлением даже для чекиста времен Гражданской войны! Некоторые строчки в автобиографии могут пролить свет на мотивы такого поступка. С. Н. Быковский упоминает о «деспотичном режиме отца», «побоях», постоянных упреках со стороны отца (ЦГАИПД. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 835530/3. Л. 39об.). Выше уже упоминалось, что отец запретил ему получать историко-филологическое образование. Судя по всему, он недолюбливал отца и тяготился своим непролетарским происхождением. О последнем, в частности, свидетельствуют строчки автобиографии, в которых автор объясняет появление у него революционных настроений и вспоминает о негативном отношении к себе как «классово чуждому элементу» со стороны некоторых товарищей по Клинской парторганизации (*Там же*. Л. 40, 40об.). Уместно будет упомянуть, что Н. И. Быковский владел имением в окрестностях Клина, которое использовалось в качестве дачи для семьи.

О некоторой неуравновешенности характера и психики молодого большевика могут говорить и фрагменты, в которых описывается полная депрессия во время трехдневного ареста в Смоленске и мысли о суициде после гибели жены. Об этом же свидетельствует и недолгая работа в органах ЧК в Москве в 1921 г., когда после нескольких недель у него «начало развиваться чувство

⁵ Сведения о таком участии сестры Татьяны в деле отца, приведенные С. Н. Быковским, могут быть недоверенными, поскольку в семейном архиве Тихомировых сохранились фотографии, на которых вместе запечатлены в пожилом возрасте Елизавета Васильевна, Нина и Татьяна. Это явно противоречит сообщению С. Н. Быковского о том, что Татьяна «также порвала связи с родителями».

Рис. 3. С. Н. Быковский. Середина 1920-х гг. (САБТ). (опубликовано в книге: Герои..., 1974. С. 270)

Fig. 3. S. N. Bykovskiy. Mid-1920s (САБТ). (published in the book: Герои..., 1974. С. 270)

подозрения и недоверия даже к ответственным работникам ВЧК». Нередкая ситуация, когда выходцу из интеллигентских кругов, оказавшемуся в самом эпицентре революционной классовой борьбы, приходилось постоянно доказывать свою приверженность коммунистической идеологии и, как многим неофитам, быть «святей римского папы».

В конце 1921 г. С. Н. Быковский вновь на партийной работе в Клину (рис. 3), являясь членом уездного комитета РКП(б). Однако у него не сложились отношения с рядом товарищей, включая руководителя комитета, и в 1923 г. его переводят в Орехово-Зуево, где наряду с деятельностью партийного пропагандиста он вел преподавательскую работу по обществоведению в школе второй ступени, на рабфаке и семинарах школьных работников. В это время он попал под влияние оппозиционной группы «демократического

централизма», возглавляемой членом ЦК РКП(б) Т. В. Сапроновым. После осуждения этой оппозиции руководящими органами партии его вызвали в Центральную контрольную комиссию, но никакого взыскания тогда не наложили.

В начале осени 1925 г. С. Н. Быковского направили по его просьбе преподавателем общественных наук в Вятский педагогический институт. В 1927 г. он был утвержден доцентом по русской истории и истории культуры и занимал эту должность до мая 1930 г. Вел курсы по историческому материализму, диалектическому материализму, истории первобытной культуры и истории крепостничества в России; выступал с докладами и лекциями по путевкам райкома и губкома партии, активно участвовал в разоблачении зиновьевцев в своем институте.

С 1925 г. в Трудах института стали появляться его публикации о феодализме на Руси и даже в Древней Греции, о классово-роли церкви в Московском государстве XVI–XVII вв., о постановке антирелигиозной работы. В 1928 г. отдельным изданием вышла книжка «К вопросу о трех древнейших центрах Руси» (72 с.), основанная на развитии антинорманистской теории украинского историка В. А. Пархоменко о южном происхождении Руси. В ней С. Н. Быковский демонстрировал хорошее знание позднеантичных и арабских источников, отечественной историографической традиции по данному вопросу. Любопытно, что в работе ни слова не было о марксизме или о критике «буржуазных ученых». Представители старой школы — академики филолог А. А. Шахматов и историк С. Ф. Платонов — для автора серьезнейшие исследователи, полемика с которыми ведется в сдержанном академическом стиле. С. Ф. Платонов именуется «тонким исследователем источника» (Быковский, 1928. С. 26). Однако уже в предисловии С. Н. Быковский утверждал, что подтверждение своим взглядам нашел в работах языковедов-яфетидологов и особенно в трудах «самого основателя этой замечательной теории — Н. Я. Марра» (Там же. С. 4).

Приверженность взглядам Марра он продемонстрировал и в рецензии на книгу М. И. Ростовцева «Скифия и Боспор», которая уже именуется «типичным образчиком буржуазной учености». Написана она была по следам выступления Н. Я. Марра — «академика-общественника», как его именовала советская пресса тех лет, на Всесоюзной конференции историков-марксистов в декабре 1928 г. С. Н. Быковский присутствовал на этой конференции и принял участие

в прениях по докладу, заявив, что «яфетидология — это марксизм в лингвистике» (Всесоюзная конференция..., 1929. С. 259). Здесь, вероятно, и состоялось знакомство С. Н. Быковского с Н. Я. Марром, которое сыграло значительную роль в его дальнейшем стремительном взлете от доцента Вятского пединститута до заместителя председателя головного археологического учреждения СССР. Примечательно, что в вышеупомянутой рецензии С. Н. Быковский заявлял, что будет анализировать только первую часть труда М. И. Ростовцева, посвященную анализу письменных источников, «так как вторая выходит за пределы моей специализации историка по преимуществу и подлежит компетенции специалиста археолога» (Быковский, 1929. С. 180). Впрочем, это не помешало ему менее чем через пару лет учить археологов, как надо работать.

В октябре 1929 г. С. Н. Быковский участвовал в заседаниях Первого международного съезда славистов в Праге. Он вошел в состав советской делегации от РСФСР вместе с академиком Н. С. Державиным и членом-корреспондентом АН СССР Н. М. Каринским. О том, как там оказался преподаватель провинциального вуза, красноречиво свидетельствуют строки письма слависта Г. А. Ильинского академику-лингвисту Б. М. Ляпунову: «Теперь окончательно выясняется: состав советской делегации в Прагу был назначен Марром. Только этим можно объяснить, почему в ее состав попал никому не известный Быковский из Перми:⁶ он читал в Праге доклад о происхождении славян от яфетидов!!» (Робинсон, 2013. С. 81). В скором времени основные положения этого доклада были развернуты в монографическую работу «Яфетический предок восточных славян — киммерийцы», опубликованную в 1931 г. в «Известиях ГАИМК» (Быковский, 1931а).

Таким образом, становится понятно, что С. Н. Быковского пригласил в ГАИМК сам председатель академии — Н. Я. Марр, который активно искал сторонников своего «нового учения о языке», особенно среди историков-марксистов с партийным билетом. Впрочем, об этом же писал в автобиографии и сам С. Н. Быковский: «В начале 1930 г. акад. Н. Я. Марр пригласил меня работать в Ленинград. Я испросил согласие губкома, и в июне мес. 1930 г. переехал в Ленинград, где первоначально работал в ИПИН'е Академии

⁶ Г. А. Ильинский ошибся. В отчете руководителя делегации П. Н. Сакулина правильно указано, что С. Н. Быковский из Вятки (Робинсон, 2013. С. 81).

наук, в ЛИФЛИ и в ГАИМКе. Вскоре обстоятельства сложились так, что основным местом моей работы стала ГАИМК. Из ИПИН'а я ушел, убедившись в невозможности совместной работы с Маториным» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 835530/3. Л. 43).

Согласно записям в сохранившемся трудовом списке С. Н. Быковского, 17 мая 1930 г. он был назначен научным сотрудником I разряда и исполняющим обязанности заведующего разрядом русской материальной культуры ГАИМК (полгода назад этот разряд возглавлял А. А. Спицын). В июле С. Н. Быковский уже становится временно исполняющим обязанности заместителя председателя академии с освобождением от должности и. о. заведующего разрядом. Запись от 19 сентября гласила, что он стал еще и ученым секретарем ГАИМК (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4683. Л. 17). Таким образом, С. Н. Быковский, не имевший никакой археологической подготовки и никогда не занимавшийся археологией, наряду с Ф. В. Кипарисовым (о нем см.: *Панкратова*, 2020б), приглашенным Н. Я. Марром на должность заместителя еще в 1929 г., стал одним из руководителей Академии истории материальной культуры. Причем в отличие от Ф. В. Кипарисова, получившего еще в дореволюционное время основательную подготовку на кафедре классической филологии Санкт-Петербургского университета, С. Н. Быковский в области гуманитарных наук был автодидактом, не прошедшим серьезной школы работы с источниками, и по сути дела дилетантом, вообще не имеющим законченного высшего образования.

Все это стало возможным в результате «нового курса» ГАИМК, к которому ее подвинул сам председатель Н. Я. Марр, чутко уловивший новые требования времени «великого перелома» и опасавшийся, что в противном случае Академию могут просто закрыть, как закрыли археологические научные общества. Вскоре он докладывал в Наркомпрос: «Взамен уволенных сотрудников были приглашены новые с марксистскими установками. Академией были приняты и другие меры, выразившиеся в перестройке организационных форм работы Академии, в создании Методологического бюро и приглашении целого ряда новых сотрудников с марксистскими установками, в частности членов ВКП(б). Все эти мероприятия были в основном закончены своим осуществлением лишь в декабре 1930 г.» (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 28. Д. 19. Л. 2).

Н. Я. Марр в начале 1930-х гг. имел множество административных и общественных постов

и все больше отходил от реального руководства ГАИМК. В этих условиях его заместители становились фактическими руководителями академии. Функции их оказались различными, если Ф. В. Кипарисов осуществлял общее административное управление, то С. Н. Быковский сразу стал претендовать на роль основного идеолога, курирующего всю научную деятельность академии. «Под моим влиянием Н. Я. Марр подписал ряд приказов о снятии с работы чужих и враждебных нам людей. Под моим влиянием привлекались новые работники. Под моим руководством шло разоблачение буржуазных концепций в археологии и этнографии», — с гордостью писал С. Н. Быковский в своей автобиографии (ЦГАИПД. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 835530/3. Л. 43об.).

С 1931 г. под его редакцией начал выходить ежемесячный журнал «Сообщения ГАИМК» (в конце года номера стали сдвоенными). Первый номер открывался кратким вступлением «От редакции», где С. Н. Быковский заявлял, что журнал должен стать «боевым органом марксистской мысли в области строящейся марксистской истории материальной культуры» и развернуть борьбу с формалистическим вещеведением. Более развернуто новые методологические принципы раскрывались во втором номере, в передовице под названием «Целевая установка и новые задачи ГАИМК», написанной также С. Н. Быковским. Основными задачами истории материальной культуры объявлялось изучение «материального базиса» общества всех эпох вплоть до современности на основе яфетидологического подхода.

В последующих номерах появилась серия его статей с характерными названиями: «Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями» (*Быковский*, 1931в), «О классовых корнях старой археологии» (*Быковский*, 1931г), «Против правого оппортунизма в науке» (*Быковский*, 1932а), «О предмете истории материальной культуры и судьбе археологии» (*Быковский*, 1932б). В них ставилась под сомнение необходимость существования археологии и даже истории материальной культуры в качестве самостоятельных дисциплин. Отрицая специфику вещественных источников и методов работы с ними, С. Н. Быковский предлагал проводить классификацию источников не по их характеру, а по принадлежности к определенной общественно-экономической формации. «Как целый и единый комплекс археология обрекается на уничтожение», — утверждал С. Н. Быковский (*Там же*. С. 5). Этим его взгляды на археологию отличались

от значительно более взвешенной позиции коллеги по партии и руководству ГАИМК Ф. В. Кипарисова, признавшего за археологией статус самостоятельной вспомогательной исторической дисциплины, изучающей особый вид источников, и предлагавшего не смешивать понятия истории материальной культуры и археологии. При обсуждении доклада Ф. В. Кипарисова о предмете и методе археологии С. Н. Быковский заявлял: «Я считаю, что лозунг, который выдвинул Кипарисов относительно вспомогательной науки, — вредный лозунг. Вредный потому, что открывает двери археологам, заинтересованным заниматься только вещественным материалом» (цит. по: *Кисилев*, 2021. С. 64).

В передовице первого номера журнала за 1932 г., занимающей немногим более двух страниц, имя «товарища Сталина» оказалось упомянуто не менее десяти раз. По своей стилистике подобные тексты скорее относились к образцам партийной пропаганды, чем к научным работам. Соответствующим был и их тон: «для тех, кто марксистски мыслить не может и воспринимает критику в качестве личной обиды и личных выпадов... должны быть применены методы более сильные, чем разъяснение и убеждение», — призывал С. Н. Быковский (*Быковский*, 1931в. С. 21).

На состоявшемся в мае 1932 г. Всероссийском археолого-этнографическом совещании С. Н. Быковский делал один из двух основных докладов, и в итоге была принята резолюция: «С точки зрения марксистско-ленинского принципа классификации наук, археология не может иметь самостоятельного предмета изучения... существование археологии в качестве самостоятельной науки не совместимо с марксистско-ленинской методологией» (Резолюции..., 1932. С. 90). Совершенно справедливо было уже замечено, что проблемы подлинного применения марксистской методологии к конкретным исследованиям в области археологии и этнографии на совещании вообще не рассматривались, вместо этого обсуждались только общеметодологические вопросы, предполагавшие абстрактное социологизирование вне профессиональной тематики (*Соловей*, 2018. С. 175). О подобных «марксистских методологах» очень точно выразилась филолог-классик О. М. Фрейденберг: «Они со спокойной совестью поучали ученых и были искренне убеждены, что для правильной систематизации знаний („методологии“) не нужны сами знания» (Переписка..., 1990. С. 121).

Как надо работать по «марксистско-ленински», С. Н. Быковский учил не только археологов,

но и этнографов. Под его редакцией в 1932 г. был издан сборник «Этнография на службе у классового врага», открывавшийся его же статьей «Этнография на службе у международного империализма». Этой же теме посвящалась его статья в журнале «Советская этнография». В этих публикациях он громил видных представителей школы палеоэтнологов — С. И. Руденко и Д. А. Золотарева, уже арестованных ОГПУ: «Руденковщина — реальный факт, отмечаемый не новизной и оригинальностью методов этнографического исследования, а последовательным и сознательным их применением в интересах классового врага» (*Быковский*, 1931д. С. 13).

Впрочем, С. Н. Быковский разоблачал врагов не только в своих печатных работах. В конце 1932 г. секретным отделом ОГПУ для высшего руководства СССР был составлен большой обзор «антисоветской деятельности и группировок среди научной интеллигенции» («Совершенно секретно»..., 2017. С. 442–525). Автором раздела, посвященного этнографам и археологам (*Там же*. С. 510–525), без сомнения, был С. Н. Быковский. На это указывает тот факт, что подготовить этот текст, с большим знанием дела описывающий даже взаимоотношения сотрудников внутри ГАИМК, мог только работающий там человек. Автор этого раздела, оставшийся анонимным, неоднократно ссылается на публикации С. Н. Быковского, не называя его (то есть своей) фамилии, в то время как приводятся фамилии других авторов статей, опубликованных в сборниках, выходящих под редакцией С. Н. Быковского, в частности А. Н. Бернштама, М. Г. Худякова. В одном случае он прямо пишет, что Б. Л. Богаевским было выполнено задание написать статью «Японская археология на службе империализма» (*Там же*. С. 524). А кто, кроме С. Н. Быковского, мог дать такое задание Б. Л. Богаевскому? Ну и, наконец, имеющаяся в записке фраза «Политическое значение соответствующих искривлений подробнее охарактеризовано мною в предисловии к работе А. Бернштама и Е. Кричевского к вопросу о закономерности в развитии первобытно-коммунистической формации» (*Там же*. С. 518) окончательно выдает авторство С. Н. Быковского, поскольку это предисловие было написано именно им (*Бернштам, Кричевский*, 1932. С. 1–19).

В этом обзоре приводилась характеристика большой группы ленинградских и московских археологов, прежде всего сотрудников ГАИМК (А. А. Спицына, В. А. Городцова, П. П. Ефименко, А. А. Миллера и многих других), с точки зрения

приверженности их марксизму и использованию марксистской методологии. Все это свидетельствовало о том, что бывший чекист С. Н. Быковский связями с органами не прерывал и официально продолжал состоять на учете запаса ОГПУ, а в сентябре 1931 г. даже призывался туда на учебные сборы (Тихонов, 2003. С. 159).

В 1931 г. С. Н. Быковский выпустил две отдельные книги. Первая из них — «Яфетический предок восточных славян — киммерийцы» (Быковский, 1931а) — доводила до крайности идеи Н. Я. Марра об универсальных социально-экономических стадиях, которым якобы соответствовали определенные языковые системы, скачкообразно меняющиеся со сменой стадий. Исходя из этих положений предпринималась попытка доказать абсурдную идею о том, что киммерийцы, скифы, славяне и другие народы, обитавшие в Северном Причерноморье, были не разными этническими общностями, а стадиями развития одного и того же населения. При этом автор и не думал скрывать своей политической тенденциозности, а наоборот, всячески ее подчеркивая, стремился доказывать якобы тенденциозность «буржуазных авторов» (Шнирельман, 1993. С. 55–57).

Вторая книга — «Методика исторического исследования» (Быковский, 1931б) — была скорее учебным пособием и, вероятно, в основном была задумана и написана еще в период работы в Вятском пединституте. Эта работа содержала немало вполне разумных сентенций, с которыми трудно не согласиться и сейчас, например, о важности источниковедческой базы: «никаких прочных выводов нельзя строить на ненадежном материале, доброкачественность которого находится под сомнением» (Там же. С. 65). В его понимании историческим источником мог быть любой «памятник прошлой жизни, отражающий тот или иной исторический факт, событие, явление или деталь исторического факта, события, явления».

Выделив в отдельную категорию вещественные памятники, С. Н. Быковский сразу заявил, что «в настоящей работе приемы исследования этой группы источников специально рассматриваться не будут». Тем не менее далее последовало безапелляционное утверждение о том, что поскольку ранее археологи не учитывали характера социально-экономических отношений, то «датировки памятников, отнесение к той или иной народности и сама интерпретация прежними археологами не только вызывают сомнения, но в подавляющем большинстве случаев совершенно неприемлемы. Историкам материальной культуры еще предстоит переоценка

прежнего археологического наследия и предстоит разработка системы приемов изучения вещественных памятников в марксистской установке» (Там же. С. 42). С его точки зрения единственной правильной методологией исторической науки мог быть только исторический материализм, а основным гарантом правильности научных выводов для С. Н. Быковского выступало понятие пролетарского интереса, совпадающего, по его словам, со стремлением к объективной истине.

В классификацию видов исторических источников, в сущности, С. Н. Быковский ничего нового не вносил, и несмотря на резкие высказывания в адрес «буржуазных историков», например, А. С. Лаппо-Данилевского, в рассуждениях о системе исторической критики в основном следовал за ними. Основное внимание в книге уделялось вопросам технической методики исторического исследования, то есть рассмотрению приемов работы преимущественно с источниками древней русской истории. Автор выдвигал принципы аналитической и синтетической критики источников, отрицая традиционную внешнюю и внутреннюю критику источников. Однако, считая, что объектом синтетической критики выступают «целые группы исторических источников», он не выводил ее задачи за пределы определения достоверности фактов путем «сопоставления самих фактов, сообщаемых различными источниками», и не ставил задачи получения совокупности фактов. Любопытно заметить, что в этой книге он относил археологию к разряду вспомогательных исторических дисциплин. В целом в книге С. Н. Быковского в разделах, посвященных работе с письменными источниками, содержалось более-менее добротное описание основных приемов этой работы. Вероятно, это позволяет некоторым современным специалистам в области источниковедения отечественной истории полагать, что этот труд С. Н. Быковского не потерял своего научного и практического значения до настоящего времени (Корников, 1995. С. 25).

В составленном в мае 1932 г. списке своих трудов С. Н. Быковский указал в качестве подготовленных рукописей еще три большие работы по отечественной истории: «Старообрядчество и классовая борьба» (300 с.), «Начало русского исторического процесса» (250 с.) и «Исторические предпосылки националистической реакции Западно-европейскому влиянию в Древней Руси» (160 с.) (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 835530/3. Л. 4). При его жизни они опубликованы не были, а после гибели их следы затерялись.

С. Н. Быковский, будучи в немалой степени амбициозным человеком, явно претендовал на роль основного теоретика не только ГАИМК, но и всей новой пролетарской науки о древностях, выступая ярким борцом с «буржуазной археологией и этнографией». Причем в этой борьбе преобладали не позитивные попытки адаптировать марксизм к этим наукам, а оголтелая критика реальных, а чаще мнимых «антимарксистских» взглядов. Такая позиция оказывалась беспроигрышной, поскольку, чтобы прослыть ревнителем марксистской чистоты, достаточно было беспощадно критиковать реальных и мнимых антимарксистов и «уклонистов», сопровождая это обвинениями в их политической неблагонадежности (Соловей, 2018. С. 171).

Однако в 1932 г. у С. Н. Быковского появился в ГАИМК серьезный конкурент в лице не менее амбициозного ученого секретаря Общества историков-марксистов, члена Коммунистической академии А. Г. Пригожина, ставшего еще одним заместителем председателя Академии (Панкратова, 2020а. С. 376–384). В скором времени у них начались конфликты и по административной, и по партийной линии. На одном из заседаний С. Н. Быковский заявил: «Пригожин обвиняет меня в лодырничестве и называл сплетником, психологически я не могу с ним работать» (ЦГАИПД. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 475917. Л. 14). Причем если в начале Ф. В. Кипарисов и А. Г. Пригожин вместе выступали против С. Н. Быковского, то впоследствии А. Г. Пригожин стал резко выступать и против Ф. В. Кипарисова, заявляя: «Я считаю, что тов. Кипарисов не способен организовать ни научной, ни политической работы Академии, он банкрот» (ЦГАИПД. Ф. Р-1471. Оп. 1. Д. 22. Л. 35, 36). В итоге конфликт дошел до городского комитета партии, и все трое получили выговоры, в том числе и за участие в этой склоке. Недоброжелателем С. Н. Быковского выступал и историк-марксист М. М. Цвибак, возглавлявший с 1930 г. сектор феодальных формаций. Склоки и дразги, прежде всего на почве личных отношений, постоянно присутствовали в партийной организации ГАИМК (см.: Тихонов, 2022. С. 342–344).

К началу февраля 1934 г. С. Н. Быковского фактически удалили с должности заместителя председателя, отвечающего за научную и редакционную работу, которую занял А. Г. Пригожин (Панкратова, 2020б. С. 378). Сам С. Н. Быковский об этом писал: «Через партийную организацию ГАИМКа было проведено постановление о сокращении числа заместителей председателя, и

таким образом я был устранен, с сохранением, однако, всех прежних нагрузок и с добавлением новых по административной линии, но без всяких прав зам. председателя». Также он утверждал, что не хотел покидать ГАИМК, поскольку «привык к коллективу работников и мне жалко было бросать учреждение, которое было построено в значительной мере моими усилиями» (ЦГАИПД. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 835530/3. Л. 43об.).

В итоге С. Н. Быковский подал заявление об уходе, и 3 февраля оно было подписано Н. Я. Марром. Причем Н. Я. Марр не просто наложил резолюцию, а выразил недоумение добровольной отставкой одного «из ведущих активнейших деятелей ГАИМК», которому она обязана успехами, «гарантирующими новый скачок на высшую ступень уже в линии ленинско-сталинских начал» (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4683. Л. 17).

Несмотря на уход из ГАИМК, С. Н. Быковский еще несколько месяцев продолжал числиться членом партийной организации Академии, которая устроила судилище над ним. Были предъявлены обвинения в отходе от активной работы, срыве занятий с аспирантами и главным образом в том, что он покинул ГАИМК без ведома и санкции парткома. На заседании 21 марта М. М. Цвибак заявил: «Его поведение профессора, а не большевика» (ЦГАИПД. Ф. Р-1471. Оп. 1. Д. 22. Л. 21об.; Тихонов, 2022. С. 343).

Основным местом работы С. Н. Быковского стал Институт антропологии и этнографии АН СССР, куда он был принят на должность старшего ученого специалиста, а с ноября 1934 г. возглавил в нем археологическую секцию. Этот институт был создан годом ранее на базе академического Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) в Ленинграде под руководством Н. М. Маторина, с которым С. Н. Быковский был хорошо знаком по совместной борьбе с «буржуазной наукой». Они оба были главными действующими лицами на Всероссийском археолого-этнографическом совещании 1932 г. К началу 1934 г. Н. М. Маторин был освобожден от должности директора института, который возглавили беспартийный академик И. И. Мещанинов и партийный работник, заместитель председателя комитета по подготовке кадров АН СССР философ А. А. Бусыгин.

Археология была представлена в собраниях и деятельности МАЭ изначально, а в начале 1935 г. появилась и в новом названии — Институт антропологии, археологии этнографии АН СССР (Тихонов, 2011. С. 539). По иронии судьбы С. Н. Быковскому после его отрицания права археологии

Рис. 4. С. Н. Быковский и В. К. Сухотина на раскопках стоянки Вознесенье, 1934 г. (Музей истории СПбГУ. Фонд В. И. Равдоникаса). Публикуется впервые

Fig. 4. S. N. Bykovskiy and V. K. Sukhotina at the excavation of the Voznesenye site, 1934 (Museum of the History of St. Petersburg State University. Collection of V. I. Ravdonikas). First publication

на существование как отдельной дисциплины довелось возглавить археологический отдел этого института. Печататься в изданиях ГАИМК он прекратил, и теперь его публикации стали выходить в изданиях этого института. В журнале «Советская этнография», где С. Н. Быковский стал заместителем ответственного редактора, появились статьи «Доклассовое общество как социально-экономическая формация» (Быковский, 1934а), «К вопросу об одомашнении животных» (Быковский, 1934б), «Ф. Энгельс и проблема периодизации истории доклассового общества» (Быковский, 1934в). В третьем номере журнала за 1935 г. были напечатаны его рецензии на очерк В. И. Равдоникаса о первобытно-коммунистическом обществе (Быковский, 1935а) и на книгу П. П. Ефименко «Дородовое общество» (Быковский, 1935б). В последней острой критике подвергалось «сохранение автором археологической терминологии» и то обстоятельство, что автор «не преодолел до конца типологического метода и эволюционизма в духе Г. де Моргилье». В 1935 г. отдельным изданием в Трудах института вышла книга

С. Н. Быковского «Ленин и основные проблемы истории доклассового общества» (Быковский, 1935в). Хроника деятельности археологической секции института за 1935 г. сообщала, что он готовил работу по истории возникновения скотоводства и участвовал в исследовании неолитической стоянки у истоков р. Свири (Лев, 1936. С. 144–146). В Музее истории СПбГУ в фонде В. И. Равдоникаса сохранилась фотография, запечатлевшая С. Н. Быковского и В. К. Сухотину во время раскопок стоянки Вознесенье в 1934 г. (рис. 4)⁷. Она была передана в музей в 1990-е гг. среди других материалов Ф. В. Равдоникасом — сыном ученого.

Во время работы в МАЭ С. Н. Быковский сумел наладить хорошие отношения с В. А. Городцовым, которого ранее критиковал как одного

⁷ Эта же фотография и ее негативы были внесены в 1938 г. в Акт о передаче отобранных в ИИМК фотографий «врагов народа», передаваемых в секретную часть АН СССР, откуда они уже не вернулись и считаются утраченными (Медведева, Застрожнова, 2022).

из самых видных представителей буржуазной археологии в СССР. В. А. Городцов, изгнанный из московских учреждений, в 1933 г. нашел пристанище в Институте антропологии и этнографии, где бывал короткими наездами из Москвы. Во всяком случае в своих письмах сотруднику археологического отдела Д. Н. Льву, ставшему его доверенным лицом в Ленинграде, В. А. Городцов постоянно передавал приветы С. Н. Быковскому (*Кузьминых, Белозерова, 2014. С. 252, 253, 258, 259*). Из дневников пожилого ученого мы не без удивления можем узнать, что С. Н. Быковский, которого он довольно неожиданно стал причислять к «своим», в 1935 г. являлся сотрудником Кубанской экспедиции В. А. Городцова, ведущей исследование Елизаветинского городища и могильника. 18 ноября этого же года датирована запись: «Был у меня С. Н. Быковский. Просидели с ним с 8 до 11 часов. Хороший он собеседник. Он сообщил мне много интересного» (*Городцов, 2015. С. 645, 676*). Не лишним будет заметить, что в предшествующие годы отзывы о С. Н. Быковском как о деятеле ГАИМК, разрушающем археологию, были совсем не лестными (*Там же. С. 338, 339*). В одном из писем другому коллеге В. А. Городцов сообщал, что С. Н. Быковский играл едва ли не ведущую роль в подготовке первого сборника под названием «Советская археология», который с 1936 г. стал издаваться в Институте антропологии, археологии и этнографии. Характер этого издания разительно отличался от журнала ГАИМК начала 1930-х гг., поскольку ориентировался на публикацию «сведений о всех неизданных археологических находках и издание оригинальных археологических исследовательских работ» (*Иванова, 2011. С. 164*). О том, что он является заместителем ответственного редактора «Советской археологии», упоминал в автобиографии и сам С. Н. Быковский (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4683. Л. 31). Опять ирония судьбы — бывший гонитель археологии оказался у начала реабилитации традиционного названия дисциплины. Однако первый номер нового издания был подписан в печать уже после его ареста, и имя его там, естественно, не упоминалось.

Н. И. Платонова полагает, что С. Н. Быковский постарался привлечь к себе одного из старейших российских археологов, чтобы использовать его знания для разработки марксистской истории первобытного общества и в то же время самому у него подучиться (*Платонова, 2017. С. 382*).

Нам же представляется, что этих двух столь разных людей объединили неприязнь и дух

соперничества по отношению к ГАИМК, которые были свойственны В. А. Городцову изначально, а у С. Н. Быковского появились после вынужденного ухода оттуда. В том же 1935 г. он утверждал, что Академия истории материальной культуры «едва ли является в настоящий момент высшим археологическим учреждением СССР», и всячески интриговал против ее руководства и сотрудников. Например, пытался опубликовать в журнале «Советская этнография» им же и инспирированную критическую рецензию В. Т. Илларионова на работу П. П. Ефименко «Дородовое общество» (*Иванова, 2011. С. 162*). В обход ГАИМК в мае 1935 г. С. Н. Быковскому постановлением Президиума АН СССР была присуждена степень доктора истории без защиты диссертации.

С 1930 г. С. Н. Быковский начал преподавать в Ленинградском историко-лингвистическом институте, который потом стал называться Ленинградский институт философии, лингвистики и истории. В 1933 г. он получил пост заведующего кафедрой истории материальной культуры Восточной Европы эпохи раннего феодализма, а с 1934 г. — кафедрой истории доклассового общества, читал лекции по курсу «Методология и источниковедение доклассового общества» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 328. Оп. 1. Д. 30. Л. 192). Обладая немалыми способностями администратора и организатора, к следующему году ему удалось собрать представительный научный состав кафедры, сотрудниками которой стали М. И. Артамонов, П. Н. Третьяков, М. Г. Худяков, П. И. Борисковский, Г. И. Петров, Е. Ю. Кричевский. После кризиса с преподаванием археологии начала 1930-х гг. происходило постепенное восстановление нормальной учебной работы: стали проводиться лекции и семинары по отдельным хронологическим периодам и разделам археологии, в учебные планы были включены полевые практики и практики по камеральной обработке археологического материала. Летом 1935 г. среди специализаций при приеме на исторический факультет фигурировала история доклассового общества, и даже предполагалось открытие цикла по этой специальности. После создания исторического факультета в ЛГУ с 8 октября 1935 г. он числился и там профессором древней истории. Однако соединение двух исторических факультетов в университете произошло осенью 1936 г. уже после ареста С. Н. Быковского (ЦГАЛИ СПб. Ф. 328. Оп. 1. Д. 17. Л. 13–18; *Тихонов, 2003. С. 159, 160, 282–284; 2020. С. 154*).

Тучи над ленинградскими партийцами стали сгущаться уже после убийства С. М. Кирова

1 декабря 1934 г. В ЛИФЛИ были арестованы более 20 преподавателей и аспирантов, якобы принадлежащих к «троцкистско-зиновьевскому блоку». Всего в течение 1935 г. в партийной организации института 35 человек были исключены из партии как контрреволюционеры, троцкисты-зиновьевцы и другие чуждые партии элементы (ЦГАИПД. Ф. 5063. Оп. 1. Д. 7. Л. 8; Тихонов, 2021б). В марте 1935 г. бывший директор Института исторической технологии и секретарь комсомольской организации ГАИМК В. Ф. Зыбковец-Атрощенко направил руководителю партийной организации Ленинграда А. А. Жданову письмо, в котором обвинил большую группу партийных сотрудников и руководителей ГАИМК в принадлежности к «троцкистско-зиновьевской оппозиции» и во вредительской деятельности (см.: Панкратова, Смирнов, 2022). О С. Н. Быковском было сказано, что он «сын серпуховского помещика, расстрелянного красными в 1918 г., имеет несколько партвзысканий и судимость, известный интриган и склочник, хитрый укрыватель антисоветчиков». В апреле 1935 г. был арестован А. Г. Пригожин, уволенный из ГАИМК в июне 1934 г. по причине очередного внутреннего конфликта (Панкратова, 2020а. С. 379), ставший к этому времени директором Московского института философии, литературы и истории. За «систематическую пропаганду контрреволюционных троцкистских взглядов» он был выслан на три года в Уфу, где был вторично арестован в июле 1936 г. и этапирован в Ленинград. Начинаясь волна масштабных репрессий по делу «О сети троцкистско-зиновьевских групп Ленинграда» (1936–1937 гг.), и следователи НКВД, начавшие с марта 1936 г. фабриковать дело о «боевой террористической организации» бывших зиновьевцев и троцкистов в ГАИМК, «назначили» А. Г. Пригожина ее руководителем.

В Институте антропологии, археологии и этнографии арестовали заместителя директора А. А. Бусыгина, который покровительствовал С. Н. Быковскому. Сам Сергей Николаевич явно чувствовал надвигающуюся опасность, поэтому оба варианта его автобиографии, написанные в феврале и мае 1936 г., выглядели как некие оправдания и заверения в преданности партии. Справедливости ради надо заметить, что в реальности он никогда не принадлежал ни к троцкистской, ни к зиновьевской оппозиции, но набирающую обороты машину террора это мало интересовало. К середине 1930-х гг. школа и взгляды М. Н. Покровского, социологизаторские принципы которых были очень близки С. Н. Быковскому, как и

всем историкам-марксистам первого советского поколения, были объявлены вредными и «антиленинскими». Бывшие борцы с «буржуазной наукой» неожиданно для себя сами оказывались обвиняемыми.

6 июня 1936 г. на имя уполномоченного Комиссией партийного контроля при ЦК ВКП (б) по Ленинградской области Р. Г. Рубенова поступило заявление от бывшего секретаря парткома Института антропологии, археологии и этнографии тов. Дальского, в котором он обвинил С. Н. Быковского в антипартийной деятельности (см. приложение). Сложно сказать, сыграли ли роль эти доносы или все уже было решено заранее в органах НКВД, раскручивающих маховик массовых репрессий как против реальных и мнимых бывших партийных оппозиционеров, так и рядовых граждан. Можно только заметить, что в 1935–1938 гг. репрессиям подверглось большинство членов партийной организации ГАИМК, членов Ленинградского отделения Коммунистической академии и выпускников Института красной профессуры (Тихонов, 2021а. С. 63, 64; 2022. С. 345, 346).

31 июля 1936 г. на собрании членов партийной организации Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР С. Н. Быковского исключили из партии, а в ночь с 3 на 4 августа он был арестован. Одному из авторов данной статьи удалось ознакомиться со следственным делом «террористической группы в ГАИМК» (Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819). Первый допрос С. Н. Быковского состоялся 8–9 августа. Вначале обвиняемый отрицал какую-нибудь контрреволюционную деятельность после 1925 г. (имелось в виду участие в группе Сапронова), но в конце признал, что с 1932 г. являлся участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации под руководством А. Г. Пригожина. В качестве ее членов им были названы партийцы Ф. В. Кипарисов (арестован 27 августа 1936 г.), М. М. Цвибак (арестован 28 января 1937 г.), С. А. Лотте (арестована 17 февраля 1937 г.), М. Л. Ширвиндт (первый арест — 22 апреля 1933 г., второй — 2 февраля 1935 г., третий — 10 октября 1936 г.), Е. К. Некрасова, А. В. Светлов, супруги Пальвадре (арестованы: Марта Юрьевна — 29 июня 1936 г., Яков Карлович — 30 мая 1936 г.); свое участие в каких-либо формах активной борьбы он продолжал отрицать.

15 декабря 1936 г. состоялась очная ставка С. Н. Быковского и Ф. В. Кипарисова, на которой последний «заявлял», что С. Н. Быковский распространял контрреволюционную клевету и культивировал резкую вражду и ненависть

к руководителям ВКП(б) и советскому правительству, высказывал прямые террористические настроения против них. С. Н. Быковский в ответ «отрицал» участие в организации и контрреволюционной деятельности (Панкратова, 2018. С. 130–133). Мы можем только догадываться, какие методы воздействия были применены к обоим в ходе допросов. В конечном итоге признание вины или несогласие с обвинениями большой роли не играло, вероятно, оба понимали, какая участь их ждет.

19 декабря 1936 г. выездная сессия Военной коллегии под председательством небезызвестного В. В. Ульриха обвинила С. Н. Быковского, М. Г. Худякова, Ф. В. Кипарисова, В. С. Андрианова в осуществлении и подготовке террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства и приговорила к высшей мере наказания — расстрелу с конфискацией всего имущества. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

Так закончился жизненный путь рьяного борца с «буржуазной археологией», разделившего участь большинства историков-марксистов, взявшихся за перестройку ГАИМК на марксистско-ленинских принципах в начале 1930-х гг. Имя его на долгие годы оказалось предано забвению. Отчасти этому способствовало отношение к нему со стороны сотрудников ГАИМК, которые достаточно негативно оценивали ту роль, которую С. Н. Быковский играл в их коллективе. На собрании актива в апреле 1937 г. В. И. Равдоникас отмечал, что ему неоднократно приходилось наблюдать как «Быковский, путем чрезвычайно ловких манипуляций, натравливал сотрудников друг на друга, в частности — Замятина на Ефименко, а Ефименко на Замятина». Сам П. П. Ефименко считал, «что этот человек сыграл особенно тяжелую роль в жизни именно нашего археологического коллектива... Быковский буквально рас пространял вокруг себя разлагающую атмосферу» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 35. Л. 57 об., 103, 104). Конечно, надо учитывать, что это говорилось на собрании по осуждению разоблаченных «врагов народа», но история со стравливанием сотрудников между собой вряд ли была выдуманна.

В печатном издании «XVIII Пленум» ГАИМК за 1937 г. эти события были описаны следующим образом: «в нашей Академии в течение ряда лет действовали злейшие враги народа, предатели и изменники Родины, которые находились на руководящих участках Академии. Все эти Пригожины,

Кипарисовы, Быковские и их подручные из кожи вон лезли, чтобы подорвать работу Академии и направить ее по неверному пути. Коллектив научных сотрудников Академии под руководством партийной организации дружными усилиями боролся за выполнение обязательства тов. Сталину и за ликвидацию последствий контрреволюционной работы Кипарисова, Быковского и других» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 21. Л. 58).

В газете «Ленинградский университет» 15 марта 1937 г. появилась заметка некоего Пронина «Разоблачить до конца троцкиста Быковского», в которой утверждалось, что вместо подлинного изучения памятников материальной культуры профессор забивал головы студентов абстрактными рассуждениями, вульгарным социологизированием фактов, сознательно внося путаницу в схемы периодизации палеолита и неолита. Новый руководитель кафедры истории доклассового общества профессор В. И. Равдоникас накануне выступил с критическим разбором лекций С. Н. Быковского (Пронин, 1937). В третьем выпуске «Советской археологии» В. И. Равдоникас опубликовал неподписанную статью «О вредительстве в области археологии и ликвидации его последствий», где назвал С. Н. Быковского одним из основных «вредителей», стремившихся уничтожить археологию с этнографией и извратить учение классиков марксизма-ленинизма о первобытности (Равдоникас, 1937. С. VI, VII).

Драматичной оказалась и судьба последней жены С. Н. Быковского — В. К. Сухотиной. Семейное положение С. Н. Быковского было непростым. Выше уже упоминалось, что его первая жена Е. Калугина, член партии, работавшая в Московской губернской чрезвычайной комиссии, застрелилась в 1919 г., получив ложное известие о гибели супруга на Петроградском фронте. В 1922 г. С. Н. Быковский вступил в брак с К. Л. Савельевой, дочерью рабочего, но вскоре развелся, поскольку, как он писал, «меня интересовала — работа, ее — развлечения». В конце 1923 г. он женился на Ю. М. Степановой, работавшей в школе, и имел от нее сына Олега. Этот брак распался в 1933 г., тогда же его женой стала Вера Константиновна Сухотина (1898–1984) (рис. 5).

Она родилась в Киеве в семье мещанина города Василькова Кельмана Абрам-Эсеровича Гринберга и его жены Кренци Шмулевны (урожденной Фельберг). В 1916 г. по окончании гимназии поступила на юридический факультет Высших женских курсов, где проучилась год, с 1917 г. принимала участие в работе большевистской

фракции Совета киевского студенчества, в конце этого же года вслед за мужем А. Е. Сухотиным переехала в Москву. В связи с тем что А. Е. Сухотин был военным, семья часто переезжала из города в город, в автобиографии В. К. Сухотина писала: «с 1918 г. по 1921 г. жила в Москве, Киеве, Иваново-Вознесенске, Казани и работала в военных и советских учреждениях на разных должностях, как то: счетоводом, казначеем и делопроизводителем в Комиссар[иате] В[оенно]-уч[ебных] Завед[ений] и на курсах Всевобуча, ночным выпускающим газеты Всевобуча «Вооруженный Народ», секретной шифровальщицей в Наркомвнешторге, секретарем стр[оительст]ва районной Гидро-Электроцентрали в [Иваново-Вознесенске] и др. ... В 1920 г. в г. Казани работала библиотекарем в Центральном Красноармейском Госпитальном клубе Запасной Армии Республики... там же в Казани в 1920 г. вступила в партию» (САБТ). С 1921 г. жила в Петрограде, работала в Политчасти Управления продовольствием Петроградского военного округа и в Управлении Волховстроя. В 1925 г. райкомом партии была командирована в Институт восточных языков, который закончила в 1929 г. по арабскому отделению. С конца 1930-го по 1934 г. была аспирантом, научным сотрудником, управделами и заведующей секретной частью ГАИМК. В 1934 г. была направлена на работу в Государственный Эрмитаж ученым секретарем сектора Востока.

Через несколько дней после ареста мужа, 8 августа 1936 г., ее исключили из партии, все последующие апелляции в вышестоящие партийные органы были отклонены. После увольнения из Государственного Эрмитажа ей удалось временно поступить в Государственный музей этнографии, но в 1937 г. она была выслана в Салехард, где устроилась на работу счетоводом, затем бухгалтером. В 1938 г. была арестована и десять лет провела в лагерях на Дальнем Востоке. После освобождения работала в г. Кузнецке Пензенской области плановиком и старшим бухгалтером. Реабилитирована только в 1956 г., тогда смогла вернуться в Ленинград, получила пенсию. В 1957 г. была восстановлена в партии. Вскоре получила комнату в доме на Ивановской улице, а с 1969 г. жила в Доме старых членов КПСС, располагавшемся на Крестовском острове (Вязовая ул., 13). Скончалась 13 июля 1984 г. (ЦГАИПД. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 434059, 434059а; САБТ).

В 1957 г. С. Н. Быковский, как и остальные обвиняемые по этому абсолютно сфабрикованному делу, был полностью реабилитирован Военной

Рис. 5. В. К. Сухотина. 1920-е гг. (САБТ). Публикуется впервые

Fig. 5. V. K. Sukhotina. 1920s (САБТ). First publication

коллегий Верховного суда СССР, а в 1962 г. по заявлению его сестры Т. Н. Тихомировой решением бюро Ленинградского обкома КПСС был реабилитирован и по партийной линии (САБТ).

Подводя итоги, можно заметить, что научная карьера и судьба Сергея Николаевича Быковского оказались очень типичны для того драматического и трагического периода развития науки в СССР. Выходец из интеллигентской семьи, он, связав себя с партией большевиков и коммунистическими идеями, с головой окунулся в революционную борьбу на фронтах Гражданской войны и в борьбу с классовыми врагами пролетариата во время службы в ЧК, не успев получить полноценного образования, что не помешало ему стать преподавателем вуза. Способности к занятию наукой у него без сомнения были немалые, он был трудолюбив, очень много читал, неплохо ориентировался в письменных источниках

русской истории, быстро вникал в новые научные темы, недурно владел пером. В Академии истории материальной культуры, куда его занесла судьба в лице Н. Я. Марра, он, безусловно, разбирался в предмете ее занятий намного глубже и лучше, чем многие историки-марксисты, наводнившие ее в начале 1930-х гг. Проявил себя в качестве толкового и способного администратора и, несмотря на недолгий срок работы в ГАИМК (с мая 1930 по январь 1934 г.), оказался наиболее заметной фигурой из всей плеяды комиссаров, осуществлявших «переход на марксистские рельсы». Наверное, в других социально-политических условиях он мог бы стать серьезным ученым-историком, но в той конкретной обстановке «великого перелома» оказался одним из наиболее заметных представителей вульгарного социологизаторства и абстрактного теоретизирования в археологии и этнографии, оторванных от реальных исследований в этих науках.

А. А. Формозов в своих трудах по истории отечественной археологии считал С. Н. Быковского наряду с Ф. В. Кипарисовым и В. И. Равдоникасом одним из главных «злых гениев ГАИМК», разрушавших основы археологии (Формозов, 1993. С. 70–82; 2004. С. 56–59). Одному из авторов настоящей статьи ранее уже приходилось возражать, что вряд ли правомерно ставить эти три фигуры в один ряд (Тихонов, 2003. С. 186–188). В. И. Равдоникас не занимал в то время никаких

руководящих постов в ГАИМК и получил широкую известность не благодаря статьям публицистического характера, а в результате многочисленных серьезных исследований археологических памятников разных эпох и регионов и за очень яркую преподавательскую работу. О Ф. В. Кипарисове бывшие гаимковцы вспоминали, что он был очень неплохим руководителем, совсем не стремившимся травить кого-либо по своей инициативе. Б. Б. Пиотровский в своих воспоминаниях отмечал, что Кипарисов был больше похож на священника, чем на партийного работника, «он был интеллигентен, учился за границей, добр, в меру демагогичен» (Пиотровский, 1995. С. 89). В бытность председателем ГАИМК он написал небезытересную теоретическую работу «Вещь как исторический источник», в которой пытались обосновать статус археологии как источниковедческой науки, изучающей вещественные источники. Неслучайно эту работу впоследствии высоко оценивал Л. С. Клейн, придерживающийся схожих взглядов (Клейн, 1995. С. 185, 189, 190). Если же попытаться оценить деятельность С. Н. Быковского в отечественной археологии, то здесь придется солидаризироваться с мнением А. А. Формозова: вряд ли она принесла ей какую-нибудь пользу. В этом и заключается трагедия талантливого человека, прошедшего путь от красного командира до одного из руководителей науки о древностях в переломную эпоху.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо А. Дальского к Р. Г. Рубену. Свердловск 11/VI 1936 г. Автограф. Публикуется впервые

Уважаемый тов[арищ] Рубенов⁸.

Выехав по командировке Горкома ВКПб на работу в Красноярск я все же считаю своим партийным долгом сигнализировать Вам о ненормальной обстановке в Институте антропологии и этнографии (ИАЭ) Академии наук⁹. Мне,

как бывшему секретарю партячейки ИАЭ в свое время пришлось вести напряженную борьбу с контрреволюционным Бусыгиным¹⁰ как против его поддержки «зиновьевца» Маторина¹¹, так и

народов СССР вошел в состав Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР.

¹⁰ Бусыгин Александр Александрович (1899–1936), историк, философ. Заместитель директора ИАЭ АН СССР (1934–1936).

¹¹ Маторин Николай Михайлович (1898–1936), этнограф, религиовед, фольклорист. В 1923–1925 гг. был научным сотрудником НИИ марксизма. В январе 1929 г. стал заведующим отделением этнографического разряда ГАИМК. Профессор Ленинградского государственного историко-лингвистического института (1931); директор Института антропологии и этнографии АН СССР (1933). Председатель Ленинградского

⁸ Рубенов Рубен Гукасович (1894–1937), партийный и государственный деятель. С августа 1935 г. уполномоченный Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Ленинградской области. Арестован 15 сентября 1937 г., приговорен к высшей мере наказания за подготовку террористических актов и участие в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации. Реабилитирован 17 ноября 1954 г. Письмо написано Дальским А. Н., научным сотрудником ИАЭ АН СССР.

⁹ В 1933 г. Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) совместно с Институтом по изучению

против его антипартийной политики по руководству ИАЭ. В связи с Бусыгиным я хочу осветить поведение члена партии т[оварища] Быковского, о котором я могу сказать следующее. В прошлом т[оварищ] Быковский был оппозиционером. За беспринципную склоку получил строгий выговор и был снят с руководящей работы в ГАИМК. В ИАЭ Быковский являлся правой рукой Бусыгина — проводя вместе с ним антипартийную политику по руководству Институтом. Результатом этой политики было не только не использование опыта и знаний академика Мещанинова¹², и полное его игнорирование как директора Института, но и создание ненормальных условий для работы специалистов. Заслуживает внимания тот факт, что только благодаря настойчивому двукратному ходатайству Бусыгина т[оварищу] Быковскому была присуждена без защиты ученая степень доктора ист[орических] наук. Научная ценность т[оварища] Быковского выразилась в выпуске, при поддержке Бусыгина, игнорировавшего рецензию вреднейшей антимарксистской работы «Ленин и проблемы истории доклассового общества». Исчерпывающую оценку этой книги Быковского спекулирующей на имени В. И. Ленина, Вы можете получить у т[оварищей] Сагацкого¹³, Медведева¹⁴ и Василенко из Толмачевской академии¹⁵.

областного совета Союза воинствующих безбожников (1929–1934). По обвинению в членстве в троцкистско-зиновьевской организации приговорен к высшей мере наказания и расстрелян (1936). Реабилитирован в 1958 г.

¹² Мещанинов Иван Иванович (1883–1967), этнограф, археолог, лингвист; академик (1932). С 1933 по 1937 г. — директор Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР. После смерти Н. Я. Марра возглавлял Институт языка и мышления АН СССР (1935–1950).

¹³ Сагацкий Александр Павлович (1899–1976), преподаватель Военно-политической академии (ВПА) им. Н. Г. Толмачева и Института красной профессуры, кандидат экономических наук. Арестован в Ленинграде в 1936 г., приговорен к десяти годам лишения свободы и пяти годам поражения в правах. Арестован вторично и приговорен к пожизненному заключению, освобожден и реабилитирован в 1955 г. С 1956 г. жил в Ульяновске, преподавал. Умер 25 февраля 1976 г.

¹⁴ Медведев А. Р. — старший преподаватель кафедры философии ВПА им. Н. Г. Толмачева. Арестован 23 августа 1938 г. Умер в заключении 8 февраля 1941 г. Реабилитирован 1 сентября 1956 г.

¹⁵ Основана в 1919 г. как Учительский институт Красной Армии им. Н. Г. Толмачева; с 1925 по 1937 г. —

Своим «руководством» тов[арищ] Быковский восстановил против себя большинство специалистов ИАЭ, обратившихся с письменными протестами как к тов[арищу] Татарскому¹⁶, так и к тов[арищу] Горбунову¹⁷, а своей антимарксистской работой дискредитировал себя как члена партии. В настоящее время тов[арищ] Быковский не только пытается замести следы своего совместного с Бусыгиным антипартийного руководства ИАЭ, но и при помощи т[оварища] Волкова¹⁸ укрепить свое руководство в ИАЭ. В связи с вопросом руководства необходимо обратить Ваше внимание и на поведение т[оварища] Волкова. Последний опираясь на свою бывшую работу в НКВД использовал существующее положение в Институте и будучи рядовым членом партии самовольно захватил руководящую роль в ИАЭ, оказывая всяческое давление на директора, академика Мещанинова, вмешиваясь даже в его распоряжения. Тов[арищ] Волков намечается в парторга ИАЭ, но какой же это будет партийный руководитель, который пропивает в месяц больше того, что получает. Об этом Вы можете узнать у коммуниста ИАЭ тов[арища] Гато-падая.

Кроме того у меня есть основание предполагать что т[оварищ] Волков использует свое положение чтобы без экзаменов быть допущен к защите диссертации. Совершенно естественно что подобного рода поведение т[оварищей] Быковского и Волкова не будет способствовать укреплению партийного влияния в ИАЭ ни правильному планированию работы ИАЭ.

А. Дальский

н. п. б. № 1122037

(ЦГАИПД. Р-1728. Оп. 1. Д. 835530. Л. 1, 2)

Военно-политическая академия им. Н. Г. Толмачева (1925–1937); с 1938 и по 1991 г. — Военно-политическая академия им. В. И. Ленина — высшее учебное заведение РККА.

¹⁶ Возможно, Татарский Леонид Абрамович (1902–1937) — сотрудник культпропа Ленинградского горкома ВКП(б). В 1934 г. выслан в Казахстан. Арестован 3 сентября 1936 г. Расстрелян в Ленинграде 9 сентября 1937 г.

¹⁷ Возможно, Горбунов Николай Петрович (1892–1938) — химик, государственный и общественный деятель, с 1935 г. — секретарь АН СССР. Арестован 19 февраля, расстрелян 7 сентября 1938 г.

¹⁸ Волков Николай Николаевич (1904–1953) — этнограф, исследователь саамов, сотрудник ИАЭ, участник Великой Отечественной войны, арестован в ноябре 1947 г. и осужден на 10 лет. Погиб в лагере.

- Архив УФСБ по СПб и ЛО. П-23819: Быковский Сергей Николаевич. Т. 1. Дело в 7 т.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1937. Д. 21: Протоколы собраний; Д. 35: Стенографический отчет собрания актива ГАИМК (13–14 апреля 1937 г.).
- САБТ — Семейный архив Быковских-Тихомировых.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 4683: Быковский Сергей Николаевич, зав. сектором ИПИН АН. Личное дело; Оп. 28. Д. 19: Секретная часть АН СССР.
- ЦГА СПб. Ф. 7154. Оп. 1. Д. 8: Переписка по личному составу и список участников Таманской экспедиции. 1931 г.
- ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1471. Оп. 1. Д. 22: Протоколы заседаний парткома 08.01.1934 — 29.12.1934.
- ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 434059: Сухотина Вера Константиновна; Д. 434059а: Сухотина Вера Константиновна; Д. 475917: Пригожин Абрам Григорьевич; Д. 835530: Быковский Сергей Николаевич; Д. 835530/3: Быковский Сергей Николаевич.
- ЦГАИПД СПб. Ф. 5063. Оп. 1. Д. 7: Протоколы общих собраний парторганизации ЛИФЛИ 9.01 — 21.12.1936 г.
- ЦГАЛИ СПб. Ф. 328. Оп. 1. Д. 17: Списки студентов. 1932 г.; Д. 30: Приказы по институту. 1934 г.
- Амосова, Тихонов, 2023 — Амосова А. А., Тихонов И. Л. Быковский Сергей Николаевич [Электронный ресурс] // URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1823-bykovskiy-sergey-nikolayevich.html> (дата обращения: 15.02.2023).
- Антология..., 1995 — Антология советской археологии (1917–1933). М.: ИА РАН, 1995. Т. I / Отв. ред. Н. Я. Мерперт. 172 с.
- Бернштам, Кричевский, 1932 — Бернштам А. Н., Кричевский Е. Ю. К вопросу о закономерности в развитии архаической формации. Л.: ОГИЗ, 1932 (Известия ГАИМК; Т. XIII, вып. 3). 52 с.
- Быковский, 1928 — Быковский С. Н. К вопросу о трех древнейших центрах Руси. Вятка, 1928 (Тр. Вятского пед. ин-та им. В. И. Ленина; Т. 3, вып. 6). 72 с.
- Быковский, 1929 — Быковский С. Н. Рец. на: Ростовцев М. И. Скифия и Босфор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Изд. Российской Академии истории материальной культуры. 1925 // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 80–182.
- Быковский, 1931а — Быковский С. Н. Яфетический предок восточных славян — киммерийцы. М.: Огиз, 1931 (Известия ГАИМК; Т. 8, вып. 8–10). 99 с.
- Быковский, 1931б — Быковский С. Н. Методика исторического исследования. Л.: Огиз; ГАИМК, 1931 (Образовательная б-ка ГАИМК; № 2). 204 с.
- Быковский, 1931в — Быковский С. Н. Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями // Сообщения ГАИМК. 1931. № 4/5. С. 20–22.
- Быковский, 1931г — Быковский С. Н. О классовых корнях старой археологии // Сообщения ГАИМК. 1931. № 9/10. С. 2–5.
- Быковский, 1931д — Быковский С. Н. Этнография на службе классового врага // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 3–13.
- Быковский, 1932а — [Быковский С. Н.] Против правого оппортунизма в науке // Сообщения ГАИМК. 1932. № 1. С. 1–3.
- Быковский, 1932б — Быковский С. Н. О предмете истории материальной культуры и судьбе археологии // Сообщения ГАИМК. 1932. № 1. С. 3–6.
- Быковский, 1934а — Быковский С. Н. Доклассовое общество как социально-экономическая формация // Советская этнография. 1934. № 1–2. С. 6–39.
- Быковский, 1934б — Быковский С. Н. К вопросу об одомашнении животных // Советская этнография. 1934. № 3. С. 3–27.
- Быковский, 1934в — Быковский С. Н. Ф. Энгельс и проблема периодизации истории доклассового общества // Советская этнография. 1934. № 6. С. 17–39.
- Быковский, 1935а — Быковский С. Н. Рец. на: В. И. Равдоникас. Первобытно-коммунистическое общество. В сб. «Краткое введение в историю докапиталистических формаций». Известия ГАИМК. Вып. 99. 1934. С. 9–88 // Советская этнография. 1935. № 3. С. 136–139.
- Быковский, 1935б — Быковский С. Н. Рец. на кн.: Ефименко П. П. Дородовое общество // Советская этнография. 1935. № 3. С. 145–148.
- Быковский, 1935в — Быковский С. Н. Ленин и основные проблемы истории доклассового общества. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1935 (Тр. Института антропологии и этнографии; Т. III). 191 с.
- Весь Киев..., 1899 — Весь Киев: Адресная и справочная книга на 1899 г. / Сост. Д. Я. Давыдов. Киев: Богуславский, 1899. 754 с.
- Всесоюзная конференция..., 1929 — Всесоюзная конференция историков-марксистов. V: Социологическая секция // Историк-марксист. 1929. № 11. С. 258–265.
- Герои..., 1974 — Герои гражданской войны: Книга о москвичах — участниках боевых сражений / Науч. ред. Н. И. Родионова. М.: Московский рабочий, 1974. 415 с.
- Городцов, 2015 — Городцов В. А. Дневники. 1928–1944. В 2 кн. Кн. I: 1928–1935 / Сост. И. В. Белозерова, С. В. Кузьминых; отв. ред. П. Г. Гайдуков, А. А. Яновский. М.: Триумф принт, 2015. 687 с.
- Жизнь..., 1896 — Жизнь и благотворительная деятельность Действительного Статского Советника Флора Яковлевича Ермакова / Сост. свящ. Н. Орлов. М.: Тип. М. Тарчигина, 1896. 48 с.

- Иванова, 2011 — *Иванова Н. В.* Переписка В. Т. Илларионова как источник по истории отечественной археологии 1930–1940-х гг. // История археологии: личности и школы: Материалы Междунар. науч. конф. к 160-летию со дня рождения В. В. Хвойки / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 162–169.
- Икан*, 1919 — *Икан М.* Тов. С. Быковский // Пролетарская правда. 1919. № 6. С. 3.
- Кисилев*, 2021 — *Кисилев М. Ю.* Предмет и метод археологии: позиция Ф. В. Кипарисова // Культурный код. Журнал Пермского гос. ин-та культуры. 2021. № 1. С. 60–67.
- Клейн*, 1995 — *Клейн Л. С.* Археологические источники. Изд. 2-е, доп. СПб.: Фарн, 1995. 352 с.
- Ковалинский*, 1998 — *Ковалинский В. В.* Меценаты Киева. Изд. 2-е, испр. и доп. Киев: Кий, 1998. 528 с.
- Корников*, 1995 — *Корников А. А.* Из истории отечественного источниковедения новейшего времени: С. Н. Быковский и Г. П. Саар // Историография и история социально-экономического и общественно-политического развития России в новейшее время / Отв. ред. Н. Р. Коровин. Иваново: Ивановский ГУ, 1995. С. 5–25.
- Кузьминых, Белозерова*, 2014 — *Кузьминых С. В., Белозерова И. В.* Переписка В. А. Городцова и Д. Н. Льва (1933–1941 гг.) // *Stratum plus*. 2014. № 1: Фрагменты доистории. С. 229–294.
- Лев*, 1936 — *Лев Д. Н.* Археологическая секция института // Советская этнография. 1936. № 1. С. 144–146.
- Медведева, Застрожнова*, 2022 — *Медведева М. В., Застрожнова Е. Г.* «Изъятые документы ГАИМК»: проблема интерпретации и перспективы изучения // Очерки истории отечественной археологии. М.: ИА РАН, 2022. Вып. VI / Отв. ред. И. А. Сорокина. С. 301–310.
- Обыватели...*, 2016 — *Обыватели Павловского Посада до 1917 года: Словарь-справочник фамилий / Виктор Ситнов.* 3-е изд., испр. и доп. Павловский Посад: Ситнов В. Ф., 2016. 539 с.
- Панкратова*, 2018 — *Панкратова Е. Г.* История археологического изучения античных памятников Восточного Крыма: от Октябрьской революции до Великой Отечественной войны (1917–1941 гг.) / Отв. ред. В. Н. Зинько. СПб.; Симферополь: Солорич, 2018 (Боспорские исследования; Т. 18). 159 с.
- Панкратова*, 2020а — *Панкратова Е. Г.* К биографии «руководителя террористической организации ГАИМК» А. Г. Пригожина (по материалам архивно-следственного дела) // АВ. 2020. № 29. С. 376–384.
- Панкратова*, 2020б — *Панкратова Е. Г.* Последний председатель ГАИМК — Ф. В. Кипарисов (новые материалы к биографии) // ВДИ. 2020. № 80/3. С. 728–752.
- Панкратова, Смирнов*, 2022 — *Панкратова Е. Г., Смирнов Н. Ю.* К истории ликвидации ГАИМК: «заявление» В. Ф. Зыбковца А. А. Жданову // РА. 2022. № 1. С. 174–186.
- Папулова*, 2017 — *Папулова И. М.* Клин и клинчане. Клинические хроники в газетной строке. Клин: Клинское информгентство, 2017. 400 с.
- Переписка...*, 1990 — Переписка Бориса Пастернака / Вступительная статья Л. Я. Гинзбург. Составление, подготовка текстов и комментарии Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернак. М.: Художественная литература, 1990. 575 с.
- Пиотровский*, 1995 — *Пиотровский Б. Б.* Страницы моей жизни. СПб.: Наука, 1995. 288 с.
- Платонова*, 2017 — *Платонова Н. И.* Документ эпохи: В. А. Городцов и его дневники (Рец. на: Городцов Василий Алексеевич. Дневники. 1928–1944. В 2 кн. / Сост. И. В. Белозерова, С. В. Кузьминых; отв. ред. П. Г. Гайдуков, А. Д. Яновский. М.: Триумф принт, 2014) // АВ. 2017. № 23. С. 379–384.
- Пронин*, 1937 — *Пронин.* Разоблачить до конца троцкиста Быковского // Ленинградский университет. 1937 г. № 9 (279). С. 3.
- Равдоникас*, 1937 — [Равдоникас В. И.] О вредительстве в области археологии и ликвидации его последствий // СА. 1937. № 3. С. V–X.
- Резолюции...*, 1932 — Резолюции Всероссийского археолого-этнографического совещания 7–11 мая 1932 года // Сообщения ГАИМК. 1932. № 5/6. С. 89–94.
- Робинсон*, 2013 — *Робинсон М. А.* Первый Международный съезд славистов в Праге: надежды, разочарования и неосуществленные проекты (по материалам переписки русских славистов // Славянский мир: Общность и многообразие: К 1150-летию славянской письменности: 20–21 мая 2013 г.: Междунар. науч. конф. Тезисы. Ч. 1. М., 2013. С. 80–84.
- Смерть прошла...*, 1974 — *Смерть прошла рядом (С. Н. Быковский) // Герои гражданской войны: Книга о москвичах — участниках боевых сражений / Науч. ред. Н. И. Родионова.* М.: Московский рабочий, 1974. С. 268–270.
- «Совершенно секретно»..., 2017 — «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.): Сб. документов. В 10 т. Т. 10 (1932–1934 гг.) / Отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. В 3 ч. М.: ИРИ РАН, 2017. Ч. 1. 656 с.
- Соловей*, 2018 — *Соловей Т. Д.* От «буржуазной» этнологии к «марксистской» этнографии: стратегии продвижения марксистской ортодоксии в ранне-советский период // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ. 2018. № 11. С. 160–178.
- Тихонов*, 2003 — *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 332 с.

- Тихонов*, 2011 — *Тихонов И. Л.* Археология в этнографических музеях Санкт-Петербурга XIX — начала XX веков // *Российский археологический ежегодник*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. № 1. С. 527–547.
- Тихонов*, 2020 — *Тихонов И. Л.* Кризис археологического образования в российских университетах в начале 1930-х гг. // *Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре*. В 3 т. / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара: Самарский гос. социально-пед. ун-т, 2020. Т. III. С. 153–154.
- Тихонов*, 2021a — *Тихонов И. Л.* О репрессиях в ГАИМК // *Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930-х — конец 1940-х годов): Материалы Междунар. науч. конф.* / Отв. ред. И. А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2021. С. 64–66.
- Тихонов*, 2021b — *Тихонов И. Л.* Ленинградский историко-лингвистический институт: от кризиса к возрождению исторического образования // *Вече*. 2021. № 33. С. 215–230.
- Тихонов*, 2022 — *Тихонов И. Л.* «Его поведение профессора, а не большевика»: к истории партийной организации ГАИМК в 1930-е годы (по архивным материалам) // *Очерки истории отечественной археологии*. М.: ИА РАН, 2022. Вып. VI. С. 330–349.
- Формозов*, 1993 — *Формозов А. А.* Археология и идеология (20–30-е годы) // *Вопросы философии*. 1993. № 2. С. 70–82.
- Формозов*, 2004 — *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. М.: Знак, 2004. 320 с.
- Шнирельман*, 1993 — *Шнирельман В. А.* Злоключения одной науки: этногенетические исследования и сталинская национальная политика // *Этнографическое обозрение*. 1993. № 3. С. 52–68.

Sergey N. Bykovskiy: from a red commander to the assistant chairman of GAIMK (new material for the biography)

E. G. Zastrozhnova, I. L. Tikhonov, I. S. Tikhomirov¹⁹

Keywords: S. N. Bykovskiy, GAIMK, Marxism, 1930s, persecutions, history of archaeological science in the USSR.

This paper reconstructs the life and scientific activities of the historian S. N. Bykovskiy (1896–1936) on the basis of unknown before documentary and graphic sources from the public archives in St Petersburg and the family archives of Bykovskiys-Tikhomirows. Son of a lawyer, he graduated from gymnasium in 1915 with a golden medal and entered the Physico-Mathematic Faculty of the Moscow University. Having studied less than two years he was called up for the army and assigned to a school of ensigns. In the army, he joined the Bolsheviks and participated in the Civil War as a red officer and an agent of the Extraordinary Commission. He applied for shooting of his own father as a counterrevolutionary. Later, he participated in the party's activities and taught history in the Vyatka Pedagogical Institute.

In 1930, on N. Ya. Marr's invitation, he became the assistant chairman of the State Academy of the History of Material Culture (GAIMK) and expanded an active struggle against the bourgeois archaeology for introduction of the Marxism into the methodology of this science. He published a series of articles of a journalistic character negating the independent nature of archaeology as a scientific discipline. In the spirit of the Marr's new doctrine of language, he attempted to argue that the Cimmerians were the ancestors of the East Slavs. S. N. Bykovskiy became one of the most notorious representatives of the vulgar sociology and abstract theorization in archaeology and ethnography torn away from real researches in these sciences.

In 1934, S. N. Bykovskiy, because of conflicts with the party colleagues in the management of GAIMK, left the Academy and became the director of the Archaeological Sector of the Institute of Anthropology of AS USSR and the head of the Chair of the History of the Primitive Classless Society at the Leningrad Institute of Philosophy, Linguistics and History. In 1936, he was arrested and shot together with the chairman of GAIMK F. V. Kiparisov. His scientific career and fate proved to be very typical of representatives of the first generation of Marxist historians and of the dramatic period of that time in the development of archaeology in the USSR.

¹⁹ E. G. Zastrozhnova (Pankratova) — St. Petersburg Branch of RAS Archives; 9/1 Kievskaya ul., St. Petersburg, 196084, Russia; e-mail: pankratova0484@yandex.ru. I. L. Tikhonov — St. Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199024, Russia; e-mail: I.Tikhonov@spbu.ru. I. S. Tikhomirov — independent researcher; St. Petersburg, Russia; e-mail: tikhomirou@yandex.ru.

Новгородское (Рюриково) городище и Сиверсов канал¹

М. В. Медведева, В. Ю. Соболев²

Аннотация. Исторически сложившийся ландшафт Новгородского (Рюрикова) городища и его окрестностей не сохранился до нашего времени в своем изначальном виде. Вновь выявленные архивные документы позволили определить степень воздействия строительства и хозяйственного использования Сиверсова канала на топографию и сохранность культурного слоя археологического памятника.

Ключевые слова: Рюриково городище, культурный слой, деревянные конструкции, Сиверсов канал, история строительства канала, ремонт канала, археология, топография, архивные документы.

DOI 10.31600/1817-6976-2023-39-311-329

Введение

Исторически сложившийся ландшафт ключевого памятника эпохи формирования древнерусской государственности Новгородского (Рюрикова) городища и его окрестностей неоднократно подвергался разрушительному воздействию антропогенного характера и не сохранился до нашего времени в своем изначальном виде. Самыми губительными для него стали масштабные строительные работы при проведении Сиверсова канала на рубеже XVIII–XIX вв. и возведение железнодорожной насыпи во время Первой мировой войны. Сиверсов судоходный канал, предназначенный для прямого выхода из р. Мсты в р. Волхов, минуя воды озера Ильмень, прошел непосредственно по территории Новгородского (Рюрикова) горо-

дища и нанес значительный ущерб средневековому культурному слою уникального археологического комплекса. Постройка железнодорожной насыпи в 1916–1917 гг. разрезала единый ландшафт Новгорода и древних памятников у истоков Волхова, уничтожила могильник древнерусского времени и серьезно нарушила гидрорежим местности. Причины, обстоятельства и последствия прокладывания стратегически важной железнодорожной магистрали Петроград — Царское Село — Новгород — Орел, участок которой прошел вблизи Нередицкого храма с его бесценными фресками и Новгородского (Рюрикова) городища, а также активная борьба научной общественности против этого проекта неоднократно попадали в фокус внимания исследователей и описывались в публикациях (Маркина, 2000; Медведева, 2013; Носов и др., 2012. С. 157–213). Удивительно, что при этом до сих пор специально не изучалась степень влияния на топографию памятника работ по строительству Сиверсова канала, оказавшихся гораздо более катастрофичными для сохранности культурных напластований Новгородского (Рюрикова) городища, ведь каналом была уничтожена почти вся «низменная мысовая часть памятника с наилучшей на поселении сохранностью культурных отложений» и, возможно, «непотребованные слои с остатками княжеского архива» (Носов, 1990. С. 13).

Задуматься о целенаправленном поиске документации по истории проектирования и строительства Сиверсова канала заставили фрагменты

¹ М. В. Медведевой исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015). Авторы выражают благодарность А. Л. Потравнову за предоставленные сведения о наличии в РГИА документации по строительству Сиверсова канала.

² Медведева М. В. — ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: marriyam@mail.ru. Соболев В. Ю. — Институт истории, СПбГУ; Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; e-mail: vlad.sobolev@gmail.com.

© Медведева М. В., Соболев В. Ю., 2023

бревен и остатки системы свай, обнажающиеся во время наибольшего отступления воды по урезу берега. Необходимость установить их соотношение с древними крепостными конструкциями Рюрикова городища, открытыми в непосредственной близости раскопками последних лет, стала первостепенной задачей архивных исследований. В архивном собрании Российского государственного исторического архива (РГИА) удалось выявить исторические документы и чертежи, которые позволили довольно подробно проследить историю строительства, ремонтов и использования Сиверсова канала, этапы работ и технологические приемы, а также подтвердили предположение, что фрагменты деревянных конструкций на берегу вдоль уреза воды имеют древнее происхождение.

Идея строительства Сиверсова канала и проектные планы

Сиверсов канал представляет собой часть Вышневолоцкой водной системы, целью создания которой было развитие торговли, облегчение снабжения Санкт-Петербурга продовольствием и другими товарами, поставляемыми из Центральной России, а также упрощение связи столицы с другими частями Российской империи. Вышневолоцкую водную систему составили р. Тверца, водораздельный участок в районе Вышнего Волочка и далее р. Мста, Вишерский и Сиверсов каналы на балтийском одностороннем «склоне» (скате) системы. Необходимость прокладки Сиверсова канала была обусловлена тем, что судоходство по озеру Ильмень для плоскодонных и низкобортных судов, а именно такой тип судов был наиболее распространен при внутренних грузоперевозках, становилось крайне опасным в непогоду. Требовалось найти альтернативные безопасные варианты для доставки грузов.

Идея строительства принадлежала графу Якобу Сиверсу (Jakob Johann von Sievers), служившему в 1764–1776 г. новгородским губернатором, а позднее (1777–1781 г.) генерал-губернатором Новгородского, Тверского и Псковского наместничеств. В 1774 г. он был назначен на вновь образованную должность главного директора водяных коммуникаций, в этой должности руководил постройкой и реконструкцией каналов, в том числе Вышневолоцкой водной системы (Нарбут, 2006).

Важным аргументом для разработки проекта канала стала не только экономическая выгода от его применения, но и низкая стоимость

строительства: трасса проектировалась по кратчайшему пути с максимальным использованием естественных водотоков. Забегая вперед, надо отметить, что именно пересечение Сиверсовым каналом заболоченных участков и мелководных озер в совокупности с еще недостаточно изученным к тому моменту годичным циклом гидрорежима Мсты стало основной причиной регулярных ремонтов канала сразу с момента его ввода в эксплуатацию, а в конечном итоге — отказа от его использования и необходимости строительства нового (Маловишерского) канала всего через 25 лет.

По плану Сиверсов канал должен был соединить р. Мсту в 16 верстах от устья и р. Малый Волховец³. В РГИА сохранился комплекс документов (коллекция чертежей большого формата и рукописные материалы), отражающих историю проектирования, строительства, ремонтов и подновлений канала. Все они подготовлены профессиональными инженерами, и потому точность документации находится на самом высоком для своего времени техническом уровне.

При первом же обращении к документам открылись неизвестные ранее и неожиданные факты. Выяснилось, что изначальный план предусматривал совсем иной маршрут вхождения Сиверсова канала в Волхов, не совпадающий с современной топографической ситуацией. На проектных чертежах Сиверсов канал изображен не впадающим напрямую в Волхов, а соединяющимся с ним через М. Волховец (рис. 1–3). В случае осуществления данного плана строительства целостность территории Новгородского (Рюрикова)

³ Во время проектирования и строительства канала и на протяжении первой половины XIX в. Малым Волховом (далее — М. Волховец) называлась протока, вытекающая из основного русла Волхова южнее устья Сиверсова канала, проходящая мимо Спасо-Преображенского Нередицкого монастыря и впадающая обратно в Волхов северо-восточнее Варлаамо-Хутынского Спасо-Преображенского монастыря. Жилотугом же называлась протока, истекавшая из Волхова севернее городищенского холма и соединявшаяся с М. Волховом западнее дер. Шолохово. После открытия Сиверсова канала и особенно строительства насыпи железной дороги Санкт-Петербург — Орел изначальный М. Волховец обмелел, его берега сильно заболотились, участок к северу от Сиверсова канала до ж. д. насыпи получил название река или ручей Спасовка, а М. Волховом стали именовать протоку Жилотуг. На смену названий проток обращали внимание Е. Н. Носов (Носов, 1990. С. 7) и Н. В. Хвоцинская (Хвоцинская, 2021. С. 108).

городища и его древних культурных слоев не была бы нарушена.

Согласно проектным чертежам, датированным 1796–1797 гг., длина канала должна была составить 7 верст 320 сажений (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 604. Л. 1) или 7 верст 410 сажений (*Там же*. Д. 604. Л. 2, 3; Д. 597. Л. 5). Инженерами рассматривались два незначительно различающихся варианта выхода канала из Мсты. По одному из них предполагалось использовать ныне практически заросший проток, соединявший озеро Донцо с Мстой (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 593. Л. 1; Д. 604. Л. 4), а по второму — канал должен был начинаться от излучины выше по течению Мсты, выше разделения основного русла реки на протоки дельты (*Там же*. Л. 4). По этим планам канал пересекал озера Донец и Печерское и оканчивался, соединяясь с руслом М. Волховца, через исток которого должен был осуществляться выход судов в р. Волхов (рис. 1–3). На р. Мсте южнее истока канала было спроектировано устройство плотины и шлюза для питания его водой, пропуска паводковых вод и ледохода. Другая плотина, «которую должно построить на всегдашнее время», отсекала русло М. Волховца к северу от устья канала (*Там же*. Л. 1–3). Третья же плотина, временная, отделяла нижнее течение М. Волховца только на время строительства всего гидротехнического сооружения. Большинство сохранившихся проектных планов 1796–1797 гг. подготовлено коллежским асессором Иваном Линёвым⁴ и скопировано губернским регистратором Яковом Межениновым.

Планировалось, что выемка земли с 1-й по 3-ю версту будет произведена в 1797–1800 гг., с 4-й по 7-ю — в 1801 г., а окончание работ придется на 1802 г. (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 597. Л. 5). В истоке намечалось устройство «флютбета через всю ширину канала», ограждение малой и большой плотинами соответственно северного и южного бере-

гов, «дабы вода берегу не могла размывать»; вход в канал на проектном чертеже обозначен парой гранитных обелисков (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 599. Л. 2). Выход в М. Волходец никакого дополнительного укрепления и оформления не предполагал.

Ширина Сиверсова канала по дну была определена в 10 сажений, глубина в межень — около 1 аршина. На южном берегу канала вдоль русла устраивался бечевник (дорога для лошадей, ведущих суда бечевою) и возводилась насыпь из вынутого при рытье канала грунта⁵. В местах пересечения заболоченных участков и озер такие же насыпи (дамбы) сооружались вдоль обоих берегов, в них для дополнительного отвода воды закладывались водопроводные трубы — деревянные короба, обложенные фашинами⁶ и перекрытые землей. В истоке и устье канала задумывалось построить «домики смотрителя», обозначенные на планах как дворы с несколькими постройками, сверх того по течению планировались караульня, два машинных дома и несколько пристаней.

Кроме трассы проектируемого канала на планах показаны вся гидросеть северного берега Ильменя, деревни и многочисленные пригородные монастыри, заболоченные и пахотные участки, монастырские рыбные ловли (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 593. Л. 1). И здесь важно отметить, что на нескольких планах само с. Городище отмечена как «село Городище, где был древний Новгород» (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 604. Л. 2–4; Д. 597. Л. 5) (рис. 2; 3). Такое указание со всей очевидностью свидетельствует о том, что инженеры и местные жители в конце XVIII в. прекрасно знали об историческом значении этого места.

С точки зрения археологии и исторической топографии стоит еще раз подчеркнуть, что первыми планами строительства не предусматривалось прохождение Сиверсова канала через южную часть городищенского холма, и строительные

⁴ Его чертежи составляют наиболее раннюю часть проектных планов Сиверсова канала, где показан район Городища (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 604. Л. 1–4). Некоторые из них снабжены поперечными разрезами. Во время строительства канала Иван Линёв был произведен в следующий гражданский чин надворного советника, возможно, в том числе и за заслуги по проектированию этого сооружения. Кроме того, в РГИА хранится несколько недатированных проектных чертежей Сиверсова канала, подписанных инженером генерал-лейтенантом Герардом и губернским секретарем фон Гагемейстером, а также инженером подполковником Кампфом (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 597. Л. 5; Д. 593. Л. 1).

⁵ Раскопки 1993–1996 гг. на южном берегу Сиверсова канала показали, что культурный слой имел перевернутую (обратную) стратиграфию, а сверху он был перекрыт мощным слоем коричневой глины — материковым грунтом, вынутым при строительстве канала (*Носов*, 1990. С. 39, рис. 9, IV; *Носов и др.*, 2017. С. 165, 166, 177, 178).

⁶ Фашины — связки хвороста, иногда утяжеленные щебнем или булыжником, — весьма популярный и дешевый строительный материал, широко применявшийся в гидротехнических сооружениях XIX в. (*Зеге*, 1834). Крепление фашин к земле по технологии того времени проводилось «спицами» — колышками диаметром до 10 см.

Рис. 1. «План прожектированному каналу изъ реки Мсты в реку Малой Волховецъ» (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 604. Л. 1)
 Fig. 1. Project plan of the Novgorod channel (Russian State Historical Archive (RSHA). A.G. 1487. In. 7. F. 604. Sh. 1)

Рис. 2. «План вновь к прорытию канала, для соединения реки Мсты с рекою Волховом, для безопасного судоходства и минования озера Ильменя» (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 604. Л. 3)

Fig. 2. Project plan of the Novgorod channel (RSHA. A.G. 1487. In. 7. F. 604. Sh. 3)

Рис. 3. «План прожектированно каналу из реки Мсты в реку Малой Волковед» (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 604. Л. 4)

Fig. 3. Project plan of the Novgorod channel (RSHA. A.G. 1487. In. 7. F. 604. Sh. 4)

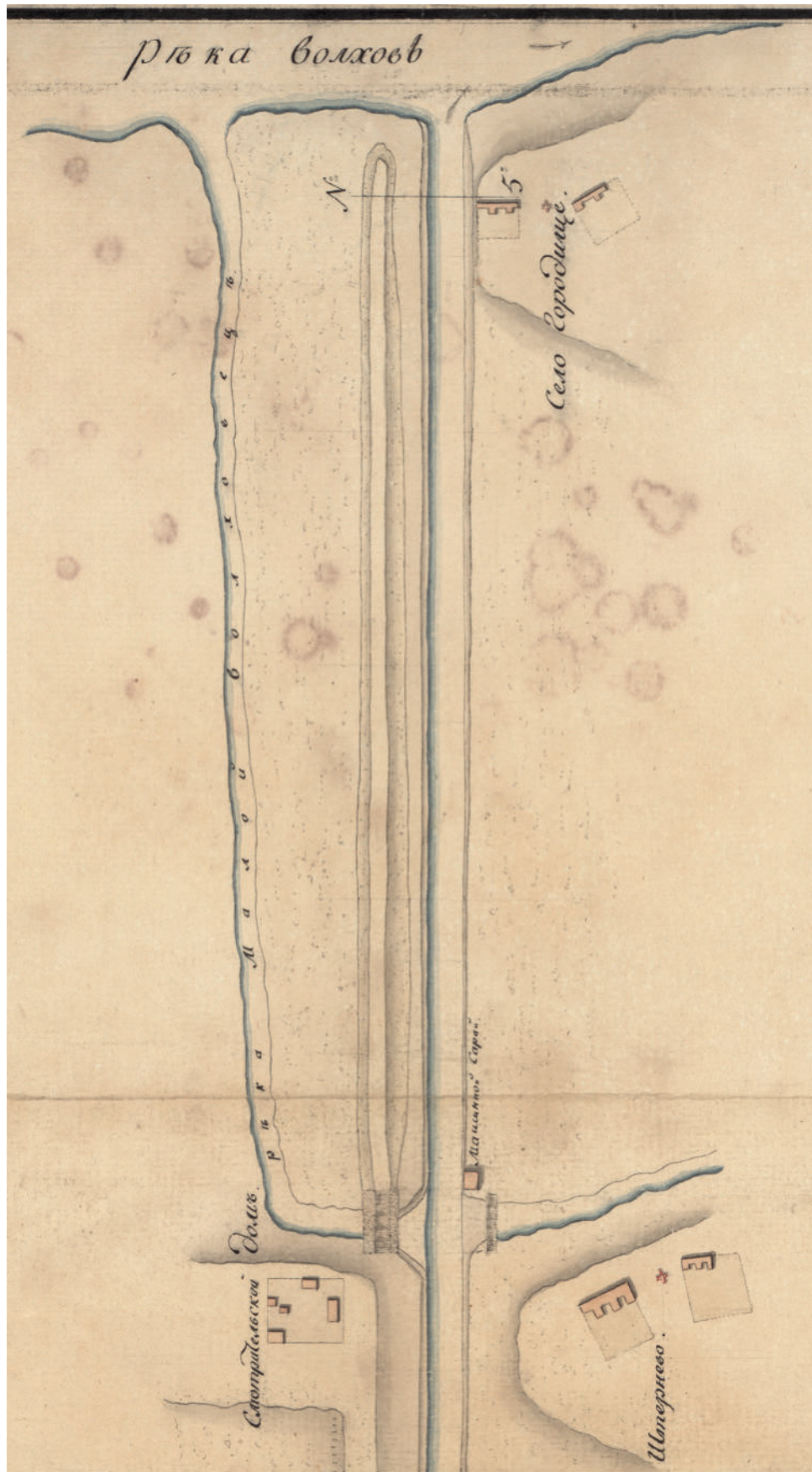

Рис. 4. «Генеральный план с продольною и поперечными профилями Сиверсова канала с означением по оному работ», фрагмент (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 592. Л. 1)
Fig. 4. Plan with profiles of the Siversov Channel (RSHA. A.G. 1487. In. 7. F. 592. Sh. 1, fragment).

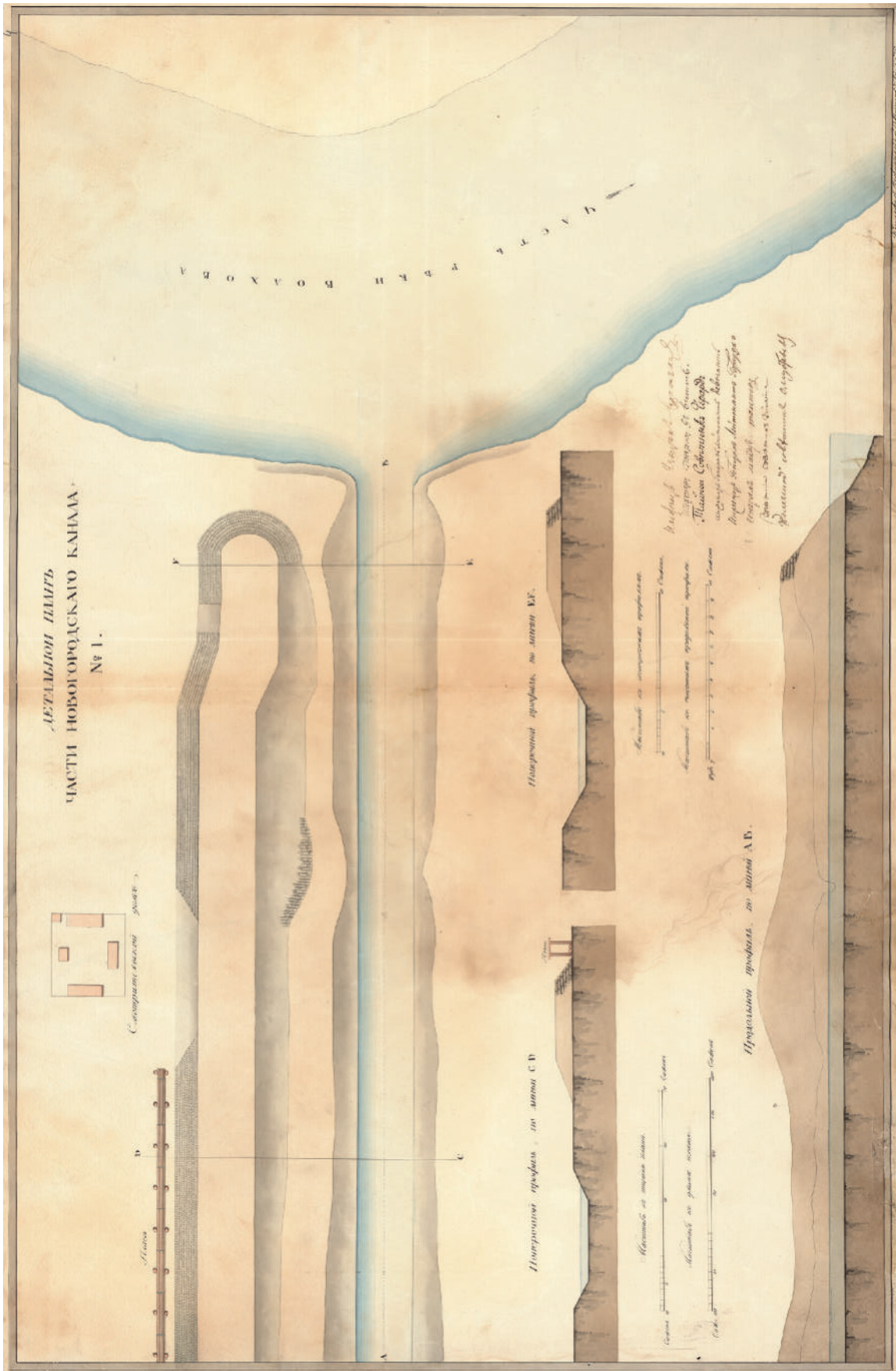

Рис. 5. «Детальный план части Новгородского канала № 1» (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 598. Л. 4)

Fig. 5. Plan of a part of the Novgorod channel (RSHA. A.G. 1487. In. 7. F. 598. Sh. 4)

работы не должны были затронуть памятник. В реальности случилось по-другому, но выявленные архивные документы пока не дают ясности, в какой момент и по какой причине проект изменили и было принято решение о продлении канала по прямой вплоть до берега Волхова через мысовую часть древнего поселения (рис. 4; 5).

Ввод в эксплуатацию и первые ремонты Сиверсова канала

Строительство канала заняло больше времени, чем планировалось, и было завершено только в 1803 г. Современники считали, что включение Сиверсова канала в Вышневолоцкую водную систему принесло положительный экономический эффект. Ежегодно по системе проходило до 4600 судов, грузоподъемность барок постоянно увеличивалась и достигала от двух до пяти тысяч пудов клади на каждую. Строительство канала и в целом сооружение Вышневолоцкой водной системы снизило стоимость перевозки грузов от Рыбинска до Санкт-Петербурга вдвое (Краткий очерк..., 1900. С. 155, 156). В 1804 г. правительствующий Синод по повелению императора издал указ, где новый новгородский канал получил свое современное название и начал именоваться Сиверсовым, дабы увековечить заслуги перед Отечеством «бывшего главного директора водных коммуникаций действительного тайного советника Сиверса, попечением которого сей канал начат» (РГИА. Ф. 796. Оп. 85. Д. 540. Л. 1).

К концу 1820-х гг. использование Вышневолоцкого водного пути достигло своего исторического максимума как по количеству пропускаемых за сезон судов, так и по их грузоподъемности. Одновременно выяснилось, что проведенные наблюдения за динамикой Ильменских и Мстинских вод оказались недостаточными. Первые же годы эксплуатации показали, что дамбы, ограждающие русло Сиверсова канала от вод озер Донец и Печерского, постоянно размываются и требуют ремонта. Кроме того, сам канал стал быстро заливаться, а при высокой весенней воде ограничивающие его русло насыпи полностью скрывались под водой, что затрудняло ориентирование и судоходство. «Корпуса инженеров путей сообщения капитан Сумовский» так описывал условия прохода судов по Сиверсову каналу в весеннее половодье: «Во время разлива весною вода возвышается иногда до того, что, выходя из берегов канала, покрывает окружающие равнины и, посредством оных сливаясь с озером Ильменем, составляет одну поверхность, от чего барки подвергались

опасности во время ветра будучи сносимы в озеро Ильмень» (РГИА. Ф. 206. Оп. 2. Д. 709. Л. 15).

Первый крупный ремонт, основной задачей которого стало повышение береговых валов, был проведен в 1810 г. — менее чем через десять лет после окончания строительства (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 592. Л. 1). Помимо повышения дамб планировалось усилить их откосы фашинами. Важно отметить, что ни бревенчатые конструкции, ни сваи не использовались в процессе ремонта 1810 г. Тогда же был составлен «Генеральный план с продольною и поперечными профилями Сиверсова канала с означением по оному работ»⁷ (*Там же*), где впервые показано, что Сиверсов канал отрезает южную часть городищенского холма и впадает непосредственно в Волхов (рис. 4). Один из разрезов — профиль № 5 — проходит через городищенский холм. На нем максимальная глубина канала — «горизонт воды при снятии промера» — зафиксирована ближе к южному берегу и составляет 4 фута 11 дюймов (около 1,5 м), при этом горизонт весенней воды показан как превышавший этот уровень в 3,5 раза. На том же разрезе северный берег Сиверсова канала в районе с. Городище изображен на 3 м выше южного берега.

Каждый последующий ремонт Сиверсова канала сопровождался вычерчиванием нового плана. Для археологического изучения Рюрикова городища существенный интерес представляет «Детальная план части Новгородского канала № 1». Он относится к одному из первых ремонтов канала и подписан комиссией из восьми представителей (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 598. Л. 4)⁸. Чертеж охватывает участок от берега Волхова на восток, на расстояние около 2 км. На нем обозначена укрепленная фашинами водоограничительная насыпь вдоль всего южного берега канала напротив с. Городище, смотрительский дом с тремя большими и двумя малыми постройками

⁷ План подписан «волховских порохов инженером 2го класса» капитаном Аненковым, «в должности управляющего директора» инженером подполковником кавалером <Заменовым> (неразб.) «декабря 30 дня 1810 года» (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 592. Л. 1).

⁸ Пятеро из них были инженерами и носили генеральский чин, а еще двое — гражданский чин тайного советника, соответствующий чину генерал-лейтенанта: инженер генерал С<...>лов (неразб.), инженер генерал де Витте, тайный советник Герард, инженер генерал-лейтенант Деволант, инженер генерал-лейтенант Герард, генерал-майор Толстов, тайный советник Зимин, коллежский советник Олсуфьев.

к югу от нее (на получившемся острове между дамбой и северным берегом р. М. Волховец). Северный берег канала растушевкой изображен высоким, что, впрочем, не отражено на разрезе⁹. Никаких конструктивных элементов на северном берегу в районе места ведения современных археологических исследований данным планом не зафиксировано (рис. 5).

Исправить ситуацию с размыванием берегов Сиверсова канала никак не удавалось, в половодье они и вовсе исчезали под водой. Ремонты следовали один за другим. В 1825 г. берега канала вновь укреплялись фашинами, а в 1826 г. был составлен проект углубления русла канала от Мсты до озера Печерского. 25 октября 1837 г. Советом путей сообщения и публичных зданий рассматривался проект реконструкции старых и строительства новых водопроводных труб¹⁰ и нового укрепления берегов Сиверсова канала фашинами и фашинными тюфяками¹¹, на бечевнике требовалось «наслать фашиною тонкие места, и вымытые ямы» (РГИА. Ф. 206 Оп. 2. Д. 709. Л. 2об.).

Через полтора года Правление строительного отдела поручает штабс-капитану Чупову разработку проекта и сметы «с пояснительной запискою, на построение перевозного плавучего моста на Сиверсовом канале» (РГИА. Ф. 206. Оп. 2. Д. 883. Л. 1). В пояснительной записке сообщалось: «Сиверсов канал, соединяя реку Мсту с Волховом, отделяет собою землю, лежащую на левой по течению его стороне так, что жители Клопского монастыря и разных деревень, находящихся на этом участке земли, не имеют никакого сухопутного сообщения с Новгородом, лежащим по правую сторону Сиверсова канала, и потому должны сношения свои с ним производить водою, отчего при случающихся часто непогодах и других препятствиях, сопряженных с водяным путем, особливо поднимаясь противу течения

⁹ На разрезе показана «идеальная» картина равных по высоте плоских (спланированных) берегов.

¹⁰ «Употребление деревянных материалов для сокращения издержек, назначено из елового леса, поелику трубы сии сколь бы ни были прочны, а все-таки временные и повреждены быть могут прежде, нежели сгниет лес». Например, ревизия середины 1830-х гг. показывала, что после паводков требуют ремонта, а точнее должны быть вновь построены, шесть труб, от которых остались в лучшем случае только пол и одна или несколько свай (РГИА. Ф. 206. Оп. 2. Д. 709. Л. 2об., 16).

¹¹ Фашинные тюфяки — связки хвороста, уложенные послонно, перпендикулярно друг другу.

по Волхову, при обратном из Новгорода пути, встречаются часто большие препятствия, а иногда и совершенно должны оставить сношения с Новгородом, чрез что претерпевать убытки. В отвращение этих неудобств и предложено между берегами Сиверсова канала устроить Плавучий перевозной мост» длиной в 15 и шириною 2 сажени (*Там же*. Л. 23–23об.)¹².

С небольшими замечаниями все было принято и утверждено 30 июня 1839 г., ассигнования на постройку составили немногим более 2000 руб. (*Там же*. Л. 2). Но уже в 1844 г. потребовался новый проект устройства пристаней из плотов к тому же наплавному мосту на Сиверсовом канале, который был разработан и утвержден в 1846 г. (РГИА. Ф. 1487. Оп. 7. Д. 624. Л. 1). Основная сложность в постройке моста и пристани заключалась в особенностях гидрорежима и резких перепадах уровня воды: «низкий и верхний горизонты воды в канале» давали «разность в две сажени высоты» (РГИА. Ф. 206. Оп. 2. Д. 883. Л. 23об.). Именно это свойство гидрорежима в первую очередь способствовало размыву берегов Сиверсова канала и тем самым, безусловно, оказывало негативное воздействие на сохранность культурного слоя древнего поселения.

Необходимо подчеркнуть, что все вышеперечисленные работы не затрагивали устье Сиверсова канала, и в целом никаких работ в районе Городища до середины 1880-х гг. не проводилось.

Уже через 20 лет после постройки Сиверсова канала Министерству путей сообщения стали очевидны постоянная необходимость, дальнейшая бесперспективность и высокая стоимость его ремонтов. Поэтому в 10 км выше по течению Мсты была начата постройка нового канала для обеспечения бесперебойного функционирования нижнемстинского участка системы и спрямления пути, по которому суда могли попасть в р. Вишеру, а из нее в М. Волховец, правый рукав Волхова. Вишерский канал был построен в 1826–1836 гг. (Гидрографический атлас..., 1832. Л. 12), но уже в 1840 г. начались работы по исправлению и этого канала.

Укрепление северного берега канала в 1887 г.

Состояние берегов Сиверсова канала на протяжении всего XIX в. продолжало оставаться

¹² Точное место расположения моста пока установить не удалось, но с высокой долей уверенности можно предположить, что он связывал сел. Шатерно и Сквородский монастырь.

серьезной проблемой. В 1885 г. разработан очередной проект их укрепления, утвержденный в Министерстве путей сообщения весной 1887 г. (РГИА. Ф. 162. Оп. 2. Д. 282). В пояснительной записке к проекту говорилось: «Берега Сиверсова канала состоят из слабого грунта и ничем не укреплены, вследствие чего при быстром течении, образуемом в канале при пусках вод из мстинских резервуаров, они размываются почти на всем протяжении канала. Наиболее сильному и вредному для местности подмыву подвергается правый берег канала при устье его в р. Волхов около селения Городище, где кроме подмыва течением берег разрушается волнением со стороны р. Волхов и озера Ильмень и весенним ледоходом» (Там же. Л. 9). Как наиболее проблемный отмечен участок правого берега под с. Городище, где «берег укрепляется местными жителями забивкою кольев, укладкой фашин, засыпкою кирпичного мусора и другими временными мерами и где кроме того в грунте берега имеются бревна и сваи от древних построек» (Там же)¹³.

Проект 1885 г. предусматривал «привести берег канала к назначенной профили присыпкою песчаной земли и вымостить сверху оной камнем на мху, расположив основание мостовой на высоте низкого летнего горизонта воды (0,32 сажени по Новгородской рейке) барьерный брус уложенный на круглых сваях и укрепив означенное основание рядом шпунтовых двухаршинных досок, на случай подмыва, так как на назначенном протяжении ледоход разрушительного действия на берег не оказывает, то мостовую полагается расположить непосредственно на подсыпке земли, без подсыпки щебня». Аналогичным образом планировалось укрепить и берег Волхова (Там же. Л. 9–9об.).

Подряд получил новгородский купец Иосиф Ипполитович Свенцицкий, работами руководил его брат, инженер Генрих Свенцицкий. К работам должны были приступить в августе при самом низком горизонте воды в канале и в р. Волхов и окончить к 1 октября 1887 г. По утвержденной смете предполагалось удалить на береговых откосах канала плотного глинистого грунта 42 сажени³, забить 78 свай длиной 1,5 сажени и диаметром 6 вершков, подготовить бревна для устройства барьерного бруса, забить более 440 шпунтовых досок, рассыпать и утрамбовать

на откосах 50 сажени³ земли, замостить камнем по щебеночной подготовке 390 сажени² береговых откосов.

Работы были начаты 18 июля и окончены 28 сентября 1887 г. (Там же. Л. 29). Практически с самого начала подрядчики столкнулись с неожиданными техническими трудностями, о чем немедленно рапортовали в Министерство: «по смете на укрепление правого берега Сиверсова канала при устье его в реку Волохов около селения Городище, утвержденной по журналу правления 17 апреля 1887 года № 55, назначено забивать в день по 12 пог. саж. круглых свай, не снабженных железным башмаками, между тем после забивки свай на протяжении первых 30 сажени строящегося укрепления грунт на дальнейшем протяжении оного оказался в высшей степени плотным и перемешанным с остатками древних деревянных построек, так что означенные по смете уроки для забивки свай оказываются недостаточными и для производства забивки без снабжения свай железными башмаками представляется невозможным» (Там же. Л. 21–21об.). Фактически упоминания «деревянных построек» в архивных документах из дела «об укреплении правого берега Сиверсова канала при с. Городище» являются первой фиксацией наличия на городищенском мысу древних деревянных конструкций.

Остатки разрушенного булыжного замощения 1887 г. и сейчас видны на берегу Волхова к северу от устья Сиверсова канала. При низкой воде остатки мощения — крупные гранитные валуны — и ряд вертикальных еловых свай, забитых с шагом около одной сажени, обнажаются и на северном берегу канала (рис. 6).

Хозяйственная деятельность

в устье Сиверсова канала в конце XIX в.

Еще один невоплощенный проект, от которого остались несколько планов и детальных описаний топографической ситуации около с. Городище на конец XIX в., был обусловлен идеей устройства гавани в устье Сиверсова канала. Спроектированная бесшлюзовая система действовала только в одном направлении, но и она не работала бесперебойно, потому что накопительные резервуары в районе вышневолоцких озер не могли вобрать достаточного количества воды для непрерывного функционирования системы на протяжении всего летне-осеннего периода, поэтому проводка судов осуществлялась караванным методом. В свою очередь это вело к тому, что между проводками устье канала становилось местом стоянки плотов

¹³ На материалы этого архивного дела и имеющиеся в нем сведения о древних конструкциях впервые обратил внимание Е. Н. Носов.

Рис. 6. Остатки свай (показаны стрелками) и участка мощения на берегу Волхова (фото авторов, 2022 г.)

Fig. 6. Remains of a pile (shown by arrows) and a pavement area on the bank of the Volkhov (2022, photo by the authors)

и продажи леса, а также зимовки барж. Начальником Вышневолоцкого округа издавались приказы, запрещающие зимовку судов в канале, так как это портило и без того слабые откосы, засоряло его русло, а в случае аварии грозило полным перекрытием канала и значительными временными и финансовыми затратами на восстановление его работоспособности, однако запреты зачастую игнорировались судовладельцами. Предписанные места зимовки в р. Волховец и у Соснинской пристани их не устраивали неудобством и удаленностью.

В декабре 1888 г. начальник партии по описанию озера Ильмень инженер С. Жван, в течение трех лет изучавший гидрорежим озера и впадающих в него рек, а также условия судоходства, представил в Департамент шоссейных и водных сообщений Министерства путей сообщения прошение судовладельцев и «собственной разработки» проект гавани у Сиверсова канала. Согласно документации, затон для стоянки и зимовки барж должен был иметь ковш, откопка которого

предполагалась на мелководье при истоке р. Шилковки (М. Волховца). Дополнительно от ковша отходил на восток прямоугольник гавани, в которую планировалось превратить небольшой отрезок течения реки, срыв для этого часть ее северного берега практически до ограничительной насыпи (РГИА. Ф. 174. Оп. 2. Д. 72. Л. 14). Проект кроме плана снабжен многочисленными профилями, пояснительной запиской, подробными сметой и расценочной ведомостью. Стоимость работ оценивалась более чем в 56 000 руб. (Там же. Л. 1–16). Для защиты от размывания гавань планировалось оградить дамбой шириной по верху 10 сажень, сооруженной из вынутого при ее откопке грунта. Правление Вышневолоцкого округа, куда проект был отправлен для ознакомления, оценило строительство затона положительно, но при этом выдвинуло собственное предложение об устройстве места зимовки и стоянки барок прямо в Новгороде — в Федоровском ручье, прибавив, что «по заявлению судовладельцев, обложение пошлиною по 1 руб. в месяц с судна было бы не обременительно

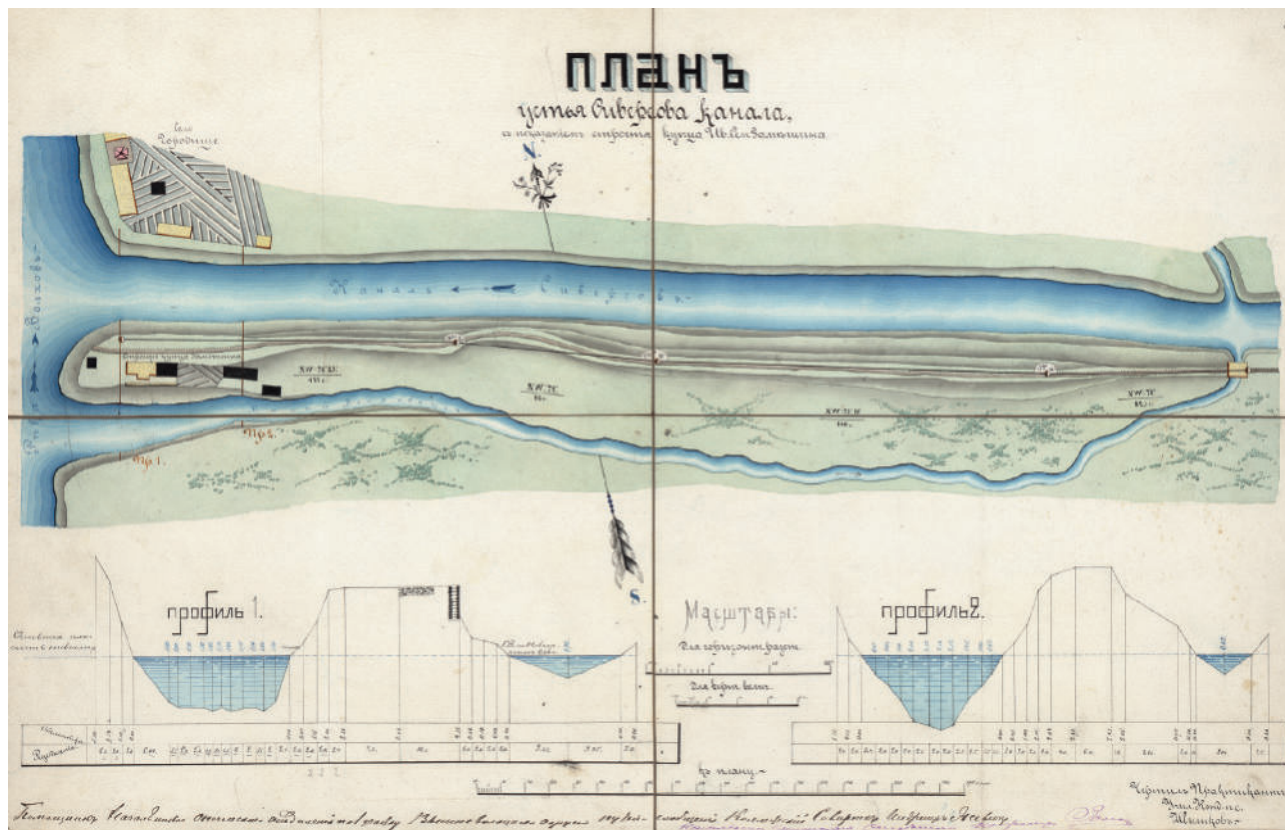

Рис. 7. План устья Сиверсова канала (РГИА. Ф. 190. Оп. 4. Д. 6078. Л. 8)

Fig. 7. Plan of the mouth of the Siversov Channel (RSNA. A.G. 190. In. 4. F. 6078. Sh. 8)

для них» (Там же. Л. 21–24). Идея расчистки Федоровского ручья и устройства в нем стоянки для барж была поддержана Новгородской городской думой, изъявившей готовность финансового участия в проекте в сумму 10 000 руб. при общей стоимости проекта в 207 646 руб.

Оба проекта не были реализованы по финансовым соображениям. В частности проект гавани у Сиверсова канала С. Жвана был отклонен в Министерстве путей сообщения из-за отсутствия «официальных сведений о количестве судов, нуждающихся в гавани для безопасной зимовки и размере сбора с судов, который мог бы быть установлен за пользование гаванью, что не представляет возможным судить об экономической стороне вопроса» (Там же. Л. 25, 26).

Информативный план устья Сиверсова канала в 1890-х гг. обнаружился еще в одном архивном деле из хранения РГИА. Осенью 1893 г. между департаментом шоссежных и водяных дорог Министерства путей сообщения и Удельным ведомством состоялась переписка о судьбе питейного заведения и построек, принадлежащих купцу (в других документах — мещанину) Ивану

Семеновичу Замешину, на которого жаловались жители ближайших к Сиверсову каналу деревень. В устье канала предприимчивый новгородец организовал стоянку барок и плотов на р. М. Волховце, заняв его на всю ширину, устроил на дамбе на острове между каналом и руслом М. Волховца лесную биржу, а на бечевнике, напротив с. Городище, стояло принадлежавшее ему питейное заведение. Согласно рапорту помощника начальника Опеченского отделения по участку Вышневолоцкого округа путей сообщения инженера Ясевича, И. С. Замешин «причинял стеснения рыбной ловле на Сиверсовом канале и Малом Волховце и судоходству» (РГИА. Ф. 190. Оп. 4. Д. 6078. Л. 4, 5), и в результате рассмотрения жалобы Министерство путей сообщения потребовало убрать все незаконные постройки. К делу прилагались два плана местности, в том числе устья Сиверсова канала, с показанием построек, принадлежащих новгородскому мещанину Замешину (рис. 7). В архивных документах отсутствуют сведения о том, было ли реализовано требование Министерства, но стоит отметить, что к началу XX в. Сиверсов канал уже практически утратил свое судоходное значение.

Заключение

Проанализированные проектные чертежи, топографические планы и рукописные документы, связанные со строительными, ремонтными работами и хозяйственной деятельностью на Сиверсовом канале, позволяют сделать ряд важных замечаний об основных этапах изменений исторического ландшафта Рюрикова городища на протяжении XIX в.

Канал замышлялся как максимально дешевое сооружение. Как и вся западная часть Вышневолоцкой водной системы, он предполагал строительство гидротехнических сооружений (шлюзов, дамб, мостов, бейшлотов, труб и т. п.) лишь в крайних случаях. По первоначальному замыслу берега, русло и дно канала вообще не должны были иметь какого-либо укрепления. Трасса прохождения канала проектировалась с максимальным использованием существующих водотоков, его выход в р. Волхов планировался через участок русла р. М. Волховец. Проектные планы свидетельствуют, что руководители строительства знали о существовании древнего поселения на месте с. Городище. Установить причину, по которой проект был изменен и канал

отрезал южную часть городищенского холма, пока не удалось.

Первые же годы эксплуатации выявили существенные конструктивные недостатки — быстрое заиливание русла и размыв берегов, в том числе и участков культурного слоя Рюрикова городища. Исправление ситуации вплоть до последней четверти XIX в. пытались проводить минимальными средствами — прочисткой русла, повышением уровня дамб и облицовкой берегов фашинами. Проведенные в 1887 г. работы по укреплению северного берега канала и участка восточного берега р. Волхов, возможно, способствовали предотвращению или минимизации их размыва. Сохранившиеся от ремонта 1887 г. сваи, давно утратившие горизонтальные связи между собой, и почти вплотную прилегающие к ним остатки мощения того же времени дают возможность утверждать, что за прошедшие более чем сто лет обращенный к Волхову склон городищенского холма не претерпел сколько-нибудь значительных изменений. Северный же берег канала более размывает течением, край каменной облицовки русла отстоит даже от минимального осеннего уровня на расстояние около 3–4 м (рис. 8).

Рис. 8. Остатки свай и мощения на берегу Сиверсова канала к югу от раскопа 2022 г. (фото авторов)

Fig. 8. Remains of piles and paving on the bank of the Siversov Channel to the south from the excavation of 2022 (photo by the authors)

Рис. 9. Одно из дубовых бревен на берегу Сиверсова канала, перекрытое остатками булыжного мощения 1887 г. (фото авторов, лето 2020 г.)

Fig. 9. One of the oaken logs of the bank of the Siverson Channel, covered over with remains of the cobble pavement of 1887 (photo by the authors, summer of 2020)

Документы и планы из хранения РГИА подтверждают критическое отношение Е. Н. Носова к мнению Н. К. Рериха о том, что значительный объем культурного слоя в западной части городищенского холма был смыт Волховом на протяжении XIX в. (Носов, 1990. С. 15), и в то же время показывают, что наибольшему разрушению подвергался южный берег Сиверсова канала.

Согласно исследованиям озероведов, уровень озера Ильмень в прошлом был несколько ниже, нежели в настоящее время (Виноградов и др., 2019. С. 191). С 1929 г. уровенный режим озера определяется не только поступлением вод с водосбора, но и регулируется стоком Волхова, на который оказывает непосредственное влияние Волховская гидроэлектростанция: при уровнях у плотины выше 17 м подпор воды распространяется вплоть до озера Ильмень. Реконструируемый средний уровень воды в озере в XVIII–XIX вв. составлял 17,5 м БС (Там же. С. 209).

При минимальном уровне воды в р. Волхов и Сиверсовом канале на мелководье к западу от раскопа 2021–2022 гг., на отметках, близких к 17,3 м по БС, открываются фрагменты горизонтально или близко к горизонтали лежащих бревен, и есть все основания полагать, что остатки

дерева могут залегать и ниже (рис. 9; 10). Уровень, на котором зафиксированы бревна, и их ориентация не оставляют сомнений в том, что они являются продолжением деревянных конструкций, открытых археологическими раскопками Новгородской областной экспедиции (Хвоцинская, 2021). Дополнительным подтверждением этому служит определение породы дерева (дуб) одного из расчищенных вне пределов раскопа бревен и датировка спила с него, выполненная О. А. Тарабардиной¹⁴ (Там же. С. 119).

Современный канал имеет ширину под Рюриковым городищем около 70 м, глубину — около 2,5 м и довольно быстрое постоянное течение, скорость которого согласно картам Топографического управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР равна скорости течения р. Волхов — 0,3 км/ч. И если ширина канала могла увеличиться за счет ежегодного размыва берегов, то изменение его глубины более чем на 1 м

¹⁴ Датировка в пределах третьей четверти IX в. была озвучена О. А. Тарабардиной в устном сообщении на конференции «Новгород и новгородская земля. История и археология» в 2022 г. Материалы готовятся к публикации.

Рис. 10. Наложение тахеометрической съемки участка берега Сиверсова канала и р. Волхов на ортофотоснимок (*а* — участки сохранившегося мощения; *б* — сваи; *в* — фрагменты горизонтально лежащих бревен; *г* — урез воды на день съемки; *д* — край раскопа; *е* — обрыв берега) (фото С. Е. Торопова, лето 2020 г.)

Fig. 10. Superposition of a tachymetric survey of an area of the bank of the Siverson Channel and Volkhov River upon an orthophotograph (photo by S. E. Toropov, summer of 2020): *a* — areas of the preserved paving; *б* — piles; *в* — fragments of horizontal logs; *г* — water line on the day of shooting; *д* — the edge of the excavation; *е* — coast break)

и появление постоянного сильного течения не могут быть объяснены естественными причинами. Еще предстоит выяснить, в какой момент канал был реконструирован и углублен в течение XX в., но в листах использования всех просмотренных архивных дел по проектированию и строительству Сиверсова канала сохранились росписи сотрудника Новгородского территориального участка МРФ (Минречфлота?), датированные 1955 г. (примечательно, что цель работы

с документами описана как «модернизации» канала).

Можно предположить, что работы по модернизации Сиверсова канала проводились после преобразования центральной и восточной частей Вышневолоцкой водной системы 1943–1947 гг., в ходе которого был построен Ново-Тверецкий канал между Вышневолоцким водохранилищем и р. Тверцой и подняты дамбы водохранилища.

РГИА. Ф. 162. Оп. 2. Д. 282: Дело по укреплению правого берега Сиверсова канала при с. Городище. 31 л.; Ф. 174. Оп. 2. Д. 72: Дело об устройстве гавани на р. Волхов у Сиверсова канала (по докладной записке Нач. партии по описанию озера Ильмень, от 17 декабря № 181). 26 л.; Ф. 190. Оп. 4. Д. 6078: О препятствиях, причиняемых мещанином Замешинным рыбной ловле и судоходству по Сиверсову каналу и р. Волхов начато 20 октября 1893 г. Решено 14 июня 1894 г. Дело Технического отдела Департамента шоссейных и водяных сообщений Министерства путей сообщения II Отделения. 14 л.; Ф. 206. Оп. 2. Д. 709: Гидротехнические сооружения. Департамент Главного управления путей сообщения и публичных зданий. Со сметой на исправление весен-

них повреждений по бечевнику Сиверсова канала; и о распоряжениях по производству работ по сему бечевнику 1837–1839 гг. 67 л.; Ф. 206. Оп. 2. Д. 883: Дело со сметой на построение плавучего моста на Сиверсовом канале, тут же и заготовлении потребностей. 41 л.; Ф. 796. Оп. 85. Д. 540: По велению Сената о именовании проведенного из реки Мсты в Волхов канала Сиверсом. 2 л.; Ф. 1487. Оп. 7. Д. 592: Генеральный план канала с показанием направлений его берегов, прорывов по дамбам и чистки мелких мест в озерах. 1810–1836 гг. 8 л.; Ф. 1487. Оп. 7. Д. 593: Идеальный план канала с показанием части оз. Ильменя, рек Волхова, Волховца и Мсты. 1812 г. 1 л.; Ф. 1487. Оп. 7. Д. 597: Новгородский канал. План местоположения, поперечные и

- продольные профили. 7 л.; Ф. 1487. Оп. 7. Д. 598: Детальный план части Новгородского канала. 7 л.; Ф. 1487. Оп. 7. Д. 599: Устье Новгородского канала при реке Мсте. План. 2 л.; Ф. 1487. Оп. 7. Д. 604: План канала из р. Мсты в р. Малый Волховец. 4 л.; Ф. 1487. Оп. 7. Д. 624: Проект постройки пристани из плотов к мосту на канале. Фасад, план, профили. 1 л.
- Виноградов и др.*, 2019 — *Виноградов А. Ю., Обязов В. А., Субетто Д. А., Кадацкая М. М., Виноградов И. А.* Уровненный режим озера Ильмень // Гидросфера. Опасные процессы и явления. 2019. Т. 1, вып. 2. С. 190–218.
- Зеге*, 1834 — *Зеге Ф.* Практическое руководство к производству из фашин разного рода сооружений, служащих для сохранения берегов от вредного действия струи и для улучшения ложбины рек, в пользу судоходства. СПб.: Тип. Главного управления путей сообщения и публичных зданий, 1834. 238, 17 с., 7 л. черт.; 23.
- Гидрографический атлас...*, 1832 — *Гидрографический атлас Российской Империи, составленный при Гл. Упр. путей сообщения.* СПб.: б. и., 1832. 59 л.
- Краткий очерк...*, 1900 — *Краткий исторический очерк развития водных и сухопутных сообщений и торговых портов в России.* СПб.: Тип. М.П.С. (Т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1900. 372 с.
- Маркина*, 2000 — *Маркина Г. К.* Строительство железнодорожной магистрали Петроград — Царское Село — Новгород и борьба за сохранение новгородских памятников старины // Новгородский исторический сборник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. Вып. 8 (18): 800-летию Нередицы посвящается. С. 331–363.
- Медведева*, 2013 — *Медведева М. В.* Археологический надзор при строительстве железнодорожной насыпи к югу от Новгорода в 1916–1917 гг. Хроника событий. Взгляд со стороны Императорской Археологической Комиссии // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2013. Вып. 27. С. 342–349.
- Нарбут*, 2006 — *Нарбут А.* Сиверс Яков Ефимович // Немцы России (энциклопедия) / Председ. редкол. О. Кубицкая. М.: Общественная Академия наук российских немцев, 2006. Т. 3: П–Я. С. 439.
- Носов*, 1990 — *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 212 с.
- Носов и др.*, 2012 — *Носов Е. Н., Хвоцинская Н. В., Медведева М. В.* Новгородская Русь: Рождение державы. Свидетельства из глубины столетий. СПб.: ЛИК, 2012. 224 с.
- Носов и др.*, 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвоцинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLIX). 288 с.
- Хвоцинская*, 2021 — *Хвоцинская Н. В.* Укрепления Рюрикова городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий // АВ. 2021. Вып. 33. С. 107–120.

Novgorod fortified site (Ryurik Gorodishche) and Siversov Channel

M. V. Medvedeva, V. Yu. Sobolev¹⁵

Keywords: Rurik settlement, cultural layer, wooden structures, Siversov Canal, canal construction history, canal repair, archeology, topography, archival documents.

The historically established landscape of the Novgorod fortified site (Ryurik Gorodishche) and its surroundings was essentially disturbed by the construction of the Siversov Channel at the boundary between the 18th and 19th cen. and building of the railway bank in the years of the World War I. Owing to analysis of an assemblage of recently discovered archive documents, it has proved possible to trace the extent of the influence of the works concerned with the construction and exploitation of the Siversov Channel on the topography of a unique mediaeval settlement (Ryurik Gorodishche). The initial plan of the channel did not stipulate its bed to run over the southern section of the Gorodishche hill. The reasons for changing of the project causing disturbance of the most of the cultural layer of this archaeological site still remain unknown. During the 19th cen., the banks of the channel suffered numerous washouts and repairs. The most considerable strengthening of the northern bank took place in 1887 and its traces (remains of piles and granite facing) are discernible until now. It is then that the first mention of the presence of ancient structures in the layer on the northern bank of the Siversov Channel appeared in the documents. The remains of wood which are exposed along the edge of the water at its greatest retreat are not related with the repairing works on the channel but originate from the ancient fortifications uncovered by excavations of the Novgorod Archaeological Expedition.

¹⁵ Maria V. Medvedeva — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences; 18 Dvortsovaja nab., St. Petersburg, 191186, Russia; e-mail: marriyam@mail.ru. Vyacheslav Yu. Sobolev — Institute for the History, St. Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia; e-mail: vlad.sobolev@gmail.com.

Список сокращений

- АВ — Археологические вести. Санкт-Петербург
- АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова. Москва, Псков
- АН — Академия наук
- АО — Археологические открытия. Москва
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград, Санкт-Петербург
- БС — Балтийская система координат
- ВДИ — Вестник древней истории
- ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
- ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
- ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ГК — Государственный каталог
- ГМИ СПб — Государственный музей истории Санкт-Петербурга
- ГЭ — Государственный Эрмитаж
- ЗИИМК — Записки Института истории материальной культуры. Санкт-Петербург
- ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
- ИА — Институт археологии
- ИАК — Императорская археологическая комиссия
- ИАЭ — Институт антропологии и этнографии
- ИИАК — Известия Императорской археологической комиссии
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург
- ИОЛЕАЭ — Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии
- ИПИН — Институт по изучению народов СССР

КарНЦ	—	Карельский научный центр
КМЗ	—	Костромской музей-заповедник
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук. Москва
ЛГУ	—	Ленинградский государственный университет
ЛИФЛИ	—	Ленинградский институт философии, лингвистики и истории
ЛОАЭ ИИМК РАН	—	Ленинградская областная археологическая экспедиция Института истории материальной культуры Российской академии наук
ЛОИА	—	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАР	—	Материалы по археологии России
МАЭ РАН	—	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МГТУ	—	Мурманский государственный технический университет
МГУ	—	Московский государственный университет
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва
МОМ. НВФ. ПИД	—	Мурманский областной музей. Научно-вспомогательный фонд. Письма и документы
МПС	—	Министерство путей сообщения
НА ИИМК РАН. РО	—	Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук. Рукописный отдел
НГОМЗ	—	Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НКВД		Наркомат внутренних дел
НМЗ		Новгородский музей-заповедник
ННЗИА		Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород
НОА ИА РАН		Научно-отраслевой архив Института археологии Российской академии наук
НЦ	—	научный центр
НЭБ	—	Национальная электронная библиотека
ОАВЕС	—	Отдел археологии Восточной Европы и Сибири
ОГИЗ	—	Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОГПУ	—	органы Главного политического управления
ПГОИАиХМЗ	—	Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ПКМ	—	Пермский краеведческий музей
ППГПУ	—	Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
РА	—	Российская археология. Москва

- РГБ — Российская государственная библиотека
- РГИА — Российский государственный исторический архив
- РГПУ — Российский государственный педагогический университет
- РИАМЗ — Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
- РНФ — Российский научный фонд
- СА — Советская археология
- САИ — Свод археологических источников. Москва, Ленинград
- Сб. ст. — сборник статей
- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
- СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
- ТАС — Тверской археологический сборник
- ТГОМ — Тверской государственный объединенный музей
- ТГУ — Томский государственный университет
- УрО РАН — Уральское отделение Российской академии наук
- ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
- ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
- ЧК — Чрезвычайная комиссия
- ЯГИАХМЗ — Ярославский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
- FA — Fennoscandia Archaeologica
- RSNA — Russian State Historical Archive
- SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki

Научное издание

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 39

Главный редактор: Н. В. Хвоцинская
Корректор: О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, каб. 303
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-36836 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ299 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 15.05.2023. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 41,5. Тираж 300 экз. Заказ 516.
Дата выхода: 29 мая 2023 года

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

Archaeological news

— 39 —

